

ДИАНА ГЭБЛДОН

ДЫХАНИЕ СНЕГА И ПЕПЛА

КНИГА 1

НАКАНУНЕ
ВОЙНЫ

СМОТРИТЕ
СЕРИАЛ –
ЧИТАЙТЕ
КНИГУ!

Annotation

Сага о великой любви Клэр Рэндол и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Ради такой любви стоит жить и рисковать жизнью. 1773 год. Улицы Бостона заполнены протестующими, а в лесной глуши Северной Каролины горят хижины одиноких поселенцев – это первые тревожные вестники приближающейся американской революции. В этом хаосе губернатор призывает Джейми Фрэзера объединить людей для защиты английской колонии и сохранения власти короля. От своей жены Клэр Джейми знает, что через два года случится непоправимое и тот, кто останется верен королю, будет либо мертв, либо отправлен в изгнание. Но, несмотря ни на что, Клэр с Джейми вновь надеются, что их семья, которая не знает границ времени, сможет изменить свое будущее.

- [Диана Гэблдон](#)
  -
  - [Книга 1](#)
    -
    - [Пролог](#)
    - [Часть первая](#)
      - [Глава 1](#)
      - [Глава 2](#)
      - [Глава 3](#)
      - [Глава 4](#)
      - [Глава 5](#)
      - [Глава 6](#)
      - [Глава 7](#)
    - [Часть вторая](#)
      - [Глава 8](#)
      - [Глава 9](#)
      - [Глава 10](#)
      - [Глава 11](#)
      - [Глава 12](#)
      - [Глава 13](#)
      - [Глава 14](#)
      - [Глава 15](#)

- [Часть третья](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
- [Часть четвертая](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
- [Часть пятая](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
- [Часть шестая](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Глава 41](#)
  - [Глава 42](#)
  - [Глава 43](#)
  - [Глава 44](#)
  - [Глава 45](#)
  - [Глава 46](#)
  - [Глава 47](#)
  - [Глава 48](#)
  - [Глава 49](#)
  - [Глава 50](#)
  - [Глава 51](#)

■ [Глава 52](#)

● [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)

- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)

- [77](#)
  - [78](#)
  - [79](#)
  - [80](#)
  - [81](#)
  - [82](#)
  - [83](#)
  - [84](#)
  - [85](#)
  - [86](#)
  - [87](#)
  - [88](#)
  - [89](#)
  - [90](#)
  - [91](#)
  - [92](#)
  - [93](#)
  - [94](#)
  - [95](#)
  - [96](#)
  - [97](#)
  - [98](#)
  - [99](#)
  - [100](#)
  - [101](#)
  - [102](#)
  - [103](#)
  - [104](#)
  - [105](#)
  - [106](#)
  - [107](#)
  - [108](#)
  - [109](#)
  - [110](#)
  - [111](#)
  - [112](#)
-

Диана Гэблдон

Дыхание снега и пепла

Роман

Diana Gabaldon
A Breath of Snow and Ashes

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2005 by Diana Gabaldon
© Черташ А., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство „Э“», 2017

Книга 1

Накануне войны

*Книга посвящается
Чарльзу Диккенсу
Роберту Льюису Стивенсону
Дороти Сэйерс
Джону Данну Макдональду
И
П. Г. Вудхаусу*

Пролог

Время. Люди говорят о времени множество вещей, которые они говорят о Боге. Здесь всегда есть некое предсуществование и нет конца. В этом слове звучит безграничное могущество – ибо ничто не может противостоять времени. Ни горы, ни армии.

И конечно, время лечит. Дайте чему угодно достаточно времени, и время обо всем позаботится: боль утихнет, невзгоды исчезнут, потери уйдут в прошлое.

Земля к земле, пепел к пеплу, прах к праху. В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не уйдешь в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься.

И если Время – это Бог, то, полагаю, Память не что иное, как Дьявол.

Часть первая

Слухи о войне

Глава 1

Прерванный разговор

Собака почуяла их первой. Было темно, поэтому Йен Мюррей скорее почувствовал, чем увидел, как Ролло внезапно поднял голову возле его бедра и наострил уши. Мужчина положил руку на шею псу и ощутил, как собачья шерсть от напряжения встала дыбом. Они с Ролло хорошо знали друг друга, поэтому Йен, даже не произнося «люди», опустил вторую руку на нож у пояса и остался неподвижно лежать. Он прислушивался.

В лесу было спокойно. До рассвета оставалось несколько часов, и воздух был неподвижен, как в церкви. От земли, будто дым от ладана, медленно поднимался влажный туман. Йен устроился на ночлег на стволе поваленного желтого тополя, предпочтя компанию мокриц просачивающейся повсюду земной сырости. В ожидании он по-прежнему держал собаку за шею.

Ролло зарычал, это был низкий непрекращающийся утробный гул, который Йен почти не слышал, но легко чувствовал – вибрация поднималась вверх по руке, натягивая каждый нерв до предела. До этого Йен не спал – теперь он редко спал по ночам, – он тихо смотрел на купол неба, поглощенный своим всегдашним спором с Богом. Тишина исчезла, когда Ролло зашевелился. Мужчина медленно приподнялся и свесил ноги со сгнившего наполовину ствола, сердце забилось быстрее.

Поведение Ролло не изменилось, но он повернул свою крупную голову, следя за чем-то невидимым. Ночь была безлунной, Йен мог разглядеть только неясные силуэты деревьев и движущиеся ночные тени, но больше не видел ничего. А потом он услышал их, услышал, как они идут. Звук был довольно далеким, но быстро приближался. Йен поднялся и мягко ступил в густую темноту под пихтой. Щелчок языком, и Ролло, прекратив рычать, последовал за хозяином – беззвучно, как его волк-отец.

С места, где Йен остановился на ночлег, была видна звериная тропа, но люди, которые по ней шли, не были охотниками. Белые мужчины. Это было странно и даже чуть более, чем просто странно. Он не видел их, но в этом не было необходимости: звуки, которые они производили, нельзя было

ни с чем спутать. Индейцы в пути были беззвучными, а многие шотландские горцы, среди которых он жил, могли передвигаться по лесу подобно призракам, однако он не сомневался в источнике шума. Металл, вот что это было. Он улавливал звон сбруи, звяканье пряжек и пуговиц и, главное, стук пороховых бочек.

Людей было много. И они были близко, так близко, что он почувствовал их запах. Йен наклонился чуть вперед и глубоко вдохнул, чтобы использовать все подсказки.

Они несли с собой шкуры: он разобрал запах засохшей крови и меха, который, по всей вероятности, и насторожил Ролло. Однако эти люди не были теми, кто расставлял силки, – их слишком много. Звероловы же обычно передвигались в одиночку или по двое.

Бедные люди, грязные люди. Не охотники. Найти добычу в это время года было легко, но они пахли голодом. А их пот отдавал плохой выпивкой.

Теперь они шли совсем рядом, может, в десяти футах от того места, где он стоял. Ролло издал тихий ворчащий рык, и Йен снова сжал его загривок, но люди производили слишком много шума, чтобы что-то услышать. Он считал шаги, прислушивался к стуку повозок и коробок с боеприпасами, различал ворчание из-за стоптанных ног и вздохи усталости.

Двадцать три человека, заключил он, и еще мул – нет, два мула: он разобрал скрип нагруженных корзин с припасами и жалобное тяжелое дыхание на грани истощения, какое обычно издает навьюченное животное.

Люди никогда не заметили бы его, но какое-то движение воздуха донесло до мулов запах Ролло. Оглушительный рев сотряс темноту, и лес перед Йеном взорвался треском веток и удивленными криками. Когда позади раздались выстрелы, Йен уже бежал.

– О Дхиа! – вскрикнул он на гэльском, когда что-то ударило его сзади по голове, и он во весь рост растянулся на земле. Его убили? Нет, Ролло терся мокрым носом о его ухо. Голова гудела, будто улей, перед глазами плясали белые огоньки.

– Беги! Руит! – задыхаясь, шептал он, толкая собаку. – Убегай! Сейчас!

Пес нерешительно стоял рядом, жалобно и низко скуля. Он то бросался вперед, то возвращался назад, не в силах покинуть хозяина.

– Руит!

Мужчина поднялся на колени и уперся руками в землю, продолжая отталкивать пса. Ролло наконец подчинился и побежал, как его учили. Даже если бы Йен смог встать на ноги, самому ему уже не удалось бы скрыться. Он упал лицом вниз, погрузив ноги и руки как можно глубже в палую

листву, и начал бешено извиваться, пытаясь целиком укрыться в ней. Нога преследователя опустилась прямо между его лопаток, но сырые листья заглушили резкий вздох. Это неважно, все равно слишком много шума. Кто бы ни наступил на него, человек этого не заметил. Раздался звук скользящего удара, когда незнакомец в панике споткнулся, очевидно, приняв его за часть сгнившего дерева.

Стрельба стихла, но крики продолжались, однако слов было не разобрать. Йен знал, что лежит ничком в лесу, ощущал холодную влагу на щеках, чувствовал в носу острый запах гнилых листьев. Ему казалось, что он очень пьян, окружающий мир медленно вращался вокруг. После первого сильного удара он почти не чувствовал боли, но почему-то не мог поднять голову. Он смутно подумал, что если умрет здесь, никто об этом не узнает. Его мать расстроится, если не будет знать, что с ним случилось.

Голоса стали тише, спокойнее. Кто-то все еще кричал, но это было больше похоже на команды. Они уходили. Откуда-то издалека пришла мысль о том, что он мог бы позвать на помощь. Если бы они узнали, что он белый, то могли бы помочь. Или нет.

Он остался лежать беззвучно и неподвижно. Либо он умирает, либо нет. Если первое, то его нельзя спасти. Если же второе, то помощь и не требуется.

«Что ж... Ведь я просил, так? – подумал он спокойно, возобновляя свою беседу с Богом, как если бы по-прежнему отдыхал на стволе желтого тополя, глядя в бесконечное небо над головой. – Знак, сказал я. Но я не ожидал, что Ты пошлешь мне его так скоро».

Глава 2

Голландская хижина

Март 1773 года

Никто не знал, что там была хижина, пока Кенни Линдси не заметил огни по пути к Риджу.

– Я ничего не увидел бы, – сказал он, наверное, в шестой раз, – если бы не сумерки. Будь это день, никогда бы не узнал об этом. Никогда. – Парень вытер лицо дрожащей рукой, не в силах отвести взгляд от ряда тел, что лежали на опушке леса. – Это были дикари, Мас Dubh^{[\[1\]](#)}? Скальпы не сняты, но может...

– Нет. – Джейми накрыл посиневшее лицо маленькой девочки измазанным в саже платком. – Никто из них не ранен. Ты уверен, что больше ничего не видел, когда вытаскивал тела наружу?

Прикрыв глаза, Линдси покачал головой, его била заметная дрожь. Это был послеобеденный час прохладного весеннего дня, но пот струился по телу.

– Я не смотрел, – ответил он просто.

Мои руки были холодны как лед – такие же онемевшие и бесчувственные, как резиноподобная плоть мертвой женщины, которую я осматривала. Они были мертвы дольше суток: трупное окоченение уже прошло, сделав плоть холодной и обмякшей. Весной в горах было морозно, и это на время уберегло тела от более неприятных признаков разложения. И все же я дышала часто и неглубоко, в воздухе висел запах пожарища. От почерневшего остова крошечной хижины то и дело поднимались струйки дыма. Краем глаза я заметила, как Роджер пнул лежащее рядом бревно, а потом наклонился и поднял то, что лежало под ним.

Кенни постучался в дверь задолго до рассвета, вынудив нас покинуть теплую постель. Мы добирались в спешке, хотя знали, что уже ничем не сможем помочь этим людям. Некоторые жители с ферм на Ридже Фрэзера присоединились к нам: Юэн, брат Кенни, стоял рядом с Фергусом и Ронни Синклером. Они приглушенно переговаривались на гэльском под деревьями.

– Знаешь, что с ними произошло? – Джейми присел рядом со мной с озабоченным видом. – Я имею в виду всех остальных? Что случилось с этой бедной женщиной, и так ясно. – Он кивнул на лежащий перед ним труп.

Ветер трепал края юбки погибшей, слегка обнажая длинные изящные ноги, обутые в кожаные башмаки. Пара таких же длинных рук неподвижно лежала по бокам. Она была высокой, но не выше Брианны. Подумав об этом, я инстинктивно посмотрела в сторону опушки, где среди ветвей мелькали яркие волосы моей дочери. Я сняла с тела передник и накрыла им голову и торс. Руки погибшей были красными, с огрубевшими от работы костяшками пальцев, с мозолистыми ладонями, однако, судя по упругости бедер и стройности силуэта, ей было не больше тридцати – скорее всего она была даже моложе. Никто не смог бы теперь сказать, была ли она красивой.

Я покачала головой в ответ на замечание Джейми.

– Не думаю, что огонь стал причиной ее смерти. Посмотри, ноги целиком остались нетронутыми. Возможно, она упала в очаг. Волосы

загорелись, а потом пламя перекинулось на платье. Она должна была лежать очень близко к дымоходу, чтобы искры попали на нее. Пламя занялось, и через некоторое время горела уже вся эта чертова хижина.

Джейми медленно кивнул, не отводя глаз от мертвой.

– Да, похоже на правду. Но тогда что их убило? Другие чуть опалены, но никто не обгорел, как она. Однако все, видимо, были мертвы еще до того, как хижина загорелась, иначе попытались бы выбраться наружу. Может, это была какая-то смертельная болезнь?

– Не думаю. Дай-ка мне еще раз взглянуть на остальных.

Я медленно прошла вдоль ряда неподвижных тел, останавливаясь возле каждого, чтобы заглянуть под сделанные на скорую руку саваны, что скрывали их лица. Существовало бесконечное число болезней, которые в эти времена могли очень быстро повлечь за собой смертельный исход. Отсутствие антибиотиков и возможности ввести в организм жидкость другими способами, кроме орального и ректального, делали свое дело: обычная диарея могла убить за сутки.

Мне приходилось видеть такие вещи довольно часто, их было легко распознать. Любой доктор справится с диагнозом, а у меня за плечами было более двадцати лет практики. Я то и дело сталкивалась в этом веке со случаями, которых не встречала в своем времени, – в особенности это касалось ужасных паразитарных заболеваний, которые в Новый Свет приносили рабы, привезенные из тропиков. Однако не было такого паразита или известных мне инфекций, которые могли бы оставить подобные следы на жертвах.

Все тела – сгоревшая женщина, старуха и трое детей – были найдены внутри пылающей хижины. Кенни вытащил их наружу буквально за секунды до того, как обрушилась крыша, а потом сразу отправился за помощью. Все были мертвы до того, как начался пожар; несчастные, по-видимому, скончались примерно в одно и то же время, поскольку, надо полагать, огонь перекинулся на дом вскоре после того, как женщина замертво упала в очаг.

Погибших аккуратно уложили рядом друг с другом под ветвями огромной красной ели, мужчины уже начали копать могилу неподалеку. Брианна стояла возле тела девочки, склонив голову. Я подошла и присела на колени возле маленькой жертвы, она опустилась около нее с другой стороны.

– Что это было? – спросила она тихо. – Яд?

Я удивленно посмотрела на нее.

– Думаю, что так. Как ты догадалась?

Брианна кивнула на посиневшее лицо ребенка и попыталась прикрыть ему глаза, но они вылезли из орбит, и веки не опускались, придавая мертвому взгляду выражение ужаса. Приятные детские черты были искажены предсмертной агонией, в уголках рта остались следы рвоты.

– Справочник герлскаута, – ответила Брианна. Она обернулась на мужчин, но все они были слишком далеко, чтобы услышать наш разговор. Уголок ее рта дернулся в горькой усмешке, и она отвела взгляд от тела, вытянув перед собой раскрытую ладонь. – «Никогда не ешьте странных грибов. Существует множество ядовитых видов, распознать которые может только специалист», – процитировала дочь. – Роджер нашел небольшую грибницу рядом с тем бревном.

Влажные, мясистые шляпки, бледно-коричневые с небольшими белесыми наростами, открытые тонкие пластинки со спорами, хрупкие ножки – такие бледные, что в густой еловой тени кажутся почти флуоресцентными. Их уютная, спокойная землистость скрывала затаившуюся внутри смертельную опасность.

– Пантерный мухомор, – сказала я скорее себе, чем ей, и осторожно взяла один гриб с ее ладони. – Или *Agaricus pantherinus*, как он будет называться, когда у кого-нибудь дойдут руки до того, чтобы их классифицировать. «Пантеринус», потому что они убивают быстро, как эта большая кошка.

Я увидела, как мурашки побежали по руке Брианны, поднимая дыбом золотисто-рыжие волоски. Она развернула ладонь вниз и высыпала смертельные грибы на землю.

– Кто в здравом уме станет есть мухоморы? – спросила она, вытирая руку об юбку с легким содроганием.

– Люди, которые не знают, что они ядовиты. Или люди, которые голодают, – ответила я мягко.

Я подняла руку ребенка и провела по тонким костям предплечья. Маленький живот выдавал признаки вздутия, но нельзя было сказать наверняка, чем оно вызвано – недоеданием или посмертными изменениями. Ключицы, однако, выдавались вперед и были заострены, как лезвия серпа. Все тела были худыми, но не до состояния истощенности.

Я посмотрела вверх, на глубокие синие тени гор, возвышающихся над хижинкой. Слишком рано для урожаев, но в лесу полно еды для тех, кто знает, где искать.

Джейми подошел и присел рядом со мной, ласково положив руку мне на спину. Несмотря на холод, струйка пота бежала по его шее, а густые медные волосы потемнели от влаги на висках.

– Могила готова, – сказал он приглушенно, как будто боялся потревожить ребенка. – Это то, что убило девочку? – Джейми кивнул на разбросанные рядом грибы.

– Думаю, что да. Ее и всех остальных. Вы осмотрели окрестности? Кто-нибудь знает, кто они такие?

Он покачал головой.

– Точно не англичане: не та одежда. Немцы наверняка ушли бы в Салем: они любят общины и не склонны оседать поодиночке. Они могли быть голландцами. – Он кивком указал на резные деревянные башмаки, в которые была обута старая женщина, потрескавшиеся и затертые от долгого использования. – Не осталось ни книг, ни записей, если они вообще были. Ничего, что могло бы подсказать нам их имена. Но...

– Они прожили здесь недолго.

Низкий, надтреснутый голос заставил меня посмотреть вверх. Это был Роджер, он присел рядом с Брианной и указывал в сторону обгоревших останков хижины. Рядом был размечен небольшой участок под огород, но несколько растений, которые виднелись там, едва проклюнулись из земли, нежные листочки уже завяли и почернели от поздних морозов. Здесь не было ни хозяйственных построек, ни скота.

– Новые эмигранты, – сказал Роджер мягко. – Они приехали сюда не по контракту, это была семья. Они также не привыкли к тяжелому труду на свежем воздухе, у женщин руки в шрамах и свежих мозолях.

Его собственная широкая ладонь опустилась на колено, и он полубессознательно потер домотканую материю, из которой были сшиты брюки. Руки Роджера были сейчас такими же огрубевшими, как руки Джейми, но когда-то он обладал нежной кожей книжника и школяра. Мужчина знал, с какой болью приходит закалка.

– Интересно, остался ли у них кто-нибудь в Европе, – пробормотала Брианна. Она откинула светлые волосы со лба девочки и снова накрыла ее лицо тканью. Я видела, как дернулось ее горло, когда она сглотнула. – Они никогда не узнают, что с ними случилось.

– Не узнают. – Джейми резко поднялся. – Говорят, Бог любит дураков, но, думаю, даже Всемогущий время от времени теряет терпение. – Он отвернулся и пошел к Линдсею и Синклеру.

– Ищите мужчину, – сказал он Синклеру.

Все головы повернулись в его сторону.

– Мужчину? – переспросил Роджер, а затем вдруг начал внимательно рассматривать обгоревшие останки хижины, лицо его осветилось догадкой. – Конечно – того, кто построил для них жилище.

– Женщины могли сами это сделать, – заметила Брианна, выпятив подбородок.

– Ты могла, это да, – сказал он, бросив косой взгляд на жену, и губы его изогнулись в лукавой усмешке.

Брианна походила на Джейми не только цветом волос, даже без обуви рост девушки достигал шести футов, и она была так же стройно и крепко сложена, как отец.

– Может, они и могли, но не сделали этого, – коротко резюмировал Джейми. Он кивнул на обнажившееся нутро хижины, где несколько предметов мебели все еще удерживали свои хрупкие формы. Пока я смотрела туда, с гор подул вечерний ветер, омывая руины, и черный силуэт стула беззвучно рассыпался в пыль, клубы сажи и пепла призрачно взорвались над самой землей.

– Что ты хочешь этим сказать? – Я поднялась на ноги и задвигалась рядом с ним, разглядывая дом. Внутри не осталось почти ничего, хотя дымоход по-прежнему удерживал свои позиции, искореженные огнем остатки стен стояли на месте. Бревна, из которых они были сложены, местами обвалились, напоминая обугленных идолов.

– Здесь нет металла, – сказал Джейми, указывая на почерневший очаг, где лежал изувеченный, расколовшийся надвое от высокой температуры котел, чье содержимое давно испарилось. – Никакой крупной посуды, кроме этого – а эта штука слишком тяжелая, чтобы можно было унести с собой. Ни инструментов, ни ножа, ни топора. Понимаете, у того, кто это построил, не могло не быть этих вещей.

Он был прав: бревна не были обструганы, но отрубы и пазы явно были вырублены при помощи топора.

Нахмурившись, Роджер подобрал длинную еловую ветку и принялся ворошить кучи пепла и обгоревших обломков, чтобы убедиться в правильности предположения Джейми. Кенни Линдси и Синклер не стали беспокоиться на этот счет: Джейми сказал искать мужчину, и они без колебаний отправились исполнять поручение, бесшумно исчезнув в вечернем лесу. Фергус отправился с ними. Юэн Линдсей, его брат Мурдо и Макгилливрей уже начали собирать камни для каирна^[2] – тягостная повинность.

– Если здесь был мужчина, значит, он их бросил? – тихо пробормотала Брианна в мою сторону, переводя взгляд с отца на ряд лежащих тел. – Может, эта женщина решила, что они не выживут в одиночку? И потому лишила жизни себя и остальных – чтобы избежать мучительной и долгой смерти от холода и голода?

– Бросил их и забрал с собой все инструменты? Боже, надеюсь, это не так. – При этой мысли я перекрестилась, однако засомневалась в правдоподобности такой гипотезы. – Тогда они пошли бы искать помощь, разве нет? Даже с детьми... Снег почти сошел.

Только высокие горные перевалы были по-прежнему покрыты снежными шапками, и хотя склоны и тропы пока что оставались грязными и слякотными из-за таяния, ими можно было пользоваться уже по меньшей мере месяц.

– Я нашел мужчину, – сказал Роджер, прерывая цепь моих рассуждений. Он говорил очень спокойно, но остановился, чтобы прочистить горло. – Здесь... Прямо здесь.

Дневной свет уже начал меркнуть, но я увидела, как он побледнел. Ничего удивительного: скрюченная фигура, которую он обнаружил под обугленными останками обрушившейся стены, выглядела достаточно жутко, чтобы запнулась любой. Тело обгорело до черноты, руки были подняты, как у боксера, – типичная поза для тех, кто погиб в огне. Было трудно сказать с полной уверенностью, был ли это мужчина, хотя, судя по тому, что я видела, это был именно он. Наши версии по поводу нового тела были прерваны криком с опушки.

– Мы нашли их, милорд!

Все подняли головы от нового трупа и увидели Фергуса, который махал рукой у кромки леса.

«Их», воистину. Двое мужчин на этот раз. Распростерты на земле, в тени деревьев, их нашли не вместе, но недалеко друг от друга, в паре сотен метров от дома. И оба, насколько я могла судить, умерли от отравления грибами.

– Это не голландец, – повторил Синклер уже, наверное, в четвертый раз, мотая головой над одним из тел.

– Может, он из Индии? Non^[3]? – отозвался Фергус с некоторым сомнением в голосе. Он почесал нос кончиком крюка, который заменял ему левую руку.

В самом деле, одно из тел принадлежало чернокожему человеку. Другой был белым. Оба – в рубашках и брюках – поношенная одежда без всяких отличий из простой домотканой материи. Несмотря на холод, они были без курток и босые.

– Нет. – Джейми покачал головой, бессознательно вытирая ладонь о брюки, как будто хотел избавиться от прикосновения смерти. – У голландцев есть рабы с Барбадоса, это так, но эти двое явно лучше ели, чем люди из хижины. – Он приподнял подбородок, указывая в сторону

безмолвно лежащих рядом женщин и детей. – Они здесь не жили. К тому же...

Я увидела, как его взгляд застыл на босых ногах мертвецов. Стопы были немного запачканными вокруг щиколоток и сильно огрубевшими, но в целом чистыми. Подошвы чернокожего мужчины светились желтоваторозовым, на них не было следов грязи, между пальцев не застряли кусочки опавшей листвы. Погибшие не бродили по весеннему лесу босыми, это можно было утверждать наверняка.

– Выходит, мужчин было больше? Когда эти люди умерли, их компаньоны сняли с них обувь и забрали все ценное, – прагматично рассуждал Фергус, указывая сначала на сгоревшую хижину, а потом на тела перед собой. – А потом ушли.

– Может, и так. – Джейми сжал губы и внимательно обводил взглядом землю вокруг, однако почва была буквально взбита тяжелыми шагами, повсюду валялись комки вырванной с корнем травы, садик возле хижины был засыпан пеплом и кусками обугленного дерева. Складывалось впечатление, что здесь побывал бешеный гиппопотам.

– Хотел бы я, чтобы с нами был молодой Йен. Он превосходный следопыт и мог бы по крайней мере рассказать, что произошло там. – Мой муж кивнул в сторону леса, где нашли мужчин. – Сколько их там было и, может, в какую сторону они пошли.

Джейми и сам был неплохим следопытом. Но свет убывал быстро: даже к опушке, где стояла хижина, подобно морскому прибою, подбиралась темнота: образовывала глубокие тени вокруг деревьев, маслянисто кралась по разоренной земле.

Он обратил взгляд к горизонту, где по мере того, как солнце опускалось ниже, перистые полотна облаков начинали светиться золотым и розовым. Джейми потряс головой.

– Похороните их. И уходим.

Однако на нашу долю выпало еще одно мрачное открытие. Сгоревший человек, единственный из всех, умер не от огня и не от яда. Когда мужчины подняли обугленный труп, чтобы перенести его в могилу, что-то выпало из его тела и с коротким и резким глухим стуком ударилось о землю. Брианна подобрала этот предмет и потеряла его краем передника.

– Кажется, они проглядели это, – заметила она почти без выражения и вытянула руку вперед.

Это был нож или то, что от него осталось. Деревянная рукоятка сгорела без следа, а само лезвие почернело от жара. Стараясь не замечать густой, едкой вони горелой плоти и жира, я склонилась над трупом,

осторожно прощупывая его торс. Пламя способно уничтожить почти все, но иногда сохраняет странные вещи. Рана треугольной формы была хорошо заметна, глубоко выжженная в истлевшей плоти между ребер.

– Его закололи, – сказала я и вытерла вспотевшие руки о передник.

– Они убили его, – продолжила Бри, глядя мне в лицо, – а потом его жену. – Она посмотрела на молодую женщину, лежащую на земле с фартуком, скрывающим ее обезображенное лицо. – Она приготовила суп из грибов, и они все его поели. Вместе с детьми.

На опушке стояла тишина, единственным звуком были далекие крики птиц в горах. Я чувствовала, как болезненно бьется сердце в груди. Месть или жестокое отчаяние?

– Да, может быть, – сказал Джейми тихо. Он наклонился, чтобы взяться за край парусины, из которой они сделали носилки для сгоревшего. – Будем считать, что это трагическая случайность.

Голландца с семьей положили в одну могилу, двух мужчин – в другую.

Солнце село, подул сильный ветер. Когда они поднимали молодую женщину, фартук под напором холодного воздуха соскользнул с ее лица. Синклер при виде этого зрелища издал сдавленный крик и едва не уронил покойную. Не было ни лица, ни волос, узкая талия резко переходила в обугленную руину женского тела. Плоть на голове сгорела целиком, оставив после себя на удивление крошечный черный череп, скалившийся в неуместной улыбке.

Они спешно опустили ее в неглубокую могилу, уложив рядом детей и мать, и оставили нас с Брианной сооружать над ними небольшой каирн, какие издревле ставили над могилами в Шотландии, – чтобы отметить место погребения и защитить тела от диких животных. Тем временем мужчины занимались второй ямой, попроще, предназначенной для двух босых мужчин.

Работа наконец была завершена, и все встали вокруг двух свежих насыпей – бледные и безмолвные. Я увидела, как Роджер подошел поближе к Брианне и обнял за талию, как бы защищая. Небольшая дрожь пробежала по ее телу, которая, я знала, не имеет никакого отношения к холоду. Их сын Джейми был, наверное, лишь годом младше самой маленькой девочки.

– Скажешь что-нибудь, Mac Dubh? – Кенни Линдси вопросительно посмотрел на Джейми, одновременно поглубже натягивая берет на голову в попытке защитить уши от ночного холода.

Сумерки уже сгустились, и никто не хотел медлить. Нам придется разбить лагерь довольно далеко, чтобы не чувствовать запах гари, в темноте сделать это будет довольно сложно. Но Кенни был прав: мы не

могли уйти, не попрощавшись с этими незнакомцами, не устроив для них хотя бы символические похороны.

Джейми покачал головой.

– Нет, пусть Роджер говорит. Раз они были голландцами, то наверняка были и протестантами.

Хотя было совсем темно, я заметила, как Брианна бросила резкий взгляд на отца. Роджер действительно принадлежал к пресвитерианской церкви, но к ней принадлежал и Том Кристи, мужчина гораздо старше Роджера, чье суровое лицо отразило его мнение о происходящем. Разумеется, вопрос религии был не более чем предлогом, и все об этом знали, включая Роджера.

Роджер прочистил горло и издал звук рвущейся ткани. Этот звук всегда был болезненным, но сейчас к нему примешивалась еще и злость. Он не стал оспаривать принятое решение и открыто встретил взгляд Джейми, вставая в изголовье могилы. Я думала, он просто прочтет Отче наш или какой-нибудь псалом. Однако к нему пришли другие слова.

– Вот, я кричу: обида! И никто не слушает; вопию, и нет суда. Он преградил мне дорогу, и не могу пройти, и на стези мои положил тьму^[4].

Голос Роджера когда-то был сильным и очень красивым. Теперь он стал глухим, будто засоренным. Его хрип звучал печальным напоминанием о былой красоте. Но, ощутимая сила присутствовала в той страсти, с которой он говорил, – так что все, кто его слушал, скорбно склонили головы, скрывая лица в тени.

– Совлек с меня славу мою и снял венец с головы моей. Кругом разорил меня, и я отхожу; и, как дерево, Он исторг надежду мою. – Лицо Роджера было суровым и неподвижным, но на краткий миг его глаза остановились на обугленном пне, который служил голландской семье колодой для рубки дров. – Братьев моих Он удалил от меня, и знающие меня чуждаются меня. Покинули меня близкие мои, и знакомые мои забыли меня.

Я увидела, как трое братьев Линдси обменялись взглядами и подвинулись ближе друг к другу, защищаясь от ветра.

– Помилуйте меня, помилуйте меня вы, друзья мои, ибо рука Божия коснулась меня. – Теперь он заговорил мягче, и его голос стал едва слышен за стонами деревьев.

Брианна сбоку от него совершила еле заметное движение, и он снова прочистил горло – на этот раз особенно яростно, сильно вытянув шею, так что я заметила на ней уродливый шрам от веревки.

– О, если бы записаны были слова мои! Если бы начертаны были они в

книге резцом железным с оловом, – на вечное время на камне вырезаны были!

Роджер медленно оглядел всех вокруг без всякого выражения, останавливаясь на каждом лице по очереди, затем глубоко вздохнул и продолжил, хрипя и каркая:

– А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восстановит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога. – Брианна судорожно поежилась и отвела взгляд от влажной земли над могилами. – Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его.

Он замолчал, и послышался короткий дружный вздох – люди бессознательно задерживали дыхание. Однако Роджер еще не закончил. Он несколько рассеянно дотянулся до ладони Бри, взял ее в свою и крепко сжал. Эти последние слова он говорил скорее себе самому, не думая о своих слушателях:

– Убойтесь меча, ибо меч есть отмститель неправды, и знайте, что есть суд.

По телу пробежала дрожь, и я почувствовала, как рука Джейми сплелась с моей – холодная, но сильная. Он посмотрел на меня, а я – на него. Я знала, о чем он думал. Он думал, как и я, не о настоящем, а о будущем – о маленькой заметке, которая появится три года спустя на страницах номера «Уилмингтон Газет» от семнадцатого февраля тысяча семьсот семьдесят шестого года.

«С прискорбием сообщаем, что в результате пожара погибли Джеймс Маккензи Фрэзер и его жена, Клэр Фрэзер. Их дом на Ридже Фрэзер целиком сгорел в сильном огне в ночь на двадцать первое января сего года. Мистер Фрэзер, племянник покойного Гектора Кэмерона с плантации Ривер Ран, родился в деревне Брок Туарах, в Шотландии. Он был широко известным и уважаемым человеком в общине. Супруги не оставили после себя детей».

Пока что было легко не думать об этом слишком много. Это событие лежало далеко в будущем, которое, разумеется, был шанс изменить. Предупрежден, значит вооружен, так ведь?

Я бросила взгляд на круглый невысокий каирн, и меня снова пробрала дрожь – на этот раз сильнее. Я прижалась к Джейми и положила вторую ладонь на его предплечье. Он накрыл мою руку своей и крепко сжал.

– Нет, – сказал он очень тихо. – Нет, я не позволю этому случиться.

Когда мы покидали пустынную поляну, я никак не могла избавиться от

навязчивой картинки в голове. Это была не сгоревшая хижина, не внушающие ужас тела погибших, не беспомощный мертвый садик возле дома. То, что преследовало меня, я увидела несколько лет назад – это был надгробный камень около руин монастыря в Бьюли, высоко в Хайленде. Под ним покоилась знатная дама, чье имя сопровождалось вырезанным в камне изображением скалящегося черепа – так похожего на тот, который скрывал передник голландки. Под черепом был девиз «Hodie mihi cras tibi – sic transit gloria mundi». Сегодня мой черед, завтра твой – так проходит мирская слава.

Глава 3

Держи друзей близко

Мы вернулись на Ридж Фрэзера на следующий день перед закатом и обнаружили гостя. Майор Дональд Макдональд, служивший в армии Его Величества, а с недавнего времени – в личном полку конной гвардии губернатора Триона, сидел на нашем крыльце с моим котом на коленях и кувшином пива в руках.

– Миссис Фрэзер! Ваш покорный слуга, мэм, – сердечно крикнул он, увидев меня. Он попытался встать, но вдруг сдавленно охнул: Адсо, протестуя против потери своего теплого гнездышка, запустил когти в ноги майора.

– Сидите, майор, – сказала я, поспешно махнув ему рукой. Он опустил назад на деревянную ступень с гримасой боли, но благородно удержался от того, чтобы швырнуть Адсо в ближайшие кусты. Я поднялась на крыльцо и со вздохом облегчения присела рядом.

– Мой муж проверяет лошадей, он скоро будет здесь. Вижу, кто-то вас уже встретил? – Я кивнула на пиво, которое он немедленно предложил мне галантным жестом, вытерев краешек кувшина рукавом.

– Ах да, мэм, – заверил он меня. – Миссис Баг была весьма озабочена моим благосостоянием.

Чтобы не показаться невежливой, я приняла пиво, которое, нужно сказать, оказалось очень кстати. Джейми спешил вернуться домой, поэтому мы с самого рассвета были в седлах, сделав лишь короткую передышку в полдень, чтобы перекусить.

– Превосходный напиток, – сказал майор улыбаясь, когда я, утолив жажду, вздохнула, блаженно прикрыв глаза. – Должно быть, вы сами варите?

Я покачала головой и сделала еще глоток перед тем, как вернуть ему пинту.

– Нет, это Лиззи. Лиззи Уэмисс.

– Ваша служанка, ну конечно. Передадите мои похвалы?

– Разве она не здесь? – Я посмотрела в сторону открытой двери за нами, удивленная таким поворотом. В это время дня Лиззи обычно была на кухне и готовила ужин, но наверняка услышала бы, что мы вернулись и вышла нас встретить. Только теперь я заметила, что едой не пахнет. Разумеется, она не знала, когда нас ждать, однако...

– Мм, нет. Она... – Майор сдвинул брови в попытке вспомнить что-то, и я задумалась о том, насколько полон был кувшин, когда он за него принялся. Теперь внутри осталось жидкости только на пару дюймов. – Ах да, кажется, она вместе с отцом отправилась к Макгилливреям – так миссис Баг мне сказала. Должно быть, навестить своего жениха?

– Да, она помолвлена с Манфредом Макгилливреем. Но миссис Баг...

– В кладовой над родником^[5], – сказал он, кивнув в сторону небольшого сарая выше на холме. – Полагаю, все дело в сыре, она его упоминала. На ужин мне был любезно предложен омлет.

– Ах, вот как. – Я немного расслабилась, пыль, поднятая во время длинного путешествия, опускалась во мне вместе с пивом. Как замечательно было вернуться домой! Моя умиротворенность, однако, была шаткой: она то и дело сменялась воспоминаниями о сгоревшей хижине.

Я полагала, что миссис Баг сообщила ему о причине нашей отлучки, но он ничего не сказал об этом, как и о том, что привело его на Ридж. Конечно, нет. Все серьезные разговоры подождут до прихода Джейми. Будучи женщиной, я могла рассчитывать лишь на учтивость с его стороны и немного местных сплетен, пока он ждет. Я могла бы посплетничать с ним, но мне нужно было подготовиться, у меня не было к этому природного таланта.

– О, я вижу ваши отношения с котом теплеют на глазах, – осмелилась я наконец начать. Я невольно посмотрела на его голову, однако парик майора был в идеальном состоянии.

– Таковы общеизвестные законы политики, я полагаю, – ответил он, поглаживая пальцами густую серебристую шерсть на животе Адсо. – Держи друзей близко, а врагов еще ближе^[6].

– Очень разумно, – согласилась я. – Ээ... Надеюсь, вам не пришлось ждать слишком долго?

Он пожал плечами, показывая, что ожидание не имеет для него

большого значения, – в целом такой подход был верным. У гор свое время, и мудрый человек не станет их торопить. Макдональд был опытным солдатом, и ему пришлось много путешествовать, но он родился в Питлохри, близко к вершинам Хайленда^[7] – он знал дух гор.

– Я приехал этим утром, – сказал он. – Из Нью-Берна.

Это был тревожный звоночек. Путешествие из Нью-Берна должно было занять у него не меньше десяти дней, если он ехал напрямик, – и судя по его измятой, в пятнах грязи форме, так оно и было.

Нью-Берн был городом, где устроил свою резиденцию новый губернатор колонии, Джосайя Мартин. Для меня тот факт, что Макдональд сказал о Нью-Берне, не упоминая никаких промежуточных остановок, означал: какое бы дело ни привело его сюда, оно пришло из столицы. Я опасалась губернаторов.

Я посмотрела на тропинку, которая вела к конюшне, но Джейми пока что не было видно. Из кладовой появилась миссис Баг. Я помахала ей, и она в ответ тоже энергично меня поприветствовала, несмотря на то, что в одной руке несла бадью молока, в другой – корзину с яйцами, под мышкой – крынку с маслом, а под подбородком у нее был зажат большой кусок сыра. Она успешно преодолела крутой спуск и скрылась за домом, где располагалась кухня.

– Похоже, мы объединимся омлетом, – заметила я, поворачиваясь к майору. – Вы случайно не проезжали через Кросс-Крик?

– Именно через него, мэм. Тетушка вашего мужа передала вам свои наилучшие пожелания, а также множество книг и газет, которые я привез с собой.

Я с опаской относилась и к газетам в эти дни, хотя к тому моменту, как они попадали к нам в руки, описываемые в них события имели срок давности несколько недель или месяцев. Как бы там ни было, я благодарно и восторженно помычала, желая лишь одного – чтобы Джейми поскорее вернулся и я могла оставить их одних. Мои волосы пахли дымом пожара, а руки все еще помнили прикосновение холодной плоти – мне очень хотелось от всего этого отмыться.

– Прощу прощения? – Я прослушала что-то из того, что рассказывал Макдональд.

Он учтиво наклонился поближе ко мне, чтобы повторить сказанное, но внезапно дернулся и выпучил глаза.

– Чертов кот!

Адсо, который только что мастерски изображал безвольную тряпку, вдруг с горящими глазами подскочил на коленях у майора, распушил хвост

и зашипел, будто кипящий чайник, одновременно глубоко запустив когти в бедного Макдональда. Я не успела понять, что происходит, пока кот с невероятной скоростью не перебрался через плечо мужчины, разодрав манжет и сбив парик, и не юркнул в открытое окно моего хирургического кабинета.

Макдональд без остановки сыпал проклятиями, но я его уже не слышала. По тропинке к дому шел Ролло, зловещий в сумерках, как настоящий волк, но он вел себя так странно, что я была на ногах, прежде чем могла понять или предположить, что произошло.

Пес сделал несколько шагов в сторону дома, покружился на месте, как будто не в силах решить, что делать дальше, побежал назад в лес, а затем снова развернулся к дому. Все это время Ролло беспокойно скулил, помахивая опущенным хвостом.

– Иисус твою Рузвельт Христос, – сказала я. – Чертов Тимми упал в колодец ^[8]!

Я сбежала по ступенькам и бросилась по тропинке в лес, едва замечая, как за моей спиной чертыхается майор. Я нашла Йена приблизительно в сотне ярдов от дома, в сознании, но как будто пьяного. Он сидел на земле с закрытыми глазами и обеими руками держался за голову, как будто пытаясь удержать кости черепа вместе. Когда я упала рядом с ним на колени, он приоткрыл глаза и неуверенно улыбнулся.

– Тетя, – сказал он хрипло. Казалось, он хочет сказать что-то еще, но не может решить, что именно. Его рот приоткрылся и остался в этом положении, язык задумчиво двигался вперед и назад.

– Посмотри на меня, Йен, – попросила я, насколько могла, спокойно.

Он послушно выполнил мою просьбу – хороший знак. Было слишком темно, чтобы разглядеть, расширены ли его зрачки, но даже в сгущающихся сумерках в тени сосен, которые росли вдоль тропы, я заметила его нездоровую бледность и темные следы крови на рубашке. Ниже слышались торопливые шаги – это был Джейми в сопровождении Макдональда.

– Ты как, парень?

Джейми схватил его за руку, и Йен, медленно клонясь в его сторону, опустил руки, закрыл глаза и со вздохом обмяк в объятиях дяди.

– Все плохо? – беспокойно спросил он через плечо Йена, поддерживая его, пока я осматривала парня. Рубашка на спине была залита кровью – но она успела высохнуть. Собранные на затылке волосы тоже были ею пропитаны и потому затвердели. Я быстро нашла рану на голове.

– Не думаю. Что-то ударило его сзади по голове и содрало изрядный

кусок скальпа, но...

– Думаете, это был томагавк?

Макдональд склонился над нами, пристально вглядываясь.

– Нет, – вяло отозвался Йен, его голос был приглушен рубашкой Джейми. – Пуля.

– Иди отсюда, пес, – коротко бросил Джейми в сторону Ролло, который сунул нос в ухо Йену, вызвав у пациента громкие вскрики и невольное подергивание плеч.

– Я посмотрю при свете, но ранение не должно быть слишком опасным. Он же как-то смог пройти часть пути. Давайте перенесем его в дом.

Мужчины сумели поднять его вверх по тропе, перекинув руки Йена себе на плечи, и через пару минут он уже лежал на операционном столе. Здесь он несколько отрывисто рассказал нам о своих приключениях, периодически вскрикивая, пока я чистила рану, срезала слипшиеся волосы и накладывала швы на его скальп.

– Я думал, что умер, – сказал Йен и шумно втянул воздух через сжатые зубы: я стягивала ниткой края рваной раны. – Боже, тетя Клэр! Но утром я проснулся и оказалось, что я не мертвый – хотя мне казалось, что в голове у меня дыра и оттуда вытекают мозги прямо на шею.

– Почти так оно и было, – пробормотала я, сосредотачиваясь на работе. – Правда, не думаю, что это была пуля.

Мое утверждение привлекло всеобщее внимание.

– Меня не подстрелили? – Голос Йена звучал несколько возмущенно. Большая рука поднялась, пытаясь нашарить рану на затылке, и я мягко хлопнула по ней.

– Лежи тихо. Нет, тебя не подстрелили, верить тебе нельзя. В ране было много грязи, кусков дерева и коры. Предполагаю, что один из выстрелов сбил сухую ветку с дерева и она, падая, ударила тебя по голове.

– Вы точно уверены, что это был не томагавк, а? – Майор тоже казался обескураженным моей версией.

Я сделала финальный стежок и отрезала нитку, качая головой.

– Не думаю, что когда-нибудь видела раны, причиненные томагавком, но это вряд ли. Видите, какие неровные края? Скальп сильно порван, но кость не задета.

– Парень говорит, вокруг была кромешная тьма, – рассудительно вставил Джейми. – Никто в здравом уме не станет метать томагавк в ночном лесу, не видя цели. Он держал на весу масляную лампу, чтобы я могла работать, Джейми подвинул ее ближе, и мы увидели не только

неровную линию стежков, но и расползающийся вокруг них синяк, до этого скрытый волосами, что я срезала.

– Вот, видите? – Джейми осторожно провел пальцем по ежику оставшихся волос, показывая несколько глубоких царапин, которые пересекали огромный синяк. – Твоя тетя права, Йен: на тебя napало дерево.

Йен едва приоткрыл один глаз.

– Кто-нибудь говорил тебе, дядя Джейми, какой ты отменный шутник?

– Нет.

Йен закрыл глаз.

– Должно быть, потому что шутник из тебя так себе.

Джейми улыбнулся и сжал плечо Йена.

– Значит, уже чувствуешь себя получше, да?

– Нет.

– Что ж, штука в том, – вклинился майор Макдональд, – что парень встретил каких-то бандитов, так? Есть причины думать, что это были индейцы?

– Нет, – снова сказал Йен, на этот раз открыв глаз целиком. Он был абсолютно красный.

– Это были не индейцы.

Макдональд, кажется, не был доволен таким ответом.

– Как ты можешь быть уверен, парень? – спросил он довольно резко. – Ты ведь сказал, там было темно.

Я увидела, как Джейми озадаченно посмотрел на майора, но не стал его перебивать. Йен издал тихий стон, тяжело вздохнул и ответил:

– Я чувствовал их запах, – выдавил он и почти сразу добавил: – Кажется, меня сейчас вырвет.

Он приподнялся на локте и тут же совершил обещанное. Этот факт быстро положил конец всем дальнейшим расспросам. Джейми увел майора Макдональда на кухню, предоставив мне разбираться с беспорядком и укладывать больного.

– Можешь открыть оба глаза? – спросила я, когда он уже лежал на боку в чистой одежде и с подушкой под головой.

Он послушно исполнил, о чем я просила, заморгав от яркого света. Голубоватое пламя масляной лампы дважды отразилось в глубине его глаз, но зрачки сразу сузились – причем синхронно.

– Хорошо, – резюмировала я и поставила лампу на стол. – Не трогай, пес, – сказала я Ролло, который принюхивался к необычному запаху лампы, – ее топливо представляло собой смесь слабого брэнди и скипидара. – Сожми мои пальцы, Йен.

Я протянула ему большие пальцы обеих рук, и он медленно обхватил их широкими мосластыми ладонями. Я провела стандартные тесты на наличие нарушений нервной системы, заставляя его сжимать, тянуть и толкать их, и завершила осмотр, послушав его сердце, которое билось обнадеживающе ровно.

– Небольшое сотрясение, – заключила я, выпрямляясь и улыбаясь ему.

– Ммм, да? – уточнил он, неуверенно косясь на меня.

– Это значит, что у тебя поболит голова и тебя будет мутить. Но через пару дней все пройдет.

– Это я и сам мог тебе сказать, – пробормотал он, укладываясь обратно.

– Ты мог, – согласилась я. – Но ведь «сотрясение» звучит гораздо серьезнее и важнее, чем «раскалывается голова», не так ли?

Он не засмеялся, но все же слабо улыбнулся в ответ.

– Ты покормишь Ролло, тетя? Он меня не оставит одного и скоро проголодается.

Ролло наострил уши при звуке своего имени и ткнулся мордой в ищущую руку Йена, тихонько поскуливая.

– Он в порядке, – заверила я животное. – Не о чем беспокоиться. И да, – сказала я уже Йену, – принесу ему что-нибудь. А ты сам сможешь одолеть хотя бы хлеб с молоком?

– Нет, – отозвался он уверенно. – Может, глоток виски?

– Нет, – ответила я так же уверенно и задула спиртовку.

– Тетя, – позвал Йен, когда я повернулась к двери.

– Да?

Я оставила возле него горящую свечу, и он выглядел очень юным и бледным в ее неверном желтом мерцании.

– Как думаешь, почему майор Макдональд хочет, чтобы те, кого я встретил в лесу, оказались индейцами?

– Не знаю. Но предполагаю, что Джейми знает. Или скоро узнает.

Глава 4

Змей в эдеме

Брианна открыла дверь и напряженно прислушалась – не стучат ли по полу чьи-то коготки, не скользит ли, сухо шелестя, змеиная кожа. Однажды она вошла внутрь в темноте и оказалась в нескольких дюймах от небольшой гремучей змеи. Несмотря на то, что змея оказалась не менее

ошарашена встречей, чем девушка, и в испуге поспешила укрыться в камнях очага, Брианна усвоила урок.

На сей раз не было никаких признаков спасающихся бегством мышей, однако нечто большего размера гостило здесь и ушло через промасленную кожу, которая была натянута на окно. Солнце еще только начало садиться, и было достаточно светло, чтобы Брианна могла разглядеть скинутую с полки на пол плетеную корзину, в которой она хранила жареный арахис. Орехи были расколоты и съедены, скорлупки усеивали пол.

До нее внезапно донесся громкий шуршащий звук, и она мгновенно замерла, прислушиваясь. Звук повторился, на сей раз сопровождаемый гулким звоном, – что-то упало на пол с другой стороны стены.

– Ах ты, мелкий ублюдок! – возмутилась женщина. – Ты в моей кладовой!

Пылая праведным гневом, она схватила метлу и ворвалась в кладовку, голая не хуже банши. Огромный енот, до этого невозмутимо грызущий копченого лосося, при виде ее уронил добычу, стремительно пронесся между ног Брианны и, взволнованно фырча, исчез – не хуже банкира, что скрывается, едва заметив кредиторов.

Адреналин все еще бежал по венам, когда она, отставив метлу в сторону и чертыхаясь, присела, чтобы попытаться спасти то, что еще можно было спасти. У енотов были менее разрушительные привычки, чем, например, у белок, которые бездумно жевали и портили все, что попадалось на глаза, однако еноты были крупнее и ели больше.

Одному Богу известно, сколько времени он здесь провел, подумала она. Достаточно долго, чтобы вылизать все масло из масленки и стянуть связку копченой рыбы, висящей на балках. Откуда у настолько толстого создания взялись акробатические навыки, необходимые для такой задачи? К счастью, медовые соты хранились в трех разных горшочках, и лишь один из них был вскрыт. Зато корнеплоды были разбросаны по полу, головка свежего сыра почти целиком съедена, а драгоценная баночка кленового сиропа перевернута – содержимое разлилось по полу липкой лужицей и смешалось с грязью. Вид этой утраты воспламенил утихшую было ярость, и Брианна с такой силой сжала в руке поднятую с пола картофелину, что ногти проткнули толстую кожуру.

– Проклятая чертова, чертова, чертова тварь!

– Кто? – неожиданно спросил голос позади нее. В испуге она крутанулась на месте и швырнула картофелину в незваного гостя, которым оказался Роджер. Овощ попал ему прямо в лоб, он пошатнулся и схватился за дверной косяк.

– Ай! Господи! Ай! Какого черта здесь происходит?

– Енот, – коротко объяснила она и отступила в сторону, чтобы лучи заходящего солнца, падающие из дверного прохода, осветили беспорядок внутри.

– Он добрался до кленового сиропа? Сволочь! Ты поймала ублюдка?

С рукой, прижатой ко лбу, Роджер протиснулся в маленькую пристройку, оглядываясь вокруг в поисках пушистого трупа. Тот факт, что муж разделяет ее приоритеты и гнев, немного утешил Брианну.

– Нет, – ответила она. – Он сбежал. У тебя кровь? И где Джем?

– Вроде бы нет, – сказал Роджер, осторожно отнимая руку ото лба и глядя на нее. – Ух, у тебя тяжелая рука, женщина. Джем у Макгилливреев. Лиззи и мистер Уэмис взяли его с собой на праздник в честь помолвки Сенги.

– Серьезно? Кого же она выбрала?

И гнев, и сожаление мгновенно уступили место любопытству. Уте Макгилливрей, с ее немецкой педантичностью, выбирала супругов для сына и трех дочерей очень скрупулезно – согласно собственным критериям и приоритетам: первыми пунктами значились земля, деньги и респектабельность кандидата; возраст же, внешность и личное обаяние шли в самом конце. У детей, разумеется, на этот счет было свое мнение – и все же авторитет фрау Уте был так силен, что и Инга, и Хильда вышли замуж за мужчин, которые получили ее одобрение.

Сенга, однако, была дочерью своей матери – в том смысле, что она выросла настолько же категоричной во взглядах и ей так же не доставало сдержанности, как и родительнице. Долгие месяцы она не могла выбрать между двумя претендентами на ее сердце: Хайнрихом Штрассе, видным, но бедным парнем (к тому же лютеранином!) из Бетании и Ронни Синклером, бочаром. По меркам Риджа он считался зажиточным человеком, а разница с невестой в тридцать лет для Уте не была камнем преткновения.

Последние несколько месяцев замужество Сенги Макгилливрей было предметом бурных обсуждений, и Брианна знала о нескольких серьезных пари, заключенных по этому поводу.

– Ну так кто же счастливчик? – повторила она свой вопрос.

– Миссис Баг не знает, и это сводит ее с ума, – ответил Роджер, расплываясь в улыбке.

– Манфред Макгилливрей пришел, чтобы забрать их вчера утром, но миссис Баг в это время еще не было в главном доме, поэтому Лиззи оставила записку на двери о том, куда они ушли. Однако не упомянула в ней, кто стал счастливым женихом.

Брианна посмотрела на заходящее солнце: само светило уже укатилось за горизонт, но яркий розоватый свет все еще лился сквозь ветви каштанов, освещая палисадник и делая весеннюю траву, что росла в нем, мягче и гуще – будто превращая ее в изумрудный бархат.

– Видимо, нам придется подождать до завтра, чтобы узнать правду, – сказала она с некоторым сожалением.

До дома Макгилливреев было добрых пять миль. Пока они доберутся, станет совсем темно. А в горах по ночам лучше не блуждать без веского повода, даже если снег уже сошел. По крайней мере, нужно иметь причину получше, чем любопытство.

– Ай. Хочешь пойти поужинать в большом доме? Майор Макдональд приехал.

– Ах, он.

Несколько секунд Брианна раздумывала. Хотелось бы услышать, что за новости привез майор, – а новости, несомненно, были, раз миссис Баг готовила ужин. С другой стороны, после трех мрачных дней, долгой дороги и разорения собственной кладовой она была совершенно не в настроении с кем-то общаться.

Она заметила, что Роджер выразительно молчал, не высказывая своего мнения. Опершись одной рукой о полку, где был разложен значительно уменьшившийся запас зимних яблок, он лениво поглаживал один из плодов, указательным пальцем лаская его круглый желтый бочок. От супруга исходили легкие знакомые вибрации, которые без слов говорили, что у вечера, проведенного дома – без родителей, без друзей и даже без ребенка, – есть свои преимущества.

Она улыбнулась мужу.

– Как твоя несчастная голова?

Он окинул ее быстрым взглядом. Убывающий свет заката высветил силуэт его носа, а в зеленых глазах заиграли солнечные искры. Роджер прочистил горло.

– Думаю, ты можешь ее поцеловать. Если хочешь.

Она послушно привстала на цыпочки, откинула назад непослушные темные волосы и нежно поцеловала его лоб. На месте удара была заметная шишка, но синяк пока не появился.

– Так лучше?

– Пока что нет. Может, попробуешь немного ниже?

Его руки опустились на округлость ее бедер и притянули ближе. Брианна была почти одного роста с Роджером: она и раньше замечала преимущества этого совпадения, но сейчас оно поразило ее, будто она

узнала об этом впервые. Она слегка выгнулась, наслаждаясь близостью. Роджер судорожно и хрипло вдохнул в ответ.

– Не так низко, – ответил он. – Во всяком случае, пока.

– Какой ты капризный, – сказала она терпеливо и поцеловала его в губы. Они были мягкими, но все еще хранили, как и ее собственные, привкус горького пепла и влажной земли. Ее охватила легкая дрожь, и она отстранилась.

Роджер, удерживая руку на ее спине, наклонился чуть вперед за ее плечо и провел пальцем по краю полки, на которой лежала перевернутая банка из-под кленового сиропа. Он по очереди провел им по ее, а затем и по своей нижней губе. Следующий поцелуй принес обоим сладость.

* * *

– Не могу вспомнить, когда я в последний раз видел тебя голой.

Она прикрыла один глаз и скептически посмотрела на него.

– Три дня назад. Видимо, он не очень тебе запомнился.

Избавиться от одежды, которая была на ней последние трое суток, стало огромным облегчением. Но даже будучи голой и после водных процедур на скорую руку, она все еще ощущала пепел в волосах и сажу, ввевшуюся между пальцев ног.

– Это не совсем то, что я имел в виду. Я хотел сказать, что мы очень давно не занимались любовью при дневном свете. – Он лежал на боку, лицом к ней и улыбался, водя рукой по изгибу ее талии и аппетитной припухлости ягодиц. – Ты даже не представляешь, как соблазнительно выглядишь, абсолютно голая, освещенная солнцем. Вся сияешь, будто тебя окунули в золото.

Он сощурил один глаз, будто ее вид слепил его. Она чуть подвинулась, и солнце осветило его лицо, заставив открытый глаз на секунду сверкнуть, подобно изумруду, перед тем как он зажмурился.

– Ммм. – Она лениво вытянула руку и притянула к себе его голову, чтобы поцеловать.

Брианна знала, что муж имел в виду. Это казалось странным, почти распутным, – в хорошем смысле. Чаще всего они занимались любовью ночью, когда Джем спал, перешептываясь в отсветах горящего очага, ища друг друга под шуршащими слоями одеял и ночных рубашек. И хотя сын спал как убитый, они всегда помнили о присутствии маленького, ровно дышащего тела под стеганым одеялом в колыбельке рядом.

И сейчас, когда Джема не было рядом, она странным образом ощущала его присутствие. Было непривычно находиться далеко от сына, не знать постоянно, где он, не ощущать его тело, как маленькую, самостоятельную часть ее самой. Свобода опьяняла, но в то же время приносила тревогу, будто что-то очень ценное оказалось не на своем месте по ее вине.

Они оставили дверь открытой, чтобы насладиться прикосновением света и воздуха к обнаженной коже. Солнце уже почти село и, хотя мир еще полнился его мерцанием, подобно тягучему меду, в нем ощущалось обещание ночного холода.

Внезапный порыв ветра хлопнул шкурой, натянутой на окно, и возникший сквозняк резко захлопнул дверь, неожиданно оставив их в полной темноте. Брианна охнула от испуга, Роджер издал удивленный возглас и спрыгнул с кровати, чтобы открыть дверь. Он широко распахнул ее, и девушка благодарно глотнула свежего воздуха и солнечного света, только теперь понимая, что, когда дверь закрылась, она бессознательно задержала дыхание, ощущая себя погребенной заживо.

Роджер, кажется, чувствовал то же самое. Он стоял в проходе, опираясь на дверную раму, и позволял ветру шевелить темную вьющуюся растительность на теле. Его волосы все еще были собраны в хвост, он не озаботился тем, чтобы распустить их, и Брианна ощутила внезапное желание подойти к нему сзади, развязать кожаный ремешок и запустить пальцы в их мягкую и гладкую угольную черноту, наследие какого-то древнего испанского моряка, что потерпел крушение у кельтских берегов. Не успела она обдумать такую перспективу, как обнаружила себя рядом с ним вытаскивающей веточки и крошечные желтые сережки из его локонов. От ветра или от ее прикосновений он задрожал, но его тело оставалось теплым.

– У тебя загар фермера, – сказала она, приподнимая волосы с шеи и целуя там, где начинался затылок.

– Что ж, разве я не фермер?

Кожа под ее губами чуть дернулась, как на спине у лошади. Его лицо, шея и предплечья побледнели за зиму, но были по-прежнему темнее, чем спина и плечи. Возле талии все еще виднелась линия, отделяющая торс цвета мягкой оленьей шкуры от неожиданной бледности ягодиц. Она накрыла их ладонями, наслаждаясь крепостью и полнотой мышц. В ответ он глубоко вдохнул и откинулся назад, так что ее грудь прижалась к его спине, а подбородок опустился к нему на плечо, чуть выдаваясь вперед.

Солнечный свет едва теплился. Последние длинные лучи прорывались между каштановых деревьев, и нежная весенняя зелень их листья

вспыхивала холодным огнем над удлиняющимися вечерними тенями. Весна брала свое: птицы сидели в кронах, стрекоха и переговариваясь. Пересмешник заливался в соседнем лесу, это было попури из трелей, плавных переливов и странных завываний, которым, как ей подумалось, он наверняка научился у кота ее матери.

Воздух становился холоднее, и ее руки и ноги покрылись мурашками, но тело Роджера, к которому она прижималась, по-прежнему было теплым. Она обвила руками его талию и стала играть пальцами с густыми завитками, что начинались чуть ниже живота.

– На что ты смотришь? – спросила она мягко. Роджер не отрывал глаз от дальнего края заднего двора, где из леса выбегала тропинка. Ее начало было уже укрыто сумерками и тенями высоких елей, но на ней никого не было.

– Жду, не появится ли змей с яблоками, – ответил он, засмеялся и прочистил горло. – Ты голодна, Ева?

Он опустил руку и их ладони сплелись.

– Немного. А ты?

Он должен был умирать от голода, в последний раз они только немного подкрепились в полдень.

– Да, но... – он оборвал предложение, как будто смутившись, и крепче сжал ее пальцы. – Ты подумаешь, что я сошел с ума, но... Ты не против, если я пойду и заберу маленького Джема сегодня вечером, вместо того чтобы ждать утра? Просто мне спокойнее, когда он с нами.

Она сжала его пальцы в ответ, сердце подпрыгнуло в груди.

– Мы пойдем вместе. Отличная идея.

– Может, и так, но до Макгилливреев целых пять миль ходу. Стемнеет еще до того, как мы туда доберемся. – Говоря это, он улыбался, его тело коснулось ее груди, когда он поворачивался к Брианне лицом.

Что-то шевельнулось прямо у нее перед носом, и она резко отпрянула назад. Крошечная гусеница, зеленая, как листья, которыми она питалась, и заметная на фоне темных волос Роджера, приподнялась и изогнулась у него на голове в поисках убежища.

– Что? – Роджер скосил глаза, пытаясь разглядеть то, на что смотрела жена.

– Нашла твоего змея. Думаю, он тоже в поисках яблок.

Она подцепила маленького червячка на палец, вышла наружу и присела на корточки, чтобы опустить его на травинку, такую же зеленую, как он сам. Но трава уже потемнела. Солнечный свет наконец погас, и лес растерял все краски жизни. Она уловила запах дыма: это разожгли огонь в

каmine большого дома. Внезапно ее тревога усилилась. День погас, наступала ночь. Пересмешник умолк, и лес казался полным загадки и угрозы. Она поднялась на ноги и нервно провела рукой по волосам.

– Тогда в путь.

– Ты не хочешь сначала поужинать? – Роджер озадаченно смотрел на нее, держа брюки в руках.

Брианна покачала головой и ощутила, как холод пополз по ногам.

– Нет. Пойдем так.

Все казалось неважным, кроме того чтобы забрать Джема и снова стать семьей.

– Ладно, – спокойно согласился Роджер, внимательно глядя на нее. – Правда, мне кажется, что будет разумнее надеть фиговый листок на тот случай, если мы встретим ангела с пылающим мечом.

Глава 5

Тени, отбрасываемые огнем

Я оставила Йена и Ролло на попечение безжалостно заботливой миссис Баг – пусть Йен только попытается сказать, что не хочет молока и хлеба, – и села за собственный поздний ужин. Это был горячий свежий омлет с сыром, сдобренный кусочками соленого бекона, спаржей и лесными грибами и посыпанный сверху зеленым луком.

Джейми и майор уже давно закончили свою трапезу и теперь сидели у огня в облаках табачного дыма, которые извергала глиняная трубка Макдональда. По всей видимости, Джейми только что закончил рассказывать майору об ужасной трагедии, потому что мужчина хмурился и сочувственно качал головой.

– Бедные глупцы! – сказал он. – Думаешь, это были те же самые люди, что напали на твоего племянника?

– Думаю, что так, – ответил Джейми. – Вряд ли по горам бродят сразу две такие банды. – Он бросил взгляд на окна, закрытые на ночь ставнями, и я внезапно заметила, что снял охотничье ружье со стены над камином и теперь рассеянно начищает безупречно гладкий ствол промасленной тряпкой. – Я правильно понимаю, а charaid^[9], что до тебя и прежде доходили слухи о подобных вещах.

– Еще три случая. По меньшей мере три.

Трубка майора грозила потухнуть, и он сделал глубокую затяжку, отчего табак внутри затрещал и вспыхнул красным.

Легкий приступ дурноты заставил меня замереть с кусочком теплого гриба во рту. Мысль о том, что загадочная банда вооруженных мужчин свободно бродит где-то в округе, нападая на случайные поселки, до этого момента не приходила мне в голову. Зато, очевидно, приходила в голову Джейми. Он поднялся и повесил ружье обратно на крюки и на всякий случай провел рукой по винтовке, которая висела над ним. После этого он подошел к буфету, где хранились пистолеты, включая изящную дуэльную пару в специальном футляре. Выдувая облака мягкого голубоватого дыма, Макдональд с одобрением наблюдал, как Джейми методично извлекает на свет оружие, мешочки для пуль, пулелейки, шомпола и прочую амуницию из личного арсенала.

– Ммфм, – промычал Макдональд. – Очень милая вещица, полковник. – Он кивнул на один из пистолетов – элегантный, с длинным стволом, фигурными рожками на рукоятке и серебряными вставками, покрытыми золотом.

Джейми сузил глаза, услышав обращение «полковник», но ответил достаточно спокойно.

– Да, красивая штуковина. Правда, целиться из нее на расстоянии дальше двух шагов бессмысленно. Выиграл на скачках, – добавил он, смущенно кивнув в сторону пистолета, чтобы Макдональд не подумал, будто он выложил приличную сумму за такую вещь.

Тем не менее он проверил кремень, заменил его и отложил пистолет в сторону.

– Где? – как бы невзначай спросил Джейми, потянувшись за пулелейкой.

Я продолжила жевать, вопросительно глядя на майора.

– Имей в виду, это только слухи, – предупредил Макдональд, на секунду вытаскивая трубку изо рта и тут же торопливо вставляя обратно для следующей затяжки. – Ферма недалеко от Салема, сожжена дотла. Люди по фамилии Цинцер, немцы. – Он опять затянулся, втянув щеки. – Это случилось в конце февраля. Через три недели паром на реке Ядкин, к северу от Уорамс-Лэндинг. Дом ограблен, паромщик убит. Третий случай... – Он вдруг умолк, энергично затягиваясь, и покосился сначала на меня, а затем на Джейми.

– Говори, друг, – попросил Джейми на гэльском, смиренно глядя в мою сторону. – Она повидала больше страшных вещей, чем ты сам.

Я кивнула и подцепила вилкой кусок яйца, Майор кашлянул.

– М-да. Так вот, не при вас будет сказано, мэм, мне случилось побывать в одном... эммм... заведении в Эдентоне...

– В борделе? – вставила я. – Да, несомненно. Продолжайте, майор.

Он поспешно исполнил мою просьбу, одновременно густо багровея под париком.

– Ну да, конечно... В общем, видите ли, одна из девушек, которые там... работают, рассказала мне, что ее украли из родного дома разбойники, внезапно нагрянувшие в один прекрасный день. У нее никого не было, кроме бабушки, с которой она жила. Девушка сказала, те люди убили старую женщину и сожгли дом вместе с телом.

– И кто же, по ее словам, это сделал?

Джейми развернул стул к огню и плавил в ковшике кусочки свинца для пуль.

– Ммфм. – Румянец на лице Макдональда стал гуще, и он так яростно курил трубку, что за клубами дыма я едва различала его силуэт.

После долгого кашлянья и блужданий вокруг да около выяснилось, что тогда майор не поверил девушке или был слишком увлечен ее прелестями, чтобы уделить этим фактам достаточно внимания. Сочтя историю выдумкой, какие любят рассказывать шлюхи в надежде на сочувствие и лишний стакан джина, он не удосужился выяснить подробности.

– Но когда позже я услышал о других поджогах... Видите ли, я удостоился чести от губернатора, он лично поручил мне держать ухо востро и следить за тем, что происходит на окраинах, докладывать о возможных волнениях. И я начинаю думать, эти происшествия не так случайны, как может показаться поначалу.

Мы с Джейми обменялись взглядами, его глаза светились торжеством, я же смотрела на мужа со смирением. Он поспорил со мной, что Макдональд – кавалерийский офицер на половинном окладе, который долгое время выживал за счет временных заработков, не только переживет отставку губернатора Триона, но займет хорошее положение при новом режиме – ведь теперь Триона получил повышение и стал губернатором Нью-Йорка. «Он джентльмен удачи, наш Дональд», – сказал мне Джейми.

Воинственный запах горячего свинца начал заполнять комнату, соревнуясь с табачным дымом, который производила трубка майора, и перебивая приятные домашние ароматы поднимающегося хлеба, готовки, сушеных трав, хвоща и хозяйственного мыла, которые обычно царствовали на кухне.

Свинец плавится внезапно: еще мгновение назад искореженная пуля или погнутая пуговица лежала нетронутая на дне ковшика, а в следующее ее там уже нет, только тускло мерцает крошечная лужица расплавленного металла. Джейми аккуратно вылил свинец в пулелейку, отвернув лицо чуть

в сторону, чтобы избежать паров.

– Почему индейцы?

– Ну, так сказала эта шлюха из Эдентона. Она сказала, что некоторые из тех мужчин, которые убили бабушку и украли ее саму, были индейцами. Но я уже говорил, что в то время я не очень-то ее слушал.

Джейми издал типичный шотландский звук, означающий, что он понял майора, но воспринял его мнение со скепсисом.

– А когда вы встретили эту девушку, Дональд, и услышали ее историю?

– Под Рождество. – Майор потыкал перепачканным пеплом пальцем в чашу своей трубки, не поднимая глаз. – Вы имеете в виду, когда на ее дом напали? Она не говорила, но я думаю... незадолго до нашей встречи. Она была все еще... довольно, так скажем, свежа. – Он кашлянул, поймал мой взгляд, нервно вздохнул, закашлялся сильнее и снова покраснел.

Джейми сжал губы и посмотрел вниз, открывая форму для пуля. Новенький снаряд упал рядом с очагом. Я опустила вилку: остатки аппетита окончательно улетучились.

– Как? – довольно резко спросила я. – Как эта молодая женщина оказалась в борделе?

– Ну, они ее продали, мэм. – Румянец все еще рдел на щеках Макдональда, но он уже вернул себе самообладание и смог посмотреть на меня. – Разбойники. Они продали ее речному торговцу через пару дней после того, как похитили – так она сказала. Некоторое время мужчина держал ее на своей лодке, а потом однажды вечером к нему по делам пришел человек, девушка ему приглянулась, и он купил ее. Он довез несчастную до самого побережья, а потом, сдается мне, он от нее устал и... – Его слова оборвались, он снова сунул трубку в рот и глубоко затянулся.

– Понятно, – сказала я, ощущая, как съеденный омлет встает колом у меня в желудке.

«Все еще довольно свежа». Я задавалась вопросом, сколько же все это длилось? Как долго может протянуть женщина, которая переходит из рук в руки, – с разбитой палубы речной посуды на продавленный матрас съемной комнаты, которой дают ровно столько, чтобы она не умерла от голода? Скорее всего к тому моменту, когда она очутилась в борделе Эдентона, он показался ей раем. Этот факт, однако, не заставил ее почувствовать симпатию по отношению к Макдональду.

– Вы, по меньшей мере, запомнили ее имя, майор? – спросила я с

ледяной вежливостью.

Краешком глаза я заметила, как едва заметно ухмыльнулся Джейми, но я не оторвала взгляд от Макдональда.

Он извлек трубку изо рта, выпустил длинный столб дыма и прямо посмотрел мне в лицо своими голубыми глазами.

– Сказать по правде, мэм, – сказал он, – я всех их зову Полли. Так проще, знаете ли.

От ответа – а то и чего похуже – меня спасла вернувшаяся миссис Баг, в руках она несла пустую тарелку.

– Паренек поел и теперь уснет, – объявила женщина. Острый взгляд перескочил от меня к моей наполовину полной тарелке. Нахмурившись, она уже было открыла рот, но затем глянула на Джейми и, уловив какой-то безмолвный приказ, снова его закрыла. Посуду она забрала с неопределенным «мфм».

– Миссис Баг, не могли бы вы сейчас найти Арч и попросить его прийти ко мне? И, если вас это не очень затруднит, сказать то же Роджеру Маку?

Ее маленькие темные глаза округлились, а потом сузились, остановившись на Макдональде. Очевидно, она решила, что если что-то и затевается, то виной тому он.

– Хорошо, – ответила она, сокрушенно покачала головой в мою сторону, порицая меня за отсутствие аппетита, опустила тарелки и вышла, заперев дверь на задвижку.

– Уорамс-Лэндинг, – сказал Джейми Макдональду, возобновляя разговор, как будто их не прерывали. – И Салем. И если это те же самые люди, Йен встретил их в лесу, в дне пути к западу отсюда. Это довольно близко.

– Довольно близко, чтобы они оказались теми же людьми? Ну да, так оно и есть.

– Сейчас ранняя весна. – Джейми бросил взгляд на окно: уже стемнело, и ставни были закрыты, но холодный ветер пробирался внутрь и шевелил нитки, на которые я нанизала сушиться грибы, их темные сморщенные силуэты приплясывали, будто крошечные застывшие танцоры, на фоне бледного дерева.

Я знала, что он имел в виду. Зимой горы были непроходимы, сейчас высокие перевалы все еще занесены снегом, нижние склоны начали зеленеть лишь пару недель назад. Если это была организованная банда мародеров, то они только сейчас начали двигаться вглубь – после зимы, проведенной в предгорье.

– Это так, – согласился Макдональд. – Пожалуй, предупредить людей сейчас будет достаточно своевременно. Но до того, как придут ваши люди, сэр, возможно, нам удастся поговорить о том, что привело меня сюда?

– Да? – сказал Джейми и, сощурившись, вылил в форму мерцающий ручеек свинца. – Конечно, Дональд. Надо думать, какое-то серьезное дело заставило вас отправиться так далеко. Что это?

Макдональд по-акульки улыбнулся. Что ж, вот мы и дошли до дела.

– Вы отлично здесь все устроили, полковник. Сколько семей живут на вашей земле?

– Тридцать четыре, – ответил Джейми. Он не поднял глаз, вытряхивая в угли еще одну пулю.

– Может, найдется место еще для парочки? – Макдональд по-прежнему улыбался.

Мы были окружены дикой природой на мили вокруг. Горстку домов и ферм на Фрэзер-Ридж едва ли можно было назвать цивилизацией, они могли исчезнуть без следа, как дым. Я тут же вспомнила о голландской хижине и поежилась, несмотря на горящий очаг. Я все еще чувствовала навязчивый горький запах сгоревшей плоти, он комом стоял в горле, скрываясь за легким вкусом омлета.

– Может, – в тон ему ответил Джейми, – новые эмигранты из Шотландии, так? Из окрестностей Терсо?

Мы с майором молча уставились на него.

– Откуда, черт подери, вы знаете об этом? – удивленно спросил Макдональд. – Я сам услышал про это только десять дней назад.

– Вчера на мельнице я встретил человека, – ответил Джейми, снова беря в руки ковшик. – Джентльмена из Филадельфии, который пришел в горы, чтобы собирать растения. Он добирался через Кросс-Крик и видел их. – У его рта дернулся мускул. – Судя по всему, они наделали шума в Брунswике и почувствовали себя не очень желанными гостями, поэтому отправились на плоскодонках вверх по реке.

– Наделали шума? Что они натворили? – спросила я.

– Видите ли, мэм, – начал объяснять майор, – множество людей приплывают сюда в последнее время прямоком из Хайленда^[10]. Они целыми деревнями набиваются в трюмы, а когда высаживаются на берег, выглядят так, будто их обгадили. На побережье им нечего ловить, к тому же горожане тыкают в них пальцами и подсмеиваются над их нелепыми нарядами, Чаше всего они сразу садятся на баржу или плоскодонку и плывут вверх по реке Кейп-Фир. В Кэмпбелтоне и Кросс-Крике живет народ, который хотя бы говорит с ними на одном языке. – Он улыбнулся

мне, отряхивая грязь с полы мундира. – Люди в Брансуике не очень привыкли к таким горцам, они видели только цивилизованных шотландцев, таких, как ваш муж и его тетка. – Он кивнул в сторону Джейми, который отвесил ему шутливый поклон в ответ.

– Ну, относительно цивилизованных, – пробормотала я. Я пока еще не была готова простить майору шлюху из Эдентона. – Но...

– Они едва говорят на английском, как я слышал, – поспешил продолжить майор. Фаркуард Кэмпбелл отправился поговорить с ними и увез их на север – в Кэмпбелтон. Иначе сейчас, я не сомневаюсь, они слонялись бы по берегу, не имея представления о том, куда идти и что делать.

– Что с ними сделал Кэмпбелл? – спросил Джейми.

– Разместил у своих знакомых в Кэмпбелтоне, но, как вы понимаете, это решает проблему только на время. – Макдональд пожал плечами.

Кэмпбелтон был небольшим поселением возле Кросс-Крика, расстроившимся вокруг процветающего предприятия Фаркуарда Кэмпбелла. Земля вокруг была целиком заселена – в основном самими же Кэмпбелами. У Фаркуарда было восемь детей, многие из них уже женились и оказались такими же плодовитыми, как их отец.

– Конечно, – осторожно отозвался Джейми. – Но они с северного побережья. Они рыбаки, Дональд, не фермеры.

– Да, но они ведь хотели перемен, так? – Макдональд махнул рукой в сторону двери и леса за ней. – В Шотландии у них ничего не осталось. Они приехали сюда и теперь должны действовать исходя из ситуации. Человек ведь может научиться вести хозяйство?

Джейми, судя по всему, не был в этом уверен, но Макдональд уже горел энтузиазмом.

– Я видел множество рыбаков и земледельцев, которые становились солдатами, как и вы сам, осмелюсь предположить. Уж фермерство наверняка не сложнее военной службы.

На это замечание Джейми слегка улыбнулся: в возрасте девятнадцати лет он оставил фермерство и отправился во Францию в качестве наемного солдата.

– Может и так, Дональд. Но штука в том, что солдату с утра до ночи говорят, что делать. А кто расскажет этим несчастным дурачкам, с какой стороны доить корову?

– Думаю, это будешь ты, – сказала ему я и потянулась, расслабляя спину, занемевшую от долгой дороги, посмотрев на Макдональда. – Осмелюсь предположить, что именно к этому вы клоните, майор.

– Ваше обаяние уступает лишь вашей сообразительности, мэм, – отозвался Макдональд, галантно кланяясь в мою сторону. – Да, в этом вся соль. Все ваши люди – горцы, сэр, и земледельцы: они говорят с новоприбывшими на одном языке, могут им показать и рассказать все, что нужно – помогут им освоиться.

– В колонии немало других людей, которые говорят по-гэльски, – возразил Джейми. – И большинство из них живут гораздо ближе к Кэмпбелтону.

– Ай, но у вас есть земля, которую надо возделывать, а у них нет.

Чувствуя, что выиграл спор, майор, очень довольный собой, откинулся на кресле и взял в руки забытую кружку с пивом.

Приподняв одну бровь, Джейми взглянул на меня. У нас действительно была свободная земля – больше десяти тысяч акров, из которых возделывалось самое большее двадцать. Правдой было и то, что в колонии не хватало рабочих рук, особенно в горах, где земля не подходила для выращивания риса или табака – культур, неразрывно связанных с рабским трудом. И тем не менее, в то же время...

– Проблема в том, Дональд, как их устроить. – Джейми наклонился, чтобы вытряхнуть очередную пулю в угли, и распрямился, заправляя за ухо непослушную медную прядь. – У меня есть земля, да. Но кроме этого... Почти ничего. Нельзя просто выбросить в дикую природу людей, только что приехавших из Шотландии, и рассчитывать на то, что они с легкостью ко всему приспособятся. У меня нет даже пары ботинок и одежды, какие дают рабам, не говоря уже об инструментах. Да и кормить их всех вместе с женами и детьми всю зиму? Защищать их? – В доказательство он приподнял котелок, покачал головой и кинул в него еще кусок свинца.

– Ах, защита. Что ж, раз уж вы упомянули об этом, позвольте мне перейти к еще одному небольшому дельцу. – Макдональд наклонился вперед и заговорщицки понизил голос, хотя рядом не было никого, кто мог бы его ненароком услышать. – Я ведь сказал, что я человек губернатора, так? Он наказал мне объезжать западную часть колонии и держать ухо востро. Есть еще непомилованные регуляторы, и... – Он воровато огляделся по сторонам, будто ожидая, что один из них вдруг выскочит из камина. – Вы знаете о комитетах безопасности?

– Кое-что.

– Но у вас, на окраинах, такого пока нет, верно?

– По крайней мере, я не слышал.

У Джейми закончился свинец для плавки, и он склонился к очагу, чтобы собрать лежащие в золе новенькие пули, мягкий свет от огня сиял

красным над его макушкой. Я присела на скамью рядом с ним и взяла в руки мешочек для пуль, чтобы ему удобней было их складывать.

– Ага, – сказал Макдональд, довольный услышанным. – Значит, я приехал как раз вовремя.

В разгар волнений, которые сопровождали войну регуляторов годом раньше, группы людей начали объединяться в такие неофициальные комитеты, вдохновленные примером других колоний. Они считали, что, раз Корона больше не может обеспечить их безопасность, они должны взять это в свои руки.

Шерифам больше не доверяли, скандалы, которые спровоцировали движение «регуляторов», доказали их неспособность контролировать ситуацию. Трудность заключалась в том, что эти комитеты были самопровозглашенными, и у людей было не больше причин доверять им, чем шерифам. Были и другие комитеты. Например, Корреспондентские комитеты, свободные ассоциации людей, состоявших в активной переписке, распространявших новости и сплетни между колониями. Именно из этих многочисленных комитетов взойдут побег мятежа – они набирали силу уже сейчас, где-то в этой холодной весенней ночи.

По привычке, к которой я теперь возвращалась гораздо чаще, я посчитала, сколько времени еще оставалось. Сейчас на дворе стоял апрель тысяча семьсот семьдесят третьего года. И как изящно отметил Лонгфелло, «то было в семьдесят пятом году, в восемнадцатый день апреля...»^[11]

Два года. Но у войны длинный фитиль, и разгорается он медленно. Этот зажгли в Аламансе, и яркие жгучие линии ползущего огня в Северной Каролине были уже видны тем, кто знал, куда смотреть.

Свинцовые пули в мешочке, который я держала, перекатывались и позвякивали. Пальцы крепко сомкнулись на коже. Джейми заметил это и коснулся моего колена, быстрым и легким движением, как бы успокаивая, а затем забрал мешочек, свернул его и уложил в ящик с боеприпасами.

– Как раз вовремя, – повторил он, глядя на Макдональда. – Что вы имеете в виду, Дональд?

– Как же! Кому еще возглавлять такой комитет, как не вам, полковник? Я так и сказал губернатору.

Макдональд пытался держаться непринужденно, произнося это, но потерпел неудачу.

– Очень любезно с вашей стороны, майор, – сухо отозвался Джейми. Глядя на меня, муж приподнял бровь. Положение колониальных властей было, по всей видимости, даже хуже, чем он предполагал – губернатор Мартин не просто смирился с существованием комитетов, но тайно

поощрял их деятельность.

Протяжный звук собачьего зевка долетел до меня из холла, и я покинула мужчин, чтобы посмотреть, как там Йен. Я размышляла о том, имеет ли губернатор Мартин представление о том, что именно теряет. Я склонялась к мысли, что знает и хочет извлечь хоть какие-то плюсы из сложившейся ситуации, пытаясь взять под контроль хотя бы некоторые комитеты безопасности, поставив во главе людей, которые оставались на стороне короны во время «войны регуляторов». Однако проблема была в том, что он не мог контролировать – или даже знать – многие из таких комитетов. Колония начинала бурлить и шипеть, будто кипящий чайник на огне, а у Мартина под началом не было даже постоянной армии, только наемники вроде Макдональда да еще милиция.

Именно поэтому Макдональд называл Джейми полковником. Предыдущий губернатор Уильям Трион назначил Джейми – в общем-то против его воли – полковником милиции в местности, что начиналась над рекой Ядкин.

«Хм...» – сказала я сама себе. Ни Макдональд, ни Мартин не были дураками. Они понимали, что Джейми, став основателем комитета, позовет с собой тех же людей, что служили под его началом в милиции, – однако в этом случае правительство не было обязано ни платить им, ни обеспечивать обмундированием и оружием, губернатор к тому же не нес никакой ответственности за их действия, поскольку комитеты безопасности не были официальным органом власти.

В то же время для Джейми – и всех нас – принятие подобного предложения сулило значительные опасности.

В холле было темно, только из кухни позади меня падало немного света, да огонек единственной свечи подрагивал в операционной. Йен спал, но спал беспокойно, между бровей на мягкой юношеской коже залегла складка волнения. Ролло приподнял голову, пушистый хвост застучал по полу в приветствии.

Йен не ответил, когда я позвала его по имени и даже когда положила руку ему на плечо. Я легонько потрясла его, потом сильнее. Я видела, как он борется с чем-то в недрах своего подсознания, как человек, угодивший в стремнину и уже покорившийся манящей глубине, вдруг подцепленный на рыболовный крючок, – судорога боли в онемевшей плоти.

Его глаза открылись внезапно – темные и потерянные. Он посмотрел на меня, не узнавая.

– Привет, – сказала я мягко, ощущая облегчение от того, что он в сознании. – Как тебя зовут?

Я увидела, что он не понимает вопроса, и терпеливо повторила его. Осознание блеснуло где-то в глубине его расширенных зрачков.

– Кто я такой? – произнес он на гэльском. Он сказал что-то еще очень неразборчиво на мохавке^[12], и его веки затрепетали, снова закрываясь.

– Проснись, Йен, – сказала я резче, продолжая расталкивать его. – Скажи мне, кто ты такой.

Его глаза снова открылись, и он недоуменно сощурился, глядя на меня.

– Попробуем что-нибудь попроще, – предложила я, выставляя перед ним два пальца. – Сколько пальцев ты видишь?

Искра узнавания промелькнула в его глазах.

– Гляди, чтобы Арч Баг не увидел, что ты такое показываешь, тетушка, – сказал он сонно, слабая улыбка осветила его лицо. – Это очень грубо, знаешь ли.

Что ж, по крайней мере он узнал меня, как и жест, который я показала^[13]. И он должен был знать, кто он такой, раз назвал меня тетушкой.

– Назови свое полное имя, – попросила я снова.

– Йен Фицгиббонс Фрэзер Мюррей, – ответил он немного раздраженно. – Почему ты спрашиваешь, как меня зовут?

– Фицгиббонс? – отозвалась я. – Это еще откуда?

Он застонал и прижал два пальца к векам, легонько нажимая на них и при этом морщась.

– Идея дяди Джейми – вини его, – ответил он. – Это в честь его крестного отца, так он сказал. Его звали Мурта Фицгиббонс Фрэзер, но моя мама не хотела называть меня Муртой. Мне кажется, меня сейчас снова стошнит, – добавил он, убирая руки от лица.

После этого парень немного покряхтел над тазом, но его так и не вырвало, что было хорошим знаком. Я помогла ему улечься назад, на бок, бледному и липкому от пота. Ролло встал на задние лапы, оперевшись передними на операционный стол, и стал облизывать Йену лицо, что заставило последнего хихикать и стенать по очереди, пока он не начал слабо отталкивать пса.

– Theirig dhachaigh, Okwaho, – сказал он.

«Theirig dhachaigh» значило на гэльском «иди домой», а Okwaho было, очевидно, именем Ролло на мохавке. Йен, похоже, испытывал некоторые трудности с выбором языка, но, несмотря на это, явно был в здравом уме. После того как он ответил еще на несколько невыносимо глупых вопросов, я протерла ему лицо влажным полотенцем, дала разбавленного вина, чтобы

он прополоскал рот, и снова укутала одеялом.

– Тетушка, – сонно позвал он, когда я уже подошла к двери. – Как думаешь, я когда-нибудь еще увижу маму?

Я остановилась, не зная, как ответить на этот вопрос. Но нужда отпала сама собой – Йен уже провалился в сон с быстротой, какую часто демонстрируют пациенты с сотрясением, и глубоко задышал еще до того, как я успела подыскать слова.

Глава 6

Засада

Йен проснулся внезапно и сразу схватился за томагавк. Точнее за то, что должно было быть томагавком, но оказалось сжатыми в кулак штанами. Он не сразу понял, где находится, и резко сел на постели, пытаясь разобрать силуэты предметов в темноте.

Боль прошила голову, будто молния, заставив беззвучно выдохнуть и схватиться за нее. Где-то позади в темноте Ролло коротко и удивленно тивкнул.

Господи. Навязчивые запахи тетиной операционной ударили ему в нос: спирт, прогоревший фитиль, сушеные лекарственные растения и это мерзкое варево, которое она называла пенициллин. Он закрыл глаза, опустил лоб на подобранные колени и медленно задышал через рот.

Что ему снилось? Что-то про опасность, что-то жестокое – но никакой четкой картинки в голове не было, только ощущение погони, будто кто-то преследует его в лесу. Нужно было пописать, и срочно. Он неуверенно нащупал край операционного стола, на котором лежал, и медленно сел, свесив ноги и морщась от вспышек боли в голове.

Миссис Баг, он вспомнил, говорила, что оставила в комнате ночной горшок, но свеча догорела, а у него не было сил ползать по полу в надежде его найти. Слабый свет указал, где была дверь. Тетя оставила ее приоткрытой, и отсветы от горящего очага в кухне проникали в помещение. Используя это как ориентир, он добрался до окна, открыл его, наощупь откинул задвижку на ставнях и оказался в потоке ночного весеннего воздуха. Глаза у него были блаженно закрыты, пока он опорожнял переполненный мочевого пузыря.

Так было гораздо лучше, но вместе с облегчением пришла забытая было тошнота и болезненная пульсация в голове. Он опустил на пол, подтянул колени к груди и положил на них сложенные руки и голову,

дожидаясь пока перестанет мутить.

Из кухни доносились голоса, теперь, когда он мог сосредоточить внимание на чем-то еще, он слышал их очень четко. Там были дядя Джейми, этот Макдональд, старый Арч Баг и тетя Клэр, которая то и дело вставляла словечко в разговор. Английский выговор звучал резко по сравнению с ворчащим бормотанием шотландцев и гэльским языком.

– Затруднило бы вас, скажем, стать индейским агентом? – спрашивал Макдональд.

О чем это он? – подумалось Йену. Ну да, конечно: Корона нанимала людей, чтобы они приходили в племена, предлагали им подарки, табак, ножи и все такое. Они должны были рассказывать всякие глупости, вроде той о немце Джорди^[14] – будто бы король собирается приехать и сесть прямо здесь, у костра, на совете на следующую Заячью луну и говорить с мужчинами на равных.

При этой мысли он мрачно улыбнулся. Намерение было прозрачным – заставить индейцев воевать на стороне англичан, когда возникнет нужда. Но почему они думают, что сейчас это необходимо? Французы проиграли и отступили к своим северным укреплениям в Канаде.

Ах да. Он смутно припоминал, что Брианна рассказывала ему что-то о новой войне. Он не знал, стоило ли ей верить – может, она была права, однако в этом случае... он не хотел об этом думать. Вообще о чем-либо думать.

Ролло подошел, сел рядом и привалился к Йену. Тот в ответ откинулся немного назад и положил голову на густую собачью шерсть.

Когда он жил в Снейктауне, туда однажды приходил индейский агент. Маленький толстый человечек с бегающими глазами и дрожащим голосом. Похоже, что мужчина... Боже, как же его звали? Могавки называли его Дурной Пот, и это имя ему подходило – он вонял так, будто был смертельно болен. Так вот, похоже, он был не знаком с ганьенгэха^[15] – не знал их языка и откровенно ожидал, что они вот-вот снимут с него скальп. Им это казалось уморительным, и, если бы Тевактенюх не сказала относиться к нему с уважением, один или двое попытались бы сделать это просто ради шутки. Йен был вынужден стать переводчиком, но эту работу он выполнял без всякого удовольствия. Он скорее предпочел бы считать себя могавком, чем признал любое родство с Дурным Потом.

Вот дядя Джейми... он бы справился с таким делом куда лучше, это уж точно. Возьмется ли он за это? Йен прислушивался к голосам несколько рассеянно, но было и так ясно, что дядю Джейми не удастся ни к чему

принудить. С тем же успехом Макдональд мог попытаться удержать в ладонях лягушку весной, подумал Йен, попутно улавливая слова дяди, умело уклонявшегося от любых обещаний.

Он вздохнул, обхватил Ролло за шею и перенес больше веса на пса. Он чувствовал себя ужасно. Йен подумал бы, что умирает, если бы тетушка Клэр не сказала, что он пару дней будет чувствовать себя паршиво. Он был уверен, что будь он при смерти, она бы ни за что не ушла, оставив его в компании одного только Ролло. Ставни были по-прежнему открыты, и холодный ветерок обволакивал его, бодрящий и в то же время мягкий, воздух весенней ночи. Он почувствовал, как Ролло приподнял морду, принюхиваясь, а затем издал низкий нетерпеливый рык. Должно быть, опоссум или енот.

– Тогда иди, – сказал Йен, выпрямляясь и легонько толкая пса. – Со мной все нормально.

Собака обнюхала его с подозрением и попыталась лизнуть затылок, где были швы, но отпрянула, когда парень вскрикнул от боли и прикрыл рану руками.

– Иди, я сказал. – Он слабо стукнул пса, и Ролло фыркнул, разок крутанулся на месте, а затем прыгнул через его голову в открытое окно и приземлился с отчетливым глухим ударом. Испуганный визг прорезал ночную тишину, послышался звук скребущих лап и крупных тел, продирающихся сквозь кусты.

Голоса на кухне зазвучали удивленно, и он услышал, как дядя Джейми выходит в коридор за секунду до того, как открылась дверь операционной.

– Йен, – позвал он мягко. – Где ты, парень? Что стряслось?

Он встал, но белая слепящая пелена вдруг накрыла его глаза, и он пошатнулся. Дядя Джейми поймал его за руку и усадил на стул.

– В чем дело, парень?

Зрение постепенно прояснялось, он уже мог различить силуэт дяди в падающем из дверного проема свете, в руке у него была винтовка, лицо выглядело встревоженным, но в то же время веселым, когда он перевел взгляд на открытое окно. Он втянул воздух.

– Полагаю, это не скунс.

– Думаю, это одно из двух, – ответил Йен, осторожно дотрагиваясь до головы. – Либо Ролло охотится на пуму, либо загнал на дерево тетушкиного кота.

– Ай. На его месте я бы выбрал пуму. – Дядя отложил винтовку в сторону и пошел к окну. – Закрывать ставни или тебе нужен воздух, парень? Вид у тебя неважный.

– Я и чувствую себя неважно, – признал Йен. – Если можно, оставь так, дядя.

– Будешь отдыхать, Йен?

Он замялся. Его по-прежнему довольно сильно мутило, и очень хотелось снова лечь, но операционная делала его беспокойным – с ее сильными запахами, поблескивающими крохотными лезвиями и другими загадочными предметами, похожими на орудия пыток. Дядя Джейми, казалось, угадал причину неуверенности, потому что наклонился и взял Йена под локоть.

– Пойдем, парень. Ты можешь спать в нормальной постели наверху, если не возражаешь против компании майора Макдональда в соседней кровати.

– Я не возражаю, – ответил Йен, – но, думаю, что лучше мне остаться тут. – Он указал на окно рукой, не желая снова тревожить голову. – Ролло скорее всего быстро вернется.

Джейми не стал спорить, за что Йен был благодарен. Женщины всегда суется, мужчины же просто делают свое дело.

Дядя, не особенно церемонясь, уложил его обратно в постель, укрыл одеялом, а затем начал искать в темноте винтовку, которую он отложил. Йен подумал, что он вполне мог бы справиться сейчас с толикой женской суеты.

– Можешь дать мне стакан воды, дядя Джейми?

– А? Ах да, конечно.

Тетя Клэр оставила кувшин воды рядом с кроватью. Послышался умиротворяющий звук льющейся жидкости, а потом он ощутил край глиняной чашки возле рта, дядя прижал ладонь к его спине, чтобы помочь приподняться. Ему вообще-то не нужна была помощь, но он не стал возражать – прикосновение было теплым и успокаивающим. Он только сейчас осознал, как озяб от холодного ночного воздуха, и почувствовал, как волна дрожи прокатилась по телу.

– Все нормально, парень? – пробормотал дядя Джейми, рука его чуть сжалась на предплечье Йена.

– Все хорошо. Дядя Джейми?

– Мхм?

– Тетя Клэр рассказывала тебе о... о войне? О той, что будет, я имею в виду. О войне с Англией.

На какой-то момент повисла тишина, крупный дядин силуэт застыл, черный на фоне проникающего сквозь проем света.

– Рассказывала, – ответил он и убрал руку. – Тебе тоже рассказывала?

– Нет, кузина Брианна рассказывала. – Он осторожно улегся на бок, чтобы не потревожить покалеченную голову. – Ты им веришь?

На этот раз он ответил не раздумывая:

– Верю.

Это было сказано в сухой дядиной манере, но от его слов волосы у Йена на затылке встали дыбом.

– А. Ну ладно.

Подушка, набитая гусиными перьями, на которой он лежал, была мягкая и пахла лавандой. Дядя коснулся его головы и убрал с лица непослушные пряди.

– Не тревожься об этом, Йен, – сказал он мягко. – Время еще есть.

Джейми поднял винтовку и вышел. С места, где он лежал, Йену был виден двор, деревья, уходящие вниз на окраине Риджа, склон Черной горы, а за ним темное небо, густо усеянное звездами.

Он услышал, как открылась задняя дверь, а потом до него донесся голос миссис Баг, перекрывающий все прочие.

– Их там нет, сэр, – говорила она, задыхаясь. – Дом темный, огонь в очаге не горит. Куда они могли отправиться в такую темень?

Йен полубессознательно размышлял, о ком это она говорит, но, казалось, это было не так важно. Если появилась какая-то проблема, дядя Джейми с ней разберется. Мысль была умиротворяющей. Он ощущал себя маленьким мальчиком, лежащим в безопасности в своей постели, пока отец снаружи говорит с кем-то из арендаторов в холодной темноте хайлендского рассвета.

Тепло медленно обволокло его под одеялом, и он провалился в сон.

* * *

Луна уже начала подниматься, когда они отправились в путь. И это хорошо, подумала Брианна. Даже с этим большим кривобоком золотым светилом, выплывающим из звездной колыбели и одаривающим небо своим взятым взаймы светом, тропинка у них под ногами оставалась неразличимой. Невидимыми были даже их собственные ноги, утонувшие в абсолютной темноте ночного леса.

Здесь было темно, но не тихо. Огромные деревья шелестели над головой, крошечные создания попискивали и шуршали во тьме. Время от времени совсем рядом слышался мягкий шелест пролетающей мимо летучей мыши, и она пугалась, как будто часть ночи вдруг оживала и

касалась ее черным крылом.

– Кошка священника^[16] – пугливая кошка? – сказал Роджер, когда Брианна вздрогнула и схватилась за него, в очередной раз услышав хлопанье кожистых крыльев совсем близко.

– Кошка священника... признательная кошка, – ответила она, сжимая его руку. – Спасибо.

Вероятнее всего их предприятие кончится тем, что им придется спать в плащах перед очагом Макгилливреев вместо собственной уютной постели. Но по крайней мере Джемми будет с ними.

Роджер сжал ее руку в ответ, его ладонь была больше и сильнее, чем у жены. Этот жест придал Брианне уверенности во тьме.

– Все хорошо. Я тоже хочу, чтобы он был рядом. Это такая ночь, когда вся семья должна быть вместе, в безопасности.

Она издала негромкий звук, выражающий согласие и благодарность, но ей хотелось продолжить разговор и сохранить это ощущение внутренней связи, которое позволяло сдерживать наступление тьмы.

– Кошка священника была очень красноречивой кошкой, – осторожно добавила она. – Я имею в виду на похоронах. То, что ты говорил об этих несчастных.

Роджер усмехнулся, она увидела облачко пара от его дыхания, белое в ночном воздухе.

– Кошка священника была до крайности конфузливой кошкой, – отозвался он. – Твой отец!

Она знала, что он ее не видит, и улыбнулась.

– Ты отлично справился, – сказала Брианна нежно.

– Хм, – ответил он, снова усмехнувшись. – Что до красноречия... Если оно там и было, то это не моя заслуга. Я просто цитировал какой-то из псалмов, даже не знаю, какой именно.

– Это неважно. Почему ты выбрал именно эти строчки? – спросила она с любопытством. – Я думала ты прочтешь Отче наш или двадцать третий псалом – его все знают.

– Я думал, что так и поступлю, – признался Роджер. – Я собирался. Но когда пришло время говорить... – Он замялся, и Брианна вдруг будто снова увидела сырые холодные могилы и ощутила запах пожарища. Роджер сильнее сжал ее руку и притянул ближе, беря жену под локоть.

– Я не знаю, – сказал он глухо. – Просто эти слова показались более подходящими.

– Так и было, – прошептала она, но не стала продолжать тему, решив направить разговор в иное русло. Брианна хотела обсудить свой последний

инженерный проект – ручной насос, который позволял бы поднимать воду из колодца. – Если бы у меня было нечто, что я могла бы использовать в качестве трубы, я провела бы ее прямо в дом – проще простого! У меня накопилось уже достаточно древесины, чтобы сделать хорошую цистерну. Если мне удастся уговорить Ронни, чтобы он ее собрал, мы, по меньшей мере, сможем принимать душ из дождевой воды. Но использовать в качестве труб пустые древесные стволы никуда не годится, уйдут месяцы только на то, чтобы покрыть расстояние от колодца до дома, не говоря уже о ручье. И нет никаких шансов достать листовую медь. Даже если бы мы могли себе это позволить – а мы не можем – везти ее из Уилмингтона было бы... – Она обреченно махнула рукой, сетуя на несоответствие желаний и возможностей.

Роджер задумался об этом на несколько мгновений, их башмаки синхронно шуршали по каменистой тропе.

– Ну, древние римляне, например, использовали бетон. Состав можно найти у Плиния.

– Знаю. Но для этого нужен определенный тип песка, которого здесь, увы, не найти. И еще известь, которой тоже у нас нет. И...

– А как насчет глины? – прервал ее Роджер. – Ты видала ту тарелку на свадьбе у Хильды? Большую красно-коричневую, с красивыми узорами?

– Да, – ответила она. – К чему ты вспомнил?

– Уте Макгилливрей сказала, что ее привез кто-то из Салема. Не помню имени, но она говорила, что он большой мастер в горшкоделании – или как там это называется?

– Спорю на что угодно, она такого не говорила.

– Или что-то в этом духе, – продолжил он, не обращая внимания на вставку Брианны. – Штука в том, что он сделал это здесь, ее не привезли из Германии. А это значит, что тут есть глина, пригодная для обжига.

– О, понятно. Что ж, это идея, так ведь?

Так оно и было, и идея заманчивая, на обсуждение которой они потратили практически весь оставшийся путь.

Они спустились с Риджа и были уже в четверти мили от дома Макгилливреев, когда она ощутила неприятное покалывание где-то возле затылка. Это могло быть просто разыгравшееся воображение: после того, что они увидели в той обезлюдившей низине, темный лесной воздух, казалось, дышал угрозой, за любым резким поворотом Брианне мерещилась засада, и она напряженно ожидала нападения.

А потом она услышала, как что-то хрустнуло в чаще справа – краткий сухой звук ломающейся ветки, какой не может произвести ни ветер, ни

животное. Реальная опасность имела свой вкус – сильный, как лимонный сок в сравнении со слабым лимонадом воображения. Ладонь предостерегающе сомкнулась на руке Роджера, и он сразу же остановился.

– Что? – прошептал он, сжав руку на рукоятке ножа. – Где?

Он не услышал того, что заметила Брианна. Черт, почему она не взяла пистолет или на худой конец кинжал? Единственное оружие, бывшее в ее распоряжении, – швейцарский армейский нож, который она всегда носила в кармане, да еще то, что можно было найти в лесу. Она крепко прижалась к Роджеру и повела рукой очень близко к его телу, чтобы он точно угадал направление. Затем Брианна присела, ощупывая землю вокруг на предмет острого камня или подходящей палки.

– Продолжай говорить, – шепнула она.

– Кошка священника – боязливая кошка, так? – сказал он, явно поддразнивая ее.

– Кошка священника – беспощадная кошка, – ответила она, пытаясь скопировать его интонацию и в то же время шаря одной рукой в кармане. Другая крепко сомкнулась на тяжелом и холодном камне, который она вытащила из липкой грязи под ногами. Она поднялась, сосредоточив все чувства на темноте справа. – Эта кошка порвет на куски любого...

– А, это вы, – сказал голос в лесу позади нее.

Брианна вскрикнула, и Роджер рефлекторно дернулся, развернулся на пятках, чтобы встретить угрозу лицом к лицу, подхватил жену и толкнул ее за спину – все одним махом. От толчка по инерции она попятилась назад, зацепилась каблуком за древесный корень и больно упала задом. С этой позиции открылся отличный вид на Роджера, который в лунном свете бросился к деревьям с устрашающим ревом, держа кинжал в руке.

С запозданием она осознала, что именно сказал голос, равно как и тон, в котором безошибочно звучало разочарование. Очень похожий голос, тревожно громкий, раздался из-за деревьев справа.

– Джо? – сказал он. – Что? Что, Джо?

В это время справа доносились звуки борьбы и пронзительные вопли. Роджер явно кого-то поймал.

– Роджер! – закричала она. – Роджер, стой, это Бердсли.

Она уронила камень, когда падала, и теперь, поднимаясь на ноги, вытирала юбкой грязь с руки. Сердце колотилось, на левой ягодице наливался приличный синяк, а рвущийся наружу смех боролся с сильным желанием придушить одного или сразу обоих близнецов Бердсли.

– Кеси Бердсли, а ну-ка выходи оттуда! – крикнула она, а потом повторила еще раз, громче. Слух у Кеси улучшился после того, как мать

удалила его вечно больные гланды и аденоиды, но он по-прежнему был глуховат.

Вслед за громким шуршанием появилась худощавая фигура Кеси Бердсли, темноволосого, бледного и вооруженного большой дубиной, которую при виде Бри он снял с плеча и неловко попытался спрятать за спиной. В то же время еще более громкое шуршание и изрядное количество ругательств позади нее возвестило появление Роджера, сжимающего цыплячью шею Джосайи Бердсли, близнеца Кеси.

– Что, во имя господи, вы тут затевали, маленькие засранцы? – спросил Роджер, толкая Джо вперед, к брату, в пятно лунного света. – Вы понимаете, что я вас чуть не поубивал?

Света было ровно столько, чтобы Брианна успела заметить глумливую ухмылку на лице Джо перед тем, как ее сменило выражение самого искреннего раскаяния.

– Простите, мистер Мак. Мы услышали, что кто-то идет и подумали, что это могут быть бриганды^[17].

– Бриганды, – повторила Брианна и почувствовала неудержимое желание рассмеяться, но мужественно сдержалась. – Откуда вы вообще взяли это слово?

– О. – Джо стал рассматривать носки своих башмаков, сцепив руки за спиной. – Мисс Лиззи читала нам немного из той книги, что привез мистер Джейми. Там про них было. Про бригандов.

– Понятно.

Она тайком посмотрела на Роджера, который поймал ее взгляд. Судя по всему, он уже перестал злиться, и ситуация стала его забавлять.

– «Пират Гоу», – объяснила она. – Дефо.

– Ах, вот как. – Роджер сложил кинжал в ножны. – И почему же вы решили, что сюда могут идти бриганды?

Кеси, чей слух отличался непредсказуемостью, разобрал этот вопрос и ответил. Говорил он так же серьезно, как и брат, только голос у него был громче и монотоннее в результате ранней глухоты.

– Мы встретили мистера Линдси, когда он ехал домой. Он рассказал нам, что произошло там, у Голландского ручья. Это правда? Они все сгорели дотла?

– Они все были мертвы. – Голос Роджера утратил всякий намек на веселость. – Но как это связано с тем, что вы бродите ночью по лесу с дубинками?

– Ну, видите ли, сэр, имение Макгилливреев – хорошее, большое место с лавкой бондаря и новым домом, к тому же стоит прямо у дороги... В

общем, будь я бригадом, сэр, как раз сюда бы и отправился, – ответил Джо.

– А еще там мисс Лиззи с отцом. И ваш сын, мистер Мак, – добавил Кеси многозначительно. – Мы не хотели, чтобы с ними что-нибудь случилось.

– Понятно. – Роджер кривовато улыбнулся. – Что ж, тогда спасибо за вашу заботу. Однако я очень сомневаюсь, что бригады могут быть где-то поблизости. Голландский ручей очень далеко отсюда.

– Верно, сэр, – согласился Джо. – Но ведь бригады могут быть где угодно, так ведь?

Это была абсолютная, неоспоримая истина, и Брианна снова ощутила, как внутри все похолодело.

– Могут, но здесь их точно нет, – заверил Роджер. – Пойдемте-ка с нами в дом, а? Мы только собираемся забрать малыша Джемми, я уверен, у фрау Уте найдется пара мест перед очагом.

Братья Бердсли обменялись загадочными взглядами. Они были практически одинаковыми – маленькими и подвижными, с густыми темными волосами, их единственными различиями была глухота Кеси да еще круглый шрам у Джо на большом пальце. Вид этих двух вытянутых тонких лиц с одним и тем же выражением несколько выбивал из колеи. Что бы ни было предметом их обсуждения, одного взгляда оказалось достаточно, чтобы принять решение, потому что Кеси еле заметно кивнул, соглашаясь с братом.

– Нет, сэр, – сказал Джосайя вежливо. – Мы, пожалуй, останемся здесь.

И без всяких дальнейших разговоров оба развернулись и бросились в темноту, шурша опавшими листьями и камешками.

– Джо, стой! – закричала Брианна вслед, она нащупала кое-что на дне своего кармана.

– Ай, мэм? – Джосайя вернулся, неожиданно и беззвучно появившись у ее локтя. Его близнец не был охотником и следопытом, но Джо был.

– О! То есть вот ты где! – Она глубоко вздохнула, чтобы успокоить сердцебиение, и подала ему резной свисток, который она сделала для Германа. – Вот. Если вы собираетесь нас охранять, это может вам пригодиться. Позвать на помощь, если кто-то объявится.

Джо Бердсли никогда раньше не видел свистка, но не спешил в этом сознаваться. Он повертел маленький предмет в руках, стараясь не пялиться на него. Роджер протянул руку, взял свисток и хорошенько дунул в него – ночь взорвалась от резкого звука. Несколько разбуженных птиц испуганно

взлетели с веток соседних деревьев, возмущенно крича. Кеси Бердсли внимательно наблюдал за их полетом с круглыми от удивления глазами.

– Дуй с этой стороны, – сказал Роджер, поднимая свисток правильным концом вверх, перед тем как отдать новому владельцу. – Нужно немного сжать губы.

– Весьма обязан, сэр, – пробормотал Джо. Его обычно невозмутимый вид совершенно исчез с того самого момента, как резкий свист прорезал тишину. Он взял свисток у Роджера с широко раскрытыми глазами, какие бывают у детей рождественским утром, и тут же показал трофеем брату. Внезапно Брианну поразила мысль о том, что скорее всего ни у одного из них никогда не было рождественского утра, да и подарков им никто не дарил.

– Я сделаю для тебя еще один, – сказала она Кеси. – Тогда вы двое сможете подавать друг другу сигналы, если увидите бригадиров, – добавила Бри с улыбкой.

– О, конечно, мэм. Так мы и поступим! Не сомневайтесь! – заверил он, едва глядя на нее, – мальчишке не терпелось исследовать свисток, который теперь был в руках у брата.

– Свистните три раза, если вам нужна будет помощь, – крикнул им вслед Роджер, беря жену под руку.

– Да, сэр! – донеслось из темноты вместе с запоздалым: – Спасибо, мэм. – За этими словами последовала череда вздохов и хрипов, перемежающихся успешным, но кратким свистом.

– Лиззи, я погляжу, учит их кое-каким манерам, – заметил Роджер. – И, видимо, чтению. Как думаешь, они когда-нибудь смогут стать цивилизованными людьми?

– Нет, – ответила она с ноткой сожаления.

– Серьезно? – Брианна не видела его лица в темноте, но слышала удивление в голосе. – Вообще-то это была шутка. Ты правда думаешь, что нет?

– Правда. И в этом нет ничего удивительного, учитывая, в каких условиях они росли. Ты видел, как они себя вели с этим свистком? Никто никогда не делал им подарков, у них даже игрушек не было.

– Согласен. Но ты считаешь, что именно это делает мальчиков цивилизованными? В таком случае малыш Джем станет философом или художником. Миссис Баг ужасно его балует.

– Как будто ты не балуешь, – сказала она добродушно. – И папа, и Лиззи, и мама, и все вокруг.

– Ну, – ответил Роджер, несколько не смущенный обвинением. –

Подожди, пока у него появятся конкуренты. Герману, например, не грозит стать разбалованным, так?

Германа, старшего сына Фергуса и Марсали, постоянно донимали две младшие сестренки, известные всем как адские котята. Они повсюду преследовали брата, дразня и мучая его.

Брианна засмеялась, но ее охватило легкое беспокойство. Мысли о втором ребенке заставляли чувствовать себя как на американских горках – дыхание перехватывало, а желудок сжимался, она разрывалась между радостным волнением и ужасом. Особенно ощутимо это было сейчас, когда память об их близости была еще так свежа и тяжела, перетекая в животе, подобно ртути. Роджер, кажется, ощутил ее неуверенность и не стал продолжать тему. Вместо этого он взял ее за руку и сжал большой и теплой ладонью. Воздух вокруг был холодным, остатки зимней стужи стелились в низинах белыми облаками.

– А как насчет Фергуса? – спросил он, возвращаясь к предыдущей теме. – Из того, что я слышал, детства у него почти не было, однако он кажется вполне цивилизованным.

– Моя тетя Дженни воспитывала его с той поры, когда ему исполнилось десять, – возразила она. – Ты не встречал тетю Дженни, но, уж поверь, она могла бы выбить дурь даже из Адольфа Гитлера, если бы захотела. К тому же Фергус рос в Париже, а не в дремучей чаще – хоть бы даже и в борделе. И, кстати, из того, что я слышала от Марсали, это, похоже, был высококлассный бордель.

– А? Что она тебе рассказывала?

– О, просто истории, которые он между делом описывал ей. Про клиентов и ш... девушек.

– Значит, ты не можешь произнести слово «шлюха»? – спросил он, наслаждаясь ее смущением.

Брианна почувствовала, как кровь прилила к щекам, и ощутила облегчение от того, что было темно: когда она краснела, он дразнил ее сильнее.

– Ничего не могу поделать, я ведь ходила в католическую школу, – ответила она, защищаясь. – Раннее воспитание.

Это была чистая правда: она не могла произносить определенные слова, кроме как в порыве ярости или заранее подготовившись.

– А ты почему можешь? Надо думать, сын священника должен иметь такую же проблему.

Роджер иронически усмехнулся.

– Не совсем такую. Я скорее был вынужден уметь ругаться и делать

всякое перед друзьями, просто чтобы доказать, что могу.

– Какое всякое? – спросила она, ощущая, что за его словами таится какая-то история. Он не очень часто рассказывал о детских годах в Инвернессе, когда его усыновил двоюродный дедушка, пресвитерианский священник. Но ей нравилось, когда муж между делом упоминал какие-то эпизоды из того времени.

– Ох. Курить, пить пиво и писать разные грязные словечки на стенах мужского туалета, – ответил он, и в словах ощущалась улыбка. – Опрокидывать урны, прокалывать шины. Красть сладости с почты. По тем временам я был настоящим маленьким разбойником.

– Гроза Инвернесса, вот как? А банда у тебя была? – поддразнила она.

– Была, – ответил он смеясь. – Герри Макмилан, Бобби Каудор и Дуги Бошнан. Я был белой вороной не только из-за преподобного, ко всему прочему у меня был отец англичанин и английское имя. Так что мне все время приходилось демонстрировать, что я крепкий орешек. И говоря это, я имею в виду, что, как правило, мне доставалось больше всех.

– Понятия не имела, что ты был малолетним преступником, – сказала Бри, очарованная этой мыслью.

– Ну, это продолжалось не так уж долго, – усмехнувшись, заверил Роджер. – В то лето, когда мне исполнилось пятнадцать, преподобный нашел мне работу на рыболовном судне и отправил в море – на селечный промысел. Не знаю, хотел ли он таким образом обтесать мой неугомонный нрав, уберечь от тюрьмы или просто ему надоело, что я шляюсь по дому без дела, но это сработало. Если хочешь найти суровых людей, отправляйся в море с группой гэльских рыбаков.

– Я запомню совет, – сказала она, упорно стараясь не захихикать, и вместо этого издала серию коротких влажных всхрипываний. – Твои друзья оказались в тюрьме или сразу исправились без своего главаря, который толкнул их на скользкую дорожку?

– Дуги ушел служить в армию, – ответил Роджер с ноткой томления в голосе. – Герри унаследовал отцовский магазин, тот торговал табаком. А Бобби... хммм... Бобби мертв. Утонул тем же летом, когда ловил лобстеров с кузеном возле Обана.

Брианна наклонилась ближе к нему, сжала его руку и сочувственно потрепала по плечу.

– Мне очень жаль, – сказала она, потом помолчала и добавила: – Разве что... Он еще не умер, так ведь? Пока что нет. Не сейчас.

Роджер покачал головой и издал причудливый звук, в котором

одновременно слышались смех и тоска.

– Тебя это утешает? – спросила Бри. – Или, наоборот, думать об этом ужасно?

Ей хотелось, чтобы муж продолжал: Роджер не говорил так много за раз с момента повешения, которое украдо его мелодичный голос. Когда было необходимо что-то говорить в присутствии других людей, горло у него сжималось от волнения. Сейчас его голос был по-прежнему хриплым, но он был расслаблен и потому не кашлял и не прерывался на полуслове.

– И то и другое, – ответил он и повторил звук. – Что так, что эдак – все равно я его больше не увижу. – Он передернул плечами, отгоняя от себя мысль. – А ты часто думаешь о старых друзьях?

– Нет, не очень часто, – ответила она мягко. Дорожка стала уже, и она притянула его ближе к себе, до дома Макгилливреев оставался всего один поворот. – Здесь и так слишком много всего. – А о том, чего нет, Брианна говорить не хотела.

– Думаешь, Джо и Кеси просто играют? – спросила она. – Или что-то задумали?

– Что они могли задумать? – спросил он, принимая решение супруги сменить тему без всяких комментариев. – Мне сложно поверить, что они собрались кого-то ограбить, уж точно не в это время ночи.

– О, я верю, что они действительно караулят, – ответила Бри. – Они сделают что угодно, чтобы защитить Лиззи. Просто... – Она приостановилась.

Они вышли из леса на большую дорогу, дальний конец которой обрывался с одной стороны крутым оврагом, выглядевшим в ночи как глубокий омут, наполненный до краев черной бархатной тьмой. Днем там можно было разглядеть паутину сухих веток вперемежку с шапками рододендрона, багряника и кизила, заросших плетью древних виноградных лоз и плюща. Дорога делала осторожную петлю вокруг обрыва и сотней футов ниже плавно подходила к поселению Макгилливреев.

– Внутри до сих пор горит свет, – заметила Брианна удивленно.

Небольшая группа построек – старый дом, новый дом, бондарная мастерская Ронни Синклера, кузница и хижина Дэя Джонса были почти целиком погружены в темноту, только сквозь ставни нижних окон нового дома просачивался свет, да перед крыльцом горел костер, ослепительно-яркий на фоне окружающей черноты.

– Кенни Линдси, – уверенно сказал Роджер. – Бердсли сказали, они его встретили. Наверняка остановился, чтобы поделиться новостями.

– Хм. Тогда надо быть поосторожнее. Если они тоже ждут бригадов, то будут стрелять во все, что движется.

– Не сегодня. У них праздник, помнишь? Так что ты там говорила про мальчишек Бердсли, которые защищают Лиззи?

– Ой! – Она споткнулась о какое-то невидимое препятствие и крепче схватилась за Роджера, чтобы не упасть. – Уфф. Я хотела сказать – мне не совсем ясно, от кого, по их мнению, они ее охраняют.

Роджер рефлекторно напрягся, удерживая жену.

– Что ты хочешь сказать?

– Что если бы я была Манфредом Макгилливреем, то уж постаралась бы стать Лиззи хорошим мужем. Мама говорит, Бердсли повсюду следуют за ней, как два верных пса, но это не совсем так. Они за ней следуют, как прирученные волки.

– Я думал, Йен сказал, что волков невозможно приручить.

– Так и есть, – сказала Бри коротко. – Давай-ка поспешим, пока огонь не затушили.

* * *

Большой бревенчатый дом был буквально переполнен людьми. Свет лился из открытой двери и сиял в полоске крошечных бойниц, раскиданных по фасаду дома, темные силуэты двигались на фоне горящего костра. До них сквозь тьму долетели звуки скрипки, высокие и задорные, вместе с ними ветер принес запах жареного мяса.

– Что ж, кажется, Сенга действительно сделала выбор, – заметил Роджер, беря жену под руку перед финальным крутым подъемом к перекрестку. – На кого ты ставишь? Ронни Синклер или немецкий парень?

– Пари? И какие ставки? Упс! – Она снова споткнулась, наткнувшись на камень, наполовину скрытый под слоем дорожной грязи, но Роджер крепче вцепился в нее, помогая удержать равновесие.

– Проигравший наводит порядок в кладовой.

– Идет. – Она согласилась не раздумывая. – Я считаю, выбрали Хайнриха.

– Ай? Что ж, ты, может быть, и права, – сказал он, явно получая удовольствие от спора. – Но должен сказать тебе, шансы были пять к трем в пользу Ронни, так я слышал недавно. Фрау Уте – сила, с которой приходится считаться.

– Так и есть, – признала Брианна. – И если бы это была Хильда или

Инга, я бы сказала, что тут и говорить не о чем. Но у Сенги материнский нрав, ей никто не указ – даже фрау Уте. Откуда они вообще взяли имя Сенга? – добавила Брианна. – Вокруг Салема полно Хильд и Инг, но я никогда не слышал ни о какой другой Сенге.

– Ну, что ж, ты и не могла услышать – не в Салеме, по крайней мере. Это не немецкое имя, а шотландское.

– Шотландское? – изумленно переспросила Бри.

– Ай, – ответил он с улыбкой в голосе. – Это Агнес наоборот. Девочка, которую так называли, просто обязана быть полной противоположностью [\[18\]](#).

– Ты шутишь? Агнес наоборот?

– Не сказал бы, что оно распространенное, но я точно встречал одну или две Сенги в Шотландии.

Брианна засмеялась.

– Шотландцы поступают так еще с какими-нибудь именами?

– Произносят задом наперед? – Он задумался. – Ну, я учился в одном классе с девчонкой, которую звали Аднил, а еще был мальчишка-посыльный из лавки зеленщика, который разносил овощи старушкам, что жили в округе, – его имя звучало как «Кирри», но писалось как «К-и-р-э».

Девушка пристально посмотрела на него, пытаясь понять, не подшучивает ли он над ней, и покачала головой.

– Думаю, мама права насчет шотландцев. Тогда твое имя наоборот будет...

– Реждор, – подтвердил он. – По-моему звучит, как что-то из фильма про Годзиллу. Гигантский угорь, например, или огромный жук, у которого из глаз бьют лучи смерти, – почти мечтательно предположил он.

– Ты об этом размышлял, так ведь? – спросила Бри, смеясь. – Кем бы ты хотел быть?

– Ну, когда я был ребенком, мне казалось, что ничего лучше жука с лучами смерти придумать нельзя. Но потом, когда я ушел в море, в мои сети время от времени попадались мурены. И поверь мне, это не те угри, с которыми ты хотела бы столкнуться в темном переулке.

– Уж точно попроворнее Годзиллы, – сказала она и легонько поежилась, вспомнив мурену, с которой ей довелось однажды столкнуться. Четыре фута пружинистой стали и мокрой резины, быстрой, как молния, и вооруженной пастью, напигованной бритвенными лезвиями. Она наблюдала за разгрузкой рыбацкой лодки в маленьком портовом городке Макдафф, когда это создание внезапно вырвалось из трюма, где хранят улов.

Брианна с Роджером стояли, облокотившись на низкий каменный

парапет, и лениво наблюдали за чайками, зависшими на ветру над морем, когда снизу, с рыбацкой лодки, донесся испуганный крик. Они посмотрели вниз как раз вовремя, чтобы увидеть, как рыбаки на палубе разбегаются в стороны.

Нечто темное и изогнутое мелькнуло среди серебряной чешуи на палубе, скользнуло под перила и приземлилось на мокрые булыжники пристани, где вызвало заметную панику среди тех, кто мыл и чистил снасти. Мурена крутилась и изворачивалась, будто взбесившийся высоковольтный кабель, пока какой-то мужчина в резиновых сапогах, взяв себя в руки, не вернулся назад и не столкнул ее в воду.

– Ну, в общем-то не такие уж они плохие ребята, эти угри, – заметил Роджер рассудительно, очевидно, вспоминая тот же случай. – В конце концов, разве можно их винить? Быть вытащенным со дна моря без всякого предупреждения – любой бы повел себя немного резко.

– Это точно, – отозвалась Бри, думая о них самих. Она взяла руку мужа, и их пальцы сплелись. Он сжал ее ладонь в ответ, и это холодное крепкое прикосновение ее утешило.

Они уже были достаточно близко, чтобы уловить обрывки смеха и разговоров, уносящиеся в холодную ночь вместе с дымом от костра. Вокруг без всякого присмотра бегали дети, две маленькие фигуры мелькали возле ног взрослых, стоящих у огня, – черные и долговязые, как гоблины на Хэллоуин.

Это ведь не мог быть Джем, верно? Нет, он меньше, к тому же Лиззи уж точно...

– Медж, – вдруг сказал Роджер.

– Что?

– Джем наоборот, – пояснил он. – Я просто подумал, было бы здорово посмотреть с ним фильмы про Годзиллу. Может, он бы тоже захотел стать жуком, у которого из глаз бьют лучи смерти? Было бы весело, да?

Голос звучал так мечтательно, что к горлу Бри подкатил комок. Она крепко сжала его руку и сглотнула.

– Расскажи ему истории про Годзиллу, – предложила она уверенно. – Все равно он ненастоящий. А я нарисую картинки.

Он засмеялся.

– Господи, ты это сделаешь, а они потом закидают тебя камнями за то, что ты водишься с дьяволом, Бри. Годзилла выглядит как нечто, вылезшее прямо из Книги Откровения, по крайней мере так мне сказали.

– Кто сказал? – Кто говорил?

– Иджер.

– Кто... ох, – сказала она, переворачивая в уме. – Режди? Кто такой Реджи?

– Преподобный.

Его двоюродный дед, его приемный отец. Голос по-прежнему звучал весело, но приобрел оттенок ностальгии.

– Когда мы вместе ходили по субботам на фильмы про монстров. Иджер и Реджор. Ты бы видела лица дам из Алтарного чайного общества, когда миссис Грэхем впускала их без предупреждения, и они заставляли нас в кабинете пастора, пока мы топали и ревели, круша Токио, построенный из кубиков и банок из-под супа.

Брианна засмеялась, но в уголках глаз защипало от подступающих слез.

– Я хотела бы с ним познакомиться, – сказала она, сжимая его руку.

– Я бы тоже этого хотел, – ответил он тихо. – Ты бы так ему понравилась, Бри.

На несколько минут, пока Роджер говорил, темный лес и искры от пламени внизу исчезли. Они были в Инвернессе, в уюте пасторского кабинета, где по стеклу барабанил дождь, а снаружи доносился звук проезжающих автомобилей. Такое часто случалось, когда они вот так говорили между собой. А затем какая-нибудь незначительная деталь разрушала иллюзию – в этот раз люди у костра начали петь и хлопать в ладоши, – и их мир таял в мгновение ока.

Внезапно она подумала, что случилось бы, если бы он умер. Смогла бы она воскресить все это без него? От этой мысли ее вдруг охватил секундный приступ почти животного страха. Роджер – ее краеугольный камень, без него, с одними только воспоминаниями в качестве якоря, то время будет потеряно. Оно превратится в смутные грезы и будет потеряно, оставив без твердой почвы под ногами. Брианна глубоко вдохнула холодный ночной воздух, наполненный пряным запахом костра, и, шагая, стала сильнее вдавливать пятки в землю, чтобы чувствовать себя реальной.

– Мама, мама. – Маленький темный клубок отделился от толпы у костра и стремительно бросился к ней, с такой силой врезавшись в ее колени, что пришлось схватить Роджера за предплечье.

– Джем! Вот ты где! – Она подхватила ребенка на руки и зарылась лицом в волосы, которые приятно пахли козами, сеном и пряными сосисками. Джем был очень тяжелый и более чем реальный.

В этот момент Уте Макгилливрей обернулась и увидела их. Широкое лицо выглядело хмурым, однако просветлело, как только она разглядела, что за гости к ней пожаловали. Люди заоборачивались на ее приветствие, и

толпа мгновенно обступила вновь прибывших. Все что-то спрашивали и выражали удивление по поводу их позднего визита.

Несколько вопросов касались семьи голландцев, но Кенни Линдси уже успел принести новости о пожаре, и Брианна была этому рада. Поселенцы огорченно хмыкали и качали головами, но к этому моменту они уже растеряли весь задор к построению ужасающих гипотез и перешли к другим темам. Сердце все еще помнило холод могил, притаившихся под пихтами, и ей не хотелось заново проживать эти воспоминания, обсуждая случившееся.

Обрученные сидели рядом на паре перевернутых ведер и держались за руки, молодые лица блаженно светились в отблесках костра.

– Я выиграла, – сказала Брианна и улыбнулась, глядя на них. – Разве они не выглядят счастливыми?

– Еще как, – согласился Роджер. – Сомневаюсь, что Ронни Синклер счастлив. Он здесь?

Вместе они огляделись кругом, но бочара нигде не было видно.

– Погоди-ка, он в мастерской, – уверенно сказала она, кладя ладонь Роджеру на запястье и кивая в сторону небольшой постройки на другой стороне дороги.

С видимой стороны мастерской окон не было, но щель вокруг закрытой двери светилась желтым. Роджер перевел взгляд с темной мастерской на хмельную толпу вокруг костра. Родственники Уте приехали вместе с женихом из Салема, прихватив с собой огромный бочонок темного пива, который определенно добавил праздничной атмосферы. Казалось, густой запах хмеля пропитал все вокруг.

Вокруг мастерской бочара, напротив, витал дух заброшенности и отчужденности. Брианна задалась вопросом, вспомнил ли кто-нибудь у костра о Ронни Синклере.

– Я пойду и перекинусь с ним парой слов, ай? – Роджер легонько коснулся ее спины. – Думаю, слушатель ему не мешает.

– Слушатель и хорошая выпивка? – Брианна кивнула в сторону дома, где Робин Макгилливрей, стоящий возле дверного проема, разливал нечто похожее на виски своим друзьям.

– Думается мне, что с этим он сам разобрался, – сухо отозвался Роджер. Он оставил ее и стал проталкиваться сквозь веселую толпу у костра. Скоро мужчина растворился в темноте, но потом она увидела, как открылась дверь мастерской и в проеме двери появился силуэт Роджера, его высокая фигура почти целиком заслонила свет, льющийся из дома, перед тем, как он исчез внутри.

– Мама, хочу пить! – Джемми дергался, как лягушонок, пытаясь вырваться. Она опустила его, и он умчался быстрее пули, по пути едва не сбив с ног крупную женщину с тарелкой кукурузных лепешек.

Запах еще горячей стряпни напомнил о том, что она не ужинала, и Брианна пошла следом за сыном к столу с едой, где Лиззи, свыкаясь с ролью будущей хозяйки этого дома, со всей серьезностью наложила ей в тарелку капусты, сосисок, копченых яиц и что-то еще с кукурузой и тыквой.

– А где же твой возлюбленный, Лиззи? – поддразнила она. – Разве вам не положено обниматься весь вечер?

– Ох, этот. – Лиззи выглядела как человек, припоминающий нечто, представляющее общий интерес, но никак не первостепенную важность. – Вы имеете в виду Манфреда? Он... вон там. – Она прищурилась, глядя в сторону костра, а потом ложкой указала на своего жениха. Манфред Макгилливрей стоял рядом с тремя другими мужчинами, руки их были сплетены, и они покачивались из стороны в сторону, выводя какую-то песню на немецком. Похоже, они не в состоянии были в точности вспомнить слова, поскольку каждый куплет заканчивался хихиканьем, шутливыми обвинениями и толчками.

– Вот, Schätzchen, – это «милый» по-немецки, – сказала Лиззи, склоняясь к Джему, чтобы дать кусочек колбаски.

Он схватил его, как голодный тюлень, и начал усердно жевать, затем пробормотал:

– Хочу пить. – И исчез в ночи.

– Джем! – Брианна хотела пойти за ним, но толпа, устремившаяся к столу, помешала осуществить задуманное.

– Да не тревожьтесь так, – успокоила ее Лиззи. – Его здесь все знают, ничего плохого с ним не случится.

Однако она все равно пошла бы за сыном, не появившись рядом с Джемом маленькая белокурая голова Германа, его закадычного друга. Герман был на два года старше, но житейского опыта у него было в разы больше, чем положено иметь обычному пятилетнему мальчику, – спасибо наставлениям отца. Она надеялась, что он не догадался лазать по чужим карманам в толпе, и мысленно отметила, что стоит обыскать его позже на предмет контрабанды.

Герман крепко взял Джема за руку, и Брианна позволила себе остаться вместе с Лиззи, Ингой и Хильдой. Они присели на тюках с сеном чуть в стороне от костра.

– Ну а где же твой дружок? – шутливо спросила Хильда. – Твой

большой и красивый черный дьявол?

– Ах, этот, – ответила Брианна, подражая Лиззи, и девушки разразились дружным и совсем не женским смехом. Очевидно, пиво уже забродило у них в головах.

– Он с Ронни, – сказала она, кивнув в сторону темной мастерской бочара. – Ваша мать расстроена выбором Сенги?

– Ох. Еще как, – ответила Инга, страдальчески закатывая глаза. – Надо было слышать, как они спорят, мама и Сенга. Нашла коса на камень. Отец ушел на рыбалку и не возвращался три дня.

Брианна наклонила голову, чтобы скрыть улыбку. Робин Макгилливрей любил спокойствие и размеренность, именно то, чем он едва ли когда-нибудь сможет насладиться в компании жены и дочерей.

– Ну, – протянула Хильда философски, чуть откидываясь назад, чтобы было удобнее: она была беременна первым ребенком и находилась на большом сроке. – Ей вообще-то трудно было возражать Сенге, meine Mutter^[19]. Хайнрих все-таки сын ее собственной кузины, хоть он и беден.

– Очень молод, – прагматично добавила Инга. – Папа говорит, Хайнриху понадобится время, чтобы разбогатеть.

Ронни Синклер не был особенно богат и к тому же был старше Сенги на тридцать лет. С другой стороны, у него была его собственная мастерская и он владел половиной дома, в котором жил вместе с Макгилливреями. Поэтому Уте, устроив брак старших дочерей с мужчинами состоятельными и твердо стоящими на ногах, ясно видела преимущества союза между Сенгой и Ронни.

– Из-за этого решения может возникнуть некоторая неловкость, – осторожно заметила Брианна. – Ведь Ронни продолжит жить с вашей семьей после того, как... – Она кивнула в сторону обрученных, которые кормили друг друга пирогом.

– Ух! – воскликнула Хильда, закатив глаза. – Как же я рада, что не живу здесь.

Инга поспешно кивнула, соглашаясь с сестрой, но добавила:

– Ну, матушка не из тех, кто опускает руки, случись какая неприятность. Она уже присматривает жену для Ронни. Только поглядите на нее. – Она кивнула в сторону стола, где Уте, улыбаясь, болтала с группой немок.

– Как думаешь, кого она выбрала? – спросила Инга сестру, которая, сузив глаза, наблюдала за матерью. – Маленькую Гретхен? Или, может, кузину твоего Арч? Ту, что косоглаза, Сеону?

Хильда, которая была замужем на шотландцем из округа Сарри,

покачала на это головой.

– Мама наверняка присматривает немецкую девушку, – возразила она. – Потому что она держит в уме, что произойдет, если Ронни умрет и его жена снова выйдет замуж. Так вот если это будет немка, есть шансы, что маме удастся сосватать ее одному из своих племянников или кузенов. Чтобы имущество осталось в семье, понимаешь?

Брианна увлеченно слушала, как невозможно девушки обсуждают ситуацию с женитьбой, и размышляла, имеет ли Ронни Сикнлер хоть малейшее представление о том, с каким прагматизмом решается его дальнейшая судьба. С другой стороны, он прожил под одной крышей с Макгилливреями больше года, значит, должен иметь представление о методах Уте.

Тихо благодаря Бога за то, что ей самой не придется жить в одном доме с грозной фрау Макгилливрей, она посмотрела на Лиззи, вдруг ощутив глубокое сочувствие по отношению к своей бывшей горничной. Как только Лиззи выйдет за Манфреда в следующем году, она станет жить с Уте.

Услышав имя «Уэмисс», Брианна отвлеклась от своих мыслей и вернулась к разговору, только чтобы обнаружить, что девушки обсуждают не саму Лиззи, но ее отца.

– Тетушка Гертруда, – объявила Хильда и тихонько рыгнула, прикрыв рот кулаком. – Она сама вдова, она подойдет ему лучше всего.

– С тетусшкой Гертрудой мистер Уэмисс не доживет до первой годовщины свадьбы, – смеясь, возразила Инга. – Она вдвое больше него. Если она не доведет его до изнеможения, то просто однажды ночью перекатится на другую сторону кровати и случайно раздавит.

Хильда прижала ладони ко рту, но не из стыдливости, а скорее чтобы приглушить хихиканье. Брианна подумала, что девушка тоже успела выпить пива: чепец сполз набок, а на бледном лице даже при свете костра был замечен румянец.

– Похоже, такие штуки его не больно беспокоят. Глядите-ка! – Хильда кивнула, указывая на место чуть в стороне от пьющих у костра, и Брианна без труда различила голову мистера Уэмисса с такими же бледными развевающимися волосами, как у дочери. Он оживленно беседовал с пышной женщиной в чепце и фартуке, которая игриво тыкала его между ребер и хохотала. Пока Бри наблюдала, к паре подошла Уте Макгилливрей, за которой следовала высокая блондинка, – судя по сложенным под фартукам рукам, она была немного смущена.

– О, а это кто? – Инга вытянула шею, как гусь, и сестра возмущенно

толкнула ее локтем.

– Lass das, du alte Ziege!^[20] Mutti^[21] смотрит в нашу сторону.

Лиззи чуть привстала со своего тюка, пытаясь разглядеть, что происходит.

– Кто?.. – начала она, по-совиному растягивая последнюю букву. Однако ее внимание тут же отвлек Манфред, который свалился рядом с ней на солому, широко улыбаясь.

– Как ты тут, Herzchen?^[22] – спросил он, обнимая ее за талию и пытаясь поцеловать.

– Кто это, Фредди? – спросила она, ловко ускользая из его объятий и осторожно указывая на светловолосую женщину, которая застенчиво улыбалась, пока фрау Уте представляла ее мистеру Уэмиссу.

Манфред моргнул, чуть качнулся, но ответил уверенно:

– О, это фройляйн Берриш. Сестра пастора Берриша.

Инга и Хильда протяжно и заинтересованно хмыкнули, Лиззи немного нахмурилась, но лицо ее быстро просветлело, когда она увидела, как отец откинул голову назад, чтобы поприветствовать новую знакомую – фройляйн Берриш была почти такая же высокая, как сама Брианна.

Что ж, это объясняло, почему она по-прежнему фройляйн, а не фрау, подумала Брианна с сочувствием. В ее волосах, там, где они выбивались из-под чепца, серебрилась седина, лицо казалось довольно непримечательным, хотя глаза светились спокойной добротой.

– О, значит, она протестантка, – заключила Лиззи тоном, каким произносят приговор. Было ясно, что фройляйн в связи с этим едва ли могла рассматриваться на роль спутницы для ее отца.

– Ай, но она хорошая женщина. Пойдем потанцуем, Элизабет. – Манфред явно утратил всякий интерес к мистеру Уэмиссу и фройляйн. Он без труда поднял протестующую Лиззи на ноги и увлек в круг танцующих. Она шла неохотно, но Брианна заметила, что когда они закружились в танце, Лиззи уже смеялась над какой-то шуткой Манфреда. Он улыбался, глядя на нее, отблески костра дрожали на его красивом лице. Они были гармоничной парой, подумала Брианна, и внешне подходили друг другу лучше, чем Сенга и Хайнрих, который был высоким, тщедушным и с вытянутым лицом.

Инга и Хильда спорили друг с другом на немецком, что позволило Брианне не отвлекаясь насладиться своим прекрасным ужином. Она была так голодна, что любая еда показалась бы ей вкусной, но тарт, хрустящая капуста и пряные колбаски, лопающиеся от сока, были редким лакомством.

Только после того, как она вымакала кусочком кукурузного хлеба остатки сока и жира с деревянной тарелки, она посмотрела в сторону мастерской, и ее накрыло чувство вины: наверное, нужно было оставить немного еды Роджеру. Как благородно с его стороны было подумать о чувствах несчастного Ронни. Она ощутила, как ее заполняет гордость и нежность к мужу. Наверное, нужно пойти туда и спасти его. Она поставила тарелку на землю и уже начала приводить в порядок свои юбки и подъюбки, чтобы двинуться в путь, когда из темноты выплыла пара крохотных покачивающихся фигур.

– Джем? – позвала она в изумлении. – Что случилось?

Отблески костра играли на волосах мальчика, заставляя их мерцать, как только что выплавленная медь, но лицо под кудрями было мертвенно-бледным, а глаза казались огромными, черными и неподвижными, Джем отсутствующе глядел в пространство.

– Джемми!

Он повернул к ней ничего не выражающее лицо, сказал: «Мама?» – очень тоненьким и неуверенным голосом, а потом его ноги вдруг подогнулись, как резиновые прутки, и он хлопнулся на землю.

Брианна смутно помнила о Германе, покачивающемся рядом, как молодое деревце на ветру, но не могла отвлечься на него. Она подхватила Джемми, приподняла его голову и легонько потрясла.

– Джемми! Проснись! В чем дело?

– Малец пьян в стельку, дочка, – проговорил над ней чей-то голос, явно забавляясь происходящим. – Что такое ты ему дала? – Робин Макгилливрей, сам ненамного трезвее ее сына, склонился и легонько ткнул его под ребра, но в ответ не послышалась ничего, кроме тихого гуканья. Потом он подхватил руку Джемми и отпустил ее – она безвольно упала, похожая на вялую макаронину.

– Ничего я ему не давала! – Паника в ней уступала место растущему раздражению, по мере того как она убеждалась, что Джемми просто уснул – его крошечная грудь поднималась и опускалась в ритм ровному дыханию.

– Герман!

Герман за это время превратился в небольшую кучку на земле, которая самозабвенно и мечтательно напевала «Alouette»^[23]. Брианна его научила этой песне, и она стала его любимой.

– Герман! Чем ты напоил Джемми?

– ... j'te plumerai la tete...^[24]

– Герман! – Она схватила его за руку, и он прекратил петь, удивленный

ее появлением.

– Что ты дал Джемми, Герман?

– Его мучила жажда, мэм, – ответил Герман с обезоруживающей улыбкой. – Ему нужно было выпить. – На этом его глаза закатились, и он обмяк, какдохлаярыбина.

– Иисус Христос на куске тоста!

Инга и Хильда явно были шокированы последней фразой, но она была не в том настроении, чтобы беспокоиться об их мнении.

– Где, черт побери, Марсали?

– Ее здесь нет, – ответила Инга, наклоняясь вперед, чтобы осмотреть Германа. – Она осталась дома со своими маленькими мэдхен. А Фергус... – Она приподнялась и огляделась вокруг. – Я недавно его видела.

– Что случилось?

Сиплый голос за плечом застал Брианну врасплох. Она повернулась и обнаружила у себя за спиной Роджера, с удивлением взирающего на странную картину, развернувшуюся перед ним. Лицо его было мягким и расслабленным, свободным от обычной суровости.

– Твой сын – пьяница, – проинформировала его Брианна. Тут она уловила дыхание Роджера и холодно добавила: – Пошел по стопам отца, я так понимаю.

Оставив эту реплику без внимания, Роджер присел рядом с женой и взял Джемми на руки. Он потрепал распростертого у него на коленях сына за щеку, нежно, но настойчиво.

– Привет, Медж, – мягко сказал он. – Привет, говорю. Ты в порядке, малец?

Как по волшебству, веки Джемми дрогнули и приподнялись. Он блаженно улыбнулся Роджеру.

– Привет, папа. – Продолжая улыбаться, ребенок снова закрыл глаза и погрузился в абсолютное беспмятство, положив щеку на отцовское колено.

– Он в порядке, – подытожил Роджер.

– Что ж, хорошо, – отозвалась Брианна, не вполне успокоенная. – Что они пили, как думаешь? Пиво?

Роджер нагнулся и принялся к дыханию своего отпрыска, чьи губы были испачканы чем-то красным.

– Думаю, это была вишневая наливка. За сараем стоит целая бочка.

– Святой Боже! – Она никогда не пила вишневую наливку, но миссис Баг рассказывала ей, как ее готовят: «Выжимаешь сок из бушеля вишни, растворяешь в нем двадцать четыре фунта сахара, выливаешь смесь в бочку

на сорок галлонов и доверху заливаешь виски».

– Он в порядке. – Роджер погладил ее по руке. – Это Герман там?

– Да. – Она нагнулась, чтобы проверить, все ли с ним хорошо, но Герман крепко спал и, как и Джемми, улыбался во сне. – Судя по всему, эта наливка хороша.

Роджер засмеялся.

– Она ужасная. Похожа на сироп от кашля. Хотя, должен сказать, эта штука делает людей веселыми.

– Это ее ты пил? – Она прищурила глаза и внимательно на него посмотрела, но губы Роджера были нормального цвета.

– Конечно, нет. – Он склонился к ней и поцеловал, чтобы доказать, что говорит правду. – Ты же не думаешь, что шотландец вроде Ронни будет заливать горе вишневой наливкой, когда под рукой есть приличный виски?

– И правда, – отозвалась Брианна.

Она посмотрела на мастерскую. Слабый свет от очага померк, и силуэт двери исчез: постройка превратилась в темный прямоугольник на фоне густой черноты леса.

– Как Ронни справляется?

Она осмотрелась кругом, но Инга и Хильда уже ушли помогать фрау Уте. Женщины убрали со стола.

– О, Ронни в полном порядке. – Роджер аккуратно переложил сына с колен на солому, рядом с Германом. – Он не был влюблен в Сенгу. Ронни страдает от сексуального воздержания, а не от разбитого сердца.

– Что ж, если это единственная проблема, ему не придется долго страдать, – сухо сказала Брианна. – Фрау Уте, похоже, уже начала подыскивать для него пару.

– Она сказала Ронни, что найдет ему жену. Он, что называется, философски относится к происходящему. Хотя и смердит от похоти, – добавил Роджер, сморщив нос.

– Фу. Ты хочешь есть? – Она посмотрела на мальчиков и поднялась. – Пойду принесу тебе какой-нибудь еды, пока Уте и девушки все не убрали.

Роджер внезапно и неожиданно широко зевнул.

– Нет, я в порядке. – Он моргнул и сонно посмотрел на нее. – Пойду скажу Фергусу, где Герман, и, может, съем что-нибудь по пути. – Он потрепал ее по плечу, встал на ноги и, едва заметно покачиваясь, направился к костру.

Брианна снова проверила мальчиков: оба спали мертвецким сном, ровно и глубоко дыша. Она подвинула их ближе друг к другу, навалила побольше соломы вокруг и накрыла детей своим плащом. Стало

прохладнее, однако зима осталась позади, и ночи были относительно теплыми.

Праздник продолжался, но стал заметно спокойнее. Танцы прекратились, люди разбились на небольшие группы, у костра компания мужчин попыхивала трубками, парни помоложе куда-то исчезли. Повсюду семьи устраивались на ночлег в стогах сена. Некоторые гости расположились в доме, большинство – в амбаре. Откуда-то с заднего двора доносились звуки гитары, одинокий голос пел что-то медленное и полное томления. Внезапно это заставило Брианну затосковать по голосу Роджера, каким он был раньше, – глубокому и нежному. Подумав об этом, она неожиданно осознала кое-что: его голос звучал гораздо лучше, когда он вернулся от Ронни. Он был по-прежнему хриплым и лишь смутно напоминал былую тональность, но слова давались мужу легко, без типичной надтреснутости. Может, алкоголь разогрел связки? Скорее всего, подумала она, Роджер просто расслабился, перестал думать о том, как говорит. Это было полезно узнать. Ее мать предполагала, что звучание станет лучше, если Роджер будет упражняться, растягивать связки, но он смущался много говорить, избегал боли – от самого ли процесса или от осознания контраста с тем, как голос звучал раньше.

– Что ж, может, стоит сделать немного вишневой наливки, – сказала она вслух. А потом посмотрела на две неподвижных фигурки в куче соломы и подумала о перспективе проснуться рядом с тремя похмельными лицами на следующее утро. – А может, и нет.

Женщина сгребла немного соломы, чтобы соорудить подушку, и накрыла ее платком. Завтра они весь день будут вытаскивать сено из одежды. Она легла, плотно прижавшись к спине Джема: если кому-то из детей станет дурно во сне, она почувствует.

Костер догорел, только беспорядочная бахрома искр мерцала красным на раскаленных углях, фонари, расставленные по периметру дворика, тоже погасли или были затушены из соображений экономии. Гитара и певец затихли. Свет и шум уже не сдерживали натиск ночи, и она, раскинув крылья, опустилась на гору холодной тишиной. В вышине ярко сияли звезды, но они были лишь отголосками того, что случилось в тысячах световых лет отсюда. В ответ на необъятность обступившей ее ночи Брианна закрыла глаза и опустила губы к макушке Джема, плотнее прижимаясь к нему, чтобы украсть немного его тепла.

Она попыталась уснуть, но сильный запах горящей древесины в воздухе принес назад воспоминания, и ее обычные молитвы о благословении обернулись жаркими мольбами о защите и милосердии.

– Братьев моих Он удалил от меня, и знающие меня чуждаются меня. Покинули меня близкие мои, и знакомые мои забыли меня^[25].

«Я не забуду вас», – беззвучно пообещала она мертвым. Эти слова казались такими жалкими – мелкими и бессильными. И все же это единственное, что было в ее власти. Брианна поежилась и сильнее обняла сына.

Внезапное шуршание соломы, и Роджер прижался к ней сзади. Он поерзал немного, укрывая ее своим плащом, потом с облегчением вздохнул, и она ощутила, как расслабилось его тело, когда он обнял ее за талию.

– Это был чертовски длинный день, да?

Она издала негромкий стон, соглашаясь с ним. Теперь, когда вокруг стало тихо, когда не нужно было больше говорить, следить, быть собранной, каждый сантиметр тела ныл от усталости. Между ней и холодной твердой землей был только тонкий слой соломы, но она чувствовала, как сон накатывает на нее, будто волны прилива на песчаный берег, – мягко, но непреодолимо.

– Ты поел что-нибудь? – Она положила ладонь ему на ногу, и его рука сжалась в ответ, обхватывая крепче.

– Ай, если считать пиво едой. Многие так думают. – Он засмеялся, и в его дыхании она почувствовала теплый хмельной дух. – Я в полном порядке.

Тепло его тела начало просачиваться через слои одежды между ними, прогоняя ночной холод. Джем всегда был горячим во сне, спать рядом с ним было все равно что держать в руках горшок, полный раскаленных углей. Роджер, однако, был еще горячее. Что ж, ее мама говорила, что спиртовые лампы горят жарче масляных.

Брианна вздохнула и прижалась к мужу спиной, ощущая тепло и защищенность. Теперь, когда все они были вместе и в безопасности, холодная пустота ночи рассеялась.

Роджер что-то напевал. Она поняла это как-то неожиданно. Он не издавал звуков, но она чувствовала, как вибрирует его грудная клетка. Ей не хотелось ненароком прервать мужа: такие упражнения, без сомнения, полезны для связок. Через несколько секунд Роджер остановился сам. Надеясь, что он возобновит это занятие, она протянула назад руку и потрепала его по бедру, издав при этом короткое вопросительное мычание.

– Ммм?

Он накрыл ее ягодицы ладонями и крепко их сжал.

– Ммм, – отозвался он, и это прозвучало как глубокое удовлетворение и приглашение одновременно.

Она не ответила, но совершила легкое движение бедрами в обратном направлении. В нормальных обстоятельствах это заставило бы его отказаться от своих намерений. Роджер убрал руку, но только одну, и лишь затем, чтобы провести ею вниз по ноге, а затем, очевидно, задрать юбку. Брианна резким движением схватила его ладонь и накрыла ею свою грудь. Она хотела сказать, что, хотя ей льстило его желание и в других обстоятельствах она бы охотно сдалась, сейчас заниматься этим не лучшая идея...

Роджер обычно хорошо понимал язык тела, однако сейчас этот навык, очевидно, растворился в виски. Или, подумалось ей внезапно, ему просто было не важно, хочется ей этого или нет.

– Роджер! – прошипела она.

Он снова начал напевать, на этот раз перемежая мычание низкими бурлящими звуками, которые издает чайник перед тем, как закипеть. Рука Роджера снова скользнула по ее ноге и забралась под юбку. Брианна ощутила жар его прикосновения на обнаженной коже бедра, ладонь быстро поднялась вверх и неожиданно оказалась в ней. Когда Джемми кашлянул и дернулся в ее объятиях, она попыталась пнуть Роджера по голени, чтобы он остановился.

– Боже, какая ты красивая, – пробормотал он, уткнувшись ей в шею. – Такая красивая... Красивая и... ммм... – Следующие слова были неразборчивым бормотанием, потому что он приник губами к ее коже, но, кажется, сказал «скользящая». Его пальцы достигли цели, и Брианна выгнула спину в попытке отстраниться.

– Роджер, – прошептала она, стараясь говорить тише. – Роджер, люди кругом!

И к тому же сопящий ребенок лежал прямо перед ней, тяжелый и недвижимый, как мешок с картошкой.

Он пробормотал какую-то фразу, из которой она различила только «темно» и «никто не увидит». После этого рука вдруг исчезла, но только для того, чтобы ухватить юбки и убрать их с дороги. Он возобновил свое вибрирующее мычание, прерываясь, чтобы прошептать:

– Люблю тебя, я так тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю, – отозвалась Брианна, пытаясь поймать его руку. – Роджер, остановись!

Он остановился, но мгновенно обхватил ее и потянул за плечо. Небольшое усилие, и она уже лежала на спине, глядя на сияющие в вышине звезды, которые, однако, быстро исчезли, заслоненные головой и плечами Роджера, оказавшегося сверху. Было слышно шуршание соломы и

шелестение застежек.

– Джем... – Она вытянула руку в сторону сына, которого ничуть не беспокоило исчезновение матери, – он по-прежнему свернувшись лежал в соломе, как уснувший на зиму еж.

Роджер же продолжал петь, если можно было так это назвать. Или, по крайней мере, напевать одну совершенно непристойную шотландскую песенку о мельнике, которого донимает молодая женщина, желающая, чтобы он помолот ее зерно. Что он и делает.

– И там он бросил ее на мешки, и они смололи, зерно ее смололи... – жарко бубнил Роджер ей в ухо, прижимая своим весом к земле. Звезды странно закружились у нее над головой. Она думала, его комментарий о том, что Ронни «смердит от похоти», был всего лишь фигурой речи, но, очевидно, дело обстояло иначе. Обнаженная плоть встретила обнаженную плоть. Она задохнулась. Роджер тоже.

– Господи, – прошептал он. Его тело на секунду замерло на фоне темного неба, затем он сладостно выдохнул, обдав ее парами виски, и начал двигаться вместе с ней, снова напевая. Слава богу, было темно, хотя и недостаточно. Угасающий свет костра бросал на его лицо жутковатый отблеск, и на мгновение она увидела в нем того большого черного дьявола, каким назвала его Инга.

«Просто расслабься и наслаждайся этим», – подумала она. Солома бессовестно громко шелестела – но она шелестела и повсюду вокруг, под порывами ветра шумели кроны деревьев у скал, заставляя все происходящее сливаться в один невнятный гул.

Брианне удалось подавить стыд, и она уже начала получать удовольствие от того, что делал муж, когда он положил руки ей на поясницу, приподнимая ее.

– Обхвати меня ногами, – прошептал Роджер, кусая ее за мочку уха. – Закинь мне их за спину, на задницу, и заставь меня двигаться.

Движимая отчасти ответным возбуждением, а отчасти желанием выбить из него дух, сжав его тело, как меха аккордеона, она раскинула ноги и подняла их вверх, скрестив на его ритмично поднимающихся и опускающихся бедрах. Он издал стон удовольствия и задвигался с удвоенной энергией. Возбуждение побеждало: она почти забыла, где находится. Отчаянно цепляясь за него и трепеща от наслаждения, Брианна выгнула спину, резко дернулась в спазме и начала содрогаться, прижимаясь к его жаркому телу. Она ощущала прикосновения ночного ветра к обнаженным ягодицам и бедрам – прохладные, похожие на крошечные электрические разряды. Дрожа и постанывая, она безвольно опустила на

солому, ноги по-прежнему крепко обвивали бедра Роджера. Опустошенная, она запрокинула голову и медленно, сомнамбулически приоткрыла глаза. Здесь кто-то был, она заметила движение в темноте и замерла. Фергус пришел забрать сына. Брианна услышала, как он тихо говорит по-французски с Германом, а потом удаляющиеся шаги по соломе.

Она лежала неподвижно с бешено бьющимся сердцем, ноги все еще были у Роджера за спиной. Последний тем временем достиг собственного финала. Его голова опустилась, и длинные волосы касались ее лица в темноте как ниточки паутины.

– Люблю тебя... Боже, я люблю тебя, – проговорил он еле различимо и опустил, медленно и нежно. Затем он выдохнул ей в ухо: – Спасибо. – И, тяжело дыша, обмяк сверху, впад в полубессознательное состояние.

– О, – ответила она. – Не стоит меня благодарить.

Брианна расцепила онемевшие ноги, не без усилий отделилась от мужа, кое-как укрылась и восстановила блаженную анонимность в их гнездышке из соломы. Джемми был уютно устроен между родителями.

– Эй, – позвала она неожиданно, и Роджер встрепенулся.

– Мм?

– Что за монстр был Иджер?

Он засмеялся, и звук был чистым и глубоким.

– О, Иджер был гигантским бисквитом. С шоколадной глазурью. Он падал на других монстров и душил их своей сладостью. – Он снова засмеялся, икнул и опустился на солому.

– Роджер? – позвала она снова, секунду спустя. Ответа не последовало, и она протянула ладонь мимо безмятежно спящего сына, чтобы легонько коснуться руки Роджера. – Спой мне, – прошептала она, хотя знала, что он уже уснул.

Глава 7

Индийский агент Джеймс Фрэнгер

– Джеймс Фрэнгер, индийский агент, – сказала я, прикрыв один глаз, будто читала это с экрана. – Звучит как название фильма о Диком Западе.

Джейми на секунду остановился, прервав процесс стягивания чулок, и посмотрел на меня с сомнением.

– Правда? Это хорошо?

– Ну, герои фильмов никогда не умирают, так что да.

– В таком случае я за, – сказал он, изучая чулок, который он только что

стянул. Он с подозрением понюхал его, потер большим пальцем тоненькую заплату на пятке, покачал головой и метко забросил его в корзину для грязного белья. – Мне придется петь?

– Петь? О! – ответила я, припоминая, что последний раз, когда я пыталась объяснить ему, что такое телевидение, то в основном использовала в качестве примера шоу Эда Салливана^[26]. – Нет, петь не надо будет. И качаться на трапеции тоже.

– Что ж, уже неплохо. Я, знаешь ли, уже не так молод, как раньше. – Он встал и потянулся, издав легкий стон. Чтобы вместить его рост, потолки в доме сделали восьмифутовыми, но даже так его кулаки касались сосновых балок. – Боже, до чего был длинный день!

– Ну, он почти закончился, – сказала я, принимаясь в свою очередь к лифу платья, которое только что сняла. Оно сильно, но пока терпимо пахло лошадью и дымом. Нужно проветрить его немного, решила я, а там будет видно, обойдется ли оно еще некоторое время без стирки. – Я не могла качаться на трапеции, даже когда была молода.

– О, я готов заплатить, чтобы увидеть, как у тебя это получится, – отозвался он, улыбаясь во весь рот.

– Что вообще такое «индейский агент»? – спросила я. – Макдональд, кажется, считает, что этим предложением оказывает тебе огромную услугу.

Джейми пожал плечами, одновременно расстегивая килт.

– Я не сомневаюсь, что именно так он и думает. – Джейми осторожно тряхнул материю, и пол под ней покрылся слоем дорожной пыли и лошадиными волосами. Он подошел к окну, открыл ставни и, выставив килт наружу, начал трясти.

– Так бы оно и было, – слабо донеслось до меня из ночной темноты. Затем Джейми повернулся, и голос его стал громче. – Не будь этой твоей войны.

– Моей?! – отозвалась я возмущенно. – Звучит так, будто ты считаешь, что я предлагаю вам развязать ее.

Он легонько махнул рукой, прерывая меня.

– Ты понимаешь, что я имею в виду. Индейский агент, саксоночка, это он самый и есть. Малый, который ходит и ведет переговоры с местными краснокожими, раздает им подарки, уговаривает их в надежде на то, что в ответ они поддержат интересы короны, что бы они из себя ни представляли.

– Вот как. А что это за Южный департамент, который упоминал майор? – Я невольно посмотрела на закрытую дверь нашей комнаты, но приглушенный храп из спальни на другой стороне красноречиво говорил о

том, что наш гость уже погрузился в объятия Морфея.

– Хм. Есть Южный и Северный департаменты, которые занимаются делами индейцев в колониях. Южным руководит Джон Стюарт, он из Инвернесса. Повернись, я помогу тебе.

Я благодарно повернулась к нему спиной. С ловкостью, приобретенной за годы практики, он за считанные секунды расшнуровал корсет. Я глубоко вздохнула, когда путы расслабились и он упал. Джейми снял с меня нижнюю рубашку и принялся массировать ребра там, где жесткие косточки вдавили влажную ткань в мою кожу.

– Спасибо. – Я блаженно выдохнула и откинулась назад, прижавшись к нему. – Макдональд думает, что раз он из Инвернесса, то без лишних раздумий будет нанимать всех горцев?

– Это может зависеть от того, встречался ли Стюарт когда-нибудь с людьми из моего клана, – сухо ответил Джейми. – Но Макдональд думает, что все обстоит именно так. – Он рассеянно поцеловал меня в макушку, а затем убрал руки и начал развязывать ленту у себя в волосах.

– Сядь, – скомандовала я, выбираясь из юбок, лежащих у меня в ногах. – Я расплету.

Он устроился на стуле в одной рубашке и мгновенно закрыл глаза от наслаждения, когда я начала расплетать его волосы. Последние три дня они были стянуты в тугую косу, удобную для долгих переездов. Я запустила пальцы в мягкую массу его огненных кудрей, и, вызволенные из плена, они рассыпались волнами – золотыми, серебряными и пряного цвета корицы.

– Ты сказал, подарки. Их спонсирует Корона?

По моим наблюдениям, Корона имела дурную привычку удостаивать состоятельных людей «честью», которая требовала от них крупных вложений.

– Теоретически. – Он широко зевнул, и его широкие плечи тяжело и умиротворенно опустились, когда я взяла расческу и занялась приведением его шевелюры в порядок. – Ох, как хорошо. Вот поэтому Макдональд и считает это услугой: появляется возможность наладить торговлю.

– К тому же появляются отличные перспективы для коррупции. Да, понимаю. – Еще несколько минут я продолжала свое занятие в тишине, прежде чем спросить: – Ты возьмешь это на себя?

– Я не знаю. Нужно обдумать. Ты упомянула Дикий Запад. Брианна тоже говорила что-то об этом, рассказывала о коровьих пастухах...

– О ковбоях.

Он отмахнулся от моего замечания.

– И про индейцев. Это правда? То, что она говорила про индейцев?

– Если она говорит, что они будут масштабно истребляться в течение следующего века, то да – она права. – Я пригладила его волосы, потом села на кровать лицом к нему и занялась собственным видом. – Это тебя тревожит?

Он слегка нахмурился, обдумывая мои слова, и рассеянно почесал грудь там, где кудрявые медные волосы выглядывали из-под ворота расстегнутой рубашки.

– Нет, – протянул он. – Не совсем. Не то чтобы я должен был убивать их собственными руками. Но... мы приближаемся к этому, так ведь? К тому времени, когда я должен ступить с осторожностью, если хочу пройти меж двух огней.

– Боюсь, что так, – ответила я, ощущая, как появляется ноющее напряжение между лопаток. Я слишком хорошо понимала, что он имеет в виду. Линий огня пока еще не существовало, но их уже начали намечать. Стать индейским агентом и работать на Корону значило прослыть лоялистом – что по нынешним временам, когда мятежники были всего лишь кучкой радикалов, а беспорядки вспыхивали локально, было очень даже неплохо. Однако не за горами тот момент, когда недовольные захватят власть и будет провозглашена независимость, и тогда наше положение станет очень-очень опасным. Зная, чем кончится дело, Джейми не станет ждать слишком долго, прежде чем примкнуть к повстанцам, однако сделав это раньше времени, он рисковал быть арестованным по обвинению в измене. Не самая лучшая перспектива для человека, который уже был помилованным изменником.

– Конечно, – робко начала я, – если бы ты стал индейским агентом, то, думаю, мог бы убедить некоторые племена встать на сторону «американцев» – или, по меньшей мере, сохранить нейтралитет.

– Мог бы, – согласился он, и голос его прозвучал безрадостно. – Но даже если отбросить в сторону такое понятие, как честь, – разве этим я не подпишу им приговор? Думаешь, с ними случилось бы то же самое, если бы победили англичане?

– Они не победят, – ответила я резковато.

Джейми бросил на меня тяжелый взгляд.

– Я верю тебе, – ответил он так же резко. – У меня есть причины тебе верить, ай?

Я кивнула, и мои губы сами собой сжались в полоску. Я не хотела говорить с ним о предыдущем восстании. О грядущем мне говорить тоже не хотелось, но выбора у нас особенно не было.

– Я не знаю, – сказала я и глубоко вздохнула. – Нельзя ничего сказать с

точно, пока этого не случилось... Но если ты просишь меня предположить, то, думаю, с британцами у них было бы больше шансов. – Я сочувственно улыбнулась ему. – Верить или нет, Британская империя в общем и целом сумела – или, лучше сказать, сумеет – управлять своими колониями, не истребляя в них местное население так безжалостно.

– За исключением шотландских горцев, – отозвался он сухо. – Ай, я верю твоим словам, саксоночка.

Он поднялся и провел руками по волосам. Я успела заметить узкую белую полоску, бегущую под затылком, – след от пули.

– Тебе стоит поговорить об этом с Роджером. Он знает гораздо больше моего.

Он кивнул, но не стал отвечать, не считая легкой гримасы.

– Раз уж мы заговорили о Роджере, куда, как ты думаешь, они с Бри отправились?

– Думаю, к Макгилливреям, – ответил он, несколько удивленно. – Забрать маленького Джема.

– Откуда ты знаешь? – спросила я, тоже удивляясь.

– Когда кругом творится какая-то чертовщина, мужчина хочет, чтобы вся семья была рядом, под присмотром, понимаешь? – Он приподнял бровь, глядя на меня, потом потянулся на верхушку шкафа и взял в руки меч. Джейми наполовину вынул лезвие из ножен, затем вставил обратно не до конца, и аккуратно положил на место, повернув рукоять так, чтобы можно было легко до нее дотянуться. Он взял с собой в спальню заряженный пистолет, который теперь лежал на умывальнике рядом с окном. Винтовка и охотничье ружье тоже были заряжены и висели на своих крючках над очагом внизу. И наконец, иронически замахнувшись, Джейми вытащил из ножен на поясе кинжал и ловко сунул под подушку.

– Иногда я забываю, – протянула я с ностальгией, наблюдая за ним. – В нашу первую брачную ночь под подушкой тоже лежал кинжал – и под многими другими подушками с тех пор.

– Правда? – Он улыбнулся на замечание, немного криво, но все же улыбнулся.

– А ты нет? Никогда?

Он покачал головой, по-прежнему улыбаясь, и горькая складка залегла у его губ.

– Иногда мне хотелось бы забыть.

Наша беседа была прервана булькающим храпом из комнаты напротив, за которым последовал шелест постельного белья, громкие проклятия и тяжелое «бум», когда нечто – вероятно ботинок – ударило о стену.

– Чертов кот! – заорал майор Макдональд.

Я сидела, прижав руку ко рту, пока босые ноги майора тяжело шлепали по доскам пола. За этим последовал звук резко открываемой двери, которая тут же с грохотом захлопнулась. Джейми, как и я, на секунду замер посреди комнаты. Теперь он очень тихо двинулся и осторожно приоткрыл нашу собственную дверь. Адсо, с хвостом, согнутым в высокомерную «S», невозмутимо зашел внутрь. Царственно игнорируя нас, кот пересек комнату, легко запрыгнул на умывальник, уселся прямо в тазу и начал спокойно вылизывать яйца.

– Я однажды видел в Париже человека, который мог такое вытворять, – заметил Джейми, с интересом наблюдая за выступлением кота.

– А что, есть люди, которые готовы за такое платить? – Я полагала, что едва ли кто-то стал бы заниматься этим на публике для развлечения. Не в Париже уж точно.

– Э-э, ну, платили не совсем ему. Скорее его спутнице – она была не менее гибкой. – Джейми ухмыльнулся, и его глаза блеснули синим в свете свечи. – Все равно что наблюдать, как спариваются черви, м?

– Как увлекательно, – пробормотала я. Я бросила взгляд на умывальник, где Адсо теперь занимался еще более непристойными органами. – Тебе повезло, что майор спит невооруженным, кот. Он мог пристрелить тебя, как зайца на рагу.

– О, сомневаюсь. Наш Дональд скорее всего спит с ножом – но ему хорошо известно, откуда дует ветер. Вот если бы ты отказалась кормить его завтраком, тут бы он твоего кота и проткнул.

Я посмотрела в сторону двери. Возня и приглушенные проклятия по ту сторону холла утихли, майор, будучи старым солдатом, был уже на пути в сонное царство.

– Надеюсь, что нет. Ты был прав, когда говорил, что он будет искать себе теплое местечко при новом губернаторе. Это и есть реальная причина интереса к твоим успехам на поприще политики, я так понимаю?

Джейми кивнул, но, похоже, совершенно утратил интерес к обсуждению махинаций старины майора.

– Так я был прав, говоришь? Значит, с тебя неустойка, саксоночка.

Он посмотрел на меня с лукавым огоньком в глазах. Джейми явно что-то задумал, оставалось только надеяться, что его план не был вдохновлен воспоминаниями о парижанах и их сходстве с червями.

– О? – неуверенно отозвалась я. – И, эээ, какая именно?

– Ну, я пока не обдумал все детально, но думаю, для начала ты могла

бы лечь в кровать.

Такой зачин показался мне весьма благоразумным. Я взбила подушки в изголовье кровати – замешкавшись, чтобы убрать оттуда кинжал, – и уже готова была взобраться на нее, однако остановилась снова, чтобы подкрутить кроватьный ключ^[27]. Я затянула веревки, поддерживающие матрас, настолько сильно, что кровать заскрипела, а сами они зазвенели от натяжения.

– Очень умно, саксоночка, – сказал Джейми у меня за спиной, голос его звучал весело.

– Опыт, – сообщила я ему, забираясь в постель на четвереньках. – Слишком часто после ночи с тобой я просыпалась с матрасом, завернутым вокруг моих ушей и задниц в паре сантиметров от пола.

– О, я полагаю, твоя попа сегодня окажется несколько выше, – заверил Джейми.

– Мм-м, хочешь, чтобы я была сверху? – Я испытывала в связи с этой перспективой смешанные чувства. Хотя мне нравилась поза наездницы, сейчас я ощущала ужасную усталость, и к тому же я провела больше десяти часов верхом на настоящей лошади – мышцы бедер, необходимые для обоих видов езды, дрожали от перенапряжения.

– Может, позже, – сказал он, задумчиво прищурившись. – Ложись на спину, саксоночка, и подбери свою рубашку повыше. Теперь раскинь для меня ноги. Хорошая девочка. Еще чуть шире, ай?

Джейми подчеркнуто неторопливо начал снимать с себя рубашку. Я вздохнула и чуть передвинула бедра, пытаясь устроиться так, чтобы у меня ничего не свело, если придется лежать в одной позе долго.

– Если ты задумал то, что я думаю, то ты об этом крупно пожалеешь. Я даже не помылась по-человечески, – сообщила я с неодобрением. – Я жутко грязная и пахну, как лошадь.

Уже обнаженный, он поднял одну руку и задумчиво принялся.

– Да? Ну, я тоже. Это неважно, мне нравятся лошади.

Он отбросил всякие дальнейшие предлоги и игривую неспешность и, остановившись лишь проверить свою собственную готовность, осмотрел меня с одобрением.

– Ай, очень хорошо. А теперь подними-ка ручки за голову и схватись за изголовье кровати...

– Ты этого не сделаешь! – возмутилась я и тут же понизила голос, невольно поглядев в сторону двери. – Только не с Макдональдом в соседней комнате.

– О, еще как сделаю, – заверил он. – Черт с ним, с майором, даже будь

там еще дюжина таких. – Однако он остановился, внимательно посмотрел на меня и, спустя мгновение, вздохнул и покачал головой.

– Нет, – сказал Джейми затем очень спокойно. – Не сегодня. Ты все еще думаешь об этом голландском ублюдке и его семье, так ведь?

– Да. А ты нет?

Снова тяжело вздохнув, он сел рядом со мной.

– Я очень старался не думать, – ответил он прямо. – Но свежим мертвецам не ложится спокойно в их могилах, да?

Я положила ладонь ему на плечо, испытав облегчение от того, что он чувствовал то же самое, что и я. Ночной воздух казался беспокойным, полным призраков, и я ощутила щемящую тоску, которой веяло от опустошенного садика и от ряда сырых могил. Этот ветер дул насквозь через все тревоги и события вечера. Сегодняшней ночью нужно было быть в безопасности, в четырех стенах, рядом с горящим очагом и в компании близких людей. Дом чуть дрогнул, ставни заскрипели на ветру.

– Я хочу тебя, Клэр, – мягко сказал Джейми. – Мне это нужно... если ты позволишь?

Я невольно задалась вопросом, так ли те люди провели последнюю ночь перед смертью? В мире и уюте собственного дома? Муж с женой перешептываются, лежа рядом в постели, и не знают, что готовит им будущее. Я вспомнила, как на секунду, когда подул ветер, мне открылись ее длинные белые бедра, мелкие завитки между ними и выступ под нимбом каштановых волос – бледный, как резной мрамор, запечатанный посередине, словно передо мной была статуя.

– Я тоже тебя хочу, – ответила я так же мягко. – Иди сюда.

Джейми наклонился ко мне и потянул шнурок, который стягивал горловину ночной рубашки, изношенный лен послушно заскользил по плечам. Я схватила спадающую ткань, но он поймал мою руку и опустил ее. Одним пальцем он сдвинул рубашку еще ниже, потом задул свечу, и в темноте, которая пахла воском, медом и лошадиным потом, он стал целовать мой лоб, глаза, скулы, губы и подбородок, и так продолжал – медленно и нежно – до самых стоп. Затем он поднялся, чтобы надолго припасть к моей груди. Я провела рукой ему по спине и накрыла ладонями ягодицы, обнаженные и беззащитные во тьме комнаты.

Когда все закончилось, мы долго лежали в кровати, сплетаясь в уютный клубок, как червяки. Единственным светом в комнате было мерцание от притушенного очага. Я так устала, что буквально ощущала, как мое тело утопает в матрасе и не хотела ничего, кроме как тонуть все глубже и глубже – в зовущую темноту забытья.

– Саксоночка?

– М?

После секундного замешательства его рука нашла мою, и наши пальцы сплелись.

– Ты ведь не сделала бы того, что сделала она?

– Кто?

– Она. Голландка.

Выдернутая из блаженной дремы, я пребывала в некоторой прострации, так что даже образ мертвой женщины, накрытой фартуком, казался нереальным, не более тревожным, чем фрагменты реальности, которые мой сбитый с толку мозг выбрасывал за борт в тщетных попытках удержаться на плаву, пока все мое существо погружалось в пучину сновидений.

– Что? Упала бы в огонь? Постараюсь не падать – пообещала я. – Спокойной ночи.

– Нет. Проснись. – Он легонько потряс меня за руку. – Поговори со мной, саксоночка.

– Мм. – Приложив немалые усилия, я вырвалась из крепких объятий Морфея и повернулась на бок, лицом к Джейми. – Мм. Поговорить с тобой. О... ?

– О голландке, – терпеливо повторил он. – Если бы меня убили, ты не пошла бы убивать всю свою семью?

– Что? – Я потеряла глаза свободной рукой, пытаюсь уловить в его словах, эхом отражающихся в обрывках сна, хоть какой-то смысл. – Чью семью... О. Ты думаешь, она сделала это намеренно? Отравила их?

– Может быть и так.

Последние слова он сказал шепотом, совсем тихо, но они вернули меня в сознание. Несколько мгновений я лежала неподвижно, потом протянула руку, желая убедиться, что он действительно рядом. И он был. Большой и надежный, гладкий сустав бедра у меня под пальцами излучал тепло и силу.

– Это ведь мог быть и несчастный случай, – сказала я неожиданно тонким голосом. – Ты не знаешь наверняка.

– Нет, – признал он. – Но я постоянно это вижу. – Он раздраженно повернулся на спину. – Пришли мужчины, – начал он, обращаясь к потолочным балкам. – Он стал драться с ними, и они убили его на пороге собственного дома. Когда она увидела, что ее мужчина мертв, то, думаю, она сказала чужакам, что сперва, перед тем... ей нужно покормить ребятишек. Тогда она положила поганки в похлебку и дала ее детям и матери. Они забрали с собой еще двоих из тех, кто пришел, но думаю, это

была случайность. Она просто хотела отправиться за ним следом. Не могла оставить его там одного.

Я хотела сказать Джейми, что это очень драматическая интерпретация возможных событий. Но я не могла с уверенностью утверждать, что он был не прав. Услышав то, что он видел лишь в своем воображении, я, увы, тоже смогла увидеть это все слишком живо.

– Ты не знаешь, – мягко сказала я наконец. – Не можешь знать.

«Только если не найдешь тех, других», – подумала я внезапно, но вслух этого не сказала.

Потом мы оба помолчали немного. Я точно знала, что он все еще размышляет о случившемся, но дрема снова обволакивала меня и тянула на дно, как трясина, цепкая и соблазнительная.

– Что, если я не смогу защитить тебя? – прошептал он наконец. Джейми медленно повернул голову на подушке, поворачиваясь ко мне. – Тебя и всех остальных? Я буду пытаться сделать это всеми силами, саксоночка, и готов умереть, делая это, но что, если я умру слишком рано, умру и проиграю битву?

Что можно ответить на это?

– Этого не случится, – прошептала я в ответ.

Он вздохнул и наклонил голову так, что наши лбы соприкоснулись. Я ощутила запах виски и яиц в его дыхании.

– Я постараюсь тебя не подвести, – сказал он. Я накрыла его мягкие губы своими, и поцелуй стал для нас обоих поддержкой и утешением в темноте ночи.

Я положила голову ему на плечо, обвила его предплечье рукой и вдохнула запах кожи – соль и дым, как если бы его коптили на костре.

– Ты пахнешь, как копченая ветчина, – пробормотала я.

В ответ он издал низкий смешок и положил руку на привычное место – между моих бедер. Тогда я наконец сдалась и позволила зыбучим пескам сна накрыть меня с головой. Возможно, он сказал это, когда я уже проваливалась в сон, а может, мне пригрезилось.

– Если я умру, – прошептал его голос в темноте, – не иди за мной. Ты нужна детям. Остайся ради них. Я могу подождать.

Часть вторая

Тени сгущаются

Глава 8

Жертва резни

*От Лорда Джона Грея
Мистеру Джеймсу Фрэзеру, эсквайру.
14 Апреля, 1773 года*

*Мой дорогой друг,
Я пишу тебе в добром здравии и надеюсь, что застал тебя и твоих близких в том же состоянии.*

Мой сын вернулся в Англию, чтобы завершить там образование. Он с упоением пишет об этом новом для него опыте (прилагаю копию его последнего письма) и заверяет меня в своем полнейшем благополучии. Что важнее, моя матушка тоже уверяет меня, что он всячески процветает, хотя я предполагаю – скорее из ее недомолвок, – что он привнес стихию смятения и хаоса в привычный уклад.

Я в свою очередь должен сознаться, что ощущаю нехватку вышеупомянутой стихии в своем хозяйстве. Ты был бы удивлен, если бы увидел, какой размеренной и упорядоченной жизнью я теперь живу. Все же этот покой мне в тягость, и хотя физически я совершенно здоров, я ощущаю, что дух мой угнетен. Боюсь, я отчаянно скучаю по Уильяму.

Дабы отвлечься от одиночества, с недавнего времени я придумал новое занятие – виноделие. Вынужден признать, что результаты уступают успехам твоей винокурни, и все же тешу себя надеждой, что хотя сейчас пить это совершенно невозможно, постояв пару лет, мой напиток может стать годным к употреблению. Ближе к концу месяца вышлю тебе дюжину бутылок вместе с моим новым слугой, мистером Хиггинсом, чья история должна показаться тебе весьма занятной.

Возможно, ты слышал что-нибудь о постыдном скандале, произошедшем в Бостоне тремя годами ранее, в марте. В газетах и листовках мне часто встречается слово «резня», которое я, будучи посвященным в дело, считаю абсолютно безответственным и неточным.

Я не присутствовал лично, но беседовал со многими офицерами и

солдатами, которые там были. Если они говорят правду, а я им верю, то взгляд на события, представленный в бостонской прессе, просто чудовищен.

Бостон во всех отношениях настоящий рассадник республиканских настроений, а так называемые «маршевые общества»^[28], которые толпами собираются на улице при любой погоде, – не более чем предлог для сборищ бандитов, чья главная забава – досаждают расквартированным здесь войскам.

По словам Хиггинса, из страха перед этими бандитами мужчины в мундирах не рискуют выходить на улицу поодиночке. Даже когда солдаты превосходят их числом, мятежные настроения среди людей вскорости заставляют их ретироваться назад в казармы, если только воинский долг не вынуждает к действиям.

Однажды вечером патруль из пяти солдат оказался буквально в западне. Их не только оскорбляли выражениями самого гнусного свойства, но швыряли в них камни, куски земли и навоза и разный другой мусор. Возбуждение и ажитация в толпе достигли такого уровня, что мужчины испугались за свою жизнь и достали оружие в надежде сбить спесь с мерзавцев и остановить такие настойчивые проявления внимания. Однако это решение спровоцировало прямо противоположный эффект – толпа пришла в ярость, и в какой-то момент выстрелило ружье. Теперь никто уже не может сказать, был ли то выстрел из толпы или стреляли солдаты, не говоря уже о том, было ли это сделано намеренно или случайно. События, вызванные этим происшествием, однако... что ж, в таких вопросах у тебя достаточно много опыта, чтобы представить неразбериху, начавшуюся следом.

В итоге пятеро из толпы оказались убиты, а солдаты, хотя и были основательно потрепаны, выбрались живыми – лишь затем, чтобы стать козлами отпущения в дешевых статейках, которые на следующий день начеркали лидеры «маршевых обществ». Написаны они таким образом, чтобы представить случившееся как беспричинное и жестокое избиение невинных – вместо самообороны от толпы, распаленной алкоголем и громкими лозунгами.

Признаюсь, что мои симпатии на стороне солдат – уверен, об этом ты и сам уже догадался. Их привели в суд, где судья признал троих невинными, однако, очевидно, лично для него было опасно освободить всех пятерых.

Хиггинс вместе с товарищем были обвинены в убийстве, но он

испросил помилования по привилегии духовенства^[29], и его отпустили, заклеив. Бедолагу, конечно, уволили из армии, он оказался предметом всеобщих насмешек, остался без всяких средств к существованию, так что положение его было бедственным. Он рассказывал мне, что вскоре после освобождения его избили в таверне, и от полученных травм он ослеп на один глаз, да и в целом после случившегося его жизнь не единожды подвергалась смертельной опасности. В поисках безопасности он нанялся матросом на шлюп под командованием моего друга, капитана Гилла. Я видел Хиггинса за этим занятием и уверяю тебя, что матрос из него никудышный.

Такое состояние дел вскоре стало известно капитану Гиллу, и он отказался от услуг Хиггинса в первом же порту. Я был в городе по делам и случайно встретил капитана, который поведал мне об отчаянном положении Хиггинса.

Я решил разыскать парня, ощутив сочувствие к солдату, который честно выполнял свой долг и теперь должен страдать за свою преданность. Я обнаружил, что он человек неглупый, покладистого нрава, и нанял на службу, которую он несет с величайшей преданностью.

Я отослал его к вам вместе с вином в надежде, что твоя супруга будет так добра и осмотрит его. Местный врач, доктор Потс, сказал, что глаз нельзя вылечить, и это, разумеется, может быть правдой. Как бы там ни было, испытав на себе умения твоей жены, я надеюсь, что она сможет найти средства для других травм Хиггинса. Доктор Потс едва ли оказался полезен в этом отношении. Прошу тебя, скажи ей, что я ее покорный слуга и остаюсь в неоплатном долгу перед ее умениями и добротой. Шлю самые теплые пожелания твоей дочери, которой я отправил небольшой подарок вместе с вином. Я надеюсь, что ее муж не примет мой жест за оскорбление, приняв во внимание мое долгое знакомство с вашей семьей, и позволит принять его.

Всегда твой покорный слуга,
Джон Грей

Глава 9

На пороге войны

Апрель 1773 года

Роберт Хиггинс оказался стройным молодым мужчиной, таким худым, что казалось, его скелет удерживается только одеждой, и таким бледным, что было легко вообразить, будто смотришь сквозь него. При этом природа наградила его большими и честными голубыми глазами и копной вьющихся темно-русых волос, держался он очень скромно. Все вышеперечисленное вызвало материнские чувства у миссис Баг, и она взяла его под свое крыло, выказав твердое намерение «откормить его как следует» до отъезда назад в Вирджинию.

Мне и самой нравился мистер Хиггинс. Он оказался славным, покладистым пареньком с мягким дорсетским акцентом. Временами я размышляла, была ли доброта лорда Джона Грея по отношению к нему так уж бескорыстна.

После совместно перенесенной кори несколько лет назад и из-за его дружбы с Брианной, возникшей, когда Роджера взяли в заложники индейцы-ирокезы, я невольно прониклась к нему теплыми чувствами. Однако я ни на минуту не забывала о том, что лорду Грею нравились мужчины – в особенности Джейми, хотя, безусловно, и другие тоже.

– Бичем, – сказала я сама себе, раскладывая корни триллиума для просушки, – до чего же ты подозрительная.

– Ай, такая и есть, – раздался голос позади меня, звучал он очень довольно. – Кого и в чем ты подозреваешь?

Я дернулась от неожиданности, и триллиум полетел в разные стороны.

– Ох, это ты, – сердито сказала я. – Зачем, скажи на милость, ты так подкрадываешься ко мне?

– Практикуюсь, – ответил Джейми, целуя меня в лоб. – Не хотелось бы потерять навыки слежки. Почему ты разговариваешь сама с собой?

– Потому что уверена, что найду благодарного слушателя, – ответила я ворчливо, и он засмеялся, одновременно наклоняясь, чтобы помочь собрать корешки с пола.

– Кого ты подозреваешь, саксоночка?

Я замялась, но не смогла выдать ничего, кроме правды.

– Я размышляла, не уложил ли Джон Грей нашего мистера Хиггинса в свою постель, – сказала я напрямик. – Или нет ли у него такого намерения.

Он слегка моргнул, но не выглядел шокированным – это значило, что он и сам мог рассматривать подобную возможность.

– Почему это пришло тебе в голову?

– Во-первых, он очень красивый молодой человек, – сказала я, забирая у него охапку кореньев и аккуратно раскладывая их на куске марли. – А во-вторых, у него худший случай геморроя из тех, что мне приходилось видеть

у мужчин его возраста.

– Он позволил тебе его осмотреть? – Джейми покраснел от упоминания гомосексуальных связей: ему не нравилось, когда я была такой прямолинейной – но ведь в этот раз он сам спросил.

– Ну, потребовалось его немного поугovarивать, – ответила я. – Он с готовностью рассказал мне о проблеме, но не был воодушевлен перспективой осмотра.

– Я бы тоже не был воодушевлен, – заверил меня Джейми. – А я женат на тебе. Почему кому-то вообще может захотеться на такое смотреть, если только не из нездорового любопытства? – Он бросил опасливый взгляд на мою большую черную тетрадь для записей, открытую на столе. – Ты же не зарисовала там задний проход бедолаги Бобби Хиггинса, я надеюсь?

– Нет нужды. Не могу представить себе врача, который бы не знал, как выглядит геморрой. Даже древние иудеи и египтяне страдали от этого недуга.

– Правда?

– Это есть в Библии. Спроси мистера Кристи, – посоветовала я.

Он искоса посмотрел на меня.

– Ты обсуждала Библию с Томом Кристи? Ты смелее меня, саксоночка.

Кристи был крайне набожным пресвитерианином. Величайшей радостью для него было вылить кому-нибудь на голову ушат Священного Писания.

– Не я. Герман спросил меня на прошлой неделе, какие такие «наросты» были у филистимлян.

– И какие же?

– Геморроидальные. «И сказали они: какую жертву повинности должны мы принести Ему? Те сказали: по числу владельцев Филистимских пять наростов золотых и пять мышей золотых»^[30], – процитировала я. – Или что-то вроде того. Точнее я по памяти не повторяю. Мистер Кристи заставил Германа выписывать строки из Библии в качестве наказания, и мальчик с его пытливым умом заинтересовался, что же такое он пишет.

– И он, конечно, не стал спрашивать мистера Кристи. – Джейми нахмурился и потер переносицу. – Мне стоит знать, что натворил Герман?

– Что-то мне подсказывает, что нет.

Том Кристи работал местным учителем в счет ренты за землю, и ему неплохо удавалось поддерживать дисциплину. На мой взгляд, имея в учениках Германа Фрэзера, он с лихвой отрабатывал всю сумму.

– Золотые наросты, – пробормотал Джейми со слегка мечтательным видом. – А это мысль.

Такой вид обычно предшествовал появлению очередной ужасающей идеи, способной повлечь за собой тяжкие телесные повреждения, смерть или пожизненное заключение. Меня это несколько встревожило, но на что бы ни вдохновили его золотые наросты, он пока что оставил эту идею, вдруг потрянув головой.

– Что ж, ладно. Мы, кажется, говорили о заднице Бобби?

– А, да. Так вот, причина, по которой я хотела взглянуть на наросты мистера Хиггинса, – сказала я, возвращаясь к предыдущей теме разговора, – заключается в том, что мне нужно было выбрать тип лечения. Я пыталась понять, нужно ли их удалять.

Брови Джейми поползли вверх.

– Удалять? Как? Твоим маленьким ножичком? – Он взглянул на чемоданчик, где я хранила свои хирургические инструменты, и с отвращением передернул плечами.

– Я могла бы это сделать, да. Хотя, надо полагать, без анестезии процедура будет очень болезненной. Есть более простой метод, который только входил в широкую практику, когда я... ушла.

На краткий миг я почувствовала укол острой тоски по госпиталю. Я живо ощутила запах дезинфектора, услышала бормотание и топот медсестер и санитаров, коснулась глянцевого обложки медицинских журналов, распухающих от обилия информации. А потом все это исчезло, и мне осталось лишь размышлять, что предпочтительнее – пиявки или нить – по части достижения идеального анального здоровья мистера Хиггинса.

– Доктор Роулингс советует пиявок, – пояснила я. – Штук двадцать или тридцать в серьезных случаях.

Джейми кивнул: такая идея не вызвала у него особого удивления. Разумеется: ведь его самого несколько раз лечили пиявками, и он уверял меня, что это совсем не больно.

– Но, кажется, у тебя их почти не осталось. Мне собрать парнишек и устроить охоту?

Ничто не обрадовало бы Джейми и Германа сильнее, чем поход с дедом на болото, из которого можно вернуться назад по уши в грязи и гирляндах из пиявок, но я покачала головой.

– Нет. То есть да, – уточнила я. – Если тебе не трудно. Но они не нужны мне срочно. Использование пиявок временно улучшит ситуацию, но у Бобби еще и тромбоз – сгустки засохшей крови в венах. Так что я думаю, будет лучше, если я удалю их целиком. Можно было бы наложить лигатуру – завязать нитку очень туго вокруг каждого узла. Это лишит их притока крови, и со временем они засохнут и сами отпадут. Очень аккуратно.

– Очень аккуратно, – эхом отозвался Джейми. Взгляд у него был неодобрительный. – Ты раньше делала такое?

– Да, один или два раза.

– Хм. – Он поджал губы, очевидно представив себе процесс. – Как... эм, я имею в виду... думаешь, он сможет испражняться, пока это происходит? Это ведь займет какое-то время...

Я нахмурилась, барабанила пальцем по крышке стола.

– Его основная проблема в том, что он не испражняется, – сказала я. – То есть испражняется, конечно, но недостаточно часто и стул у него неправильной консистенции. Ужасная диета, – добавила я, обвинительно тыкая в Джейми пальцем. – Он рассказал мне. Хлеб, мясо и эль. Ни фруктов, ни овощей. Запоры, без сомнения, бич британской армии. Меня не удивит, если у них всех до одного узлы свисают из задниц, как гроздь винограда.

Джейми кивнул, приподняв одну бровь.

– Многие вещи меня в тебе восхищают, саксоночка, но особенно твоя деликатная манера выражаться. – Он кашлянул и посмотрел в сторону. – Но если ты говоришь, что запоры вызывают геморрой...

– Так и есть.

– Хорошо. Просто... То, что ты говорила о Джоне Грее... Я имею в виду, состояние задницы Бобби может иметь отношение к... хм.

– О! Нет, не напрямую. – Я замолкла на секунду. – Мое предположение основывалось на том, что лорд Джон сказал в письме: он надеется – как он выразился? – что я могу найти средства для других травм Хиггинса. То есть, конечно, он мог знать о проблемах Бобби и без... эээ... скажем так, личного осмотра. Но, как я уже сказала, геморрой настолько распространенный недуг... Почему это могло обеспокоить его до такой степени, чтобы просить меня о помощи, если только не по той причине, что узлы затрудняли его... эээ... собственное проникновение.

Лицо Джейми вернулось было к своему нормальному цвету на время беседы о пиявках и запорах, но теперь снова стало пунцовым.

– Его...

– Я хочу сказать, – сказала я, складывая руки под грудью, – мне немного не по себе оттого... что он прислал мистера Хиггинса ко мне... вроде как для ремонта, понимаешь?

Все это время я страдала от зудящего чувства дискомфорта, вызванного Бобби Хиггинсом и его многострадальной задницей, но до сих пор не облакала свои ощущения в слова. Теперь же, когда я это сделала, то наконец осознала, что именно не давало мне покоя.

– Мысль о том, что я должна подлатать бедного Бобби, а затем отправить его назад для... – Я сжала губы и резко повернулась назад, к своим корешкам, принявшись бесцельно их перебирать.

– Мне это не нравится, – сказала я, обращаясь к двери шкафа. – Конечно, я сделаю для мистера Хиггинса все, что в моих силах. У Бобби Хиггинса перспектив негусто: несомненно, он сделает все... что потребует его светлость. Хотя, возможно, я не права на его счет. Насчет лорда Джона.

– Возможно.

Я обернулась и обнаружила Джейми сидящим на моем стуле, он вертел в руках баночку с гусиным жиром, которая, казалось, целиком завладела его вниманием.

– Что ж, – неуверенно начала я. – Ты знаешь его лучше. Если ты считаешь, что он не... – Я прервалась на полуслове. Снаружи донесся мягкий звук удара – еловая шишка упала на крышу сарая.

– Я знаю о Джоне Грее больше, чем мне хотелось бы, – сказал Джейми наконец и посмотрел на меня с горькой усмешкой. – И он знает обо мне гораздо больше, чем стоило бы. – Джейми наклонился вперед, поставил баночку на стол и снова посмотрел на меня. – Но одно мне известно совершенно точно. Джон человек чести. Он ни за что не стал бы использовать в своих целях Хиггинса или любого другого человека, находящегося под его протекцией.

Слова Джейми звучали убедительно, и я успокоилась. Мне нравился Джон Грей. И все же... Регулярно, как по часам, приходящие от него письма приводили меня в некоторое смятение, как далекие раскаты грома. В самих письмах не было ничего тревожного или подозрительного: они были похожи на автора – умные, ироничные и искренние. И, конечно, у него были причины поддерживать переписку. Не одна причина.

– Ты же знаешь, он все еще любит тебя, – сказала я тихо.

Он кивнул, но не посмотрел в мою сторону, его взгляд был устремлен куда-то в пустоту за деревьями у двери.

– Ты бы предпочел, чтобы это было не так?

Спустя пару секунд, Джейми снова кивнул. В этот раз он повернулся, чтобы посмотреть на меня.

– Да, предпочел бы. Ради себя самого. И ради него, конечно. Но ради Уильяма? – Он с сомнением покачал головой.

– О, быть может, он и принял Уильяма из-за тебя, – сказала я, облокотившись на стол. – Я видела их вместе, не забывай. Не сомневаюсь, теперь он любит Вилли из-за него самого.

– Нет, я и сам не сомневаюсь.

Джейми поднялся, беспокойный, и начал отряхивать несуществующую пыль со складок килта. Лицо выглядело закрытым, он смотрел на что-то внутри себя, на то, чем не желал делиться со мной.

– Думаешь... – начала я, но остановилась, когда он поднял взгляд на меня. – Нет, это неважно.

– Что? – Он склонил голову набок, глаза его сузились.

– Ничего.

Джейми не двинулся с места, но взгляд его сделался настойчивее.

– Я по твоему лицу вижу, что это не так, саксоночка. Что?

Я глубоко вдохнула через нос и покрепче вцепилась в собственный фартук.

– Это... Я уверена, что это не так, просто пришло в голову...

Джейми издал низкий типично шотландский звук, означающий, что лучше мне прекратить ходить вокруг да около. Я достаточно хорошо знала его, чтобы понимать – он не оставит меня в покое, пока я не сознаюсь, в чем дело. Поэтому я выпалила:

– Ты никогда не думал о том, что лорд Джон мог взять его, потому что... ну, ведь Вильям ужасно похож на тебя, и, очевидно, был похож с ранних лет. И раз лорд Джон находит тебя... физически привлекательным...

Слова оборвались сами собой, и мне захотелось перерезать себе глотку за то, что я посмела их произнести, когда увидела выражение его лица.

Джейми на мгновение закрыл глаза, чтобы не видеть меня. Кулаки сжались с такой силой, что на руках – от костяшек пальцев до предплечья – вздулись вены. Потом он очень медленно разжал ладони и открыл глаза.

– Нет, – сказал он с непоколебимой уверенностью в голосе. Он прямо и жестко посмотрел на меня. – И я говорю так не потому, что мне непереносима мысль об этом. Я знаю.

– Конечно, – поспешно согласилась я, торопясь оставить эту тему.

– Я знаю, – повторил он еще жестче. Два его покалеченных пальца нервно стукнули один раз по ноге и замерли. – Я тоже думал об этом. Когда он впервые объявил мне, что намерен жениться на Изабель Дансени.

Он отвернулся и стал смотреть в окно. По палисаднику бродил Адсо и пытался поймать что-то в траве.

– Я предложил ему собственное тело, – резко сказал Джейми, не оборачиваясь. Голос его звучал ровно, но по тому, как были напряжены плечи, я понимала, что слова даются ему нелегко. – В благодарность, сказал я. Но это было... – Он странно передернул плечами, как будто пытаясь освободиться от невидимых пут. – Видишь ли, мне нужно было узнать

наверняка, что он за человек. Что за человек возьмет моего сына, чтобы растить его как своего собственного.

Его голос слегка дрогнул, когда он произносил «возьмет моего сына», и я инстинктивно двинулась к нему, желая прикрыть рану, что сквозила за этими словами. Джейми был будто деревянный, когда я коснулась его, – он не желал, чтобы его обнимали. Однако взял мою ладонь в свою и сжал ее.

– Ты думаешь... что готов рассказать?

Я не была шокирована: Джон Грей говорил мне об этом предложении годы тому назад, еще на Ямайке. Однако, думаю, он не понял, в чем был его истинный смысл.

Рука Джейми сжалась на моей, и он провел большим пальцем по моему, легонько поглаживая ноготь. Он посмотрел на меня, и я ощутила, как глаза исследуют мое лицо – не вопросительно, а так, как бывает, когда люди по-новому видят нечто давно знакомое. Глаза вдруг узнают то, что долгое время было известно только сердцу. Он поднял вторую руку и провел по линии бровей, два пальца на мгновение замерли на моей скуле, затем он запустил холодную ладонь в теплую копну моих волос.

– Невозможно быть так близко друг к другу, – наконец сказал он, – быть друг у друга внутри, чувствовать запах пота, касаться волос на теле – и не видеть души. Даже если ты сможешь... – Он замялся, и я задумалась о том, кто сейчас пришел ему в голову – Черный Джек Рендалл или Лаогера, женщина, на которой он женился, думая, что меня нет в живых. – Что ж, это страшно само по себе, – закончил он мягко и уронил руку.

Между нами повисла тишина. Внезапно снаружи послышался шелест травы: Адсо совершил резкий прыжок и исчез из вида, пересмешник принялся беспокойно кричать с большой красной сосны. В кухне что-то со звоном упало на пол, а затем до нас донеслось ритмичное шуршание метлы. Все это были домашние звуки, звуки жизни, которую мы создали.

Делала ли это когда-нибудь? Ложилась ли с мужчиной, не видя ни частички его души? Да, и он был прав. По спине пробежал холодок, и волосы на коже беззвучно встали дыбом.

Он вздохнул, и вздох этот, казалось, шел от самых стоп, а затем пригладил убранные в косичку волосы.

– Но Джон не стал этого делать. – Джейми выразительно взглянул на меня и криво усмехнулся. – Он сказал, что любит меня. Что если я не могу ответить ему взаимностью – а он знал, что я не могу, – то он не станет разменивать настоящую монету на фальшивку.

Он встряхнулся, как собака, выходящая из воды.

– Нет. Человек, который сказал такое, не может оказаться тем, кто

насилует ребенка из-за симпатичных голубых глаз его отца. Это я могу сказать тебе наверняка, саксоночка.

– Нет, – эхом отозвалась я. – Скажи мне... – Я запнулась, и он поглядел на меня, приподняв одну бровь. – Если... Если бы он... Принял твое предложение... и... Ты бы обнаружил... – Я искала подходящие слова. – Не таким, эээ, достойным человеком, как ты надеялся...

– Я сломал бы его шею прямо там, у озера, – ответил он. – Не имело бы значения, повесят меня или нет: я не дал бы ему забрать мальчика. – Но он оказался не таким, и я позволил, – добавил он, чуть пожав плечами. – Так что, если молодой Бобби и ложится в постель к его светлости, думаю, он делает это по доброй воле.

Ни один человек не способен показать себя с лучшей стороны, когда кто-то держит его за задницу. Я замечала это прежде, и Роберт Хиггинс не стал исключением из правил.

– Больно почти не будет, – сказала я насколько возможно утешительно. – Тебе только нужно стоять смирно.

– О, я постараюсь, мэм, я справлюсь, – горячо заверил меня он.

Бобби был в одной рубашке. Он стоял на хирургическом столе на четвереньках, так чтобы пораженная зона была на уровне моих глаз. Щипцы и нити для лигатуры были разложены на столике справа от меня, рядом с миской свежих пивовок, приготовленных на всякий случай.

Он сдавленно пискнул, когда я приложила к его задку салфетку, смоченную скипидаром, чтобы хорошенько продезинфицировать место перед операцией, но Хиггинс сдержал слово и не дернулся.

– Мы добьемся отличного результата, – заверила я, беря в руку пару длинноносых щипцов. – Но если ты хочешь, чтобы он сохранился, то придется серьезно изменить рацион. Ты меня понял?

Он судорожно выдохнул, когда я взяла один из узлов и потянула на себя. Всего их было три, классическое расположение: на девять, два и пять часов. Они были вспухшие, как малина, и примерно такого же цвета.

– Ой! Д-да, мэм.

– Овсянка, – твердо сказала я, беря щипцы в левую руку и не ослабляя при этом хватку, чтобы взять правой иглу с вдетой в нее шелковой нитью. – Каша каждое утро, без всяких отговорок. Ты заметил изменения к лучшему в пищеварении с тех пор, как миссис Баг начала кормить тебя кашей на завтрак?

Я свободно обернула нитью основание узла, затем осторожно протолкнула иголку в петлю и туго ее затянула.

– Ах!.. Ох!.. О... говоря по правде, мэм, это как гадить кирпичами,

завернутыми в ежину шкуру. Ничего не изменяется, что бы я ни ел.

– Что ж, изменится, – уверенно сказала я, закрепляя лигатуру узлом. Я отпустила узел, и он глубоко вздохнул. – Теперь, виноград. Ты ведь любишь виноград?

– Нет, мэм. У меня сводит зубы, когда я его кусаю.

– Правда? – Его зубы не выглядели гнилыми, но стоило осмотреть их еще раз – возможно, он страдал от цинги. – Что ж, мы попросим миссис Баг сделать для тебя пирог с изюмом – его ты сможешь есть без всяких проблем. У лорда Джона хороший повар? – Я прицелилась, снова взяв в руку щипцы, и зафиксировала следующий узел. Теперь уже привыкший к ощущениям, Бобби лишь тихонько крикнул.

– Да, мэм. Индеец, по имени Манокэ.

– Хмм.

Повернуть, приподнять, затянуть, завязать.

– Я запишу рецепт пирога с изюмом, отнесешь ему. Он готовит ямс или бобы? Бобы в этом деле очень помогают.

– Думаю, да, мэм. Вот только его светлость...

Я оставила окна открытыми для проветривания: Бобби был не грязнее других, но и совершенно точно не чище – поэтому я услышала звуки с тропинки, что вела к дому: голоса и звон упряжи. Бобби тоже их услышал и испуганно посмотрел в сторону окна, задняя часть его туловища напряглась, как будто он был кузнечиком, который вот-вот спрыгнет со стола. Я было схватила его за ногу покрепче, но потом передумала. Я не могла закрыть окно – только ставни, но мне нужен был свет.

– Вставай-ка и спускайся со стола, – сказала я ему, беря в руки полотенце. – Я пойду посмотрю, кто это.

Он с готовностью кинулся выполнять указания – слез со стола и торопливо схватил снятые брюки.

Я вышла на крыльцо как раз вовремя, чтобы поприветствовать двоих мужчин, которые вели мулов по последнему крутому подъему в наш двор. Это были Ричард Браун и его брат Лайонел из одноименного Браунсвилля. Я была удивлена их появлением. От Риджа до Браунсвилля было добрых три дня дороги, и между поселениями торговля шла не очень бойко. В противоположном направлении на примерно таком же расстоянии находился Салем, но жители Риджа ездили туда гораздо чаще. Переселенцы из графства Мари были отличными мастерами и торговцами: они брали мед, масло, соленую рыбу, шкуры в обмен на сыр, горшки, цыплят и прочую мелкую живность. Насколько я знала, обитатели Браунсвилля занимались разве что продажей дешевых товаров индейцам

чероки да производством низкосортного пива, которое не стоило такого долгой дороги.

– Хорошего дня, хозяйка! – Ричард, старший и при этом более щуплый и низкий из братьев, коснулся тульи своей шляпы, но снимать не стал. – Твой муж дома?

– Он у сенника, чистит шкуры. – Я тщательно вытерла руки полотенцем, которое принесла с собой. – Проходите на кухню, я принесу вам сидра.

– Не беспокойся.

Без всяких дальнейших объяснений он развернулся и целенаправленно начал огибать дом. Лайонел Браун, который был чуть выше брата, но так же долговяз и нескладен, как он, коротко кивнул мне и пошел следом за Ричардом. Они оставили своих мулов во дворе со свободно висящими поводьями, очевидно, ожидая, что я ими займусь. Животные медленно разбредались в разные стороны, периодически останавливаясь, чтобы пожевать высокую траву, что росла возле тропинки.

– Хм! – сказала я, глядя вслед братьям Браун.

– Кто это такие? – спросил низкий голос за моей спиной. Бобби Хиггинс тоже вышел на улицу и теперь заглядывал за угол, щуря здоровый глаз. Бобби с подозрением относился к незнакомцам – и в этом не было ничего удивительно, учитывая его бостонские несчастья.

– Соседи, если можно так выразиться.

Я спрыгнула с крыльца и поймала одного мула за поводья прямо перед тем, как он успел дотянуться до персикового деревца, которое я посадила возле дома. Выражая недовольство таким неуместным вмешательством в его дела, мул оглушительно заржал прямо мне в лицо.

– Позвольте мне, мэм.

Бобби, в руках у которого уже были поводья другого мула, потянулся, чтобы взять у меня уздечку.

– А ну-ка, стой! – грозно сказал он непокорному мулу. – Уймись сейчас же, а не то выпорю хворостиной.

Бобби был не кавалеристом, а пехотинцем – сейчас это стало совершенно очевидным. Говорил он довольно резко и грозно, но его выдавала так расхожая со словами, неуверенная манера держаться. Он неловко дернул за упряжь. Мул тотчас же поджал уши и укусил его за руку.

Бобби закричал и выпустил поводья. Кларенс, мой собственный мул, услышал шум и громко, приветственно заржал из загона. Оба мула-чужака рысью кинулись к нему, болтая стремянными ремнями.

Бобби не сильно пострадал, хотя животное умудрилось прокусить

кожу: пятна крови медленно проступали сквозь ткань на рукаве рубашки. Пока я поднимала манжет, чтобы взглянуть на ранение, на крыльце послышались чьи-то торопливые шаги. Я обернулась и увидела Лиззи с большой деревянной ложкой в руках, вид у нее был встревоженный.

– Бобби! Что случилось?

Увидев ее, он мгновенно выпрямился и, изображая полную невозмутимость, откинул локон каштановых волос со лба.

– О, ах! Пустяки, мисс. Вроде как небольшое недоразумение с этими нечестивцами. Нечего бояться, все хорошо.

На этих словах его глаза закатились, и он упал в обморок.

– О! – Лиззи пулей слетела вниз по ступеням и склонилась над Бобби, осторожно похлопывая его по щеке. – С ним все в порядке, миссис Фрэзер?

– Бог его знает, – искренне ответила я. – Думаю, что да. – Дыхание Бобби было спокойным, и я нащупала относительно ровный пульс на запястье.

– Занесем его внутрь? Или стоит принести жженое перо? А может, лучше нашатырь из кабинета? Или бренди? – Лиззи хлопотала, как взволнованный шмель, готовый лететь в любом направлении.

– Нет, думаю, он приходит в себя. – Большинство обмороков длятся не больше пары секунд, по тому, как задвигалась его грудь, я поняла, что Бобби стал дышать глубже.

– Капелька бренди не помешает, – пробормотал он, приоткрывая глаза.

Я кивнула Лиззи, которая тут же исчезла в доме, оставив свою ложку в траве.

– Чувствуешь себя неважно, да? – спросила я сочувственно. Полученная травма была всего лишь царапиной, и я совершенно точно не делала ничего такого, что могло привести взрослого мужчину в состояние шока – по крайней мере, в состояние физического шока. Так в чем же было дело?

– Не знаю, мэм. – Бобби попытался сесть, и, хотя лицо было белым как простыня, в остальном он, кажется, чувствовал себя сносно, поэтому я позволила ему сделать это. – Просто у меня перед глазами то и дело появляются эти точки, они кружатся и жужжат, будто пчелиный рой, а потом все вдруг темнеет.

– То и дело? Такое случалось раньше? – резко спросила я.

– Д-да, мэм... – Голова Бобби покачивалась, как подсолнух на ветру, и я подхватила его под мышки на случай, если он снова отключится. – Его светлость надеялись, что вы сможете найти какое-нибудь средство, чтобы это прекратилось...

– Его свет... О, так он знает об обмороках?

Боже, ну конечно, он знает, если Бобби то и дело валится без чувств прямо у него перед глазами.

Он кивнул и глубоко, судорожно втянул воздух.

– Доктор Потс регулярно делал мне кровопускания, дважды в неделю. Но, кажется, это не помогло.

– Смею предположить, что нет. Надеюсь, от него было больше пользы с твоим геморроем, – заметила я сухо.

Лицо его слегка порозовело – бедному мальчику не хватило крови, чтобы как следует покраснеть, – и он отвернулся в сторону, уставившись на ложку в траве.

– Эм... Я... никому об этом не рассказывал.

– Нет? – Я была удивлена. – Но...

– Видите ли, это все дорого. Из Вирджинии. – Румянец стал ярче. – Я ни за что бы не сознался, не гори у меня так задница после недели на чертовой лошади – прошу прощения, мэм. У меня не было шанса это скрыть.

– То есть лорд Джон тоже об этом не знал?

Он энергично замотал головой, так что его растрепанные каштановые кудри снова опустились на лицо. Я чувствовала раздражение и досаду – на себя, из-за того, что неверно истолковала мотивы Джона Грея, и на него самого за то, что он сделал из меня дуру.

– Что ж... Тебе уже лучше?

Лиззи так и не явилась с бренди, и я тут же задалась вопросом, куда она могла деться. Бобби по-прежнему был бледен, но смело кивнул и с трудом поднялся на ноги. Он стоял, моргая и раскачиваясь, и пытался сохранить равновесие. Буква «У», клеймо, выжженное на его щеке, стала заметнее и зло алела на белой коже.

Отвлеченная обмороком парня, я не обращала внимания на доносящиеся звуки. Однако теперь я услышала голоса и приближающиеся шаги. Джейми и двое Браунов появились из-за угла дома и, увидев нас, остановились. Джейми, и без того немного печальный, нахмурился сильнее. Брауны же, напротив, казались удовлетворенными, но в их удовлетворенности было какое-то мрачное ликование.

– Значит, это правда? – Ричард Браун зло уставился на Бобби Хиггинса, а затем повернулся к Джейми. – Ты держишь убийцу в своих владениях?

– Действительно? – Джейми был подчеркнуто холоден, но вежлив. – Я и не знал.

Он очень изящно, на французский манер, поклонился Бобби Хиггинсу, а затем выпрямился и указал на Браунов.

– Мистер Хиггинс, могу я представить вам мистера Ричарда Брауна и мистера Лайонела Брауна. Джентльмены, мой гость, мистер Хиггинс.

Фраза «мой гость» была произнесена с особым ударением, что заставило Ричарда Брауна сжать и без того тонкие губы до их полного исчезновения.

– Осторожно, Фрэзер, – обронил он, не отрываясь глядя на Бобби, как будто ожидая, что тот испарится. – В наши дни водить дружбу с неправильными людьми может быть опасно.

– Я выбираю компанию по собственному усмотрению, сэр. – Джейми говорил тихо, цедя слова сквозь сжатые зубы. – И ваша меня не интересует, Джозеф.

Отец Лиззи, Джозеф Уэмисс, появился из-за угла, ведя за собой двух мулов-бунтарей, которые теперь выглядели безобидными, как котята, хотя каждый из них серьезно превосходил размерами щуплого мистера Уэмисса.

Бобби Хиггинс, ошарашенный этой сценой, недоуменно посмотрел на меня, ожидая объяснений. Я слегка пожала плечами, ничего не говоря. Брауны тем временем забрались на мулов и двинулись прочь со двора, их прямые спины буквально источали гнев. Джейми дождался, пока они исчезнут из виду, потом запустил руку в волосы и зло выдохнул, бормоча что-то на гэльском. Я не уловила всей сути, но поняла, что он сравнивает недавних гостей с наростами вроде тех, что были у мистера Хиггинса, в пользу вышеупомянутых.

– Прошу прощения, сэр? – Хиггинс выглядел совершенно потерянным, но желал угодить.

Джейми кинул взгляд в его сторону.

– Пусть катятся к чертовой матери, – сказал Джейми, с отвращением махнув рукой в направлении, куда уехали Брауны. Он поймал мой взгляд и повернулся к дому. – Пойдем-ка, Бобби, нам нужно кое-что обсудить.

Я последовала за ними из любопытства и на случай, если мистеру Хиггинсу снова станет нехорошо. Он двигался довольно уверенно, но по-прежнему был очень бледен. По сравнению с Бобби мистер Уэмисс – стройный и светловолосый, как и его дочь – просто лучился здоровьем. «Что же не так с Бобби?» – раздумывала я. Идя за ним следом, я украдкой бросила взгляд на его брюки – кровотечения не было.

Джейми привел нас в свой кабинет и указал на стоящие в беспорядке стулья и коробки, которые были предназначены для посетителей. Однако оба, мистер Уэмисс и Бобби, предпочли стоять; Бобби – по очевидным

причинам, мистер Уэмисс – из уважения, ему вообще было неловко сидеть в присутствии Джейми, за исключением обедов.

Я же, не обремененная социальными или физическими ограничениями, уселась на лучший стул и приподняла бровь, глядя на Джейми, который сел за рабочий стол.

– Вот в чем дело, – начал он без всякой преамбулы. – Браун и его брат провозгласили себя главами комитета безопасности и приехали, чтобы учесть меня и моих арендаторов в качестве его членов. – Он чуть скривил угол рта. – Я отказался, как вы, без сомнения, заметили.

Внутри у меня все сжалось, когда я подумала о словах майора Макдональда и о том, что знала сама. Значит, вот оно, начало.

– Комитет безопасности? – Мистер Уэмисс выглядел сбитым с толку и кинул взгляд на Бобби Хиггинса, чье недоумение постепенно испарялось.

– Вот оно что, – тихо сказал Бобби. Пряди кудрявых каштановых волос выбились из хвоста, и он заправил одну за ухо.

– Вы слышали о таких комитетах раньше, мистер Хиггинс? – спросил Джейми, поднимая бровь.

– Сталкивался с одним, сэр. Подобным. – Он ненароком коснулся нижнего века под искаленным глазом. Парень по-прежнему был бледен, но самообладание постепенно возвращалось к нему. – Это разбойники, сэр. Как их мулы, только куда злее. – Он улыбнулся невеселой улыбкой и расправил рукав над укусом.

Упоминание о мулах внезапно напомнило мне о другом, и я резко встала, прерывая разговор на полуслове.

– Лиззи! Где Лиззи?

Не дожидаясь ответа на этот риторический вопрос, я быстро встала и пошла к двери, выкрикивая ее имя, – но никто не отзывался. Она ушла за бренди, в кухне его было еще много, о чем ей было известно – я только вчера видела, как она набирала немного для миссис Баг. Она должна быть в доме. Конечно, она не пошла бы...

– Элизабет? Элизабет, где ты? – Мистер Уэмисс направился прямо за мной, выкрикивая имя дочери, пока я шла по холлу в кухню.

Лиззи лежала в глубоком обмороке прямо на очаге – маленькая кучка одежды с торчащей наружу тонкой рукой, как будто падая, она пыталась защититься.

– Мисс Уэмисс! – Бобби Хиггинс кинулся мне наперерез с безумным взглядом и сгреб девушку на руки.

– Элизабет! – Мистер Уэмисс тоже протиснулся вперед, лицо его стало почти таким же белым, как у дочери.

– Может, позвольте мне взглянуть? – решительно сказала я, расталкивая мужчин. Положи-ка ее на лавку, Бобби, давай.

Он осторожно поднялся и, немного поморщившись, сел на лавку, по-прежнему держа ее на руках. Что ж, если он хотел побыть героем, у меня не было времени с ним спорить. Я присела на колени рядом с девушкой и взяла в руку запястье, нащупывая пульс, другой рукой я убирала волосы с ее лица. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что именно могло случиться. Кожа была липкой, а лицо приобрело землистый оттенок. Я почувствовала, как ее бесчувственное тело начинает колотить озноб.

– Малярия вернулась? – спросил Джейми. Он появился сбоку от меня и взял мистера Уэмисса за плечо, одновременно утешая и сдерживая его.

– Да, – коротко отозвалась я. У Лиззи была малярия, она подхватила ее на побережье пару лет назад, время от времени случались рецидивы – правда, весь предыдущий год прошел спокойно.

Мистер Уэмисс глубоко и шумно вздохнул, его лицо чуть порозовело. Он был уже знаком с малярией и был уверен, что я смогу с этим справиться. Предыдущие несколько раз так и случалось. Я надеялась, мне удастся помочь Лиззи и сейчас. Пульс под моими пальцами был быстрым и слабым, но стабильным, она уже начала шевелиться. Однако быстрота и внезапность приступа меня пугали. Были ли какие-то симптомы, предшествующие рецидиву? Я надеялась, что тревога не отражалась у меня на лице.

– Уложите ее в постель, накройте и приложите горячий камень к ногам, – командовала я Бобби и мистеру Уэмиссу, поднимаясь на ноги. – Я приготовлю лекарство.

Джейми пошел со мной в хирургический кабинет, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что остальные нас не слышат.

– Я думал, у тебя закончилась хина, – сказал он шепотом.

– Так и есть. Черт побери.

Малярия была хроническим заболеванием, и большую часть времени мне удавалось держать ее под контролем, давая Лиззи небольшие дозы хинной коры. Но в течение зимы мои запасы истощились, и никто пока не мог спуститься к побережью, чтобы их пополнить.

– И что теперь?

– Я думаю.

Я открыла дверцу шкафа и уставилась на ровные ряды баночек внутри. Многие из них были пусты, в других лежали скудные остатки сушеных листьев или корешков. После долгой влажной зимы с гриппом, простудами, обморожениями и несчастными случаями на охоте почти все

было израсходовано.

Жаропонижающее. У меня имелись кое-какие средства, которые могли сбить температуру при обычной лихорадке, но малярия не тот случай. По крайней мере, у меня было много кизиловой коры и корешков – я основательно запаслась ими прошлой осенью, предвидя нужду. Я сняла кизил с полки и после минутных раздумий добавила к нему склянку с разновидностью горечавки, известной в этих местах как малярийная трава.

– Поставишь чайник? – попросила я Джейми, с хмурым видом растирая корешки, кору и траву в ступке. С этим набором я могла снять только внешние симптомы – температуру и озноб. И еще шок, про него тоже не стоит забывать.

– И, если тебе не сложно, принеси мне, пожалуйста, немного меда! – закричала я ему вслед, когда он уже открывал дверь. Он кивнул и торопливо ушел в направлении кухни, его ботинки быстро и уверенно застучали по дубовым доскам пола.

Я продолжала толочь лекарство, все еще обдумывая дополнительные варианты. Крошечная часть меня была рада происшествию: теперь мы могли отложить разговор о Браунах и их чертовом комитете.

Предчувствия у меня были самые недобрые. Чего бы они ни хотели, нам, я была уверена, это не сулило ничего хорошего: они с Джейми явно расстались не на дружеской ноте. Что касается представлений моего мужа об ответных действиях...

Конский каштан. Иногда его применяли против трехдневной малярии, как ее называл доктор Роулингс. Он у меня еще есть? Быстро оглядывая бутылочки и баночки в медицинском сундучке, я остановилась на склянке, на дне которой было около дюйма высушенных черных шариков. Желчные ягоды, гласила надпись. Это были не мои запасы, ягоды раньше принадлежали Роулингсу. Я никогда и ни для чего их не использовала, но в памяти что-то всколыхнулось. Я слышала или читала что-то о желчных ягодах, но что?

Я рассеянно взяла баночку, открыла и принялась. Ягоды источали острый, вяжущий запах, чуть горьковатый... и смутно знакомый. Все еще держа банку в руках, я пошла к столу, где лежала моя большая черная тетрадь, и стала лихорадочно пролистывать страницы к началу, к записям, которые принадлежали первому владельцу тетради и медицинского сундучка – Дэниелу Роулингсу. Где же это было?

Я все еще листала журнал в поисках наполовину забытой заметки, когда вернулся Джейми с кувшином горячей воды в одной руке и миской меда в другой, за ним маячили близнецы Бердсли. Я взглянула на них, но

ничего не сказала: у них была манера появляться внезапно, как пара чертиков из табакерки.

– Мисс Лиззи очень больна? – встревоженно спросил Джо, выглядывая из-за Джейми, чтобы посмотреть, что я делаю.

– Да, – кратко ответила я, едва обращая внимание на него. – Но не волнуйся, я готовлю лекарство для нее.

Вот оно! Короткая заметка, добавленная уже впоследствии к записям о лечении пациента, у которого были все симптомы малярии и который, отметила я про себя тревожно, скончался.

«Торговец, у которого я покупал хину, рассказал мне, что индейцы используют растение, которое называют желчной ягодой. По горечи оно превосходит хинную кору и считается лучшим средством для лечения трех- и четырехдневных лихорадок. Я собрал немного ягод для эксперимента и опробую их, как только представится случай».

Я достала одну ягоду и раскусила ее. Резкий вкус хинина заполнил мой рот, а вместе с ним обильный поток слюны. От невыносимой горечи я скривила губы. Желчные ягоды, иначе и не назовешь. Я кинулась к открытому окну и выплюнула ягоду в траву, продолжив отплевываться под аккомпанемент смешков и хихиканья братьев Бердсли, которые вовсю наслаждались неожиданным представлением.

– Ты в порядке, саксоночка? – Смех на лице Джейми боролся с беспокойством. Он налил воды из кувшина в глиняную кружку, немного подумав, добавил туда ложку меда и подал мне.

– В порядке, – проквакала я в ответ. – Не вздумай это уронить!

Кеси Бердсли взял в руки баночку с ягодами и осторожно понюхал. Он кивнул на мое предостережение, но вместо того, чтобы поставить емкость на место, передал ее брату.

Я набрала полный рот теплой воды с медом и с облегчением сделала глоток.

– Эти... штуки содержат что-то вроде хины.

Лицо Джейми мгновенно изменилось, в нем стало меньше тревоги.

– Значит, они помогут девчужке?

– Надеюсь. Их не очень-то много.

– То есть вам нужно больше таких штукочек для мисс Лиззи, миссис Фрэзер? – Джо посмотрел на меня снизу вверх, а потом почти с угрозой перевел глаза на маленькую баночку.

– Да, – сказала я удивленно. – Ты ведь не хочешь этим сказать, что знаешь, где их достать?

– Ай, мэм, – ответил Кеси, как обычно, чуть громче, чем нужно. – Их полно у индейцев.

– Каких индейцев? – спросил Джейми, пристально глядя на мальчика.

– Чероки, – сказал Джо, неопределенно махнув рукой куда-то за спину. – За горой.

Это описание могло подойти под дюжину деревень, но, очевидно, они имели в виду совершенно конкретное поселение, поскольку оба вдруг синхронно развернулись, явно намереваясь пойти туда без промедления и вернуться с ягодами.

– Погодите-ка минутку, парни, – прикрикнул Джейми, хватая Кеси за воротник. – Я иду с вами. Вам нужен кто-то, кто сможет торговаться с ними.

– О, у нас куча шкур, сэр, – заверил его Джо. – Сезон был урожайный.

Джо был опытным охотником, и, хотя Кеси все еще был немного глуховат, брат научил его ставить силки. Йен рассказывал мне, что хижина Бердсли была доверху забита шкурами бобров, куниц, оленей и горностаев. Запах добычи намертво пристал к ним, легкий душок засохшей крови, мускуса и мокрой шерсти.

– Ай? Что ж, это очень щедро с твоей стороны, Джо. Но я все равно иду с вами. – Джейми посмотрел на меня, показывая, что уже принял решение, но тем не менее хочет услышать одобрение. Я сглотнула, ощущая горечь.

– Да, – сказала я и прочистила горло. – Если... если вы идете, то мне хотелось бы, чтобы вы выменяли еще кое-какие вещи. Я расскажу вам. Вы ведь не уйдете до утра?

Бердсли хотели побыстрее пуститься в путь и буквально дрожали от нетерпения, но Джейми стоял неподвижно, глядя на меня. Я почувствовала его прикосновение, хотя он не двигался и не говорил.

– Нет, – сказал он тихо. – Мы отправимся в ночь. – С этими словами он повернулся к Бердсли. – Поднимитесь наверх, Джо, и позовите сюда Бобби Хиггинса, мне нужно с ним поговорить.

– Он наверху с мисс Лиззи? – Джо Бердсли выглядел недовольным. Лицо брата, будто эхо, повторило его подозрительное выражение с сощуренными глазами.

– Что он там делает, в ее комнате? Он разве не знает, что Лиззи обручена? – праведно возмутился Кеси.

– Ее отец тоже там, – заверил их Джейми. – Так что репутация

Элизабет в безопасности.

Джо тихо фыркнул на это, братья обменялись понимающими взглядами и, распрямив худые плечи, вместе вышли из кабинета, полные решимости устранить опасность, грозящую чести Лиззи.

– Так ты сделаешь это? – Я поставила ступку на стол. – Станешь индейским агентом?

– Думаю, я должен. Если не я, то им наверняка станет Ричард Браун. Нам нельзя так рисковать. – Джейми замялся, затем придвинулся ближе и легонько коснулся пальцами моего локтя. – Парнишек я сразу отправлю назад с ягодами, которые тебе нужны. Но мне скорее всего придется задержаться на день или два. Чтобы договориться обо всем, ай?

Он имел в виду – чтобы рассказать индейцам чероки, что теперь он агент английской короны, и дожидаться, пока весть разойдется. Вожди горных деревень позже должны будут спуститься вниз на совет для переговоров и обмена дарами.

Я кивнула, ощущая, как комок страха набухает где-то в груди. Началось. Неважно, как много ты знаешь о том, что нечто ужасное должно случиться в будущем, ты все равно не думаешь, что это произойдет сегодня.

– Не... Не задерживайся там надолго, ладно? – промямлила я, не желая обременять его своими страхами, но не в силах молчать.

– Не буду, – мягко ответил он, и его рука на мгновение задержалась у меня на поясице. – Не тревожься понапрасну, я быстро вернусь.

Звук шагов, спускающихся по лестнице, эхом отозвался в холле. Я поняла, что мистер Уэмисс выставил Бердсли из комнаты за компанию с Бобби. Кидая на него недобрые взгляды исподтишка, братья молча вышли на улицу. Бобби, впрочем, выглядел рассеянным и вряд ли что-то заметил.

– Мальчонка сказал, вы хотели со мной поговорить, сэр.

Я с облегчением отметила, что к нему вернулся нормальный цвет лица и он твердо стоял на ногах. Он бросил беспокойный взгляд на стол, по-прежнему накрытый простыней, на которой мы проводили процедуры, а потом на меня. Я легонько покачала головой: разберемся с его геморроем позже.

– Ай, Бобби. – Джейми указал было на стул, как бы приглашая Бобби присесть, но я многозначительно кашлянула, и он одумался, облокотившись на стол. – Эти двое, что приходили, – их фамилия Браун. У них есть поселение не так далеко отсюда. Ты вроде как слышал о комитетах безопасности? Значит, представляешь себе, что это такое.

– Ой, сэр. Эти Брауны, сэр... Им нужен был я? – Бобби говорил

достаточно спокойно, но я заметила, как он нервно сглотнул и кадык дернулся на тонкой шее.

Джейми вздохнул и провел рукой по волосам. Солнечный свет лился в окна и падал прямо на него, заставляя рыжие волосы сиять подобно живому пламени и выхватывая здесь и там серебряные нити, которые уже начали появляться в его медной гриве.

– Да, они пришли за тобой. Они знали, что ты здесь. Слышали о тебе, кто-то разболтал им. Ты ведь наверняка говорил людям по пути, куда направляешься?

Ошарашенный, Бобби только молча кивнул.

– Чего они от него хотели? – спросила я, ссыпая размолотые корни, кору и ягоду в миску и заливая горячей водой.

– Они не слишком ясно выражались, – сухо сказал Джейми. – С другой стороны, я не дал им такой возможности. Я сразу сообщил им, что они заберут гостя от моего очага только через мой труп – и их.

– За это вам спасибо, сэр. – Бобби глубоко вдохнул. – Стало быть, они знали? Про Бостон? Про это я уж точно ни словечка никому не сказал.

Джейми нахмурился еще сильнее.

– Знали. Изображали, что я чего-то не понимаю, сказали, что я без своего ведома укрываю убийцу, который к тому же угрожает благополучию граждан.

– Что ж, первая часть правда, – отозвался Бобби, с опаской касаясь клейма, как будто оно все еще жгло кожу. Он бледно улыбнулся. – Но не уверен, что в нынешние времена могу кому-то угрожать.

Джейми пропустил его реплику мимо ушей.

– Дело в том, Бобби, что они знают, что ты здесь. Не думаю, что они придут снова, чтобы забрать тебя силой. Однако я попрошу тебя быть осторожным. Я приму меры, чтобы ты смог безопасно вернуться к лорду Джону, когда придет время. Найдем тебе сопровождающих. Я так понимаю, что вы еще не закончили? – спросил он, поворачиваясь ко мне.

– Не закончили, – ответила я ему в тон. Вид у Бобби в этот момент стал тревожным.

– Вот и хорошо. – Джейми потянулся к ремню и достал пистолет, до этого скрытый в складках рубахи. Это был тот самый, с рукоятью, украшенной золотом. – Держи его при себе, – сказал Джейми, передавая оружие Бобби. – Пули и порох в буфете. Присмотришь за моей семьей и детьми, пока я в отлучке?

– О! – Бобби ненадолго замер от удивления, но затем кивнул и сунул пистолет за пояс. – Я справлюсь, сэр. Можете на меня положиться.

Джейми улыбнулся на это, его взгляд потеплел.

– Теперь мне будет спокойнее, Бобби. Не мог бы ты найти моего зятя? Мне нужно поговорить с ним до того, как я уйду.

– Да, сэр. Сию минуту! – Он распрямил плечи и бросился выполнять поручение с выражением абсолютной решимости на тонком, романтическом лице.

– Как думаешь, что бы они с ним сделали? – спросила я тихо, когда дверь за ним захлопнулась. – Брауны.

Джейми покачал головой.

– Бог знает. Может, повесили бы его на перекрестке, а может, просто избили бы и вывезли куда подальше. Они хотят продемонстрировать, что могут защитить людей. От преступников и им подобных, – добавил он, скривив рот в ухмылке.

– «Правительство черпает свои полномочия из законного согласия управляемых», – процитировала я. – Чтобы комитет безопасности мог действовать на законных основаниях, должна появиться очевидная угроза общественной безопасности. Брауны очень умны, раз сами до этого додумались.

Джейми взглянул на меня, приподняв каштановую бровь.

– Кто это сказал? Про согласие управляемых.

– Томас Джефферсон, – довольно ответила я. – Вернее, скажет через два года.

– Он украдет это у джентльмена по фамилии Локк через два года, – поправил Джейми. – Полагаю, Ричард Браун получил приличное образование.

– В отличие от меня, хочешь сказать? – ничуть не смутясь, парировала я. – Но раз ты ждешь неприятностей от Браунов, то почему дал Бобби именно этот пистолет?

Джейми пожал плечами.

– Хорошие мне понадобятся. К тому же я очень сомневаюсь, что он станет стрелять даже из этого.

– Рассчитываешь на его устрашающий эффект? – Я смотрела на это скептически, но скорее всего Джейми был прав.

– На него. Но больше на Бобби.

– Как это?

– Я сомневаюсь, что он станет стрелять, чтобы спасти собственную жизнь, но, может, поступит так, чтобы спасти ваши. И если до этого дойдет, то они будут слишком близко, чтобы парень промахнулся. – Он говорил об этом бесстрастно, но я почувствовала, как волосы у меня на затылке встают

дыбом.

– Что ж, это... утешение, – сказала я. – Но откуда ты знаешь, как он поступит?

– Говорил с ним, – бросил он коротко. – Человек, которого он застрелил в Бостоне, стал первым, кого он убил. Он не хочет делать это снова. – Джейми выпрямился и, в попытке занять себя чем-то, подошел к моему рабочему столу, где занялся разборкой инструментов, которые я собиралась почистить.

Я подошла ближе, наблюдая. В лотке со скипидаром лежали мелкие лопатки для прижигания и скальпели. Он по очереди вытаскивал их, вытирал насухо и аккуратно, один к одному, складывал на место, в коробку. Концы лопаток почернели от долгого использования, лезвия скальпелей потускнели, но края – тонкие серебряные полоски – зловеще мерцали.

– С нами все будет в порядке, – тихо произнесла я. Я хотела быть убедительной, но вместо этого моя фраза прозвучала как вопрос.

– Я знаю, – сказал Джейми. Он положил последний инструмент в коробку, но не стал закрывать крышку. Вместо этого он просто стоял, уперевшись обеими руками в крышку стола и смотрел прямо перед собой.

– Я не хотел идти, – сказал он тихо. – Я не хочу это делать.

Я не была уверена, говорит ли он это себе самому или разговаривает со мной, но подумала, что речь идет не только о путешествии в деревню чероки.

– И я, – прошептала я и придвинулась ближе, ощущая, как поднимается и опускается его грудь. Он повернулся и обнял меня. Так мы и стояли, застыв в крепком объятии, слушая дыхание друг друга. Горький привкус горячего отвара перемешивался с домашними запахами свежего льна, пыли и нагретой солнцем кожи.

Мы оба знали, что еще придется делать выбор, принимать решения, совершать поступки. Десятки и сотни. Но сейчас, в один день, один час, всего лишь обозначив свои намерения, мы переступили порог войны.

Глава 10

Долг зовет

Джейми отправил Бобби за Роджером Маком, но обнаружил, что не в силах ждать, и пошел следом, оставив Клэр с ее отваром.

Снаружи все казалось прекрасным и мирным. Коричневая овца с парой ягнят безмятежно стояла в загоне и медленно жевала траву с видом

полного удовлетворения. Ягнята позади нее неуклюже прыгали вперед и назад, как мохнатые кузнечики. Клумба Клэр была полна свежей зелени и цветочных стеблей.

Крышка колодца была снята, Джейми наклонился, чтобы поставить ее на место, и обнаружил, что доски прохудились. Он добавил ремонт крышки в бесконечный список дел у себя в голове, страстно желая посвятить следующие несколько дней копанию грядок, разбрасыванию навоза, укладке черепицы и подобным вещам, а не тому, что ему на самом деле нужно было сделать. Даже загребать старую отхожую яму или кастрировать поросят казалось лучше, чем идти к Роджеру Маку с вопросами об индейцах и революциях. Обсуждать будущее с зятем было для него, мягко говоря, неприятным опытом, и он старался не прибегать к его помощи.

Вещи, которые Клэр рассказывала о своем времени, часто выглядели фантастическими и дарили приятное ощущение чего-то нереального, как бывает со сказками, а иногда казались жутковатыми, но слушать ее было неизменно интересно, ведь из этих историй он узнавал о жене что-то новое. Брианна в основном делилась с ним мелкими забавными деталями домашнего быта или невероятными историями о людях, которые ходили по Луне, которые были не менее увлекательными, но при этом не нарушали его душевного равновесия.

У Роджера же Мака была очень хладнокровная манера рассказывать, она до боли напоминала ему труды по истории, которые ему доводилось читать, а значит, несла в себе неотвратимость рока. Разговоры с ним заставляли поверить, что то или иное ужасное событие не просто произойдет, но вероятнее всего коснется тебя лично.

Разговоры с ним напоминают общение со злобной гадалкой, которой ты слишком мало заплатил, чтобы услышать что-нибудь приятное, подумалось Джейми. Эта мысль пробудила старое воспоминание, которое теперь кружилось и дергалось у него в голове как поплавок.

Это было в Париже. Они с друзьями, другими студентами, пили в пропахших мочой тавернах рядом с университетом. Он и сам уже порядочно напился, когда кому-то взбрело в голову узнать свою судьбу по линиям на руке. Вся компания скоро оказалась на углу, где сидела гадалка. Ее фигура была едва заметна в темноте и клубах табачного дыма. У него не было желания ввязываться в это: в карманах оставалась всего пара пенни, и он не собирался тратить их на этот нечестивый вздор. Он так и объявил во всеуслышание. Сразу же после этого из темноты внезапно возникла тощая клешня и схватила его за руку, глубоко вонзив в нее грязные ногти. От

неожиданности он вскрикнул, и его друзья начали смеяться. Веселье усилилось, когда она плюнула ему в ладонь. Низко склонившись над ней, женщина деловито растерла плевков. Гадалка была так близко, что он чувствовал исходящий от нее запах застарелого пота и видел вошь, ползущую по засаленным волосам, которые торчали из-под обтрепанного черного платка. Она уставилась на его руку, щекотно проводя грязным ногтем по линиям судьбы. Джейми попытался вырвать ладонь, но она усилила хватку на его запястье, и он с удивлением обнаружил, что не может освободиться.

– T'es un chat, toi, – проговорила старуха с недобрым интересом. – Ты кот. Маленький рыжий кот.

Дюбуа – кажется, так его звали – тут же принялся мяукать и завывать, к удовольствию остальных. Сам Джейми не желал идти у них на поводу и, сказав лишь: «Merci, madame», снова попытался отнять руку.

– Neuf, – промолвила гадалка, касаясь случайных точек у него на ладони. Затем схватила палец и выразительно им пошевелила. – У тебя на руке девятка. И смерть, – добавила она небрежно. – Ты умрешь девять раз, прежде чем найдешь покой в могиле.

Затем под улюлюканье и пьяные возгласы французских студентов она отпустила его.

Джейми усмехнулся, пытаясь выбросить из головы давнее воспоминание. Но старуха отказывалась сдаваться так легко и, казалось, звала его сквозь годы. Так же она звала его тогда, в шумной, пропахшей пивом таверне.

– Иногда умирать не больно, мой маленький котик, – насмешливо кричала она вслед. – Но чаще наоборот.

– Нет, не больно, – пробормотал он и, услышав себя, остановился, ошарашенный. Господи. Это не себя он слышал, а своего крестного.

– Не бойся, парень. Умирать нисколько не больно.

Джейми оступился, споткнулся, но смог удержаться на ногах. Он остановился, ощущая привкус металла на языке. Его сердце вдруг заколотилось в груди без всякой причины, как будто он бежал много миль. Он ясно видел хижину перед собой, слышал перекличку соек в повесенному полупрозрачных каштановых ветвях. Но еще яснее он видел лицо Мурты: угрюмые черты разглаживаются, взгляд глубоко посаженных темных глаз устремлен на него, но они то и дело становятся отстраненными, как будто крестный смотрит одновременно на него и сквозь него, на что-то очень далекое. Он заново ощутил, как с приходом смерти Мурта отяжелел в его руках.

Видение исчезло так же резко, как появилось. Джейми обнаружил себя стоящим рядом с лужей и глядящим на деревянную утку, наполовину утопленную в грязи.

Он перекрестился и прошептал пару слов за упокой души крестного, потом склонился и вытащил утку, ополоснув ее в луже. Его руки сильно дрожали – ничего удивительного. У него были эпизодические, случайные воспоминания о Каллодене, – и теперь память начала возвращаться. До сих пор они приходили к нему только вспышками на границе сна и яви. Джейми видел там Мурту, там и во снах, которые за этим следовали. Он еще не говорил Клэр. Пока нет.

Он распахнул дверь хижины, но она была пуста: очаг едва тлеет, прялка и ткацкий станок стоят без дела. Брианна скорее всего у Фергуса, пошла проводить Марсали. Где может быть Роджер Мак? Джейми вышел наружу и прислушался.

Приглушенный стук топора раздавался откуда-то из леса за хижинкой. Потом он прекратился, и Джейми услышал мужские голоса, шумные взаимные приветствия. Он повернулся и стал подниматься по тропе, которая шла вверх по склону: она наполовину заросла молодой травой, но на ней были явно видны свежие отпечатки ботинок.

Что бы рассказала старуха, если бы он ей заплатил? Солгала ли она в отместку за скупость или по той же причине сказала правду? Одной из самых неприятных вещей в разговоре с Роджером Маком было то, что – тут Джейми был уверен – он всегда говорил правду.

Он забыл оставить утку в доме. Вытерев ее о брюки, он угрюмо начал продираться сквозь заросли, чтобы услышать, какая судьба его ждет.

Глава 11

Кровавая работа

Я придвинула микроскоп к Бобби Хиггинсу, который вернулся со своего задания. В тревогах о Лиззи его собственные проблемы были забыты.

– Видишь круглые розовые штуки? – спросила я. – Это клетки крови Лиззи. Эритроциты. Они есть у всех. Это то, что делает кровь красной, – добавила я.

– Боже правый, – пробормотал он в удивлении. – Я и знать не знал!

– Ну, теперь знаешь. Видишь, некоторые эритроциты повреждены? А на других есть маленькие точки?

– Вижу, мэ, – ответил он, щурясь и старательно всматриваясь в окуляр. – Что это?

– Паразиты. Крохотные существа, которые попадают в кровь, когда тебя кусает определенный вид moskitov, – объяснила я. – Они называются плазмодии. Если однажды ты заразился, они продолжают жить в крови и время от времени... эээ... размножаться. Когда их становится слишком много, они разрывают клетки и это вызывает приступ малярии – лихорадку. Остатки разрушенных клеток скапливаются в твоих органах, и от этого ты чувствуешь себя очень больным.

– О! – Бобби выпрямился и поглядел на микроскоп с отвращением. – Это... это просто омерзительно!

– Так и есть, – ответила я, сумев сохранить серьезное выражение. – Но хинин – иезуитская кора – поможет это остановить.

– Это хорошо, мэ, очень хорошо. – Лицо паренька просветлело. – И как это вы знаете столько всякого, – сказал он, качая головой. – Просто чудо какое-то!

– О, я знаю довольно много вещей о паразитах, – небрежно сказала я, снимая блюдечко с миски, в которой настаивалась смесь коры кизила и желчных ягод. Жидкость имела глубокий темно-пурпурный оттенок и стала немного вязкой, когда остыла. Кроме того, она приобрела убийственный запах, из чего я заключила, что настой почти готов.

– Скажи-ка мне, Бобби, ты когда-нибудь слышал о нематодах?

Он растерянно поглядел на меня.

– Нет, мэ.

– Ты не мог бы поддержать вот это, пожалуйста? – Я положила на горлышко чашки сложенную в несколько раз марлю и протянула Бобби бутылку, в которую мне нужно было перелить отвар. – Эти твои обмороки, – начала я, не отрывая глаз от льющейся жидкости. – Давно они у тебя?

– Ох... Наверное, месяцев шесть.

– Ясно. Может, ты замечал какой-нибудь дискомфорт – зуд, например? Или сыпь? Примерно семь месяцев назад. Скорее всего на стопах.

Он уставился на меня, доверчивые голубые глаза удивленно распахнуты, будто я только что провернула трюк с чтением мыслей.

– Как же, было такое, мэ. Прошлой осенью и было.

– Вот как, – отозвалась я. – Что ж, Бобби, тогда у тебя, возможно, нематоды.

Он оглядел себя в ужасе.

– Где?

– Внутри. – Я забрала у него из рук бутылку и закупорила ее. – Нематоды – это паразиты, которые проникают в организм через кожу, – чаще всего через подошвы ног, – а затем перемещаются по телу, пока не найдут кишечник – твои... эээ... внутренности, – поправились я, заметив его недоуменный взгляд. – У взрослых червей есть противные маленькие крючочки, вот такие. – Я скрючила указательный палец в качестве иллюстрации. – Ими они прокалывают слизистую оболочку кишечника и начинают сосать кровь. Поэтому, если они у тебя есть, ты чувствуешь себя очень слабым и часто падаешь в обморок.

По его внезапной бледности я поняла, что он готов упасть в обморок прямо сейчас, и быстро усадила Бобби на табурет, опустив его голову между колен.

– Я не могу знать наверняка, что именно в этом дело, – сказала я, склонившись к нему. – Я просто смотрела на кровь Лиззи и думала о паразитах и... неожиданно мне пришло в голову, что нематоды могли бы объяснить твои симптомы.

– Да? – сказал он слабо. Густой хвост из каштановых волос упал вперед, обнажив его шею с ровной, почти детской кожей.

– Сколько тебе лет, Бобби? – спросила я, вдруг осознав, что не никогда не думала об этом.

– Двадцать три, мэм, – ответил он. – Мэм? Мне кажется, меня сейчас вырвет.

Я стремительно метнулась за ведром в углу и успела как раз вовремя.

– Теперь я избавился от них? – спросил он хрипло, выпрямляясь и вытирая рот рукавом, и заглянул в ведро. – Я могу сделать это еще раз.

– Боюсь, что нет, – сочувственно отозвалась я. – Если у тебя есть нематоды, то они держатся там очень крепко и к тому же сидят слишком глубоко, чтобы рвота могла помочь. Единственный способ подтвердить твой диагноз – найти их яйца.

Бобби посмотрел на меня с сомнением.

– Не то чтобы я ужасно застенчив, мэм, – сказал он и неловко поерзал. – Вы это знаете. Но доктор Поттс делал мне огромные клизмы с горчичной водой. Уж они-то точно должны были выжечь всех червей? Если бы я был червем, я бы тут же отвалился и испустил дух, полей меня кто горчичной водой.

– Да, так можно подумать, – ответила я. – Увы, это не так. Но я не буду делать тебе клизмы, – успокоила я парня. – Сначала нам нужно убедиться, что у тебя есть паразиты, и если это так, то я сделаю тебе лекарство, которое их точно вытравит.

– О! – Лицо Бобби немного просветлело. – И как же вы собираетесь это проверить, мэм?

Он пристально посмотрел на стол, на котором по-прежнему были разложены всевозможные зажимы и склянки с шовным материалом.

– Проще простого, – заверила я его. – Я провожу исследование, которое называется копрограмма: собираю стул и под микроскопом ищу яйца.

Бобби кивнул, очевидно, не вполне понимая значение слов. Я ласково улыбнулась ему.

– Все, что от тебя потребуется, Бобби, это твое дерьмо.

Его лицо отразило всю палитру сомнений и ужаса.

– Если вы не возражаете, мэм, я оставлю червей при себе.

Глава 12

Дальнейшие чудеса науки

Поздно вечером Роджер Маккензи вернулся из бочарни и обнаружил жену в глубоких раздумьях перед странным предметом, стоящим на обеденном столе.

– Что это? Какие-то доисторические рождественские консервы? – Роджер протянул запачканный указательный палец к приплюснутой банке из зеленоватого стекла. Она была закрыта пробкой, которую покрывал толстый слой красного воска. Внутри виднелось бесформенное нечто, погруженное в жидкость.

– Но-но, – ответила его жена терпеливо, отодвигая от него банку. – Думаешь, ты пошутил. Это белый фосфор, подарок лорда Джона.

Он бросил на нее взгляд: Брианна была возбуждена, кончик носа покраснел, рыжие волосы растрепались и чуть дрожали на ветру, – как и у отца, у нее была привычка запускать руки в волосы, когда она о чем-то думала.

– И ты намерена... делать с ним что-то? – спросил он, пытаясь скрыть нотки опасения в голосе. Он имел самые смутные представления о свойствах фосфора, о котором он слышал что-то в далекие школьные годы. То ли он заставлял тебя светиться в темноте, то ли взрывался. Ни одна из перспектив его не радовала.

– Нууу... Может, сделаю спички. – Она прикусила нижнюю губу, рассматривая банку. – Я знаю, как это делается, в теории. Но на практике может оказаться не так просто.

– Это еще почему? – неуверенно спросил Роджер.

– Он воспламеняется при контакте с воздухом, – объяснила она. – Вот почему он лежит в воде. Джем, не трогай! Эта штука ядовитая. – Схватив Джемми за талию, она стащила его со стола, где он с жадным любопытством наблюдал за банкой.

– Ну а чего об этом беспокоиться? Он взорвется прямо перед ним, прежде чем у него появится шанс сунуть его в рот.

Роджер для сохранности взял банку в руки, держа ее так, словно она могла развалиться прямо в руках. Ему хотелось спросить Брианну, в своем ли она уме, но он был женат достаточно долго, чтобы знать цену подобным необдуманным риторическим вопросам.

– И где ты собираешься это держать? – Он обвел хижину красноречивым взглядом. Для хранения годились лишь сундук с бельем, полочка для книг и бумаг, еще одна для расчески и зубных щеток, тайничок Брианны с ее личными вещами и продуктовый шкаф. Последний Джемми умел открывать примерно месяцев с семи.

– Думаю, лучше оставить у мамы в операционной, – ответила она, рассеянно держа за пояс Джема, который по-прежнему с завидным упорством пытался добраться до заветной красивой штучки. – Там никто ничего не трогает.

Что правда, то правда: те, кто не боялся Клэр Фрэзер саму по себе, все же были напуганы содержимым ее кабинета: устрашающие инструменты, которые, кажется, созданы причинять боль, загадочные мутные зелья и вонючие лекарства. Ко всему прочему, в хирургическом кабинете были шкафы, расположенные слишком высоко даже для такого упорного альпиниста, как Джем.

– Хорошая идея, – сказал Роджер, страстно желающий убрать банку за пределы досягаемости сына. – Я отнесу ее прямо сейчас, идет?

Прежде чем Брианна успела ответить, в дверь постучали и тут же показался Джейми Фрэзер. Джем тут же оставил попытки добраться до банки и кинулся к деду, пища от восторга.

– Как дела, а bhalach?^[31] – тепло спросил Джейми, ловко переворачивая Джема вверх тормашками и хватая за лодыжки. – Можно тебя на пару слов, Роджер Мак?

– Конечно. Присядете?

Он уже рассказал Джейми, что знал, – а знал он ничтожно мало, – о роли чероки в грядущей революции. Он пришел, чтобы узнать что-то еще? Неохотно поставив банку на стол, Роджер вытащил из-под него табурет и пододвинул в сторону тестя. Джейми согласно кивнул и сел, ловко закинув

ребенка на плечо. Джем хихикал как сумасшедший и извивался, пока дед не шлепнул его по попе, после чего он успокоился, раскачиваясь вверх ногами, как ленивец. Его яркие волосы разметались по рубашке на дедовой спине.

– Дело вот в чем, а charaid^[32], – сказал Джейми. – Утром я отправляюсь в деревни чероки, и мне нужно, чтобы ты кое-что сделал вместо меня.

– О. Вы хотите, чтобы я проследил за уборкой ячменя?

Раннее зерно все еще дозревало в поле. Все, затаив дыхание, надеялись, что хорошая погода продержится еще несколько недель. И перспективы были хорошие.

– Нет, этим может заняться Брианна. Ты не против, девчушка? – Он улыбнулся дочери, которая приподняла густые рыжие брови, копии его собственных.

– Не против, – согласилась она. – Но чем ты намерен занять Йена, Роджера и Арч Бага?

Арч Баг был его управляющим, и логично было предположить, что присматривать за урожаем в свое отсутствие Джейми оставит его.

– Ну, Йена я возьму с собой. Чероки хорошо его знают, и он знаком с их языком. Братья Бердсли тоже идут с нами. Они тут же отправятся назад и принесут твоей маме ягоды и другие вещи, которые нужны для Лиззи.

– Я тоже иду? – с надеждой спросил Джемми.

– Не в этот раз, а bhalaich. Может, осенью. – Он легонько похлопал Джемми по попе и снова сосредоточил свое внимание на Роджере.

– Ну так вот, – продолжил он, – мне нужно, чтобы ты отправился на Кросс-Крик и встретил там новых поселенцев.

От такой перспективы Роджер ощутил легкое приятное волнение, смешанное с тревогой, однако виду не подал и лишь кивнул, прочистив горло.

– Конечно. Они...

– Ты возьмешь с собой Арч Бага и Тома Кристи.

Последняя фраза была встречена тишиной.

– Тома Кристи? – переспросила Бри, обмениваясь недоуменными взглядами с Роджером. – Но зачем, бога ради?

Учитель обладал особенно угрюмым нравом и едва ли пришел бы кому-нибудь на ум в качестве приятного попутчика.

Ее отец скривил губы в усмешке.

– Что ж. Есть одна маленькая деталь, которой Макдональд пренебрег, когда спрашивал меня, возьму ли я их. Они протестанты, почти все.

– Ах, – сказал Роджер. – Понятно.

Джейми поймал его взгляд и кивнул, очевидно, ощущая некоторое облегчение от того, что его так быстро поняли.

– Мне не понятно. – Брианна, хмурясь, коснулась волос, затем вытащила ленту и начала пропускать их сквозь пальцы, распутывая перед расчесыванием. – В чем разница?

Роджер и Джейми обменялись короткими, но выразительными взглядами. Джейми пожал плечами и опустил Джема к себе на колени.

– Что ж. – Роджер поскреб подбородок, раздумывая, как описать два века шотландской религиозной нетерпимости американке двадцатого века так, чтобы она поняла. – Хммм... помнишь движение за гражданские права в штатах, интеграцию Юга – все это?

– Конечно. – Она сузила глаза. – О'кей, на какой стороне негры?

– Кто? – Джейми совершенно потерял нить. – Как сюда попали негры?

– Все не так просто, – ответил ей Роджер. – Это лишь пример того, насколько глубоко проблема затрагивает людей. Скажем так, наличие землевладельца-католика может вызвать серьезное беспокойство у наших новых соседей. И наоборот, я полагаю? – спросил он, глядя на тестя.

– Кто такие негры? – с любопытством спросил Джем.

– Эээ... Люди с темной кожей, – ответил Роджер и внезапно осознал, в какой тупик его загнал этот вопрос. Конечно же, слово «негр» не всегда означало «раб» – но значения были так близки, что большой разницы в этом не было. – Ты разве не помнишь? Они были в доме твоей двоюродной бабушки Йокасты.

Джемми нахмурился, и на миг его лицо стало пугающе схожим с дедовым.

– Нет.

– Короче говоря, – сказала Бри, призывая всех к порядку резким ударом расчески по столу, – в мистере Кристи достаточно протестантства, чтобы эти новые люди почувствовали себя комфортно? В этом вся суть?

– Что-то в этом роде, – согласился ее отец, приподнимая уголок губ. – По крайней мере, рядом с твоим мужем и Томом Кристи они не будут думать, что их заманили в царство дьявола.

– Ясно, – сказал Роджер несколько иным тоном. Значит, дело было не в том, что он хозяйский сын и правая рука Джейми, а в том, что он пресвитерианин, хоть и формально. Он приподнял бровь, и Джейми пожал плечами в знак согласия.

– Мхмм, – покорно произнес Роджер.

– Мхмм, – удовлетворенно отозвался Джейми.

– Прекратите это, – сердито сказала Брианна. – Хорошо. Ты и Том Кристи идете в Кросс-Крик. Почему Арч Баг идет?

Внутреннее чутье, доступное лишь долго женатым мужчинам, подсказывало Роджеру, что его жена раздосадована тем, что ее оставляют здесь заниматься жатвой – грязным, изнуряющим делом даже в лучшие времена, – в то время как он будет развлекаться в компании единоверцев посреди романтически волнующего Кросс-Крика с населением в двести человек.

– В основном Арч будет помогать им устроиться и построить крышу над головой до наступления холодов, – рассудительно ответил Джейми. – Ты, конечно, не подумала, что я посылаю его туда исключительно для ведения переговоров?

На это Брианна невольно улыбнулась: Арч Баг, годы и годы женатый на шумной миссис Баг, был известен молчаливостью. Он умел говорить, но редко воплощал это умение в жизнь, ограничиваясь редким и глубокомысленным «mmm» по всякому поводу.

– Что ж, зато, думаю, они никогда не узнают, что Арч – католик, – сказал Роджер, поглаживая пальцем верхнюю губу. – Или нет? Я никогда не спрашивал его об этом.

– Он католик, – отозвался Джейми сухо. – Но он достаточно долго живет на этом свете и знает цену молчанию.

– Похоже, тебя ждет увлекательное путешествие, – сказала Брианна, изгибая бровь. – Как думаешь, когда вы вернетесь?

– Черт, даже не знаю, – ответил Роджер, ощущая укол вины за сорвавшее с губ ругательство. Нужно пересмотреть привычки, и побыстрее. – Месяц? Шесть недель?

– Самое меньшее, – радостно вставил его тесть. – Имей в виду, они пойдут пешком.

Роджер глубоко вздохнул, представляя себе долгий переход – со всей этой толпой позади – из Кросс-Крика обратно в горы, Арч Баг по одну руку от него, Том Кристи по другую, как два столпа безмолвия. Он тоскливо задержал взгляд на жене, думая о шести неделях, что ему придется провести без нее, засыпая на обочине.

– Да, хорошо, – сказал он наконец. – Я... эээ... поговорю с Томом и Арчем сегодня вечером.

– Папа уходит? – Ухватив суть разговора, Джейми сполз с дедовского колена, кинулся к Роджеру и обхватил его ногу. – Я с тобой, папа.

– О. Нет, я не думаю... – Он мельком посмотрел на Брианну, вид у той был смиренный, а потом заметил зелено-красную банку на столе за ней. –

Почему бы и нет? – воскликнул он внезапно и улыбнулся Джемму. – Тетушка Иокаста будет счастлива тебя повидать. А мамочка сможет взрывать тут все в свое удовольствие и не переживать о том, где ты есть.

– Что мамочка может делать? – ошарашенно переспросил Джейми.

– Он не взрывается, – заметила Брианна, подняв со стола банку и бережно прижимая ее ближе. – Он только горит. Ты уверен? – Последний вопрос был адресован Роджеру и сопровождался беспокойным взглядом.

– Да, конечно, – ответил он, стараясь звучать уверенно. Он посмотрел на Джемми, который на все лады распевал «Идем! Идем! Идем!», одновременно подпрыгивая, как взбесившаяся кукурузина на сковороде. – По крайней мере мне будет с кем поговорить в дороге.

Глава 13

Надежные руки

Уже почти стемнело, когда Джейми вошел в дом и увидел, как я сижу за кухонным столом, уронив голову на руки. Я встрепелась, услышав шаги, и часто заморгала.

– Ты в порядке, саксоночка? – Он присел на скамью напротив, пристально разглядывая меня. – Вид у тебя такой, словно тебя протащили сквозь живую изгородь задом наперед.

– О! – Я рассеянно пригладила волосы, которые, похоже, немного растрепались. – Эм, все нормально. Ты голоден?

– Конечно, голоден. Ты сама что-нибудь ела?

Я зажмурилась и потерла лицо, пытаюсь вернуть себе способность мыслить.

– Нет, – решила я наконец. – Я ждала тебя и, похоже, уснула. Есть рагу. Миссис Баг оставила.

Джейми поднялся и заглянул в небольшой котелок, потом подвинул крюк к огню и повесил рагу греться.

– Чем ты занималась, саксоночка? – спросил он, возвращаясь к ней. – И как девчушка?

– Девчушкой я и занималась, – ответила я, подавляя зевок. – В основном. – Я медленно поднялась, ощущая, как протестуют затекшие суставы, и подошла к шкафу, чтобы нарезать хлеба.

– Она не смогла удержать его внутри. Настой из желчных ягод. Едва ли можно ее за это винить, конечно, – сказала я, осторожно облизывая верхнюю губу.

После того как Лиззи вырвало первый раз, я сама попробовала настой. Мои вкусовые рецепторы по-прежнему были сильно раздражены: я никогда не встречала более точно названного растения, даже уваренный до состояния сиропа, настой из ягод не потерял своей горечи.

Джейми втянул воздух, когда я повернулась.

– Ее вырвало на тебя?

– Нет, это был Бобби Хиггинс, у него нематоды, – ответила я.

Джейми поднял брови.

– Хочу ли я узнать об этом побольше, пока ем?

– Точно нет, – уверенно сказала я, садясь за стол с ломтем хлеба, ножом и маслом. Я оторвала кусок, щедро намазала маслом и подала Джейми. Затем сделала такой же себе.

Мой желудок на секунду как будто замялся, но затем решил все же простить мне сироп из желчных ягод.

– Чем ты занимался? – спросила я, потихоньку стряхивая с себя сон и начиная замечать детали. Он казался усталым, но более воодушевленным, чем когда уходил из дома.

– Говорил с Роджером Маком об индейцах и протестантах. – Он вдруг нахмурился, глядя на наполовину съеденный бутерброд. – С хлебом все нормально, саксоночка? У него странный вкус.

Я виновато махнула рукой.

– Извини, это все я. Я помылась несколько раз, то так и не смогла от него отделаться полностью. Наверное, лучше тебе самому намазывать хлеб маслом. – Я локтем пододвинула к нему булку.

– Отделаться от чего?

– Ну, я раз за разом пыталась напоить Лиззи сиропом, но без толку. Она просто не могла удержать его внутри, бедное создание. Тогда я вспомнила, что хинин усваивается и через кожу. Поэтому я смешала сироп с гусиным жиром и втерла его, как крем. О, спасибо. – Я наклонилась вперед и откусила небольшой кусок от бутерброда с маслом, который он протянул в мою сторону. Вкусовые рецепторы окончательно сдались, и я вдруг поняла, что весь день ничего не ела.

– Это сработало? – Он кинул взгляд на потолок. Мистер Уэмисс и Лиззи делили маленькую комнату наверху, но там все было тихо.

– Думаю, да, – ответила я, проглотив хлеб. – Лихорадка наконец утихла, и теперь она спит. Это уже успех. Мы продолжим использовать это средство. Если в течение двух дней лихорадка не вернется, значит, оно работает.

– Ну и хорошо.

– Да, а потом случился Бобби и его нематоды. К счастью, у меня есть немного ипекакуаны и скипидара.

– К счастью для Бобби или для червей?

– По правде говоря, ни для кого из них, – сказала я и зевнула. – Однако это скорее всего поможет.

Он слегка улыбнулся, открыл бутылку пива и по привычке понюхал открытое горлышко. Найдя запах приемлемым, он налил мне немного.

– Хорошо. Мне спокойно, что я оставляю все в твоих надежных руках, саксоночка. Дурно пахнущих руках, но надежных, – добавил он, морща длинный нос.

– Вот спасибо.

Пиво было не просто хорошим, а превосходным. Должно быть, из партии, которую варила миссис Баг. Какое-то время мы просто потягивали его в тишине, слишком измотанные, чтобы встать и наложить гуляш. Я наблюдала за Джейми из-под ресниц – я всегда делала так перед его отлучками, сохраняя воспоминания о нем, чтобы их хватило до его возвращения.

Он выглядел уставшим, между тяжелыми бровями залегли две одинаковых морщинки, выдавая легкую тревогу. Пламя свечи озаряло широкое лицо, на оштукатуренную стенку падала тень от его фигуры – крупная и сильная. Я смотрела, как тень поднимает призрачный бокал и свет заставляет призрачное стекло сиять янтарем.

– Саксоночка, – неожиданно заговорил он, – сколько раз, как ты думаешь, я был близок к смерти?

Мгновение я просто смотрела на него, а затем пожала плечами и начала вспоминать, принуждая синапсы решать неприятную задачу.

– Ну... Я не знаю всего, что случилось с тобой до нашей встречи, но после... Ты был опасно болен в аббатстве. – Я искоса глянула на него, но, кажется, его не потревожило воспоминание о Вентвортской тюрьме и том, что с ним там сделали и что вызвало болезнь. – Хмм. И после Каллодена – ты говорил, от полученных ранений у тебя началась жуткая лихорадка и ты думал, что можешь умереть, и только Дженни заставила тебя – то есть выходила тебя.

– Потом в меня стреляла Лаогера, – сказал он с насмешкой. – И на этот раз ты заставила меня жить. Так же, как когда меня укусила змея. Когда я был совсем маленький, я болел оспой, но не думаю, что тогда моей жизни что-то угрожало. Говорили, это был легкий случай. Значит, выходит, четыре раза.

– Как насчет того дня, когда мы впервые встретились? – возразила я. –

Ты едва не истек кровью.

– Ну, неправда, – запротестовал он. – Это была лишь небольшая царапина.

Я приподняла бровь, глядя на него, затем наклонилась к очагу, зачерпнула половником ароматного рагу и положила в миску. Рагу было сочным, с кроликом и олениной, которые плавали в жирной подливке, приправленной розмарином, чесноком и луком. Судя по обильной слюне, я была прощена за ягоды.

– Как скажешь. Но погоди-ка... Как насчет твоей головы? Когда Дугал пытался убить тебя топором. Это точно можно считать за пятый раз.

Он нахмурился, забирая миску у меня из рук.

– Думаю, ты права, – отозвался он не слишком довольный. – Значит, пять.

Я посмотрела на него поверх моей собственной тарелки с рагу. Он был большим, крепким, прекрасно сложенным. И даже если жизнь его немного потрепала, это только добавляло очарования.

– Думаю, тебя очень непросто убить. И это очень меня утешает, – сказала я.

Он неохотно улыбнулся, но затем торжественно приподнял бокал и коснулся им сперва своих губ, а следом моих.

– Выпьем за это, саксоночка?

Глава 14

Люди снежной птицы ^[33]

– Ружья, – сказал Птица Поющая По Утрам. – Скажите своему королю, мы хотим ружья.

Джейми на секунду сдержал желание ответить: «А кто не хочет?», но затем сдался, чем удивил вождя, который на мгновение даже прекратил моргать, а потом широко улыбнулся.

– И правда, кто? – Птица был низеньким, круглым, как бочонок, человеком, к тому же очень молодым для своего положения, однако пронизательным. И его любезности не могли скрыть ума. – Они все говорят тебе это, все местные вожди, да? Конечно, говорят. А что им говоришь ты?

– Что могу. – Джейми приподнял одно плечо и тут же уронил его. – Торговля – без сомнения, ножи – возможно, ружья – вероятно, но я пока не могу обещать.

Они говорили на немного непривычном диалекте чероки, и он надеялся, что использовал верные слова для выражения вероятности. Он достаточно неплохо владел их языком в том, что касалось торговли и охоты, но вещи, которые ему придется здесь обсуждать, были далеки от этих простых тем. Джейми бросил быстрый взгляд на Йена, который внимательно слушал разговор, и, по всей видимости, он все сказал верно. Йен часто навещал деревни недалеко от Риджа и даже охотился вместе с молодыми индейцами. Он переходил на язык чероки так же легко, как на гэльский.

– Что ж, неплохо. – Птица устроился поудобнее. Оловянный значок, который подарил Джейми, сверкал на груди, пламя костра кидало отблески на широкое доброе лицо. – Скажи своему королю про ружья и скажи, зачем они нам нужны.

– Ты правда хочешь, чтобы я ему это сказал? Думаешь, ему захочется прислать вам оружие, из которого вы будете убивать его собственных людей? – сухо спросил Джейми. Вторжение белых поселенцев на земли чероки вдоль всей линии соглашения было щекотливой темой. Он брал на себя риск, прямо говоря об этом, вместо того чтобы обсудить другие причины, по которым Птица требовал оружие: чтобы защитить деревню от набегов или совершать набеги самому.

Птица в ответ пожал плечами.

– Мы можем убивать их и без ружей, если захотим. – Он приподнял одну бровь и сжал губы, ожидая реакции Джейми на свое заявление.

Он подумал, что Птица хочет его шокировать, и едва заметно кивнул.

– Конечно, можете. Но ты достаточно умен, чтобы этого не делать.

– Пока что нет. – Губы Птицы растянулись в довольной улыбке. – Скажи королю – пока нет.

– Его Величество будет счастлив услышать, как высоко ты ценишь его дружбу.

Птица на это разразился хохотом, качаясь взад и вперед, а его брат, Тихая Вода, который сидел рядом, широко улыбнулся.

– Ты мне нравишься, Убийца Медведей, – сказал он, приходя в себя. – Ты забавный человек.

– Я могу им быть, – сказал Джейми на английском. – Дайте только время.

Йен издал короткий смешок, и Птица бросил на него напряженный взгляд, но быстро отвел глаза и прокашлялся. Джейми приподнял одну бровь, и племянник ответил слабой улыбкой.

Тихая Вода пристально наблюдал за Йеном. Чероки встретили их

обоих как полагается, но Джейми сразу заметил некоторую резкость по отношению к Йену с их стороны. Они воспринимали его как могавка, он заставлял их быть настороженными. Если честно, то он и сам иногда думал, что какая-то часть Йена так и не вернулась из Снэйктауна и, должно быть, уже никогда не вернется.

Однако таким образом Птица дал ему повод для кое-каких расспросов.

– Люди, которые осели на твоей земле, создали много проблем, – сказал он, сочувственно кивая. – Конечно, ты не стал убивать их, потому что ты мудр. Но не все так мудры, верно?

Птица мгновенно сузил глаза.

– О чем это ты, Убийца Медведей?

– Я слышал о поджогах, Чисква^[34]. – Он посмотрел вождю прямо в глаза, но был осторожен, чтобы не дать ему повода думать, будто это обвинение. – Король слышал о сгоревших домах, убитых мужчинах и похищенных женщинах. И это ему не нравится.

– Хмм, – промычал Птица и сжал губы. Он, однако, не сказал, что не слышал об этих вещах, и это было любопытно.

– Если таких историй станет больше, то король может прислать солдат, чтобы защитить своих людей. И если ему придется так поступить, он едва ли захочет, чтобы они столкнулись с ружьями, которые он сам и отдал, – рассудительно заметил Джейми.

– И что же нам тогда делать? – горячо вмешался Тихая Вода. – Они пересекают линию соглашения, строят дома, возделывают землю и ловят нашу дичь. Если ваш король не может держать своих людей в том месте, где они должны жить, как он может возражать? Мы должны как-то защищать свою землю.

Птица совершил еле заметный успокаивающий жест, не глядя на брата, и Тихая Вода подчинился, не слишком, впрочем, охотно.

– Что ж, Убийца Медведей, ты передашь все это королю, так?

Джейми учтиво наклонил голову.

– Это моя работа. Я говорю от имени короля с тобой и передаю твои слова королю.

Птица задумчиво кивнул, затем махнул рукой, чтобы принесли еду и пиво, и разговор перешел на более нейтральные темы. Больше никаких переговоров на сегодня.

Было поздно, когда они покинули дом Чисквы и пошли в маленькую хижину для гостей. Он думал, что луна уже давно взошла, но ее нигде не было видно. Небо заполняли тяжелые облака, и запах дождя отчетливо чувствовался в беспокойном воздухе.

– Боже, – сказал Йен, зевая и спотыкаясь. – Моя задница уже уснула.

Джейми тоже зевнул, заразившись от племянника, но потом моргнул и засмеялся.

– Что ж, не трудись ее будить. Все остальное может к ней присоединиться.

Йен насмешливо фыркнул на это.

– Я не стал бы верить Птице, дядя Джейми, лишь потому что он назвал тебя забавным. Он просто пытается быть учтивым, понимаешь?

Джейми проигнорировал его реплику, бормоча благодарности на чероки девушке, которая привела их к месту, где они должны были ночевать. Она отдала ему маленькую корзину – наполненную, судя по запаху, сушеными яблоками и кукурузными лепешками, – затем ласково прошептала: «Доброй ночи, приятного сна», и растворилась во влажной беспокойной темноте.

Маленькая хижина казалась душноватой после прохладной ночной свежести, и он на мгновение остановился у порога, наслаждаясь шумом ветра в кронах, наблюдая, как он перебирает сосновые лапы, будто гигантская невидимая змея. Капли влаги упали на лицо, и он испытал глубокое удовлетворение от мысли, что сейчас будет дождь, но ему не придется проводить ночь на голой земле.

– Когда будешь сплетничать утром, порасспрашивай людей, Йен, – попросил Джейми, заглядывая внутрь. – Дай им понять, только ненавязчиво, что король будет рад узнать, что за ублюдки сжигают дома – так рад, что может даже расщедриться на парочку ружей в качестве награды. Они не скажут тебе, если это их проделки, – но если это другая банда, то могут и выдать.

Йен кивнул и снова начал зевать. Небольшой костер горел внутри каменного круга, дым от него утекал вверх через специальное отверстие в крыше. В свете костра в одной части хижины был виден небольшой настил, укрытый шкурами, еще одна куча одеял и меха лежала на полу.

– Бросим монетку, дядя Джейми? – предложил Йен, порывшись в поясной сумке и выудив оттуда потертый шиллинг. – Кто выиграет, тот и спит в постели. Выбирай.

– Решка, – сказал Джейми. Он опустил корзину и принялся расстегивать ремень на плече. Теплый ворох ткани упал вокруг его ног, и

он стряхнул с себя рубашку. Ткань измялась, запачкалась и сильно пахла его телом; слава богу, это была последняя из деревень. Еще одна ночь, самое большое две – и они могут ехать домой.

Йен выругался, поднимая монету.

– Как ты это делаешь? Каждую ночь ты говоришь «решка», и каждую ночь она выпадает!

– Ну, это твой шиллинг, Йен. Меня тут не в чем обвинить. – Он уселся на настил и с удовольствием потянулся. – Погляди-ка на нос Джорди.

Йен повертел шиллинг в пальцах, поднес его к костру, прищурился и выругался снова. Крохотное пятнышко пчелиного воска, такое тонкое, что и не заметишь, если не искать, украшало выдающийся аристократический нос Георга Третьего, короля Великобритании.

– Как оно туда попало? – Йен сузил глаза и посмотрел на дядю с подозрением, но Джейми только рассмеялся и лег.

– Помнишь, ты показывал малышу Джему, как крутить монетку? Он перевернул подсвечник и все перепачкал воском.

– О. – Йен сел, разглядывая монетку в своей руке, затем покачал головой, скосил ногтем и спрятал шиллинг.

– Спокойной ночи, дядя Джейми, – сказал он, со вздохом ныряя в меха на полу.

– Спокойной ночи, Йен.

До сих пор Джейми не обращал внимания на усталость, держа ее в узде, как Гидеона. Теперь же он отпустил поводья и дал ей унести себя прочь, позволив себе роскошь отдохнуть на удобной постели.

Макдональд, подумал он с некоторым цинизмом, был бы доволен. Джейми планировал навестить только в две деревни чероки, ближайшие к линии соглашения. Там он хотел рассказать о своей новой должности, раздать скромные подарки – виски и табак – последний второпях был одолжен у Тома Кристи, которого тот, по счастью, приобрел целую бочку, когда ездил за семенами в Кросс-Крик, – и сообщить чероки, что новых даров они могут ожидать осенью, когда он предпримет поездку по более отдаленным деревням.

В обоих селениях его приняли очень радушно. Однако во втором, Пигтауне, оказалось несколько чужаков – молодых людей, пришедших с намерением найти себе жен. Они принадлежали к народу Снежной Птицы, отдельному племени чероки, чья деревня лежала выше в горах.

Один из молодых людей оказался племянником Птицы Поющей по Утрам – вождя Снежных Птиц. Он настойчиво убеждал Джейми отправиться вместе с ним и его спутниками в их родную деревню. Проведя

срочную ревизию запасов виски и табака, Джейми согласился.

Их с Йеном как агентов Его Величества ожидал поистине королевский прием. До этого к Снежным Птицам не приходил ни один индейский агент. Они отнеслись к ним с величайшим почтением и быстрее других поняли, что за выгоды такое сотрудничество сулит им в будущем. Джейми к тому же увидел в Птице человека, с которыми можно вести дела.

Эта мысль заставила его вспомнить о Роджере Маке и новых арендаторах. Последние несколько дней у него просто не было времени, чтобы подумать об этом, однако он сомневался, что ему вообще стоит о чем-то тревожиться. На Роджера Мака можно было рассчитывать, хотя надтреснутый голос и делал его менее уверенным, чем он должен быть. Однако с ним были Кристи и Арч Баг...

Он закрыл глаза, и его накрыло блаженство забытья, мысли стали бессвязными.

Если провести здесь еще день, то, быть может, он успеет домой как раз к покосу. Сварит партию-другую пива до холодов. Заготовит мяса... Может, наконец, пришло время забить эту чертову белую свинью? Нет... это дьявольское отродье невероятно плодovито. У каких кабанов достает смелости спариваться с ней, сонно подумал он, и сжирает ли она их после? Дикие кабаны... копченые окорока, кровяная колбаса...

Он уже успел провалиться в сон, когда почувствовал чью-то руку у себя в паху. Вырванный из дремы, как лосось из стремнины, он схватил руку незнакомца и крепко сжал, чем вызвал у него тихое хихиканье.

Женские пальцы легонько заерзали у него в ладони, и другая рука без стеснения принялась за покинутые ими части тела. Первой связной мыслью оказалось то, что из девчушки вышел бы отличный пекарь, если она так же замешивает тесто. За этой мыслью последовали другие, примерно настолько же абсурдные, и он попытался поймать и вторую руку. Но она игриво ускользнула от него, начав вдруг легонько щипаться. Он попытался вежливо протестовать на чероки, но вместо этого начал говорить какие-то случайные фразы на английском и гэльском, причем ни одна из них не была уместной в сложившейся ситуации. Первая рука продолжала высвобождаться из его хватки, как угорь. Не желая сломать пальцы, он на секунду выпустил их и успешно перехватил запястье.

– Йен, – прошипел Джейми в отчаянии. – Йен, ты тут? – Он не мог ни разглядеть племянника в кромешной темноте хижины, ни понять, спит ли он. Окон здесь не было, а от остывающих углей шло лишь слабое свечение.

– Йен!

Послышалось шуршание на полу, движение тел, потом он услышал,

как чихнул Ролло.

– Что случилось, дядя? – Джейми говорил на гэльском, и Йен ответил на том же языке. Голос парня звучал спокойно, не было похоже, что он только что проснулся.

– Йен, у меня в постели женщина, – продолжил он на гэльском, пытаюсь говорить так же спокойно.

– Их там две, дядя Джейми. – Очевидно, Йена забавляло происходящее, черт его побери. – Другая лежит у твоих ног, ждет своей очереди.

Эта информация заставила его потерять самообладание, и он почти выпустил пойманную руку.

– Две! За кого они меня принимают?

Девушка снова захихикала, наклонилась вперед и легонько укусила его за грудь.

– Господь!

– Нет, дядя Джейми, они точно не принимают тебя за него, – сказал Йен, явно сдерживая смех. – Они думают, что ты король. В определенном смысле. Ты его агент, и они оказывают почести Его Величеству, присылая тебе женщин, ай?

Вторая женщина откинула одеяло с его ноги и медленно гладила пальцем его стопы. Он боялся щекотки, и в обычном состоянии это бы его раздражало, но сейчас он был слишком занят первой женщиной, которая вынудила его играть в нелепую игру под условным названием «спрячь сосиску».

– Поговори с ними, Йен, – процедил он сквозь сжатые зубы, воюя одновременно по всем фронтам: яростно отбивая атаки свободной рукой, отрывая пальцы плененной руки от эротических ласк своего уха и брыкаясь в отчаянной попытке остановить вторую девушку в ее все более смелых притязаниях.

– Эм... что ты хочешь, чтобы я им сказал? – спросил Йен, переходя на английский. Его голос слегка дрожал.

– Скажи им, я польщен оказанной мне честью, но... – Дальнейшие дипломатические пассажи были прерваны внезапным вторжением чьего-то языка в его рот, пахнущий луком и пивом.

В самом разгаре последующей борьбы он краем глаза заметил, что Йен-таки потерял контроль и лежит на полу, сотрясаясь от безудержного смеха. Если прикончить сына, то это называется детоубийством, мрачно подумал он, а есть ли специальное слово для убийства племянника?

– Мадам! – сказал он наконец, не без усилия отрывая девушку от себя.

Он взял ее за плечи и довольно резко откатил в сторону, так что она вскрикнула от удивления, а ее обнаженные ноги подлетели вверх. Боже, она что, голая?

Такой она и была. Они обе. Его глаза привыкли к слабому свечению от углей, и Джейми разглядел силуэт ее плеч, груди, круглых бедер. Он резко сел и начал стягивать к себе все меха и одеяла, сооружая нечто вроде редута.

– Уймитесь, вы обе! – строго сказал он на чероки. – Вы очень красивы, но я не могу разделить с вами ложе.

– Нет? – спросила одна озадаченно.

– Почему нет? – спросила другая.

– Ах... Потому что я дал обет, – ответил он, придумывая на ходу. – Я поклялся... поклялся... – Он искал подходящее слово, но ничего не шло на ум. К счастью, в этот момент вклинился Йен, тараторя на чероки так быстро, что Джейми не улавливал и половины.

– Ооо, – выдохнула одна из них, явно впечатленная. Джейми почувствовал ощутимое облегчение.

– Что, во имя Господа, ты им сказал?

– Я сказал, что во сне тебе явился Великий Дух, дядя, и сказал тебе, что ты не должен ложиться с женщиной, пока не принесешь ружья всем чероки.

– Пока я что?

– Ну, ничего лучше впопыхах я не придумал, дядя, – сказал Йен, защищаясь.

И хотя у него дыбом вставали волосы от подобного «обета», надо признать, что идея оказалась действенной. Женщины прижались друг к другу и благоговейно перешептывались, оставив идею соблазнить его.

– Что ж. Наверное, могло быть и хуже, – проворчал он. В конце концов, даже если Корона решит снабдить их оружием, индейцев чероки чертовски много.

– Не за что, дядя Джейми. – Йен старался говорить ровно, но, судя по всему, смех так и рвался наружу, в конце концов появившись в виде сдавленного фырканья.

– Что еще? – сказал Джейми раздраженно.

– Одна леди говорит, что разочарована, потому что ты очень неплохо... оснащен, дядя. А вторая настроена более философски. Она говорит, что они могли понести от тебя детей и младенцы были бы рыжими. – Голос племянника дрожал от смеха.

– И что не так с рыжими, бога ради?

– Точно не знаю, но, кажется, иметь таких младенцев не к добру, и они стараются этого избегать.

– Что ж, замечательно, – бросил Джейми, – угроза предотвращена. Теперь они могут пойти домой?

– Там дождь, дядя Джейми, – резонно заметил Йен.

Это была правда, ветер доносил до них шум дождя. Теперь же начался настоящий ливень, вода стучала по крыше и падала с шипением на угли через дымовое отверстие.

– Ты же не выгонишь их на улицу в такую погоду, правда? К тому же ты сказал, что не можешь с ними спать, – про то, что им нужно уйти, ничего не было.

Он прервался, чтобы узнать что-то у девушек, которые ответили ему с непоколебимой уверенностью. Джейми показалось, они с чем-то согласились. Поднявшись с грацией молодых журавлей, они забрались на его ложе в чем мать родила, поглаживая и касаясь его с нежным восторженным шепотом, – при этом, как и велено, избегая опасных частей, – вдавили его в меха и уютно устроились по обе стороны от него, прижавшись к его телу нагой теплой плотью.

Он открыл рот, потом закрыл его, не найдя, что сказать ни на одном известном ему языке. Он лежал на спине, напряженный, и тяжело дышал. Его пенис начал предательски пульсировать, явно намереваясь встать и терзать его всю ночь в отместку за такое пренебрежение его нуждами. Короткие захлебывающиеся звуки раздавались из кучи одеял на полу, перемежаясь истерическим иканьем. Джейми подумал, что с тех пор, как Йен вернулся, это первый раз, когда он слышит его искренний смех.

Моля Господа даровать ему стойкость духа, он сделал долгий медленный вдох и закрыл глаза, плотно прижав локти к бокам.

Глава 15

Та, которой суждено утонуть

Роджер вышел на террасу Ривер Ран, ощущая приятную усталость. После трех недель неустанной работы он сумел собрать всех новых поселенцев с больших и малых дорог Кросс-Крика и Кэмпбелтауна, наладил общение с главами семейств и сумел снарядить людей в дорогу, снабдив самым необходимым: пищей, одеялами и обувью. Теперь они все были в одном месте, а их склонность разбредаться и впадать в панику пресекалась на корню. Завтра утром без всяких отлагательств они

отправятся к Риджу Фрэзеров.

Он с чувством удовлетворения посмотрел с террасы на луг, раскинувшийся за конюшнями Иокасты Кэмерон-Иннес. Там был разбит временный лагерь для новых жильцов: двадцать две семьи, семьдесят шесть душ, четыре мула, два пони, четырнадцать собак, три свиньи и одному богу известно, сколько кур, котов и домашних птиц, запертых в плетеные клетки, чтобы было удобно перевозить. В кармане у него лежал потрепанный и помятый список с именами, не считая животных, конечно. Там же лежало еще несколько списков, исчерканных и доведенных правками до такого состояния, что прочесть их было невозможно. Роджер чувствовал себя ходячим Второзаконием. А еще ему очень хотелось выпить.

И это его желание готово было исполниться: Дункан Иннес, муж Иокасты, вернулся домой, закончив свои дела, и теперь сидел на террасе в компании стеклянного резного графина, пронизанного лучами заходящего солнца, отчего тот искрился мягким янтарным сиянием.

– Ну, как дела, а charaid? – тепло поприветствовал его Дункан, указывая на соседнее плетеное кресло. – Может, выпьешь рюмочку?

– Да, спасибо.

Роджер благодарно уселся в кресло, которое приятно скрипнуло, приняв его вес. Дункан подал ему бокал, и он опустошил его с коротким «Slàinte^[35]!».

Виски обожгло травмированные связки, заставив закашляться, но вместе с тем, кажется, неожиданно расслабило их, так что постоянное чувство легкого удушья начало покидать его. Довольный, он сделал еще глоток.

– Значит, они готовы отправиться в путь? – Дункан кивнул в сторону луга, где дым от костров висел в закатном воздухе как низко опустившееся золотое облако.

– Готовы как никогда. Бедолаги, – добавил Роджер сочувственно.

Дункан приподнял мохнатую бровь.

– Они не в своей тарелке, – пояснил Роджер, приподнимая бокал, чтобы принять предложенную добавку. – Женщины в ужасе, да и мужчины тоже, просто лучше это скрывают. Можно подумать, что я угоняю их в рабство на сахарную плантацию.

Дункан кивнул.

– Или собираешься продать их в Рим, чтобы они чистили папские туфли, – усмехнулся он. – Думается мне, они католиков в глаза не видели, пока не оказались на корабле. Но судя по сморщенным носам, они не

желают водить с ними близкого знакомства. Они хоть выпивают иногда?

– Думаю, только в медицинских целях и только если есть угроза жизни. – Роджер сделал медленный глоток, наслаждаясь напитком, и закрыл глаза, чувствуя, как виски разогревает горло и сворачивается где-то в груди, как урчащая кошка. – Ты ведь знаешь Хирама? Хирама Кромби? Он у них за главного.

– Того занудного малого с кислой рожей? Ну, я встречал его. – Дункан разбитно улыбнулся, и его опавшие усы чуть приподнялись. – Он придет к нам на ужин. Так что выпей-ка еще.

– Так и сделаю, спасибо, – отозвался Роджер и протянул стакан. – Хотя вообще-то никого из них нельзя упрекнуть в любви к земным наслаждениям, насколько я успел заметить. Как будто они все ковенантеры^[36] до мозга костей. Замороженные избранные^[37], да?

Дункан от души рассмеялся.

– Что ж, не такие, как во времена моего деда, по крайней мере, – сказал он, успокаиваясь, и протянул руку к графину. – Слава тебе, господи, – добавил мужчина и закатил глаза, гримасничая.

– Значит, твой дед был ковенантер?

– О да. – Качая головой, Дункан изрядно плеснул виски сначала Роджеру, а потом себе. – Злющий старый ублюдок он был. Хотя и неспроста. Видишь ли, его сестра утонула, привязанная к столбу.

– Привязанная... Боже. – Он прикусил язык, но любопытство взяло свое. – Ты хочешь сказать... она была казнена через утопление?

Дункан кивнул, не отрывая глаз от стакана, потом отпил виски и подержал жидкость немного во рту, перед тем как глотнуть.

– Маргарет. Ее звали Маргарет. В то время ей было восемнадцать. Ее отец и брат – мой дед – пустились в бега после битвы при Данбаре, укрылись в горах. Скоро за ними явились солдаты, но она не выдала им, куда ушли мужчины, – при ней была Библия. Они попытались заставить ее отречься от веры, но и это с ней не прошло – скорее камень разговоришь, чем женщин из этой ветви, – сказал он, качая головой. – Нельзя их ни к чему принудить. Тогда они потащили к берегу ее и еще одну старую женщину, тоже из ковенантеров, раздели их догола и привязали к столбам на линии прилива. И стали ждать всей толпой, пока вода поднимется.

Он сделал еще один глоток, на этот раз торопливый.

– Старуха ушла под воду первой – они привязали ее ближе к воде: думаю, они рассчитывали, что Маргарет сдастся, когда увидит ее мучения. – Он крикнул, неопределенно потрянув головой. – Но нет, и в помине того не случилось. Вода прибывала, волны плескались вокруг нее.

Она кашляла, захлебывалась, волосы растрепались. Когда волна откатывалась назад, они облепляли ее лицо, словно водоросли. Моя матушка все это видела, – добавил Дункан, приподнимая бокал. – Ей тогда было семь, но она это запомнила на всю жизнь. Она рассказывала, что после первой волны можно было сделать три вдоха, а потом вода снова накрыла Маргарет. Потом отхлынула... три вдоха... и еще одна, последняя волна. После этого можно было разглядеть только ее волосы, колышущиеся на водной глади.

Он поднял бокал чуть выше, и Роджер поднял свой в безмолвном тосте.

– Господи, – сказал он, и это было не богохульство.

Виски вновь обожгло горло, и он глубоко вдохнул, благодаря Бога за радость дышать. Три вдоха. Это был односолодовый виски с острова Айлей – легкие Роджера наполнил крепкий йодистый запах моря, водорослей и дыма.

– Упокой Господь ее душу, – сказал он хрипло.

Дункан кивнул и снова потянулся к графину.

– Я бы сказал, она заслужила покой, – отозвался он. – Хотя вот они, – он приподнял подбородок, указывая на луг, – они сказали бы, что она тут совсем ни при чем и ее заслуги в этом нет. Это Господь решил даровать ей райские кущи, а англичан обрек на вечные муки. Что тут скажешь...

Свет постепенно угасал, и костры засветились ярче на сумеречном лугу за конюшнями. Дым от них достиг носа Роджера, запах был приятный и домашний, но несмотря на это в горле от него запершило сильнее.

– Сам я обнаружил не так уж много вещей, ради которых стоило бы умереть, – сказал Дункан задумчиво и улыбнулся одной из своих быстрых и редких улыбок. – Мой дед сказал бы, это значит только, что мне с начала времен были уготованы вечные муки. «По установлению Божию, для явления славы Его, одни люди и ангелы предопределены к вечной жизни, другие предназначены к вечной смерти»^[38]. Он говорил это каждый раз, когда кто-нибудь вспоминал о Маргарет.

Роджер кивнул, узнав цитату из «Вестминстерского исповедания веры». Когда это было? 1646-й? 1647-й? Одно или два поколения до дедушки Дункана.

– Я полагаю, ему было легче думать, что смерть сестры – это божья воля, и никак с ним не связана, – сказал Роджер не без сочувствия. – Значит, сам ты в это не веришь? В предопределенность, я имею в виду?

Ему было искренне любопытно. Пресвитериане из его собственного времени по-прежнему верили в идею о предопределенности, но были

гораздо гибче: они по большей части обходили стороной неизбежность вечных мук и не рассматривали каждую деталь своей жизни как нечто, что было им суждено. А он сам? Бог знает.

Дункан приподнял плечи, причем правое поднялось чуть выше, из-за чего он стал казаться перекошенным.

– Бог знает, – сказал он и засмеялся. Потом покачал головой и вновь опустошил бокал. – Нет, думаю, что нет. Но не стал бы открывать все карты перед Хирамом Кромби или даже молодым Кристи. – Дункан указал подбородком в сторону луга, где можно было разглядеть две темных фигуры, бредущих бок о бок в сторону дома. Их было легко узнать отсюда: высокого и сутулого Арчи Бага и низенького, крепко сложенного Тома Кристи. Роджер подумал, что последний даже издалека излучал сварливость, резко и быстро жестикулируя по пути, – очевидно, он о чем-то спорил с Арчем.

– В Ардсмуире из-за этого случались страшные драки, – сказал Дункан, наблюдая за приближением двух фигур. – Католикам не нравилось слышать, что они прокляты. А Кристи и его маленькой банде доставляло величайшее удовольствие сообщать им об этом. – Его плечи задрожали от сдерживаемого смеха, и Роджер вдруг задался вопросом, сколько виски Дункан успел выпить до его прихода. Он никогда не видел старика таким веселым.

– Мас Dubh положил этому конец, когда заставил нас всех сделаться масонами, – добавил он, наклоняясь вперед, чтобы наполнить бокал. – Но пару человек до этого едва не убили. – Мужчина вопросительно приподнял графин в сторону Роджера.

Осознавая близость ужина в компании Тома Кристи и Хирама Кромби, Роджер кивнул.

Когда Дункан, все еще улыбаясь, наклонился в его сторону, чтобы налить виски, последние отблески солнца упали на его обветренное лицо. Роджер в этот момент заметил тонкую белую линию, пересекающую верхнюю губу Дункана и наполовину скрытую густой растительностью, и внезапно осознал, почему Дункан носит длинные усы – довольно необычное решение во времена, когда все мужчины ходят гладко выбритыми.

Он не заговорил бы, если бы не виски и не ощущение странного общничества между ними – двумя протестантами, причудливо затесавшимися среди католиков и с удивлением глядящих на то, куда их занесла судьба. Они двое всегда были сами по себе, потому что так распорядилась жизнь, и теперь как-то вдруг обнаружили себя во главе

больших семейств, и, более того, в их руках были судьбы чужих людей.

– Твоя губа, Дункан. – Он легонько коснулся собственного рта. – Что с ней случилось?

– О, это? – Дункан удивленно коснулся рта. – Да нет, я просто родился с заячьей губой, так мне сказали, по крайней мере. Сам-то я не помню ничего, меня подлатали, когда мне было не больше недели.

Теперь пришла очередь Роджера удивляться.

– Кто подлатал?

Дункан пожал плечами.

– Странствующий целитель, мама говорила. Она почти смирилась с тем, что долго я не проживу, – потому что я, как ты понимаешь, не мог сосать. Она и мои тетушки по очереди пытались выжимать молоко мне в рот из платка, но все без толку: она говорила, я напоминал маленький скелет, когда в деревню явился этот чародей.

Мужчина рассеянно потер губу костяшками пальцев, разглаживая густые жесткие усы.

– Мой отец дал ему шесть селедок и немного нюхательного табака. Он меня заштопал и дал матери какую-то мазь для раны. Ну и вот... – Он криво улыбнулся и снова пожал плечами. – Наверное, мне было суждено жить. Дед ведь говорил, что Господь избрал меня. И только он один знает для чего...

Роджер ощутил смутное волнение, чуть притупленное виски. Целитель-горец, который смог зашить заячью губу? Он отхлебнул из бокала, стараясь не пялиться, но осторожно изучая лицо Дункана. Теоретически это возможно. Шрам был едва виден под усами – если знать, где искать, – но не доходил до ноздри. Должно быть, это была самая заурядная заячья губа, а не один из тех жутких случаев, о которых он читал в медицинском журнале Клэр. От ужаса он не мог оторвать глаз от страницы, где доктор Роулингс описывал младенца, рожденного не просто с заячьей губой: у него недоставало нёба и всей центральной части лица. Слава тебе Господи, там не было рисунков, но даже кратких описаний Роулингса было достаточно. Роджер закрыл глаза и глубоко вдохнул запах виски, впитывая его всеми порами.

Было ли это возможно? Наверно. Люди и сейчас делали операции – кровавые, грубые и мучительные. Он видел, как Мюррей Маклауд, аптекарь из Кэмпбелтауна, ловко зашил щеку человеку, которого покалечила овца. Насколько сложнее зашить губу ребенку? Роджер подумал о губах Джемми, нежных, как лепестки, которые прокалывает игла с грубой черной ниткой, и поежился.

– Ты замерз, а charaid? Пойдем внутрь? – Дункан подтянул ноги, готовый встать, но Роджер замахал руками на старика.

– Да нет. Просто мурашки по спине пробежали. – Он улыбнулся и сделал глоток, чтобы отогнать несуществующий холод. Однако волосы на руках поднялись дыбом. Неужели может быть другой человек, другие люди, как они?

Он знал, что такое случалось прежде. Взять хоть его собственную прабабку в бог знает каком колене, Гейлис. Еще был мужчина, чей череп с серебряными пломбами на зубах нашла Клэр. Мог ли Дункан встретить еще одного в глухой шотландской деревне полвека назад? Роджер ощутил новый приступ тревоги. Как часто это происходит? И что происходит с ними?

Когда они почти уже достигли дна графина, он услышал позади шаги и шуршание шелка.

– Миссис Кэмерон. – Роджер тут же подскочил, заставив мир вокруг слегка накрениться, и склонился, чтобы поцеловать руку хозяйке.

Она коснулась его лица своей длинной ладонью, подушечки пальцев пробежали по коже, подтверждая его личность, – такова была ее привычка.

– Ох, вот и ты, Джо. Хорошо провели время с мальцом? – Дункан попытался встать, но виски вкупе с нехваткой одной руки сделали свое дело. В этот момент Улисс, дворецкий Иокасты, беззвучно возник из темноты позади своей хозяйки и подставил ей плетеное кресло. Она опустилась в него без промедления, даже не проверив рукой, есть ли оно там, заметил Роджер. Она просто знала, что иначе быть не может.

Роджер разглядывал дворецкого с интересом, раздумывая, кого подкупила Иокаста, чтобы вернуть слугу. Его обвинили – и, вероятно, справедливо – в смерти британского морского офицера, случившейся во владениях Иокасты. Улисс был вынужден бежать из колонии. Однако лейтенант Вулф был небольшой потерей для флота, в то время как Улисс мог стать невосполнимой утратой для Иокасты Кэмерон. Может, и не все можно купить за деньги, но Роджер был готов биться об заклад, что для Иокасты Кэмерон не существовало ситуации, которую она не могла бы поправить при помощи золота, связей или женской хитрости.

– О, да! – ответила она мужу, протягивая к нему руку. – Я была так рада показать его всем, муженек! Мы замечательно пообедали со старой миссис Форбс и ее дочерью, малыш спел песню и всех совершенно очаровал. Там были девушки Монтгомери и мисс Огилви, мы ели крошечные ягнячьи отбивные в малиновом соусе с печеными яблоками и... О, это вы, мистер Кристи? Проходите и присоединяйтесь! – Она немного

повысила голос, глядя в темноту у Роджера за плечом.

– Миссис Кэмерон. Ваш покорный слуга, мадам. – Кристи вышел на террасу и отвесил очень церемонный поклон, невзирая на то, что женщина, которой он предназначался, была слепа.

За ним последовал Арч Баг, который, в свою очередь, тоже склонился над рукой Иокасты, но вместо приветствия издал только доброжелательное мычание.

На террасу вынесли еще стульев и виски, как по волшебству появилась тарелка с закусками, зажгли свечи – вечер незаметно стал праздничным, вторя немного нервной атмосфере гуляний на лугу. Вдалеке звучала музыка – звуки вистла^[39], играющего джигу.

Роджер позволил себе раствориться во всем этом, на какое-то время можно было расслабиться и снять с плеч груз ответственности. Сегодня ни о чем не нужно было волноваться: все были собраны в одном месте, в безопасности, накормлены и готовы к завтрашнему путешествию. Ему даже не нужно было поддерживать разговор, Том Кристи и Иокаста обсуждали литературную сцену Эдинбурга и книгу, о которой он никогда не слышал. Дункан вставлял редкие комментарии в беседу, но выглядел таким размякшим, что, казалось, вот-вот соскользнет с кресла. А старый Арч... Где был Арч? Ах, вот он, отправился назад на луг, наверняка вспомнив, что должен отдать какие-то последние распоряжения.

Он благословил Джейми Фрэзера за его дальновидную идею отправить вместе с ним Арча и Тома. Эти двое помогли ему избежать множества ошибок, взяли на себя тысячу мелких, но важных деталей и успокоили новых арендаторов перед финальным прыжком в неизвестность.

Роджер глубоко и с удовольствием вдохнул воздух, наполненный домашними запахами далеких костров и готовящегося ужина, и все это напомнило ему об одной маленькой детали, чье благосостояние по-прежнему целиком зависело от него. Извинившись, он прошел в дом и нашел Джема внизу на главной кухне. Мальчик уютно устроился в уголке большой скамьи и ел хлебный пудинг с топленным сливочным маслом и кленовым сиропом.

– Это ведь не твой ужин, правда? – спросил он, усаживаясь рядом с сыном.

– Угу. Хочешь немножко, папа? – Джем протянул ему ложку, с которой тянулись капли сиропа, и Роджер торопливо склонился, чтобы съесть предложенное лакомство до того, как оно окажется на полу. Пудинг таял во рту, он был очень сладким и оставлял сливочное послевкусие на языке.

– Ммм, – промычал он, глотая. – Тогда давай не будем рассказывать

маме и бабуле, ладно? У них есть какое-то странное предубеждение насчет мяса и овощей.

Джем согласно кивнул и протянул вторую ложку. Они разделались с остатками пудинга вместе в дружеском молчании, после чего сын забрался к нему на колени и, прижав липкую рожицу к его груди, уснул мертвым сном.

Слуги бегали взад и вперед вокруг них, то и дело дружелюбно улыбаясь. Он лениво подумал, что надо бы встать. Ужин вот-вот начнется: мимо него уже пронесли изящно сервированные тарелки с томленной уткой и бараниной, чаши, нагруженные пушистым дымящимся рисом с подливкой и огромную салатницу с зеленью, заправленной уксусом.

Довольный жизнью и наполненный виски и пудингом, он медлил, откладывая необходимость расставания с Джемом и с ощущением благодного покоя, который дарил ему спящий на руках сын.

– Мистер Роджер? Давайте я заберу его? – сказал мягкий голос. Он отвлекся от изучения волос Джема, в которых застряли кусочки пудинга, и, посмотрев вверх, увидел над собой Федру, горничную Иокасты, которая стояла перед ним с протянутыми руками, чтобы взять мальчика.

– Я помою его и уложу в постель, сэр, – сказала она, и ее овальное лицо стало таким же мягким, как и голос, когда она посмотрела на Джема.

– О. Да, конечно. Спасибо. – Роджер выпрямился, держа Джема на руках, и осторожно встал, ощутив немалый вес ребенка. – Я донесу его, он тяжелый.

Он поднялся за рабыней по узкой лестнице, ведущей из кухни, по пути восхищаясь – отвлеченно, в исключительно эстетическом смысле – изяществом ее фигуры. Сколько ей лет? Двадцать? Двадцать два? Иокаста позволит ей выйти замуж? У нее наверняка есть поклонники. Но он знал, что она, как и Улисс, очень дорога Иокасте, почти всегда рядом с хозяйкой. Непросто будет совместить это с собственным домом и семьей.

Наверху лестницы она обернулась, чтобы забрать у него Джема. Роджер неохотно, но в то же время с некоторым облегчением передал ей свой безвольный груз. Внизу стояла ужасная духота, и его рубашка промокла там, где к ней прижимался Джем.

– Мистер Роджер?

Голос Федры остановил его, когда он уже собирался уйти. Она смотрела на него поверх плеча Джема, и ее взгляд казался смятенным под белым узлом головного платка.

– Да?

На лестнице слышались шаги, и ему пришлось подвинуться, чтобы

разойтись с Оскаром, идущим навстречу с пустой тарелкой под мышкой – очевидно, он направлялся к летней кухне, где жарили рыбу. Оскар широко улыбнулся Роджеру, проходя мимо, и послал воздушный поцелуй Федре, которая строго сжала губы в ответ.

Девушка едва заметно мотнула головой, и Роджер пошел за ней в холл, подальше от кухонной суеты. Она остановилась возле двери, ведущей в конюшни, оглядываясь вокруг, чтобы убедиться, что их никто не слышит.

– Может, мне не стоит ничего говорить, сэр. Может, ничего такого и нет. Но я подумала нужно все равно вам сказать.

Он кивнул, убирая назад влажные волосы с виска. Дверь была открыта, и оттуда доносился легкий ветерок – спасибо господину.

– Мы были в городе сегодня утром, сэр, на складе мистера Бенджамина, вы ведь его знаете? Вниз по реке.

Он снова кивнул, и она облизнула губы.

– Мастер Джем все не мог успокоиться и бегал вокруг, пока хозяйка разговаривала с мистером Бенджамином. Я ходила следом, глядела, чтобы он ничего не наделал, так что была прямо там, когда вошел мужчина.

– Что за мужчина?

Федра покачала головой, темные глаза стали серьезными.

– Не знаю, сэр. Большой мужчины, высокий, как вы. Со светлыми волосами, без парика. Но джентльмен.

Вероятно, она хочет сказать, что он был хорошо одет, подумал Роджер.

– И?

– Он поглядел вокруг, увидел мистера Бенджамина и мисс Джо и шагнул в сторону, как будто не хотел, чтобы его кто заметил. Но потом он увидел мистера Джема, и такой у него стал недобрый взгляд. – Она прижала Джема поближе, вспоминая встречу. – И, скажу я вам, сэр, мне этот взгляд нисколько не понравился. Я увидела, как он пошел в сторону мальчика, и тогда я быстро подбежала и взяла мастера Джема на руки, как я держу его сейчас. Сначала он удивился, а потом, будто что-то ему показалось смешным, улыбнулся ему и спросил, кто его папа. – Она коротко улыбнулась, легонько потрепав Джейми по спине. – Люди в городе все время его про это спрашивают, сэр. Ну он ему сразу и ответил, что его папа Роджер Маккензи. И этот мужчина, он засмеялся и погладил Джема по волосам – все так делают, сэр, у него ведь такие красивые волосы. Ну он и говорит тогда: «Правда, мой маленький дружок, и в самом деле он?»

У Федры был талант к подражанию. Она очень точно изобразила ирландский акцент, и Роджер весь похолодел, ему больше не было жарко.

– Что случилось потом? – напряженно спросил он. – Что он сделал? –

Полубессознательно он заглянул девушке через плечо в открытую дверь, проверяя, не притаилась ли опасность в ночной темноте.

Федра передернула плечами, слегка дрожа.

– Ничегошеньки он больше не сделал, сэр. Только посмотрел на Джема так настойчиво, а потом на меня, и улыбнулся. И мне совсем не понравилась его улыбка, сэр, нисколько. – Она покачала головой. – А потом я услышала, как мистер Бенджамин позади меня громко спрашивает, его ли ищет этот джентльмен. И мужчина этот быстренько развернулся и просто вышел через дверь. Вот так, – сказала она и, покрепче перехватив Джема одной рукой, щелкнула пальцами свободной.

– Понятно. – Пудинг отяжелел в желудке, и Роджеру начало казаться, что он проглотил камень. – Ты что-нибудь сказала своей хозяйке про этого мужчину?

Она решительно покачала головой.

– Нет, сэр. Он ведь ничего такого не сделал, как я и сказала. Но он меня растревожил, сэр, так что я поразмыслила над этим, пока шла домой, и решила, что все же лучше бы вам рассказать, сэр, если получится.

– Ты все правильно сделала, – сказал он. – Спасибо, Федра. – Он поборол желание забрать у нее Джема и покрепче прижать к себе. – Не могла бы ты... Можешь остаться с ним после того, как уложишь его в постель? Пока я не вернусь? Я скажу твоей хозяйке, что я тебя попросил.

В ее темных глазах светилось абсолютное понимание, и она кивнула.

– Да, сэр. Я за ним пригляжу. – Она присела в подобии реверанса и пошла вверх по лестнице в сторону комнаты, которую он делил с Джемом, напевая мальчику что-то ритмичное и убаюкивающее.

Роджер медленно выдохнул, стараясь совладать с непреодолимым желанием сейчас же взять лошадь из конюшни, доскакать до Кросс-Крика и обыскать в ночи весь город, каждый дом, пока он не найдет Стивена Боннета.

– Ну да, – сказал он вслух. – И что дальше? – Он невольно сжал кулаки, прекрасно зная, что именно нужно делать дальше, хотя его разум признавал тщетность этого предприятия.

Роджер с трудом подавил в себе гнев и чувство беспомощности, остатки виски все еще согревали кровь и пульсировали в висках. Теперь уже совсем стемнело, и он резко шагнул в ночь через открытую дверь. С этой стороны дома луга не было видно, но он по-прежнему ощущал запах костров и слышал отголоски музыки вдалеке.

Он знал, что Боннет однажды вернется. Внизу, у ровно подстриженной лужайки, бледным пятном в ночи высилась громада мавзолея Гектора

Кэмерона. Там, надежно спрятанное в гробу, который дожидался жены Гектора, Иокасты, лежало золото якобитов, главная тайна Ривер Рана. Боннет знал о существовании сокровища и подозревал, что его хранят на плантации. Он уже пытался добраться до него и в тот раз потерпел поражение. Нет, предусмотрительным Боннет не был, но он был упорным.

Роджер почувствовал, как все тело напрягается и подтягивается, подталкивая его немедленно выследить и убить человека, который изнасиловал его жену и угрожал его семье. Но от него сейчас зависели семьдесят шесть человек – нет, даже семьдесят семь. Жажда мести боролась в нем с чувством долга, и в конце концов очень нехотя отступила.

Он дышал глубоко и медленно, ощущая, как шрам от петли сжимает горло. Нет. Ему нужно было идти, довести новых жильцов на Ридж в целости. Идея отправить их с Арчем и Томом, а самому остаться здесь, чтобы найти Боннета, была соблазнительной. Однако Джейми поручил это дело ему, и Роджер не мог все бросить ради сведения личных счетов – предприятия, вероятнее всего, тщетного и требующего времени. К тому же он не мог оставить Джейми без защиты. Как бы то ни было, стоит рассказать об этом Дункану. Ему можно доверять, он примет необходимые меры по защите Ривер Рана, напишет властям в Кросс-Крик и наведет справки.

А Роджер сделает все, чтобы Джем оставался в безопасности. Утром он посадит его в седло перед собой и будет держать сына в поле зрения каждый дюйм дороги, пока они не доберутся до своего убежища в горах.

– Кто твой папа? – пробормотал он, и новая волна гнева побежала по его венам. – Черт тебя побери, это я, проклятый ублюдок!

Часть третья

Всему свое время^[40]

Глава 16

Le Mot Juste^[41]

Август 1773 года

– Ты сама себе улыбаешься, – прошептал Джейми мне на ухо. – Тебе было хорошо?

Я повернула голову и открыла глаза, обнаружив его губы прямо перед собой, – он тоже улыбался.

– Хорошо, – повторила я задумчиво, проводя кончиком пальца по краю его полной нижней губы. – Ты изображаешь скромность или используешь классическую уловку и пытаешься вытянуть из меня комплименты, преуменьшая свои достоинства?

Улыбка стала шире, а его зубы на секунду игриво сомкнулись на моем любопытствующем пальце.

– О, ну конечно, скромность, – сказал он. – Если бы я вытягивал из тебя комплименты, то не стал бы сейчас делать это при помощи слов, так ведь?

Одна его рука нежно скользнула по моей спине в подтверждение сказанного.

– Ну, слова помогают, – отозвалась я.

– Правда?

– Да. Я только что пыталась определить, какое из твоих признаний считать более искренним: «я люблю тебя», «ты мне нравишься», «я тебя боготворю», «я хочу тебя».

– Я все это сказал? – спросил он немного ошарашенно.

– Да. А ты не слышал?

– Нет, – признал он. – Но я все это имел в виду. – Он накрыл рукой мою ягодицу, и оценивающе взвесил ее. – И все еще имею, раз уж мы об этом заговорили.

– Что, даже последнее? – Я засмеялась и нежно потерлась лбом о грудь Джейми, ощущая его подбородок у себя на макушке.

– О, ох, – ответил он со вздохом, крепко прижимая меня к себе. – Скажу тебе так: плоть требует скромного обеда и немного отдыха перед тем, как я снова подумаю об этом, но дух мой всегда готов. Боже, у тебя самый привлекательный пухленький зад на свете. Одного взгляда на него достаточно, чтобы взять тебя снова без всяких любезностей. Тебе повезло, что ты замужем за дряхлым стариком, саксоночка, иначе сейчас ты бы уже стояла на коленях задницей кверху.

От него сладко пахло дорожной пылью, засохшим потом и крепким мускусом мужчины, который только что получил удовольствие.

– Приятно, когда по тебе скупают, – удовлетворенно сказала я в просвет под его рукой. – Я тоже скучала.

От моего дыхания ему стало щекотно, и кожа в этом месте задрожала, как у лошади, которую донимают мошки. Он поменял положение, подвинув меня, так что моя голова оказалась у него на плече, и довольно вздохнул.

– Что ж, я вижу, дом еще стоит.

И он стоял. День тянулся к закату, окна были открыты, и солнце, опускающееся за деревья, рисовало подвижные узоры на стенах и льняных простынях, мы будто плыли в облаке перешептывающихся призрачных листьев.

– Дом стоит, урожай ячменя почти целиком собран, и ничего не умерло, – сказала я, устраиваясь поудобнее, чтобы выдать отчет. Теперь, когда самое важное позади, Джейми захочет узнать, как жил Ридж в его отсутствие.

– Почти целиком? – спросил он, мгновенно выхватывая сомнительную формулировку. – Что случилось? Были дожди, да, но ячмень поспел за неделю до этого.

– Не дожди. Саранча. – Я поежилась от воспоминаний. Стрекошущее облако мерзких пучеглазых тварей явилось как раз в последнюю неделю жатвы. Я пошла в огород нарвать зелени и обнаружила, что вышеупомянутую зелень густо облепили их клиновидные тела с ловкими когтистыми лапками. Мои салаты и капуста были обглоданы до состояния кочерыжек, а ипомея лохмотьями висела на заборе.

– Я побежала за Лиззи и миссис Баг, и мы стали сгонять их метлами. Тогда они поднялись одним огромным облаком и направились через лес к полю за Грин Спринг. Они обосновались в ячмене, на мили вокруг было слышно, как они жуют. Звук такой, как будто великан ходит по рисовому полю. – От отвращения плечи у меня покрылись мурашками, и Джейми рассеянно потер мою кожу своей большой теплой ладонью.

– Мхм. Значит, они ограничились одним полем, да?

– О да. – Я глубоко вдохнула, все еще чувствуя дым. – Мы подпалили его и сожгли их живьем.

Он слегка дернулся от удивления и посмотрел на меня сверху вниз.

– Что? Кто это придумал?

– Я, – ответила я не без гордости.

Глядя на это в ретроспективе, уже успокоившись, я поняла, что решение было разумным: под угрозой были другие поля – не только ячмень, но и поспевающая кукуруза, пшеница, картофель, сено, не говоря уже об огородах, от которых зависело большинство семей. Но в тот момент идея была продиктована слепой яростью, я мстила за свой разоренный сад. Я с удовольствием лично оторвала бы крылья каждой твари и станцевала бы на бранных останках, хотя жечь их было почти так же приятно.

Поле принадлежало Мурдо Линдсею, медлительному как на словах, так и на деле. Он даже не успел толком отреагировать на мое заявление о том, что я собираюсь поджечь ячмень, и все еще стоял на пороге своего дома, открыв рот от удивления, пока Брианна, Лиззи, Марсали, миссис Баг и я бегали вокруг поля с охапками хвороста, поджигали их от факелов и забрасывали горящие палки как можно дальше в море сухого спелого зерна.

Сухая трава занялась с треском, который быстро перерос в рев, когда огонь разгорелся. Испуганные жаром и дымом от дюжины костров, насекомые взлетели вверх подобно искрам, вспыхивая, когда огонь достигал их крыльев, и постепенно исчезли в поднявшейся стене из дыма и пепла.

– И конечно, именно этот момент выбрал Роджер, чтобы вернуться вместе с новыми арендаторами, – сказала я, сдерживая неуместный смех от воспоминания. – Бедняги. Уже темнело, они стояли там с детьми, со своими тюками и наблюдали все это: поле в огне и мы рядом с ним танцуем, босые, с задранными юбками, и вопим, как какие-нибудь гиббоны, все перемазанные сажей.

Джейми прикрыл глаза рукой, очевидно, представляя себе эту сцену. Его грудь мелко задрожала, и из-под ладони показалась широкая улыбка.

– О боже. Они, должно быть, подумали, что Роджер Мак привел их прямиком в ад. Или, самое меньшее, на ведьмин шабаш.

Виноватый смех пузырился у меня под ребрами и рвался наружу.

– Так они и решили. Ох, Джейми, ты бы видел их лица! – Я не смогла больше сдерживаться и зарылась лицом в его грудь. Некоторое время мы вместе тряслись от почти беззвучного смеха.

– Я попыталась продемонстрировать гостеприимство, – сказала я,

слегка всхлипывая. – Мы накормили их ужином и всем нашли место для сна: разместили столько, сколько вошло, в большом доме, остальные распределились между хижинной Брианны, амбаром и конюшней. Ночью, уже довольно поздно, я спустилась вниз – не могла уснуть из-за перевозбуждения – и обнаружила дюжину человек в кухне за молитвой.

Они стояли в кругу возле очага, держась за руки и смиренно склонив головы. При моем появлении все как один подняли худые изможденные лица. Они таращились на меня в полной тишине, и одна женщина, отпустив руку стоявшего рядом мужчины, спрятала ладонь под передником. В другое время и в другом месте я бы подумала, что она хочет вытащить оттуда оружие, – быть может, она и хотела, но я была почти уверена, что под изношенной тканью она сложила из пальцев рога.

Я уже знала, что лишь немногие из них говорят по-английски. Я спросила на ломаном гэльском, нужно ли им что-нибудь. Они уставились на меня, будто у меня было две головы, и через мгновение один мужчина, сморщенное создание с тонкими губами, едва заметно качнул головой.

– Они вернулись к молитве, предоставив мне красться обратно в постель.

– Ты спустилась в одной сорочке?

– Ну... Да. Я не предполагала, что кто-то будет бодрствовать в такой час.

– Хм. – Он коснулся пальцами моей груди, и я сразу догадалась, о чем он думает. Моя летняя ночнушка представляла собой тонкую, выношенную льняную рубашку. И да... наверное, черт побери, через нее можно было кое-что разглядеть при свете, но кухня освещалась только красноватым свечением от затухающих углей в очаге.

– И надо полагать, на тебе не было причитающегося ночного чепца, саксоночка? – спросил Джейми, задумчиво пропуская мои волосы сквозь пальцы. Я распустила их, перед тем как мы оказались в постели, и они радостно змеились во все стороны а-ля Медуза.

– Конечно, нет. Но я их заплела, – попыталась я оправдаться. – Вполне прилично!

– О, вполне, – согласился Джейми, улыбнувшись, и запустил пальцы глубже в буйные кудри, чтобы приподнять мою голову и поцеловать. Его губы потрескались от солнца и ветра, но оставались мягкими. Он не брился с того самого дня, как мы расстались, и у него отросла короткая кудрявая борода, приятная на ощупь.

– Ну что ж. Теперь, я полагаю, они уже освоились? Новые поселенцы? – Он коснулся губами моей щеки и нежно прикусил мочку уха.

Я резко вдохнула.

– Ах. Хмм. Да. Арч Баг забрал их утром и разместил по всему Риджу с другими семьями, они уже начали... – На секунду я потеряла нить собственных рассуждений, и мои пальцы рефлекторно сжались на его груди.

– Ты, конечно, сказала Мурдо, что я с ним все улажу насчет ячменя?

– Да, конечно. – Я быстро вернула себе контроль, вспомнив о Мурдо, и засмеялась. – Он просто таращился на меня, а потом растерянно кивнул и сказал: «О, конечно, как будет угодно Самому». Я не уверена, что он вообще тогда понимал, зачем я подожгла поле. Возможно, он подумал, что мне внезапно пришла в голову блажь спалить его ячмень.

Джейми тоже засмеялся, продолжая покусывать мою мочку. Я почувствовала, что снова теряю фокус.

– Ммм, – сказала я прерывающимся голосом, ощущая, как рыжая борода щекочет мне шею и чувствуя теплую твердую плоть у себя под рукой. – Индейцы. Как все прошло с чероки?

– Хорошо.

Неожиданно он задвигался и оказался надо мной. Он был очень большим и теплым и пах желанием – страстным, животным. Тени от листьев бежали по его лицу и плечам, покрывали кровать и белую кожу моих широко раскинутых бедер.

– Как ты мне нравишься, саксоночка, – зашептал он мне на ухо. – Так и представляю тебя там, полуголую в твоей рубашке с волосами, рассыпавшимися по груди... Я люблю тебя, я бога...

– Что там было насчет ужина и отдыха?

Его руки проложили себя путь под моей спиной и накрыли ягодицы. Он крепко их сжал, и я почувствовала его жаркое дыхание у себя на шее.

– Мне нужно...

– Но...

– Сейчас, саксоночка.

Он резко сел на колени передо мной. На губах у него играла легкая улыбка, но голубые глаза смотрели настойчиво, повелительно. Одной рукой он сжал свои отяжелевшие яички, одновременно неторопливо и с удовольствием двигая большим пальцем по стоящему члену.

– На колени, а nighean^[42], – сказал он спокойно. – Сейчас же.

Глава 17

Пределы власти

От Джейми Фрэзера, эсквайра, Фрэзер Ридж
Лорду Джону Грею, плантация Маунт Джосайя
14 августа 1773 г.

Милорд,

Пишу вам, чтобы уведомить о своей новой должности: властью Южного департамента под началом Джона Стюарта я назначен индейским агентом Короны.

Когда я удостоился чести получить такое предложение, я поначалу был настроен весьма скептически. Однако мои взгляды стали более однозначными после визита мистера Ричарда Брауна с братом, дальних соседей. Полагаю, мистер Хиггинс уже обрисовал вам в общих чертах наше краткое знакомство с их так называемым Комитетом безопасности, чьей первейшей задачей стал его арест.

Сталкивались ли вы с подобными органами в Вирджинии? Я искренне надеюсь, что у вас ситуация спокойней, чем у нас или в Бостоне, где, по словам мистера Хиггинса, тоже есть комитеты.

Я искренне считаю, что любой разумный человек должен отвергать саму их идею. Они называют своей целью защиту мирных жителей от бандитов и должны арестовывать преступников в тех местах, где нет шерифа или констебля. Однако деятельность комитетов не подчинена никакому регламенту, а потому ими движет только личный интерес. Ничто не препятствует превращению нерегулярной милиции в большую угрозу для населения, чем те опасности, от которых она пытается его защищать.

Проблема, однако, действительно существует – особенно здесь, в нашей глуши. Ближайший суд находится – если все еще находится – в трех днях езды. А из-за постоянных беспорядков, последовавших за регуляцией, дела пошли еще хуже. Губернатор и его совет постоянно конфликтуют с ассамблеей^[43], в результате окружной суд прекратил свое существование. Судей больше не назначают, в округе Сарри нет шерифа, а последний, кто занимал этот пост, подал в отставку, поскольку ему грозили поджогом.

Шерифы округов Ориндж и Роуэн все еще могут похвастать должностями, но всем известно, что они взяточники и играют в интересах тех людей, которые им платят.

В последнее время мы стали получать новости о поджогах, нападениях и прочих подобных происшествиях, участившихся после недавней войны регуляторов. Губернатор Трион официально помиловал некоторых участников конфликта, но ничего не предпринял, чтобы

предотвратить самосуд на местах. Его преемник, впрочем, справляется с подобными вещами еще хуже. Конфликты же такого рода продолжают возникать и здесь, в провинциях, далеко от его дворца в Нью-Берне, что позволяет ему закрывать на них глаза (справедливости ради, стоит сказать, что у него наверняка и в столице проблем хватает).

Как бы там ни было, хотя поселенцы привыкли к опасностям, которые может таить дикая природа, вероятность таких случайных нападений – а также угроза восстания со стороны индейцев, когда они так близко к линии соглашения – их очень беспокоит, и потому они заранее расположены к любому объединению, которое сможет гарантировать им безопасность. Именно поэтому они с восторгом приветствуют мстителей из комитетов, особенно поначалу.

Я посвящаю вас во все эти детали, чтобы разъяснить свои сомнения по поводу своего назначения. Мой друг майор Макдональд, служивший в 32-м кавалерийском полку, сообщил мне, что, если я все же откажусь стать индейским агентом, он обратится к мистеру Ричарду Брауну. Браун давно и много торгует с чероки, хорошо знаком с ними, они, вероятно, ему доверяют и, следовательно, скорее всего примут его в таком качестве.

Однако мое знакомство с мистером Брауном и его братом заставило меня посмотреть на такую перспективу с тревогой. С этой должностью приходит большое влияние, и в нашем беспокойном краю значимость этого человека за краткое время может так вырасти, что никто не сможет ему противостоять, о чем бы ни шла речь. А это, на мой взгляд, весьма опасно.

Как пронизательно заметил мой зять, власть портит людей: по мере того как она растет, человеческого в них остается все меньше. А у меня есть подозрение, что последнего у братьев Браун и так негусто. Возможно, слишком заносчиво с моей стороны полагать, будто я более высокоморальный субъект. Я видел, что власть делает с людьми, как она разъедает их душу, я ощущал ее бремя и на себе. Думаю, Вы поймете, о чем я говорю, Вам слишком часто приходилось нести это бремя самому. Однако если выбор стоит между мной и Ричардом Брауном, то я доверюсь пословице и из двух зол выберу меньшее.

Меня также беспокоит мысль о долгих отлучках, которых потребуют от меня новые обязанности. И все же я не могу в здравом уме довериться Браунам, комитет под их управлением сулит неприятности и даже угрозы людям в моих владениях.

Я мог бы, конечно, создать собственный комитет, думаю, Вы бы поддержали мою инициативу, но не стану. Помимо дополнительных

расходов и разных неудобств, связанных с таким решением, появление нового комитета будет значить открытую войну с Браунами. В ситуации же, когда я должен часто покидать Ридж, это поставит под удар мою семью. Однако я надеюсь, что новое назначение расширит мое собственное влияние и, возможно, как-то ограничит амбиции Браунов.

Приняв решение занять предложенную должность, я тут же отправил письмо Макдональду и описал свой первый визит к чероки в качестве индейского агента. Меня приняли очень тепло, и я надеюсь, что отношения с деревнями такими и останутся. Я снова отправлюсь к индейцам осенью. Если есть что-то, в чем мои новые обязанности могут Вам помочь, то без стеснения пишите мне об этом и будьте уверены, что я приложу все усилия, чтобы уладить любые Ваши дела.

Перейду к нашим местным новостям. Население Риджа выросло почти вдвое в результате появления новых поселенцев из Шотландии. Хотя их прибытие было ожидаемым и желанным, оно все же вызвало немалый переполох: оказалось, что новые жители Риджа раньше жили на побережье и промышляли рыболовством. Для них местные горы полны опасностей и тайн – пока в этом качестве выступают свиньи и плуги.

Что касается свиней, то я не уверен, что здесь не разделяю их взглядов. Белая свиноматка недавно решила поселиться под основанием нашего дома и устраивает там такие оргии, что каждый ужин сопровождается дьявольским визгом, как будто у нас под полом идет расправа над душами грешников. Причем, судя по всему, демоны медленно отрывают от них части и тут же их пожирают.

Раз уж я начал говорить про всякие адские дела, я должен заметить, что наши новые соседи, увы, ярые последователи Ковенанта, для которых папист вроде меня по определению снабжен рогами и хвостом. Ты наверняка помнишь Томаса Кристи из Ардсмуира. Так вот, по сравнению с этими чопорными господами мистер Кристи предстает воплощением милосердия и терпимости.

Я никогда не думал, что буду благодарить провидение за то, что мой зять пресвитерианин. Теперь же я вижу, что пути Господни воистину неисповедимы для нас, смертных. Хотя в их глазах даже Роджер Маккензи прискорбно низко павший распутник, новые поселенцы, по крайней мере могут говорить с ним без использования знаков и жестов для отпугивания дьявола, которые они постоянно практикуют в разговорах со мной.

Что касается их отношения к моей жене, то можно подумать, будто она колдунья из Аэндора^[44], а то и вовсе Вавилонская блудница. Все потому, что они воспринимают ее медицинскую практику как ворожбу. К

тому же не так давно они стали очевидцами визита к ней чероки, довольно нарядно разодетых по случаю. Индейцы пришли выменивать товары вроде змеиных клыков и медвежьих желчных пузырей.

Моя жена просит передать свои благодарности за ваши комплименты по части улучшившегося здоровья мистера Хиггинса, а кроме того, – за ваше предложение достать для нее лекарства у вашего друга из Филадельфии. Она просит меня приложить к письму список. Глядя на него, я подозреваю, что, если Вы удовлетворите ее просьбу, это, как минимум, не развеет подозрения рыбаков. Однако прошу вас, не тревожьтесь на этот счет, поскольку ничто, кроме времени и привычки, не уменьшит их страха перед ней.

Моя дочь также велит выразить Вам благодарность за фосфор, что Вы подарили. Не уверен, что разделяю ее радость, поскольку ее эксперименты с этой субстанцией приводят к опасным возгораниям. К счастью, никто из новоприбывших не наблюдал за этими экспериментами, иначе у них не осталось бы сомнений в том, что вся моя семья водит близкое знакомство с сатаной.

О более радостных вещах: я спешу поздравить тебя с последней партией вина, оно действительно пригодно для употребления. В ответ отправляю тебе кувшин лучшего сидра миссис Баг и бутылку трехлетнего виски, выдержанного в бочке, которое, тешу себя надеждой, ты найдешь более мягким, чем предыдущий.

Твой покорный слуга,
Джеймс Фрэзер

P.S. Мне сообщили, что джентльмен, который по описанию напоминает некоего Стивена Боннета, был замечен в Кросс-Крике в прошлом месяце. Если это действительно тот самый джентльмен, то неизвестно, что за дела привели его туда, и, похоже, он исчез без следа. Муж моей тетки, Дункан Иннес, пораспрашивал людей в окрестностях, но пишет мне, что поиски оказались бесплодными. Если ты услышишь что-нибудь о вышеозначенном джентльмене, молю тебя тотчас же сообщить мне об этом.

Глава 18

Врум!

Прошлой ночью мне снилась бегущая вода. Обычно это значит, что я слишком много выпила перед сном, но в этот раз все было иначе. Вода бежала из-под крана в раковину у нас дома. Я помогала маме мыть посуду; она поливала тарелки горячей водой, а потом передавала мне, чтобы я их вытирала. Я чувствовала горячий фарфор под полотенцем и ощущала, как пар оседает на лице.

Мамины волосы вились сильнее обычного из-за влажности, а по краям тарелок бежал узор из крупных розовых роз, это был дорогой свадебный фарфор. Мама не позволяла мыть их, пока мне не исполнилось десять, потому что боялась, что я могу их уронить. Когда, наконец, мне это позволили, я была так горда собой!

Я по-прежнему с точностью до малейшей детали вижу шкаф для посуды в гостиной: подставку для торта, вручную расписанную маминым прадедом (она говорила, он был художником и выиграл с этой подставкой какой-то конкурс сто лет назад), дюжину хрустальных фужеров, доставшихся папе от его матери, вместе с оливковым блюдом из граненого стекла и чашкой с блюдцем, расписанных фиалками и украшенных позолотой по краям.

Я стояла прямо перед ним, складывая туда фарфоровый сервиз, хотя на самом деле мы хранили его не там, а на полках над плитой. Вода лилась из раковины в кухне, текла по полу, собиралась вокруг моих ног. Потом она начала подниматься, и я шлепала взад и вперед по кухне, разбрызгивая ее ногами, а она сверкала, как оливковое блюдо из граненого стекла. Воды становилось все больше и больше, но никого это не беспокоило, меня тоже.

Вода была теплой, даже горячей, я видела, как от нее поднимается пар.

Вот и весь сон. Когда я встала этим утром, вода в тазу была такой холодной, что мне пришлось подогреть ее на огне в кастрюле, прежде чем мыть Джемми. Все то время, пока я грела ее, я вспоминала свой сон, галлоны и галлоны бегущей горячей воды.

Странно, но сны о том времени кажутся такими детальными, живыми, более живыми, чем те, что снятся мне о настоящем. Почему я вижу вещи, которых не существует нигде, кроме моей головы?

Я размышляю об этих снах и спрашиваю себя о том, как много изобретений было придумано людьми вроде меня – вроде нас? Сколько «изобретений» на самом деле лишь воспоминания о вещах, которые мы когда-то знали? И, главное, сколько таких, как мы?

– На самом деле это не так уж сложно – соорудить водопровод с горячей водой. Теоретически.

– Нет? Думаю, нет. – Роджер слушал вполуха, сосредоточившись на том предмете, который обретал форму у него под ножом.

– Я хочу сказать, над этим придется долго и мучительно работать. Но идея сама по себе проста. Нужно рыть канавы или делать желоба. В нашем случае желоба, пожалуй, подойдут лучше.

– Правда? – Он дошел до сложного участка и задержал дыхание, отсекая крохотные, тонкие стружки, по одной зараз.

– Нет металла, – терпеливо сказала Брианна. – Если бы он был, можно было бы сделать трубы. Но готова поспорить, что во всей Северной Каролине не найдется достаточно металла, чтобы проложить трубопровод от ручья до большого дома. Не говоря уже о бойлере! Даже если бы был, это стоило бы целое состояние.

– Ммм. – Поняв, что это, вероятнее всего, не самая адекватная реакция, Роджер спешно добавил: – Но у нас есть немного металла. Перегонный куб Джейми, например?

Его жена фыркнула.

– Ну да. Я спрашивала, где он его достал. Он сказал, что сыграл по-крупному в мушку^[45] с капитаном корабля в Чарльстоне и победил. Думаешь, мне стоит проехать четыреста миль, чтобы поставить мой серебряный браслет против пары сотен футов листовой меди?

Еще одно движение... два... малюсенькая царапина кончиком ножа... вот оно. Небольшой круг отделился от заготовки. Он покатился!

– Эм... Конечно, – отозвался он, запоздало осознавая, что жена задала ему вопрос. – Почему бы нет?

Брианна прыснула.

– Ты ни слова не слышал из того, что я сказала, да?

– О, разумеется, слышал, – запротестовал он. – Ты сказала «канавы». И еще «вода». Это я точно запомнил.

Она фыркнула еще раз, на этот раз добродушной.

– Ну, в любом случае делать это придется тебе.

– Делать что? – Он нащупал колесико большим пальцем и толкнул его вперед.

– Делать ставки. Мне никто не даст играть в азартные игры.

– И слава богу, – ответил он по привычке.

– Господь благослови твое маленькое пресвитерианское сердечко, – сказала она терпеливо, качая головой. – Ты ни разу не игрок, Роджер, да?

– О, а ты, надо полагать, он и есть. – Он сказал это шутливо, но где-то

в глубине души ощутил себя уязвленным ее ремаркой.

Бри едва улыбнулась в ответ, подняв уголок широкого рта так, будто оставила при себе большую часть какой-то опасной затеи. Он ощутил легкую тревогу. Да, она была игроком, хотя пока что... Роджер бросил невольный взгляд на обугленное пятно в середине стола.

– Это была случайность, – защищаясь, заметила она.

– О, ох. По крайней мере, брови отросли.

– Хм. Я почти сделала это. Еще одна партия...

– Ты так говорила и в прошлый раз. – Он знал, что ступает на опасную территорию, но остановиться уже не мог.

Она медленно, глубоко вздохнула и поглядела на него, сузив глаза, как будто целилась перед тем, как стрелять из тяжелой артиллерии. Однако затем как будто передумала, ее черты разгладились, и она протянула руку к предмету, который он держал.

– Что это ты смастерил?

– Да так, безделушку для Джема. – Роджер позволил ей забрать игрушку, ощутив прилив заслуженной гордости. – Все колесики вертятся.

– Мне, папа? – Джейми катался по полу вместе с Адсо, который был терпим к маленьким детям. Услышав свое имя, мальчик тут же оставил кота – который, не тратя понапрасну время, сиганул в окно – и подбежал к родителям, чтобы посмотреть на новую игрушку.

– О, погляди-ка! – Брианна прокатила маленькую машинку по ладони и приподняла ее, позволив всем четырем колесам свободно крутиться. Джем жадно схватил ее и потянул за колеса.

– Осторожней, осторожней! Ты их оторвешь. Вот, смотри. – Склонившись, Роджер взял машинку и прокатил ее по камням очага. – Видишь? Врум-врум!

– Брум, – отозвался Джемми. – Дай, папа, дай!

Роджер, улыбаясь, отдал игрушку сыну.

– Брум! Брум-брум! – Мальчик увлеченно катал машинку, затем, отпустив ее, стал, приоткрыв рот, наблюдать, как она, доехав сама по себе до края очага, врезалась в него и перевернулась. Пища от восторга, он бросился за новой игрушкой.

Все еще улыбаясь, Роджер поднял глаза на Брианну, глядящую за Джемом, на лице у нее застыло странное выражение. Она ощутила взгляд мужа и посмотрела на него.

– Врум? – спросила она тихо, и он почувствовал толчок где-то внутри, будто кто-то ударил его в живот.

– Папа, что это, что это? – Джемми снова схватил машинку и подбежал

к нему, хватаясь за рубашку.

– Это... это... – начал он растерянно. На деле это была грубая копия «моррис майнора», но даже слово «машина», не говоря уж об «автомобиле», здесь не имело никакого смысла. До изобретения двигателя внутреннего сгорания с его ностальгическим урчанием оставалась еще по меньшей мере сотня лет.

– Думаю, это врум, милый, – сказала Брианна, и в ее голосе звучало сочувствие. Роджер ощутил теплый груз ее руки у себя на затылке.

– Э... Да, так и есть, – сказал он и прочистил сжавшееся горло. – Это врум.

– Брум, – счастливо повторил Джемми и встал на колени, чтобы снова прокатить машинку по камням очага. – Брум-брум.

Пар. Источником энергии будет пар или ветер. Ветряная мельница будет работать как помпа, чтобы закачивать воду в систему, но если мне нужна горячая вода, все равно получится пар, – почему бы его не использовать?

Проблема в герметичности: дерево горит и протекает, глина не выдержит давления. Мне нужен металл, других вариантов нет. Интересно, что сделает миссис Баг, если я использую ее котел для стирки? Ну, вообще-то я знаю, что она сделает, и взрыв пара с этим не сравнится. Нужно придумать что-то другое.

Глава 19

Сенокос

Майор Макдональд вернулся в последний день сенокоса. Я как раз шла вдоль дома с огромной корзиной хлеба, совершая опасные маневры, когда увидела его возле дорожки привязывающим лошадь к дереву. Он приподнял шляпу, отвесил мне поклон и прошел во двор, с любопытством наблюдая за нашими приготовлениями.

Вместо столов мы расставили под каштанами козлы, на которые уложили доски. Женщины бегали вперед и назад, как муравьи, между домом и двором, расставляя еду. Солнце уже садилось, значит, скоро вернутся мужчины для праздничного ужина – грязные, голодные, уставшие, но довольные, что работа завершена.

Я поприветствовала майора кивком и с облегчением приняла его предложение донести корзину с хлебом до столов.

– Значит, сенокос? – спросил он в ответ на мои объяснения. На его

обветренном лице заиграла ностальгическая улыбка. – Я помню сенокос из тех времен, когда был еще ребенком. Но это было в Шотландии, да? Нам редко так везло с погодой, как здесь.

Он устремил взгляд в высокий голубой купол августовского неба. Это действительно была идеальная погода для сенокоса – стояла сухая жара.

– Да, погода замечательная, – сказала я, глубоко вдыхая. Повсюду витал запах свежескошенной травы, да и само сено лежало сверкающими стогами под каждым навесом, цеплялось к одежде, по земле бежали тропинки из разбросанной соломы. Теперь дух сенокоса смешался с ароматами от жареного мяса, которое всю ночь мариновалось, свежего хлеба и нотками хмельного сидра миссис Баг. Марсали и Бри переносили кувшины из кладовки у родника, где он охлаждался вместе с пахтой и пивом.

– Вижу, я выбрал отличное время для визита, – заметил майор, с одобрением наблюдая за нашими стараниями.

– Да, если пришли поесть, – ответила я, веселясь. – А если пришли поговорить с Джейми, то, думаю, вам придется подождать до завтра.

Он озадаченно посмотрел на меня, но не успел задать ни одного вопроса. Я заметила на тропинке нового гостя. Майор повернулся, следуя за направлением моего взгляда, и слегка нахмурился.

– Какого черта... Это тот парень с клеймом на лице, – сказал он с явным неодобрением в голосе. – Я видел его в Куперсвиле, но он заметил меня первым и быстро скрылся. Позвольте-ка мне его прогнать, мэм. – Он поставил корзину с хлебом и уже потянулся к ножнам, когда я схватила его за руку.

– Вы это не сделаете, майор, – сказала я резко. – Мистер Хиггинс – наш друг.

Он непонимающе посмотрел на меня и опустил руку.

– Как вам угодно, миссис Фрэзер, конечно, – прохладно проговорил он, снова подняв корзину, и удалился к столам.

На секунду раздраженно закатив глаза, я отправилась встречать новоприбывшего. Очевидно, что Бобби Хиггинс мог присоединиться к майору на пути к Риджу, однако было так же очевидно, почему он предпочел этого не делать. Я отметила, что Бобби стал лучше управляться с мулами: на одном он сидел верхом, а другого, нагруженного многообещающими коробками и свертками, держал в поводу.

– Подарки от Его Светлости, мэм, – сказал он, соскальзывая с мула, и энергично мне отсалютовал.

Краем глаза я видела, что Макдональд за нами наблюдает, и поняла,

что военная выправка Бобби не осталась без внимания. Значит, теперь он знает, что Бобби солдат, и без сомнения вскоре выведает всю его подноготную. Я подавила тягостный вздох: здесь я ничем не смогу помочь, им придется улаживать все между собой – если найдется что улаживать.

– Ты хорошо выглядишь, Бобби, – сказала я и улыбнулась, на время откладывая свою тревогу. – Надеюсь, никаких проблем с верховой ездой?

– О, нет, мадам! – Он широко улыбнулся. – Я ни разу не вышел из строя с тех пор, как уехал от вас.

Под «выйти из строя» Бобби имел в виду «падать в обморок», и я поздравила его с хорошим самочувствием, глядя, как он быстро и споро разгружает мула. Парень действительно выглядел здоровым: его кожа была гладкой и розовой, как у ребенка, если не считать уродливый шрам на щеке.

– Тот красномундирщик, – сказал он, изображая безразличие, и опустил коробку. – Вы ведь с ним знакомы, мэм?

– Это майор Макдональд, – ответила я, усердно избегая смотреть в ту сторону: его глаза сверлили мою спину. – Да, он... делает разные вещи для губернатора. То есть я хочу сказать, он не из регулярной армии. Майор – офицер на половинном жалованье.

Эти факты, кажется, немного успокоили Бобби. Он вдохнул, как будто собираясь что-то сказать, но потом передумал. Вместо этого он сунул руку за пазуху, извлек запечатанный конверт и протянул его мне.

– Это вам, – пояснил он. – От Его Светлости. Вы не знаете, мисс Лиззи где-то рядом? – Взглядом он уже искал ее среди группы девушек у столов.

– Да, последний раз я видела ее на кухне, – ответила я, ощущая, как по позвоночнику пробежал легкий холодок. – Она сейчас выйдет. Но... ты ведь знаешь, что она обручена, Бобби? Ее жених придет на ужин вместе с другими мужчинами.

Он встретился со мной глазами и улыбнулся особенно благостно.

– О, ох, мэм, я это прекрасно знаю. Я только хотел поблагодарить ее за то, что она была так добра ко мне в прошлый мой приезд.

– О, – сказала я, ни чуточки не доверяя этой улыбке. Бобби был симпатичным парнем, да еще и служил раньше в армии, – слеп на один глаз или нет, не так важно. – Что ж... Хорошо.

Прежде чем я успела сказать что-нибудь еще, я услышала хор мужских голосов за деревьями. Это было не совсем пение, скорее чтение нараспев. Я не могла разобрать, что они поют, – там было много гэльского «Хо-ро!» и подобных звуков, – мужчины радостно вторили друг другу и звучали в унисон.

Новым арендаторам, которые куда больше привыкли собирать

водоросли, чем косить траву, такое дело был в новинку. Джейми, Арч и Роджер помогли им освоить покос. Судя по небольшому количеству швов и легким травмам, обучение прошло успешно: никто не отсек себе ногу или руку; случилась пара перебранок, но без драк, и не больше испорченного или затоптанного сена, чем обычно.

В приподнятом настроении они все ввалились во двор – перепачканные, мокрые от пота, у всех от жажды пересохло во рту. Джейми был в самой гуще людей, смеющийся и чуть покачивающийся от дружеских толчков с разных сторон. Он заметил меня, и широкая улыбка растянулась на загорелом лице. Он в несколько шагов настиг меня и заключил в крепкие объятия, пахнущие сеном, лошадьми и потом.

– Слава богу, мы с этим покончили! – сказал он и звучно поцеловал меня. – Боже, мне нужно выпить. И нет, малыш Роджер, это не богохульство, – добавил он, оглядываясь через плечо, – это выражение благодарности и отчаянная нужда, да?

– Да. Но начать надо с главного, так ведь? – Роджер возник у Джейми за спиной, голос его был таким хриплым, что в общем шуме его едва можно было разобрать. Поморщившись, он сглотнул.

– О, ай. – Джейми кинул быстрый взгляд на Роджера, как бы оценивая ситуацию, пожал плечами и устремился в центр двора.

– Èist ris! Èist ris^[46]! – закричал Кенни Линдсэй, увидев его. Юэн и Мердо присоединились к нему, захлопав в ладоши и громко выкрикивая уже по-английски «Слушайте его!», так что толпа постепенно затихла, и все взгляды обратились на Джейми.

– Я творю молитву своими устами, творю молитву своим сердцем, я молюсь тебе, о Исцеляющая десница, Сыне Божий^[47].

Он не повышал голос, однако все мгновенно замолкли, как только он начал говорить, и его слова звенели в вечернем воздухе.

– Господь, предводитель ангелов, накрой меня своими льняными одеждами, огради меня от всякого голода, освободи меня от всякой темной сущности, укрепи меня в добрых начинаниях, направь меня во всякой нужде, охраняй в любой болезни и от всякого зла сохрани меня.

Толпа как будто затрепетала в безмолвном одобрении, я увидела, как несколько рыбаков склонили головы, хотя глаз с Джейми они не сводили.

– Встань между мною и всем страшным, встань между мною и всем злым, встань между мною и всем темным, что надвигается на меня. Господь наш, покровитель слабых, покровитель нищих и праведных, щит для домов наших: Ты взываешь к нам голосом славы, милосердными

устами Твоего возлюбленного Сына.

Я взглянула на Роджера, который тоже тихонько и одобрительно кивал. Очевидно, они вместе так решили. Разумный шаг: такая молитва знакома рыбакам, при этом в ней нет ничего подчеркнуто католического.

Джейми полубессознательно раскинул руки. Летний ветер подхватил влажную изношенную материю его рубахи, когда он откинул голову назад и поднял светящееся от радости лицо к небу.

– Да обрету я вечный покой в обители Святой Троицы, в небесном Раю, в солнечном Саду Твоей любви.

– Аминь! – сказал Роджер как можно громче, и отовсюду во дворе послышалось такое же благодарное бормотание. Майор Макдональд поднял вверх кружку с сидром и с криком «Slàinte» осушил ее.

После этого начался настоящий праздник. Я обнаружила себя сидящей на бочке, а Джейми с тарелкой и постоянно наполняющейся кружкой сидра расположился на траве у моих ног.

– Бобби Хиггинс здесь, – сказала я ему, заметив Бобби в центре группки кокетничающих девушек. – Ты видишь Лиззи где-нибудь?

– Нет, – ответил он, подавляя зевок. – Почему ты спрашиваешь?

– Он спрашивал о ней.

– В таком случае я уверен, что он ее найдет. Хочешь мяса, саксоночка? – Он протянул мне крупный кусок ребрышка, вопросительно изогнув бровь.

– Я уже поела, – заверила я его, и он тут же впился в предложенное мясо с таким самозабвенным видом, как будто не ел неделю.

– Майор Макдональд уже говорил с тобой?

– Нет, – ответил он с набитым ртом. – Это подождет. Вот и Лиззи с Макгилливреями.

Это меня немного успокоило. Макгилливреи – и особенно фрау Уте – пресекут любые неуместные ухаживания по отношению к своей будущей невестке. Лиззи, смеясь, разговаривала с Робинотом Макгилливреем, который по-отцовски улыбался ей в ответ, в то время как его сын, Манфред, с увлечением ел и пил. Я заметила, что фрау Уте пристально наблюдает за отцом Лиззи, который сидел на крыльце неподалеку, удобно устроившись рядом с высокой, довольно невзрачной немкой.

– Что за женщина сидит с Джозефом Уэмиссом? – спросила я, толкая Джейми коленкой, чтобы привлечь его внимание.

Он сощурил глаза против солнца, пытаясь разглядеть пару, потом пожал плечами.

– Не знаю. Немка. Должно быть, пришла вместе с Уте Макгилливрей.

Сводничество, а? – Он поднес к губам кружку и сделал несколько крупных глотков, блаженно вздыхая.

– Думаешь? – Я с интересом стала рассматривать странную женщину. Она явно отлично ладила с Джозефом, а он – с ней. Ее худое лицо буквально светилось, пока он, жестикулируя, объяснял что-то: голова в аккуратном чепце склонилась в его сторону, на губах играла улыбка.

Я не всегда одобряла методы Уте Макгилливрей, порой довольно циничные, однако стоило отдать ей должное: ее планы были очень хитры и требовали внимания к деталям. Лиззи и Манфред должны были пожениться следующей весной, и я уже думала о том, как Джозеф это перенесет: в дочери была вся его жизнь. Конечно, после свадьбы он может уйти с ней. Лиззи с Манфредом будут жить в большом доме Макгилливреев, и, надо думать, там найдется место и для Джозефа. Однако он будет разрываться между Лиззи и Риджем, ему не захочется уезжать от нас. Хотя для любого здорового мужчины всегда найдется работа в хозяйстве, Джозеф не был по призванию фермером, не говоря уж о кузнечном деле, которым промышляли Манфред с отцом. А вот если он женится... Я снова бросила взгляд на Уте и увидела, что она следит за мистером Уэмиссом и его «нареченной» с выражением кукловода, чьи марионетки танцуют именно так, как ей того и надо.

Кто-то оставил кувшин сидра рядом с нами. Я наполнила кружку Джейми, а потом свою. Сидр был восхитительный: темный, клубящийся янтарь, сладкий и пахучий, с особой тонкой пикантной ноткой. Я позволила холодному напитку тонкой струйкой опуститься по горлу и затем раскрыться в моей голове, подобно безмолвному цветку.

Вокруг было много смеха и разговоров, и я заметила, что хотя новые поселенцы и держались своих небольших семейных групп, сегодня они сильнее перемешались со старожилами. Мужчины, которые последние две недели работали бок о бок, теперь отлично ладили друг с другом, сидр же разжег их взаимную симпатию. Новые арендаторы с недоверием смотрели на вино, считая его нелепым изобретением, крепкие напитки, вроде виски и рома, по их мнению, были непотребными, но все пили пиво и сидр. «Сидр полезен», – сказала мне одна из женщин, вручая кружку своему маленькому сыну. «Даю им полчаса, прежде чем они начнут валиться, как мухи», – подумала я, медленно потягивая сидр.

Джейми с интересом хмыкнул, и я опустила на него глаза. Он кивнул на дальнюю сторону двора. Я увидела, что Бобби Хиггинс избавился от своих поклонниц и при помощи какой-то магии – не иначе – смог вытянуть Лиззи из гущи Макгилливреев. Они стояли в тени каштанов и о чем-то

беседовали. Я оглянулась на Макгилливреев. Манфред сидел, облокотившись спиной на основание дома, и клевал носом над тарелкой. Его отец уютно устроился возле него на земле и мирно похрапывал. Девушки оживленно болтали вокруг них, передавая еду туда и обратно над упавшими головами супругов, каждый из которых был на разных отрезках пути в царство Морфея. Уте переместилась поближе к крыльцу и теперь разговаривала с Джозефом и его спутницей. Я снова посмотрела в сторону каштанов. Лиззи и Бобби всего лишь болтали, и расстояние между ними было таким, какое позволяли приличия. Но меня смущало что-то в том, как он склонялся в ее сторону, как она чуть отворачивалась от него, а затем открывалась, комкая одной рукой край юбки.

– Боже, – прошептала я и вся подобралась, готовая в любую минуту подскочить, но неуверенная, стоит ли мне действительно идти и прерывать их. В конце концов, они были на виду и...

– «Три вещи непостижимы для меня, – молвил пророк, – и четырех я не понимаю: пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице»^[48]. – Джейми сжал мое бедро, я опустила на него взгляд и увидела, что он, полуприкрыв глаза, тоже следит за парой под каштанами.

– Значит, мне не примерещилось, – угрюмо подытожила я. – Думаешь, стоит вмешаться?

– Хмм. – Он глубоко вздохнул, выпрямился и потряс головой, пытаясь разогнать дрему. – Нет, саксоночка. Если молодой Манфред не взял на себя заботу приглядывать за своей женщиной, то и тебе не стоит делать это вместо него.

– Да, согласна. Я просто думаю, что если их заметит Уте... или Джозеф? – Я не знала, чего можно ожидать от мистера Уэмисса, а вот Уте наверняка устроила бы грандиозную сцену.

– О. – Он моргнул, слегка покачиваясь. – Ай, наверное, ты права. – Джейми стал крутить головой по сторонам, затем, заметив Йена, чуть дернул подбородком, подзывая его. Йен лежал в паре футов от нас, раскинувшись на траве, рядом с горкой жирных обглоданных ребрышек, но теперь перевернулся и покорно пополз в нашу сторону.

– Мм? – промычал он. Его густые каштановые волосы наполовину выбились из хвоста, пара вихров торчала почти вертикально, остальные небрежно падали на глаза.

Джейми кивнул в сторону каштанов.

– Пойди и попроси Лиззи подлатать твою руку, Йен.

Йен сонно уставился на свою руку: на тыльной стороне была свежая

царапина, но она уже запеклась. Потом он посмотрел в ту сторону, куда указывал Джейми.

– О, – с пониманием отозвался он. Некоторое время он стоял на четвереньках, задумчиво сузив глаза, затем неторопливо поднялся и стянул повязку с волос. Небрежно откинув их назад, он пошел в направлении каштанов.

Они были слишком далеко, чтобы что-нибудь услышать, но мы могли наблюдать. Бобби и Лиззи расступились, как воды Красного моря, когда высокая, долговязая фигура Йена возникла между ними. Еще пару мгновений все трое, казалось, мило беседовали, затем Лиззи и Йен направились к дому. Лиззи дружески помахала Бобби рукой, но потом коротко оглянулась на него через плечо. Бобби пару мгновений стоял, глядя ей вслед и задумчиво покачиваясь на каблуках, затем тряхнул головой и пошел выпить сидра.

Сидр брал свое. С наступлением ночи все будут спать без задних ног. Во время сенокоса мужчины засыпали буквально в тарелках от изнеможения. Люди вокруг по-прежнему говорили и смеялись, но мягкий закатный свет, который начинал заливать двор, обнаруживал все увеличивающееся количество тел, раскинувшихся в траве.

Ролло самозабвенно грыз кости, оставшиеся после Йена. Брианна сидела чуть поодаль, Роджер положил голову ей на колени и выглядел спящим. Сквозь распахнутый ворот его рубашки был все еще хорошо виден старый шрам от веревки на шее. Бри улыбнулась мне, она гладила Роджера по блестящим черным волосам, выбирая из них травинки. Джемми нигде не было видно, как и Германа. К счастью, фосфор был под замком на самом верху моего самого высокого шкафа.

Джейми тоже положил свою теплую и тяжелую голову на мое бедро, и я опустила руку на его волосы, улыбаясь Бри в ответ. Я услышала, как Джейми тихонько фыркнул и проследила за его взглядом.

– Для такой маленькой юной леди Лиззи создает кучу проблем, – сказал он.

Бобби Хиггинс стоял рядом с одним из столов, попивая сидр и не подозревая о том, что за ним все это время пристально следили братья Бердсли. Эти двое мелькали среди деревьев, как лисы, едва заметно, постепенно окружая несчастного Бобби.

Один из них – скорее всего Джо – неожиданно возник прямо рядом с Бобби. От неожиданности тот даже пролил сидр. Парень нахмурился и принялся вытирать мокрое пятно на рубашке, Джо в это время наклонился ближе, очевидно бормоча какие-то угрозы и предупреждения. Бобби с

оскорбленным видом отвернулся от него и тут же столкнулся нос к носу с Кеси.

– Не уверена, что проблемы создает именно Лиззи, – сказала я, защищая девушку. – Она всего лишь поговорила с ним.

Лицо у Бобби заметно покраснело. Он поставил кружку на стол и весь напрягся, сжав одну ладонь в кулак. Бердсли придвинулись ближе с явным намерением вынудить его уйти в лес. Поглядывая с опаской то на одного близнеца, то на другого, он сделал шаг назад и уперся спиной в крупный древесный ствол.

Я опустила глаза вниз: Джейми наблюдал за происходящим сквозь опущенные ресницы с выражением мечтательной отстраненности. Он глубоко вздохнул, закрыл глаза и внезапно полностью обмяк, так что я целиком ощутила его вес. Причина такого неожиданного забытья возникла секундой позже: это был Макдональд, пунцовый от еды и сидра, красный мундир пылает в закатном свете, как раскаленные угли. Он посмотрел на Джейми, мирно дремлющем у меня на ноге, и покачал головой. Потом обернулся вокруг, оценивая ситуацию.

– Вот черт, – проговорил он мягко. – Говорю вам, мэм, я видал поля сражений, где не было такой бойни.

– Вот как? – Его появление отвлекло меня, но при слове «бойня» я глянула назад. Бобби и братья Бердсли пропали, растворились в сумерках, как клубы тумана. Что ж, если они избивают друг друга до полусмерти в лесу, я точно скоро об этом узнаю.

Пожав плечами, Макдональд наклонился, взял Джейми за плечи и поднял с моих колен, с неожиданной деликатностью переложив его на траву рядом.

– Не возражаете? – вежливо спросил он и, получив от меня одобрительный кивок, присел с другой стороны от меня, обхватив колени руками.

Он был при параде, как всегда, – парик и все прочее, – но ворот рубашки выглядел засаленным, полы мундира истрепались по краям и были забрызганы грязью.

– Постоянно в разъездах в последнее время, майор? – спросила я, начиная разговор. – Извините, что говорю об этом, но вы выглядите уставшим.

Я удивила его своим замечанием прямо посреди зевка, он тут же прервал его, сглотнул и часто заморгал, смеясь.

– Ох, мэм. Я в седле весь последний месяц, а кровать видал в одну ночь из трех.

Он выглядел измотанным даже в мягком свете заката: морщины на лице будто залегли глубже от усталости, под глазами нависли мешки. Он не был красавцем, но обычно его лихая самоуверенность прибавляла ему шарма. Теперь же он выглядел так, как и должен был: пятидесятилетний солдат на половинном жалованье, страдающий от отсутствия регулярной службы и полка, цепляющийся за любые мелкие связи, которые могут поспособствовать его повышению. В обычной ситуации я бы не стала говорить с ним о работе, но сейчас сочувствие заставило меня спросить:

– Много работаете для губернатора Мартина?

Он кивнул, сделал глоток сидра и глубоко вздохнул.

– Да, мэм. Губернатор оказал мне честь, поручив собирать для него новости о состоянии провинций, – и даже льстит мне, прислушиваясь время от времени к моим советам. – Майор с улыбкой посмотрел на Джейми, который свернулся калачиком, как еж, и похрапывал.

– Вы говорите о назначении моего мужа индейским агентом? Мы благодарны вам, майор.

Он отмахнулся от моих благодарностей.

– Ах нет, мэм. Это имеет очень отдаленное отношение к губернатору. Подобные назначения производятся суперинтендантом Южного департамента. Хотя, конечно, это в интересах губернатора – быть в курсе того, что там происходит у индейцев, – добавил он, делая еще глоток.

– Уверена, он все расскажет вам утром, – заверила я его, кивая в сторону Джейми.

– Конечно, мэм. – Он заколебался на мгновение. – Вы не знаете... Может, мистер Фрэзер спрашивал у индейцев... что-нибудь о... поджогах?

Я выпрямилась, весь сидр тут же выветрился из моей головы.

– Что случилось? Были еще поджоги?

Он кивнул и устало потер лицо, проведя рукой по отросшим бакенбардам.

– Да, два. Но в первом случае это был только амбар под Салемом. Амбар моравских братьев. И, насколько я слышал, это был кто-то из шотландско-ирландских пресвитериан, осевших в округе Сарри. Какой-то подлец, мелкий проповедник, настроил их против моравян – те, мол, безбожные язычники. – Он внезапно улыбнулся на это, но быстро посерьезнел.

– Округ Сарри штормит уже несколько месяцев. Причем так, что братья подали ходатайство губернатору, чтобы он пересмотрел границы округа и переместил общину в округ Роуэн. Линия между Сарри и Роуэном проходит прямо по их земле, понимаете? А шериф Сарри... – Он махнул

рукой.

– Должно быть, он не столь усерден в исполнении своего долга, как ему следует? – подсказала я. – По крайней мере, в делах, которые касаются моравских братьев.

– Он двоюродный брат того подлеца, – сказал Макдональд и осушил свою кружку. – Кстати, как у вас дела с новыми поселенцами? Никаких проблем? – спросил он, опуская емкость. Он криво улыбнулся, оглядывая сидящих небольшими группами женщин, которые оживленно переговаривались, пока мужчины спали у их ног. – Кажется, вы оказали им радушный прием.

– Ну, они, конечно, пресвитериане, и весьма страстные, но, по меньшей мере, пока что не пытались сжечь дом.

Я оглянулась на крыльцо, где мистер Уэмисс и его новая знакомая по-прежнему сидели рядом, склонив головы, поглощенные разговором. Я подумала, что мистер Уэмисс, кажется, последний бодрствующий мужчина, за исключением майора. Женщина, без сомнений, была немкой, но вряд ли из моравян: они очень редко находили себе супругов за пределами общины, да и женщинам было несвойственно уезжать так далеко.

– Можно разве что заподозрить, что пресвитериане сколотили банду с целью очистить местность от папистов и лютеран, но вы так не думаете, правда?

Он коротко, но невесело ухмыльнулся на это.

– Нет. Но ведь я и сам воспитывался как пресвитерианин, мэм.

– О! Ээ... еще капельку сидра, майор?

Он без лишних раздумий протянул кружку.

– Другой поджог... Он был гораздо больше похож на остальные, – сказал он, любезно оставив мою ремарку без дальнейших комментариев. – Уединенная ферма. Мужчина жил один. Но это произошло прямо за линией соглашения.

Последнее было сказано очень многозначительно, и я невольно посмотрела на Джейми. Он говорил мне, что чероки недовольны тем, что поселенцы вторгаются на их территорию.

– Конечно, я спрошу об этом утром у вашего мужа, мэм, – добавил Макдональд, верно истолковав мой взгляд. – Но, возможно, вам известно, слышал ли он что-нибудь...

– Завуалированные угрозы от вождя Снежных Птиц, – призналась я. – Джейми написал о них Джону Стюарту. Но в них не было ничего специфического, никаких деталей. Когда случился последний поджог?

Майор пожал плечами.

– Сложно сказать. Я узнал об этом три недели назад, но человек, который рассказал мне о случившемся, услышал о поджоге за месяц до этого – к тому же он ничего не видел, только передал слухи.

Майор задумчиво поскреб подбородок.

– Наверное, кто-то должен отправиться туда и осмотреть место происшествия.

– Хмм, – протянула я, не пытаясь скрыть свой скептицизм. – И вы думаете, это работа для Джейми, не так ли?

– Я не столь дерзок, чтобы рассказывать мистеру Фрэзеру о его обязательствах, мэм, – сказал Макдональд игриво. – Однако я намерен намекнуть ему, что ситуация может представлять для него интерес, а?

– Да, намекайте, – пробормотала я.

Джейми планировал очередную короткую вылазку в деревни Снежных Птиц как раз между сбором урожая и наступлением холодов. Идея того, чтобы отправиться к индейцам, дабы расспрашивать Птицу Которая Поет по Утрам о сгоревшей ферме, с моей точки зрения казалась более чем немного рискованной. Легкий ветер заставил меня поежиться, и я отхлебнула сидра, внезапно захотев, чтобы он оказался горячим. Солнце уже опустилось за горизонт, и воздух постепенно остывал, однако совсем не от этого холод бежал по моим венам.

Что, если Макдональд прав и это чероки поджигают фермы? И тут Джейми придет со своими неудобными вопросами... Я посмотрела на наш дом, безмятежный и крепкий, с окнами, освещенными светом свечей, – хрупкий бледный бастион на фоне темнеющего леса.

«Мы с прискорбием сообщаем, что получили новости о смерти Джеймса Маккензи Фрэзера и его жены, Клэр Фрэзер, которые погибли в пожаре, уничтожившем их дом».

В сгустившихся сумерках замерцали светлячки, подобно холодным зеленым искрам, и я невольно подняла лицо к небу, чтобы увидеть россыпь таких же, только желтых и красных, над печной трубой. Всякий раз, когда я думала об этой мрачной газетной вырезке – хотя старалась не думать и не считать дни до двадцать первого января тысяча семьсот семьдесят шестого года, – мне представлялось, что пожар начинается по какой-то случайности. Такие вещи происходили довольно часто и не были чем-то необычным: искры от очага, перевернутые свечи, удары молний во время летних гроз. Прежде мне не приходило в голову, что это может быть преднамеренный

поджог, иными словами, убийство.

Я передвинула ногу и легонько толкнула Джейми. Он заворочался, вытянул руку и обхватил мою лодыжку, затем снова погрузился в сон с удовлетворенным стоном.

– Встань между мною и всем темным, – проговорила я едва слышно.

– Slàinte, – произнес майор и опустошил очередную кружку.

Глава 20

Опасные дары

Новости, принесенные майором Макдональдсом, заставили Джейми и Йена отправиться к Птице Которая Поет по Утрам для короткого визита уже через два дня, сам майор уехал по своим таинственным поручениям, и я осталась дома с Бобби Хиггинсом в качестве помощника.

Я до смерти желала порыться в ящиках, которые привез мне Бобби, но меня отвлекало то одно, то другое: неудавшаяся попытка белой свиньи сожрать Адсо, коза с больным выменем, странная зеленая плесень, попавшая в последнюю партию сыра, завершение строительства долгожданной летней кухни, а также серьезный разговор с Бердсли по поводу поведения с гостями. Прошло больше недели, прежде чем у меня нашлось время распаковать подарок лорда Джона и прочесть его письмо.

4 сентября, 1773 года

От лорда Джона Грея, плантация Маунт Джосайя

Миссис Джеймс Фрэзер

Дорогая мадам,

Надеюсь, что вещи, о которых вы просили, придут в целости и сохранности. Мистер Хиггинс выражает некоторое беспокойство относительно транспортировки купоросного масла^[49] — полагаю, у него есть какой-то неприятный опыт, связанный с ним. Однако мы с некоторой осторожностью упаковали бутылку и оставили ее нераспечатанной — такой, как она прибыла из Англии.

Изучив великолепные рисунки, что вы прислали, — верно ли я распознал умелую руку вашей дочери? — я отправился в Вильямсбург, чтобы проконсультироваться с известным стеклодувом, который живет там под именем Блогуэзер (без сомнений, вымышленным). Мистер Блогуэзер заключил, что реторта-пеликан очень проста в изготовлении и вряд ли

станет испытанием для его умений, зато пришел в восторг от сложности аппарата для дистилляции – в частности, от съемной спирали. Он немедленно предположил, что эту незаменимую деталь легко разбить, и изготовил сразу три экземпляра.

Прошу Вас считать их моим подарком. Это самое малое, что я могу сделать в знак благодарности за Вашу бесконечную доброту ко мне, а теперь и к мистеру Хиггинсу.

*Ваш скромнейший и покорнейший слуга,
Джон Грей*

P.S. Я с трудом сдерживаю свое совершенно непристойное чувство любопытства, однако тешу надежду, что в будущем, при случае, вы, возможно, наградите меня объяснением, для чего нужны все эти загадочные предметы.

Они действительно упаковали все с «некоторой» осторожностью. С трудом открытые ящики были наполнены огромным количеством соломы, стеклянные сосуды и запечатанные бутылки сверкали внутри, будто яйца птицы Рух^[50].

– Вы ведь будете осторожны с этим, да, мэм? – обеспокоенно спросил Бобби, когда я подняла из соломы тяжелую пузатую бутылку из темно-коричневого стекла, с пробкой, запечатанной красным сургучом. – Она ужасно ядовитая, эта штука.

– Да, я знаю. – Приподнявшись на цыпочки, я поставила бутылку на самую высокую полку, где ее не смогут достать ни дети, ни коты. – Значит, ты видел эту субстанцию в действии, Бобби?

Он крепко сжал губы и покачал головой.

– Не то чтобы в действии, мэм. Но я видел, что она может делать с людьми. Была одна... девица в Лондоне, которую я узнал немного, пока мы в порту ждали корабль в Америку. Половина ее лица была хорошенькой и нежной, будто цветочный лепесток, а вторая так изуродована шрамами, что на нее едва можно было смотреть. Как будто она обгорела на пожаре, но девчушка сказала, это было купоросное масло. – Он снова посмотрел на бутылку и тяжело сглотнул. – Другая шлюха плеснула это ей в лицо из ревности, так она сказала.

Он снова со вздохом покачал головой и потянулся за метлой, чтобы собрать рассыпанную солому.

– Что ж, не тревожься так, – успокоила я его. – У меня в планах нет

плескать это кому-нибудь в лицо.

– О нет, мэм. Я бы никогда такое не подумал о вас. – Бобби выглядел шокированным моим предположением.

Я пропустила его уверения мимо ушей, погруженная в исследование новых сокровищ.

– О, гляди-ка, – сказала я завороженно. Я держала в руках произведение мистера Блогуэзера – стеклянный шар величиной с мою голову, идеально симметричный, без малейшего намека на пузырьки воздуха внутри. Шар был прозрачного голубоватого оттенка, и я видела в нем собственное искаженное отражение с огромным носом и вытаращенными глазами, как будто на меня оттуда смотрела русалка.

– Ай, мэм, – отозвался Бобби, послушно глядя на реторту. – Она эээ... довольно большая, да?

– Она идеальная, просто идеальная.

Вместо того чтобы просто срезать шар со стеклодувной трубки, мастер сделал горлышко длиной около двух дюймов и диаметром в дюйм с широкими стенками. Края и внутренняя поверхность его были... отшлифованы? Отполированы? Не знаю, что именно делал с ними мистер Блогуэзер, но в результате получилась гладкая матовая поверхность, которая образовывала прекрасный герметичный стык, если вставить в нее другую деталь, обработанную таким же образом.

Мои ладони стали влажными от волнения и страха, что я могу уронить это сокровище. Я обернула реторту передником и огляделась по сторонам, размышляя, куда лучше ее поставить. Я не ожидала, что она окажется такой большой: без надежного помощника вроде Бри или кого-то из мужчин тут не обойтись.

– Ее нужно будет нагревать на слабом огне, – объяснила я, хмурясь при взгляде на небольшую жаровню, которой я пользовалась для приготовления отваров. – Тут важна температура, а угли плохо держат жар. – Я осторожно поставила шар в свой буфет, за рядом бутыльков. – Думаю, можно будет использовать спиртовую лампу, но сосуд гораздо больше, чем я рассчитывала. Нужна будет лампа хорошего размера, чтобы подогреть его...

В этот момент я поняла, что Бобби больше не прислушивается к моему бормотанию, его внимание было захвачено чем-то снаружи. Он хмурился, глядя в открытое окно, и я подошла к нему сзади, чтобы увидеть, что его отвлекло. Было несложно догадаться: Лиззи Уэмисс стояла на траве под каштанами, сбивая масло, и с ней был Манфред Макгилливрей. Я посмотрела на весело переговаривающуюся пару, затем на мрачное лицо

Бобби и кашлянула.

– Бобби, ты не откроешь для меня еще один ящик?

– А? – Внимание парня было по-прежнему поглощено парой снаружи.

– Ящик, – терпеливо повторила я. – Вот этот. – И я толкнула его кончиком ступни.

– Ящик... О! Да, мэм, конечно. – Оторвав взгляд от окна, он с довольно напряженным видом принялся за дело.

Я же тем временем вытаскивала оставшиеся детали из открытого ящика, отряхивала их от соломы и укладывала колбы, реторты и трубки в высокий буфет, не забывая наблюдать за Бобби краем глаза и обдумывая новый поворот сюжета. Я не думала, что его чувства к Лиззи были чем-то большим, чем мимолетное влечение. И, возможно, одернула я себя, так оно и было. Но если... Невольно я снова посмотрела в окно и обнаружила, что пара превратилась в трио.

– Йен! – воскликнула я. Бобби резко поднял голову, ошарашенный моим вскриком, но я уже была у двери, спешно стряхивая солому с фартука по пути. Если Йен вернулся, то Джейми...

Он вошел через парадную дверь как раз когда я выбежала в прихожую и тут же схватил меня за талию, осыпая страстными поцелуями, которые пахли солнцем и пылью, и царапая щетиной, колючей, как наждачная бумага.

– Ты вернулся, – сказала я зачем-то.

– Да, и не один, а с индейцами, – отозвался он, хватая меня за зад обеими руками, и страстно потерся жесткой щетиной о мою щеку. – Господи, ты не представляешь, что бы я отдал за четверть часа с тобой наедине, саксоночка! Мои яйца вот-вот взорву... О, мистер Хиггинс. Я, эм, не знал, что вы здесь.

Он отпустил меня и резко выпрямился, одновременно стягивая с головы шляпу и подчеркнуто небрежно опуская ее себе на бедро.

– Да, сэр, – сказал Бобби довольно мрачно. – Мистер Йен тоже вернулся? – В голосе его при этом не звучало особой радости: если возвращение Йена и отвлекло Лиззи от Манфреда – а оно отвлекло, – это никак не переключало ее внимание на Бобби.

Лиззи тем временем оставила маслбойку на несчастного Манфреда, который вращал ручку с явным отвращением, и, смеясь, побежала в сторону конюшен с Йеном, должно быть, чтобы показать ему теленка, который родился в его отсутствие.

– Индейцы, – сказала я, вспоминая, о чем говорил Джейми. – Какие еще индейцы?

– Полдюжины чероки, – ответил он. – А это что? – Он кивнул на след из соломы, ведущий в мой кабинет.

– Ах, это. Это эфир! – сказала я радостно. – То есть скоро будет эфир. Я так понимаю, индейцев нужно накормить?

– Да, я скажу миссис Баг. Но с ними молодая женщина, которую они подобрали по пути, чтобы ты ее подлатала.

Джейми уже устремился в сторону кухни.

– О? Что с ней?

– зуб болит, – коротко отозвался он и толкнул дверь в кухню. – Миссис Баг! Где вы? Эфир, саксоночка? Ты же не имеешь в виду флогистон, правда?

– Не думаю, – ответила я, пытаюсь припомнить, что вообще такое «флогистон». – Но я говорила тебе про анестезию, помнишь? Это и есть эфир, разновидность анестетика, – он усыпляет людей, и их можно оперировать, не причиняя им боли.

– Полезная штука на случай зубной боли, – заметил Джейми. – Куда делась эта женщина? Миссис Баг!

– Так и будет, но потребуется немного времени, чтобы его приготовить. Сейчас придется обойтись виски. Думаю, миссис Баг в летней кухне – сегодня хлебный день. Кстати, раз уж мы начали говорить об алкоголе...

Он уже открыл заднюю дверь, и я поспешила за ним вслед на крыльцо.

– Мне понадобится много качественного алкоголя для эфира. Можешь принести мне завтра бочонок посвежее?

– Бочонок? Боже, саксоночка, что ты собираешься с ним делать? Принимать ванны?

– Ну, в общем-то, да. Только не я, а купоросное масло. Нужно осторожно влить его в ванну с горячим спиртом, и оно...

– О, мистер Фрэзер! То-то мне казалось, кто-то меня кличет. – Рядом с нами неожиданно возникла улыбающаяся миссис Баг с корзиной яиц в одной руке. – Как я рада снова видеть вас дома целым и невредимым!

– И я рад, миссис Баг, – заверил он ее. – Сможем мы накормить ужином полдюжины гостей?

На мгновение ее глаза расширились от удивления, а затем сразу сузились – она что-то подсчитывала в уме.

– Колбаса, – объявила она. – И репа. Идем-ка, малыш Бобби, пособишь мне.

Отдав мне яйца, она схватила за рукав Бобби, который вышел следом за нами, и потянула его в сторону грядок. Я вдруг почувствовала себя так,

будто оказалась на кружащейся карусели, и ухватила Джейми за руку, чтобы не упасть.

– Ты знал, что Бобби Хиггинс влюблен в Лиззи? – спросила я.

– Нет, но если это так, то не сулит ему ничего хорошего, – индифферентно ответил Джейми.

Решив, что мои манипуляции это приглашение к действию, он забрал корзину с яйцами и поставил ее на землю, затем прижал меня к себе и снова поцеловал – на этот раз не торопясь, но по-прежнему пылко. Джейми оторвался от моих губ со вздохом глубокого удовлетворения и обратил свой взор на летнюю кухню, которую мы возвели в его отсутствие. Это была небольшая прямоугольная постройка со стенами из грубого полотна и крышей из сосновых веток, внутри стоял очаг и дымоход, посередине помещался большой стол. Оттуда доносились соблазнительные ароматы поднимающегося теста, свежее испеченного хлеба, овсяных лепешек и булочек с корицей.

– Так вот, насчет четверти часа, саксоночка... Думаю, если нужно, я могу управиться и быстрее...

– Я не смогу, – твердо сказала я, но позволила себе несколько нежных прикосновений. Лицо у меня горело от его жесткой щетины. – А когда у нас появится время, то, надеюсь, ты расскажешь мне, чем таким занимался, чтобы случилось вот это...

– Смотрел сны, – ответил он.

– Что?

– Мне всю ночь снились ужасно неприличные сны о тебе, – пояснил он, поправляя штаны в районе паха. – Каждый раз, когда я переворачивался, я ложился прямо на свой член и просыпался. Это было ужасно.

Я расхохоталась, и Джейми принял уязвленный вид, хотя было видно, что он и сам сдерживает смех.

– Хорошо тебе смеяться, саксоночка, у тебя такой штуковины в штанах нет.

– Да уж, к счастью, нет, – согласилась я. – А что за... хмм... неприличные сны?

Я увидела лукавую искорку в глубине голубых глаз, когда он посмотрел на меня. Джейми вытянул палец и нежно провел им по моему плечу, затем ниже, по изгибу груди, до того места, где кожа скрывалась под тканью платья, и по тонкой материи, которая накрывала сосок, – последний тут же набух от прикосновения, как гриб-дождевик.

– Из тех, что пробуждают во мне желание взять тебя прямо в лесу –

далеко, чтобы никто не услышал, как я укладываю тебя на землю, задираю твои юбки и вхожу в тебя, как в спелый персик, – мягко сказал он. – А?

Я громко сглотнула. В этот интимный момент с тропинки, что шла к дому с другой стороны, послышались шумные приветствия.

– Долг зовет, – заметила я, немного задыхаясь.

Джейми вдохнул поглубже, распрямил плечи и кивнул.

– Что ж, я до сих пор не умер от неудовлетворенных желаний, надо думать, и сейчас выживу.

– Думаю, выживешь, – согласилась я. – К тому же ты как-то говорил мне, что воздержание делает... мужчину... тверже?

Он скорбно посмотрел на меня.

– Если он станет еще тверже, я упаду в обморок от недостатка крови в мозгу. Не забудь яйца, саксоночка.

* * *

Дело шло к вечеру, но света для работы было, слава богу, еще достаточно. Однако мой кабинет был расположен так, чтобы использовать для операций утренний свет, и к полудню комната погружалась в полумрак, поэтому сейчас пришлось организовать импровизированную операционную прямо во дворе.

В этом были свои плюсы, поскольку всем хотелось наблюдать за происходящим. Индейцы относились к любому медицинскому вмешательству, да и вообще почти ко всему, как к событию общественному. Особенно их занимали операции: они были самыми зрелищными. Все столпились вокруг, комментируя мои приготовления, споря друг с другом и разговаривая с пациенткой, которой я пыталась запретить отвечать.

Ее звали Мышь, и я пришла к выводу, что имя было ей дано из каких-то метафизических соображений: ни ее внешность, ни манера держаться совершенно не напоминали это животное. Она была круглолицей и необычайно курносой для чероки; может, ее нельзя было назвать красавицей, но она обладала силой характера, которая часто гораздо привлекательней обычной физической красоты. Это определенно имело эффект на присутствующих мужчин. Мышь была единственной девушкой в индейской делегации. Кроме нее здесь был ее брат, Красная Глина Уилсон, и четверо его друзей, которые пришли вместе с Уилсонами то ли чтобы защитить их в пути, то ли чтобы – и это более вероятно – побороться за внимание мисс Мышки.

Несмотря на свою шотландскую фамилию, ни один из чероки не знал английского, за исключением нескольких простых слов вроде «да», «нет», «хорошо», «плохо» и «виски». Так как мой словарь языка чероки был примерно таким же, я почти не принимала участия в разговоре. Пока что мы ждали переводчиков и виски.

Нехватка виски была обусловлена непредвиденным происшествием. Неделю назад поселенец по фамилии Вулверхэмптон из какой-то дыры на востоке по случайности ампутировал себе полтора пальца на ноге, когда колот дрова. Найдя положение дел неудовлетворительным, он попытался решить проблему, самостоятельно отрубив оставшуюся фалангу топором. Со всем уважением к этому оружию, топор не самый точный инструмент, зато острый. Мистер Вулверхэмптон, человек крупный и с крутым нравом, жил в одиночестве примерно в семи милях от своего ближайшего соседа. К тому времени, как он до него добрался на своих двоих – а точнее, на одной – и сосед погрузил его на мула, чтобы доставить на Фрэзер Ридж, прошли почти сутки, и пострадавшая нога приняла вид и размеры изувеченного енота.

Необходимость стерильности в операционной и последующие многочисленные обеззараживающие процедуры, а также тот факт, что мистер Вулверхэмптон отказывался расставаться с бутылкой, истощили мои обычные запасы. Так как мне в любом случае нужен был бочонок чистого спирта для изготовления эфира, Джейми и Йен отправились за алкоголем к погребу с виски, который был в доброй миле от дома. Я надеялась, что, когда они вернутся, света будет еще достаточно, чтобы я смогла увидеть, что делаю.

Я перебила мисс Мышку, громко спорившую с джентльменом, который явно ее дразнил, и знаками показала, что ей нужно открыть рот. Она подчинилась, но продолжила диалог, начав довольно красноречиво жестикулировать. Судя по внезапному румянцу и веселью его товарищей, она демонстрировала разнообразные и в основном сугубо физиологические действия, которые, по ее мнению, джентльмен должен предпринять в отношении себя.

Одна сторона ее лица распухла и, очевидно, была очень чувствительна. Однако она не поморщилась и даже не дернулась, когда я повернула ее лицо к свету, чтобы было лучше видно.

- Зуб даю, дело в зубе! – невольно вырвалось у меня.
- Овзубе? – переспросила мисс Мышка, изогнув бровь.
- Плохо, – объяснила я, показывая на ее щеку. – Uyoі.
- Плохо, – согласилась она. За этим последовал длинный монолог,

который я время от времени прерывала, осматривая ее рот. Судя по всему, девушка объясняла, что с ней произошло.

Похоже, тупая травма. Один зуб, нижний клык, выбит полностью, а соседний премоляр так нехорошо сломан, что его придется вырвать. Следующий вроде бы можно сохранить. Изнутри рот исцарапан чем-то острым, но десна не воспалена. Это хорошие новости.

Бобби Хиггинс пришел из конюшни, привлеченный шумом, и тут же был отослан в дом за напильником. Мисс Мышка игриво улыбнулась ему краем рта, когда он вернулся, и Бобби так церемонно поклонился в ответ, что индейцы рассмеялись.

– Это чероки, да, мэм? – Он улыбнулся Красной Глине и сделал какой-то жест рукой, который развеселил гостей, однако они вернули любезность. – Я раньше не встречал чероки. Вокруг имения его Светлости в Вирджинии живут другие племена.

Я была рада узнать, что он не робеет перед индейцами и легок в общении с ними. Хирам Кромби, который как раз возник неподалеку, этими качествами не обладал. Увидев индейскую делегацию, он остановился на краю поляны. Я радостно помахала ему рукой, и он – с очевидным нежеланием – приблизился к нам.

Роджер передал мне меткое описание Дункана, которое тот дал Хираму: «занудный малый с кислой рожей». Оно было очень точным. Хирам был низкого роста, жилистый, с жидкими засаленными волосами, которые он носил заплетенными в такую тугую косичку, что, мне казалось, ему должно быть сложно даже моргать. Его лицо было изрезано глубокими морщинами, какие оставляют тяготы рыбацкой жизни, Хирам выглядел примерно на шестьдесят, но скорее всего был значительно моложе. Уголки губ были всегда опущены, из-за чего лицо принимало такое выражение, как будто он только что съел не просто лимон, а гнилой лимон.

– Я искал мистера Фрэзера, – сказал он, с опаской поглядывая на индейцев. – Я слышал, он вернулся. – На поясе у Хирама висел топорик, и он крепко держал его одной рукой.

– Он вот-вот будет здесь. Вы ведь знакомы с мистером Хиггинсом, не так ли? – Очевидно, он был знаком и, очевидно, неприятно впечатлен этим знакомством. Его глаза остановились на клейме Бобби, и он едва заметно кивнул пареньку. Ничуть не смутившись, я обвела рукой индейцев, которые изучали Хирама с куда большим интересом, чем он их. – Позвольте представить вам мисс Уилсон, ее брата, мистера Уилсона, и... эээ... их друзей.

Хирам напрягся еще сильнее, если такое вообще было возможно.

– Уилсон? – переспросил он довольно грубо.

– Уилсон, – радостно согласилась мисс Мышь.

– Это девичья фамилия моей жены, – сказал Хирам таким тоном, что стало сразу понятно – он считает использование этого имени индейцами в высшей степени возмутительным.

– О, – отозвалась я. – Как интересно. Думаете, они могут быть дальними родственниками вашей супруги?

На это замечание он ошарашенно вытаращил глаза, и я услышала, как Бобби давится смехом.

– Ну, они явно получили это имя от шотландских предков – отца или деда, – уточнила я. – Быть может...

Рот у Хирама то открывался, то закрывался, одна эмоция тут же сменяла другую – от гнева к смятению. Он сжал правую ладонь, выставив наружу лишь мизинец и указательный палец, – рога, защита от дьявола.

– Двоюродный дядя Эфраим, – прошептал он. – Спаси нас Господь. – И без всяких дальнейших объяснений он развернулся и заковылял прочь.

– До свидания, – крикнула мисс Мышка ему вслед, махнув рукой. Он бросил в нашу сторону единственный затравленный взгляд через плечо и припустил так, будто его преследовали демоны.

* * *

Виски наконец было принесено, и после того, как значительная его доля была выпита пациенткой и зрителями, операция началась.

Напильник обычно использовался для лошадиных зубов и потому был немного больше, чем мне нужно, однако работал сносно. Мисс Мышка вначале довольно громко реагировала на мои манипуляции, но с каждой новой дозой виски становилась все тише. К тому времени, как я начала извлекать сломанный зуб, она, как мне показалось, уже ничего не чувствовала.

Бобби тем временем развлекал Джейми и Йена, изображая реакцию Хирама Кромби на предположение о том, что он, возможно, имеет кровных родственников среди Уилсонов. В перерывах между приступами хохота Йен переводил все индейцам, которые катались на траве, захлебываясь от смеха.

– Есть в их семейном древе Эфраим Уилсон? – спросила я, покрепче хватаясь за подбородок Мышки.

– Они, похоже, не очень уверены насчет Эфраима, но был. – Джейми

расплылся в широкой улыбке. – Их дед был шотландским путешественником. Оставался с чероки достаточно долго, чтобы соблазнить их бабу, а потом упал со скалы и погиб под оползнем. Она, конечно, вышла замуж снова, но имя ей понравилось.

– Интересно, почему двоюродный дед Эфраим покинул Шотландию? – Йен сел, вытирая слезы от смеха.

– Количество людей вроде Хирама, полагаю, – ответила я, прищуриваясь, чтобы разглядеть, что я делаю. – Думаете...

Я внезапно осознала, что все прекратили разговаривать и смеяться, их внимание привлекло что-то на другом конце поляны. Этим чем-то оказалось прибытие еще одного индейца, который нес что-то в узле за плечом.

* * *

Индейца звали Секвойя, он был немного старше молодых Уилсонов и их друзей. Он коротко кивнул Джейми и, сказав что-то на языке чероки, снял узел с плеча и положил его на землю перед моим мужем. Лицо Джейми изменилось: следы недавнего веселья испарились, сменившись настороженным любопытством. Он опустил на колени и, осторожно откинув ветхую ткань, обнажил горстку обветренных костей: череп в центре глядел своими пустыми глазницами прямо на нас.

– Это еще кто, черт возьми? – Я прекратила работу и вместе со всеми остальными, включая мисс Мышь, разглядывала посылку.

– Он говорит, это старик, владелец фермы, о котором нам рассказывал Макдональд, – тот, что сгорел за линией соглашения. – Джейми протянул руку и взял череп, бережно крутя его, чтобы рассмотреть.

Он услышал, как я судорожно вздохнула, и бросил на меня взгляд, затем повернул череп так, чтобы я тоже смогла увидеть. Большая часть зубов отсутствовала, и отсутствовала давно – лунки на челюсти успели зарости. Два оставшихся коренных зуба были испещрены пятнами и трещинами – ни блеска серебряных пломб, ни пустот, в которых они могли быть. Я медленно выдохнула, ощущая не то облегчение, не то разочарование.

– Что с ним случилось? И почему он здесь?

Джейми снова опустил на колени и положил череп назад на материю, затем перевернул несколько костей, изучая их. Он посмотрел вверх и, чуть кивнув головой, пригласил меня присоединиться к нему.

Кости не были обугленными, но некоторые из них явно глодали дикие животные. Одна или две трубчатые кости были расколоты – без сомнений, чтобы добраться до костного мозга, – некоторых мелких костей рук и ног не доставало. Все они имели серый и хрупкий вид останков, которые долгое время лежали под открытым небом.

Йен перевел мой вопрос Секвойе, который сел рядом с Джейми и принялся что-то объяснять, то и дело тыча то в одну, то в другую кость.

– Он говорит, – начал переводить Йен, хмурясь, – что давно знал этого человека. Они были не совсем друзьями, но когда он оказывался возле хижины, то заглаживал к нему и они разделяли трапезу. Так что он приносил ему разное, когда заходил в гости, – кролика на рагу, щепотку соли.

А однажды, несколько месяцев назад, Секвойя нашел тело старика в лесу, под деревом, недалеко от хижины.

– Он говорит, его никто не убивал, – сказал Йен, сосредоточенно сдвинув брови и прислушиваясь к стремительному потоку слов. – Он просто... умер. Секвойя думает, что мужчина охотился перед смертью – у него на поясе был нож, а рядом лежало ружье, – а затем дух покинул его и он упал на землю. – Он пожал плечами, повторяя движение молодого индейца.

Не видя причин делать что-либо с телом, Секвойя просто оставил его там вместе с ножом на случай, если духу он понадобится в ином мире, – он не знал, куда уходят духи белых людей и охотятся ли они там. Он ткнул пальцем в нож – это был старый нож, лезвие, лежащее под костями, было сильно изъедено ржавчиной.

Он забрал ружье: оно было слишком ценным, чтобы его оставить, и по пути заглянул в хижину. У старика было мало имущества, а то, что было, почти ничего не стоило. Секвойя взял железный котел, чайник и горшок кукурузной муки и отнес все это к себе в деревню.

– Он не из Анидонау-Нуйя? – спросил Джейми и тут же повторил свой вопрос на чероки. Секвойя замотал головой, мелкие украшения, вплетенные в его волосы, тихонько зазвякали.

Он был из деревни на несколько миль западнее Анидонау-Нуйя – Стоящий Камень. Птица Которая Поет отправил гонцов в соседние поселки сразу после визита Джейми, чтобы разузнать, известно ли кому что-нибудь о судьбе старика. Услышав историю Секвойи, Птица отослал его забрать останки мужчины и принести их Джейми в доказательство того, что его никто не убивал.

Йен задал индейцу вопрос, в котором я уловила слово «пожар» на чероки. Секвойя снова покачал головой и что-то быстро затараторил. Он не

поджигал хижину – зачем ему это? Он думает, никто этого не делал. После того как он собрал кости – он сморщился, выражая свое отношение к этой неприятной процедуре, – Секвойя пошел снова взглянуть на хижину. Действительно – она горела некоторое время назад, однако ему было очевидно, что в дерево поблизости ударила молния, от которой начался пожар, уничтоживший довольно большой участок леса. Хижина сгорела лишь наполовину.

Он поднялся на ноги с чувством выполненного долга.

– Он останется на ужин? – спросила я, видя, что он готов уйти.

Джейми перевел приглашение, но Секвойя покачал головой. Он сделал, что должен был, а теперь у него есть другие дела. Он кивнул остальным индейцам и повернулся, чтобы идти. Однако внезапно о чем-то вспомнил, остановился и обернулся.

– Чисква говорит, – начал он несмело, как говорят люди, заучившие речь на незнакомом языке, – пом-ни про ружь-я. – Затем он решительно кивнул и ушел.

* * *

Могилу мы отметили небольшим каирном из камней и маленьким крестом, сделанным из шишек. Секвойя не знал имени своего знакомого, мы не знали его возраста, дат рождения и смерти. Мы даже не знали, был ли он христианином, но крест показался хорошей идеей.

Это была очень скромная траурная церемония, на ней присутствовали я, Джейми, Бри и Роджер, Лиззи с отцом, супруги Баг и Бобби Хиггинс, который – я в этом нисколько не сомневалась – присутствовал лишь потому, что присутствовала Лиззи. Мистер Уэмисс, судя по подозрительным взглядам, что он кидал в сторону Бобби, тоже не был свободен от таких подозрений.

Роджер прочитал короткий псалом над могилой, затем остановился. Он прочистил горло и просто сказал:

– Господи, вверяем Твоим заботам душу брата нашего...

– Эфраима, – пробормотала Брианна, потупив взор.

Присутствующие слегка заулыбались, хотя никто и не засмеялся. Роджер бросил неодобрительный взгляд на жену, но я увидела, как дернулся уголок его рта.

– ...брата нашего, чье имя Тебе известно, – заключил Роджер с достоинством и закрыл Псалтырь, позаимствованную у Хирама Кромби,

который отклонил приглашение явиться на похороны.

К тому времени, как Секвойя закончил свои разъяснения прошлым вечером, свет уже погас, и мне пришлось отложить стоматологические процедуры мисс Мышки до утра. Пьяная в стельку, она не возражала и благодарно приняла помощь Бобби Хиггинса, чтобы добраться до своего ложа на полу в кухне. Последний мог быть или не быть влюбленным в Лиззи, однако с лихвой отдал должное чарам мисс Мышки.

Закончив с зубными делами, я предложила ей и ее друзьям остаться ненадолго, но они, как и Секвойя, сказали, что у них есть дела, и после многочисленных благодарностей и обмена подарками ушли примерно в полдень, благоухая виски и оставив нас разбираться с бренными останками покойного Эфраима.

После службы все вернулись назад в деревню вниз по холму, но Джейми и я чуть отстали, пользуясь возможностью провести немного времени наедине. Предыдущей ночью дом был полон индейцев, допоздна они рассказывали истории, сидя у огня. К тому времени, когда мы наконец добрались до постели, мы просто свернулись друг у друга в объятиях и уснули, едва обменявшись вежливыми пожеланиями доброй ночи.

Кладбище было расположено на небольшом пригорке, чуть поодаль от дома, в красивом умиротворяющем месте. Оно было окружено соснами, чья пожелтевшая хвоя укрывала землю и чьи шелестящие ветви создавали иллюзию непрерывного мягкого шепота, – здесь было почти уютно.

– Бедняга, – сказала я, укладывая последний камешек на каирне Эфраима. – Что думаешь, как это он умудрился оказаться в таком месте?

– Бог знает. – Джейми покачал головой. – Всегда есть отшельники – люди, которые не рады компании себе подобных. Может, он был из таких. Или, может, какая-то беда занесла его в эту глушь, и он... остался. – Муж пожал плечами и криво улыбнулся мне. – Я иногда размышляю, как все мы оказались там, где мы есть, саксоночка. А ты?

– Раньше размышляла, – ответила я. – Но со временем мне стало казаться, что ответа на этот вопрос не существует, и я перестала думать.

Он удивленно посмотрел на меня сверху вниз.

– Значит, размышляла? – Он поднял руку и заправил назад прядь выбившихся волос. – Наверное, не стоит спрашивать такое, но я все же спрошу. Ты не возражаешь, саксоночка? Не возражаешь, что ты здесь? Тебе никогда не хотелось вернуться?

Я потрясла головой.

– Нет, никогда.

И это была правда. Но иногда я просыпалась посреди ночи со

странной мыслью, что все это может быть сном. Может, я снова проснусь от знакомого душного запаха нагретых батарей и одеколона Фрэнка? И когда я снова засыпала, чувствуя запах дыма и вдыхая мускус от кожи Джейми, я ощущала смутное, неожиданное сожаление. Если он и прочел эту мысль на моем лице, то виду не подал, но наклонился и поцеловал меня нежно в лоб. Потом он взял мою руку, и мы пошли в лес, прочь от дома и от поляны перед ним.

– Иногда я чувствую запах сосен, – сказал он, глубоко вдыхая густой лесной воздух, – и на мгновение мне чудится, что я в Шотландии. Но потом я прихожу в себя и вижу: здесь нет ни мягкого папоротника, ни высоких скалистых гор, ни той природы, которую я знал... только незнакомая природа.

Мне показалось, что я услышала ностальгию в его голосе, но не печаль. Он, однако, задал вопрос, спрошу и я.

– А ты хочешь вернуться назад?

– О да, – ответил он, удивив меня, и рассмеялся, увидев выражение моего лица. – Но не настолько сильно, чтобы не желать быть сейчас здесь, саксоночка.

Он обернулся через плечо на крохотное кладбище с редкими каирнами и крестами и парой крупных камней, отмечавших отдельные могилы.

– Знаешь ли ты, саксоночка, что иные люди верят в то, что последний, кто похоронен на кладбище, становится его стражем? Он должен нести свою службу до тех пор, пока не умрет следующий человек и не займет его место – только тогда он может упокоиться.

– Думаю, наш загадочный Эфраим может быть удивлен, когда обнаружит себя в таком положении, ведь там, под деревом, он лежал совсем один, – сказала я, грустно улыбаясь. – Но интересно, что и от кого охраняет страж на кладбище?

Джейми засмеялся на это.

– Ну... Может, от вандалов, от осквернителей. Или от чародеев.

– От чародеев? – Это меня удивило, я считала, что слово «чародей» значит то же, что и «лекарь».

– Есть такие чары, для которых нужны кости, саксоночка, – сказал он. – Или прах от сожженного тела. Или земля из могилы. – Он говорил очень спокойно, но не шутил. – Ай, даже мертвым нужна защита.

– И кто же справится с этим лучше, чем местный призрак? – сказала я. – Ну конечно.

Мы карабкались вверх сквозь заросли трепещущих осин, обнимающих нас своей зеленью и серебром. Я остановилась на мгновение, чтобы

сковырнуть капельку алой живицы с белоснежного ствола. Как странно, думала я, что ее вид так меня встревожил, а затем вспомнила и резко развернулась, чтобы снова посмотреть на кладбище.

Не воспоминание, нет, скорее сон или видение. Мужчина, избитый и сломленный, поднимается на ноги в зарослях осины, поднимается, зная, что это его последний раз, последний поединок. Он сжимает разбитые зубы, окрашенные кровью цвета алой осиновой живицы. Его лицо мертвенно-черно, и я знаю, что в зубах у него серебряные пломбы.

Но гранитный валун стоял тихо и безмятежно на пригорке, весь усыпанный желтыми сосновыми иголками, отмечая место, где упокоился человек, который когда-то называл себя Зубом Выдры.

Видение растаяло так же быстро, как явилось. Мы выбрались из осин на другую поляну, чуть выше той, на которой стояло кладбище. Я была удивлена, что кто-то здесь рубил деревья и расчищал место. В стороне высилась пирамида из поваленных стволов, а рядом были свалены кучей выкорчеванные пни, хотя большая их часть все еще сидела в земле, выглядывая из густой поросли кислицы и горчака.

– Смотри, саксоночка, – Джейми повернул меня в другую сторону, взяв за локоть.

– О! Боже мой.

Пригорок был достаточно высок, чтобы нам открылся потрясающий вид. Деревья уходили далеко вниз под ногами, и мы могли заглянуть за нашу гору, и за следующую, и за ту, что за ней – в синюю даль, затуманенную дыханием гор, облаками, поднимавшимися из лощин.

– Тебе нравится? – В его голосе явственно звучала гордость.

– Конечно, мне нравится. Что... это? – спросила я, указывая на стволы и пни.

– Следующий дом будет здесь, саксоночка, – просто ответил он.

– Следующий дом? Мы что, строим новый?

– Ну, я не знаю, будет ли он нашим или отойдет нашим детям – а может, внукам, – добавил он, улыбаясь краешком рта. – Я решил, если что случится – я вообще-то не думаю, что случится, имей в виду, но если вдруг, – то мне будет радостно, что я положил начало. На всякий случай.

Несколько мгновений я просто смотрела на него, пытаюсь понять, что он хочет этим сказать.

– Если что случится... – повторила я медленно и посмотрела на восток, где очертания нашего дома виднелись сквозь деревья. Из трубы вырывался белый дымок и рассеивался в мягкой зелени каштанов и елей. – Если он действительно... сгорит, ты имеешь в виду. – Желудок сжался в

комков просто от того, что я облекла эту мысль в слова.

Я снова посмотрела на него и поняла, что упоминание о пожаре напугало и его тоже. Однако он вел себя как типичный Джейми: просто делал что мог, несмотря на приближение катастрофы.

– Тебе нравится? – повторил он, пристально глядя на меня. – Я имею в виду место. Я могу выбрать другое.

– Здесь очень красиво, – сказала я, чувствуя, как слезы щиплют глаза. – Просто волшебно, Джейми.

* * *

Разгоряченные после подъема, мы присели в тени огромной тсуги и наслаждались будущим видом из наших окон. Наконец нарушив молчание в отношении нашего ужасного будущего, мы нашли в себе силы его обсудить.

– Дело даже не в том, что мы можем умереть, – сказала я. – Или не только в этом. Дело во фразе: «Не оставили после себя детей». Вот что меня по-настоящему пугает.

– Что ж, я понимаю тебя, саксоночка. Хотя идея о том, чтобы умереть, мне не очень нравится, и я намерен этого избежать, – заверил он меня. – Но подумай. Это не обязательно значит, что они погибли. Они могли просто... уйти.

Я глубоко вдохнула, стараясь принять это предположение без паники.

– Вернуться. Ты имеешь в виду вернуться назад. Роджер и Бри. И Джемми, надо думать. Мы предполагаем, что он может... может путешествовать сквозь камни.

Джейми коротко кивнул, его руки были обвиты вокруг коленей.

– После того, что он сделал с опалом? Да, надо думать, что он может.

Я кивнула, вспоминая историю с опалом: Джемми держал его в руках, жалуясь, что камень становится все горячее у него в руках, пока тот не взорвался, разлетевшись на сотни крошечных острых осколков. Да, пожалуй, мы должны предполагать, что он тоже может путешествовать во времени. Но что, если у Брианны будет еще ребенок? Мне было совершенно ясно, что они с Роджером хотят еще одного – по крайней мере, Роджер хочет, а она не против.

Мысль о том, что я могу потерять их, была мучительной, но такую вероятность нужно было рассмотреть.

– Похоже, это ставит нас перед выбором, – сказала, пытаясь сохранять

самообладание и объективность. – Если мы умрем, они уйдут, потому что без нас у них нет причин здесь оставаться. Но если мы не умрем, уйдут ли они? Я хочу сказать, не лучше ли будет отослать их домой? Из-за войны тут будет небезопасно.

– Не будет, – согласился он тихо. Он сидел, склонив голову, и пряди непослушных рыжих волос торчали у него на макушке. Эти вихры достались по наследству и Бри, и Джейми.

– Я не знаю, – сказал он наконец и поднял голову, глядя в голубую даль между небом и землей. – Никто не знает, саксоночка. Будет день, будет пища.

Он повернулся и накрыл мою ладонь своей с улыбкой, в которой было поровну боли и радости.

– Между нами так много призраков, саксоночка. Если невзгоды прошлого не могут причинить нам зла, то и страхи перед будущим не должны. Мы просто должны оставить все это позади и двигаться дальше. Да?

Я положила руку ему на грудь – очень легко, это было не приглашение, мне просто хотелось ощутить его присутствие. Кожа Джейми была прохладной от пота, но он помогал копать могилу – жар от работы горел в мышце внутри.

– Ты был одним из моих призраков, – сказала я. – Так долго. И я так долго пыталась оставить тебя позади.

– Значит, пыталась? – Его рука легла мне на спину, бессознательно двигаясь вверх и вниз. Я знала это прикосновение – острое желание дотронуться, просто чтобы убедиться, что второй был здесь, во плоти.

– Когда я оглядывалась назад, мне казалось, я всего этого не переживу. Это было непереносимо... – Воспоминания встали комом в горле.

– Я знаю, – мягко отозвался Джейми, касаясь моих волос. – Но у тебя был ребенок... и муж. Было бы неправильно отвернуться от них.

– Было неправильно отвернуться от тебя. – Я моргнула, но слезы уже бежали из глаз. Он притянул к себе мою голову и принялся нежно облизывать мое лицо, это настолько застало меня врасплох, что я рассмеялась на середине очередного всхлипа и чуть не подавилась.

– Я люблю тебя, как мясо любит соль^[51], – процитировал он и тихо засмеялся. – Не плачь, саксоночка. Мы здесь вместе сейчас: ты и я. Все остальное пустяки.

Я прижалась лбом к его щеке и обхватила Джейми руками. Мои ладони легли ему на спину, и я провела ими от лопаток до талии, легонько-легонько, останавливаясь на каждой выпуклости, каждом изгибе и не

замечая шрамов, изрезавших кожу.

Он прижал меня к себе и глубоко вздохнул.

– Ты знаешь, что на этот раз мы женаты почти вдвое больше, чем в прошлый?

Я отклонилась назад и, чуть нахмурившись, посмотрела на него с сомнением, как бы соглашаясь сменить тему.

– А разве мы не были женаты в промежутке?

Вопрос застал Джейми врасплох: он тоже нахмурился и задумчиво провел пальцем по обгоревшему носу.

– Что ж, это, пожалуй, вопрос для священника, – сказал он. – Надо думать, мы были, но в этом случае получается, что мы оба прелюбодеи.

– Были прелюбодеями, – поправила его я, ощущая легкий дискомфорт. – Но на самом деле не были. Отец Ансельм так сказал.

– Ансельм?

– Отец Ансельм, францисканский монах в аббатстве Святой Анны. Но ты, наверное, его не помнишь, ты был очень болен тогда.

– О. Я припоминаю его, – ответил он. – Он приходил и сидел со мной, когда я не мог уснуть. – Джейми криво улыбнулся: это не то время, которое ему хотелось бы вспоминать. – Ты ему очень нравилась, саксоночка.

– Да? А как насчет тебя? – спросила я, пытаюсь отвлечь его от воспоминаний об аббатстве. – Тебе я не нравилась?

– О, ты мне очень нравилась, – заверил он. – Хотя сейчас ты нравишься мне даже больше.

– Вот как? – Я горделиво приосанилась. – Что же изменилось?

Он склонил голову набок и сощурил глаза, как бы оценивая меня.

– Ну, ты меньше пукаешь во сне, – начал он рассудительным тоном и с хохотом увернулся от шишки, просвистевшей мимо его левого уха. Я нашарила кусок деревяшки, но прежде чем успела огреть его по голове, он нагнулся и схватил меня за руки. Бросив меня на траву, он взгромоздился сверху и без особых усилий совершенно меня обездвижил.

– Слезь с меня, дурак! Ничего я не пукаю во сне!

– Откуда ты знаешь, саксоночка? Ты так крепко спишь, что не проснешься даже от собственного храпа.

– Ах, ты хочешь поговорить о храпе? Ты...

– Ты гордая, как Люцифер, – сказал Джейми, перебивая меня. Он по-прежнему улыбался, но голос его звучал серьезнее. – И ты смелая. Ты всегда была безрассудно храброй, а теперь еще и дерешься, как маленький разъяренный барсук.

– Значит, я высокомерная и разъяренная. Не очень похоже на список

женских добродетелей, – сказала я, пыхтя и извиваясь под ним, как уж.

– Ну, еще ты добрая, – добавил он, подумав. – Очень добрая. Хотя доброта твоя очень своеобразна. Не подумай, что я вижу в этом что-то плохое, – пояснил Джейми, ловко перехватывая руку, которую мне удалось освободить, и фиксируя ее у меня над головой.

– Женские, – пробормотал он, сосредоточенно сдвинув брови. – Женские добродетели... – Его свободная рука проползла между нами, и пальцы сомкнулись на моей груди.

– Кроме этого!

– Ты очень чистая, – с одобрением заметил он, потом отпустил мое запястье и запустил пальцы мне в волосы. Они действительно были чистыми и пахли подсолнухом и календулой. – Я никогда не встречал женщину, которая бы так часто мылась, за исключением, пожалуй, Брианны. Повар из тебя не очень, – продолжал он задумчиво. – Хотя ты пока что никого не отравила – разве что нарочно. Могу сказать, что штопаешь ты неплохо, хотя и предпочитаешь зашивать живых людей, а не ткань.

– Вот спасибо.

– Какие еще есть добродетели? – спросил он. – Может, я что-то упустил?

– Хм! Кротость, терпение... – Я продолжалась барахтаться под ним.

– Кротость? Боже. – Он решительно покачал головой. – Ты самая жестокая, кровожадная...

Я рванулась вверх, и мне почти удалось укусить его за шею. Он дернулся назад и рассмеялся.

– Нет, терпеливой тебя тоже не назовешь.

Я бросила сопротивляться и обессиленно лежала на спине с рассыпавшимися по траве растрепанными волосами.

– И какая же моя самая привлекательная черта в таком случае?

– Ты считаешь меня забавным, – ответил он, улыбаясь.

– Я... так... не... считаю, – пропыхтела я, снова начав борьбу. Джейми невозмутимо лежал на мне, не обращая внимания на тычки и удары, пока я не выбилась из сил и не затихла под ним, хватая ртом воздух.

– А еще, – добавил он, – тебе очень нравится спать со мной. Разве нет?

– Эмм... – Я хотела поспорить с ним, но честность не позволила. К тому же он и так знал, что это правда.

– Ты меня раздавишь, – сказала я, стараясь сохранять достоинство. – Слезь, будь добр.

– Разве нет? – повторил он, не двигаясь с места.

– Да! Да, черт возьми! Теперь слезешь?

Вместо этого он наклонил голову и поцеловал меня. Я сжала губы, полная решимости не поддаваться, но он тоже был решителен, и коли уж взялся за дело... Кожа на его лице была теплой, отросшая борода слегка царапалась, а широкий мягкий рот... Мои ноги сами собой раскинулись ему навстречу, я почувствовала между ними его твердую плоть, голая грудь пахла мускусом и потом, а во вьющихся рыжих волосах запутались стружки. Я все еще горела от борьбы, но трава вокруг нас была влажной и прохладной. Он был прав: еще минута, и он мог бы взять меня прямо здесь, если бы захотел.

Джейми почувствовал, что я сдалась, вздохнул и расслабился. Он больше не держал меня в плену – просто держал. Приподняв голову, он накрыл ладонью мою щеку.

– Правда хочешь знать, что это? – спросил он, и по взгляду его голубых глаз я поняла, что он не шутит. Я молча кивнула.

– Среди всех существ на земле ты самая верная, – прошептал он.

Я хотела сказать что-нибудь о сенбернарах, но на лице у него была написана такая нежность, что я промолчала и просто смотрела на него, моргая и жмурясь от света, льющегося сквозь зелень сосновых иголок у нас над головой.

– Что ж, – промолвила я наконец, – как и ты. Не самое плохое качество, правда?

Глава 21

Да будет свет!

Миссис Баг приготовила фрикасе из курицы на ужин, но это явно была слишком скромная трапеза для той атмосферы сдерживаемой радости, которую принесли с собой Бри и Роджер. Они оба улыбались, на ее щеках играл румянец, а глаза Роджера весело блестели.

Так что когда Роджер объявил, что у них есть отличные новости, было вполне естественно, что миссис Баг тут же все додумала и сказала за него.

– Ты ждешь ребенка! – выкрикнула она, роняя ложку от волнения. Женщина хлопнула в ладоши и будто увеличилась от восторга, как воздушный шар. – Ох, какая радость! Давно пора, – добавила она, расцепляя руки, чтобы ткнуть в Роджера пальцем. – Я уже подумывала добавить тебе в кашу имбиря и серы, молодой человек, чтобы привести кое-что в порядок! Но, вижу, ты справился и без меня. Ну а ты что

думаешь, дружок? Будет у тебя маленький братишка!

Джемми смотрел на нее с открытым ртом.

– Эм... – промычал Роджер, краснея.

– Или это будет маленькая сестричка, – поправились миссис Баг. – Но в любом случае замечательные новости! Вот, мое сокровище, возьми-ка конфетку, а мы все выпьем за это!

Совершенно сбитый с толку, но влекомый конфеткой, Джем схватил протянутый ему леденец и тут же засунул его в рот.

– Но он не... – начала Бри.

– Шпашибо, мишиш Баг, – торопливо выпалил Джем, прикрывая рот рукой на случай, если мама попытается забрать запретное дообеденное лакомство, мотивируя это тем, что он был невежлив.

– Ой, одна конфетка ему никак не навредит, – заверила ее миссис Баг, подбирая оброненную ложку и вытирая ее о передник. – Позови-ка Арча, дорогая, и мы расскажем ему о вашем пополнении. Благослови тебя святая Бригитта, милая, я уж думала, ты никогда не дойдешь до дела! Женщины болтали, что ты, мол, или стала холодна со своим мужем, или ему недостает, так сказать, искры... Но раз уж...

– Да, раз уж... – начал Роджер, повышая голос, чтобы его было слышно.

– Я не беременна, – вдруг выкрикнула Бри.

Воцарилась неловкая тишина.

– О, – спокойно сказал Джейми. Он взял салфетку и сел за стол, заткнув ее за ворот рубахи. – Ну что ж. Тогда давайте примемся за еду? – Он протянул руку Джему, который тут же вскарабкался на скамью рядом с ним, все еще торопливо рассасывая леденец.

Миссис Баг на мгновение окаменела, а затем ожила с многозначительным «Хммф!». Уязвленная, она развернулась к буфету и с грохотом бросила стопку оловянных тарелок на стол.

Роджер, по-прежнему пунцовый, судя по сдерживаемой улыбке, находил ситуацию забавной. Зато Брианна была взбешена и дышала, как разъяренный дракон.

– Присядь, милая, – осторожно предложила я, обращаясь к ней так, будто на ее месте была бомба с часовым механизмом. – Ты... эээ... говорила, что у вас есть какие-то новости?

– Да неважно! – Она все еще стояла, мечая глазами молнии. – Никого не интересует ничего, кроме моей беременности. В конце концов, разве могу я сделать что-то важное и полезное, кроме как забеременеть? – Она нервно провела по волосам и, наткнувшись на ленту, которая стягивала их на

затылке, сдернула ее и швырнула на пол.

– Милая... – начал было Роджер. Я знала, что это была ошибка: Фрэзеры в гневе абсолютно безразличны к сладким речам, зато готовы вцепиться в глотку любому, кто имеет неосторожность вступить с ними в диалог.

– Не надо мне милкать, – зашипела она, поворачиваясь к нему. – Ты тоже так считаешь! Думаешь, что все, что я делаю – если только не стираю, готовлю или штопаю твои чертовы носки, – это пустая трата времени! И ты тоже винишь меня за то, что я не беременна, считаешь, что это моя вина! Но это не так, и ты это знаешь!

– Нет! Я так не думаю, совсем нет. Брианна, пожалуйста... – Он протянул к ней ладонь, но быстро передумал и убрал ее, явно опасаясь, что жена может отхватить руку по самое запястье.

– Давай есть, мамочка! – пропищал Джемми, пытаясь утихомирить свою родительницу. Длинная нитка бурой от патоки слюны вытекла из уголка его рта и опустилась прямо на рубашку. Увидев это, его мать повернулась к миссис Баг, как разъяренная тигрица.

– Посмотрите, что вы наделали! Вы, назойливая старая сплетница! Это была его последняя чистая рубашка! Да как вы смеете обсуждать нашу личную жизнь со всеми подряд? Какое ваше собачье дело? Вы, чертова старая...

Осознав тщетность своих попыток, Роджер обхватил жену сзади, приподнял и поволок к задней двери. Их уход сопровождался бессвязными ругательствами Бри и болезненными охами Роджера, которого она не останавливаясь лягала по голеним с удивительной силой и точностью.

Я подошла к двери и деликатно прикрыла ее, заглушив звуки продолжающейся во дворе перебранки.

– Этим она пошла в тебя, знаешь ли, – укоризненно сказала я, усаживаясь напротив Джейми. – Миссис Баг, как вкусно пахнет. Давайте уже примемся за еду!

Не проронив ни звука, миссис Баг разложила фрикасе по тарелкам, но отказалась присоединиться к ужину. Вместо этого она накинула плащ и ушла через парадную дверь, оставив нас самостоятельно разбираться с ситуацией. Прекрасный выбор, скажу я вам.

Мы ели в блаженной тишине, нарушаемой только звоном ложек о тарелки да редкими вопросами Джемми о том, почему леденцы липкие, как молоко попадает в корову и когда у него появится маленький братик.

– Что я скажу миссис Баг? – спросила я в коротком перерыве между расспросами внука.

– А почему ты должна ей что-то говорить, саксоночка? Это не ты ее обзывала.

– Ну, нет. Но я готова биться об заклад, Брианна не намерена извиняться...

– А зачем ей извиняться? – он пожал плечами. – В конце концов, ее спровоцировали. И я не думаю, что миссис Баг за всю ее долгую жизнь никто не называл назойливой старой сплетницей. Она облегчит душу, выложив все это Арчу, и завтра все будет в порядке.

– Что ж, может, и так, – отозвалась я неуверенно. – Но Бри и Роджер...

Он широко улыбнулся мне, и его голубые глаза превратились в маленькие треугольнички.

– Не надо думать, что разрешение всех чужих неурядиц твоя забота, то chridhe^[52], – сказал он, затем потянулся через стол и потрепал мою руку. – Роджер Мак и девчушка должны сами с этим разобраться – к тому же у парня, кажется, хорошая хватка, и он держит ситуацию под контролем.

Он засмеялся, и я неохотно к нему присоединилась.

– Но это станет моей заботой, если она сломает ему ногу, – заметила я, вставая, чтобы принести сливки для кофе. – Скорее всего обратно он уже приползет, чтобы я разобралась с его многострадальной конечностью.

В этот самый момент кто-то постучал в заднюю дверь. Недоумевая, с чего бы Роджеру стучать, я открыла и в изумлении уставилась на бледное лицо Томаса Кристи.

* * *

Он был не только бледен, но и весь в поту, с рукой, обмотанной окровавленной тряпкой.

– Я не стану отвлекать вас, мистрис, – сказал он, стараясь держаться прямо. – Я просто... подожду, пока вы будете готовы меня принять.

– Глупости, – бросила я коротко. – Проходите в мой кабинет, пока еще есть немного света.

Я старалась не смотреть на Джейми прямо, но бросила на него короткий взгляд, когда задвигала лавку. Он как раз наклонился вперед, чтобы накрыть мой кофе блюдцем; глаза его не отрывались от Томаса Кристи, и в них светилось выражение несколько рассеянной задумчивости. В последний раз я видела такое выражение у рыси, которая наблюдала за летящими над ней утками, – никакой спешки или суеты, но внимательность.

Кристи же не обращал внимания ни на что, кроме своей раненой руки, что, в общем, было неудивительно. Окна медицинского кабинета выходили на восток и юг, чтобы по максимуму использовать утренний свет, однако даже сейчас комната была полна мягкого сияния: заходящее солнце отражалось от каштановых листьев в роще. Все было залито мягким золотом, кроме лица Томаса, которое было совершенно зеленым.

– Присядьте, – сказала я, торопливо пододвигая табуретку. Его колени подогнулись, пока он опускался, и он приземлился гораздо жестче, чем ожидал: руку трянуло, и мужчина вскрикнул от боли.

Я прижала большой палец к вене на его запястье, чтобы приостановить кровотечение и размотать повязку. Учитывая его состояние, я ожидала увидеть, как минимум, отсеченный палец или два, поэтому была очень удивлена, когда обнаружила обычную рваную рану у основания большого пальца, уходящую вниз, к запястью. Она была довольно глубокая и по-прежнему сильно кровоточила, но крупные сосуды были не задеты, по счастливой случайности, он повредил только сухожилие. Нужно было всего лишь наложить пару швов.

Я подняла к нему лицо, чтобы сказать об этом, и увидела, как его глаза закатываются назад.

– Помогите! – закричала я и, бросив его руку, попыталась ухватить мистера Кристи за плечи, чтобы не дать ему упасть.

Грохот от перевернутой скамьи и топот бегущих ног были ответом на мой зов, через секунду Джейми ворвался в комнату. Увидев, что я едва не падаю, удерживая на себе немалый вес учителя, он сгреб его за шиворот и наклонил вперед, как тряпичную куклу, опустив голову Кристи к коленям.

– Он совсем плох? – спросил Джейми, покосившись на руку Кристи, которая лежала на полу, продолжая кровоточить. – Положить его на стол?

– Думаю, не стоит. – Я нащупала вену на шее мужчины, чтобы проверить пульс. – Серьезной травмы нет, это просто обморок. Ну вот, видишь, он приходит в себя. Подержите пока голову вниз, сейчас вам станет легче. – Последняя фраза была обращена к Кристи, который пыхтел как паровоз, но уже немного успокоился.

Джейми убрал руку с шеи Кристи и вытер о свой килт с легким отвращением. Бедолага весь покрылся холодным потом; моя собственная рука была скользкой от влаги, но я подняла упавшую повязку и тактично вытерла руки об нее.

– Хотите прилечь? – спросила я, заглядывая ему в лицо. Он был все еще зеленоват, но покачал головой.

– Нет, мистрис. Я в порядке. Просто голова немного закружилась. – Он

говорил хрипло, но довольно уверенно, и я пока что ограничилась тем, что прижала ткань к ране поплотнее, чтобы остановить капающую кровь.

Джем маячил в двери с вытаращенными глазами, но никаких особых эмоций не проявлял: кровь была малышу не в новинку.

– Налить тебе капельку виски, Том? – спросил Джейми, с опаской глядя на моего пациента. – Знаю, ты не одобряешь крепких напитков, но сейчас самое время отдать им должное.

Рот Кристи едва заметно приоткрылся, но он покачал головой.

– Я... нет. Но может... немного вина?

– Употребляй немного вина, ради желудка твоего^[53], да? Хорошо. Держись, парень, сейчас принесу. – Джейми ободряюще хлопнул его по плечу и стремительно вышел, уводя Джема за руку вместе с собой.

Кристи скорчил губы в гримасе. Я замечала и раньше, что Кристи, подобно многим протестантам, рассматривал Библию как документ, написанный лично для него и вверенный ему, чтобы он нес истину в массы. Поэтому ему очень не нравилось, когда католики – в частности Джейми – походя цитировали Писание. Я также замечала, что муж, зная об этой его неприязни, использовал любую возможность вставить цитату в разговор.

– Что произошло? – спросила я, в равной степени из любопытства и желая отвлечь Кристи от его мыслей.

Он оторвал угрюмый взгляд от опустевшего дверного проема и посмотрел на левую руку, торопливо отвел глаза и снова побледнел.

– Несчастный случай, – ворчливо ответил он. – Я резал тростник. Нож соскочил. – На этих словах его правая рука слегка сжалась, и я заметила движение.

– Ничего, черт возьми, удивительного! – сказала я. – Вот, держите ее в таком положении. – Я подняла вверх пораненную руку, туго перевязала ее у него над головой и потянулась ко второй.

Его правая рука была поражена недугом, который называется контрактурой Дюпюитрена – точнее, будет называться, когда лет через шестьдесят или семьдесят барон Дюпюитрен его опишет. Это состояние вызывалось утолщением и укорачиванием соединительной ткани, которая контролирует положение сухожилий при сгибании пальцев, вследствие этого процесса безымянный палец постепенно скрючивается и теряет гибкость. В запущенных случаях то же происходит с мизинцем и средним пальцем. Случай Тома Кристи стал явно более запущенным с тех пор, как мне последний раз доводилось его осматривать.

– Что я вам говорила? – задала я риторический вопрос, осторожно потягивая согнутые пальцы. Средний пока еще можно было наполовину

разогнуть, безымянный и мизинец едва удавалось оторвать от ладони. – Я сказала, что станет хуже. Ничего удивительного, что нож соскочил, – чудо, что вы вообще до сих пор можете его держать.

Кристи слегка покраснел под своей пегой, с проседью, бородой и отвел взгляд.

– Пару месяцев назад я могла поправить это с легкостью, – сказала я, поворачивая ладонь, чтобы взглянуть на угол контрактуры. – Операция была бы проще простого. Теперь будет гораздо сложнее, но, думаю, я все еще могу помочь вашей руке.

Не имей Кристи такой выдержки, я бы сказала, что он уже весь извелся от смущения. Но он был упрям, поэтому только дернулся слегка и стал более пунцовым.

– Я... я не желаю...

– Да нет мне никакого дела до того, что вы желаете, – отрезала я, опуская скрюченную руку к нему на колени. – Если вы не дадите мне прооперировать вашу руку, она станет полностью бесполезной через каких-нибудь полгода. Вы ведь наверняка едва можете писать, так?

Я встретила его глаза, темно-серые и изумленные.

– Я могу писать, – сказал он, но воинственность в его голосе скрывала сильную тревогу. Том Кристи был образованным человеком, ученым, к тому же работал учителем в Ридже. Именно к нему ходили за помощью поселенцы, чтобы составить документ или написать письмо. Он гордился своим положением. Поэтому я знала, что такая угроза – мой лучший козырь, к тому же угроза это была вовсе не пустая.

– Это ненадолго, – заметила я и сделала большие глаза, чтобы до него лучше дошло. Он тяжело сглотнул, но прежде чем успел ответить, вернулся Джейми с кувшином вина.

– Лучше послушай ее, – посоветовал он Кристи, ставя вино на стол. – Уж я-то знаю, что такое пытаться писать с негнущимся пальцем, да? – Джейми вытянул вперед собственную правую руку и сжал ладонь с несколько удрученным видом. – Если бы только она могла поправить вот это своим маленьким ножичком, я бы тут же положил руку ей на стол.

Проблема Джейми была полной противоположностью проблеме Кристи, хотя результат был примерно одинаковым. Безымянный палец был так сильно раздроблен, что суставы срослись с остальными костями, и он уже не сгибался. Как следствие, два пальца по бокам тоже двигались плохо, хотя капсулы суставов не были повреждены.

– Разница в том, что состояние твоей руки не ухудшается, – сказала я Джейми. – А его ухудшается.

Кристи совершил едва заметное движение, просунув руку между колен, как будто хотел ее спрятать.

– Ох, ладно, – отозвался он нервно. – Это, конечно, может и подождать.

– По крайней мере, столько, сколько понадобится моей жене, чтобы защитить другую руку, – заметил Джейми, наливая вино в чашу. – Вот – сможешь ее удержать, Том? Или лучше мне? – Он вопросительно приподнял чашу, как бы пытаясь напоить Кристи из рук, но тот быстро извлек правую руку из укрытия в складках своих одеяний.

– Я справлюсь, – огрызнулся он и взял вино, так неловко удерживая чашу между большим и указательным пальцами, что это заставило его покраснеть еще сильнее. Его левая рука по-прежнему висела над головой. Он выглядел глупо, и, очевидно, сознавал это.

Джейми налил еще чашу и передал мне, игнорируя Кристи. Я подумала, что эта сцена – просто проявление природного такта Джейми, если бы не была в курсе непростой истории, которая связывала двоих мужчин. Отношения между ними всегда были натянутыми, хотя им удавалось изображать внешнюю доброжелательность.

С любым другим мужчиной демонстрация Джейми собственной покалеченной руки была бы именно тем, чем казалась – попыткой подбодрить и поддержать в беде. На деле он, может, и желал выразить Тому поддержку, но в его действиях была еще и скрытая угроза, возникающая, вполне возможно, помимо его воли.

Так уж сложилось, что люди приходила за помощью к Джейми гораздо чаще, чем к Кристи. Джейми пользовался всеобщим уважением, его очень любили, несмотря на покалеченную руку. Кристи же был, мягко говоря, не очень популярен: если он потеряет способность писать, он может потерять и свой статус. А состояние руки Джейми, как я отметила до этого, хуже уже не станет.

Кристи сузил глаза, глядя на нас поверх чашки. Он не пропустил угрозу мимо ушей, намеренной она была или нет. Он не смог бы ее пропустить: Том по природе был человеком подозрительным и видел угрозы даже там, где их в помине не было.

– Думаю, кровотечение уже прекратилось, дайте-ка я взгляну. – Я аккуратно взяла его левую руку и сняла биндаж. Кровь остановилась. Я положила ладонь в миску с отваром из чеснока, добавила туда пару капель спирта для дополнительной дезинфекции и стала готовить инструменты.

Уже стемнело, и мне пришлось зажечь спиртовую лампу, которую для меня сделала Брианна. В свете ее яркого, сильного пламени я увидела, как

лицо Кристи мгновенно потеряло свою гневную краску. Он не был так бледен, как до этого, но выглядел встревоженно, как полевка, что угодила в компанию барсуков. Кристи внимательно следил за моими руками, пока я раскладывала нити, иглы и ножницы – чистые, с блестящими на свету острыми лезвиями.

Джейми не ушел, а стоял, облокотившись на стол, и потягивал вино – должно быть, на случай, если Кристи снова упадет в обморок. По напряженной руке мужчины, которую я зафиксировала на столе, пробежала дрожь. Он снова начал потеть, я почувствовала характерный запах, едкий и горький. В нем было что-то полузабытое, но очень знакомое, что в конце концов помогло мне понять, в чем кроется слабость Тома, – он боялся. Должно быть, он боялся крови и точно боялся боли. Я была сосредоточена на работе и опустила голову ниже, чтобы он не смог ничего прочесть у меня на лице. Я должна была понять раньше, в чем дело. Я бы и поняла, не будь он мужчиной. Его бледность, обморок... это все не из-за потери крови, а от ее вида.

Я постоянно зашивала раны мужчин и мальчиков: земледелие в горах было тяжелой работой, редкая неделя выдавалась без увечий от топора, мотыги или кирки, укусов свиней, рассеченных от падений лбов и бровей и других мелких травм, требующих наложения швов. В большинстве случаев пациенты подходили к делу бесстрашно, стоически выдерживая все мои манипуляции и тут же возвращаясь к работе. Но я вдруг осознала, что почти все мужчины были горцами, а многие еще и бывшими солдатами.

Томас Кристи же был городским жителем, комиссованным офицером, в Ардсмуир он попал за поддержку якобитов, но никогда не сражался. С удивлением я подумала, что он, должно быть, даже никогда не видел поля битвы, не говоря уже об участии в ежедневной борьбе с природой, которой требовало земледелие в горах Шотландии.

Я вспомнила о Джейми, который по-прежнему стоял в тени, потягивал вино и наблюдал за происходящим с несколько ироническим безразличием. Я бросила на него быстрый взгляд, его выражение не изменилось, но он встретил мои глаза и еле заметно кивнул.

Том Кристи закусил губу, я слышала его дыхание с присвистом сквозь сжатые зубы. Он не видел Джейми, но знал, что он здесь: его напряженная спина все сказала за него. Может, Кристи и был напуган, но его выдержке можно было позавидовать. Мои манипуляции причиняли бы меньше боли, если бы он смог расслабить мышцы предплечья и кисти. Однако в существующих обстоятельствах я едва ли могла ему об этом сказать. Я могла настоять на том, чтобы Джейми нас оставил, но дело было почти

закончено. Со вздохом, в котором смешались усталость и раздражение, я обрезала нить последнего шва и отложила ножницы.

– Вот и все, – сказала я, наложив на рану остатки мази из эхинацеи, и потянувшись за чистой повязкой. – Следите, чтобы рана была чистой. Я сделаю вам новую мазь, пришлите за ней Мальву. Вернетесь ко мне через неделю, чтобы я сняла швы. – Я замялась, поглядывая на Джейми. Мне не улыбалось использовать его присутствие как шантаж, но это было для блага самого Кристи. – И тогда мы займемся второй вашей рукой, договорились? – твердо добавила я.

Он по-прежнему обильно потел, но к его лицу начал возвращаться нормальный цвет. Кристи посмотрел на меня, а затем – невольно – на Джейми. Тот чуть приподнял краешек рта в улыбке.

– Давай же, Том. Ты и не заметишь. Всего лишь маленький надрез. У меня бывало и похуже.

Джейми произнес эти слова просто, обыденно. Но с тем же успехом они могли быть начертаны горящими буквами в фут высотой. «У меня бывало и похуже».

Лицо Джейми по-прежнему скрывалось в тени, но прищуренные в ухмылке глаза были хорошо видны. В позе Тома Кристи читалась та же напряженность. Накрыв перевязанную руку скрюченной, он встретил взгляд своего оппонента.

– Ох, – сказал Том, тяжело дыша. – Договорились.

Потом он резко поднялся, опрокинув табуретку, и пошел к двери, слегка покачиваясь, как человек, который перебрал крепкого алкоголя. У порога он замялся, пытаясь найти дверную ручку. Обнаружив ее, он выпрямился и обернулся, ища глазами Джейми.

– По крайней мере, – сказал он, шумно дыша и потому с трудом справляясь со словами, – по крайней мере, это будет достойный шрам. Не так ли, Mac Dubh?

Джейми резко выступил вперед, но Кристи уже был снаружи и с таким грохотом шагал по коридору, что на кухне зазвенели оловянные тарелки, стоящие в буфете.

– Да неужели, мелкий ты засранец! – выпалил он тоном, в котором смешались злость и удивление. Его левая рука непроизвольно сжалась в кулак, и я подумала, что со стороны Кристи было очень неглупо так стремительно исчезнуть.

Я не очень поняла, что именно произошло, или продолжало происходить, но уход Кристи принес мне облегчение. Все это время я ощущала себя, как пригоршня зерна меж двух жерновов, каждый их

которых пытается размолоть другого, а до несчастного зерна им нет никакого дела.

– Никогда не слышала, чтобы Том Кристи звал тебя Мас Dubh, – заметила я осторожно, поворачиваясь, чтобы убрать свои инструменты.

Кристи, конечно же, не знал гэльского, но я никогда не слышала от него даже гэльского прозвища, которым по-прежнему звали Джейми другие мужчины из Ардсмуира. Кристи всегда звал Джейми «мистер Фрэзер» или просто «Фрэзер», когда между ними было нечто вроде взаимной благосклонности.

Джейми произвел ироническое, типично шотландское мычание, потом взял наполовину пустую чашу Кристи с вином и по-хозяйски осушил ее.

– Да он и не стал бы... Чертов sassenach^[54]. – Он заметил мое удивленное лицо и криво улыбнулся. – Это я не про тебя, саксоночка.

Я знала, что его обращение не относилось ко мне: слово было произнесено с абсолютно иной – даже несколько шокирующей – интонацией, в ней была горечь, напомнившая мне, что «sassenach» вовсе не было дружелюбным понятием в обычной жизни.

– Почему ты так его назвал? – спросила я с любопытством. – И что он имел в виду, когда попытался поддеть тебя «достойным шрамом»?

Джейми пару секунд смотрел себе под ноги и молчал, только застывшие пальцы на левой руке барабанили по бедру.

– Том Кристи – человек сильный, – наконец сказал он. – Но, ей-богу, он мелкий упрямый сукин сын! – С этими словами он поднял на меня глаза и улыбнулся немного грустно.

– Он восемь лет жил в камере с четырьмя десятками мужчин, говорящих на гэльском, но, конечно, он не стал опускаться до того, чтобы хоть одно слово этого варварского языка сорвалось с его губ! Нет, черт побери. Он говорил только на английском, нисколько не заботясь о том, с кем именно он говорит и знает ли его собеседник английский. И если он не знал, то Кристи так и стоял там, немой как камень, и ждал, пока кто-нибудь придет и переведет его слова.

– Кто-нибудь вроде тебя?

– Время от времени. – Он выглянул в окно, как будто увидал там Кристи, но темнота уже опустилась и в стеклах маячило только смутное отражение кабинета с нашими призрачными фигурами.

– Роджер говорил, что Кенни Линдси упоминал о каких-то... претензиях мистера Кристи, – сказала я деликатно.

Джейми бросил на меня недобрый взгляд.

– Вот как? Значит, надо полагать, Роджер Мак засомневался в

правильности своего решения взять Тома Кристи в общину. Кенни ничего такого не сказал бы, если бы его не спросили.

Я почти привыкла к скорости его выводов и точности предположений, поэтому не стала сомневаться и в этом.

– Ты никогда об этом не рассказывал, – сказала я, подходя ближе. Я положила руки Джейми на грудь и заглянула ему в глаза.

Он накрыл мои ладони своими и глубоко вздохнул, так что я почувствовала вибрацию под пальцами. Потом он обнял меня и притянул ближе, я уткнулась в теплую ткань его рубахи.

– Ну что ж. Это было не очень важно.

– И может, ты не очень хотел думать об Ардсмуире?

– Не хотел, – мягко ответил он. – Довольно с меня прошлого.

Теперь мои руки были у него на спине, и я внезапно догадалась, о чем скорее всего говорил Кристи. Я чувствовала линии шрамов сквозь материю, они были так же ощутимы, как если бы кто-то положил ему на спину рыболовную сеть.

– Достойные шрамы! – сказала я, поднимая голову. – Ах ты, маленький ублюдок! Вот что он имел в виду?

Джейми улыбнулся моему негодованию.

– Да, так и есть, – сухо ответил он. – Поэтому он назвал меня Мас Dubh – чтобы напомнить об Ардсмуире. Так я наверняка бы понял, о чем идет речь. Он видел, как меня секли.

– Это... это... – Я была так зла, что едва могла говорить. – Надо было пришить его чертову руку прямо к яйцам!

– Ты? Врач, который поклялся не навредить? Я поражен до глубины души, саксоночка.

Он смеялся, но в этом смехе не было искреннего веселья.

– Мелкий трусливый ублюдок! Ты знал, что он боится крови?

– Да, знал. Нельзя прожить с человеком бок о бок и не узнать о нем вещи, которые ты и знать не хотел, не говоря уже от такой мелочи. – Он немного успокоился, но уголок его рта по-прежнему пренебрежительно кривился. – Когда они принесли меня после порки, он тут же стал блее полотна и ушел блевать в угол, потом лег и отвернулся к стене. Мне тогда было не до него, но я подумал, что это как-то странно: это у меня на спине кровавая каша, а ведет себя как припадочная девица почему-то Кристи.

Я фыркнула.

– Не превращай это в шутку! Как он смеет? И что он вообще имеет в виду? Я знаю, что случилось в Ардсмуире, и эти чертовы... Я хочу сказать, эти шрамы уж точно достойные, и все там об этом знали!

– Может, и так, – сказал он серьезно. – В тот раз. Но когда меня привязывали, все видели, что со мной это случилось и прежде. Но ни одна живая душа ни разу не сказала мне об этих шрамах. До сегодняшнего дня.

Тут до меня дошло. Порка была не просто жестоким наказанием, но и постыдным – оно должно было не только физически ранить, но и оставить явные следы, которые говорили бы всем о прошлом преступника так же, как отрезанное ухо или клеймо на щеке. А Джейми, конечно, охотнее позволил бы вырвать себе язык, чем открыл бы кому-нибудь истинные причины появления шрамов – даже если это значило, что окружающие будут полагать, будто его выпороли за какой-то недостойный поступок.

Я так привыкла, что Джейми никогда не снимает рубашку в присутствии других людей, что мне не приходило в голову, что мужчины из Ардсмуира, конечно, знают о шрамах у него на спине. И все же он прятал их, и все делали вид, будто их не существует, – все, кроме Тома Кристи.

– Хммм, – протянула я. – Что ж... Все равно он засранец! С чего бы ему такое говорить?

Джейми издал короткий смешок.

– Потому что ему не понравилось, что я наблюдаю, как он обливается потом. Ему захотелось мне отомстить, я полагаю.

– Хмм, – снова замычала я и сложила руки под грудью. – Раз уж ты об этом упомянул, то зачем тебе вообще нужно было так поступать? Если ты знал, что он не переносит вида крови и все такое, зачем ты остался и наблюдал за ним вот так?

– Потому что в моем присутствии он не стал бы скулить или падать в обморок, – ответил Джейми. – Он скорее позволил бы воткнуть ему в глаза раскаленные иглы, но ни за что не издал бы и звука при мне.

– О, так ты это заметил?

– Ну конечно, саксоночка. Иначе зачем, ты думаешь, я стоял тут? Не то чтобы я не отдавал должное твоему мастерству, но смотреть, как ты зашиваешь раны, не очень способствует пищеварению. – Он бросил быстрый взгляд на брошенную тряпку, пропитанную кровью, и поморщился. – Как думаешь, кофе совсем остыл?

– Я подогрею. – По-прежнему мысленно пытаюсь разобраться в ситуации, я положила ножницы обратно в футляр, простерилизовала использованную иглу и продела в ушко свежую шелковую нитку, затем опустила этот комплект в баночку со спиртом.

Положив все на свои места в шкафу, я обернулась к Джейми.

– Ты ведь не боишься Тома Кристи, правда?

Он изумленно моргнул и засмеялся.

– Господи, конечно нет. Почему это пришло тебе в голову, саксоночка?

– Ну... То, как вы двое иногда ведете себя друг с другом... Как два горных барана, которые бьются рогами, чтобы понять, кто сильнее.

– Ах, это. – Он махнул руками, отметая мои опасения. – У меня рога крепче, чем у Тома, и он это хорошо знает. Но он не собирается сдаваться и бежит за мной, как годовалый ягненок.

– Вот как? Но тогда что ты делаешь? Ты же не мучил его просто для того, чтобы доказать, что можешь?

– Нет, – ответил он и мягко улыбнулся мне. – Мужчина, который настолько упрям, чтобы восемь лет разговаривать на английском с горцами в тюрьме, это мужчина, у которого довольно упрямства, чтобы биться со мной бок о бок следующие восемь лет. Так я думаю. Хорошо бы, конечно, чтобы он и сам был в этом уверен.

Я сделала глубокий вдох и покачала головой.

– Я не понимаю мужчин.

Грудная клетка у него завибрировала от тихого смеха.

– Понимаешь, саксоночка. Хотела бы не понимать.

Мой медицинский кабинет снова сиял чистотой, готовый к любым неожиданностям, которые может принести завтрашний день. Джейми потянулся к лампе, но я остановила его, положив ладонь ему на руку.

– Ты обещал мне честность, – сказала я. – Но уверен ли ты, что честен сам с собой? Ты не терзал Тома Кристи только потому, что он тебя провоцирует?

Джейми остановился в паре дюймов от меня, взгляд у него был незамутненный и открытый. Он поднял руку и положил теплую ладонь на мою щеку.

– Есть только два человека на всей земле, которым я никогда не стал бы лгать, саксоночка, – проронил он мягко. – Ты один из них. А я второй.

Он нежно поцеловал меня в лоб, затем отклонился назад и дунул на лампу.

– Имей в виду, – раздался из темноты его голос, и, когда он встал, в слабом свете, падающем из коридора, я смогла разглядеть его высокий силуэт, – меня можно одурачить. Но я никогда не стану одураченным по собственной воле.

* * *

Роджер подвинулся и застонал.

– Мне кажется, ты сломала мне ногу.

– Не сломала, – отозвалась Бри. Она уже успокоилась, но все еще готова была поспорить. – Но могу поцеловать ее, если хочешь.

– Это было бы неплохо.

Брианна задвигалась, чтобы принять подходящую позу для выполнения своих обещаний, послышалось оглушительное шуршание набитого кукурузной шелухой матраса, закончившееся тем, что она, обнаженная, уселась ему на грудь. Перед ним открылся такой вид, что Роджер пожалел о том, что они не зажгли свечу.

Она вообще-то целовала его голени, и это было довольно щекотно. Но в сложившихся обстоятельствах он вполне мог с этим смириться. Он потянулся к ней обеими руками. В темноте сойдет и метод Брайля.

– Когда мне было четырнадцать или около того, – мечтательно начал он, – в одном из магазинов Инвернесса появилась шокирующая витрина – шокирующая по тем временам, – женский манекен стоял там в одном белье.

– Мм?

– Ох, розовый корсетный пояс для чулок, подвязки – словом, весь комплект, с таким же лифчиком. Все были в ужасе. Поднялась страшная шумиха, комитет протестовал, обзвонили всех священников в городе. На следующий день манекен убрали, но к тому времени все мужское население Инвернесса успело «случайно» пройти мимо. До этой минуты я полагал, что та витрина – самое эротичное, что мне доводилось видеть.

Бри приостановилась на мгновение, и он подумал, что, судя по ее движениям, она смотрит на него через плечо.

– Роджер, – задумчиво произнесла она, – мне кажется, ты извращенец.

– Да, но извращенец, который очень хорошо видит в темноте.

Это заставило ее засмеяться – то есть сделать то самое, чего он добивался с момента, как она наконец прекратила плевать от гнева. Роджер немного приподнялся и легонько поцеловал оба бледнеющих во мраке полушария, которые так его влекли, а затем опустил обратно на подушку.

Брианна поцеловала его колено и опустила голову ему на бедро, так что ее волосы рассыпались по его ногам, прохладные и мягкие, как облако шелковых нитей.

– Прости меня, – тихо сказала она через мгновение.

Он ласково хмыкнул и погладил ее по округлому бедру.

– Ох, ерунда. Хотя, жаль – мне так хотелось посмотреть на их лица, когда они узнали бы, что ты сделала.

Она фыркнула, и его нога дрогнула от ее неожиданно теплого дыхания.
– У них лица и так были будь здоров. – Ее голос звучал немного грустно. – К тому же после такого наблюдать за ними было бы сплошным разочарованием.

– Тут ты права, – признал он. – Но ты покажешь им завтра, когда они будут в состоянии оценить твою работу.

Она вздохнула и снова поцеловала его колено.

– Я не имела это в виду, – сказала она, помолчав немного. – Не хотела сказать, что в этом есть твоя вина.

– Хотела, – ответил он мягко, продолжая ласкать ее. – Все в порядке. Ты скорее всего права.

Вероятно, она была права. Он не собирался делать вид, что его это не ранит, но и не мог позволить злости захлестнуть его – это точно им не поможет.

– Ты не знаешь наверняка. – Она резко поднялась, превратившись в смутный силуэт какого-то древнего обелиска на фоне бледного квадрата окна. Ловко перекинув ногу через его обмякшее тело, она соскользнула вниз и улеглась рядом. – Может, это из-за меня. Или тут вообще нет ничьей вины. Может, еще просто не время.

В ответ он обнял ее и прижал к себе покрепче.

– В чем бы ни была причина, мы не станем винить друг друга, да? – Она издала короткий звук согласия и устроилась поудобнее на его плече. Уже неплохо. Но ему вряд ли удастся избавиться от чувства вины.

Факты были налицо: она забеременела Джемми после единственной ночи – от него ли или от Стивена Боннета – никто не знал, но понадобился всего один раз. В то время как они пытались уже несколько месяцев, и все чаще казалось, что Джем будет единственным ребенком в семье. Может, ему и правда не доставало «искры», как полагали миссис Баг и ее наперсницы.

«Кто твой папочка?» – издевательским эхом с ирландским акцентом отозвался вопрос у него в мозгу. Он закашлялся, но тут же заставил себя успокоиться – он не станет цепляться за такие мелочи.

– Что ж, прости и ты меня, – сказал он, меняя тему. – Наверное, ты права, что я веду себя так, будто хочу только, чтобы ты готовила и стирала вместо того, чтобы носиться со своими химическими штуками.

– Потому что так и есть, – ответила она беззлобно.

– Меня тревожит не столько отсутствие стряпни, сколько поджоги по твоей инициативе.

– Ну, тогда тебе понравится мой следующий проект, – сказала она,

утыкаясь ему в плечо. – Там в основном вода.

– О... ну, хорошо, – отозвался он спокойно, хотя и сам уловил нотку сомнения в своем голосе. – В основном?

– Еще грязь.

– Ничего воспламеняющегося?

– Только дерево. Совсем немного. Ничего особенного.

Она медленно водила пальцами по его груди. Роджер поймал ее руку и стал целовать их кончики: они были гладкими, но твердыми, загрубевшими от ткацкого станка, за которым она проводила много времени, чтобы им было что носить.

– Кто найдет добродетельную жену? – процитировал он. – Цена ее выше жемчугов. Она добывает шерсть и лен, и с охотой работает своими руками. Она делает себе ковры, виссон и пурпур – одежда ее^[55].

– Хотелось бы мне найти такое растение, которое будет красить настоящим пурпуром, – сказала она мечтательно. – Я скучаю по ярким цветам. Помнишь то платье, которое я надевала на вечеринку в честь высадки на Луну? Черное с ярко-розовыми и салатовыми лентами.

– Оно было довольно запоминающимся, да.

Про себя он подумал, что приглушенные тона домотканой материи идут ей куда больше: в коричневых и охристых юбках, серых и зеленых жакетах она выглядела как какой-то экзотический, роскошный лишайник.

Охваченный внезапным желанием ее увидеть, он потянулся к прикроватному столику, пытаясь что-то нашарить в темноте. Маленькая коробочка была там, куда она швырнула ее, когда они вернулись домой. В конце концов он смастерил ее так, чтобы удобно было использовать в темноте: поворот крышечки высвобождал одну из маленьких воощенных палочек, а сбоку была приклеена тонкая полоска шероховатого металла, холодившая его руку.

Чирк! – этот простой знакомый звук заставил его сердце дрогнуть. Вместе с запахом серы появился крошечный огонек. Волшебство.

– Не трать их зря, – сказала она, но, несмотря на протест, улыбнулась, довольная результатом своих трудов, – такая же гордость была на ее лице, когда она впервые показала ему спички.

Ее волосы были распущенными и чистыми – только что вымытыми; они мерцали, рассыпаясь по бледным округлостям ее плеч, лежали мягкими облаками поверх груди – корица и янтарь, мед и золото, оживленные пламенем.

– Не боится стужи для семьи своей, потому что вся семья ее одета в двойные одежды, – мягко сказал он, обнимая ее свободной рукой и

закручивая тоненький локон у ее лица вокруг пальца так же, как делала она, когда пряла нить.

Она наполовину прикрыла свои продолговатые веки, как огромная кошка, но улыбка по-прежнему играла на ее широких, мягких губах – губах, которые ранили и излечивали. Свет сиял на ее коже, окрашивая бронзой маленькую родинку под правым ухом. Он мог бы смотреть на нее вечно, но спичка догорала. За мгновение до того, как пламя коснулось его пальцев, она наклонилась вперед и задула пламя.

Во тьме, дышащей тонкой нитью дыма, она прошептала ему на ухо:

– Уверено в ней сердце мужа ее. Она воздаст ему добром, а не злом, во все дни жизни своей.

Глава 22

Колдовство

Том Кристи не вернулся в медицинский кабинет, но прислал свою дочь, Мальву, чтобы она забрала мазь. Девочка была темноволосой, щуплой и тихой, но казалась неглупой. Она подробно ответила на все вопросы о внешнем виде раны (пока все было в порядке: немного красноты, но никакого гноя и нет красных полос вверх по руке), внимательно выслушала инструкции о том, как правильно наносить мазь и менять повязки.

– Ну и хорошо, – сказала я, отдавая ей баночку. – Если у него начнется жар, сразу зови меня. А так пусть приходит через неделю – я сниму швы.

– Да, мэм. – Однако на этом она не развернулась, чтобы уйти, но медлила, разглядывая пучки трав, сохнувших на марле, и содержимое моего кабинета.

– Тебе нужно что-нибудь еще, милая? Или, может, ты хотела спросить о чем-то?

Она отлично поняла все мои инструкции, но, возможно, хотела задать какой-то личный вопрос. В конце концов, у нее не было матери...

– Да, – сказала она и кивнула на стол. – Мне просто было интересно, что это вы записываете в своей черной книжке, мэм?

– В этой? О. Это мои хирургические заметки и кое-какие рецепты... эээ... рецепты лекарств, я имею в виду. Видишь? – Я взяла журнал в руки и открыла его на странице с зарисовкой травмированных зубов мисс Мыши.

Серые глаза Мальвы загорелись от любопытства, и она подалась вперед, чтобы прочесть. Руки она завела назад, как будто боялась, что

может случайно прикоснуться к журналу.

– Все в порядке, – сказала я, позабавленная ее осторожностью. – Можешь полистать, если хочешь. – Я подвинула к ней журнал, и она испуганно отступила назад. Потом Мальва несмело подняла на меня глаза – брови сдвинуты в сомнении, – но когда я ободряюще улыбнулась, она с придыханием потянулась перевернуть страницу.

– О, глядите!

Страница, которую она открыла, была не моя, запись принадлежала Дэниелу Роулингу. На картинке было изображено извлечение мертвого младенца из утробы при помощи инструментов для дилатации и кюретажа. Я посмотрела на рисунок и торопливо отвела взгляд. Роулинг не был художником, зато обладал жутковатой способностью реалистично воссоздавать ситуацию. Мальву, впрочем, все это не смущало – напротив, глаза ее были широко распахнуты от интереса. Мне тоже становилось все занимательней: я украдкой наблюдала, как она открывает случайные страницы. Естественно, больше всего внимания она уделяла рисункам, но иногда останавливалась, чтобы прочесть рецепты и комментарии.

– Зачем вы записываете вещи, которые уже сделали? – спросила она, озадаченно приподняв на меня брови. – Рецепты, я понимаю, что можно их забыть, но почему вы делаете рисунки и пишете о том, как ампутировали обмороженный палец? В следующий раз вы будете делать это иначе?

– Ну, иногда и такое случается, – сказала я, откладывая в сторону веточку сушеного розмарина, от которого отщипывала иголки. – Операция каждый раз проходит по-разному. Все тела отличаются друг от друга, и, несмотря на то, что ты провел какую-то процедуру уже дюжину раз, все равно каждый раз будет дюжина новых деталей, с которыми ты прежде мог и не сталкиваться, – иногда это мелочи, но случаются и серьезные различия. Но я записываю все, что делала, по нескольким причинам, – добавила я, отодвигая свой стул и подходя к ней. Я перевернула еще пару страниц, остановившись на жалобах бабули Макбет – список был настолько внушительным, что для собственного удобства я записала их в алфавитном порядке. Первым шел артрит всех суставов, за ним следовала диспепсия, подробное описание выпадения матки на двух страницах, обмороки и прочие мелочи, завершался список ушной болью.

– Отчасти я делаю это для того, чтобы помнить, что случилось с человеком и как я его лечила, так что в следующий раз, когда он придет ко мне, я смогу посмотреть сюда и увидеть историю болезни. Чтобы можно было сравнить, понимаешь?

Она с энтузиазмом кивнула.

– Да, понимаю. Тогда вы будете знать, стало им лучше или хуже. А еще зачем?

– Ну, самая главная причина, – протянула я, подыскивая верные слова, – это сохранить мой опыт для другого доктора – для того, кто придет после меня, – так, чтобы он мог прочитать записи и узнать, как я делала то или другое. Журнал поможет сделать то, чего он прежде сам не делал, или подскажет, как сделать это лучше.

Она восторженно приоткрыла рот.

– Оо! Вы хотите сказать, что кто-нибудь может учиться по этому? – Она аккуратно провела пальцем по странице. – Научиться тому, что вы делаете? И даже не нужно быть доктором?

– Ну, лучше всего, чтобы у тебя был учитель, – сказала я, довольная ее пытливостью. – Есть вещи, которым нельзя научиться по книгам. Но если нет никого, кто мог бы помочь... – я посмотрела в окно на буйное море зелени, укрывающее склоны гор. – Тогда это лучше, чем ничего, – заключила я.

– А как вы научились? – с любопытством спросила она. – По этой книге? В ней писал кто-то еще, кроме вас. Чья это рука?

Я должна была догадаться, что она спросит. Однако мне не приходило в голову, что Мальва Кристи окажется такой сообразительной.

– О... Ну, я училась по многим книгам, – сказала я. – И у других докторов.

– Других докторов, – эхом отозвалась она, глядя на меня с восхищением. – Значит, вы называете себя доктором? Я не знала, что женщины могут быть докторами.

По той простой причине, что пока ни одна женщина не называла себя врачом или хирургом. Да никто бы и не принял женщину, назовись она так.

Я кашлянула.

– Ну... Это просто название, только и всего. Многие люди говорят просто знахарка или колдунья. Или ban-lighiche, – добавила я. – Но это, в сущности, одно и то же. Важно лишь то, знаешь ли ты, как им помочь.

– Бан... – торжественно попыталась она повторить незнакомое слово. – Я такого раньше не слышала.

– Это по-гэльски. Язык горцев, знаешь? Это значит что-то вроде женщина-целитель.

– О, по-гэльски. – На ее лице появилось выражение легкого пренебрежения: я догадывалась, что она переняла отцовский взгляд на древний язык горцев. Судя по всему, она разглядела во мне что-то такое, что заставило ее тут же стереть с лица всякую брезгливость, Мальва

торопливо склонилась над книгой. – А кто делал другие записи?

– Мужчина, которого звали Дэниел Роулингс. – Я расправила помятую страницу с всегдашней нежностью по отношению к моему предшественнику. – Он был доктором из Вирджинии.

– Он? – Она удивленно взглянула на меня. – Тот самый, что похоронен на кладбище на горе?

– Ах... да, это он. – История о том, как он оказался тут, не была предназначена для ушей мисс Кристи. Я посмотрела в окно, оценивая яркость дневного света. – Наверное, твой отец скоро захочет поужинать?

– О! – Она выпрямилась и тоже выглянула в окно с выражением легкой тревоги. – Ай, он захочет. – Она бросила последний тоскливый взгляд на журнал, но затем решительно отряхнула юбку и поправила чепец, готовая идти. – Спасибо вам, миссис Фрэзер, что показали мне свою книгу.

– Я была рада показать ее тебе, – искренне заверила я девушку. – Приходи снова, если хочешь еще полистать ее. На самом деле... Может, тебе будет интересно... – Я замялась, но продолжила, воодушевленная живым интересом, загоревшимся в ее глазах: – Завтра я собираюсь удалять нарост из уха бабули Макбет. Не хочешь пойти со мной и посмотреть, как это делается? Мне бы пригодилась лишняя пара рук, – добавила я, поняв по ее лицу, что сомнение в ней борется с желанием.

– Ах, миссис Фрэзер, мне бы очень хотелось! – сказала Мальва. – Только вот отец... – Тревога пробежала по ее чертам, но затем она как будто приняла решение. – В общем... Я приду. Уверена, что смогу его уговорить.

– Может, мне послать записку? Или пойти поговорить с ним? – Внезапно мне очень захотелось, чтобы она пошла со мной.

Она мотнула головой.

– Нет, мэм, все будет в порядке. Я уверена. – Неожиданно она широко улыбнулась мне, серые глаза засияли. – Я скажу ему, что заглядывала в вашу черную книгу и там совсем нет никаких заклинаний, а только рецепты отваров да слабительных. Только про рисунки, пожалуй, не стану рассказывать, – добавила она.

– Заклинания? – недоверчиво переспросила я. – Он так думал?

– О да, – заверила она меня. – И предупредил меня не трогать ее, иначе буду околдована.

– Околдована, – пробормотала я озадаченно. Что ж, в конце концов, Томас Кристи был учителем. В каком-то смысле, подумалось мне, он оказался прав: когда мы с ней подошли к двери, Мальва жадно оглянулась на книгу, не в силах побороть искушение.

Глава 23

Анестезия

Я закрыла глаза и, вытянув руку примерно на фут от лица, начала легонько махать ею, как делал виденный мной в Париже парфюмер, пробующий новый аромат. Запах ударил мне в лицо примерно с тем же эффектом как океанская волна. Мои колени подогнулись, перед глазами забегали черные точки, и я скоро перестала понимать, где верх, где низ.

Спустя, как мне показалось, всего секунду, я пришла в себя на полу своего медицинского кабинета рядом с миссис Баг, в ужасе глядящей на меня сверху вниз.

– Миссис Клэр! Вы в порядке *mo gaolach?*^[56] Я увидела, как вы упали...

– Да, – проквакала я, приподнимаясь на локте и осторожно трясая головой. – Заткните... бутылъ пробкой. – Я неуклюже указала на большую открытую емкость, стоящую на столе, с валяющейся рядом пробкой. – Не подносите лицо слишком близко!

С искаженным опаской лицом она взяла в руки пробку и вставила в горлышко, держась на расстоянии вытянутой руки от бутылки.

– Фу, что это за штуковина? – сказала она, отступая назад и морща нос. Женщина шумно чихнула в фартук. – Никогда я не нюхала такого, хотя – и святая Бригитта знает, что не вру, – я перенюхала много разных гадостей в этой комнате!

– Это, моя дорогая миссис Баг, эфир. – Туман у меня в голове почти рассеялся и сменился эйфорией.

– Эфир? – Она с любопытством посмотрела на перегонный куб у меня на столе. Алкоголь неторопливо испарялся в огромной колбе, стоящей на слабом огне, а купоросное масло, которое однажды получит имя серной кислоты, медленно стекало вниз по изогнутой трубке. Его неприятный едкий запах висел в кабинете, смешиваясь с обычными ароматами трав и корешков. – Занятно! И что же такое эфир?

– Он усыпляет людей так, чтобы они не чувствовали боли, когда их режут, – объяснила я, опьяненная своим успехом. – И я точно знаю, на ком я его испытаю.

– Том Кристи? – переспросил Джейми. – А ты ему сказала?

– Я сказала Мальве. Она над этим поработает, умаслит его немного.

Джейми ухмыльнулся, представив эту картину.

– Да его хоть две недели в молоке вари, все равно будет твердым, как мельничный жернов. Неужели ты думаешь, что он будет слушать девчушкину болтовню о волшебной воде, которая его усыпит...

– Нет, она не станет говорить ему про эфир. Это я сделаю сама, – заверила я Джейми. – Она будет уговаривать его насчет руки, убедит, что ее нужно вылечить.

– Мм, – Джейми все еще сомневался, однако, как оказалось, не только по поводу характера Томаса Кристи.

– Этот твой эфир, саксоночка. Он не может его случайно убить?

На самом деле именно с этим были связаны мои тревоги. Я часто проводила операции, для которых использовался эфир, и в целом это был довольно безопасный анестетик. Однако сделанный в домашних условиях, да еще и отмеряемый на глаз... Люди умирали из-за анестезии даже в хороших госпиталях с профессиональными анестезиологами и всем необходимым для реанимации. Я вспомнила Розамунду Линдси: ее случайная смерть до сих пор часто появлялась в моих снах. И все же перспектива иметь надежный анестетик, оперировать, не причиняя боли...

– Может, – признала я. – Не думаю, что это произойдет, но риск есть всегда. Это того стоит.

Муж бросил на меня недобрый взгляд.

– Ах вот как? А Том тоже так думает?

– Ну, скоро узнаем. Я все ему подробно объясню, и если он скажет нет, что ж, значит, нет. Но надеюсь, он ответит да!

Уголок рта Джейми пополз вверх, и он снисходительно покачал головой.

– Ты как маленький Джем с новой игрушкой, саксоночка. Следи, чтобы колеса не отвалились.

Я уже готова была возмутиться, но тут мы вышли к домику Багов, около которого на крыльце сидел Арч Баг и мирно курил глиняную трубку. Когда он увидел нас, он вытащил трубку изо рта и стал подниматься, но Джейми замахал ему, чтобы он оставался на месте.

– Cìamar a tha thu, a charaid^[57]?

Арч ответил своим обычным «мхм», но с оттенком сердечности и радушия. Потом он, глядя на меня, поднял седую бровь и указал трубкой в сторону тропинки – это значило, что его жена в большом доме, если я ищу ее.

– Нет, я иду в лес пополнить запасы, – сказала я, приподнимая пустую корзину в качестве доказательства. – Но миссис Баг забыла свое вязание, можно я его заберу?

Он кивнул и улыбнулся – вокруг его глаз собрались веселые морщинки. Арч галантно подвинул свои тощие бедра, чтобы я смогла пройти внутрь. Позади я услышала очередное «мхм», на этот раз прозвучавшее как приглашение, и почувствовала, как прогнулись доски крыльца под весом Джейми, – он сел рядом с мистером Багом.

Окон здесь не было, и мне пришлось подождать пару секунд, пока глаза привыкнут к полумраку. Хижина была довольно маленькая, и уже через полминуты я смогла разглядеть все ее содержимое: в ней не было почти ничего, кроме кровати, сундука для одеял да стола с двумя табуретами. Мешочек с рукоделием висел на крючке у дальней стены, и я стала к нему пробираться. Я слышала приглушенный разговор мужчин на крыльце, за моей спиной, и различала непривычный голос мистера Бага. Разумеется, он умел говорить и говорил, но в присутствии супруги – шумной и многословной – предпочитал ограничиваться улыбкой и редким «мхм», выражающим согласие или несогласие.

– Этот Кристи, – задумчиво говорил Мистер Баг. – Он не кажется тебе странным, а Sheumais?^[58]

– Ну, знаешь, он с равнин, – сказал Джейми и, судя по звуку, передернул плечами.

В ответ прозвучало ироническое «мхм», означавшее, что мистер Баг нашел такое объяснение совершенно логичным. Следом до меня донеслись звуки раскуриваемой трубки.

Я открыла мешочек, чтобы убедиться, что вязание внутри, но его там не оказалось; мне пришлось шарить по всей хижине, щурясь в темноте. Ага – вот оно, темная кучка чего-то мягкого в углу, видно, пряжа упала со стола, а потом кто-то случайно толкнул ее в сторону.

– Разве он страннее, чем обычно? Кристи? – спросил Джейми непринужденно.

Я выглянула как раз вовремя, чтобы увидеть, как Арч кивнул Джейми, – вслух он ничего не сказал, поскольку был серьезно вовлечен в борьбу со своей трубкой. Однако вдобавок он поднял правую руку и помахал ей, демонстрируя обрубки двух недостающих пальцев.

– Вот, – проговорил он наконец, победно выпуская облако белого дыма вместе со словами. – Он спрашивал, сильно ли больно мне было, когда случилось это.

Его лицо сморщилось, как бумажный пакет, и он издал несколько

хриплых смешков – верх веселья для Арчи Бага.

– Ай? И что же ты ему ответил, Арч? – спросил Джейми с улыбкой.

Арч безмятежно покуривал свою трубку, теперь уже полностью укрощенную, потом сжал губы и выдул маленькое и совершенно ровное кольцо дыма.

– Ну-у-у, я сказал, что тогда нисколько не было больно, – он сделал паузу, его голубые глаза сверкнули. – Конечно, дело могло быть в том, что от шока я валялся в холодном поту, как макрель. Когда я пришел в себя, немного пекло, – он снова поднял руку, бесстрастно разглядывая ее, а затем перевел взгляд на меня в дверях. – Вы же не собираетесь опробовать топор на бедном старом Томе, мэм? Он сказал, вы собираетесь его подлатать на следующей неделе.

– Скорее всего нет. Можно мне посмотреть? – Я вышла на крыльцо и, склонившись над ним, взяла в руки его ладонь. Арч послушно переложил трубку в левую руку.

Средний и безымянный пальцы были ампутированы чисто, удар прошел как раз на уровне сустава. Травма была старой, такой старой, что уже давно потеряла вид, свойственный недавним увечьям, в которых разум все еще видит недостающее и тщетно пытается соединить реальность с ожиданиями. Но человеческое тело невероятно пластично и старается компенсировать любую потерю по мере возможностей. В случае с покалеченной рукой очень часто происходит легкая деформация, в результате которой оставшиеся функции максимально увеличивают свою продуктивность.

Я замороженно ощупала руку. Пястные кости обрубленных пальцев были целы, но окружавшие их ткани сжались и изменили форму, обособив эту часть ладони, так что мизинец с безымянным пальцем стали сильнее противопоставлены большому. Я видела, как легко и непринужденно Арч пользуется этой рукой, когда держит кружку или орудует лопатой.

Шрамы вокруг обрубков разгладились и побледнели, образовав гладкую шершавую поверхность. Оставшиеся суставы были поражены артритом, да и вся рука выглядела настолько деформированной, что и руко-то уже слабо напоминала – однако при этом совсем не выглядела отталкивающей. Она была теплой и сильной в моих ладонях, и даже странно привлекательной, словно обкатанная водой щепка.

– Вы сказали, это был топор? – спросила я, задаваясь вопросом о том, как он сумел так себя покалечить, учитывая, что Арч правша. Неверный удар мог задеть руку или ногу, но отхватить два пальца на одной руке, да еще так... Я вдруг начала понимать, в чем тут могло быть дело, и ладонь

моя непроизвольно сжалась. О нет.

– О да, – сказал он и выпустил облако дыма. Я посмотрела прямо в его голубые глаза.

– Кто это сделал? – спросила я.

– Фрэзеры, – ответил Арч. Он тихонько пожал мою руку и отобрал свою ладонь, поворачивая ее так и эдак. Потом поглядел на Джейми.

– Не Фрэзеры из Ловата, – добавил он. – Бобби Фрэзер из Гленхельма и его племянник, его звали Лесли.

– Вот как? Что ж, это неплохо, – ответил Джейми, подняв бровь. – Не хотелось бы мне услышать, что это был мой близкий родич.

Арч почти беззвучно хохотнул. Глаза по-прежнему ярко сияли в сеточке морщин, но что-то в этом смехе заставило меня отступить на шаг.

– Не хотелось бы, – согласился он. – Мне тоже. Но это было в тот год, когда ты только должен был родиться, а Sheumais, или годом раньше. Сейчас Фрэзеров из Гленхельма вообще нет.

Сама по себе рука совершенно меня не смущала, но воображение рисовало мне картины того ужасного происшествия, и от этого меня немного мутило. Я опустила на крыльцо рядом с Джейми, не дожидаясь приглашения.

– Почему? – спросила я без затей. – Как?

Арч затаился и выпустил еще одно колечко. Оно коснулось остатков первого, и оба они рассеялись в тумане пахучего дыма. Мистер Баг немного нахмурился и посмотрел на руку, теперь лежащую у него на коленях.

– Ну. Это был мой выбор. Видите ли, мы были лучниками, – начал он объяснять. – Все мужчины из моей септы: нас для этого натаскивали с малых лет. Я получил свой первый лук в три, а к шести мог попасть тетереву в сердце с сорока футов.

Он рассказывал об этом, не скрывая простоватой гордости, и щурился на небольшую стайку голубей, собравшихся под деревьями неподалеку, как будто оценивал, насколько просто будет подстрелить одного из них.

– Я слышал, как мой отец рассказывал о лучниках, – сказал Джейми. – В Глен-Шиле^[59]. В основном это были Гранты, говорил он, но попадались и Кэмпбеллы.

– Да, это были мы. – Арч пыхнул трубкой, и его голову заволокло дымом. – Мы прокрались вниз ночью через кусты, – рассказывал он мне, – и спрятались посреди скал над рекой в Глен-Шиле в гуще папоротников и рябин. Можно было стоять в футе от нас и не заметить ни одного, такими плотными были заросли... Немного тесновато, – доверительно добавил он, обращаясь к Джейми. – Невозможно было подняться, чтобы сходить по

нужде, а мы ведь поужинали и малость выпили пива, прежде чем перейти на другую сторону горы. Приходилось все делать на короточках, по-бабьи. Тетиву мы прятали под рубашками, чтобы она не намокла от дождя, который капал сквозь папоротник прямо нам за шиворот! Но с рассветом, – весело продолжил он, – мы встали по сигналу и начали стрелять. Красивое, скажу я вам, было зрелище – наши стрелы так и сыпались с холмов на тех бедняг в лагере у реки. Твой отец ведь тоже там сражался, а Sheumais, – добавил он, указывая мундштуком на Джейми. – Он был как раз у реки.

Судорога беззвучного смеха сотрясла Арча.

– Не слишком вы друг друга любите, – ответил Джейми сухо. – Вы и Фрэзеры.

Старый Арч покачал головой, ни капли не смутившись.

– Нет, – сказал он и вновь, чуть более сдержанно, заговорил со мной. – Так вот, когда Фрэзерам случалось схватить на своих землях Гранта, они обыкновенно давали ему выбор: лишиться правого глаза или двух пальцев правой руки. Так или иначе, он уже не смог бы пустить в них стрелу.

Арч медленно потер покалеченную руку о бедро, выпрямляя ее, будто его призрачные пальцы тянулись к поющей тетиве, тосковали по ее прикосновению. Потом мужчина потряс головой, как будто отгоняя видение, и сжал ладонь в кулак. Он повернулся ко мне.

– Вы же не собирались отхватить Кристи пару пальцев, миссис Фрэзер?

– Нет, – ответила я ошарашенно. – Конечно, нет. Он же не думает...

Арч пожал плечами, кустистые белые брови подскочили к редющим волосам.

– Точно не скажу, но он, кажись, очень тревожится о том, что его будут резать.

– Хмм, – протянула я. Нужно будет поговорить с Томом Кристи.

Джейми поднялся, чтобы идти, и я рефлекторно последовала за ним, отряхивая по пути юбки и стараясь вытряхнуть из головы картину – пригвожденная к земле рука совсем молодого парня и летящий вниз топор.

– Значит, ты говоришь, в Гленхельме больше нет Фрэзеров? – задумчиво спросил Джейми, глядя на мистера Бага. – Лесли, племянник, он был наследником Бобби Фрэзера, так ведь?

– Да, был.

Трубка мистера Бага потухла. Он перевернул ее и аккуратно постучал чашей о край крыльца, выбивая остатки табака.

– Их убили вместе, не так ли? Я помню, отец однажды об этом рассказывал. Их нашли в ручье с пробитыми головами.

Арч Баг моргнул, глядя на него, и лениво прикрыл глаза, как ящерица на солнце.

– Ну, видишь ли, Хэмиш, – проговорил он, – лук, он как хорошая жена, да? Он знает своего хозяина и отвечает на его прикосновение. А вот топор... – Арч покачал головой. – Топор как шлюха. Его может использовать всякий, притом любой рукой.

Он дунул в трубку, чтобы очистить от пепла, и, протерев чашу платком, бережно засунул ее под одежду левой рукой. Он широко улыбнулся, обнажив острые и пожелтевшие от табака края зубов.

– Иди с Богом, Sheumais mac Brian^[60].

* * *

Позднее на той же неделе я отправилась в хижину Кристи, чтобы снять швы с руки Тома и рассказать об эфире. Его сын, Алан, был в саду и точил нож о точильный камень с ножным приводом. Он улыбнулся и молча кивнул мне – визг от заточки все равно заглушил бы наши голоса.

Возможно, именно эти звуки пробудили дурные предчувствия в Томе Кристи, подумалось мне секундой позже.

– Я решил, что оставлю свою правую руку такой, какая она есть, – заявил он категорично, когда я разрезала и вытащила последнюю нитку.

Я отложила ножницы и молча уставилась на него.

– Почему?

На его щеках проступил блеклый румянец, и он поднялся, задрав подбородок и глядя поверх моего плеча, чтобы не встречаться со мной взглядом.

– Я молился об этом и пришел к выводу, что если эта немощь послана мне Господом, то будет неправильно пытаться что-то изменить.

Я подавила сильное желание тут же сказать: «Чушь и предрассудки!» – но это стоило мне немалых усилий.

– Присядьте, – сказала я, глубоко вдохнув. – И скажите мне, если вас не затруднит, почему вы думаете, что Господь желает, чтобы вы жили с изувеченной рукой.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде смешались удивление и возмущение, – Почему... Не мое это дело рассуждать о воле Господа!

– О, вот как? – мягко переспросила я. – А я думала, это именно то, чем вы занимались в прошлое воскресенье. Или это не вы вопрошали, о чем это Он думал, позволив всем этим католикам множиться и процветать, подобно

многоветвистому дереву?

Блеклый румянец стал не таким уж и блеклым.

– Уверен, что вы поняли меня превратно, мистрис Фрэзер. – Он еще сильнее выпрямил спину, так что стал даже немного отклоняться назад. – Как бы там ни было, ваша помощь мне не понадобится.

– Потому что я католичка? – спросила я, облокачиваясь на спинку стула и складывая руки на коленях перед собой. – Может, вы думаете, что я воспользуюсь вашей беспомощностью и тайком крещу вас по римскому обряду?

– Я крещен как положено! – огрызнулся он. – И буду благодарен, если вы оставите свои папистские взгляды при себе.

– У нас с Папой договоренность, – сказала я, отвечая на его взгляд таким же невозмутимым взглядом. – Я не выпускаю буллы по вопросам веры, а он не проводит операции. Теперь по поводу вашей руки...

– Воля Господа... – начал он прямо.

– Это по воле Господа ваша корова свалилась в канаву в прошлом месяце и сломала ногу? – перебила его я. – Потому что если так, думаю, вы должны были оставить ее там умирать, вместо того чтобы звать на помощь моего мужа и потом позволить мне лечить бедное животное. Как она, кстати?

Упомянутая корова была видна мне из окна, она безмятежно паслась на краю лужайки перед домом, нисколько не потревоженная ни своим кормящимся теленком, ни шиной, которую я наложила на ее треснувшую берцовую кость.

– Она в порядке, благодарю вас. – Голос Кристи начал звучать немного придушенно, хотя ворот рубахи был распушен. – Это...

– Ну что ж, – сказала я. – Не думаете ли вы, что Господь считает, будто вы в меньшей степени заслуживаете помощи, чем ваша корова? Это вряд ли, особенно если вспомнить, что говорится в Библии о разных мелких пташках.

К этому моменту щеки Тома Кристи приобрели глубокий пурпурный оттенок. Он накрыл скрюченную руку раненой, как будто хотел защитить ее от меня.

– Вижу, вы слышали кое-что о Библии, – начал он напыщенно.

– Вообще-то я ее даже читала, – отозвалась я. – Я, знаете ли, неплохо читаю.

Он проигнорировал мою ремарку, его глаза победно засверкали.

– Воистину. В таком случае, я уверен, вы читали послание Святого апостола Павла Тимофею, в которых он говорит, что женщина должна

молчать...

Я уже сталкивалась со взглядами апостола Павла прежде, но свои у меня тоже были.

– Подозреваю, что апостол Павел тоже встречал женщину, которая смогла его переспорить, – сказала я не без злорадства. – Проще заклеить весь женский пол, чем доказать свою точку зрения. Я думала о вас лучше, мистер Кристи.

– Но это богохульство! – возопил он, явно шокированный.

– Вовсе нет, – возразила я. – Если только вы не хотите сказать, что апостол Павел и есть Господь Бог. А если и хотите сказать, то тогда вы сам богохульник. Но давайте не будем заниматься демагогией, – добавила я, заметив, как его глаза начали наливаться кровью. – Дайте-ка я... – я встала со стула и сделала шаг вперед, оказавшись на расстоянии вытянутой руки от Кристи. Он так резко попятился, что врезался в стол и опрокинул его. Корзинка с рукоделием Мальвы, кувшин молока и оловянная тарелка – все это с грохотом полетело на пол.

Я живо наклонилась и подобрала корзинку как раз вовремя, чтобы спасти ее от молочного потопа. Мистер Кристи так же стремительно схватил тряпку с очага и стал промакивать ею молоко. Мы чудом не столкнулись лбами, но все же замешкались, и я, потеряв равновесие, тяжело упала прямо Кристи на грудь. Он рефлекторно ухватил меня за руки, уронив тряпку, но тут же с отвращением оттолкнул. Я стояла на коленях, покачиваясь. Он тоже был на коленях и тяжело дышал, теперь уже на безопасном расстоянии от меня.

– Правда заключается в том, – сказала я жестко, тыкая в него пальцем, – что вы боитесь.

– Нет!

– Именно так. – Я поднялась на ноги, поставила корзинку на стол и аккуратно накрыла тряпкой молочную лужу. – Вы боитесь, что я причиню вам боль. Но я не стану, – заверила его я. – У меня есть средство, которое называется эфир, – оно заставит вас уснуть, и вы ничего не почувствуете.

Он моргнул.

– Возможно, вы боитесь, что потеряете несколько пальцев или оставшуюся подвижность.

Он все еще стоял на коленях у очага и изумленно глядел на меня.

– Я не могу со всей уверенностью гарантировать вам, что этого не случится. Не думаю, что вероятность велика. Однако человек предполагает, а Бог располагает, не так ли?

Он очень медленно кивнул, но ничего не ответил. Я сделала глубокий

вдох, пользуясь передышкой.

– Думаю, мне удастся вылечить вас, – сказала я. – Не могу гарантировать этого, всякое случается. Инфекции, несчастные случаи, непредвиденные обстоятельства, но...

Я протянула ладонь, указывая на скрюченную кисть. Завороженно двигаясь, как мелкая птица под взглядом змеи, он вытянул руку и позволил мне взять ее. Я сжала его запястье и помогла Тому подняться. Теперь он стоял напротив меня, по-прежнему позволяя держать себя за руку. Я взяла ее обеими ладонями и отогнула обездвиженные пальцы чуть назад, осторожно потирая большим пальцем утолщенный ладонный апоневроз, стягивающий сухожилия. Я хорошо чувствовала его, могла в точности представить себе, как именно подойду к проблеме: где нажму скальпелем, как разойдется загрубевшая кожа. Я знала длину и глубину зигзагообразного разреза, который освободит его руку и вернет ей подвижность.

– Я делала это прежде, – мягко добавила я, нажимая сильнее, чтобы прощупать кости. – И с Божьей помощью смогу сделать снова, если вы мне позволите.

Он был всего на пару дюймов выше меня, глаза Тома были стального серого оттенка и вглядывались в мое лицо со смешанным выражением страха и подозрения – но в их глубине скрывалось и что-то другое. Внезапно я услышала его дыхание, медленное и спокойное, теплое на моей щеке.

– Ладно, – сказал он наконец хрипло. Том Кристи отобрал свою ладонь – но не резко, а даже как-то неохотно – и стоял, баюкая ее второй рукой. – Когда?

– Завтра, – сказала я. – Если погода будет хорошей – мне нужно будет много света, – объяснила я, заметив озадаченность в его взгляде. – Приходите утром и не завтракайте.

Я подхватила аптечку, присела в неловком реверансе и вышла, ощущая себя довольно странно. Алан Кристи радостно помахал мне на прощание и продолжил точить.

* * *

– Думаешь, он придет?

Мы уже позавтракали, но Тома Кристи не было видно. После ночи, полной бесконечных тревожных снов об эфире и хирургических ошибках, я

и сама уже не знала, хочу ли я, чтобы он согласился.

– Он придет. – Джейми читал «Газету Северной Каролины» четырехмесячной давности, одновременно доедая коричный тост, приготовленный миссис Баг. – Гляди-ка, они напечатали письмо губернатора лорду Дартмуту, в котором он называет нас всех шайкой мятежных, подлых, вороватых ублюдков и просит генерала Гейджа прислать ему пушек, чтобы нас припугнуть. Интересно, Макдональд в курсе, что оно стало общественным достоянием?

– В самом деле? – переспросила я отсутствующе. Я поднялась со стула и взяла маску для эфира, на которую пялилась весь завтрак. – Что ж, если он придет, мне лучше быть готовой.

Итак, в моем кабинете напротив подноса с инструментами уже лежала наготове маска для эфира, сделанная Бри, и бутылка-капельница. Беспокойная, я подняла бутылку, откупорила ее и помахала ладонью возле горлышка, чтобы пары достигли моего носа. В результате я почувствовала обнадеживающую волну слабости, в глазах у меня на секунду помутилось. Когда эффект рассеялся, я вновь закрыла бутылку и поставил ее на стол, ощущая себя уже увереннее.

Как раз вовремя. У заднего хода послышались голоса, по холлу застучали шаги. Я обернулась и увидела мистера Кристи, сердито глядящего на меня из дверного проема, с рукой, заботливо прижатой к груди.

– Я передумал. – Кристи сильнее нахмурил брови, чтобы подчеркнуть свою решимость. – Я окинул это дело мысленным взором, помолился и понял, что не дам вам опоить меня своими гнилыми зельями.

– Вы дурак, – сказала я, совершенно сбитая с толку, затем поднялась и ответила ему таким же сердитым взглядом. – Да что на вас нашло?

Кристи опешил, как будто змея, лежащая в траве у его ног, вдруг посмела к нему обратиться.

– Ничего на меня не находило, – ответил мужчина грубовато. Он воинственно задрал подбородок, направив на меня свою короткую бородку. – Что нашло на вас, мадам?

– А я-то думала, это только горцы упрямы, как ослы!

Это сравнение явно его оскорбило, но прежде чем он успел продолжить перепалку, в кабинете показалась голова Джейми, привлеченного шумом нашей ссоры.

– Какие-то проблемы? – вежливо поинтересовался он.

– Да, он отказывается...

– Да, она упорствует...

Наши слова слились в невнятный шум, и мы оба замолчали, зло уставившись друг на друга. Джейми перевел взгляд с меня на мистера Кристи, а потом на аппарат на столе и возвел глаза к небу, как будто прося указать ему путь. Он задумчиво потер место над губой.

– Так, – сказал Джейми наконец. – Ты хочешь, чтобы твою руку вылечили, Том?

– Да, – ответил Кристи и покосился на меня с откровенным подозрением. – Но я не собираюсь терпеть все эти папистские штучки!

– Папистские? – переспросили мы с Джейми одновременно. Его голос звучал немного озадаченно, мой – очень раздраженно.

– Ай, и не надо думать, будто теперь ты сможешь обдурить меня, Фрэзер!

Джейми бросил на меня красноречивый взгляд в духе «я тебя предупреждал», но весь подобрался, надеясь на лучшее.

– Что ж, ты всегда был странным упрямым засранцем, Том, – заметил он мягко. – Уверен, тебе это страшно нравится, но могу сказать по собственному опыту – будет очень больно.

Кристи, кажется, немного побледнел.

– Посмотри, Том, – Джейми кивнул на поднос с инструментами: два скальпеля, зонд, ножницы, щипцы и две иглы для накладывания швов с уже заправленными нитками, плавающие в банке со спиртом. Металл тускло блестел в солнечном свете. – Она будет резать твою руку, понимаешь?

– Я это знаю, – огрызнулся Кристи, но глаза его скользнули прочь от зловеще мерцающих лезвий.

– Ага, знаешь. Но не имеешь ни малейшего представления о том, каково это. А я имею. Видишь? – Он приподнял руку, повернув тыльной стороной к Тому, и помахал перед его лицом. В таком положении, залитые светом утреннего солнца, тонкие белые шрамы, пересекавшие его пальцы, резко выделялись на фоне темно-бронзовой кожи. – Это чертовски больно, – заверил он упрямца. – Тебе не захочется такое пережить, и у тебя есть выбор – прямо перед твоим носом.

Кристи едва взглянул на руку. Конечно, подумалось мне, он знает, как это выглядит, – он жил с Джейми три года.

– Я сделал свой выбор, – проговорил он с достоинством. Кристи сел на стул и положил руку на салфетку ладонью вверх. Краска сошла с его лица, а вторая рука была сжата так сильно, что дрожала от напряжения.

Джейми рассматривал его несколько секунд, нахмутив брови, затем вздохнул.

– Ну, тогда подожди-ка немного.

Очевидно, спорить с ним дальше смысла не было, и я не стала даже пытаться. Я взяла с полки бутылку медицинского виски и щедро плеснула в чашку.

– «Употребляй немного вина ради желудка твоего», – сказала я, решительно вкладывая чашку в ладонь Кристи. – Святой Павел, наш общий знакомый. Если уж пить ради желудка можно, то и ради руки не зазорно.

Губы Кристи, крепко сжатые в ожидании, удивленно приоткрылись. Он перевел взгляд с чашки на меня и обратно. Потом сглотнул, кивнул и начал пить. Но прежде чем он закончил, вернулся Джейми, держа в руках маленькую потрепанную зеленую книжку, которую он без церемоний сунул Кристи. Том озадаченно вытянул ее перед собой и прищурился, разглядывая томик. На потертой обложке было написано: «Библия, версия короля Якова».

– Сгодится любая помощь, не так ли? – слегка угрюмо спросил Джейми.

Кристи пронзил его взглядом, затем кивнул, и его бороду, словно тень, прорезала едва заметная улыбка.

– Спасибо, сэр, – сказал Том. Он вытащил очки из кармана куртки, нацепил их на нос, открыл книжицу с величайшей осторожностью и начал листать, очевидно, пытаясь найти подходящие строчки перед грядущей операцией без анестезии.

Я многозначительно посмотрела на Джейми, и он в ответ рассеянно пожал плечами. Это была не просто Библия. Это была Библия, которая однажды принадлежала Александру Макгрегору. Она досталась Джейми, когда он был еще совсем молодым и оказался узником в тюрьме Форт-Уильяма стараниями капитана Джонатана Рэндолла. После первой порки и в ожидании второй его, испуганного и страдающего от боли, заперли в одиночной камере, где компанию Джейми составляли только собственные мысли да эта Библия, которую ему отдал гарнизонный врач, чтобы хоть как-то помочь парню.

Алекс Макгрегор был еще одним юным шотландским заключенным, который предпочел наложить на себя руки, нежели страдать от своеобразных знаков внимания капитана Рэндолла. Его имя было написано на обороте опрятным, слегка размашистым почерком. Маленькая Библия была хорошо знакома со страхом и страданиями, и, хотя она не была эфиром, я все же надеялась, что книга обладает некими обезболивающими свойствами.

Тем временем Кристи нашел для себя что-то подходящее. Он откашлялся, выпрямился на стуле и вновь положил руку на салфетку

ладонью вверх – на этот раз с такой решимостью, что я задалась вопросом, уж не попался ли ему отрывок, в котором Маккавеи с охотой отдают свои руки и языки на отсечение, вверяясь царю небесному. Однако, заглянув ему через плечо, я убедилась, что это была Псалтирь.

– Начинайте, когда вам будет удобно, мистрис Фрэзер, – вежливо сказал Кристи.

Так как моему пациенту предстояло оставаться в сознании, мне нужно было провести дополнительные приготовления. Мужество и сила духа, конечно, прекрасные качества, как и истовая вера, но существовало сравнительно мало людей, способных оставаться без движения, пока режут их руку. И думалось мне, Том Кристи был не из таких.

У меня были хорошие запасы льняных повязок. Я закатала его рукав и использовала несколько полос, чтобы крепко примотать предплечье Кристи к небольшому столу, за которым оперировала. Другой повязкой я отогнула и зафиксировала скрюченные пальцы, чтобы они не мешали моим манипуляциям.

Хотя Кристи и был шокирован идеей возлияний за чтением Библии, Джейми – и, вполне возможно, вид скальпелей убедили его, что в данных обстоятельствах это оправданная жертва. Он успел выпить пару унций к тому времени, как я закончила с путами и протерла его ладонь спиртом, и выглядел куда более расслабленным, чем полчаса назад. Однако вся его расслабленность испарилась, как только я сделала первый надрез.

Весь воздух вырвался из него с одним резким выдохом, он выгнул спину дугой, дернув на себя стол, который заскрежетал по полу. Я вовремя схватила его запястье, не давая сорвать повязки, а Джейми крепко взял его за плечи и прижал к стулу.

– Ну-ну, все нормально, – сказал Джейми, с силой удерживая его. – Ты справишься, Том. Справишься.

Лицо Кристи покрылось потом, а глаза за стеклами очков стали огромными. Взглянув на свою руку, которая обильно кровоточила, он подавился, сглотнул и спешно отвернулся, белый как полотно.

– Если вас тошнит, мистер Кристи, то постарайтесь попасть вот сюда, хорошо? – сказала я, подталкивая к нему ногой пустое ведро. Я по-прежнему держала его запястье, а другой рукой прижимала импровизированный тампон к разрезу.

Джейми продолжал говорить с Кристи так, будто успокаивал испуганную лошадь. Том оставался неподвижным, но тяжело дышал и дрожал каждой частичкой тела, включая руку, с которой мне нужно было работать.

– Мне прекратить? – спросила я Джейми, бегло оглядывая пациента. Я почувствовала, как стучит пульс в запястье, которое я удерживала. Он не был в состоянии шока, но ему явно было плохо.

Джейми покачал головой, глядя на лицо Кристи.

– Нет. Выйдет, что мы напрасно потратили столько виски, а? К тому же он не захочет снова ждать. Вот Том, выпей-ка еще, это тебе поможет. – Джейми прижал чашку к губам Кристи, и тот глотнул не раздумывая.

Муж отпустил плечи Кристи, когда тот успокоился, и вместо этого крепко прижал его предплечье к столу одной рукой. Другой он поднял Библию, которая упала на пол, и неловко открыл ее.

– Десница Господня высока, – прочел он, щурясь и заглядывая в книгу через плечо Кристи. – Десница Господня творит силу. Кажется, это подходит, да? – Он опустил взгляд на Кристи, который затих и положил на живот вторую руку, сжав ее в кулак.

– Продолжайте, – хрипло сказал тот.

– Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни, – продолжил Джейми тихим, но твердым голосом. – Строго наказал меня Господь, но смерти не предал меня.

Кажется, Кристи находил это ободряющим, дыхание его стало не таким судорожным. У меня не было времени смотреть на него, но его рука под пальцами Джейми была тверда, как дерево. Как бы там ни было, он начал бормотать вместе с ним, подхватывая по несколько слов из каждой фразы.

– Отворите мне врата правды... Славлю Тебя, что Ты услышал меня...

Я уже обнажила апоневроз и ясно видела утолщение. Одним движением скальпеля я освободила его край, затем глубоко и безжалостно рассекла фиброзные ткани... Металл задел кость, и Кристи ахнул.

– Бог – Господь, и осиял нас; вяжите вервями жертву, ведите к рогам жертвенника...

Я услышала нотку веселья в голосе Джейми, когда он читал эти строки, и почувствовала, как он повернулся ко мне. Это действительно выглядело так, словно я совершала жертвоприношение. Ладони, конечно, не кровоточат столь обильно, как голова, но в них хватает мелких сосудов. Одной рукой я работала, а второй постоянно промокивала кровь. Использованные комки окровавленной ткани усеивали стол и пол вокруг меня.

Джейми листал книгу взад и вперед, выбирая случайные части Писания, но Кристи уже был с ним и вторил его словам. Я бросила на него быстрый взгляд: лицо было по-прежнему серым, а пульс слишком частым,

но по крайней мере дышал он ровнее. Кристи явно читал по памяти: стекла очков запотели.

Теперь я полностью удалила ткани, которые блокировали подвижность, и убирала мелкие волокна с сухожилий. Скрюченные пальцы вдруг дернулись, и обнаженные струны сместились, блеснув, как серебристая рыбка. Я обхватила пальцы и яростно их стиснула.

– Вы должны сидеть смирно, – сказала я. – Мне нужны обе руки, я не могу вас держать.

Посмотреть на него я не могла, но почувствовала, как мой пациент кивнул, и отпустила пальцы. Я убрала последние частицы апоневроза вокруг мягко поблескивающих сухожилий, обработала ткани смесью алкоголя и очищенной воды и принялась накладывать швы. Пока я оперировала, голоса мужчин звучали для меня отдаленным шепотом, глухим бормотанием, но теперь, когда я начала зашивать рану и немного расслабилась, я снова слышала их.

– Господь – Пастырь мой; я ни в чем...

Я подняла голову, вытирая пот со лба рукавом, и увидела, что Томас Кристи прижал закрытую Библию к телу свободной рукой. Его подбородок с силой упирался в грудь, глаза были крепко зажмурены, а лицо искажено болью. Джейми по-прежнему удерживал предплечье Тома, положив вторую руку на плечо и склонившись к его голове. Он тоже читал по памяти с закрытыми глазами.

– Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной...

Я сделала последний стежок, отрезала нить и, не медля, тем же движением освободила Кристи от повязки, удерживающей руку. Наконец-то можно было выдохнуть. Голоса мужчин резко замолкли. Я приподняла ладонь, наложила свежую тугую повязку и осторожно отвела согнутые пальцы назад, расправляя их.

Кристи медленно открыл глаза. Его зрачки казались огромными и темными за стеклами очков, пока он рассматривал руку. Я улыбнулась ему и легонько потрепала по запястью.

– Так, благость и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей, – мягко сказала я, – и я пребуду в доме Господнем многие дни.

Глава 24

Не прикасайся ко мне

Пульс Кристи был немного учащенным, но сильным. Я опустила его запястье и потрогала лоб.

– У вас небольшой жар, – сказала я. – Вот, выпейте. Я положила руку ему на спину, чтобы помочь сесть на постели – это его испугало. Он резко сел в ворохе одеял, задел больную руку и резко выдохнул от боли.

Я тактично сделала вид, что не заметила этой реакции, которую списала на то, что он был облачен только в нижнюю рубашку, а я – в ночную сорочку. Я выглядела достаточно скромно, к тому же набросила легкую шаль поверх льняной ночнушки. Однако у меня были основания полагать, что Кристи не бывал рядом с женщиной в дезабилье с тех пор, как умерла его жена, если не раньше. Я бормотала нечто невнятное, пока он пил чай с окопником из чашки, которую я поднесла к его губам, а потом взбила подушки в заботливой, но безличной манере.

Вместо того чтобы отправить его домой, я настояла на том, чтобы он остался на ночь, – так я смогла бы отследить появление послеоперационной инфекции. Не было никакой уверенности, что Кристи, непримиримый по натуре, будет следовать моим рекомендациям и не возьмется кормить свиней, колоть дрова или подтираться больной рукой. Я не собиралась выпускать его из виду, пока разрезы не начнут затягиваться, что должно произойти на следующий день, если все пойдет нормально.

По-прежнему дрожащий от шока, он не стал возражать, и мы с миссис Баг уложили его в кровать в комнате Уэмиссов – мистер Уэмисс и Лиззи ушли к Макгилливреям.

Лауданума у меня не было, но я напоила Кристи крепким отваром валерианы и зверобоя, так что он проспал большую часть дня. От ужина он отказался, но миссис Баг, питавшая к нему симпатию, весь вечер потчевала его тодди, силлабабом и прочими питательными эликсирами. Все они содержали немало алкоголя, вследствие чего Кристи стал покрасневшим и немного ошалелым и даже не пытался возражать, когда я завладела его перебинтованной рукой и поднесла к ней свечу, чтобы осмотреть.

Кисть опухла немного сильнее, чем я ожидала. Бинты оказались слишком тугими и неудобно врезались в кожу. Я разрежала их и, аккуратно придерживая пропитанную медом тряпицу, которая прикрывала рану, приподняла руку и принялась.

Пахло медом, кровью, травами, и вокруг раны витал едва заметный металлический привкус недавно отделенной плоти. Но сладковатого запаха гноя я не почувствовала. Это хорошо. Я осторожно нажала возле повязки, проверяя, не появятся ли красные полосы на коже или резкая боль. Но помимо понятной чувствительности и легкого воспаления, никаких

тревожных симптомов не было.

И все же у него был жар, этого нельзя было упускать из виду. Я взяла свежие бинты и замотала их осторожно поверх медовой примочки, завершив процесс бантом на тыльной стороне ладони.

– Почему вы никогда не носите платка или чепца?

– Что? – Я удивленно посмотрела на него, потому что на время осмотра успела забыть, что к руке прилагается человек. Свободной рукой я коснулась головы. – Зачем это мне?

Иногда я заплетала волосы перед сном, но не сегодня. Однако я расчесала их, и они, распущенные, лежали на плечах и шее, источая приятный аромат настоя иссопа и цветков крапивы, который я использовала, чтобы уберечься от вшей.

– Зачем? – Он немного повысил голос. – Всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытой головой, постыжает свою голову, ибо это то же, как если бы она была обритая.

– О, мы вернулись к нашему старому знакомому, апостолу Павлу? – пробормотала я, снова опуская глаза к его руке. – Вам никогда не приходило в голову, что женщины для него явно болезненная тема? К тому же я сейчас не молюсь, и мне нужно посмотреть, как пройдет сегодняшняя ночь, прежде чем я рискну делать какие-либо пророчества. Но пока что, кажется...

– Ваши волосы. – Я посмотрела на него и увидела, что он внимательно разглядывает меня, уголки его губ были неодобрительно опущены. – Они... – Он неопределенно махнул рукой вокруг собственной стриженной макушки. – Они...

Я вопросительно подняла брови.

– Их слишком много, – закончил он довольно вяло.

Какую-то секунду я пристально смотрела на Кристи, затем опустила его руку и потянулась за маленькой зеленой Библией, которая лежала на столе.

– Послание к Коринфянам, да? Да, вот оно. – Я выпрямила спину и начала читать: «Не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестье для него, но если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала». – Я захлопнула книгу и положила ее назад. – Может, вы пойдете к моему мужу и объясните ему, как непотребно выглядят его волосы? – спросила я вежливо. Джейми уже лег, из нашей комнаты доносился ритмичный приглушенный храп. – Или думаете, он и так в курсе?

Кристи и так был покрасневшимся от выпивки и температуры, а

после моих слов густой красный румянец залил его от груди до корней волос. Рот стал беззвучно открываться и закрываться, как у рыбы. Я не собиралась ждать, пока он решится на какой-нибудь ответ, и обратила все внимание на руку.

– Теперь вот что, – сказала я строго, – вы должны регулярно делать упражнения, чтобы мышцы не сводило судорогой, пока все приходит в норму. Сначала будет больно, но делать нужно обязательно. Давайте я покажу.

Я взяла его безымянный палец за первую фалангу, и, удерживая его в распрямленном положении, немного согнула верхний сустав.

– Видите? Теперь сами. Держите второй рукой и пытайтесь сгибать только верхний сустав. Вот так. Чувствуете, как тянет в ладони? Так и должно быть. Теперь мизинец... да. Да, очень хорошо.

Я подняла на него взгляд и улыбнулась. Румянец немного спал, но Кристи по-прежнему выглядел сконфуженным. Он не улыбнулся в ответ, а вместо этого спешно перевел глаза на руку и в сторону.

– Ну вот. А теперь положите ладонь на стол плашмя – да, вот так – и попытайтесь приподнять безымянный палец и мизинец самостоятельно. Знаю, это нелегко, но продолжайте пытаться. Вы голодны, мистер Кристи?

Его желудок громко заурчал, судя по всему, удивив меня так же сильно, как его самого.

– Думаю, я мог бы чего-нибудь съесть, – промямлил он нелюбезно, хмурясь на несговорчивую руку.

– Сейчас принесу. А вы продолжайте упражняться, ладно?

В доме стояла тишина, все замерло с приходом ночи. Было тепло, ставни стояли открытыми, и в окна падало довольно лунного света, чтобы не зажигать свечу. От темноты в углу кабинета отделилась тень и последовала за мной по коридору на кухню. Адсо оставил ночную охоту в надежде заполучить более легкую добычу.

– Привет, кот, – сказала я, когда он проскользнул в кладовую, задев мои лодыжки. – Если думаешь, что тебе достанется ветчина, советую подумать еще раз. Максимум, что тебе светит, это миска молока.

Невысокая крынка из белого фаянса с голубой полоской по кругу тускло белела в темноте. Я налила молока в блюдце и поставила его на пол для Адсо, затем стала собирать легкий ужин, имея в виду, что в понимании шотландцев легкий ужин превращается в нечто, чем можно до отвала накормить даже лошадь.

– Ветчина, холодный печеный картофель, жареная кукурузная каша, хлеб и масло, – бормотала я себе под нос, укладывая все это на большой

деревянный поднос. – Клецки с кроликом, маринованные томаты, немножко пирога с изюмом на сладкое... что же еще? – Я посмотрела вниз, где тень у моих ног довольно звучно лакала молоко. – Я бы и ему дала молока, да он не станет его пить. Что ж, тогда продолжим, как начали – это поможет ему уснуть. – Я потянулась за графином виски и поставила его на поднос.

Легкий запах эфира почудился мне в коридоре, пока я шла к лестнице. Я подозрительно приняухалась – может, Адсо уронил бутылку? Нет, пахнет не так уж сильно, решила я, должно быть, пары немного просачиваются через пробку.

Я была одновременно рада и разочарована, что мистер Кристи отказался от эфира. Рада – потому что нельзя было предсказать, каков был бы эффект, сработал бы он вообще. Разочарована – потому что мне бы очень хотелось добавить к своим умениям еще и способность лишать людей сознания, это был бы бесценный дар для моих будущих пациентов, которым мне хотелось поделиться и с мистером Кристи.

Кроме того факта, что операция оказалась крайне болезненной, работать с пациентом в сознании было гораздо сложнее. Мышцы напряжены, адреналин бежит по венам, сердце бьется сильнее, заставляя кровь не просто течь, а буквально брызгать... В который раз с сегодняшнего утра я вспоминала всю операцию в деталях, задаваясь вопросом, можно ли было сделать что-то лучше.

К моему удивлению, Кристи все еще продолжал упражняться – его лицо покрылось потом от усилий, а рот был угрюмо сжат.

– Очень хорошо, – сказала я. – Теперь можно остановиться, я не хочу, чтобы у вас опять пошла кровь. – Я машинально взяла салфетку и убрала пот с его висков.

– В доме есть кто-то еще? – спросил он, раздраженно уворачиваясь от салфетки. – Я слышал, как вы говорили с кем-то внизу.

– О – воскликнула я немного растерянно. – Нет, только кот.

Адсо пришел наверх вместе со мной и, дождавшись официального представления, запрыгнул на кровать и принялся топтаться по одеялу, не спуская больших зеленых глаз с тарелки с ветчиной.

Кристи перевел полный подозрений взгляд с кота на меня.

– Нет, он не мой сообщник, – ядовито сказала я, хватая Адсо и бесцеремонно сбрасывая на пол. – Он кот. Разговаривать с ним чуть менее странно, чем самой с собой, вот и все.

По лицу Кристи скользнуло удивление – может, оттого, что я прочла его мысли, или просто от степени моей невменяемости, – но

подозрительный прищур исчез.

Я быстро разрезала еду на небольшие кусочки, но Кристи настоял, что есть будет сам. Вилку он неуклюже держал левой рукой, не отрывал глаз от тарелки и сосредоточенно хмурил брови. Когда пациент закончил с пищей, он одним глотком осушил чашку с виски, как будто это была вода, оставил пустую посуду и посмотрел на меня.

– Мистрис Фрэзер, – сказал он, тщательно проговаривая слова, – я образованный человек. Я не думаю, что вы ведьма.

– О, значит, нет? – ответила я весело. – Так вы не верите в ведьм? Но ведь в Библии ведьмы упоминаются.

Он приглушил отрыжку кулаком и осмотрел меня с сомнением.

– Я не говорил, что не верю в ведьм. Я в них верю. Я сказал, что вы не ведьма. Вот.

– Я очень польщена услышать такое от вас, – сказала я, пытаюсь сдержать улыбку. Он был пьян, и, хотя выговаривал слова четче обычного, в речи стал прорываться акцент. Кристи всегда скрывал эдинбургский выговор, насколько мог, но сейчас он становился все заметней.

– Добавки? – Не дожидаясь ответа, я плеснула изрядную порцию виски в его чашку. Ставни были открыты, комната дышала прохладой, но пот по-прежнему блестел в складках его шеи. Кристи явно было больно, и он не смог бы уснуть без помощи.

В этот раз он пил маленькими глотками, глядя на меня поверх края чашки, пока я убирала остатки ужина. Несмотря на виски и полный желудок, он становился все более беспокойным – беспокойно ворочал ногами под одеялом и передергивал плечами. Мне пришло в голову, что ему понадобился ночной горшок, и я уже начала раздумывать, стоит ли мне предложить ему помощь или просто оставить рядом с кроватью. Последнее, решила я. Однако я ошиблась. Прежде чем я успела выйти, он поставил чашку на стол и сел прямее на кровати.

– Мистрис Фрэзер, – сказал он, сверля меня своими маленькими глазками, – я хотел бы извиниться перед вами.

– За что? – спросила я изумленно.

Он плотно сжал губы.

– За... мое поведение сегодня утром.

– О. Что ж... ничего страшного. Я понимаю, что мысль о том, что вас собираются усыпить... могла показаться довольно странной.

– Я не о том. – Он бросил на меня резкий взгляд, и снова опустил глаза. – Я про то... что я... не смог усидеть спокойно.

Я заметила, что он опять становится пунцовым, и внезапно

почувствовала к нему симпатию. Он действительно стыдился этого. Опустив поднос, я присела на стул возле кровати, раздумывая, что бы такое сказать, чтобы как-то ободрить его, а не усугубить терзания.

– Мистер Кристи, но ведь я и не ожидаю, что человек сможет сидеть смирно, пока ему разрезают руку. Такие вещи не в человеческой природе.

Он бросил на меня быстрый свирепый взгляд.

– Даже от вашего мужа?

Опешив, я моргнула. Меня смутили даже не его слова, но горечь, прозвучавшая в них. Роджер передал мне кое-что из рассказа Кенни Линдси об Ардсмуире. Ни для кого не было секретом, что Кристи тогда завидовал лидерству Джейми, но при чем тут все это?

– Почему вы так говорите? – спросила я спокойно. Я взяла его больную руку, как будто чтобы проверить повязки, а на самом деле, чтобы не смотреть ему в глаза.

– Это ведь правда, так? Рука вашего мужа. – Бородка Тома воинственно топорщилась в мою сторону. – Он сказал, вы вылечили ее. И он не дергался и не извивался, пока вы делали свое дело, так?

Нет, Джейми не дергался. Он молился, ругался, истекал потом, плакал, даже кричал – раз или два. Но он не шелохнулся. Рука Джейми уж точно не то, что мне хотелось бы обсуждать с Кристи.

– Все разные, – сказала я, пытаюсь смотреть ему прямо в глаза. – Я не ожидаю...

– Вы не ожидаете ни от кого, что они будут держаться так же хорошо, как он. Да, я понял. – Блеклая краснота снова запылала на его щеках, и он опустил взгляд на перевязанную руку. Пальцы свободной руки были сжаты в кулак.

– Я не это имела в виду, – запротестовала я. – Совсем не это! Я накладывала швы и вправляла кости куче народа – почти все горцы держались очень храбро... – В эту секунду я запоздало вспомнила, что Кристи не был горцем.

Он издал низкий рычащий звук.

– Горцы, – сказал он. – Хмф! – Последнее звучало так, как будто он с радостью сплюнул бы себе под ноги, если бы не присутствие дамы.

– Варвары? – отозвалась я в том же тоне. Он посмотрел на меня, и я заметила, как дернулся угол его рта, – он тоже кое-что запоздало вспомнил. Кристи отвел глаза и глубоко вздохнул – я почувствовала запах виски в его дыхании.

– Ваш муж... он... конечно, джентльмен. И он происходит из благородной семьи, хоть и запятнанной предательством. – «Р» в

«предательстве» прозвучало как раскат грома, Кристи и вправду был очень пьян. – Но ведь он тоже... тоже... – Том нахмурился, пытаясь подобрать подходящее слово. – Он один из них. Вы ведь понимаете это, вы, англичанка?

– Один из них, – повторила я, пытаясь не улыбаться. – Вы имеете в виду один из горцев или варваров?

Он посмотрел на меня с выражением не то триумфа, не то озадаченности.

– Разве это не одно и то же?

В словах Кристи была доля правды. Я встречала знатных и образованных горцев – таких как Колум и Дугал Маккензи, не говоря уже про деда Джейми, изменника лорда Ловата, на которого намекал Кристи, но факт оставался фактом – в каждом из них жили инстинкты викинг-завоевателей. Даже в Джейми, если говорить начистоту.

– О... Ну... Они имеют склонность к... – начала я неуверенно, задумчиво потирая место над верхней губой. – Думаю, их растили воинами. Это вы имеете в виду?

Кристи глубоко вздохнул и легонько покачал головой, но не потому, что был со мной не согласен, а скорее выражая свое неодобрение по части традиций и обычаев горцев. Мистер Кристи был образованным человеком, сыном эдинбургского торговца, самостоятельно выбившегося в люди, и потому он имел амбиции зваться джентльменом, хоть и довольно шаткие. А вот варвара бы из него не вышло никогда. Я понимала, почему горцы озадачивали и раздражали его. Каково это было для него – оказаться заключенным вместе с кучкой неотесанных, по его меркам, свирепых, экспрессивных варваров-католиков и вынужденно считаться одним из них?

Кристи откинулся назад на подушках, сжав рот в тонкую полоску и закрыв глаза. Не открывая их, он неожиданно спросил:

– Вы знаете, что ваш муж носит шрамы от ударов хлыстом?

Я открыла было рот, чтобы язвительно сообщить ему, что состою в браке с Джейми уже почти тридцать лет, когда поняла, что вопрос был задан с учетом его собственных взглядов на природу брачного союза, о которых мне не хотелось знать в подробностях.

– Знаю, – ответила я коротко, мельком глянув на дверь. – Почему вы спрашиваете?

Кристи открыл глаза, взгляд его был расфокусирован. С некоторым усилием он перевел его на меня.

– Почему? – спросил он заплетающимся языком. – Что он сделал?

Я почувствовала, как кровь прилила к моим щекам от возмущения.

– В Ардсмуире, – сказал Кристи прежде, чем я успела ответить, тыкая в меня пальцем, – у него нашли кусок тартана, да? Запрещенный.

– Да? – машинально повторила я, сбитая с толку. – То есть правда?

Кристи медленно покивал головой, похожий на огромную пьяную сову с застывшим взглядом.

– Не его собственный. Одного паренька.

Он открыл рот, чтобы продолжить, но оттуда вылетела только мягкая отрыжка, удивившая его самого. Мужчина сжал губы и моргнул, а затем предпринял новую попытку.

– Это был поступок, исполненный неве... невероятного... благородства и смелости. – Он посмотрел на меня и снова покачал головой. – Непо... непостижимо.

– Непостижимо? Вы имеете в виду то, как он взял это на себя? – Уж я-то знала, как. Джейми всегда был так отчаянно упрям, что доводил до конца все, что задумывал, – что бы с ним ни случилось, пускай хоть сама преисподняя разверзнется на его пути. Но Кристи это, конечно же, знал и сам.

– Не как, – голова Кристи качнулась сама по себе, и он не без усилий выпрямил шею, – а почему.

– Почему?

Мне хотелось сказать, потому что он чертов герой, вот почему – это в его природе. Но говорить так было бы неразумно. К тому же я понятия не имела, почему Джейми так поступил: я впервые услышала об этой истории, что было странно.

– Он сделает что угодно, чтобы защитить своих людей, – сказала я вместо этого.

Взгляд Кристи был слегка остекленевшим, но в нем проблескивало сознание. Он молча смотрел на меня несколько долгих мгновений, за стеклами очков ворочались какие-то мысли. В коридоре скрипнула половица, и я наострила уши, прислушиваясь к дыханию Джейми. Да, я слышала его – мягкие и ровные раскаты, муж по-прежнему спал.

– Он думает, что я один из «его людей»? – спросил наконец Кристи. Он говорил тихо, но в голосе его звучало одновременно недоверие и возмущение. – Потому что, зав... заверяю вас, я не один из них!

Я начинала думать, что последний бокал виски был роковой ошибкой.

– Нет, – сказала я со вздохом, сдерживая желание закрыть глаза и помассировать лоб. – Уверена, он так не думает. Если вы имеете в виду это, – я кивнула на Библию, – у меня нет сомнений в том, что это было простое проявление доброты. Он сделал бы то же даже для незнакомца, как

и вы, ведь так?

Он некоторое время тяжело дышал, свирепо глядя перед собой, затем кивнул и откинулся назад, как будто исчерпав запасы сил, может, так оно и было. Вся воинственность вдруг вышла из него, как воздух из воздушного шара. Кристи как-то сник и будто уменьшился в размерах.

– Простите, – сказал он тихо, поднял забинтованную руку и тут же безвольно ее уронил.

Я не была уверена, извиняется ли он за свои слова о Джейми или за то, что ему казалось собственной трусостью сегодня утром. Мне показалось, что будет разумно не задавать вопросов, и я встала, разглаживая льняную ночнушку на бедрах. Укрыв его хорошенько одеялом, я задула свечу. Он казался бесформенной тенью на подушках, дыхание было медленным и хриплым.

– Вы отлично справились, – прошептала я и погладила его по плечу. – Спокойной ночи, мистер Кристи.

* * *

Мой личный варвар спал, но проснулся, как потревоженная кошка, как только я забралась в постель. Он вытянул руку и притянул меня к себе с вопросительным «Ммм?».

Я устроилась рядом с ним и тут же почувствовала, как напряженные мышцы расслабляются от его тепла.

– Ммм.

– Ну и что там малыш Том? – Он отодвинулся немного назад и опустил руки на мою трапецевидную мышцу, разминая шею и плечи.

– О да. Невыносим, колюч, придиричив и очень пьян. В остальном в полном порядке. Ох. Еще немного, чуть выше. Да. Ох, вот так.

– Ай, что ж, судя по всему, Том очень старается, не считая пьянства. Если ты продолжишь так стонать, саксоночка, он подумает, что я массирую тебе не шею, а что-то другое.

– Мне все равно, – сказала я, не открывая глаз, чтобы лучше ощутить чувство легкой вибрации в позвоночнике. – Довольно мне на сегодня Тома Кристи. Кроме того, он уже должен спать мертвецким сном с таким количеством выпивки.

– Откуда взялась эта Библия? – спросила я, хотя ответ был очевиден. Видимо, Дженни прислала ее из Лаллиброха – ее последняя посылка прибыла пару дней назад, пока я была в Салеме.

Джейми ответил на вопрос, который меня на самом деле очень волновал, вздохнув так, что у меня зашевелились волосы на затылке:

– У меня было странное чувство, когда я увидел ее среди книг, которые прислала сестра. Не мог решить, что с ней делать, да?

Ничего удивительного, что ему было странно.

– Она не сказала, почему прислала ее?

Мои мышцы начали расслабляться, тупая боль между лопатками становилась слабее. Я почувствовала, как он пожал плечами.

– Она прислала ее с другими книгами. Сказала, что разбирала чердак и нашла коробку, так что решила отправить их мне. Но она упомянула еще, что деревня Килденни вроде как эмигрировала в Северную Каролину, а они там все Макгрегоры.

– А, понятно.

Джейми как-то говорил мне, что хочет однажды найти мать Алекса Макгрегора и передать ей Библию и сказать, что ее сын был отмщен. Он пытался наводить справки после Каллодена, но выяснил, что его родители мертвы. Только сестра осталась в живых, но она вышла замуж и покинула дом – никто не знал, где она, осталась ли в Шотландии.

– Думаешь, Дженни или, скорее, Йен наконец нашли сестру? И она жила в той деревне?

Он снова передернул плечами и, в последний раз сжав мои ноющие мышцы, убрал руки.

– Может, и так. Ты знаешь Дженни, она оставит выбор за мной – искать эту женщину или нет.

– А ты станешь? – Я перевернулась, чтобы посмотреть на него. Алекс Макгрегор повесился, чтобы не быть больше игрушкой в руках Черного Джека Рендолла. Джек Рендолл был мертв, погиб при Каллодене. Воспоминания Джейми о битве были очень выборочными, фрагментарными, шок от сражения и последующая лихорадка заставили забыть многое. Он очнулся раненый, а тело Джека Рендолла лежало на нем сверху, но что случилось, он не помнил. И все же, думаю, Алекс Макгрегор был отмщен – была ли то разящая рука Джейми или чья-то еще.

Пару секунд он размышлял об этом, и я почувствовала, как он стучит негнущимися пальцами правой руки по бедру.

– Я поспрашиваю, – сказал он наконец. – Ее звали Майри.

– Ясно. Что ж, в Северной Каролине не может быть больше... всего-то трех или четырех сотен женщин по имени Майри.

Он засмеялся, и под аккомпанемент храпа Тома Кристи, раздававшегося из-под двери напротив, мы провалились в сон.

Через несколько минут или, может, часов я проснулась, вслушиваясь. В комнате было темно, огонь в очаге погас, ставни тихонько постукивали. Я сделала усилие, пытаюсь немного прийти в себя, чтобы встать и проверить своего пациента, но тут услышала его – длинные свистящие вдохи, а следом раскатистый храп.

Не эти звуки меня разбудили, а внезапная тишина на другой стороне кровати. Джейми напряженно лежал рядом, едва дыша. Я медленно, чтобы не испугать, подняла руку и положила ему на бедро. Ему не снились кошмары уже несколько месяцев, но симптомы были мне знакомы.

– Что такое? – прошептала я.

Он вдохнул чуть глубже обычного, и его тело, казалось, моментально сжалось. Я не шевелилась и не убирала руки с его ноги, чувствуя, как мышцы едва заметно сокращаются под моими пальцами – знак того, что во сне Джейми от кого-то убегал. Однако сбежать он не смог. Резко и сильно передернув плечами, он выдохнул и обмяк на матрасе. Некоторое время он молчал, вес его тела притягивал меня ближе, словно планета свой спутник. Я тихо лежала, положив на него руку и прижимаясь бедром к его бедру – плоть к плоти.

Джейми смотрел вверх, в густоту теней между потолочными балками. Я видела линию его профиля и как блестели в темноте глаза, когда он моргал время от времени.

– В темноте... – прошептал он наконец. – В Ардсмуире мы лежали в темноте. Иногда было видно луну или звезды, но даже тогда на полу, где мы лежали, ничего нельзя было разглядеть. Сплошная чернота, в которой можно только слушать. Слушать дыхание сорока мужчин в камере, их шуршание, их движения. Храп, кашель, звуки беспокойного сна и едва слышные характерные звуки от тех, кому не спалось.

Мы не думали об этом неделями. – Слова уже легче срывались с его уст. – Мы всегда были голодными и замерзшими. Кожа да кости. Много думать было некогда – только о том, как переставлять ноги да как поднять следующий камень... Думать не особенно и хотелось, понимаешь? И не думать было просто. Какое-то время. Но то и дело что-нибудь менялось. Пелена усталости вдруг поднималась без всякого предупреждения.

Иногда это была чья-нибудь история, знаешь, или письмо от матери или сестры. Иногда это приходило ниоткуда: никто и словом не обмолвился ни о чем таком, но ты просыпаешься из-за этого ночью, как будто

чувствуешь рядом с собой запах женщины.

Память, тоска... нужда. Они стали мужчинами, которым хватало крошечной искры, – внезапное воспоминание о потере выдергивало их из тупого смиренного безразличия.

Время от времени каждый бывал как не в себе. Постоянно случались драки. И ночью, в темноте... Ночью было слышно отчаяние – приглушенные всхлипы, неясные шорохи. В конце концов некоторые мужчины тянулись к другим – и иногда получали проклятия и тумаки в ответ. А иногда нет.

Я не знала, что он пытается мне рассказать и какое отношение это имеет к Тому Кристи. Или, может, к лорду Джону Грею.

– Кто-нибудь из них трогал тебя? – спросила я осторожно.

– Нет. Никому из них и в голову бы не пришло трогать меня, – ответил он очень спокойно. – Я был их вождем. Они любили меня, но никогда бы не прикоснулись ко мне.

Он глубоко и судорожно вздохнул.

– А ты хотел этого? – прошептала я. Мой собственный пульс стал чаще, я чувствовала биение в кончиках пальцев, которые прижимались к его коже.

– Я жаждал этого, – сказал он так тихо, что я едва расслышала, хотя лежала рядом. – Сильнее, чем еды. Сильнее, чем сна – хотя сна я желал отчаянно, и не только от усталости. Просто во сне я иногда видел тебя. Это была не тоска по женщине – хотя, бог свидетель, с этим тоже приходилось справляться. Мне только... мне было бы довольно прикосновения руки. Большого я не желал.

Его кожа горела от этой жажды, пока он не почувствовал, будто становится прозрачным, – ему казалось, сквозь грудную клетку просвечивала ничем неприкрытая горечь, живущая в сердце.

Джейми издал короткий горестный звук, нечто вроде смешка.

– Знаешь изображения Святого Сердца – мы видели такие в Париже?

Я знала, о чем он говорит – картины Ренессанса, яркие стеклянные витражи под сводами Нотр-Дама. Муж скорбей^[61] с обнаженным, пронзенным сердцем, сияющим от любви.

– Я вспоминал о них. И думал о том, что кому бы Спаситель ни явился в таком образе, тот мастер был очень одиноким человеком, раз понимал его так хорошо.

Я подняла руку и нежно опустила ее в маленькую ямку посередине его груди. Джейми откинул одеяло, поэтому кожа была прохладной. Он закрыл глаза, глубоко вздохнув, и крепко сжал мою ладонь.

– Эта мысль возвращалась ко мне, и мне казалось, я понимал, что чувствовал Христос: Он жаждал прикосновения, но никто не смел коснуться Его.

Глава 25

Прах к праху

Джейми еще раз перепроверил седельные сумки, хотя в последнее время делал это так часто, что это превратилось в нечто вроде ритуала. Однако открывая левую, он по-прежнему каждый раз улыбался. Брианна переделала ее для него: пришила кожаные петли, из которых выглядывали пистолеты, рукоятью вверх, чтобы их можно было выхватить в случае необходимости, и хитроумно поделила сумку на отделы, в которых удобно расположились мешочек с пулями, рожок для пороха, запасной нож, моток рыболовной лески, клубок шпагата для силков, швейный набор с булавками, иглами и нитями, сверток с едой, бутылка пива и аккуратно свернутая чистая рубаша. Снаружи находился маленький кармашек, который Бри гордо именovala «аптечкой для оказания первой помощи», хотя Джейми не совсем понимал, чем все это могло ему помочь. Комплект состоял из нескольких марлевых пакетиков с горько пахнущим чаем, жестянки с мазью и пары полосок самодельного липкого пластыря. Ничто из этого не казалось ему особенно полезным, случись что непредвиденное, с другой стороны, и вреда не будет.

Он вытащил кусок мыла и еще пару не особенно важных мелочей, которые она добавила к его багажу, и осторожно спрятал их под ведро, чтобы не обидеть ее ненароком. И как раз вовремя: Джейми услышал голос Бри, убеждающий молодого Роджера положить больше пар чистых чулок в его сумки. К тому времени, как они вывернули из-за сеновала, все было надежно упаковано и закрыто.

– Ну что, готов, а charaid?

– О да. – Роджер кивнул и скинул свои седельные сумки с плеча на землю. Он обернулся к Бри, держащей Джема на руках, и коротко поцеловал ее.

– Я пойду с тобой, папа! – воскликнул Джем с надеждой.

– Не в этот раз, парень.

– Хочу увидеть индейцев.

– Может, попозже, когда подрастешь.

– Я могу говорить по-индейски! Дядя Йен меня научил! Хочу пойти!

– Не в этот раз, – твердо сказала Бри, но, кажется, он не был намерен ее слушать и попытался сползти вниз.

Джейми издал короткий низкий рык и одарил внука суровым взглядом.

– Ты слышал родителей, – сказал он.

Джем обиженно посмотрел на него и выпятил было нижнюю губу, но в последний момент передумал и затих.

– В один прекрасный день вы обязаны рассказать мне, как вы это делаете, – проговорил Роджер, разглядывая своего отпрыска.

Джейми засмеялся и наклонился к внуку.

– Поцелуй дедулю на прощанье.

Позабыв о досаде, Джем потянулся и обхватил его за шею. Джейми забрал малыша у Брианны, обнял его и поцеловал. Мальчик пах кашей, тостами и медом – по-домашнему теплый и тяжелый груз в его руках.

– Будь хорошим мальчиком и приглядывай за мамой, хорошо? А когда подрастешь, возьмем тебя с собой. Иди-ка и попрощайся с Кларенсом, скажи ему те слова, которым научил тебя дядя Йен.

Дай бог, чтобы слова эти оказались подходящими для трехлетнего ребенка. Чувство юмора у Йена было специфическое. Или, быть может, Джейми просто вспомнилось, как он сам учил детей Дженни, включая Йена, кое-каким французским словечкам.

Он уже надел узду на лошадь Роджера и затянул седло. Вьючный мул Кларенс тоже был целиком загружен и готов. Пока Роджер крепил седельные сумки, Брианна проверяла подпругу и стремянные ремни – скорее для того, чтобы развеять тоску, чем из необходимости. Хотя она из всех сил старалась не выказывать своей тревоги, крепко закушенная нижняя губа выдавала ее с головой.

Джейми приподнял внука, чтобы он погладил мула по носу, – так у девчушки с Роджером будет пара минут наедине. Кларенс был послушный малый и сносил активные похлопывания Джема и его исковерканные фразы на чероки с христианским смирением, но когда мальчик потянул руки к Гидеону, Джейми резко отпрянул назад.

– Нет, парнишка, к этому мелкому засранцу лучше не лезть. Он отхватит тебе руку целиком.

Гидеон захлопал ушами и нетерпеливо ударил копытом. Огромному жеребцу до смерти хотелось сдвинуться с места и еще раз попытаться прикончить мальчишку.

– Зачем ты держишь этого монстра? – спросила Брианна, глядя, как Гидеон тянет губу вниз и обнажает желтые зубы в предвкушении. Она забрала сына и отступила подальше от Гидеона.

– Ты про малыша Гидеона? О, мы с ним управляемся. К тому же в нем добрая половина моей прибыли от торговли, девочка.

– Серьезно? – Она смерила гневное чудовище подозрительным взглядом. – Уверен, что не развяжешь войну, одарив индейцев таким сокровищем?

– О, я не имел в виду, что отдам его, – заверил Джейми. – По крайней мере, не в прямом смысле этого слова.

Гидеон был из разряда злобных, недружелюбных тварей с железной пастью и таким же норовом. Как бы то ни было, эти асоциальные качества казались индейцам чрезвычайно привлекательными вкупе с массивной грудью, крепким мускулистым корпусом и выносливостью жеребца. Когда Тихий Воздух, вождь одной из деревень, предложил ему три оленьих шкуры за возможность свести его пятнистую кобылу с Гидеоном, Джейми понял, что нашел золотую жилу.

– Какая удача, что я до сей поры не находил времени, чтобы его кастрировать, – сказал он, фамильярно похлопав Гидеона по холке и тут же рефлекторно увернувшись, когда конь в ответ попытался укусить его. – Он отрабатывает свое содержание и даже сверх того, покрывая индейских пони. Это единственное, что он делает для меня без сопротивления.

Бри была румяной, словно цветок зимовника на утренней прохладе, а после его слов, засмеявшись, покраснела еще сильнее.

– Что такое «кастрировать»? – спросил Джем.

– Тебе мама расскажет. – Джейми улыбнулся дочери, взъерошил волосы Джему и повернулся к Роджеру. – Готов, парень?

Роджер Мак кивнул и, поставив ногу в стремя, взобрался в седло. Он был хозяином старого, спокойного мерина по кличке Агриппа, который побрякивал и похрипывал, но все еще был довольно крепок и подходил для такого ездока, как Роджер – достаточно опытного, но неизменно осторожного во всем, что касалось лошадей. Он наклонился из седла, чтобы в последний раз поцеловать Брианну, и они пустились в путь.

Джейми попрощался с Клэр чуть раньше, наедине – и куда более лично.

Теперь Клэр стояла в окне их спальни с расческой в руках, выглядывая, чтобы помахать отбывающим, когда они будут проезжать мимо. Ее волосы облаком непослушных кудряшек развивались вокруг головы, и раннее солнце запуталось в них, как пламя в кусте терновника. Джейми посетило странное чувство от того, что она стояла там такая растрепанная, полуобнаженная, в одной ночнушке. Он ощутил сильное желание, несмотря на то, что делал с ней всего час назад. А еще он ощутил

страх, как будто может не увидеть ее снова.

Почти бездумно он посмотрел на свою левую руку и увидел призрак шрама в виде буквы «К» у основания большого пальца, такой бледный, что его едва можно было разглядеть. Он не замечал его и не думал о нем уже много лет, а сейчас внезапно почувствовал, что ему как будто не хватает воздуха.

Он замахал в ответ, и она, смеясь, послала ему воздушный поцелуй. Господи, он оставил на Клэр отметину: даже отсюда на шее было видно темное пятно от укуса. Он ощутил, как от стыда заливается краской. Джейми с силой пришпорил коня, заставив Гидеона взвизгнуть от возмущения и предпринять попытку укусить седока за ногу.

Отвлечшись на эту проблему, они скоро отъехали довольно далеко от дома. Он обернулся только раз, на повороте – она все еще стояла там, обрамленная светом. Клэр подняла одну руку, будто бы благословляя их, и через секунду деревья уже скрыли ее.

* * *

Стояла ясная, хотя и немного холодная погода для ранней осени. В воздухе витал пар от лошадиного дыхания, пока они спускались мимо маленького поселения возле Риджа, которое в народе звалось Купервилем, и дальше вдоль Большого Бизоньего Пути. Джейми наблюдал за небом: для снега было еще рано, но сильные дожди были нередким явлением в это время года. Но облака над ними выглядели сплошь как «кобыльи хвосты» – беспокоиться было не о чем.

Они почти не разговаривали, каждый был наедине с собственными мыслями. Роджер Мак в целом был приятной компанией. Но Джейми скучал по Йену – ему хотелось обсудить ситуацию с Чисквой. Йен знал индейцев гораздо лучше большинства белых, и хотя Джейми прекрасно понял жест вождя с останками отшельника – это было подтверждение доброго отношения Чисквы к поселенцам, пока он ждет ружей от короля, – он бы много отдал, чтобы услышать мнение Йена.

Представить Роджера в деревнях было необходимо для укрепления отношений в будущем... Но он краснел при мысли, что придется объяснять парню...

Чертов Йен. Он просто исчез в ночи пару дней назад вместе со своим псом. Такое уже случалось прежде, через некоторое время парень вернется так же внезапно, как ушел. Какую бы тьму он ни принес с собой с севера,

она то и дело становилась для него слишком тяжелым бременем, и он пропадал в лесах, возвращаясь назад тихим и замкнутым, но более умиротворенным.

Джейми хорошо его понимал: уединение в некотором смысле было лекарством от чувства одиночества. Каких бы воспоминаний мальчик ни бежал или ни искал, в лесу...

– Он когда-нибудь говорил с тобой о них? – встревоженно спрашивала его Клэр. – О жене? О ребенке?

Он не говорил. Йен не говорил ни о чем, связанном с тем временем, что он жил у могавков. Единственным напоминанием о жизни на севере был браслет из бело-синего вампума^[62], который он привез с собой. Джейми однажды мельком увидел его в сумке у Йена, но не успел разглядеть узор.

«Да хранит тебя святой Михаил, парень, – подумал Джейми про себя. – Пусть ангелы исцелят твою душу».

То одно, то другое – он так и не поговорил с Роджером Маком, пока около полудня они не остановились, чтобы перекусить. Они с удовольствием ели свежую пищу, которую приготовили для них женщины. Еды оставалось достаточно для ужина. А завтра в ход пойдут кукурузные лепешки и живность, которая попадется по дороге. Через день их встретят девушки из племени Снежных Птиц и накормят по-королевски – как представителей английского монарха.

– В прошлый раз были утки, начиненные мясом и кукурузой, – рассказывал он Роджеру. – Имей в виду, есть у них принято до отвала, независимо от меню, а ты, ко всему прочему, еще и гость.

– Понял. – Роджер слабо улыбнулся, а затем посмотрел на недоеденную сосиску в лепешке у себя в руке. – Кстати, о гостях. Думаю, у нас есть небольшая проблема. С Хирамом Кромби.

– Хирам? – удивленно переспросил Джейми. – А Хирам здесь при чем?

У Роджера дернулся уголок рта, как будто он не был уверен, смеяться ему или нет.

– Ну, в общем дело в том... Ты же знаешь, все зовут те кости, что мы похоронили, Эфраимом, ай? Это все Бри виновата, но что уж теперь.

Джейми кивнул, глядя на зятя с любопытством.

– Ну так вот. Вчера ко мне пришел Хирам и сказал, что он много думал об этом деле, молился и все такое и пришел к выводу, что если это правда и те индейцы приходятся родней его жене, то они тоже должны быть спасены.

– О, вот как? – Теперь смех начал пузыриться и у него в груди.

– Да. И теперь он чувствует, что его долг нести этим несчастным дикарям слово Христово. Потому что как же иначе они обратятся в истинную веру?

Джейми потер верхнюю губу костяшками пальцев, разрываясь между ироническим весельем и тревогой при мысли о Хираме Кромби, врывающемся в индейские деревни с Библией наперевес.

– Мхмм. Но... разве вы не верите – пресвитериане, я имею в виду, – что все предопределено? Что одни будут спасены, а другие обречены с самого начала, и с этим ничего нельзя поделать? И именно поэтому все паписты в одной связке отправятся в ад?

– Эээ... Ну... – Роджер замялся, явно не желая обсуждать проблему в таком ключе. – Ххм. Думаю, в этом вопросе мнения пресвитерианцев иногда разделяются. Но в целом да, именно так считают Хирам и его люди.

– Ай. Но тогда, раз он полагает, что некоторые из индейцев уже спасены, зачем им проповедовать?

Роджер потер пальцем между бровей.

– Ну, видите ли, причины здесь те же, почему пресвитериане молятся и ходят в церковь. Даже если они спасены, они ощущают желание славить Господа за это и... и учиться жить так, как Он заветал им. В благодарность за их спасение, понимаете?

– Думаю, Бог Хирама Кромби имеет очень слабое представление о жизни индейцев, – сказал Джейми, живо вспоминая обнаженные тела в слабом свете очага и запах шкур.

– Пожалуй, – согласился Роджер, с такой точностью скопировав сухую манеру Клэр, что Джейми рассмеялся.

– Ай, я вижу, в чем проблема, – сказал он, и на самом деле видел, но по-прежнему находил это забавным. – Значит, Хирам намерен отправиться в деревни чероки с проповедями?

Роджер кивнул, проглатывая кусок сосиски.

– Точнее, он хочет, чтобы вы отвели его туда. И представили его. Хотя он подчеркнул, что не ждет от вас, что вы станете переводить проповеди.

– Господь всемогущий. – Секунду он обдумывал такую перспективу, а потом решительно покачал головой. – Нет.

– Конечно же, нет. – Роджер открыл бутылку с пивом и предложил ее Джейми. – Просто я подумал, что нужно сказать, так чтобы вы были готовы, когда он спросит.

– Очень предусмотрительно с твоей стороны, – ответил Джейми и отхлебнул из предложенной бутылки.

Но тут же он резко опустил ее, сделал вдох и вдруг замер. Роджер Мак внезапно повернул голову, и Джейми понял, что он тоже уловил то, что донес до них ветер. Роджер повернулся к нему, хмуря брови.

– Чувствуете запах? Что-то горит, – сказал он.

* * *

Роджер услышал их первым: какофония хриплого карканья и клекота, по-ведьмински пронзительного. Они подошли ближе, птицы взмыли вверх, и к крикам прибавилось хлопанье десятков крыльев. Вороны.

– Господи, – тихо сказал он.

На дереве возле дома висели два тела. Точнее, то, что от них осталось. По одежде можно было догадаться, что это мужчина и женщина. К ноге мужчины был прицеплен кусок бумаги, такой грязный и измятый, что Роджер заметил его лишь по тому, как ветер трепал его край.

Джейми сорвал бумажку, расправил ее, чтобы разглядеть написанное, и тут же бросил на землю. «Смерть регуляторам», – гласила надпись. Роджер увидел эти слова лишь на мгновение, прежде чем клочок бумаги унесло ветром.

– Где дети? – спросил Джейми, резко развернувшись к нему. – У этих людей были дети. Где они?

Пепел остыл, и его уже начало раздувать ветром, но запах гари переполнял легкие, мешая дышать, высушивая горло так, что слова царапали его, словно гравий, бессмысленные, как шуршание мелких камней под ногами. Роджер попытался заговорить, закашлялся и сплюнул.

– Может, прячутся, – проскрежетал он и махнул рукой в сторону леса.

– Может. – Джейми резко встал и начал звать детей. Не дожидаясь ответа, он направился к деревьям, продолжая кричать.

Роджер двинулся следом, свернул на опушке и пошел вверх по склону за домом. Оба выкрикивали что-то успокаивающее, но мертвое молчание леса тут же проглатывало слова. Роджер пробирался между деревьев, потая и задыхаясь. Он не обращал внимания на то, что горло горит от крика, и лишь изредка умолкал ровно на столько, чтобы прислушаться, не ответит ли кто-нибудь. Несколько раз краем глаза он замечал движение и оборачивался, но видел только, как ветер колышет сухую осоку, или как качается лиана, будто кто-то задел ее, проходя мимо.

Он наполовину представлял, что видит Джема, играющего в прятки, и призраки промелькнувшей быстрой ножки, солнечного блика на детской

макушке придавали ему сил кричать снова и снова. В конце концов Роджер был вынужден признать, что дети не убежали бы так далеко, и повернул назад к хижине, продолжая задыхаться и хрипеть что-то бессвязное.

Он нашел Джейми у развалин подбирающим камень – тесть с огромной силой швырнул его в пару ворон, которые устроились на дереве-виселице, посматривая глазами-бусинами на его ужасный груз. Вороны закаркали и поднялись в воздух, но долетели только до соседнего дерева и уселись среди веток, наблюдая.

День был холодным, но они оба промокли от пота, мокрые волосы прилипли к шеем. Джейми вытер лицо рукавом, все еще тяжело дыша.

– С-сколько было детей? – Дыхание Роджера было судорожным, и он так истерзал горло, что слова были едва слышны.

– По меньшей мере трое. – Джейми прочистил горло и сплюнул под ноги. – Старшему около двенадцати. – Секунду он стоял не двигаясь, глядя на тела, потом перекрестился и достал нож, чтобы обрезать веревки.

Копать было нечем, лучшее, на что они были способны, – сделать широкую борозду в палой листве в лесу и сложить небольшой каирн из камней назло воронам и чтобы как-то почтить умерших.

– Они были регуляторами? – спросил Роджер, оставив работу на секунду, чтобы вытереть с лица пот.

– Да, но... – Слова Джейми оборвались. – Но это здесь совершенно ни при чем. – Он покачал головой и отвернулся, чтобы найти еще камней.

Сперва Роджер подумал, что это камень, наполовину заваленный листьями, который выпал из стены сожженной хижины. Он коснулся его, и тот задвигался, заставив его подскочить с криком, сделавшим бы честь любому ворону. Джейми оказался рядом за доли секунды, как раз вовремя, чтобы помочь ему вытащить маленькую девочку из листьев и углей.

– Тише, милая, тише, – тревожно заговорил Джейми, хотя ребенок не плакал. Ей было около восьми, одежда и волосы сгорели дотла, а кожа так почернела и растрескалась, что она и в самом деле могла стать камнем, если бы не глаза.

– Господи, Господи, – повторял Роджер тихо еще долго после того, как стало ясно, что он безнадежно опоздал с молитвой, если это была она.

Он прижимал девочку к груди, ее глаза приоткрылись, разглядывая его без облегчения или любопытства, – лишь со спокойной обреченностью. Джейми полил свой платок водой из фляжки и вставил кончик ей между губ, чтобы немного смочить их. Роджер заметил, как рефлекторно задвигалось ее горло, когда она начала сосать.

– Все будет хорошо, – шептал Роджер. – Все в порядке, а leannan^[63].

– Кто это сделал, а níghean?^[64] – спросил Джейми очень нежно. Роджер видел, что она поняла, ее глаза будто заволновались, как колышется от ветра водная гладь, но затем волнение ушло, оставив все как было. Она не говорила, какие бы вопросы они ни задавали, только смотрела на них бесстрастно и продолжала посасывать влажную ткань.

– Тебя крестили, а leannan? – наконец спросил Джейми, и от этого вопроса Роджер будто почувствовал удар под дых. В шоке от страшной находки, он не задумывался о состоянии ребенка.

– Elle ne peut pas vivre, – мягко сказал Джейми, встречаясь глазами с Роджером. – Она не выживет.

Его первым порывом был яростный протест. Конечно, она выживет, она должна. Однако на ее теле не было огромных участков кожи, сырая плоть покрылась корками и все еще кровоточила. Ему был виден острый белый край ее коленной чашечки, он мог буквально наблюдать за тем, как бьется ее сердце – красноватый, полупрозрачный комок, пульсирующий во впадине грудной клетки. Она была легкой, как соломенная кукла, и он мучительно осознал, что она дрожит у него на руках, словно пятнышко масла на воде.

– Тебе больно, милая? – спросил он ее.

– Мама? – прошептала девочка. Потом закрыла глаза и больше ничего не говорила, только вопросительно бормотала «мама» время от времени.

Сначала он думал, что они отвезут ее в Ридж, к Клэр. Но до дома было больше дня езды – она не доедет. Это невозможно.

Роджер сглотнул, осознание петель сомкнулось на горле. Он посмотрел на Джейми и увидел тот же болезненный вывод в его глазах. Тесть тоже сглотнул.

– Вы... знаете ее имя? – Роджер едва мог дышать и с трудом выталкивал слова. Джейми покачал головой, затем подобрался и выпрямил плечи.

Она перестала сосать, но продолжала свое тихое бормотание. Джейми отнял платок от ее рта и выжал пару капель на почерневший лобик, шепча слова крещения.

Они посмотрели друг на друга, признавая необходимость непростого решения. Джейми был бледен, на его верхней губе среди рыжих щетинок выступили капли пота. Он глубоко вдохнул, успокаиваясь, и поднял руки, готовый взять это на себя.

– Нет, – тихо сказал Роджер. – Я это сделаю.

Она принадлежала ему. Он охотней позволил бы оторвать себе руку, чем отдал эту девочку кому-то другому. Роджер потянулся за платком, и

Джейми вложил все еще влажный, измазанный сажей кусок материи ему в руку.

Он никогда бы не подумал ни о чем таком и не думал сейчас. Ему и не нужно было. Прижав ее поближе, он, не мешкая, накрыл нос и рот ребенка платком, потом плотно накрыл ткань ладонью, ощущая бугорок носа, зажатый между его большим и указательным пальцем.

Ветер зашумел в кронах над головами, и на них обрушился золотой дождь, листья скользили по коже, холодили лицо. Роджер подумал, что девочка может замерзнуть, и захотел укрыть ее, но руки были заняты. Второй рукой он обнимал бедняжку, положив ладонь ей на грудь. Он чувствовал под пальцами биение крошечного сердца. Оно подпрыгнуло, заколотилось быстрее, пропустило удар, сократилось еще дважды... и остановилось. Какую-то долю секунды сердце будто вздрагивало – казалось, оно пытается найти силы для одного, последнего удара, ему даже почудилось на короткий миг, будто сейчас оно не только запульсирует, но и пробьет хрупкую стенку грудной клетки и выскочит прямо ему в ладонь в своем желании жить. Но секунда миновала, и с ней пропала безумная фантазия. Совсем рядом закаркал ворон.

* * *

Они почти управились с похоронами, когда слышались стук копыт и звон упряжи, предупреждая о прибытии гостей – большого количества гостей.

Роджер, готовый скрыться в лесу, посмотрел на тестя, но Джейми покачал головой, отвечая на предсказуемый вопрос.

– Нет, они бы не вернулись. Зачем? – Его потухший взгляд обратился к дымящимся руинам хижины, выжженному палисаднику и низким холмикам могил. Девочка все еще лежала поблизости, укрытая плащом Роджера. Он пока что не мог перенести идеи о том, чтобы положить ее в землю. Воспоминание о ней живой было слишком свежим.

Джейми выпрямился, вытянув спину. Роджер заметил, что он мельком проверяет ружье, прислоненное к стволу дерева. Сам он оперся на обугленную доску, которую использовал вместо лопаты.

Из леса показался первый всадник, его лошадь храпела и мотала головой, почуяв запах гари. Наездник ловко осадил ее и подвел поближе, наклоняясь вперед, чтобы разглядеть людей.

– Значит, это ты, Фрэзер? – Изборожденное морщинами лицо Ричарда

Брауна выражало мрачное торжество. Он посмотрел на черные дымящиеся бревна, а потом обернулся к своим товарищам. – Так и знал, что вы разжились не одной только торговлей виски.

Мужчины – Роджер насчитал шестерых – заерзали в седлах, глумливо усмехаясь.

– Имей хоть немного уважения к мертвым, Браун. – Джейми кивнул на могилы, и Браун посуровел. Он недобро глянул сначала на Джейми, а потом на Роджера.

– Вас здесь только двое, так? Что вы тут делаете?

– Копаем могилы, – ответил Роджер. Его ладони покрылись пузырями, он осторожно потер руку о штаны. – А вы зачем пожаловали?

Браун резко выпрямился в седле, но ответил его брат Лайонел.

– Мы едем из Овенависгу, – сказал он, кивая на лошадей. Присмотревшись, Роджер увидел четыре вьючных лошади, груженных шкурами, и туго набитые седельные сумки еще на нескольких. – Услышали запах гари и поехали посмотреть. – Он взглянул на могилы. – Тайдж О’Брайен, верно?

Джейми кивнул.

– Вы их знали?

Ричард Браун пожал плечами.

– Да. Это ведь по пути в Овенависгу. Я останавливался тут раз или два, ужинал с ними. – Он запоздало снял шляпу и пригладил ладонью клочки волос на лысеющей макушке. – Упокой Господь их души.

– Кто сжег дом, если не вы? – выкрикнул один из молодых мужчин, тоже Браун, судя по мощной челюсти и узким плечам. Он неуместно осклабился, очевидно, полагая, что шутка удалась.

Измятый клочок бумаги снова принесло ветром, он трепетал возле камня у Роджера под ногами. Он поднял его и, сделав шаг вперед, припечатал записку к седлу Лайонела Брауна.

– Слыхали о таком, а? – спросил он. – Она была прицеплена к телу О’Брайена. – Роджер говорил зло и знал об этом, но ему было все равно. Горло болело, и голос звучал как сдавленный скрежет.

Лайонел Браун посмотрел на бумагу, подняв брови, и передал ее брату.

– Нет. Сами написали?

– Что? – Роджер уставился на мужчину, часто моргая от ветра.

– Индейцы, – сказал Лайонел Браун, кивая на дом. – Это сделали индейцы.

– О, да ну?

Роджер услышал в голосе Джейми скрытые нотки – скепсис,

настороженность, злость.

– Какие индейцы? Те, у которых вы шкуры купили? Они вам об этом сами рассказали?

– Не будь дураком, Нелли. – Ричард Браун не повышал голоса, но его брат слегка вздрогнул, услышав это. Браун подвел лошадь ближе. Джейми не сдвинулся с места, хотя Роджер заметил, как напряглись его руки, лежащие на доске.

– Перебили всю семью, да? – спросил Браун, глядя на маленькое тельце под плащом.

– Нет, – ответил Джейми. – Мы не нашли двух старших детей. Только девочку.

– Индейцы, – упрямо повторил Лайонел Браун из-за спины брата. – Они их забрали.

Джейми глубоко вдохнул и закашлялся от дыма.

– Хорошо, – сказал он. – Я поспрашиваю в деревнях.

– Не найдете их, – отозвался Ричард Браун. Он смял бумагу, неожиданно крепко сжав руку в кулак. – Если их забрали индейцы, они не станут держать их у себя. Они продадут их в Кентукки.

Послышался гул одобрения среди остальных мужчин, и Роджер вдруг почувствовал, что уголек, который весь день теплился у него в груди, наконец обратился пламенем.

– Не индейцы написали это, – рявкнул он, тыкая пальцем в записку в руках у Брауна. – И если они мстили за то, что О’Брайен был регулятором, они не стали бы забирать детей.

Сузив глаза, Браун смерил его долгим взглядом. Роджер почувствовал, как Джейми едва заметно передвинулся и подобрался.

– Нет, – спокойно сказал Браун. – Они не стали бы. Вот почему Нелли догадался, что вы сами ее написали. Скажем, индейцы пришли и украли детей, а за ними явились вы и решили украсть, что осталось. Подожгли хижину, повесили О’Брайена с женой и прицепили записку, вуаля! Что вы на это скажете, мистер Маккензи?

– Я спрошу, откуда вы знаете, что их кто-то повесил, мистер Браун?

Лицо Брауна застыло. Роджер почувствовал предостерегающую ладонь Джейми на своей руке и только сейчас понял, что неосознанно сжимал кулаки все это время.

– Веревки, а charaid, – сказал Джейми очень спокойно. Слова с трудом проникали в его сознание, но он посмотрел в ту сторону. Действительно, срезанные с трупов веревки лежали рядом с деревом, где они упали. Джейми все еще говорил, его голос был по-прежнему спокойным, но

Роджер не слышал слов. Ветер оглушил его, и где-то за этим воем он слышал непрекращающийся стук сердца. Может, это было его сердце, а может, ее.

– Слезай с лошади! – закричал он, или думал, что закричал. Ветер, полный сажи, бил в лицо, и слова застревали в горле. Вкус пепла казался густым и кислым на языке. Роджер закашлялся и сплюнул, глаза у него слезились.

Он смутно ощутил боль в руке, и мир вокруг снова вернулся в фокус. Молодые парни откровенно разглядывали его, на одних лицах были ухмылки, на других застыла настороженность. Ричард Браун с братом усердно избегали смотреть на него, вместо этого сосредоточившись на Джейми, который до сих пор сжимал его руку.

С усилием он стряхнул руку Джейми, едва заметно кивнув тестю, как бы заверяя его, что он не намерен превращаться в берсерка, – хотя сердце его по-прежнему глухо стучало в груди, а ощущение петли на шее было таким реальным, что он не мог говорить, даже если бы оказался в состоянии сформулировать какие-то слова.

– Мы поможем. – Браун кивнул на маленькое тельце на земле и начал перекидывать ногу через седло, но Джейми остановил его легким движением руки.

– Не стоит, мы справимся.

Браун остановился в нелепом промежуточном положении. Сжав губы, он вернулся в обратно в седло, тронул лошадь и поехал прочь, даже не попрощавшись. Остальные последовали за ним, с любопытством оборачиваясь назад по пути.

– Это не они. – Джейми поднял ружье и посмотрел в лес, в ту сторону, где исчез последний всадник. – Но они знают больше, чем говорят.

Роджер безмолвно кивнул. Он неторопливо подошел к висельному дереву, пинком отбросил веревки в сторону и трижды ударил в ствол кулаком. Тяжело дыша, он стоял, прижавшись лбом к шершавой коре. Боль в ободранных костяшках немного помогла.

Крошечные муравьи цепочкой спешили вверх между пластинками коры, объединенные каким-то жизненно важным неведомым делом. Он понаблюдал за ними немного, пока не смог снова сглотнуть. Затем выпрямился и, потирая глубокий, до кости, синяк на руке, отправился хоронить девочку.

Часть четвертая

Похищение

Глава 26

Взгляд в будущее

9 октября 1773 года

Роджер уронил седельные сумки на землю рядом с ямой и заглянул внутрь.

– Где Джем? – спросил он.

Его измазанная грязью жена посмотрела вверх и отбросила со лба прилипшую прядь волос.

– И тебе здравствуй, – сказала она. – Поездка прошла хорошо?

– Нет, – ответил он. – Где Джем?

Брианна подняла брови, воткнула лопату в дно ямы и протянула руку, чтобы он помог ей выбраться.

– Он у Марсали. Они с Германом играют во «Врум» с маленькими машинками, которые ты для них смастерил, – по крайней мере, играли, когда я их там оставила.

Тревога, которая не покидала его последние две недели, узлом скручивая что-то в груди, начала медленно уходить. Он кивнул, неожиданный спазм в горле лишил его дара речи. Роджер притянул Брианну к себе и крепко сжал, невзирая на ее удивленный писк и измазанную грязью одежду.

Он держал ее, кровь шумела в ушах, и он не хотел – не мог – отпустить жену, пока она сама не вывернулась из его объятий. Бри оставила руки у него на плечах, но наклонила голову набок, приподняв одну бровь.

– Да, я тоже скучала, – сказала она. – В чем дело? Что случилось?

– Чудовищные вещи.

Пожар, смерть девочки – все это стало похоже на сон за время их путешествия, их ужас притупился и стал сюрреалистичным от однообразия следующих дней: езда, ходьба, непрекращающийся вой ветра, хруст камней под ногами, песок, хвоя, грязь, гипнотическая пелена зеленого и желтого, в которой они растворились под бесконечным небом.

Но теперь он был дома, он больше не скитался по дикой глуши. И воспоминание о девочке, которая оставила сердце у него в руке, неожиданно стало таким же реальным, как в тот момент, когда она умерла.

– Заходи внутрь. – Брианна внимательно оглядывала его с беспокойством. – Тебе нужно что-нибудь горячее, Роджер.

– Я в порядке, – ответил он, но последовал за ней без возражений.

Роджер сел за стол и, пока она ставила чайник для чая, рассказал ей обо всем, что случилось. Он сжимал голову руками и смотрел вниз – на растресканную столешницу, с ее знакомыми пятнами и шрамами от ожогов.

– Я продолжал думать, что должно быть что-то... какой-то способ. Но его не было. Даже когда я... накрыл рукой ее лицо... Я был уверен, что все это происходит не на самом деле. Но в то же время... – Он выпрямился и уставился на свои ладони. В то же время это был самый реальный опыт в его жизни. Думать об этом было непереносимо, если не считать самого поверхностного упоминания, но он знал, что никогда не забудет ни одной, даже самой крошечной детали. Внезапно его горло снова сжалось.

Брианна тревожно вглядывалась в его лицо и заметила, как он касается неровного шрама от веревки на горле.

– Ты можешь дышать? – спросила она обеспокоенно.

Роджер покачал головой, хотя это была неправда – он как-то дышал, но ему казалось, будто горло раздавила какая-то огромная рука: гортань и трахея словно превратились в кровавую кашу.

Он приподнял руку, показывая, что он будет в порядке, хотя и сомневался в этом сам. Бри обошла его сзади, отняла его руку от горла и осторожно положила пальцы на шрам.

– Все будет хорошо, – сказала она тихо. – Просто дыши. Не думай. Дыши.

Ее пальцы были холодными, а руки пахли грязью. У него в глазах стояла мокрая пелена. Он моргнул, чтобы увидеть комнату, очаг и свечу, посуду и ткацкий станок, чтобы убедиться, где находится. Капля теплой жидкости скатилась по щеке.

Роджер пытался сказать, что он в порядке, что он не плачет, но она только прижалась ближе, положив одну руку ему на грудь, другая по-прежнему касалась болезненного комка в горле. Ее грудь, прижатая к его спине, была мягкой, и он скорее чувствовал, чем слышал, едва заметные и вовсе не мелодичные звуки, что она издавала, когда тревожилась или пыталась сосредоточиться.

Наконец спазм начал проходить, и чувство удушья покинуло его. Грудь облегченно поднялась – нормальное дыхание вернулось к нему, и она

отпустила Роджера.

– Что... это... ты такое копаешь? – спросил он лишь с небольшим усилием, потом обернулся на нее и улыбнулся, что потребовало намного больше труда. – Я... му, чтобы... беге... мотов коптить?

Призрачная улыбка осветила ее лицо, но глаза были по-прежнему темными от тревоги.

– Нет. Это сурковая печь для обжига.

Пару секунд он пытался придумать какое-нибудь остроумное замечание о том, что такая яма великовата для того, чтобы убивать нечто настолько маленькое, как сурок, но не нашел в себе сил.

– О, – сказал он вместо этого.

Брианна подала ему чашку чая с кошачьей мятой, он поднял ее ближе к лицу, позволяя ароматному пару согреть нос и холодные щеки.

Жена налила еще одну чашку себе и села напротив.

– Я рада, что ты дома, – сказала она мягко.

– Да, я тоже. – Роджер сделал маленький глоток, чай все еще был обжигающим. – Печь для обжига? – Он рассказал ей об О’Брайенах – должен был рассказать – но обсуждать это он не хотел. Не сейчас. Казалось, она почувствовала его настроение и не стала давить.

– Угу. Для воды. – Должно быть, он выглядел растерянным, потому что ее улыбка стала шире. – Я ведь говорила тебе, что буду использовать грязь, разве нет? К тому же это была твоя идея.

– Моя? – Сейчас его почти ничего не могло удивить, но он что-то не припоминал никаких блестящих задумок насчет воды.

Проблема с водой касалась ее транспортировки. Видит бог, воды было много – она бежала в ручьях, шумела в водопадах, капала с уступов, била из-под земли, сочилась в мшистых расселинах между скал... Но заставить ее течь туда, куда нужно, требовало знаний и инструментов.

– Мистер Уэмисс рассказал фрау Берриш – это его дама сердца, их свела фрау Уте, – над чем я работаю, и оказалось, что мужской хор в Салеме занят тем же, так что...

– Хор? – Роджер сделал еще один осторожный глоток, чай уже немного остыл. – Но почему хор...

– Они просто называют это так. У них есть мужской хор, женский хор, хор для женатых пар. Они не только поют вместе, это своего рода общественные группы – каждый хор делает что-то для общины. Ну так вот, – Брианна махнула рукой, – они пытаются провести воду в город и столкнулись с той же проблемой – нет металла для труб.

– Помнишь, ты напомнил мне о глиняной посуде, которую делают в

Салеме? Так вот, они пытались делать трубы из бревен, но это очень тяжело и отнимает много времени, потому что нужно сверлом удалять сердцевину, к тому же по-прежнему требуются железные скобы, чтобы соединять их друг с другом. А спустя некоторое время дерево начинает подгнивать. Потом им пришла та же идея, что и тебе – почему бы не делать трубы из обожженной глины?

Она оживилась, говоря об этом. Нос уже не был розовым от холода, щеки загорелись румянцем, а глаза увлеченно блестели. Брианна много жестикулировала, когда говорила, – переняла это от матери, подумал он, повеселев.

– ...так что мы оставили детей с мамой и миссис Баг, и мы с Марсали поехали в Салем...

– Марсали? Но она же не может ехать верхом? – Марсали была глубоко беременна, настолько глубоко, что ему было немного страшно даже просто находиться с ней рядом, – казалось, она может начать рожать в любую минуту.

– До срока еще месяц. К тому же мы не поехали верхом, мы взяли повозку и заодно выменяли мед, сидр и вяленую говядину на сыр, одеяла и – видишь мой новый чайник? – Она с гордостью показала на небольшую самодельную вещицу, покрытую темно-красной глазурью и украшенную волнистыми желтыми узорами в центре. Это был один из самых уродливых предметов, которые Роджеру вообще встречались, и его вид вдруг заставил глаза увлажниться – мужчина ощутил чистую радость от возвращения домой.

– Тебе не нравится? – спросила она, чуть нахмурясь.

– Нет, он отличный, – хрипло ответил Роджер. Он пошарил в кармане в поисках платка и высморкался, чтобы скрыть минутную слабость. – Мне очень нравится. Так что ты там говорила... Марсали?

– Я говорила про трубы. Но есть кое-что и о Марсали. – Складка между ее бровей прорезалась глубже. – Боюсь, Фергус не очень хорошо себя ведет.

– Не очень? Что он натворил? Завел безумную интрижку с миссис Кромби?

На это предположение Брианна отреагировала быстрым испепеляющим взглядом.

– Во-первых, он все время где-то пропадает, оставляя бедную Марсали приглядывать за детьми и делать всю работу.

– Абсолютно нормально для этого времени, – отозвался он. – Большинство мужчин так поступают. Твой отец, я, разве ты не замечала?

– Замечала, – ответила она, недобро поглядывая в сторону Роджера. – Но я имела в виду, что большинство мужчин делают всю тяжелую работу – распахивают, сеют, а женщинам достаются домашние хлопоты – готовка, шитье, вязание, стирка, заготовки – вот это все. И Марсали все это делает, но еще занимается детьми, работает в поле и на пивоварне. А когда Фергус дома, он почти всегда угрюм и много пьет.

На вкус Роджера, это тоже выглядело как нормальное поведение для отца трех неумных отпрысков и мужа очень беременной женщины, но он промолчал.

– Я бы не назвал Фергуса бездельником, – заметил он спокойно. Бри покачала головой, по-прежнему хмурясь, и плеснула еще чаю ему в чашку.

– Нет, он, конечно, не лентяй. Ему трудно с одной рукой, с какими-то делами он просто не справляется, но он даже не помогает ей с детьми или с уборкой, пока Марсали занята всем тем, чего он не может. Папа и Йен помогают ему распахивать землю, но... И потом, он пропадает целыми днями – иногда перехватывает какую-то работенку, переводит путешественникам, но по большей части просто пропадает где-то. И... – Она замялась, бросив на него быстрый взгляд, словно раздумывая, стоит ли продолжать дальше.

– И? – сказал Роджер выжидающе. Чай делал свое дело, боль в горле почти пропала.

Брианна вперила взор в столешницу, чертя на дубовых досках невидимые узоры указательным пальцем.

– Она ничего не говорила... но думаю, он ее бьет. – Роджер почувствовал внезапную тяжесть где-то в области сердца. Его первым побуждением было не думая отместить такое предположение, но он слишком много видел, пока жил с преподобным. Слишком много было семей, с виду нормальных и респектабельных, где жены смеялись над своей собственной «неуклюжестью», отвечая на вопросы про синяки под глазами, сломанные носы и вывихнутые запястья. Слишком много мужчин, пытаясь справиться с ответственностью за материальное благополучие семьи, обращались к бутылке.

– Черт. – Роджер внезапно почувствовал себя измотанным. Он потер лоб, под которым уже копилась головная боль. – Почему ты так считаешь? – спросил он прямо. – Видела следы?

Бри печально кивнула, по-прежнему не глядя на него, хотя палец на столешнице замер.

– На руке. – Она обхватила предплечье ладонькой, демонстрируя положение отметин. – Маленькие круглые синяки, как будто следы от

пальцев. Я увидела, когда она доставала бочонок с медовыми сотами из повозки и ее рукав сполз вниз.

Он кивнул, страстно желая, чтобы в его кружке оказалось что-нибудь покрепче чая.

– Думаешь, мне стоит с ним поговорить?

Она подняла взгляд на Роджера, выражение ее лица смягчилось, хотя в глазах по-прежнему горела тревога.

– Знаешь, большинство мужчин не вызвались бы это сделать.

– Ну, вообще-то я не так представляю себе веселье, – признал он. – Но нельзя позволить этому продолжаться в надежде, что проблема разрешится сама собой. Кто-то должен сказать об этом.

Хотя одному Богу известно, что именно и как. Он уже сожалел о своем предложении, пытаясь придумать, что, ради всего святого, он может сказать. «Привет, Фергус, старина. Слышал, ты поколачиваешь жену. Будь хорошим мальчиком и перестань это делать, ладно?»

Он допил остатки чая и встал, оглядывая полки в поисках виски.

– Закончились, – сказала Брианна, угадывая его желание. – Мистер Уэмисс поймал простуду.

Роджер со вздохом опустил пустую бутылку. Брианна осторожно коснулась его руки.

– Нас пригласили в большой дом на ужин. Можем прийти пораньше.

Это было утешительное предложение. У Джейми точно имелась бутылка отличного односолодового виски, припрятанная где-нибудь в закромах.

– Да, хорошо. – Он взял с крючка плащ Брианны и набросил ей на плечи. – Эй. Думаешь, стоит рассказать о Фергусе твоему отцу? Или лучше проверить это одному? – У него появилась внезапная и совсем неблагородная надежда на то, что Джейми сочтет это своим долгом и обо всем позаботится.

Кажется, именно этого и боялась Брианна: она активно замахала головой, одновременно потряхивая наполовину просохшими волосами.

– Нет! Папа сломает ему шею. А мертвый Фергус Марсали точно не поможет.

– Мххм. – Роджер принял неизбежное и открыл дверь перед женой. Большой белый дом сиял, возвышаясь над ними на вершине холма, безмятежный в вечернем свете. За ним виднелся нечеткий, но надежный силуэт большой красной ели. Ему всегда казалось, что дерево охраняет и оберегает дом, и в его нынешнем неустойчивом душевном состоянии эта мысль была утешением.

Они совершили небольшую экскурсию, чтобы он смог отдать должное яме и услышать все о механизме работы сурковой печи. Он оставил попытки понять все детали, уловив только то, что целью было хорошенько ее разогреть – объяснения Брианны он при этом находил умиротворяющими.

– ...кирпичи для дымохода, – говорила Брианна, указывая на дальний конец восьмифутовой ямы, которая пока что напоминала место для очень большого гроба. Однако она сделала все очень точно и аккуратно: края были ровной прямоугольной формы, как будто она использовала какой-то инструмент, а стены – удивительно гладкими. Так он и сказал ей, а она улыбнулась, заправив рыжий локон за ухо.

– Она должна быть гораздо глубже, – добавила она, – может, еще фута три. Но земля здесь хороша для копания – она мягкая и не слишком осыпается. Надеюсь, я смогу закончить до первого снега, но не уверена. – Она потерла костяшкой пальца кожу над верхней губой, с сомнением щурясь на яму. – Мне нужно расчесать и скрутить еще довольно много шерсти, чтобы сшить теплую одежду для тебя и Джемми, мне придется собирать и готовить впрок всю следующую неделю или около того, и...

– Я вырою ее для тебя.

Она встала на цыпочки и поцеловала его под ухом, он засмеялся в ответ, внезапно почувствовав себя лучше.

– Не на эту зиму, конечно, но со временем мне, быть может, удастся как-то провести тепло от печи под основание нашего дома. Ты знаешь, что такое римский гипокауст?^[65] – спросила она, удовлетворенно беря его под руку.

– Знаю. – Он повернулся, чтобы посмотреть на свое жилище, – простой полый фундамент из плитняка, на котором возведены бревенчатые стены. Намек на центральное отопление в сырой горной хижине рассмешил его, но, по сути, в этом не было ничего невозможного. – Что ты хочешь сделать? Подведешь трубы с горячим воздухом под основание?

– Да. Если считать, что мне удастся сделать хорошие трубы. Скоро узнаем, так ли это. Что думаешь?

Он перевел взгляд с будущего проекта жены вверх по холму на большой дом. Даже на таком расстоянии рядом с ним была видна куча грязи – свидетельство буровых способностей белой свиноматки.

– Думаю, ты рискуешь привлечь к нам внимание этой белой содомитки, если устроишь уютное теплое гнездышко под нашим домом.

– Сodomитки? – спросила Брианна иронически. – Такое физически возможно?

– Это метафора для ее внутренней сути, – уточнил Роджер. – И потом, ты видела, что она пыталась сделать с майором Макдональдом.

– Эта свинья сильно не любит майора Макдональда, – подтвердила Бри не задумываясь. – Интересно, почему?

– Спроси свою маму, она его тоже не жалуется.

– Ах, это... – Она резко замолкла, поджала губы и задумчиво посмотрела на большой дом. В окне медицинского кабинета Клэр промелькнула тень, кто-то был внутри. – Вот что я тебе скажу. Ты найди папу и пропусти с ним стаканчик, и пока вы будете этим заняты, я расскажу маме про Марсали и Фергуса. Она может что-нибудь подсказать.

– Не уверен, что это вопрос медицинского порядка, – заявил он. – Но погрузить Германа в сон для начала было бы неплохой идеей.

Глава 27

Солодовня

Ветер доносил до меня сладковатый прокисший запах влажного зерна, пока я поднималась вверх по тропинке. Он не был похож ни на пьянящую остроту сусла из пивных дрожжей, ни на запах солода, напоминающий жареные кофейные зерна, ни даже на вонь от перегонки – но все же отчетливо указывал на виски. Производство uisgebaugh было делом пахучим, именно поэтому солодовню поставили почти в миле от большого дома. Но даже на таком расстоянии, когда ветер дул в сторону Риджа и готовили сусло, я иногда улавливала специфический острый запах спиртного через открытое окно кабинета.

У виски был особый цикл изготовления, и каждый житель Риджа как бы подсознательно синхронизировался с этим ритмом, даже если не работал на солодовне. Именно поэтому я, не спрашивая, знала, что сейчас ячмень замочили для проращивания, а значит, Марсали там, помешивает и переворачивает зерно перед тем, как разожгут огонь для сушки.

Зерну нужно позволить прорасти, чтобы добиться максимальной сладости, но ни в коем случае не позволить пустить ростки – иначе сусло получится горьким и не годным для перегонки. После того как ячмень начнет прорастать, должно пройти не более суток, я почувствовала влажный плодородный запах поднимающегося зерна еще вчера, когда бродила по лесу. Самое время.

Это было, пожалуй, лучшее место, чтобы поговорить с Марсали наедине. Только в солодовне ее не окружал многоголосый детский хор. Мне

часто казалось, что она ценила уединенность этого труда много больше, чем долю виски, которую отдавал ей Джейми за работу с зерном, – хотя и виски было ценным вознаграждением.

Брианна рассказала мне, что Роджер благородно вызвался поговорить с Фергусом, но я подумала, что сначала лучше пообщаться с Марсали, просто чтобы понять, что к чему.

«И что же мне сказать? – размышляла я. – Прямолинейно спросить: „Бьет ли тебя Фергус?“ Я до сих пор не могла поверить в это, несмотря – или, может, именно из-за собственных живых воспоминаний о приемных покоях, заполненных печальными последствиями домашних ссор.

Не то чтобы мне казалось, что Фергус не способен на насилие, – он видел и испытал его в достаточной мере с самого раннего возраста, к тому же парень рос среди горцев в самой гуще якобитского восстания, а потом перенес все тяготы его провала. Такая судьба вряд ли вселила в него глубокое почтение к христианским добродетелям. С другой стороны, к его воспитанию приложила руку Дженни Мюррей.

Я пыталась, но не могла представить себе мужчину, который, прожив с сестрой Джейми больше недели, поднял бы руку на женщину. К тому же по собственным наблюдениям я знала, что Фергус был заботливым отцом, и обычно они с Марсали хорошо понимали друг друга, так что казалось...

Сверху послышался шум. Прежде чем я успела поднять голову, что-то огромное, ломая ветки, упало передо мной в водопаде пыли и сухой хвои. Я отпрянула назад и инстинктивно приподняла перед собой корзину, защищаясь. Но почти сразу поняла, что на меня никто не покушался. Передо мной на тропинке растянулся Герман с выпученными глазами, падение выбило из него дух, и теперь он судорожно пытался вдохнуть.

– Какого черта? – начала я довольно резко. Но потом я заметила, что он что-то прижимает к груди – покинутое гнездо с кучкой зеленоватых яиц, которые он каким-то чудом умудрился не разбить при падении.

– Для... тамап, – выпалил он не без труда, улыбаясь мне во весь рот.

– Очень мило, – сказала я. Иметь дело с мальчишками приходилось слишком часто, причем всех возрастов, включая взрослых мальчишек, чтобы понимать тщетность любых нотаций в таких ситуациях. И поскольку Герман не разбил яйца и не переломал себе ноги, я просто взяла гнездо у него из рук и держала, пока он хватал ртом воздух, а мое сердцебиение возвращалось к нормальному ритму.

Придя в себя, он поднялся на ноги, не обращая никакого внимания на грязь, смолу и сосновые иголки, покрывавшие его с головы до ног.

– Мамап в солодовне, – сказал он, забирая свое сокровище. – Ты

пойдешь со мной, grandmère?

– Да. А где твои сестры? – спросила я подозрительно. – Разве тебе не положено за ними приглядывать?

– Non, – ответил он беззаботно. – Они дома, где женщины и должны быть.

– Вот как? И кто тебе такое сказал?

– Не помню. – Полностью забыв о падении, он скакал передо мной, напевая песенку, примерное содержание которой сводилось к следующим строчкам: „Na tuit, na tuit, na tuit, Germain“.

Марсали действительно была в солодовне, ее чепец, плащ и платье свисали с ветки пожелтевшей хурмы, рядом дымился горшочек с горячими углями, готовый к использованию.

Ток для соложения^[66] теперь был укрыт стенами, составлявшими постройку, в которую можно было складывать влажное зерно для проращивания, а затем сушить и поджаривать на низком огне под полом. Старые угли и пепел уже выгребли наружу, а под основание сарая, стоящего на сваях, уложили свежие дубовые дрова, но пока не подожгли. Но внутри было тепло и без того, я чувствовала это даже стоя в нескольких футах от входа. Пока зерно прорастало, оно отдавало столько жара, что постройка, казалось, светилась изнутри.

Оттуда раздавалось ритмичное шуршание – Марсали переворачивала ячмень деревянной лопатой, чтобы равномерно распределить зерно по поверхности перед тем, как разжигать огонь. Дверь сарая была открыта, но окон там, конечно, не было – издалека я видела толькодвигающуюся внутри тень.

Шуршание зерна заглушило наши шаги, и Марсали испуганно оглянулась, когда я своим телом заслонила дверной проем, лишив ее света.

– Матушка Клэр!

– Здравствуй, – сказала я радостно. – Герман сказал, ты здесь. Я подумала, просто...

– Матап! Смотри, смотри, что у меня есть. – Герман протиснулся мимо меня с детским упрямством, протягивая свою добычу. Марсали улыбнулась и заправила влажную прядь волос за ухо.

– О, неужели? Ничего себе! Пойдем-ка вынесем его на свет, чтобы я смогла разглядеть получше.

Она вышла наружу, с удовольствием вдыхая прохладный воздух. На ней была одна сорочка, муслин так промок от пота, что мне были видны не только темные ареолы на ее груди, но даже пуговица выдающегося вперед пупка, там, где влажная ткань прилипла к выпирающей округлости живота.

Марсали села и, вытянув ноги с босыми ступнями, еще раз с удовлетворением вздохнула. Ноги были немного опухшими, а под белой кожей виднелись расширенные голубые вены.

– Ох, как же хорошо посидеть! Ну, милый, покажи мне, что там у тебя.

Я использовала возможность обойти ее вокруг, пока Герман показывал свой трофей, и проверить, есть ли синяки или какие-нибудь другие повреждения.

Она была худой, если не считать живота, но Марсали всегда была такой. Ее руки и ноги были тоненькими, но мускулистыми. Под глазами залегли темные пятна усталости, но она все-таки растила троих детей, и это если не считать беременности, из-за которой она наверняка плохо спала. Лицо выглядело влажным и румяным, довольно здоровым.

Пара синяков виднелась на голени, но я не стала обращать на них внимания: беременные женщины легко набивали синяки, к тому же, если брать во внимание жизнь в деревянной хижине и дикую горную глушь, едва ли нашлось бы хоть несколько человек на Ридже, кто не ушибался по несколько раз на дню. Или я просто искала оправдания, не желая признать вероятность предложенного Брианной сценария?

– Одно мне, – объяснял Герман, касаясь яиц по очереди, – одно для Джоан, одно для Фелисити и одно для monsieur L'Oeuf. – Он показал на шар ее живота.

– О, какой милый мальчик, – сказала Марсали, притягивая его ближе и целуя в перепачканный лоб. – Ты мой маленький птенчик!

Сияющая улыбка мальчика сменилась гримасой подозрения, когда мать прижалась к нему выступающим животом. Он осторожно потрогал его.

– А когда яйцо вылупится внутри, что вы будете делать со скорлупой? – спросил он. – Можно я ее возьму?

Марсали порозовела, сдерживая смех.

– Слава богу, люди не вылупляются из яиц, – сказала она.

– Ты уверена, тапан? – Он с сомнением оглядел ее живот, а потом осторожно потыкал его. – На ощупь как яйцо.

– Да, но это не так. Просто мы с папой зовем так малыша до того, как он родится. Ты тоже однажды был monsieur L'Oeuf.

– Правда? – Германа это открытие прямо-таки огорошило.

– Да, как и твои сестры.

Мальчик нахмурился, взъерошенная светлая челка свесилась на нос.

– Нет, они были *mademoiselles* L'Oeufs.

– *Oui, certainement*, – сказала Марсали, смеясь. – Этот тоже может

оказаться mademoiselle, просто monsieur легче сказать. Вот, гляди-ка. – Она откинулась назад и крепко прижала руку к животу сбоку, потом взяла руку Германа и приложила ее к этому месту. Даже с того места, где я стояла, я смогла увидеть, как изнутри натянулась ее кожа, – ребенок изо всех сил пинался в ответ на толчок.

Герман отдернул руку, изумленный, затем с замороженным видом положил ее назад и нажал.

– Привет! – сказал он громко, опуская лицо ближе к материнскому животу. – Comment ça va там, monsieur L'Oeuf.

– Он в порядке, – заверила его мать. – Или она. Но малыши сначала не умеют говорить. Ты это знаешь. Фелисити пока что не говорит ничего, кроме „мама“.

– О да. – Потеряв интерес к своему будущему родственнику, он наклонился, чтобы поднять какой-то особенно привлекательный камень.

Марсали подняла голову, щурясь на солнце.

– Тебе пора домой, Герман. Мирабель скоро нужно будет доить, а я тут пока еще занята. Иди-ка и помоги папе, хорошо?

Мирабель была козой и сравнительно новым приобретением в хозяйстве, чтобы пока еще вызывать интерес Германа, который тут же оживился.

– Oui, Maman. Au'voir, Grandmère!

Он прицелился и бросил камешек в сарай, промахнулся, развернулся и помчался в сторону тропы.

– Герман! – закричала ему вслед Марсали. – Na tuit!

– Что это значит? – с любопытством спросила я. – Это гэльский или французский?

– Гэльский, – ответила она с улыбкой. – Это значит „не упади“. – Она покачала головой в притворном негодовании. – Этот мальчонка не может пропустить ни одного дерева.

Герман оставил гнездо с яйцами, она бережно поставила его на землю, и я увидела побледневшие желтоватые пятнышки на внутренней стороне ее предплечья – именно такие, как Брианна их описала.

– А как там Фергус? – спросила я как бы между прочим.

– Он в порядке, – ответила Марсали, сразу напрягаясь.

– Правда? – Я мельком посмотрела на ее предплечье, а потом в глаза. Марсали вспыхнула и быстро убрала руку, пряча отметины.

– Да, он в порядке! – сказала она. – Он не очень-то справляется с дойкой пока, но скоро приноровится. Конечно, ему неудобно с одной рукой, но он...

Я присела на бревно рядом с ней и, взяв ее за запястье, повернула руку.

– Брианна мне рассказала. Фергус это сделал?

– О! – Она казалась пристыженной и вырвала запястье, прижимая руку к животу, чтобы спрятать синяки. – Ай. Да, это он.

– Хочешь, чтобы я поговорила с Джейми об этом?

К ее лицу прилила краска, и она резко выпрямилась от испуга.

– Господи, нет! Он ломает Фергусу шею! Да Фергус и не виноват, если говорить начистоту.

– Конечно, виноват, – твердо заявила я. Я видела слишком много избитых женщин в Бостонской больнице, которые упорно утверждали, что в случившемся не виноваты их мужья и парни. Надо признать, частенько и женщины как-то провоцировали насилие, но все же...

– Но он правда не виноват! – настаивала Марсали. Густой румянец не исчез с ее лица, скорее даже усилился. – Я... Он... То есть он схватил меня за руку, но только потому, что я... эмм... ну, в общем, я пыталась врезать ему поленом. – Она посмотрела в сторону, пламенно рдея.

– О, – сбитая с толку, я потеряла нос. – Понятно. И почему же ты пыталась это сделать? Он... напал на тебя?

Она вздохнула, понутив плечи.

– Нет. Что ж, это случилось потому, что Джоан пролила молоко, а он начал кричать, и она заплакала и... – Марсали немного нервно пожала плечами. – Наверное, меня просто бес попутал.

– Но ведь обычно Фергус не кричит на детей, да?

– О да, это совсем ему не свойственно! – выпалила она. – Он едва ли когда-либо... в общем, раньше так не было, но со всеми этими... но я не могу его винить, особенно в этот раз. Это заняло у него кучу времени – подоить козу, – и все насмарку. Думаю, я бы тоже кричала.

Она вперила взор в землю, избегая моего взгляда, и теребила край нижней рубашки, раз за разом проводя большим пальцем по шву.

– Маленькие дети могут быть испытанием, – согласилась я, в красках припоминая случай с участием двухлетней Брианны, телефонного звонка, который меня отвлек, большой миски спагетти с тефтелями и открытого портфеля Фрэнка. Обычно Фрэнк демонстрировал ангельское терпение с Бри и не меньшее со мной, но в тот раз его гневные крики заставили задрожать даже оконные стекла. Я вспомнила, что вообще-то в ответной ярости, граничащей с истерией, я швырнула в мужа тефтелей, и Бри повторила за мной, хотя делала это не из мстительности, а потому, что такой ход показался ей забавным. Если бы я стояла у плиты, я, наверное, бросила бы в него полную кастрюлю. Я потеряла пальцем под носом, не

зная, смеяться от этих воспоминаний или сожалеть о содеянном. Мне так и не удалось вывести те пятна с ковра.

Мне было ужасно жаль, что я не могу поделиться этим эпизодом с Марсали, которая понятия не имела не только о портфелях и спагетти, но и о Фрэнке. Она все еще смотрела в землю, шевеля сухие дубовые листочки пальцем ноги.

– Это все моя вина, правда, – сказала она и закусила губу.

– Не твоя, – я утешительно сжала ее руку. – Здесь нет ничьей вины: всякое случается, люди расстраиваются... но в конце концов все встает на свои места.

„Ведь так и случилось, – подумала я, – хоть и самым неожиданным образом“.

Она кивнула, но лицо ее было по-прежнему омрачено, а губа закушена.

– Да, просто... – начала она, но оборвала предложение.

Я терпеливо ждала, стараясь на нее не давить. Ей хотелось, даже было необходимо, выговориться. А мне нужно было ее выслушать, прежде чем решить, стоит ли говорить об этом Джейми. Между ней и Фергусом явно что-то происходило.

– Я... как раз думала об этом, пока переворачивала зерно. Я бы этого не сделала, ни за что не сделала, но его крики так меня задели... Я почувствовала, будто все повторяется...

– Что повторяется? – спросила я, когда убедилась, что ей пока нечего добавить.

– Я пролила молоко, – сказала она торопливо. – Когда я была ребенком. Я хотела есть и потянулась за крынкой, и все пролилось.

– Ммм?

– Да. И он закричал, – она сильнее ссутулила плечи, как будто от воспоминания об ударе.

– Кто закричал?

– Точно не знаю. Может быть, это был мой отец, Хью, но мог быть и Саймон, второй мамин муж. Не помню, кто именно, только помню, что я так испугалась, что обмочилась, и от этого он разозлился сильнее. – Румянец вспыхнул на ее лице с новой силой, а пальцы на ногах поджались от стыда. – Мама плакала, потому что это была вся наша еда – молоко да немного хлеба. И теперь молоко пропало. Он кричал, что не может выносить этого шума, потому что мы с Джоан тоже голосили... и потом он дал мне пощечину, а мама тут же ринулась на него. Он так сильно толкнул ее, что она упала на очаг и разбила лицо. Я видела, как у нее из носа течет кровь.

Она всхлипнула и утерла нос костяшками пальцев, часто моргая и по-прежнему глядя на листья под ногами.

– Тогда он вышел, хлопнув дверью, и мы с Джоан кинулись к маме с диким воем, потому что думали, что она умерла... Но она встала на четвереньки и сказала нам, что все в порядке, что все будет хорошо. Ее качало, чепец сполз с головы, а из носа на пол текли струйки кровавых соплей... Я и забыла об этом. Но когда Фергус стал кричать на бедную малышку Джоан... это было как будто он вдруг стал Саймоном. Или, может, Хью. Им, кто бы он ни был. – Марсали закрыла глаза и глубоко вздохнула, наклоняясь вперед и обхватывая свою драгоценную ношу.

Я потянулась к ней и откинула мокрые пряди с ее лица, с круглых бровей.

– Ты скучаешь по маме, да? – тихо спросила я. Впервые я почувствовала симпатию к ее матери, Лаогере, как и к самой Марсали.

– О да, – просто ответила девушка. – Ужасно скучаю. – Она снова вздохнула, прикрыв глаза, и прижалась щекой к моей руке. Я обняла Марсали, притянув к себе ее голову, и молчаливо стала гладить по волосам.

Дело было за полдень, тени стали длинными и холодными в гуще дубовой рощи. Жар солодовни оставил Марсали, и она поежилась от опускающейся вечерней прохлады, по ее тонким рукам побежали мурашки.

– Вот, – сказала я, поднимаясь и набрасывая свой плащ ей на плечи. – Надень-ка, ты же не хочешь простудиться.

– О нет, я в порядке. – Она выпрямилась, откинув назад волосы, и вытерла лицо тыльной стороной ладони. – Нужно еще чуть-чуть закончить здесь, а потом идти домой и готовить ужин...

– Я все сделаю, – сказала я твердо и поправила на ней плащ. – А ты отдохни немного.

Воздух внутри крохотной постройки был такой густой, что опьянял – полный насыщенного мускуса от прорастающего зерна и острого пыльного запаха ячменной шелухи. Тепло было приятным после уличной прохлады, но уже через короткое время кожа под одеждой стала влажной, и я, стянув платье через голову, повесила его на гвоздь у двери.

Марсали была права: работы осталось немного. Пока я занята делом, я немного согреюсь, а потом сразу доведу девочку до дома. Я приготовлю ужин, чтобы дать ей отдохнуть, – и пока буду этим заниматься, быть может, мне удастся перекинуться парой слов с Фергусом и выяснить, что за кошка между ними пробежала.

Вообще-то Фергус мог бы приготовить ужин, подумала я и нахмурилась, втыкая лопату в сероватые кучи липкого зерна. Но ему это,

конечно, и в голову не придет, этому маленькому французскому бездельнику. Дойка козы – это самое большее, на что он был способен из „женской работы“.

Потом я подумала о Джоан и Фелисити и сразу потеплела к Фергусу. Трехлетняя Джоан и полуторагодовалая Фелисити... Кто бы ни был третьим в их компании, он заслуживал моего безусловного сочувствия, независимо от того, чем занимались эти двое.

Джоан внешне походила на хорошенького каштанового королька, и сама по себе была относительно послушным и мирным ребенком. Фелисити же была вылитый отец – темноволосая, с тонкой костью, попеременно то неотразимо обаятельная, то демонстрирующая буйный темперамент во всей красе. Вместе... Джейми обычно звал их адскими котятками. И если они находились дома, не было ничего удивительного в том, что Герман скакал по лесам, а Марсали находила отдушину в тяжелой работе.

„Тяжелая“ – буквальное определение», – подумала я, втыкая лопату в зерно и переворачивая его. Прорастающий ячмень был тяжелым грузом, полная чаша лопаты весила несколько фунтов. Потревоженное зерно выглядело неоднородным, испещренное темными пятнами от влаги из низлежащих слоев. Неперевернутый ячмень был, очевидно, бледнее даже в уходящем вечернем свете. Такого оставалось всего пара горок в дальнем углу. Я с энтузиазмом взялась за него, попутно осознавая, что изо всех сил пытаюсь не думать о том, что рассказала мне Марсали. Я не хотела, чтоб Лаогера мне нравилась, – и она мне не нравилась. Но и симпатии к ней я не хотела ощущать, а это было уже труднее.

Очевидно, жизнь обходилась с ней сурово. Но всем шотландским горцам пришлось не сладко в те времена, думала я, с пыхтением откидывая в сторону очередную порцию зерна. Быть матерью везде было непросто, но, кажется, она с этим неплохо справилась. Я чихнула от ячменной пыли, вытерла нос рукавом и вернулась к работе. В конце концов, не то чтобы она пыталась украсть у меня Джейми, убеждала я себя, склоняясь к сочувствию и благородной объективности. На самом деле, совсем наоборот, по крайней мере с ее точки зрения.

Край лопаты заскрипел по полу – дело сделано. Я скинула остатки зерна в сторону, а после лезвием подвинула только что перевернутый ячмень в пустой угол и разровняла высокие кучки. Джейми рассказал мне о причинах этого брака – и я верила ему. Но факт оставался фактом: простое упоминание ее имени вызывало в моем сознании поток разрозненных картинок – начиная с той, где Джейми страстно целует ее в укромном

уголке замка Леох, и заканчивая фантазиями о том, как в темноте их супружеского ложа он задирает ночную рубашку Лаогеры и кладет горячие от нетерпения ладони ей на бедра. Эти мысли заставляли меня сердито фыркать, а виски пульсировать от внезапно прилившей крови.

Возможно, подумалось мне, я вовсе не из великодушных и благородных людей. Временами я скорее даже напоминаю ограниченную и озлобленную персону.

Приступ самобичевания был прерван голосами и шумом снаружи. Я выглянула из солодовни, жмурясь от лучей опускающегося вечернего солнца. Было сложно разглядеть их лица и даже наверняка сказать, сколько их всего. Некоторые были верхом, другие без лошадей – черные силуэты на фоне заходящего солнца. Я уловила движение краем глаза: Марсали поднялась на ноги и пятилась к сараю.

– Кто вы, сэр? – спросила она, высоко подняв подбородок.

– Мучимые жаждой странники, мистрис, – ответила одна из темных фигур, выезжая вперед. – В поисках гостеприимства.

Слова его были учтивыми, а вот голос нет. Я вышла наружу, все еще крепко сжимая лопату.

– Добро пожаловать, – сказала я, вовсе не пытаясь казаться гостеприимной. – Стойте где стоите, джентльмены. Мы с удовольствием предложим вам выпить. Марсали, не принесешь бочонок?

Мы держали тут небольшой бочонок свежего виски как раз для подобных okazji. Кровь шумела у меня в ушах, и я так крепко схватилась за древко лопаты, что чувствовала каждую ее шероховатость. Было более чем странно встретить одновременно так много незнакомцев в горах. Время от времени нам попадались группы охотников чероки – но эти мужчины были не индейцами.

– Не беспокойтесь, мистрис, – сказал другой мужчина, спешиваясь. – Я ей помогу. Думаю, нам понадобится больше одного бочонка.

Выговор у него был английский и странно знакомый: не приобретенный акцент, но подчеркнута правильная дикция.

– У нас готов только один бочонок, – сказала я, медленно двигаясь в сторону и не отрывая от говорящего глаз. Он был низкорослым и худощавым и двигался резкими короткими рывками, как марионетка.

Он приближался ко мне, как и остальные. Марсали дошла до поленницы и копалась за кучами дубовых бревен и ветками гикори. Я слышала ее тяжелое прерывистое дыхание. Бочонок был спрятан среди дров, а рядом с ним, я знала, лежит топор.

– Марсали, – сказала я, – стой там. Сейчас я тебе помогу.

Топор был оружием получше, чем лопата. Но две женщины против... сколько там мужчин? Десять... дюжина? Больше? Я моргнула – глаза слезились от ярких солнечных лучей – и увидела еще нескольких выходящими из леса. Этих я смогла рассмотреть получше: один осклабился на меня, и я заставила себя не отводить взгляда. Улыбка его стала шире.

Низкорослый был все ближе. Я посмотрела на него, и меня озарила вспышка смутного узнавания. Кто, черт побери, он такой? Я знала его, видела прежде, но никакого имени не возникало в ответ на впалые щеки и низко нависающие брови. От него несло застарелым потом, въевшейся в кожу грязью и высохшей мочой, не только от него, от них всех. Ветер разносил эту вонь, резкую и навязчивую, какая бывает от диких лис или куниц. Мужчина увидел, что я узнала его, на секунду губы его сжались и тут же расслабились.

– Миссис Фрэзер, – сказал он, и все мои мрачные предчувствия стали реальнее под взглядом маленьких умных глаз.

– Кажется, у вас передо мной есть преимущество, сэр, – сказала я, стараясь принять самый храбрый вид, на который была способна. – Мы раньше встречались?

Он не ответил на это. Угол его рта потянулся вверх в ухмылке, но его внимание отвлекли двое мужчин, которые бросились вперед, чтобы забрать бочонок, который Марсали выкатила из тайника. Один из них уже схватил топор, на который я имела виды, и готов был проломить крышку, когда тощий закричал на него.

– Оставь его!

Мужчина оглянулся на него, недоуменно приоткрыв рот.

– Я сказал, оставь! – зашипел тощий, когда он озадаченно перевел взгляд с топора на бочонок и обратно. – Мы заберем его с собой, еще не хватало, чтоб вы сейчас напились как свиньи!

Повернувшись ко мне и, словно продолжая прерванную беседу, он спросил:

– А где остальное?

– Это все, что есть, – ответила Марсали, прежде чем я успела открыть рот. Она опасливо хмурилась, глядя на него, но была очень зла. – Возьмите его и проваливайте.

Внимание худого мужчины первый раз переключилось на нее, но он лишь мельком окинул ее взглядом и вернулся ко мне.

– Не пытайтесь меня обмануть, миссис Фрэзер. Мне отлично известно, что есть еще, и я его получу.

– Нет. А ну-ка отдай это мне, ты, болван! – Марсали ловко выхватила

топор у мужчины рядом с ней и зашипела на худого. – Так вы платите за гостеприимство, а? Грабежом? Ну так берите то, за чем пришли, и отправляйтесь восвояси!

У меня не осталось выбора, кроме как подхватить ее инициативу, хотя в голове у меня звенел сигнал тревоги каждый раз, когда я смотрела на худого мужчину.

– Это правда, – сказала я. – Смотрите сами. – Я указала на солодовню: котлы и цистерны стояли рядом, закрытые и очевидно пустые. – Мы только начинаем солодить. Новая партия виски будет готова еще не скоро.

Нисколько не изменившись в лице, он сделал шаг вперед и с силой влепил мне пощечину.

Удар был недостаточно сильный, чтобы сбить меня с ног, но голова резко мотнулась в сторону, а на глазах выступили слезы. Мной овладел скорее шок, чем боль, хотя во рту появился отчетливый привкус крови и я чувствовала, как начинает распухать губа. Марсали издала громкий крик удивления и ярости, и я услышала, как мужчины начали с любопытством переговариваться. Они дружно двинулись вперед, окружая нас.

Я прижала к кровоточащей губе тыльную сторону ладони, отстраненно отметив, что она дрожит. Мозг как будто отделился от тела на безопасное расстояние и теперь стремительно перебирал разные предположения, как колоду игральных карт.

Кто эти люди? Насколько они опасны? На что они готовы? Солнце уже садится – сколько времени пройдет, прежде чем хватятся нас с Марсали и пойдут искать? Будет это Фергус или Джейми? Но даже Джейми, если он придет один...

У меня не было никаких сомнений в том, что это именно те, кто спалил хижину Тиджа О'Брайена и устраивали нападения за линией соглашения. Значит, жестокие, но их главная цель – грабеж.

Во рту стоял привкус меди – металлический дух крови и страха. В этих расчетах я провела не более секунды и, когда отняла руку от лица, уже решила, что лучше будет отдать им то, за чем они пришли, и надеяться, что они просто уйдут вместе с виски. Однако мне не дали возможности высказаться: худощавый схватил меня за запястье и сильно выкрутил его. Я почувствовала, как кости сдвинулись и хрустнули, причинив мне чудовищную боль. Не в силах издать ни одного звука, кроме судорожного резкого выдоха, я упала на колени среди сухой листвы.

Марсали закричала и рванулась вперед, внезапно, как потревоженная змея. Она высоко занесла топор и со всей силы вонзила его в плечо стоящего рядом мужчины. Потом Марсали вытащила его, и теплая кровь

оросила мое лицо, она брызгала из раны, как дождь, поливающий листву.

Девушка завизжала тонким высоким голосом, раненый тоже закричал в испуге, и вдруг вся поляна пришла в движение. Мужчины с ревом бросились вперед, как внезапный прибой. Я наклонилась вперед и, обхватив худощавого за колени, двинула ему головой в промежность. Он задохнулся, охнув от боли, и упал на меня, придавив к земле. Я выползла из-под распростертого тела, думая только о том, что мне нужно добраться до Марсали, встать между ней и ими, но они облепили ее плотной стеной. Надрывный крик прорезал воздух, заглушаемый ударами кулаков и глухим стуком тел о деревянные стены солодовни. Котелок с углями был в зоне досягаемости. Я схватила его, не чувствуя обжигающего прикосновения раскаленной глины, и швырнула в кучу мужчин. Они заорали и рассыпались в стороны. Я увидела Марсали, прижатую к стене: голова ее лежала на плече, глаза закатились так, что видны были одни белки, ноги широко раскинуты в стороны, а ночнушка разорвана, обнажая тяжелые груди, лежащие на круглом животе.

Потом кто-то ударил меня по голове, и я полетела вбок, раскидывая листья. Я распростерлась на земле, оглушенная, не способная ни встать, ни двинуться, ни думать, ни говорить. На меня опустилась полная безмятежность, и зрение стало сужаться – казалось, очень медленно, по спирали, закрывается огромная радужка. На земле, буквально в нескольких дюймах от моего носа, лежало гнездо – переплетенные тонкие веточки аккуратно собраны вместе, в образованной ими чаше четыре зеленоватых яйца, круглые и хрупкие – идеальной формы. Потом каблук опустился прямо на яйца, и я погрузилась во тьму.

Меня пробудил запах дыма. Я была без сознания какие-то секунды: кучка сухой травы перед моим лицом только начала заниматься. Раскаленный уголек мерцал на подстилке из золы, усеянной искрами. Высохшие травинки вспыхнули, как нити накаливания в лампе, и в тот самый момент, когда чьи-то руки схватили меня за плечо, поднимая вверх, комок обьяло пламя.

Я не вполне пришла в себя, но пыталась колотить своего похитителя. Он подтолкнул меня к одной из лошадей, приподнял и бесцеремонно перекинул через седло с такой силой, что я на секунду потеряла способность дышать. Мне едва хватило сил и времени, чтобы схватиться за кожаный ремень стремени, как кто-то хлопнул кобылу по крупу, и она припустила рысцей, попутно причиняя мне массу неудобств. От головокружения и тряски все, что я видела, казалось разрозненным, фрагментарным, как осколки разбитого зеркала. Но мне удалось мельком

разглядеть Марсали: она лежала как тряпичная кукла среди дюжины маленьких костров, а разбросанные вокруг угли продолжали тлеть, разжигая огромное пламя.

Я издала придушенный звук, пытаясь позвать ее, но мой крик затерялся в звяканье сбруи и голосах мужчин, которые тревожно обсуждали что-то совсем рядом.

– Ты совсем сбрендил, Ходж? Тебе не нужна эта женщина, верни ее!

– Не буду, – голос низкорослого звучал резко, но уверенно. – Она приведет нас к виски.

– Виски нам мертвым уже не пригодится, Ходж! Это жена Джейми Фрэзера, черт тебя побери!

– Я знаю, кто она такая. Давай двигай!

– Но он... Ты не знаешь этого человека, Ходж! Я видел его однажды...

– Избавь меня от своих воспоминаний. Двигай, я сказал!

Последнее было прервано внезапным жестким тычком и удивленным вскриком боли. Рукоятка пистолета, поняла я, удар по лицу. Я сглотнула, прислушиваясь к влажным всхлипам человека со сломанным носом. В мои волосы больно вцепилась рука и потянула вверх. Сверху на меня смотрел низкорослый, задумчиво сузив глаза. По всей видимости, он просто хотел убедиться, что я жива, потому что ничего не сказал и безразлично отпустил мою голову, как если бы я была шишкой, которую он подобрал по пути.

Кто-то вел лошадь, на которой я лежала, в поводу, и еще несколько мужчин шли пешком. Я слышала, как они переговариваются, время от времени переходя на бег, как хрипят и грохочут, будто свиньи в подлеске, чтобы успеть за лошадьми, которые уже начали подъем.

Я не могла нормально дышать, мне удавалось делать только короткие судорожные вдохи, меня немилосердно трясло на седле, но мне некогда было думать о физическом дискомфорте. Марсали мертва? Было похоже на то, но я не видела крови и цеплялась за эту маленькую деталь, пытаясь найти в ней хотя бы временное утешение.

Если она не была мертва тогда, она может умереть позже. От полученных травм, шокового состояния, внезапного выкидыша... Боже, боже, бедный Monsieur L'Oeuf... В отчаянии я крепко вцепилась в кожаные ремни стремени. Кто может ее обнаружить и когда?

До ужина оставалось чуть больше часа, когда я дошла до солодовни. Сколько времени сейчас? Я смутно видела мелькающую внизу землю, но мои волосы растрепались и падали на лицо всякий раз, как я пыталась поднять голову. В воздухе разливалась вечерняя прохлада, свет казался неподвижным, солнце все еще висело где-то около линии горизонта. Уже

через несколько минут начнет смеркаться. И что потом? Когда они начнут поиски? Фергус заметит отсутствие Марсали, когда поймет, что она не вернулась приготовить ужин. Но пойдет ли он искать ее сам с девочками на руках? Нет, он пошлет Германа. Эта логическая цепочка заставила сердце подскочить и застрять прямо в горле. Для пятилетнего мальчика найти свою маму...

Я по-прежнему чувствовала дым. Я несколько раз втянула в себя воздух, надеясь, что вообразила запах. Но поверх пыли и лошадиного пота, седельной кожи и сока раздавленной зелени я ясно чувствовала вонь пожара. Поляну или солодовню, или и то и другое, теперь уже всерьез охватило пламя. Кто-нибудь увидит дым и придет. Но успеет ли вовремя?

Я крепко зажмурила глаза, стараясь не думать, ища любой повод отвлечься, только чтобы не видеть в своем воображении картину, которая могла разворачиваться у меня за спиной.

Поблизости по-прежнему слышались голоса. Снова мужчина, которого они звали Ходжем. Должно быть, я ехала на его лошади – он шел впереди, возле ее головы. Кто-то еще яростно спорил с ним, но пользы от этого было не больше, чем в прошлый раз.

– Раздели их, – говорил он резко. – Подели людей на две группы, ты поведешь одну, другие пойдут со мной. Встретимся снова через три дня в Браунсвиле.

Проклятье. Он ожидал погоню и хотел сбить их со следа, разделившись. Я судорожно стала думать, что можно уронить по пути: наверняка должно быть что-то, что поможет ему понять, в какую сторону меня увели. Но из одежды на мне была только нижняя рубашка, корсет и чулки, ботинки я потеряла, когда меня тащили к лошади. Чулки казались единственным вариантом, однако в этот раз я особенно туго закрепила подвязки, и они были вне зоны досягаемости.

Вокруг стоял шум от движения мужчин и лошадей: компания разделялась, они перекрикивались и махали друг другу. Ходж пришпорил лошадь, и мы стали двигаться быстрее. Когда мы проезжали мимо какого-то куста, мои свободно висящие волосы всерьез зацепились за ветку, а затем оторвались с неприятным болезненным «пииииин» – ветка дернулась и отрикошетила мне по скуле, чуть не угодив прямо в глаз. Я выкрикнула нечто очень грубое, и кто-то, надо думать, Ходж, предостерегающе хлопнул меня по заднице. Сквозь стиснутые зубы я процедила еще более грубое оскорбление. Моим единственным утешением была мысль о том, что выследить банду, которая оставляет столько следов в виде переломанных веток, следов копыт и перевернутых камней, будет совсем не сложно.

Я видела, как Джейми преследуют создания всех видов – крохотные и незаметные, крупные и тяжелые, видела, как он смотрит на древесную кору, на сломанные ветки, проверяя, нет ли на первой царапин и не запутались ли в кустах предательские клочки... волос.

С той стороны, где висела моя голова, никого не было. Я стала торопливо выдергивать волоски. Три, четыре, пять – будет ли этого достаточно? Я вытянула руку и провела ей по кусту падуба, длинные курчавые волосы заколыхались от движения лошади, но остались висеть на зазубренных листьях.

Я провернула это еще четыре раза. Он наверняка увидит хотя бы одну из моих «хлебных крошек» и будет знать, каким путем идти, если только не двинется по ложному следу. Больше я не могла сделать ничего, кроме как помолиться, – так я и поступила, я стала истово читать молитвы, в первую очередь прося за Марсали и несчастного Monsieur le Oeuf, которые нуждались в помощи гораздо больше меня.

Мы шли в гору еще довольно много времени. Темнота опустилась задолго до того, как отряд достиг вершины хребта. Я была почти без сознания, кровь стучала в висках, а корсет и подвязки так впивались в кожу, что каждый китовый ус ощущался как свежее клеймо на теле.

У меня хватило сил только на то, чтобы сползти с лошади и мешком свалиться на землю. Голова кружилась, я хватала ртом воздух, растирая распухшие от долгого висения запястья.

Мужчины встали в круг и тихо переговаривались, но они были слишком близко, чтобы мне удалось удрать в густые кусты папоротника. Один стоял всего в нескольких футах и не сводил с меня глаз. Я обернулась назад одновременно в надежде и страхе увидеть зарево пожара внизу. Огонь привлек бы чье-то внимание, этот кто-то узнал бы, что произошло, и к этому времени уже должен был поднять тревогу и организовать погоню. И все же... Марсали. Неужели они с ребенком уже мертвы?

Я сглотнула, напряженно всматриваясь в темноту, столько же чтобы сдержать подступающие слезы, сколько и надеясь разглядеть что-нибудь. Однако вокруг густо росли деревья, и я не видела ничего, кроме чернильных оттенков тьмы.

Света не было: луна еще не поднялась, а звезды по-прежнему лишь бледно мерцали. Глаза уже привыкли к темноте, и, хотя кошкой я не была, все же могла примерно прикинуть количество похитителей. Они ругались, то и дело поглядывая на меня. Может, дюжина человек... А сколько было сначала? Двадцать? Тридцать?

Я сжала дрожащие пальцы. Запястья были все в синяках, но не это

меня тревожило.

Мне было ясно, а значит, было скорее всего ясно и им, что идти к складу виски сейчас нельзя, даже если мне удастся его найти в ночи. Выжила Марсали или нет, мое горло сжалось от этой мысли, Джейми поймет, что целью пришельцев были виски, и выставит охрану.

Если бы все не пошло наперекосяк, мужчины бы просто заставили меня вывести их к складу и исчезли, надеясь скрыться до того, как кража будет обнаружена. Оставили бы они нас с Марсали в живых, зная, что мы можем поднять тревогу и описать их? Может, да, а может, и нет. Но в хаосе, последовавшем за нападением Марсали, первоначальный план развалился. И что теперь?

Мужчины начали выходить из круга, хотя споры продолжались. Ко мне приближались шаги.

– Говорю тебе, так не пойдет, – горячо настаивал какой-то мужчина. По гнусавому голосу я поняла, что это джентльмен со сломанным носом, – очевидно, недавняя травма его не убила. – Убей ее сейчас. Оставь здесь. Ее никто не успеет найти до того, как звери растащат кости.

– Да ну? Если ее никто не найдет, они подумают, что она все еще у нас, так ведь?

– Но если Фрэзер нагонит нас, а ее нет, кого он сможет обвинить...

Четверо или пятеро окружили меня. Я с трудом поднялась на ноги, рефлекторно схватив первый предмет, который напоминал оружие и, увы, оказался всего лишь небольшим камнем.

– Как далеко мы от виски? – требовательно спросил Ходж. Он снял шляпу, и в темноте его глаза мерцали, как у крысы.

– Я не знаю, – ответила я, стараясь держать в руках себя и камень. Губа по-прежнему была распухшей от его оплеухи, и мне приходилось тщательно выговаривать слова. – Я не знаю, где мы.

Это было правдой, хотя я могла примерно предположить. Мы ехали несколько часов, преимущественно вверх, вокруг нас стояли пихты – я чувствовала острый и чистый запах смолы. Мы остановились где-то на верхних склонах, вероятно, недалеко от небольшого перевала.

– Убей ее, – потребовал кто-то. – Она не принесет нам ничего хорошего, и если Фрэзер найдет ее у нас...

– Закрой свой вонючий рот! – Ходж развернулся к говорящему так резко, что мужчина, много крупнее его, невольно отступил назад. Избавившись от этого недоразумения, Ходж обернулся назад и схватил меня за руку.

– Не надо играть со мной дурочку, женщина. Ты скажешь мне, что я

хочу знать. – Он не стал утруждать себя фразой «или...», вместо этого что-то холодное скользнуло по моей груди, а за ним последовал жаркий росчерк пореза, рана расцвела кровью.

– Иисус твою Рузвельт Христос! – выдала я скорее от удивления, чем от боли, и выдернула руку из его цепких пальцев. – Я уже сказала, я даже не знаю, где мы, идиот! Как, по-твоему, я могу показать дорогу?

Он ошарашенно хлопнул глазами и рефлекторно поднял нож, как будто ожидал, что я могу напасть. Осознав, что у меня нет такого намерения, он набычился.

– Я скажу тебе, что знаю, – сказала я и отстраненно похвалила себя за то, как ровно и спокойно звучал мой голос. – Склад виски примерно в полумиле от солодовни, строго на северо-запад. Он в хорошо спрятанной пещере. Я могу привести вас туда, если мы начнем с места, откуда вы меня забрали. Это все, что я могу вам сказать по части направления.

Это тоже было правдой. Я с легкостью могла найти место, но раздавать указания? «Идите сквозь прогалину в кустах, пока не увидите дубовую рощицу, где Брианна пристрелила опоссума, возьмите правее, в сторону квадратного камня, вокруг которого растет ужомник...» Мысль о том, что я им была нужна только в качестве гида, и это единственная причина, по которой я пока была жива, пришла мне в голову в последнюю очередь.

Порез был совсем незначительный: кровотечение оставалось слабым. Но ноги и руки были ледяными, а перед глазами носились белые мушки. В вертикальном положении меня удерживало только убеждение в том, что уж если умирать, то стоя.

– Говорю тебе, Ходж, ты не хочешь иметь с ней никаких дел, никаких. – К группе возле меня присоединился крупный мужчина. Он наклонился к плечу Ходжа и кивнул на меня. В темноте они все казались черными, но в его голосе звучал заметный африканский акцент – бывший раб или, возможно, работороговец. – Эта женщина, я слышал о ней. Она колдунья, я знаю таких. Они как змеи, эти колдуньи. Не прикасайся к ней, слышишь? Она проклянет тебя!

Я сумела разразиться недобрым смехом в ответ на его ремарку, и мужчина, стоявший ко мне ближе всего, сделал шаг назад. Я слегка удивилась – откуда это взялось? Но дышать стало легче, а мушки перед глазами исчезли. Высокий мужчина выпрямил шею, заметив темную полосу крови на моей рубашке.

– Ты пролил ее кровь? Черт тебя побери, Ходж, теперь нам конец! – В его голосе звучала неприкрытая тревога, он отпрянул назад, совершив в мою сторону какой-то жест одной рукой.

Не сознавая, что именно заставило меня это сделать, я уронила камень, провела правой рукой по порезу и одним быстрым движением прижала пальцы к щеке худощавого мужчины. Я снова недобро рассмеялась.

– Значит, проклятие? Ну и как тебе такое? Тронешь меня еще раз, умрешь в следующие двадцать четыре часа.

Пятна крови темнели на бледном овале его лица. Он был так близко, что я чувствовала его кислое дыхание и видела, как в нем закипает ярость. «Какого черта ты делаешь, Бичем?» – подумала я, удивленная своим поведением. Ходж занес руку, чтобы ударить меня, но крупный мужчина перехватил его запястье с испуганным вскриком.

– Не смей этого делать! Ты всех нас погубишь!

– Да я убью тебя прямо сейчас, тварь!

Ходж по-прежнему сжимал нож в другой руке, он неловко воткнул его в крупного мужчину, хрипя от ярости. Здоровяк ахнул от неожиданности, но сильно ранен не был, в ответ он скрутил запястье Ходжа, и тот завизжал от боли, как кролик, угодивший в лапы к лисице. Тут же включились остальные, крича и толкаясь, хватаясь за оружие. Я развернулась и побежала, но не успела сделать и пары шагов, как кто-то схватил меня и крепко прижал к себе.

– Никуда вы не пойдете, леди, – сказал он, тяжело дыша мне в ухо.

Пойти я уже не могла. Он был не выше меня, но куда сильнее. Я попыталась вырваться, но он обхватил меня обеими руками и сжал крепче. Сердце у меня колотилось от злости и страха, я замерла, чтобы не давать ему повода меня наказать. Он был возбужден, сердце у него тоже колотилось, и я чувствовала запах свежего пота поверх вони старой одежды и немытого тела.

Мне было не видно, что происходит, но, кажется, теперь они больше ругались, чем дрались. Мой захватчик неловко переступил с ноги на ногу и прочистил горло.

– Хм... откуда вы, мэм? – спросил он неожиданно вежливо.

– Что? – переспросила я, совершенно сбита с толку. – Откуда я? Ээ... ммм... Англия. Оксфордшир. А потом Бостон.

– О? Я тоже с севера.

Я сдержала автоматическое желание ответить «приятно познакомиться», поскольку знакомиться мне было совсем неприятно, и разговор затух.

Драка закончилась так же неожиданно, как началась. После ритуального рычания и ругательств большинство мужчин отступили под натиском гневных реплик Ходжа, который орал, что он здесь главный и

они, так их разэтак, будут делать, что он говорит, или им придется взять на себя последствия.

– Он не пустослов, – пробормотал мой охранник, все еще крепко прижимая меня к вонючей груди. – Уж поверьте мне, леди, вам вовсе не хочется перебегать ему дорогу.

– Мхм, – промычала я, хотя предполагала, что совет был искренний. Я надеялась, что ссора будет длинной и шумной, что могло бы увеличить шансы Джейми нагнать нас.

– И откуда взялся этот Ходж, раз уж мы говорим о корнях? – спросила я. Он по-прежнему казался мне до ужаса знакомым, я была уверена, что видела его где-то – но где?

– Ходжепил? Хмм... Из Англии, я думаю, – ответил сжимающий меня молодой человек. Его голос звучал удивленно. – Разве не слышно?

Ходж? Ходжепил? Я точно слышала это имя раньше, но...

Вокруг слышалась возня и приглушенные перепалки, но уже скоро, слишком скоро, мы снова были в пути. В этот раз, благодарение Господу, мне позволили ехать верхом, хотя мои руки были привязаны к седлу передо мной. Мы двигались очень медленно. Перед нами было подобие тропинки, но даже в слабом свете поднимающейся луны идти было трудно. Ходжепил больше не вел лошадь, на которой я сидела, – его сменил молодой мужчина, который говорил со мной, он тянул и понукал все более непокорную кобылу. Я то и дело выхватывала его силуэт из темноты: высокий и стройный, с густыми буйными волосами, которые свисали на плечи и напоминали львиную гриву.

Угроза скорой смерти на время отступила, но желудок по-прежнему был как будто скручен в узел, а мышцы спины напряжены. Ходжепил пока что стоял на своем, но среди мужчин не было согласия. Тот самый, который хотел убить меня и оставить мой труп на разорение скунсам и ласкам, легко мог положить конец спорам, напав на меня под покровом ночи.

Я слышала голос Ходжепила, резкий и менторский, где-то впереди. Видимо, он двигался туда и обратно вдоль колонны, запугивая, прикрикивая и шпыняя, как пастушья собака, которая пытается заставить стадо двигаться.

И они двигались, хотя даже мне было ясно, что лошади сильно устали. Та, на которой ехала я, спотыкалась и раздраженно мотала головой. Бог знает, откуда явились мародеры и как долго они были в пути до того, как пришли к солодовне. Люди тоже шли все медленнее, незаметно, по мере того как адреналин от побега и драки испарялся, на них опускалась усталость, словно ночной туман. Я чувствовала, как сама проваливаюсь в

забыть, и боролась со сном, пытаясь контролировать ситуацию.

Стояла ранняя осень, но на мне были только рубашка и корсет, к тому же мы были довольно высоко, а здесь воздух с наступлением темноты остывал быстрее. Я непрерывно дрожала, и порез на груди обжигал болью каждый раз, когда крошечные мышцы сокращались под кожей. Рана была несерьезной, но что, если туда попадет инфекция? Я надеялась только, что я проживу достаточно долго, чтобы это могло стать проблемой.

Как я ни старалась, я не могла удержаться от мыслей о Марсали и от предположений медицинского характера – я рассмотрела все, начиная от сотрясения мозга с внутричерепным отеком и заканчивая ожогами легких. Я могла бы кое-что сделать, например неотложное кесарево сечение, если бы я была там. Никто другой не сможет. Я крепко вцепилась в край седла, натянув веревку. Я должна быть там!

Но я не была и могла никак не оказаться.

Споры и бормотание утихали по мере того, как темнота леса опускалась на нас, но тягостное чувство тревоги висело над отрядом. Я предполагала, что частично причина была в опасениях и страхе погони, но гораздо больше всех беспокоили внутренние разногласия. Драка не была закончена, всего лишь отложена на неопределенный срок. Ощущение конфликта висело в воздухе. И я была предметом этого конфликта. У меня не было возможности проследить за спором, и поэтому я не была уверена, кто из них каких взглядов придерживался. Однако расклад был примерно ясен: часть людей под предводительством Ходжа считали, что я нужна им живой, по крайней мере до того, как они найдут виски. Другая же часть была за то, чтобы резать концы, а значит, и мою глотку. И меньшинство в лице джентльмена с африканским акцентом выступало за то, чтобы освободить меня, – чем быстрее, тем лучше.

Разумеется, мне стоило работать с этим джентльменом и попытаться обратить его убеждения себе на пользу. Как? Я неплохо начала, прокляв Ходжепила, и до сих пор была очень удивлена своим импульсом. Проклинать их всех, на мой взгляд, было бы не очень мудро – испортило бы эффект.

Я заерзала в седле, которое начало довольно неприятно натирать. Это было не первый раз, когда мужчины испытывали по отношению ко мне суеверный страх. Чужие предрассудки могут быть хорошим оружием, но и очень опасным в использовании. Если я всерьез напугаю их, они убьют меня не мешкая.

Мы пересекли перевал. Редкие деревья росли здесь между скалами, и когда мы выехали на дальнюю сторону горы, моему взору открылось

бескрайнее, сияющее мириадами звезд небо.

Должно быть, я восхищенно выдохнула, потому что ведущий мою лошадь молодой человек вдруг остановился, подняв голову вверх.

– О! – тихо сказал он. Секунду он глядел, но затем мимо нас прошла другая лошадь, и ее толчок вернул его с небес на землю. Наездник обернулся на меня, недобро глядя в темноте.

– Есть такие звезды там, откуда вы родом?

– Нет, – ответила я, все еще под впечатлением от безмолвной панорамы, развернувшейся над нашими головами. – Не такие яркие.

– Не такие, – сказал он, качая головой, и потянул поводья. Это показалось мне странным замечанием, но я не знала, что с ним делать. Я могла бы продолжить разговор, видит бог, мне нужны были все союзники, каких я смогу заполучить, но тут впереди послышался крик: очевидно, мы разбивали лагерь. Меня отвязали и сняли с лошади. Ходжепил пробрался сквозь толпу и схватил меня за плечо.

– Попробуй только сбежать, и крупно об этом пожалеешь, женщина. – Он сжал ладонь, вонзая ногти поглубже в мою кожу. – Ты мне нужна живая, но не обязательно целиком.

По-прежнему держа меня за плечо, он поднял нож и прижал лезвие к моим губам, ткнул острым концом в основание носа, а потом наклонился так близко, что я почувствовала влажную теплоту его зловонного дыхания на лице.

– Единственное, чего я отрезать не стану, это твой язык, – прошептал он. Лезвие неторопливо скользнуло вниз к подбородку, вдоль шеи, обвело силуэт груди. – Понимаешь, о чем я?

Он подождал, пока я не кивнула, затем отпустил меня и исчез в темноте. Если его целью было лишить меня самообладания, он прекрасно с этим справился. Несмотря на прохладу, меня пробил пот и я мелко дрожала. Надо мной нависла высокая фигура, она взяла меня за руку и вложила что-то мне в ладонь.

– Меня зовут Тэббе, – прошептал он. – Запомните – Тэббе. Запомните, что я был добр к вам. Скажите духам, чтобы не трогали Тэббе, потому что он был к вам добр.

Я снова кивнула, на этот раз немного ошарашенно, и осталась одна с куском хлеба в руке. Торопливо поедая его, я заметила, что он уже довольно черствый, но когда-то был хорошей ржаной буханкой, какие пекут немки из Салема. Они ограбили какой-то дом в округе или просто купили хлеб? Лошадиное седло бросили на землю подле меня: с передней луки свисала фляга с водой, и я опустила на колени, чтобы попить. Хлеб

и вода, по вкусу напоминавшие парусину и дерево, показались мне самой вкусной едой в жизни. Я и прежде замечала, что близость смерти заметно улучшает аппетит. И все же я надеялась на что-то более основательное в качестве последней трапезы.

Ходжепил вернулся спустя несколько минут с веревкой. Он не стал утруждать себя дальнейшими угрозами, явно чувствуя, что донес до меня все, что хотел. Он просто связал мою руку со стопой и толкнул на землю. Никто не говорил со мной, но какой-то человек милосердно набросил на меня одеяло.

Лагерь разбили очень быстро. Огонь не разжигали и не готовили ужин: видимо, мужчины подкрепились примерно тем же, что и я, а потом рассеялись по лесу, оставив лошадей чуть в стороне.

Я дождалась, пока все утихло, взяла одеяло в зубы и аккуратно поползла в сторону от того места, где меня оставили. Как червяк, я добралась до другого дерева в дюжине ярдов от меня. У меня не было намерения сбежать таким образом, но, если под покровом ночи кто-нибудь из бандитов решит на меня напасть, я не собиралась давать им преимущество, лежа там как жертвенное животное. Если кто-нибудь придет к тому месту, где я лежала, у меня будет достаточно времени, чтобы позвать на помощь.

У меня не было и тени сомнения, что Джейми придет за мной. Моей задачей было выжить до его появления.

Задыхаясь и потев, облепленная сухой листвой и с разодранными в хлам чулками, я свернулась под большим грабом, укутавшись в одеяло. Таким образом, хорошо скрытая от посторонних глаз, я попыталась развязать узлы на запястьях зубами. Однако завязывал их Ходжепил и сделал это с армейским старанием. Я вгрызалась в веревку, как суслик, но безрезультатно.

Армия. Это слово внезапно помогло мне вспомнить, кто он такой и где я видела его прежде. Арвин Ходжепил! Он был клерком на королевском складе в Кросс-Крик. Я мельком видела его три года назад, когда мы с Джейми привезли мертвую девушку к сержанту гарнизона, расположившегося там.

Сержант Мурчисон был мертв, и я думала, что Ходжепил тоже погиб в пожаре, который уничтожил склад и все его содержимое. Значит, дезертир. Либо ему удалось выбраться со склада до того, как он запылал, либо его просто там не было, когда все случилось. В любом случае он оказался достаточно умен, чтобы использовать шанс и по-тихому покинуть армию Его Величества, позволив им считать себя погибшим.

Чем он занимался с той поры, было ясно – бродил по округе, занимаясь грабежами, убийствами и собирая по пути шайку таких же, как он сам.

Хотя сейчас выяснялось, что не такие уж они и одинаковые. Пока что Ходж был самопровозглашенным лидером банды, но было понятно, что долго в этой роли он не продержится. Он не привык командовать, не знал, как управлять людьми, кроме как при помощи угроз. Я повидала много военных командиров на своем веку, хороших и плохих, и знала разницу.

Даже сейчас я слышала, как где-то вдалеке он спорит с кем-то на повышенных тонах. Я видела таких раньше – жестоких людей, которые на время могли подчинить окружающих своей воле, пользуясь вспышками неконтролируемой ярости. Они редко оставались на одной позиции долго, и я сомневалась, что Ходжепилу удастся доказать обратное.

Он не продержится дольше того времени, что понадобится Джейми, чтобы найти нас. Эта мысль успокоила меня, как глоток хорошего виски. Он наверняка уже в пути.

Я сжалась, как младенец в материнской утробе, под одеялом, мелко дрожа. Джейми понадобится свет, чтобы отслеживать нас ночью, факелы. Это сделает его и весь отряд видимым, а значит, поставит их под угрозу, если они подойдут близко к лагерю. Сам же лагерь будет незаметен для чужого глаза: огня не разжигали, а люди и лошади были раскиданы по лесу. Я знала, что Ходж выставил дозорных: слышала, как они бродят туда-сюда и приглушенно переговариваются.

Но Джейми ведь не дурак, говорила я себе, стараясь отогнать картины засады и кровопролития. По свежести лошадиного помета он поймет, насколько они близко, и, разумеется, не пойдет напрямик к лагерю с горящими факелами. Если он уже прошел так далеко, то...

Я замерла от звука осторожных шагов. Они раздавались с места, где я лежала до этого, и я полностью скрылась под одеялом, словно полевка, заметившая ласку. Шаги покружили невдалеке, кто-то ходил по сухой листве и сосновым иголкам, ища меня. Я задержала дыхание, хотя меня явно не могли услышать из моего укрытия – ветер шумел в кронах над лагерем.

Я напрягла глаза, вглядываясь в темноту, но не смогла рассмотреть ничего, кроме смутной тени,двигающейся среди древесных стволов в дюжине ярдов от меня. Внезапно меня посетила мысль, а не может ли это быть Джейми? Если он подобрался достаточно близко к лагерю, то скорее всего он потихоньку пробрался бы сюда, пока еще темно, чтобы найти меня.

Я нервно вдохнула, натянув веревки. Мне хотелось позвать его, но я не рискнула. Если это Джейми, то крик привлечет к нему внимание бандитов. Я слышала дозорных, а значит, и они услышат меня.

Но если это не Джейми, а один из моих похитителей, который хочет по-тихому меня прикончить...

Я медленно выдохнула, каждая мышца моего тела была напряжена и дрожала. Было совсем не жарко, но я вся покрылась потом. Я чувствовала запах собственного тела – страх, смешанный с холодными запахами земли и леса.

Тень исчезла, шаги стихли, сердце колотилось, как молот под ребрами. Слезы, которые я сдерживала вот уже много часов, горячо брызнули из глаз, и я зарыдала, безмолвно вздрагивая.

Темнота ночи вокруг меня была непроницаема и дышала угрозой. Над головой настороженно и ярко сияли звезды, в какой-то момент я уснула.

Глава 28

Проклятия

Я проснулась незадолго до рассвета, грязная, вся в поту и с пульсирующей болью в висках. Мужчины уже были на ногах и ворчали по поводу отсутствия кофе и завтрака.

Ходжепил остановился возле меня, глядя вниз недобро сощуренными глазами. Он посмотрел на дерево, где оставил меня ночью, а потом на глубокий след, который я оставила в опавшей листве, когда ползла к своему нынешнему укрытию. Губы у него были слишком тонкие, чтобы что-то выразить, но нижняя челюсть сморщилась от недовольства. Он вытащил нож из-за пояса, и я почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Однако он лишь опустил на колени и разрезал веревки, вместо того чтобы отрезать мне палец в соответствии с выражением лица.

– Мы отправляемся через пять минут, – сказал он и исчез. Я дрожала, от страха меня подташнивало, а мышцы так затекли, что я едва могла стоять. Все же я сумела подняться на ноги и дойти до маленького ручья неподалеку.

Воздух был влажный и я озябла в своей пропитанной потом рубашке, но холодная вода, которой я помыла руки и ополоснула лицо, немного помогла унять пульсирующую боль за правым глазом. Времени хватило ровно на то, чтобы совершить нехитрый туалет, я сняла с себя лохмотья чулок и провела мокрыми пальцами по волосам, потом явился Ходж

конвоировать меня к лошади.

Я снова ехала верхом, на этот раз, слава богу, меня не стали связывать, но и поводья держать не позволили. Мою лошадь вел один из бандитов. Мы вышли из леса, и я наконец-то смогла рассмотреть своих похитителей. Они шагали нестройной колонной, кашляя, плюясь и облегчаясь на деревья, не стесняясь моего присутствия. Я насчитала еще двенадцать человек, кроме Ходжепила, – чертова дюжина.

Было несложно найти мужчину по имени Тэббе – кроме необычайно высокого роста, он оказался мулатом. Я заметила еще одного человека смешанных кровей, похоже, индейской и африканской, но он был низким и коренастым. Тэббе не смотрел в мою сторону, он шел нахмурившись, с опущенной головой. Это меня обескуражило. Я не знала, что произошло между мужчинами ночью, но, очевидно, Тэббе уже не был так настойчив, как вчера. Его запястье было обвязано платком в бурых пятнах, быть может, его появление имело отношение к этой перемене.

Парня, который вел мою лошадь вчера, тоже было легко опознать по длинным взлохмаченным волосам. Он тоже не подходил близко и избегал смотреть на меня. К моему удивлению, он оказался индейцем, не чероки, может, тускарора? Ни по его речи, ни по прическе я не могла такого предположить. Он тоже был явным полукровкой.

Остальные были белыми, но вся компания тем не менее выглядела разношерстной. Среди мужчин шагали трое мальчишек-подростков с едва проклюнувшейся бородой, потрепанные и долговязые. Они глазели на меня, приоткрыв рот и тыкая друг друга в ребра. Я посмотрела на одного из них и не отводила глаз до тех пор, пока не встретила с ним взглядом, – паренек покраснел до кончиков жидких усов и отвернулся.

К счастью, моя рубашка была с рукавами и скрывала все, начиная с шеи и заканчивая серединой голени, но я все же чувствовала себя выставленной на всеобщее обозрение. Ткань промокла и противно прилипала к изгибам моей груди. Я жалела, что не смогла оставить при себе одеяло.

Мужчины окружали меня со всех сторон, нагружали лошадей, и у меня появилось четкое, неприятное ощущение, будто я стала яблочком в центре мишени. Я надеялась только на то, что в своем потрепанном состоянии выгляжу достаточно старой и непривлекательной, отталкивающей для них. Мои волосы были распущены, спутаны и стояли вокруг головы, как ведьмин мох, чувствовала я себя при этом чем-то вроде помятого бумажного пакета.

Я старалась держаться прямо в седле и недобро зыркала на всякого,

кто поглядывал в мою сторону. Один мужчина нерешительно посмотрел на голую ногу, что-то прикидывая в уме, но сразу же сморщился от отвращения, когда встретился со мной глазами. Это происшествие подарило мне чувство мрачного удовлетворения, которое почти мгновенно сменилось шоком.

Лошади начали двигаться, и когда моя послушно последовала за мужчиной впереди, я увидела двоих, стоящих под большим дубом. Я знала обоих.

Харли Бобл завязывал ремни на вьючном седле и хмурился, говоря что-то второму, более крупному мужчине. Харли был когда-то поимщиком воров, а теперь, видно, и сам стал вором. Этот гадкий персонаж вряд ли будет ко мне расположен после случившегося некоторое время назад собрания. Я была совсем не рада встрече, но совсем не удивлена обнаружить его в такой компании. А вот его компаньон заставил мой желудок сжаться, а кожу задергаться, как у лошади, которую облепили мухи.

Мистер Лайонел Браун из Браунсвиля.

Он поднял глаза, заметил меня и спешно отвернулся, ссутулив плечи. Должно быть, он понял, что я заметила его, потому что почти сразу развернулся, на лице его застыло выражение утомленности и пренебрежения. Нос распух и выглядел как большая темно-красная шишка даже в сероватом утреннем свете. Какую-то секунду он смотрел на меня, затем кивнул, как бы нехотя признавая наше знакомство, и снова повернулся ко мне спиной.

Я осторожно оглянулась назад, когда мы снова оказались в сени деревьев, но не смогла его увидеть. Что он здесь делал? Мне сразу не удалось узнать его голос, но явно именно он спорил с Ходжепилом о том, насколько разумно забирать меня с собой. Ничего удивительного! Он был не единственным, кого тревожило наше знакомство.

Лайонел Браун и его брат Ричард были торговцами, основателями и патриархами Браунсвиля, крошечного поселения среди холмов в сорока милях от Риджа. Одно дело, когда в окрестностях разбойничает отребье вроде Бобла или Ходжепила, поджигая и грабя дома, и совсем другое, когда Брауны из Браунсвиля поддерживают их в этих бесчинствах. Теперь последнее, чего мог бы желать мистер Лайонел Браун, это чтобы я добралась до Джейми с информацией о том, чем он занимается.

Я была склонна думать, что он предпримет определенные шаги, чтобы у меня этого не получилось. Уже поднималось солнце, и воздух стал теплее, но я вся похолодела, будто провалилась в колодец.

Солнечные лучи проникали сквозь кроны, золотя остатки ночного тумана, что окутывал деревья, серебря края влажных листьев. Среди ветвей заливались птицы, фазан пританцовывал в столпе света, безучастный к проходящим мимо людям и лошадям. Было еще слишком рано для мошек и комаров, легкий утренний бриз ласкал лицо. Один из тех моментов, где только человек вызывает отторжение.

Утро прошло довольно спокойно, но я чувствовала накопившееся между мужчинами напряжение, хотя я сама едва ли была напряжена меньше. Джейми Фрэзер, где же ты? Я без устали вглядывалась в лес вокруг. Любой далекий шорох, скрип ветки мог предшествовать спасению, нервы были истрепаны от постоянного ожидания.

Где? Когда? Как? У меня не было ни поводьев, ни оружия. Если точнее, когда начнется атака на отряд, лучшей и единственной стратегией будет спрыгнуть с лошади и бежать. Пока мы ехали, я присматривалась к каждому кусту гаммелиса, к каждой еловой рощице, прокладывая воображаемый путь, планируя, как буду петлять в подлеске между валунами.

Я готовилась не только к атаке Джейми и его людей: я не видела Лайонела Брауна, но знала, что он близко. Мышцы между лопатками сжались в твердый комок, предчувствуя нож. Я искала глазами возможное оружие: камни подходящего размера, ветки, которые можно поднять с земли. Если я побегу... Когда я побегу, я никому не позволю себя остановить. Но мы шли вперед, двигаясь так быстро, как того позволяли лошади, мужчины постоянно оборачивались через плечо, держа руки на кобуре. Я же была вынуждена отказываться от каждого нового потенциального орудия, когда оно оказывалось позади и вне моей досягаемости.

К моему неудовольствию, мы благополучно достигли ущелья к полудню. Я однажды была здесь вместе с Джейми. Здесь с гранитной скалы в шестьдесят футов высотой низвергался бурлящий поток, он искрился десятками радуг и ревел, как трубы архангела Михаила. Водопад обрамляли заросли красного аронника и дикого индиго, желтые тополя нависали над рекой за широкой и кипучей водной чашей, да так густо, что отблески от воды едва можно было различить среди буйной зелени. Ходжепил, конечно, не оценил местные красоты.

– Слезай, – раздался грубый голос под моим локтем, и, посмотрев вниз, я увидела Тэббе. – Мы будем переправлять лошадей. Ты пойдешь со мной.

– Я возьму ее.

Сердце мое подлетело куда-то к горлу от гнусавого обертона, какой придает голосу разбитый нос. Это был Лайонел Браун, пробирающийся сквозь густую сеть лиан и пристально глядящий на меня.

– Не ты. – Тэббе повернулся к Брауну, сжав кулаки.

– Не ты, – твердо повторила я. – Я иду с ним. – С этими словами я соскользнула с лошади и быстро спряталась за угрожающей фигурой мулата, выглядывая на Брауна из-за крупной руки.

Я не питала иллюзий относительно намерений Брауна. Он не рискнет убивать меня на глазах у Ходжепила, но может, осуществляя свою затею, при возможности с легкостью меня утопить и сказать потом, что это был несчастный случай. Река здесь была довольно мелкая, но быстрая, я слышала, как свистит вода у каменистых берегов.

Браун глянул сначала направо, потом налево, размышляя, стоит ли рисковать, но Тэббе набылся, и враг отступил. Он фыркнул, сплюнул в сторону и поплелся назад, ломая ветки. Лучшего шанса мне не представится. Не дожидаясь, пока шаги Брауна стихнут, я схватила здоровяка за локоть и сжала его руку что есть сил.

– Спасибо, – прошептала я. – За то, что вы сделали прошлой ночью. Вам очень досталось?

Он посмотрел на меня сверху вниз с явным опасением на лице. Мое прикосновение его, судя по всему, смутило. Я чувствовала, как напряглась его рука, пока он решал, оттолкнуть меня или нет.

– Нет, – сказал он наконец. – Я в порядке. – На секунду он замялся, но потом неуверенно улыбнулся.

Было ясно, что за план появился у Ходжепила. Лошадей вели по одной вдоль узкой оленьей тропы, которая обрамляла крутой берег. Мы были почти в миле от водопада, но воздух все еще полнился его ревом. Стенки ущелья круто спускались к воде почти на пятьдесят футов вниз, а противоположный берег был таким же резким и заросшим.

Густые кусты скрывали кромку воды, но я видела, как здесь разливается река, становясь медленнее и мельче. Если нет опасных течений, лошадей можно аккуратно отвести вниз по течению и выбраться на сушу в каком-нибудь случайном месте на противоположном берегу.

С усилием я заставила себя прекратить оглядываться через плечо, проверяя, не подоспела ли неумолимая погоня. Сердце испуганно билось. Если Джейми поблизости, то он выждет, чтобы напасть на отряд в воде, когда люди наиболее уязвимы. Но даже если его здесь нет, переходить реку – дело непростое. Если уж и пытаться сбежать...

– Ты не должен с ними идти, – просто сказала я Тэббе. – Иначе тоже

умрешь.

Рука под моими пальцами судорожно дернулась. Он посмотрел на меня раскрытыми от удивления глазами. Белок глаз был болезненно желтым, а радужка будто расколота, нарушена, это придавало его глазам странное, неясное выражение.

– Ты знаешь, я сказала ему правду. – Я кивнула на Ходжепила, чья фигура маячила чуть вдалеке. – Он умрет. И все, кто с ним. Но тебе не нужно умирать.

Он что-то забормотал себе под нос и прижал кулак к груди. Там что-то висело на шнурке, выглядывая из-под рубашки. Я не знала, был ли это крест или какой-то языческий амулет, но, казалось, он отвечал на мои слова положительно.

Из-за близости к реке воздух был влажным, он пах водой и зеленью.

– Вода – мой друг, – продолжала я, пытаюсь окружить себя мистической аурой, подходящей для колдуньи. Я была плохим лжецом, но сейчас лгала ради спасения собственной жизни. – Когда зайдем в воду, отпусти меня. Водяной конь поднимется со дна и унесет меня с собой.

Глаза его не могли расшириться больше. Очевидно, он слышал о келпи или о чем-то похожем. Даже на таком расстоянии от потока в его реве можно было разобрать голоса, если хорошенько прислушаться.

– Я никуда не пойду с водяным конем, – убежденно сказал он. – Я про них знаю. Они утягивают вниз, топят тебя и поедают.

– Меня он не съест, – заверила я его. – Тебе не придется к нему приближаться. Просто стой смирно, когда окажемся в воде. Держись от меня чуть в стороне.

Если он так и поступит, то я уйду под воду и буду грести изо всех сил еще до того, как он успеет произнести «Джек Робинсон». Я готова была биться об заклад, что большинство бандитов плавать не умеют: в горах мало кто мог этим похвастаться. Я напрягла мышцы на ногах, готовясь к броску, боль и напряжение таяли в наплыве адреналина. Половина мужчин с лошадьми уже спустились с берега, я подумала, что смогу задержать Тэббе, пока все они не окажутся в воде. Даже если он не станет потворствовать побегу и я просто выскользну, он вряд ли попытается поймать меня.

Он неохотно потянул меня за руку, и я резко остановилась.

– Ой! Погоди-ка, я наступила на колючку.

Я задрала одну ногу, глядя на пятку. Благодаря грязи и прилипшей смоле никто не смог бы сказать наверняка, наступила ли я на колючий сорняк, ежевичный шип или даже гвоздь от подковы.

– Мы должны идти, женщина.

Я не знала, была ли причина в моей близости, реве воды или мыслях о водяном коне, но что-то тревожило Тэббе так, что он весь покрылся потом. Его запах сменился с обычного мускуса, на что-то более острое и резкое.

– Секунду, – сказала я, изображая, что вытаскиваю что-то из ноги. – Почти закончила.

– Оставь это. Я перенесу тебя.

Тэббе тяжело дышал, глядя туда и обратно от меня к краю ущелья, где оленья тропа терялась в зарослях, как будто опасаясь возвращения Ходжепила.

Но не он выскочил из кустов. Это был Лайонел Браун с искаженным злой решительностью лицом, за ним стояли двое молодых парней, таких же решительных.

– Я возьму ее, – заявил он без всяких экивоков, схватив мою руку.

– Нет. – Тэббе рефлексивно схватил меня за другую и потянул.

Последовало не слишком изящное перетягивание каната: мистер Браун и Тэббе по очереди дергали меня. Но прежде чем они разорвали меня на две части, Тэббе, к счастью, поменял тактику. Отпустив руку, он перехватил меня за талию и одной ногой пнул мистера Брауна.

В результате мы с Тэббе упали назад беспорядочной кучей, а Браун потерял равновесие, хотя я и не сразу это поняла. Все, что я услышала, это громкий крик и звуки неуверенных шагов, за которыми последовал грохот потревоженных камней, летящих по крутому склону.

Отделившись от Тэббе, я обнаружила оставшихся мужчин вокруг красноречивой вмятины в кустах, окаймляющих ущелье. Один или два торопливо тащили веревки, раздавались противоречивые команды, из которых я сделала вывод, что мистер Браун действительно свалился в ущелье, но мертвым пока не считался.

Я быстро сменила направление, намереваясь нырнуть в густые заросли, но вместо этого натолкнулась на пару поношенных ботинок, принадлежащих Ходжепилу. Он схватил меня за волосы и дернул, заставив вскрикнуть от боли и рефлексивно отразить нападение. Я попала как раз в солнечное сплетение. Он охнул и раскрыл рот, пытаясь вдохнуть, но не ослабил железную хватку.

Кидая на меня гневные взгляды, он отпустил мои волосы и толкнул меня коленом к краю ущелья. Один из молодых парней цеплялся за кусты, осторожно переставляя ноги вниз по склону, пытаясь найти опору, одна веревка обхватывала его талию, другая висела кольцом на плече.

– Чертова шлюха! – орал Ходжепил, наклоняясь над примятыми

кустами и впиваясь пальцами мне в руку. – Что ты сделала, стерва?

Он скакал по краю ущелья, как Румпельштильцхен, потрясая кулаком и выкрикивая бессвязные проклятия то в мою сторону, то своему покалеченному сообщнику. Тем временем началась спасательная операция. Тэббе отошел на безопасное расстояние и принял обиженный вид.

Наконец громко стонущего Брауна подняли и уложили на траву. Те мужчины, что еще не успели войти в воду, собрались вокруг, возбужденные и вспотевшие.

– Ты попробуешь излечить его, колдунья? – спросил Тэббе, скептически глядя на меня. Не знаю, усомнился ли он в моих способностях или в моем намерении действительно помочь Брауну, но я немного неуверенно кивнула и шагнула вперед.

– Думаю, да.

Клятва есть клятва, хотя я задумалась, попадал ли сам Гиппократ в подобную ситуацию. Возможно, попадал: у древних греков кровь была горячая.

Мужчины охотно расступились передо мной, было ясно, что, как только они вытащили Брауна из ущелья, они совсем растерялись и понятия не имели, что с ним делать дальше.

Я совершила беглый осмотр. Кроме многочисленных порезов и ушибов и толстого слоя грязи и пыли, мистер Лайонел получил по крайней мере два перелома ноги, сломал запястье и скорее всего пару ребер. Лишь один перелом ноги был открытым, но довольно неприятным: острый край бедренной кости проткнул кожу и бриджи, вокруг расплывалось красное пятно.

К сожалению, он не задел бедренную артерию. Случись это, он был бы уже мертв. Хотя мистер Браун, похоже, и так уже не представлял для меня опасности – это хорошие новости.

В отсутствие каких-либо медикаментов и элементарной аптечки, если не считать пары грязных шейных платков, еловой ветки и виски из бочонка, я была довольна ограничена в своих возможностях. Мне удалось, с немалыми усилиями и большими количеством виски, вправить кость и наложить шину. Браун при этом не испустил дух от болевого шока, что было в сложившихся обстоятельствах немалым достижением.

Работа была трудная, и я что-то бормотала себе под нос, я даже не заметила, что делаю это, пока не увидела Тэббе, сидящего на корточках с другой стороны от Брауна и с интересом меня рассматривающего.

– О, ты проклинаешь его, – сказал он одобрительно. – Да, это хорошая идея.

Глаза мистера Брауна расширились и поползли на лоб. Он был едва в сознании от боли и серьезно пьян, но не так пьян, чтобы пропустить это мимо ушей.

– Заставь ее прекратить, – заголосил он хрипло. – Сюда, Ходжепил, заставь ее остановиться! Пусть заберет все обратно!

– А, в чем дело? Что ты сказала, женщина?

Ходжепил немного успокоился, но от криков Брауна его враждебность тут же вернулась. Он наклонился вниз и схватил меня за запястье, как раз когда я начала прощупывать искалеченный торс Брауна. Это было то самое запястье, что он так немилосердно выкручивал накануне, острая боль вспыхнула в предплечье.

– Если вам так нужно знать, я, кажется, сказала: «Иисус твою Рузвельт Христос», – огрызнулась я. – А ну пусти!

– Это то же самое, что она сказала, когда проклинала тебя! Уйди от меня! Не позволяй ей ко мне прикасаться!

В панике Браун попытался отползти от меня – очень плохая идея для человека со свежими переломами. Он побледнел как полотно под слоями грязи, и глаза его закатились.

– Смотрите! Он мертв! – воскликнул один из наблюдателей. – Она это сделала! Она его и правда прокляла!

Это заявление вызвало бурную реакцию – Тэббе и его сторонники праздновали свою правоту, я протестовала, друзья и родственники Брауна встревоженно заголосили, один из них склонился к нему и прижал ухо к груди.

– Он жив! – воскликнул мужчина. – Дядя Лайонел! Ты в порядке?

Лайонел Браун громко застонал и открыл глаза, вызвав тем самым новую волну самых разных реакций. Молодой человек, который звал его дядей, достал из-за пояса большой нож и ткнул им в меня. Его глаза были открыты так широко, что по всему диаметру радужки были видны белки.

– Назад! – орал он. – Не смей к нему притрагиваться!

Я подняла руки ладонями вверх, демонстрируя капитуляцию.

– Ладно! – зло выпалила я. – Не буду!

На самом деле я почти ничего не могла больше сделать для Брауна. Нужно было следить, чтобы он находился в сухом тепле и много пил, но что-то мне подсказывало, что Ходжепил вряд ли последует моим рекомендациям.

Он и не собирался. Лишь иступленно орал, подавляя начавшийся бунт, а потом скомандовал пересекать ущелье, и быстро.

– Тогда положите его на носилки, – нетерпеливо ответил он на

протесты племянника Брауна. – Что касается тебя... – он повернулся, сверкая на меня глазами. – Никаких выкрутасов, ясно?

– Убей ее, – захрипел лежащий Браун. – Убей прямо сейчас.

– Убить ее? Черта с два, приятель. – Глаза Ходжепила злобно заблестели. – Что от живой, что от мертвой, мне от нее вреда не будет, но за живую можно будет поторговаться. В любом случае я буду держать ее в узде.

Ходжепил никогда не убирал нож далеко. Он мгновенно вынул его и схватил мою руку. Не успела я опомниться, как нож вошел в мою кожу у основания указательного пальца.

– Ты ведь помнишь, что я тебе говорил? – процедил он сквозь зубы, его лицо расслабилось в предвкушении. – Ты не нужна мне целой.

Я помнила. Горло пересохло от страха, я вся похолодела. Кожа горела возле пореза, боль, как молния, побежала по нервным окончаниям. Желание отдернуть руку было так сильно, что мышцы сводило судорогой.

Я живо представила кровоточащий обрубок, шок от перелома, разрезанную плоть, ужас невосполнимой потери. Но позади Ходжепила на ноги поднялся Тэббе. Его странный затуманенный взгляд зачарованно остановился на мне с выражением священного ужаса. Я видела, как сжимается его кулак, как двигается его горло, и почувствовала, как ко мне возвращаются силы. Если я хотела сохранить его защиту, мне нужно было укрепить его веру.

Я перевела глаза на Ходжепила и заставила себя придвинуться ближе. Моя кожа от страха дрожала и подергивалась, кровь шумела в ушах громче, чем водопад, но я открыла глаза пошире. Колдовские глаза, как говорили иные. Очень медленно я подняла вторую руку, все еще обгавленную кровью Брауна, и поднесла измазанные пальцы к лицу Ходжепила.

– Я помню, – сказала я хриплым шепотом. – А ты помнишь, что я сказала?

Он бы сделал это. Я видела, как решимость сверкнула в его глазах, но прежде чем он успел прижать лезвие посильнее, молодой индеец с взлохмаченными волосами бросился вперед и перехватил его руку с воплем ужаса. Ходжепил отвлёкся и ослабил хватку, так что я смогла выдернуть руку.

В то же мгновение Тэббе и еще двое мужчин рванулись вперед, руки на ножах и рукоятках пистолетов.

Худое лицо Ходжепила было искажено гневом, но внезапная жажда крови уже утихла. Он опустил нож, угроза отступила.

Я открыла рот, чтобы сказать что-нибудь, что поможет сильнее

раскачать ситуацию, но меня опередил тревожный крик племянника Брауна.

– Не давайте ей говорить! Она проклянет нас всех!

– Седьмое пекло! – сказал Ходжепил, чья ярость перешла в обычное раздражение.

Я использовала несколько шейных платков, когда вправляла Брауну кость. Ходжепил остановился, поднял один из них с земли, скатал его в шар и сделал шаг в мою сторону.

– Открывай рот, – сказал он резко и, схватив мою челюсть одной рукой, заставил меня открыть рот и засунул туда грязную тряпку. Он кинул взгляд на Тэббе, который уже дернулся вперед.

– Я не убью ее. Но она больше ни слова не скажет. Ни ему, – он кивнул на Брауна, потом на Тэббе, – ни тебе. Ни мне. – Он обернулся на меня, и, к своему удивлению, я увидела опасение в его глазах. – Никому.

Тэббе выглядел неуверенным, но Ходжепил уже завязывал собственный шейный платок вокруг моей головы, закрепляя кляп.

– Ни слова, – повторил Ходжепил, оглядывая всю компанию. – А теперь в путь!

* * *

Мы пересекли реку. Удивительно, но Лайонел Браун выжил. Однако процесс затянулся, и солнце уже заходило за горизонт, когда мы разбили лагерь в двух милях от ущелья на дальней стороне. Все промокли, поэтому огонь развели без всяких обсуждений. Недоверие и разногласия между мужчинами никуда не делись, но притупились водой и усталостью. Они были слишком измотаны для споров.

Руки мне связали довольно свободно, а ноги трогать не стали. Я дошла до поваленного ствола у огня и опустилась вниз, совершенно опустошенная. Я вымокла и замерзла, мышцы дрожали от перенапряжения – от реки меня заставили идти пешком. Я впервые начала сомневаться в том, найдет ли меня Джейми. Хоть когда-нибудь.

Возможно, он пошел за второй группой бандитов. Возможно, он нашел их и атаковал, был убит или ранен. Я закрыла глаза, но открыла их снова, чтобы избежать тревожных видений. Меня по-прежнему беспокоила судьба Марсали. Что ж, либо они нашли ее вовремя, либо нет. В любом случае ее судьба уже решена.

Костер был хорош – хоть что-то. Замерзшие, промокшие и голодные

мужчины принесли много хвороста. Тихий низкорослый негр следил за огнем, а пара подростков рылась в тюках с едой. Над костром повесили котелок с водой и куском солонины, молодой индеец с львиной гривой насыпал в миску кукурузной муки и положил шматок топленого жира.

Еще немного сала плавилось на сковороде. Пахло просто фантастически. Слюна наполнила рот и тут же впиталась в кусок ткани, служивший мне кляпом. Но, несмотря на дискомфорт, запах пищи меня взбодрил. Мой корсет немного разошелся за последние сутки, проведенные в дороге, но теперь снова туго обхватывал меня по мере того, как высыхали и сжимались шнуры на спине. Кожа чесалась под тканью, но тонкие косточки из китового уса давали мне чувство поддержки, в котором я нуждалась сейчас более всего.

Двое племянников мистера Брауна, Аарон и Мозес, теперь я знала их имена, медленно проковыляли в лагерь, между ними покачивались самодельные носилки. Они с облегчением опустили их возле огня, вызвав громкий вскрик содержимого.

Мистер Браун пережил переправу, но она не принесла ему ничего хорошего. Конечно, я сказала им, что ему нужно пить много жидкости. Мысль растревожила меня, несмотря на усталость, и я стала издавать приглушенное фырканье из-под кляпа.

Один из подростков услышал меня и участливо потянулся к узлу за моей головой, но почти сразу уронил руку, потому что на него рывкнул Ходжепил.

– Оставь ее!

– Но... Разве ей не нужно поесть, Ходж? – Мальчик кинул на меня обеспокоенный взгляд.

– Нет, пока еще нет. – Ходжепил уселся передо мной на корточки, оглядывая меня с ног до головы. – Усвоила урок?

Я не двинулась с места. Просто сидела и смотрела на него, вкладывая во взгляд столько презрения, сколько возможно. Порез на пальце горел, ладони начали потеть, но я смотрела, не отрываясь. Он попытался ответить мне тем же, но у него не вышло – глаза у него бегали. Это его разозлило, впалые скулы залились краской.

– Прекрати пялиться на меня!

Я медленно моргнула один раз и продолжила смотреть, изображая легкое удивление при общем безразличии. Он выглядел довольно изможденным, наш мистер Ходжепил. Под глазами темные круги, резкие морщины, обрамляющие рот, будто вырезаны из дерева. Рубаха возле подмышек влажная от свежего пота. Постоянное запугивание, должно

быть, отнимает много сил.

Вдруг он поднялся, схватил меня за руку и потянул за собой.

– Ты будешь сидеть там, где у тебя не выйдет пялиться, сука, – пробормотал он и конвоировал меня мимо костра, подталкивая в спину. Чуть в стороне от лагеря он нашел подходящее дерево. Он освободил мои руки и заново связал, затянув веревочную петлю вокруг моей талии и зафиксировав в ней кисти. Затем он толчком усадил меня на землю, соорудил грубый аркан со скользящим узлом и набросил мне на шею, привязав свободный конец к дереву.

– Это чтобы ты не сбежала, – сказал он, туго затягивая грубую пеньковую веревку на моей шее. – Не хочу, чтобы ты заблудилась. Вдруг тебя съест медведь, что тогда, а?

К нему вернулось чувство юмора, он от души рассмеялся и все еще хихикал, уходя. Но потом Ходж обернулся через плечо, а я прямо сидела на земле, глядя на него, и веселье внезапно покинуло мужчину. Он повернулся и быстро пошел к лагерю, его плечи были напряжены до предела.

Несмотря на голод, жажду и неудобства, я чувствовала глубокое, хотя может и временное, облегчение. Если, строго говоря, я и не была одна, меня по крайней мере не было видно, и даже такая кроха уединения казалась блаженством. Я сидела примерно в двадцати ярдах от костра, вне зоны видимости мужчин. Когда я привалилась к стволу дерева, все мышцы лица и тела мгновенно опали, расслабились, и я ощутила, как меня сотрясает дрожь, хотя было не холодно.

Скоро. Джейми точно скоро найдет меня. Если только... Я отбросила все сомнения, как будто они были смертельно опасным скорпионом. Так же, как все мысли о Марсали или о том, что может случиться, если или когда – нет, когда – Джейми найдет нас. Я не знала, как он это сделает, но сделает обязательно. Просто найдет, и все.

Солнце почти село, под деревьями тени скапливались в лужицы темноты, и свет медленно мерк в воздухе, делая цвета смутными, а лес вокруг двумерным, плоским. Где-то рядом бежала вода, слышался крик случайной птицы в кронах. Вечер становился прохладным, и все вокруг утихало, уступая стрекоту сверчков. Я уловила движение в стороне и разглядела кролика, серого в сумерках. Он сидел на задних лапках под кустом в нескольких футах от меня и подергивал носом. От обыденности этого наблюдения глаза у меня защищало. Я сморгнула слезы, и кролик исчез.

Эта сцена вернула мне самообладание. Я провела несколько экспериментов, проверяя возможности моих новых пут. Ноги были

свободны – прекрасно. Я могла приподняться на полусогнутых, не очень изящно, и проковылять по-утиному вокруг дерева. Что еще лучше – на дальнем конце можно было облегчиться в одиночестве.

К сожалению, мне не удавалось встать во весь рост или дотянуться до узла, который опоясывал ствол. Веревка то соскальзывала, то цеплялась за кору, и узел обескураживающе оставался на противоположной стороне ствола, который составлял около трех футов в диаметре.

В моем распоряжении было около двух футов веревки между стволом и петлей на шее: достаточно, чтобы лечь или повернуться со стороны на сторону. Ходжепил явно был неплохо знаком со способами удержания пленников. Я подумала о доме О'Брайенов и двух телах, найденных там. Двое старших детей пропали. Меня снова сотрясла дрожь.

Где они были? Проданы индейским племенам как рабы? Оказались в портовом борделе? Или на корабле, плывущем к сахарным плантациям Вест-Индии?

Я не питала иллюзий в отношении собственной ценности и понимала, что подобная безрадостно-экзотическая участь ждет и меня. Я была слишком стара, слишком непокорна и, увы, слишком известна. Нет, моя единственная ценность для Ходжепила состояла в знании о складе виски. Как только он сможет его унюхать, он перережет мне глотку без лишних сантиментов.

Запах жареного мяса разлился в воздухе, наполняя рот слюной, – долгожданное облегчение, несмотря на урчание в желудке: от кляпа немилосердно пересыхало во рту.

Я ощутила, как подступила тревога и судорожно напряглись мышцы. Мне не хотелось думать о кляпе. Или о веревках на шее и запястьях. Было слишком легко поддаться панике в этом состоянии и измотать себя в бесплодной борьбе. Нужно было беречь силы. Я не знала, когда и при каких обстоятельствах они мне понадобятся, но точно понадобятся. Лишь бы поскорее, взмолилась я мысленно. Пусть будет поскорее.

Мужчины принялись за еду, дневные распри забылись за долгожданным ужином. Они были слишком далеко, чтобы я могла услышать, о чем они говорят, вечерний бриз доносил до меня лишь случайные слова и предложения. Я повернула голову, позволив ветру смахнуть волосы с лица, и заметила длинную узкую полосу неба над далеким ущельем – она светилась глубокой неземной синевой, будто хрупкий слой атмосферы истончился и сквозь него проглядывала космическая тьма.

Одна за другой зажигались звезды, и я забылась, наблюдая за ними,

считая их: одна, другая, третья... Я касалась их, будто бусин на четках, называла их имена, те, что знала, утешаясь этими звуками как заклинаниями, хотя понятия не имела, имеют ли они отношения к небесным телам, на которые я смотрю. Альфа Центавра, Денеб, Бетельгейзе, Плеяды, Сириус, Орион...

Мне удалось успокоить себя до такой степени, что я задремала, но скоро проснулась, густая темнота уже опустилась на лес. Сквозь кусты пробивались неверные отблески пламени, окрашивая розовым мои голые ноги. Я вздрогнула и потянулась, пытаюсь расслабить онемевшие мышцы спины. Ходжепил, похоже, счел, что он уже в полной безопасности, раз позволил разжечь такой большой костер.

Ветер донес до меня громкий стон – Лайонел Браун. Я поморщилась, но помочь ему в своем нынешнем состоянии ничем не могла. Послышались шаги и голоса, кто-то подошел к нему.

– ...горячий, как ствол пистолета... – сказал кто-то слегка обеспокоенно.

– ...привести женщину?

– Нет, – раздался уверенный голос. Ходжепил. Я вздохнула.

– ...воды. Этому делу никак не поможешь...

В надежде узнать, что происходит у костра, я вслушивалась так внимательно, что не сразу заметила шорохи в ближайших кустах. Это были не медведи: только они производят столько шума, но не хихикают при этом. Хихиканье было сдавленным, приглушенным, то и дело прерывающимся. Еще слышался шепот, но разобрать слов мне не удалось. Над кустом висела атмосфера подростковых проказ, так что я почти сразу догадалась, что это кто-то из юных членов банды.

– ...что ж, тогда давай! – уловила я чей-то раздраженный шепот, сопровождаемый треском: кого-то с силой припечатали к дереву. Еще один треск – возмездие.

Еще шорохи. Шепот, шепот, хихиканье, фыркание. Я выпрямилась, пытаюсь сообразить, что, черт возьми, они задумали.

Но потом я услышала: «У нее ноги не связаны...» – и сердце мое упало.

– Но что, если она... – снова неразборчиво.

– Неважно. Она не может кричать.

Это я услышала уже очень четко. Я подобрала под себя ноги и попыталась встать, но тут же резко остановилась, осаженная веревочной петлей на шее. Было такое чувство, будто она превратилась в железный прут, вставший поперек горла. Я упала назад, в уголках глаз забегали

кровавые мушки. Хватая ртом воздух, я затрясла головой, чтобы прогнать слабость. По венам бежал адреналин. Кто-то схватил меня за щиколотку, и я резко лягнулась.

– Эй! – вскрикнули с удивлением. Незнакомец убрал руку и чуть отклонился назад. Зрение прояснилось: теперь я могла его разглядеть, но он сидел против света костра. Это был один из молодых парней, безликая сутулая фигура.

– Шшш, – сказал он и нервно захихикал, протягивая руку.

Я издала зловещее рычание под кляпом, и он остановился на полпути. Кусты позади него снова зашуршали. Это, кажется, напомнило ему, что его друг или друзья наблюдают, и он с новой решимостью исполнил свое намерение, потрепав меня по бедру.

– Не беспокойтесь, мэм, – прошептал он, подбираясь ко мне на карачках. – Я не причиню вам зла.

Я фыркнула, и он снова замялся. Но шуршание снова придавало ему смелости, и он схватил меня за плечи, пытаясь уложить на землю. Я сопротивлялась изо всех сил, пинаясь и толкаясь, он потерял равновесие, ослабил хватку и упал на бок. Из кустов донесся приглушенный взрыв смеха. Услышав его, он подскочил на ноги, как черт из табакерки. Парень наклонился, и, решительно схватив меня за лодыжки, дернул, уложив плашмя. Затем он навалился на меня сверху, всем своим весом пригвоздив к земле.

– Тише! – напряженно шепнул он мне на ухо. Его руки вцепились мне в горло, и я корчилась и билась под его тяжестью, пытаясь сбросить с себя. Но он крепко сжал мою шею, и я прекратила, перед глазами снова расплывались кроваво-черные пятна.

– Ну же, угомонитесь, – сказал он более спокойно. – Только помолчите, мэм, ладно? – Я издала короткий всхлип, который он, должно быть, принял за согласие, потому что ослабил хватку.

– Я не причиню вам вреда, мэм, правда, – прошептал он, одной рукой прижимая меня к земле, а другой неуклюже шаря между нами. – Можете просто не двигаться, пожалуйста?

Я не выполнила его просьбу, тогда он положил руку мне поперек горла и надавил, не так сильно, чтобы я потеряла сознание, но достаточно, чтобы я прекратила сопротивляться. Он был худощавый и жилистый, но очень сильный, решительно принявшись за дело, он задрал рубашку и сумел вставить колено мне между бедер. Парень дышал почти так же тяжело, как и я, от него исходила вонь похоти. Он убрал руки с горла, лихорадочно хватаясь за грудь. Попытки были такие неумелые, что я поняла: до этого

он, видно, касался только груди своей матери.

– Тише, не бойтесь, мэм, все в порядке. Я не... ох. О боже. Я... ух... ах.

Его рука блуждала где-то между моих бедер, затем в мгновение исчезла, он быстро приподнялся и спустил с себя штаны. Тяжело упав на меня, насильник беспорядочно задвигал бедрами, но контакта не последовало, ощущались лишь фрикции где-то рядом, очевидно, бедняга не имел представления о том, как устроена женская анатомия. Я лежала неподвижно, онемев от удивления, а затем почувствовала теплую пульсацию где-то возле бедер, когда он, экстатически вздыхая, достиг финала. Все напряжение разом покинуло его, и он обмяк на моей груди, как сдувшийся шарик. Я чувствовала удары его молодого сердца, будто молот под ребрами. Влажный от пота висок прижимался к моей щеке.

Я находила нашу близость примерно настолько же неприемлемой, как и уменьшающийся предмет у меня между бедер, и резко перекатилась на бок, сбрасывая парня с себя. Он резко пришел в себя и сел на колени, путаясь в собственных штанах. Покачавшись взад и вперед, он встал на колени и подполз близко ко мне.

– Мне правда жаль, мэм, – прошептал он.

Я не шевельнулась, и через мгновение он протянул руку и сочувственно погладил меня по плечу.

– Мне правда жаль, – повторил он по-прежнему шепотом и исчез, оставив меня лежать на спине в луже, размышляя о том, можно ли, строго говоря, назвать такую некомпетентную попытку изнасилованием.

Отдаленное шуршание в кустах, сопровождаемое приглушенным свистом молодых мужчин, твердо убедило меня в том, что можно. Господи, скоро на мне окажутся остальные мерзкие зверята из их стаи. В панике я села, не забывая о веревке.

Свет от костра был непостоянным, мигающим, его еле хватало, чтобы разглядеть деревья вокруг да бледный настил из еловых иголок и сухих листьев. Можно было разобрать бугры валунов под листьями или случайный обломок упавшей ветки. Не то чтобы отсутствие потенциального оружия имело значение, руки-то у меня все равно были крепко связаны.

Тяжесть юного насильника ухудшила мое положение: из-за борьбы узлы затянулись туже, и запястья пульсировали от недостатка циркуляции. Кончики пальцев начали неметь. Вот черт. Неужели в результате этого абсурда я потеряю пару пальцев от гангрены?

Какую-то секунду я раздумывала, пойдет ли мне на пользу

покладистое поведение со следующим мерзким мальчишкой. Быть может, он уберет кляп. Если уберет, то я хотя бы смогу попросить его ослабить веревки, а потом позову на помощь, возможно, придет Тэббе и прекратит дальнейшее надругательство, опасаясь моей сверхъестественной мести.

Кусты снова зашуршали – вот и новый визитер. Я сжала зубы на кляпе и посмотрела вверх, но силуэт принадлежал не одному из мальчишек. Единственная мысль, которая пришла мне в голову после того, как я поняла, кто ко мне пришел, была: «Джейми Фрэзер, мать твою, где тебя черти носят?»

Я застыла, как будто неподвижность могла сделать меня невидимой. Мужчина задвигался и присел на корточки, чтобы посмотреть мне в лицо.

– Больше не смеешься, так? – спросил он непринужденно. Это был Бобл, бывший поимщик воров. – Ты и твой муженек думали, что это чертовски смешно, так? То, что эти немки со мной сделали. А потом мистер Фрэзер с лицом праведника, читающего Библию, сказал мне, что они просто хотели сделать из меня сосиску. Ты тоже думала, что это забавно, не так ли?

Если честно, то это и правда было забавно. Но он был в общем прав: теперь я уже не смеялась. Он отвел руку и наотмашь ударил меня по лицу.

От удара на глазах выступили слезы, но сбоку его освещал огонь от костра, и я разглядела улыбку на пухлом лице. Дурное предчувствие заставило меня задрожать. У него были короткие тупые зубы, на их фоне клыки по бокам выделялись, длинные и пожелтевшие, как у крысы.

– Держу пари, это тебе покажется еще более забавным, – сказал он, поднявшись, и потянулся к ширинке. – Надеюсь, Ходж не прикончит тебя сразу и у тебя будет шанс поведать мужу о нашем приключении. Бьюсь об заклад, он оценит эту шутку, с его-то чувством юмора.

Семя мальчишки еще было влажным и липким на моих бедрах. Я рефлекторно дернулась и попыталась встать на ноги, но петля на шее быстро меня остановила. От пережатой сонной артерии на секунду потемнело в глазах, и, когда зрение вернулось, я обнаружила лицо Бобла в нескольких дюймах от своего. Его горячее дыхание обжигало кожу.

Он сжал мой подбородок и потерся об меня лицом, закусывая мои губы и царапая щеки жесткой щетиной. Потом он отодвинулся, оставив мое лицо влажным от его слюны, опрокинул меня навзничь и навалился сверху. Я чувствовала, как в нем пульсирует жестокость, будто обнаженное сердце с тонкими стенками, которое вот-вот разорвется. Было ясно, что мне не удастся сбежать или остановить его, я знала, что он причинит мне боль при малейшем поводе. Единственным вариантом было лежать тихо и не

препятствовать ему.

Но я не смогла. Я напряглась под ним и перекатилась на бок, подняв колено как раз в тот момент, когда он задирает мою рубашку. Удар вскользь пришелся ему по бедру, он рефлекторно поднял кулак и резко ударил меня по лицу.

По голове мгновенно начала расползаться черно-красная боль, она заполнила собой все, и я ослепла, замерев от шока. Ты полная дура, подумала я с абсолютной ясностью. Теперь он убьет тебя. Второй удар обрушился на мою щеку, и голова дернулась в сторону. Возможно, я двигалась в неосознанном сопротивлении, а возможно, и нет. Неожиданно он оказался возле меня на коленях, осыпая мое тело глухими тяжелыми ударами, похожими на то, как океан ударяет волнами о песчаный берег, слишком далекими, чтоб ощущать их. Я извивалась и корчилась, поднимая плечи и пытаюсь закрыть лицо, уткнуться в землю, а потом я перестала чувствовать его вес.

Он встал и принялся пинать меня и сыпать ругательствами, он вздыхал и сопел, пока его ботинки обрушивались на мои бока, спину и ягодицы. Я коротко вскрикивала, стараясь дышать. Тело дергалось и вздрагивало на сухой листве, и я цеплялась за твердость земли под собой, пытаюсь утонуть в ней, быть ею поглощенной.

Потом все прекратилось. Я слышала, как он тяжело дышит и пытается говорить.

– Чертова... чертова... ох ты чертова... Прок... проклятая... Сучка...

Я лежала неподвижно, желая раствориться в темноте, которая укутывала меня. Я знала, он собирается пнуть по голове. Я уже чувствовала, как дробятся и ломаются зубы, как хрупкие кости черепа, хрустя, втыкаются во влажную мякоть мозга. В тщетном сопротивлении я дрожала и стискивала зубы. Звук будет такой же, как когда разбиваешь дыню, глухой, липкий. Услышу ли я его?

Но ничего не произошло. Послышался другой звук: быстрое и настойчивое шуршание, в котором не было никакого смысла. Какой-то немного мясной звук, плоть трется о плоть в мягком шлепающем ритме. Потом он издал стон, и теплые капли жидкости упали мне на лицо и плечи, разбрызгавшись по обнаженной коже в тех местах, где порвалась рубашка.

Я застыла. Где-то на периферии сознания посторонний наблюдатель размышлял о том, было ли это самой омерзительной вещью из тех, с которыми я когда-либо сталкивалась. Вообще-то нет. Кое-что мне пришлось увидеть в «Обители Ангелов», не говоря уже о смерти отца Александра или чердаке Бердсли... полевой госпиталь в Амьене... господи,

нет, это даже и близко не стояло.

Я лежала безвольная, с закрытыми глазами, вспоминая разные неприятные события из своего прошлого, и на самом деле желая выменять этот опыт на что-нибудь из того, что случилось давно.

Бобл наклонился, схватил меня за волосы и несколько раз стукнул об дерево, дыша с присвистом.

– Ты у меня попляшешь... – пробормотал он, уронил руку, и я услышала шаркающие шаги, он уходил.

Когда я наконец открыла глаза, то была одна.

* * *

Я осталась одна – хоть что-то. Кажется, жестокое нападение Бобла испугало мальчишек. Я перекатилась на бок и замерла, вдыхая и выдыхая. Я была уставшей и опустошенной. Джейми, где же ты?

Меня не пугало, что может случиться дальше, – я не заглядывала дальше настоящего момента, дальше одного вдоха, дальше одного удара сердца. Не думала и не чувствовала. Пока еще нет. Просто лежала и дышала.

Очень медленно я стала замечать всякие мелкие детали. Кусочек коры, запутавшийся в волосах, царапал щеку. Плотный ковер из сухих листьев, обнимающий мое тело. Усилие, когда от дыхания поднималась грудь. Нарастающее усилие. Возле глаза задергался какой-то маленький нерв.

Внезапно я осознала, что с кляпом во рту, отеком и скопившейся в носу кровью я просто рисковала задохнуться. Я перевалилась на живот так, чтобы не дернуть веревку, и начала тереться лицом о землю, затем я уперлась в нее ногами и наклонилась вперед, теперь уже с нарастающим отчаянием царапая лицо о древесную кору, безуспешно пытаюсь ослабить или сдвинуть повязку. Кора разодрала губу и щеку, но платок был так туго завязан вокруг моей головы, что лишь сильнее врезался в края рта, открывая его так, что слюна безостановочно наполняла комок ткани. Я поперхнулась, ощутив, как мокрая тряпка перекрывает горло, и почувствовала, как поднимается рвота, обжигая рецепторы где-то в носу. Нет, нет, нет. Ты не будешь, не будешь, не будешь блевать! Я втянула воздух, кое-как проходящий по забитому кровью носу, и почувствовала, как по горлу скользнул густой железный привкус. Снова поперхнувшись, уже сильнее, я согнулась пополам, петля на шее затянулась, и перед глазами расцвели белые пятна.

Я упала назад, ударившись головой о ствол. Но я едва заметила это: слава Господу, петля ослабла и я смогла сделать два-три глотка пропитанного кровью воздуха.

Нос сильно опух и продолжал отекает. Я стиснула зубы на кляпе и попыталась прочистить пазухи, подув изо всех сил, пусть даже ненадолго. Теплая кровь, смешанная с желчью, брызнула вниз по подбородку и полилась на грудь. Я быстро задышала, чтобы запастись кислородом.

Выдохнуть, вдохнуть. Выдохнуть, вдохнуть. Выдохнуть... но нос уже так распух, что воздух почти не проходил, и я почти всхлипнула от паники.

Боже, только не плачь! Ты умрешь, если заплачешь! Ради бога, не плачь!

Выдохнуть... выдохнуть... Прочистить... Я фыркнула, истратив последние запасы воздуха в легких, и сумела добиться щели шириной с волос – довольно, чтобы наполнить их еще раз.

Я задержала дыхание, пытаюсь продержаться в сознании достаточно долго, чтобы найти другой способ дышать, должен быть другой способ. Я не могла позволить мелкому засранцу вроде Харли Бобла убить меня так глупо. Это было неправильно, этого не могло случиться.

Полусидя я прижалась к дереву плотнее, чтобы максимально ослабить давление петли на шею, и уронила голову вперед – так кровь сбегала вниз, капая из носа. Это немного помогло, но ненадолго. Глаза начали сами собой смыкаться: нос точно был сломан, и вся верхняя часть лица постепенно отекала, наполняясь кровью и лимфой от травмы, при этом не только лишая меня зрения, но и сильнее затрудняя дыхание.

В отчаянии я стала кусать тряпку во рту, жевала ее, пропуская материю между зубов, пыталась сжать ее, расплющить, передвинуть внутри... Я прикусила щеку, но мне было все равно, это было не важно, значение имело только дыхание. Господи, я не могу дышать, пожалуйста, помоги мне дышать, помоги... пожалуйста.

Укусив язык, я всхлипнула от боли и поняла, что у меня получилось просунуть его над тряпкой так, что я могла дотянуться до уголка губ. Отодвигая кляп что есть сил, я сумела сделать небольшой канальчик для воздуха. Сквозь него проходила лишь тонкая струйка кислорода, но я могла дышать, а все остальное не имело значения.

Моя голова была неудобно наклонена, а лоб прижат к дереву, но я боялась двигаться, в страхе потерять непрочную животворящую струю – вдруг кляп сдвинется, если я пошевелюсь. Я сидела неподвижно, сжав руки, и делала длинные свистящие и булькающие вдохи, размышляя о том, сколько я смогу так продержаться. Мышцы шеи уже дрожали от

напряжения. Руки снова пульсировали, надо полагать, они и не прекращали, но мне было не до них. Теперь же я обратила на это внимание и тут же заметила стреляющую боль, которая жидким огнем обжигала каждый ноготь, она отвлекала меня от насмерть затекших шеи и плеча.

Мышцы шеи дернулись, и их свело. Я резко всхлипнула, перекрыла себе воздух и выгнулась, как струна, воткнув пальцы в веревки и пытаюсь вернуть себе доступ к нему.

Чья-то рука опустилась мне на плечо. Я не слышала, как он подошел. Слепо мотнув головой, я принялась бодать его. Мне было все равно, кто он и чего хочет, пусть только снимет кляп. Изнасилование казалось справедливой ценой за выживание, по крайней мере сейчас.

Я отчаянно мычала, фыркала, сопела, мотала головой, разбрызгивая вокруг кровь и желчь. Мне нужно было показать, что я задыхаюсь: пока что уровень их сексуального образования доказывал, что он может даже не заметить, что я не дышу, и начать удовлетворять свои желания, не предполагая, что изнасилование становится некрофилией на глазах.

Он закопошился возле моей головы. Господи, спасибо, спасибо! Каким-то сверхъестественным усилием я удержала себя в вертикальном положении, голова кружилась, из глаз сыпались искры. Потом полоска ткани упала, и я рефлексивно вытолкнула мокрый комок изо рта, тут же поперхнувшись. Меня начало рвать почти одним только воздухом, тело содрогалось в пустых позывах.

Я ничего не ела, лишь пара капель желчи обожгли мне горло и скатились по подбородку. Я хрипела и кашляла, вдыхая воздух огромными жадными, разрывающими легкие глотками.

Он что-то тревожно шептал. Мне было все равно, я не могла его понять. Все, что я слышала, был свист моего дыхания и стук сердца. Наконец, немного сбавив сумасшедший ритм, чтобы наполнить кислородом изголодавшиеся ткани, оно ударило так сильно, что все тело содрогнулось.

Потом до меня дошло слово или два, и я подняла голову, глядя на него.

– Что? – сказала я простуженно. Я закашлялась и трянула головой, пытаюсь прояснить ее. Было очень больно. – Что ты сказал?

В слабом мерцании костра я видела его только как смутный худощавый силуэт с взлохмаченной гривой.

– Я говорю, – прошептал он, наклоняясь ближе, – вам имя Ринго Стар о чем-нибудь говорит?

В этот момент меня уже нельзя было ничем удивить. Я только вытерла рассеченную губу о плечо и очень спокойно ответила:

– Да.

Он задержал дыхание. Я поняла это, только когда услышала долгий выдох и увидела, как опустились его плечи.

– Господи, – сказал он едва слышно. – О господи.

Мужчина внезапно кинулся вперед и заключил меня в крепкие объятия. Я сжалась, хрипя от того, что петля на шее снова затянулась, но он был слишком погружен в собственные эмоции, чтобы заметить.

– Боже, – сказал он и зарылся лицом в мое плечо, почти всхлипывая. – Боже. Я знал, знал, что так и есть. Я знал, но не мог поверить. Боже, о боже! Боже! Я не думал, что когда-нибудь найду такого же, как я... Никогда...

– Кхх, – прохрипела я и изогнула спину.

– Что... О, черт!

Он отпустил меня и схватился за веревку у меня на шее. Перехватив ее поудобнее, парень стащил путы с меня, почти оторвав мне уши в процессе, но я не возражала.

– Черт! Ты в порядке?

– Да, – проквакала я. – Раз... развяжи бидя.

Он засопел, вытирая нос о рукав, и оглянулся через плечо.

– Не могу, – зашептал он. – Следующий парень увидит.

– Следующий парень? – закричала я, если мой придушенный шепот можно было считать криком. – Что ты хочешь сказать, следующий...

– Ну... Понимаешь... – Кажется, до него только сейчас дошло, что у меня могут быть возражения против того, чтобы покорно ждать, как разделанная индейка, пока ко мне явится очередной потенциальный насильник. – Ээ... Я хотел сказать... ну, не важно. Кто ты?

– Ты, черт тебя дери, отлично знаешь, кто я, – просипела я яростно, отталкивая его связанными руками. – Я Клэр Фрэзер. А ты еще кто? Откуда ты здесь? И если ты хочешь услышать от меня еще хоть слово, тебе, мать твою, придется меня развязать сию же минуту!

Он снова опасливо оглянулся через плечо, и я поняла, что он боится своих так называемых «товарищей». Как и я. Я видела линию его профиля: это действительно оказался взлохмаченный молодой индеец, которого я посчитала тускарора. Индеец... какой-то кусочек пазла встал на место среди моих перепутанных синапсов.

– Проклятье, – сказала я и слизнула струйку крови, которая бежала из разбитой губы. – Зуб Выдры. Зуб. Ты его.

– Что?!

От отпрянул назад и уставился на меня широко раскрытыми глазами.

– Кто?

– Или как там его звали? Роберт... Роберт С... как же это...

Меня трясло от ярости, шока и истощения, пока я продиралась сквозь остатки разума. Но несмотря на свое плачевное состояние, я прекрасно помнила Зуб Выдры. В моем мозгу живо всплыла картина: я одна в лесу, как сейчас, промокшая от дождя, а в руках у меня погребенный много лет назад в землю череп.

– Спрингер, – сказал он и от волнения сжал мою руку. – Спрингер – так? Роберт Спрингер?

Меня хватило только на то, чтобы сжать зубы, приподнять подбородок и вытянуть перед ним связанные руки. Ни слова больше, пока не разрежет узел.

– Вот дерьмо, – пробормотал он и, быстро оглянувшись, потянулся за ножом. Парень не очень-то хорошо им владел. Если бы мне нужно было доказательство, что он не настоящий индеец из этого времени... Однако он справился с веревками, не поранив меня, и я со стоном согнулась пополам, засунув ладони под мышки, когда кровь стала их наполнять. Было чувство, будто они превратились в воздушные шары, которые так надули, что они вот-вот лопнут.

– Когда? – требовательно спросил он, не обращая внимания на мои проблемы. – Когда ты пришла? Где нашла Боба? Где он теперь?

– Тысяча девятьсот сорок шестой, – сказала я, сжимая пульсирующие ладони. – Первый раз. А второй в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом. Что касается мистера Спрингера...

– Второй? Ты сказала – второй раз? – От удивления парень повысил голос. Он резко прервался и виновато оглянулся, но мужчины у костра громко спорили и играли в кости: восклицание утонуло в их криках.

– Второй раз, – повторил он потише. – Так ты это сделала? Ты вернулась?

Я кивнула, сжимая губы и медленно покачиваясь взад и вперед. С каждым ударом сердца мне казалось, что мои ногти отвалятся.

– А ты? – спросила я, хотя была уже практически уверена в возможном ответе.

– Тысяча девятьсот шестьдесят восьмой, – ответил он, подтверждая.

– И в каком году ты оказался? Я имею в виду, сколько ты уже здесь?

– О боже. – Парень присел на корточки и запустил руку в длинные перепутанные волосы. – Кажется, около шести лет, если не ошибаюсь. Но

ты сказала, второй раз. Если ты попала домой, то зачем вернулась обратно? О, погоди-ка. Ты не вернулась домой, а попала в другое время, не в свое? Где все началось?

– В Шотландии, в тысяча девятьсот сорок шестом, – сообщила я, не желая вдаваться в детали. – Мой муж остался здесь. Я вернулась намеренно, чтобы быть с ним. – Сейчас я сильно сомневалась в мудрости своего решения. – Говоря о моем муже, – добавила я, чувствуя, как ко мне возвращаются остатки здравомыслия, – я не шутила. Он идет за мной. И поверь, тебе не хочется, чтобы он нашел меня вашей пленницей. Но если ты...

Он проигнорировал мои слова, лихорадочно наклоняясь ближе.

– Значит, ты знаешь, как это работает! Ты можешь этим управлять!

– Вроде того, – нетерпеливо бросила я. – По твоим словам выходит, что вы с товарищами не знали?

Я растирала одну руку другой, сжимая зубы, чтобы справиться с неприятной пульсацией. Пальцами я нащупала на коже вмятины, оставшиеся от веревок.

– Думали, что знаем, – горечь зазвучала в его голосе. – Поющие камни. Драгоценные камни. Вот что мы использовали. Раймон сказал... Но это не сработало. Или, может... может, сработало.

Он строил гипотезы. Я слышала по его речи, как растет возбуждение.

– Ты встретила Боба Спрингера, Зуб Выдры то есть. Значит, у него получилось! Если получилось у него, то, быть может, и у остальных. Видишь ли, я думал, они все мертвы. Я думал... Думал, что я один.

Его голос дрожал, и, несмотря на ситуацию и собственное раздражение, я ощутила укол сочувствия. Я хорошо знала, что это такое, оказаться одному, вот так, потерянному во времени.

Мне не хотелось развенчивать его иллюзии, но скрывать правду не было смысла.

– Боюсь, Зуб Выдры мертв.

Внезапно он замер. Слабый свет костра за деревьями очерчивал его фигуру, я могла разглядеть лицо. Пара прядей поднялась от ветра. Они были единственным, что двигалось.

– Как? – спросил он наконец тонким придушенным голосом.

– Его убили ирокезы. Могавки.

Очень медленно мой мозг возвращался к работе. Шесть лет назад этот человек, кто бы он ни был, попал сюда. Выходит, в тысяча шестьсот шестьдесят седьмом. Однако Зуб Выдры, мужчина, которого однажды звали Робертом Спрингером, умер почти поколение назад. Они начинали

вместе, но оказались в разных годах.

– Черт, – сказал он, хотя очевидная печаль мешалась в его словах с чем-то вроде благоговения. – Это настоящий облом, особенно для Боба. Он боготворил этих ребят.

– Да, полагаю, он расстроился больше других по этому поводу, – сухо заметила я. Мои веки казались толстыми и отяжелевшими. Мне приходилось прилагать усилия, чтобы поднять их, но видимость пока сохранялась. Я глянула в сторону костра, но не смогла рассмотреть ничего, кроме смутного движения теней вдалеке. Если там и правда была очередь из мужчин, желающих воспользоваться моими «услугами», они деликатно держались на расстоянии. Я в этом сомневалась и мысленно сказала спасибо, что я не на двадцать лет моложе, а то и правда могла бы быть очередь.

– Я встречал ирокезов. Боже, вообще-то даже специально искал их, можешь в это поверить? В этом был весь смысл, видишь ли, найти племена ирокезов и...

– Да, я знаю, что вы задумали, – прервала его я. – Слушай, это правда не время и не место для долгих разговоров. Я думаю, что...

– Эти ирокезы те еще лицемеры и гады, скажу я тебе, – сказал он, многозначительно тыкая меня пальцем в грудь. – Вы не поверите, что они вытворяют...

– Я знаю. Так вот, о моем муже. – Я выразительно посмотрела на него, что, судя по тому, как он вздрогнул, возымело эффект, очевидно усиленный состоянием моего разбитого лица. Я надеялась, что так, ведь гримасничать было больно.

– Теперь вот что ты сделаешь, – сказала я, пытаюсь придать голосу повелительный тон. – Ты вернешься к костру, немного выждешь, потом уйдешь потихоньку и найдешь двух лошадей. Я слышу ниже ручей, – я махнула вправо, – там и встретимся. Как только уйдем достаточно далеко, я расскажу все, что знаю.

На самом деле я могла рассказать ему мало полезного, но он этого не знал. Парень шумно сглотнул.

– Я не знаю... – сказал он неуверенно, снова оборачиваясь. – Ходж, он какой-то мутный. Он застрелил одного парня пару дней назад. Даже не сказал ничего, просто подошел, вытащил пистолет – и бум!

– Зачем?

Он пожал плечами и замотал головой.

– Да я не в курсах. Просто бум, и все! Знаешь?

– Знаю, – заверила его я, изо всех сил цепляясь за остатки разума и

сдерживая гнев. – Ладно, тогда не станем трогать лошадей. Просто идем сейчас. – Я неловко встала на одно колено, надеясь, что через мгновение смогу подняться, не говоря уже о ходьбе. Крупные мышцы на бедрах вдруг скрутило узлом в тех местах, где меня пинал Бобл, когда я попыталась встать, они задержались, и их начало сводить, что меня эффективно стреножило.

– Черт, только не сейчас!

В возбуждении молодой человек схватил меня за руку и дернул вниз, к себе. Я тяжело упала на бедро и вскрикнула от боли.

– У тебя все нормально, Доннер? – раздался голос из темноты позади меня. Тон был спокойный, видимо, мужчина вышел за пределы лагеря отлить. Однако на молодого индейца вопрос произвел ошеломляющий эффект. Он резко накрыл меня своим телом, ударив о землю головой и на секунду лишив возможности дышать.

– Нормально... правда... отлично, – закричал он своему товарищу, часто и избыточно сопя в попытке изобразить мужчину, удовлетворяющего похоть. Звучал он как умирающий астматик, но я не жаловалась. Не могла.

Я получила еще пару ударов по голове, и в результате перед глазами у меня поплыла чернота. В этот раз я видела настоящие цветные искры и лежала, обмякшая и безвольная, ощущая себя так, будто мой дух парит над искалеченным телом. Потом Доннер опустил руку мне на грудь, и я тут же пришла в себя.

– Отпусти меня немедленно! – зашипела я. – Ты что делаешь?

– Эй, эй! Ничего, ничего, прости, – торопливо заверил он. Руку паренек убрал, но не слез. Он замялся немного, и я поняла, что его возбудил телесный контакт, планировал он это или нет.

– А ну слезь! – злобно зашипела я.

– Эй, я ничего такого не имел в виду. То есть я бы не причинил тебе зла... Просто у меня не было женщины уже...

Я ухватила клочок его волос, приподняла голову и сильно укусила за ухо. Он вскрикнул и скатился с меня. Другой мужчина пошел назад к костру, но на звук обернулся и прокричал в темноту:

– Боже, Доннер, она и правда так хороша? Придется ее опробовать!

Это вызвало взрыв хохота у костра, но, к счастью, все быстро стихло – мужчины вернулись к своим делам. А я к своим, то есть к побегу.

– Тебе не обязательно было это делать, – проскулил Доннер вполголоса, держась за ухо. – Я не собирался ничего такого делать! Блин, у тебя классные сиськи, но ты мне типа в матери годишься!

– Заткнись! – сказала я, принимая сидячее положение. От усилия

закружилась голова, по краям глаз замигали яркие новогодние гирлянды. Но несмотря на все это, какая-то часть моего разума снова активно заработала.

Парень был, по меньшей мере, отчасти прав. Мы не могли уйти прямо сейчас. После того как он привлек столько внимания, остальные будут ждать его появления через несколько минут. Если же он не вернется, его начнут искать, а нам нужно было больше нескольких минут форы.

– Мы не можем уйти сейчас, – прошептал Доннер, с досадой потирая ухо. – Они заметят. Подождем, пока все заснут. Тогда я приду за тобой.

Я заколебалась. Каждая секунда, что я проводила в непосредственной близости от Ходжепила и его банды, грозила смертельной опасностью. Если мне и нужно было какое-то тому доказательство, то события последних двух часов с лихвой подтвердили мои подозрения. Этому Доннеру нужно было показаться у костра, но я могла ускользнуть. Стоило ли рисковать? Если кто-нибудь явится сюда и не обнаружит меня, а я не успею уйти достаточно далеко... Лучше было дожидаться, пока они уснут. Но смогу ли я столько прожить?

А еще был Доннер. Если он хотел поговорить со мной, то и я хотела поговорить с ним не меньше. Шанс найти еще одного путешественника во времени...

Доннер прочел сомнение у меня на лице, но понял его неправильно.

– Ты не уйдешь без меня! – В приступе внезапной паники он схватил мое запястье и, прежде чем я смогла вырваться, обмотал вокруг кусок разрезанной веревки. Я сопротивлялась и отталкивалась, шипя ему что-то, чтобы он понял, но он совершенно потерял голову от мысли, что я сбегу без него, и не слушал. Я была слаба и к тому же не хотела шуметь, поэтому могла только задержать его, но не остановить связывание.

– О'кей. – Доннер потел, мне на лицо упала теплая капля, когда он наклонился, чтобы проверить веревки. По крайней мере он не стал набрасывать мне на шею петлю, вместо этого привязав меня к дереву за талию.

– Я знал, кто ты такая, – бормотал он, сосредоточившись на работе. – Еще до того, как ты сказала: «Иисус твою Рузвельт Христос».

– Какого черта ты имеешь в виду? – огрызнулась я, шарахаясь от его руки. – Не смей этого делать – я задохнусь! – Он пытался снова завязать мне рот, но, кажется, уловил панику в моем голосе, потому что вдруг заколебался.

– О, – неуверенно произнес он. – Что ж, думаю... – Доннер снова обернулся через плечо, но потом принял решение и уронил кляп на

землю. – Ладно. Но ты тут потише, ладно? Я имел в виду, что ты не боишься мужчин. А здесь почти все женщины боятся. Тебе нужно казаться более напуганной.

С этим прощальным напутствием он поднялся и, отряхнув сухую листву с одежды, пошел к костру.

* * *

Приходит такой момент, когда тело отключается. Человек погружается в сон, независимо от того, какие кошмары готовит ему будущее. Я видела, как это происходит: повстанцы-якобиты, которые спали прямо в окопах, куда упали, английские пилоты, дремавшие в самолетах, пока механики заливали топливо, только чтобы прийти в полную боевую готовность перед вылетом. Даже женщины во время долгих родов спят между схватками.

Так же спала и я.

Подобный сон не глубок и не дарит умиротворения. Я пришла в себя, когда на мой рот опустилась чья-то ладонь.

Четвертый мужчина не был ни жесток, ни несведущ. Он казался крупным, но мягким. А еще он любил свою мертвую жену. Я знала это, потому что он рыдал в мои волосы, а в конце позвал ее по имени. Ее звали Марта.

* * *

Я очнулась снова немного позже. Это произошло резко, внезапно. Я быстро пришла в сознание, сердце громко билось. Но нет, не сердце: кто-то бил в барабан. Удивленные крики раздавались у костра, потревоженные мужчины пробуждались ото сна.

– Индейцы! – закричал кто-то, и свет замигал и закачался – они раскидывали угли ногами, чтобы потушить огонь.

Но это был не индейский барабан. Я села, вслушиваясь. Это был стук бьющегося сердца, медленный и ритмичный, затем он стал чаще, сумбурнее, как предсмертные прыжки загнанного зверя. Я могла бы рассказать им, что индейцы никогда не используют для устрашения барабан, а вот кельты используют. Это был звук боурана^[67].

«И что теперь? – подумала я немного истерично. – Волынки?»

Это точно был Роджер, только он мог заставить барабан так говорить.

Роджер, значит, Джейми тоже рядом. Я поднялась на ноги, страстно желая движения. В нетерпении я дергала веревку на талии, но это было бесполезно. Зазвучал второй барабан, уже не так мастерски, но не менее угрожающе. Звук, казалось, передвигался, то затихая, то снова грохоча в полную мощь. Запел третий барабан, теперь дробь раздавалась отовсюду и ниоткуда, медленная, быстрая, насмешливая.

Кто-то в панике пальнул в лес.

– Не стрелять! – яростно заорал Ходжепил, но безрезультатно. Вокруг стояла трескотня выстрелов, тонущая в барабанной дробь. Я услышала свист над головой, и на меня упала горсть еловых иголок. Меня вдруг осенило, что стоять во время слепой перестрелки – опасная стратегия, и я тут же растянулась на земле, зарывшись головой в сухие иглы, стараясь улечься так, чтобы ствол стоял между мной и группой у костра.

Барабаны блуждали вокруг: то ближе, то дальше, заставляя терять присутствие духа даже тех, кто знал, что это. Похоже, они окружали лагерь. Стоит ли мне кричать, когда они подойдут? Необходимость решать отпала сама собой: бандиты издавали столько шума у костра, что, даже если я буду кричать что есть мочи, меня не услышат. Они голосили от страха, перебрасывались вопросами, выкрикивали приказы, которые, как видно, никто и не думал выполнять, судя по царящему там переполоху.

Кто-то продирался сквозь ближние кусты, спасаясь от барабанов. Один, еще двое, звук сбившегося дыхания и скрип шагов. Доннер? Эта мысль озадачила меня, и я села, а потом снова упала, когда очередная шальная пуля просвистела над головой.

Барабаны резко замолкли. Вокруг костра царил хаос, я слышала, как Ходжепил пытается призвать своих людей к порядку криками и угрозами, гнусавый голос перекрывал все прочие. А потом барабаны зазвучали снова, в этот раз гораздо ближе.

Они собирались вокруг, подходили откуда-то слева от меня, и насмешливое тип-тап сменило свой ритм. Теперь барабаны грохотали, никакого мастерства, только обещание расправы. Скорой, очень скорой.

Пистолеты беспорядочно палили вокруг, я видела всполохи и ощущала густой и горячий запах пороха. Остатки костра зловеще тлели на поляне, светясь сквозь кусты.

– Вот они! Я их вижу! – заорал кто-то, и воздух взорвался очередью мушкетных выстрелов.

Потом справа из темноты раздался нечеловеческий вопль. Я и раньше слышала, как кричат шотландцы, идущие в бой, но этот горский клич заставил волосы у меня на теле встать дыбом от копчика до самого затылка.

Джейми. Забыв о своих страхах, я села прямо и выглянула из-за широкого ствола как раз вовремя, чтобы увидеть, как посыпались из леса демоны.

Я знала их, но невольно отпрянула: покрытые сажей, они орали как безумные, и отблески костра отражались красным на лезвиях их ножей и топоров. С первым же криком барабанная дробь прекратилась, и слева послышался такой же вой: барабанщики бросились в атаку, готовые убивать. Я прижалась к дереву, ощущая, как сердце подскочило к самому горлу, – их клинки будут разить любую движущуюся цель в темноте.

Кто-то упал возле меня, шаря во тьме. Доннер? Я прохрипела его имя, надеясь привлечь внимание, и худощавая фигура замерла, осматриваясь. Потом он заметил меня и кинулся вперед.

Это не был Доннер, а Ходжепил. Он схватил меня за руку и дернул вверх, не обращая внимания на веревку вокруг талии. От усилий или от страха он тяжело дышал. Я быстро поняла, что он задумал: Ходж знал, что шансов на спасение у него мало, его единственной надеждой было взять меня в заложницы. Но будь я проклята, если снова стану его заложницей. Довольно.

Я пнула его, угодив как раз под колено. Он не потерял равновесие, но это его отвлекло. Потом я наклонила голову и с силой боднула его в грудь, Ходж отлетел в сторону. Этот прием обошелся мне недешево: меня шатало, глаза слезились от боли. Мужчина поднялся и снова навис надо мной. Я снова попыталась пнуть его, но промазала и тяжело упала на спину.

– А ну, иди сюда, мать твою! – зашипел он, дергая меня за связанные руки. Я пригнула голову и откинулась назад, утягивая его за собой. Я каталась и барахталась в сухой листве, изо всех сил пытаюсь обхватить его ногами: мне нужно было сжать его ребра, чтобы выбить дух из этого грязного мелкого червяка. Но Ходж освободился и уселся на меня сверху, осыпая ударами голову, чтобы я утихла.

Он ударил меня по уху, и я на секунду потеряла связь с реальностью, рефлекторно зажмурившись. Потом его вес внезапно исчез, и, открыв глаза, я увидела, как Джейми держит Ходжепила в паре дюймов от земли. Он сучил тощими ножонками в тщетной попытке вырваться, и я ощутила нездоровое желание расхохотаться.

На самом деле, мне стоило рассмеяться, потому что, когда Джейми повернул голову, чтобы посмотреть на меня, я заметила, как расширились его глаза. Он снова вернулся к Ходжепилу. Фигура Джейми была очерчена мягким сиянием от тлеющих углей, и на секунду я разглядела его профиль, потом его тело напряглось от усилия и он наклонил голову.

Джейми крепко прижимал Ходжепила к груди, другая рука была

согнута в локте. Я моргнула: глаза опухли и плохо видели, что он делает. Потом я услышала, как он тихонько крикнул от усилия, а Ходжепил издал придушенный вскрик, и увидела, как локоть Джейми резко пошел вниз. Нечеткий силуэт ходжепиловой головы поворачивался все дальше и дальше. Я заметила острый марионеточный нос и челюсть, стоящую под слишком странным углом, на нее тяжело надавливала ладонь Джейми. Потом раздался глухой щелчок, который отозвался эхом у меня в желудке, – это сломались шейные позвонки, марионетка обмякла.

Джейми бросил куклу на землю, потянулся ко мне и поднял на ноги.

– Ты жива, цела, *mo nighean donn*? – тревожно спросил он на гэльском. Он ощупывал меня лихорадочно с головы до ног, пытаясь одновременно удерживать меня в вертикальном положении – мои колени внезапно превратились в кисель – и найти веревки на руках.

Я смеялась и плакала, обливаясь слезами и неловко тыкаясь в него связанными руками, чтобы он мог разрезать веревки. Джейми прекратил ощупывание и прижал меня к себе так крепко, что я взвизгнула от боли, когда мое лицо коснулось его плеча.

Он тревожно и торопливо говорил что-то еще, но я не могла это перевести. Его тело пульсировало от переизбытка энергии, я чувствовала жестокость и жар у него под кожей и смутно подумала о том, что он берсерк, ничего английского в нем нет.

– Я в порядке, – выдохнула я, и он меня отпустил.

Огонь разгорался за деревьями: кто-то собрал разбросанные угли и добавил хвороста. Лицо Джейми было черно, но глаза вспыхнули ярко-голубым, когда он повернул голову и на лицо упал свет.

Борьба еще продолжалась: крики стихли, но я слышала стоны и глухие удары тел, слившихся в драке. Джейми поднял мои руки, достал нож и перерезал веревку – они упали, как свинцовые гири. Какую-то секунду он смотрел на меня, как будто пытаясь найти слова, потом покачал головой, нежно коснулся моего лица и исчез в той стороне, где продолжалась драка.

Я сползла на землю, голова шла кругом. Рядом лежало тело Ходжепила с неестественно разбросанными конечностями. Я взглянула на него, и четкая картинка возникла в моем сознании: у Бри было ожерелье, когда она была ребенком, сделанное из пластиковых бусин, которые отделялись друг от друга, когда за них тянули. «Фальшивый жемчуг» они назывались. Я искренне хотела бы этого не помнить.

У него была длинная челюсть и впалые скулы, Ходж выглядел пугающе: глаза широко открыты и смотрят в сторону неверно мигающего костра. Что-то в нем казалось странным, и я нахмурилась, стараясь

разобраться. Его лицо было со стороны спины.

Может, прошли секунды, а может, минуты, пока я сидела, глядя на него и обхватив колени руками, моя голова была абсолютно пуста. Звуки приближающихся шагов заставили меня посмотреть вверх. Из темноты появился Арч Баг – худая, высокая, черная фигура против разгорающегося костра. Я видела, как он сжимает топор левой рукой, тоже черный, от него остро и густо пахнуло кровью, когда мужчина наклонился ко мне.

– Кое-кто из них все еще жив, – сказал он, и я почувствовала, как что-то жесткое и холодное коснулось моей руки. – Хочешь теперь совершить свое возмездие, а bana-mhaighistear?

Посмотрев на его руки, я увидела, что он предлагает мне дирк рукояткой вперед. Я вдруг оказалась на ногах, хотя не помнила, как вставала. Я не могла говорить и двигаться, все же мои пальцы сжались без моего ведома, и я подняла руку, чтобы взять нож, на который я смотрела с легким любопытством. Неожиданно на дирк опустилась рука Джейми, забирая его у Арча. Я смотрела как будто издалека, как свет упал на его ладонь, и она влажно заблестела от крови, залившей руку до самого запястья. Случайные капли сияли красным, переливаясь, как драгоценные камни, застрявшие меж рыжих волос на предплечье.

– Она дала клятву, – сказал он Арчу, и я отстраненно заметила, что он все еще говорил по-гэльски, хотя я отлично понимала каждое слово. – Она не может убивать, только если не борется за свою жизнь. Я убиваю для нее.

– И я, – мягко сказала высокая фигура позади него. Йен.

Арч понимающе кивнул, хотя лицо его было в тени. Кто-то стоял за ним. Фергус. Я узнала его сразу, но понадобилось пару секунд, чтобы совместить имя с измазанным бледным лицом и жилистой фигурой.

– Мадам, – сказал он, и голос его звучал тонко от шока. – Миледи.

Потом на меня посмотрел Джейми, и лицо его поменялось, в глазах мелькнула догадка. Я увидела, как раздуваются его ноздри, он учуял запах спермы и пота на моей одежде.

– Который из них? Сколько? – Он перешел на английский, и тон его вопросов был подчеркнуто бесстрастный, как если бы он спрашивал, сколько гостей мы ждем к обеду. Я нашла это успокаивающим.

– Я не знаю, – ответила я. – Они... Было темно.

Он кивнул, сильно сжал мою руку и развернулся.

– Убейте всех, – спокойно скомандовал он Фергусу. Глаза Фергуса выглядели большими и темными, глубоко запавшими, горящими. Он едва кивнул и выхватил топор из-за пояса. Его рубашка была залита спереди, а конец крюка выглядел темным и липким.

Очень отдаленно я подумала о том, что нужно что-то сказать. Но не сказала. Я стояла, прислонившись к дереву, и молчала. Джейми посмотрел на дирк, который был у него в руке, как будто желая убедиться, что тот в хорошем состоянии, но это было не так. Он вытер лезвие о бедро, игнорируя высыхающую кровь, заляпавшую деревянную рукоятку, и пошел к поляне.

Я стояла не двигаясь. Были еще звуки, но я обращала на них не больше внимания, чем дыхание ветра в хвое. Это была пихта, и от нее исходил чистый свежий дух, запах смолы окутывал меня, такой сильный, что я ощущала его во рту. Он просачивался даже в мой забитый кровью нос. Под нежным эфиром дерева ощущался вкус крови и вымокшего тряпья, а еще запах моего истерзанного тела.

Занимался рассвет. В лесу неподалеку запели птицы, и первые лучи упали на землю, подобные легкому древесному пеплу. Я по-прежнему стояла и думала только о том, как приятно было бы сейчас оказаться по самую шею в горячей воде и соскрести с плоти всю кожу, чтобы чистая красная кровь бежала вниз по ногам, собираясь в мягкие облака, в которых можно было бы спрятаться.

Глава 29

Просто отлично

Потом все уехали. Оставили их там без погребения, не сказав даже слова молитвы. Это шокировало даже больше, чем убийство. Роджер побывал с преподобным у смертного одра многих людей, видел не один несчастный случай, помогал утешать скорбящих, стоял рядом, когда дух покидал старика, а он произносил слова благодати. Так нужно было поступать, когда кто-то умирал, – обращаться к Богу и признавать этот факт.

И все же... Как можно было стоять над трупом человека, которого ты только что убил, и смотреть в лицо Господу?

Он не мог сидеть. Усталость переполняла его, как влажный песок, но он был не в силах сидеть. Роджер поднялся, взял кочергу, но так и остался стоять с ней в руках, глядя на угасающий огонь в очаге. Он был идеальным: гладкие черные угли, покрытые корочкой пепла, внутри сияет гладкий красный жар. Потрогаешь, и угли разломаются, пламя поднимется вверх, но быстро погаснет, если не подбросить дров. А это бессмысленная трата так поздно ночью.

Он опустил кочергу и стал бродить от стены к стене, как измотанная пчела, что по-прежнему жужжит, запертая в бутылке, хотя крылья ее потрепаны и слабы.

Это не беспокоило Фрэзера. Но Фрэзер прекратил думать о бандитах в ту минуту, как они оказались мертвы. Он думал только о Клэр, и его можно было понять. В утреннем свете он вывел ее на ту поляну – омытый кровью Адам и его истерзанная Ева, что желают вкусить добра и зла. Потом он завернул ее в плед, поднял на руки и отнес к своей лошади.

Мужчины безмолвно последовали за ним, держа в поводу теперь уже бесхозных коней. Часом позже, когда солнце уже согревало их спины, Фрэзер повернул коня к склону холма и повел их к ручью. Он спешил, помог Клэр и затем исчез с ней в лесу. Мужчины обменялись озадаченными взглядами, но никто ничего не сказал. Потом старый Арч Баг свесился со своего мула и непринужденно заметил:

– Ну, она ведь захочет помыться, верно?

Понимающий вздох прошел по отряду, и после этого напряжение немного ослабло, растворившись во всяких мелких заботах, люди спешивались, проверяли подпругу, плевались, справляли малую нужду. Медленно они начали обращаться друг к другу, ища темы для разговора и находя утешение в привычных вещах.

Роджер поймал взгляд Йена, но они были еще недостаточно близки для такого. Йен повернулся, хлопнул Фергуса по плечу, обнял его и тут же оттолкнул, отпустив довольно грубую шутку насчет его запаха. Француз слабо улыбнулся в ответ и отсалютовал потемневшим крюком.

Кенни Линдсэй и старый Арч Баг разделили табак и теперь с напускным спокойствием набивали трубки. Том Кристи, бледный, как призрак, побрел в их сторону, но с трубкой в руке. Уже не впервые Роджер оценил социальные преимущества курения.

Арч, однако, заметил его, бесцельно стоящего возле лошади, и подошел поговорить. Его голос казался твердым и успокаивающим. Роджер не помнил, что Арч сказал ему и уж тем более, что ответил, но сам факт этой беседы будто снова позволил ему дышать, хотя дрожь все еще накатывала на него, как морские волны в шторм. Неожиданно Арч прекратил говорить и кивнул, глядя Роджеру через плечо:

– Иди-ка, парень. Ты ему нужен.

Роджер обернулся и увидел Джейми на дальней стороне поляны, он стоял вполоборота, облокотясь о дерево, голова задумчиво опущена. Он сделал Арчу какой-то знак? Потом Джейми огляделся и встретился глазами с Роджером. Да, он нужен был ему, и Роджер обнаружил себя рядом с

Фрэзером, совершенно не помня, как пересекал поляну.

Джейми крепко сжал его руку, и Роджер сжал в ответ.

– На пару слов, а *sliamhuinn*, – сказал Джейми и отпустил его. – Я не стал бы заводить этот разговор сейчас, но потом подходящий момент может не подвернуться, а времени откладывать нет, – его голос тоже звучал спокойно, но не так, как у Арча. Какие-то нотки надломленности были в нем. Услышав это, Роджер ощутил шершавую хватку веревки на шее и прочистил горло.

– Тогда говори, что хотел.

Джейми глубоко вздохнул и передернул плечами, будто рубашка была ему мала.

– Ребенок. Неправильно тебя спрашивать, но я должен. Чувствовал бы ты к нему то же самое, если бы знал наверняка, что он не твой?

– Что? – Роджер моргнул, совершенно сбитый с толку. – Реб... Ты имеешь в виду Джема?

Джейми кивнул, пристально глядя на Роджера.

– Ну, я... я не знаю, – ответил Роджер, несколько ошарашенный. Почему он задавал этот вопрос? И почему именно сейчас?

– Подумай.

И он думал, все время задаваясь вопросом: «Какого черта?» Очевидно, по лицу Роджера это было видно, потому что Фрэзер склонил голову, признавая, что ему нужно объясниться.

– Я знаю... что такое маловероятно, да? Но возможно. Она может быть беременна после того, что случилось ночью, понимаешь?

Теперь он понял, осознание пришло, как удар под дых. Прежде чем он успел вдохнуть для ответа, Фрэзер продолжил:

– У меня есть день или два, чтобы я мог... – Он отвел глаза, и слабый румянец проступил сквозь полосы золы, которой он раскрасил лицо. – Тогда все будет неточно, да? Как у тебя. Но... – Тесть сглотнул, и его «но» повисло в воздухе.

Джейми невольно посмотрел в сторону, и Роджер проследил за направлением его взгляда. Там, за завесой кустарника и красноватых вьюнов, была небольшая заводь, и Клэр, обнаженная, стояла на коленях на противоположном берегу, изучая свое отражение. Кровь застучала у Роджера в ушах, и он быстро отвел глаза, однако картина отпечаталась в его мозгу.

Она не была похожа на человека, это первое, о чем он подумал. Тело испещрено черными пятнами синяков, лицо неузнаваемо, она выглядела как нечто незнакомое и первобытное, экзотическое чудище из лесного

озера. Однако больше внешнего вида поражало ее поведение. Она была отстраненна и неподвижна, как бывают неподвижны деревья, даже если ветер колышет их листья.

Роджер смотрел, не в силах оторваться. Она склонилась над водой, изучая свое лицо. Волосы свисали мокрыми и спутанными прядями по спине, и она придерживала их сзади ладонью, чтобы они не мешали видеть отражение избитого лица, которое женщина очень пристально рассматривала, притом с удивительным хладнокровием.

Клэр осторожно ощупывала себя в разных местах, открывая и закрывая рот, пока подушечки пальцев исследовали контуры лица. Видимо, проверяла себя на предмет выбитых зубов и сломанных костей. Она закрыла глаза и провела пальцами по линии бровей и носа, челюсти и губ, действуя уверенно и изящно, словно пантера. Затем она решительно схватила кончик носа и резко дернула.

Роджер рефлекторно сжался, когда по ее лицу потекла кровь вперемешку со слезами, но она не издала ни звука. Желудок его болезненно сжался и, казалось, подкатил к самому горлу, нажимая на шрам от веревки.

Клэр села на пятки, тяжело дыша, и закрыла глаза, спрятав лицо в ладонях. Внезапно Роджер осознал, что она обнажена, а он продолжает пристально смотреть на нее. В лицо ему бросилась кровь, он резко отвернулся и исподтишка взглянул в сторону Джейми в надежде, что Фрэзер не заметил. Он и не заметил, потому что уже не был рядом.

Роджер дико осмотрелся вокруг, но сразу же обнаружил его. Облегчение от того, что он не был пойман за разглядыванием Клэр, тут же сменилось всплеском адреналина, когда он увидел, чем занят Фрэзер.

Он стоял возле тела на земле.

Фрэзер окинул взглядом своих людей, и Роджер почти почувствовал, с каким усилием ему удастся сдерживать эмоции. Потом яркие голубые глаза остановились на мужчине у его ног, и Роджер увидел, как Джейми делает медленный глубокий вдох.

Лайонел Браун.

Не успев даже понять, что делает, Роджер обнаружил себя пересекающим поляну. Он бессознательно встал по правую руку от Джейми, внимание его было так же приковано к мужчине на земле. Браун лежал с закрытыми глазами, но не спал. Лицо опухло и было покрыто синяками, поперх алели пятна лихорадки, но выражение едва скрываемой паники было явным в его искаженных чертах. Вполне здоровая реакция на взгляд Роджера.

Единственный выживший после ночной бойни, Браун был здесь

только лишь потому, что Арч Баг остановил молодого Йена Мюррея на полпути к тому, чтобы разmozжить ему череп томагавком. Брауну сохранили жизнь не из жалости к его травмам, а из чистого прагматизма.

– У твоего дяди будут вопросы, – констатировал Арч, сузив глаза. – Позволим ему жить до тех пор, пока он на них не ответит.

Йен ничего не сказал, просто выдернул свою руку у Арча Бага, развернулся на каблуках и исчез в дремотной тени леса, как дым.

Роджер подумал, что у Джейми было куда более бесстрастное лицо, чем у пленника. Сам он не мог угадать мысли Фрэзера по его выражению, но в этом не было нужды. Внешне мужчина напоминал камень, но что-то медленно и неумолимо пульсировало в нем. Даже просто стоять рядом с ним было страшновато.

– Что скажешь, старина? – спросил наконец Фрэзер, поворачиваясь к Арчу, стоящему с другой стороны носилок, седому и заляпанному кровью. – Сможет он ехать дальше или дорога его убьет?

Баг наклонился вперед, оценивающе рассматривая лежащего Брауна.

– Думаю, жить будет. Лицо у него красное, а не белое, и он в сознании. Хочешь забрать его с нами или задашь вопросы сейчас?

На мгновение маска спала, и Роджер, наблюдавший за Джейми, увидел в его глазах совершенно определено, что именно тот хотел бы сделать. Если бы Лайонел Браун видел то же самое, он бы вскочил со своих носилок и пустился наутек, со сломанной ногой или без нее. Но его глаза упорно оставались закрытыми, и поскольку Джейми и старый Арч говорили по-гэльски, Браун пребывал в неведении.

Не отвечая на вопрос Арча, Джейми опустил на колени и положил руку на грудь Брауна. Роджер заметил биение пульса на шее Брауна и его дыхание, быстрое и неглубокое. Между тем он держал веки плотно закрытыми, хотя глазные яблоки лихорадочно вращались под ними.

Джейми долгое время оставался без движения, оно, должно быть, показалось Брауну вечностью. Затем он издал короткий звук, нечто вроде презрительного смеха или фырканья, и поднялся.

– Заберем его с собой. Пусть еще поживет, – сказал он по-английски. – Пока.

Браун продолжал прикидываться мертвым всю дорогу до Риджа, несмотря на спекуляции мужчин, довольно кровожадного толка, которые не могли остаться неслышанными. Роджер помог отвязать его от повозки, когда путешествие подошло к концу. Его одежда и бинты были пропитаны потом, он источал запах страха.

Клэр направилась, нахмурившись, в сторону раненого, но Джейми

остановил ее, поймав за руку. Роджер не слышал, что он шепнул ей, но она кивнула и пошла с ним в дом. Секунду спустя появилась миссис Баг, необычно молчаливая, и занялась Лайонелом Брауном.

Мурдина Баг не была похожа на Джейми или старого Арча, ее мысли бежали по бескровной линии рта и сердито изогнутым бровям. Но Лайонел Браун принял воду из ее рук, глядя так, будто она была спасительным светом в конце тоннеля. Она была бы рада, подумал Роджер, убить его так же беспощадно и быстро, как тараканов, которых она выводила с кухни. Но он нужен был Джейми живым, а значит, таким и останется.

Пока.

Скрип двери вернул Роджера к реальности. Брианна!

Но это была не она. Когда он вышел, то услышал только шепот качающихся на ветру веток и падающих желудей. Конечно, сейчас она нужна Клэр.

Как и мне.

Он отогнал от себя эту мысль, но остался стоять в дверях, ветер завывал у него в ушах. Как только он вернулся и сказал, что ее мать в безопасности, она тут же ушла в Большой дом. Больше он почти ничего не сказал, но на его одежде была кровь, и она сама поняла, как обстоят дела. Бри только бегло оцупала его, чтобы убедиться, что кровь не его, прежде чем выбежать из дома.

Он осторожно прикрыл дверь и оглянулся, чтобы убедиться, что сквозняк не потревожил Джемми. У него появилось непреодолимое желание взять его на руки. И, несмотря на внушенный родительский страх разбудить спящего ребенка, взял его из колыбели. Ему это нужно было.

Сын был тяжелым и сонным в его руках. Он зашевелился, поднял голову и заморгал остекленевшими от сна голубыми глазенками.

– Все хорошо, – прошептал Роджер, похлопывая сына по спине. – Папа здесь.

Джем выдохнул, как проколота шинка, и голова его упала Роджеру на плечо, подобно пушечному ядру. Он еще раз беспокойно вздохнул, но потом засунул палец в рот и целиком обмяк, впав в то причудливое состояние, в которое часто проваливаются спящие дети. Казалось, его тело сплавляется с телом Роджера, который так обнимал сына, что тому не нужно было даже контролировать положение тела, папа все сделает за него.

Роджер закрыл глаза, чтобы не заплакать, и прижался губами к теплым волосам Джемми. Огонь отражался красными и черными тенями сквозь веки; глядя на эти пятна, ему удавалось сдерживать слезы. Было не важно, что он видел там. В его голове было несколько неприятных воспоминаний с

рассвета, но он пока что мог держать их под контролем. Значение имел только доверчивый груз в руках и его собственный шепот.

Было ли это воспоминание? Возможно, всего только желание, чтобы его так же разбудили однажды, чтобы он тут же смог заснуть в сильных руках, слыша: «Папа здесь».

Роджер глубоко вдыхал, подстраиваясь под ритм медленного дыхания Джейми, и так успокаивался. Казалось важным не зарыдать, хотя никто не мог его видеть. Джейми посмотрел на него, когда они отошли от носилок Брауна, и в его глазах читался вопрос.

– Ты ведь не думаешь, что я это делаю только ради себя? – спросил он тихо. Его взгляд метнулся к прогалине между кустов, где исчезла Клэр, и он чуть нахмурился, как будто не мог перенести смотреть туда, но и глаз отнять не мог.

– Для нее, – добавил он еще тише, так что Роджер едва расслышал. – Ей ведь тоже... будет лучше сомневаться, как думаешь? Если так случится.

Роджер вдохнул волосы Джема, искренне надеясь, что сказал верную вещь там, среди деревьев.

– Я не знаю, – ответил он. – Но для тебя, если ты не уверен, сделай это.

Если Джейми решит последовать его совету, то скоро Бри будет дома.

* * *

– Я в порядке, – уверенно ответила я. – В полном порядке.

Бри сузила глаза.

– Ну конечно, – сказала она. – Выглядишь так, будто по тебе поезд проехался. Или два.

– Да, – сказала я и осторожно коснулась рассеченной губы. – Да, но в остальном...

– Хочешь есть? Присядь, мама, я сделаю тебе чаю и приготовлю небольшой ужин.

Я не была голодна, не хотела чаю и особенно не хотела садиться – только не после целого дня в седле. Брианна уже снимала чайник с полки в буфете, и я не могла найти нужных слов, чтобы остановить ее. Неожиданно я как будто онемела. Беспомощная, я обернулась к Джейми.

Он каким-то образом понял мои чувства, хотя в нынешнем состоянии на моем лице едва ли что-то можно было прочесть. Все же он шагнул вперед и забрал чайник у нее из рук, пробормотав что-то слишком тихо,

чтобы я могла разобрать. Бри нахмурилась, посмотрела на него, потом на меня. После этого лицо ее немного разгладилось и она подошла ко мне, тревожно вглядываясь в мои глаза.

– Ванна? – спросила она спокойно. – Шампунь?

– О да, – ответила я и с благодарностью расслабила плечи. – Спасибо.

Тогда я наконец села, позволив ей намылить мои руки и ноги и вымыть мне волосы в тазу с теплой водой, которую она налила из котла, висящего над очагом. Она делала все тихо, напевая себе под нос, и я начала расслабляться под успокаивающими движениями ее сильных длинных пальцев.

Часть пути от сильного истощения я дремала, склонившись к Джейми на грудь. Но восстановить силы в седле почти невозможно, поэтому скоро я начала клевать носом, отстраненно отмечая, что вода в тазу стала грязной, мутновато-красной, в ней плавали песок и кусочки листьев.

Я переоделась в чистую рубашку, ощущение потертого льна на коже казалось роскошью, он был гладкий и прохладный. Бри по-прежнему напевала. Что же это было... Кажется, «Mr Tambourine Man». Одна из этих очаровательно глупых песен шестидеся...

Тысяча девятьсот шестьдесят восьмой.

Я резко вдохнула, и руки Бри успокаивающе обхватили мою голову.

– Мама? Ты в порядке? Я что-то задела?

– Нет! Нет, я в порядке, – ответила я, глядя вниз на клубы грязи и крови. Я глубоко вдохнула, ощущая, как колотится сердце. – В полном порядке. Просто задремала немного. Вот и все.

Она фыркнула, но убрала руки и пошла за кувшином для ополаскивания, оставив меня сидеть, ухватившись за край стола, чтобы не дрожать.

Ты не боишься мужчин. Тебе нужно казаться более напуганной. Эхо его слов отчетливо раздалось в моей голове, и я вспомнила его силуэт в отблесках от костра – львиная грива. Я не могла вспомнить его лица, но я непременно заметила бы волосы, так ведь?

Когда все кончилось, Джейми взял меня за руку и вывел из-под сени дерева на поляну. Угли от костра после боя были разбросаны вокруг, среди тел валялись почерневшие камни и клочки опаленной и смятой травы. Он медленно показывал мне трупы, один за другим. В конце он остановился и сказал спокойно:

– Видишь? Они все мертвы.

Я видела и знала, зачем он показал их мне, чтобы я не боялась, что они вернутся или станут мстить. Но мне не пришло в голову их сосчитать. Или

рассмотреть их лица. Даже если бы я знала, сколько их всего... меня снова проняла дрожь, и Бри накрыла мои плечи теплым полотенцем, бормоча нечто, что я не разобрала из-за вопросов, роившихся в голове.

Был ли Доннер среди мертвых? Или он прислушался ко мне, когда я говорила, что ему лучше уходить, если есть мозги? Он не произвел на меня впечатление умного молодого человека. Но произвел впечатление трусливого.

Теплая вода потекла по ушам, заглушая голоса Джейми и Брианны, я разобрала только пару слов. Но когда я снова села прямо, придерживая полотенце на мокрых волосах, Бри нехотя шла к своему плащу, висящему на крючке у двери.

– Ты уверена, что все в порядке, мама?

Она обеспокоенно сдвинула брови, но в этот раз я смогла выдавить из себя пару слов.

– Спасибо, милая, это было замечательно, – сказала я совершенно искренне. – Все, что мне сейчас нужно, это поспать, – добавила я уже не так уверенно.

Я все еще была ужасно уставшей, но теперь абсолютно проснувшейся. Я хотела... в общем, я и сама не вполне понимала, чего хочу, но мне точно не нужно было, чтобы надо мной хлопотали. К тому же чуть раньше я краем глаза заметила Роджера, бледного, всего в крови, качающегося от усталости. Я была не единственной жертвой недавних передраг.

– Иди домой, дочка, – сказал Джейми. Он снял плащ с крючка и накинул ей на плечи, аккуратно похлопав по спине. – Накорми своего мужчину. Уложи его в постель и помолись за него. А я позабочусь о твоей матери, хорошо?

Обеспокоенный взгляд голубых глаз Бри метался между нами, но я постаралась принять ободряющее выражение, что, кстати, оказалось, довольно больно, и после секундного замешательства она крепко меня обняла, очень осторожно поцеловав в лоб, и вышла.

Джейми закрыл дверь и встал к ней спиной, заложив назад руки. Я привыкла, что обычно он выглядел бесстрастным и хорошо скрывал свои мысли, когда злился или беспокоился, но сейчас этой маски на нем не было, и его лицо меня совсем выбило из колеи.

– Не нужно за меня переживать, – сказала я насколько могла убедительно. – Я не травмирована, ничего такого.

– Не нужно? – спросил он сдержанно. – Ну... Может, я и не стал бы, если бы знал, что ты имеешь в виду.

– О. – Я осторожно вытерла влажное лицо полотенцем и промокнула

шею. – Ну, это значит... сильно ранена или в состоянии шока. Думаю, это греческое слово. По крайней мере, корень – «травма».

– О, а? Значит, ты не... в состоянии шока. По твоим словам.

Он сузил глаза, критически оглядывая меня с головы до ног, как он обычно делал, когда собирался купить дорогую кобылу.

– Я в порядке, – ответила я, чуть отступая назад. – Просто... Я в порядке. Только немного... потрясена.

Он сделал шаг ко мне, и я резко отпрянула, внезапно осознавая, что держу перед собой полотенце, как щит. Я заставила себя опустить его и почувствовала, как прилившая кровь неприятно покалывает лицо и шею.

Он застыл, окидывая меня все тем же взглядом. Потом его взгляд опустился на пол между нами. Он стоял, как будто глубоко погружившись в собственные мысли, а потом его большие руки сжались. Раз, второй. Очень медленно. И я услышала, совершенно отчетливо, как расходятся позвонки Арвина Ходжепила.

Джейми удивленно дернул головой, и я поняла, что стою с другой стороны стула от него и прижимаю ко рту скомканное полотенце. Мои локти двигались, как ржавые шестеренки, медленно и неуклюже, но я сумела опустить полотенце. Губы тоже как будто занемели, но я заставила себя говорить.

– Я немного потрясена, да, – сказала я очень четко. – Я справлюсь. Не беспокойся, я не хочу, чтобы ты беспокоился.

Тревожная настырность в его глазах вдруг задрожала и лопнула, как оконное стекло, в которое бросили камень, за секунду до падения. Он зажмурился, потом сглотнул и снова открыл глаза.

– Клэр, – сказал он очень мягко, и острые кривые осколки явно сверкнули в его взгляде. – Меня тоже насиловали. И ты просишь не беспокоиться за тебя?

– О, проклятье! – Я швырнула полотенце на пол и тут же пожалела о потере. В рубашке я казалась себе голой, и внезапно возникшие мурашки вызвали у меня такую ненависть, что мне пришлось с силой хлопнуть себя по бедру, чтобы избавиться от них.

– Проклятье, проклятье, проклятье! Я не хочу, чтобы ты снова об этом думал. Не хочу!

И все же я сразу знала, что так и будет.

Я схватила спинку кресла обеими руками и крепко сжала, стараясь не отводить взгляд от этих сверкающих осколков, желая броситься на них, только чтобы оградить его.

– Послушай, – сказала я, пытаюсь контролировать свой голос. – Я не

хочу... не хочу, чтобы ты вспоминал вещи, которые лучше забыть.

Уголок его рта вдруг дернулся.

– Господи, – произнес он. – Ты думаешь, я что-то из этого забыл?

– Может, и нет, – сказала я, сдаваясь. Я смотрела на него сквозь пелену слез. – Но... Джейми, я так хотела, чтобы ты забыл.

Он очень осторожно вытянул руку и коснулся кончиком указательного пальца моего в том месте, где я сжала его на спинке стула.

– Не думай об этом, – сказал он мягко и убрал палец. – Теперь это уже не важно. Хочешь отдохнуть, саксоночка? Или, может, поесть?

– Нет, я не хочу... нет.

На самом деле я не могла решить, чего я хочу. Я вообще ничего не хотела. Разве что вылезти из собственной кожи и убежать, может, это не так уж невозможно? Я сделала несколько глубоких вдохов, надеясь успокоиться и вернуться в приятное состояние полного изнеможения.

Стоит ли мне спросить о Доннере? Но о чем тут было спрашивать? «Не убивал ли ты случайно человека с длинными взлохмаченными волосами?» Они все в некоторой степени подходили под это описание. Доннер был или, возможно, остается и сейчас индейцем, но никто не заметил бы этого в темноте, в самом разгаре схватки.

– Как... как там Роджер? – спросила я, не придумав ничего лучше. – А Йен? Фергус?

Он выглядел несколько ошарашенно, будто забыл об их существовании.

– Они? С парнями все хорошо. Никто из них не пострадал в драке. Нам повезло.

Джейми немного замешкался, потом сделал осторожный шаг по направлению ко мне, наблюдая за моим лицом. Я не кричала и не убегала, и он снова шагнул, приблизившись так близко, что я почувствовала тепло его тела. Не отшатнувшись на сей раз и дрожа в своей влажной рубашке, я немного расслабилась, качнувшись в его сторону, и заметила, как его плечи опустились после моего движения. Он очень бережно коснулся моего лица. Кровь болезненно пульсировала под кожей, и я с трудом сдержалась, чтобы не уклониться от его прикосновения. Джейми увидел это и немного отодвинул руку, так что она словно парила над моей кожей. Я чувствовала жар его ладони.

– Это заживет? – спросил он, проводя кончиками пальцев над рассеченной левой бровью, а затем спускаясь вдоль минного поля моей щеки к царапине на нижней челюсти, где ботинок Харли Бобла как раз пролетел мимо цели, он должен был сломать мне шею.

– Конечно, заживет. Ты это и сам знаешь, ты видел вещи и похуже на полях сражений. – Я бы улыбнулась в подтверждение своих слов, но не хотела снова тревожить глубокую трещину на губе, поэтому вытянула губы вперед, зашлепав ими на манер золотой рыбки, что застало его врасплох и заставило улыбнуться.

– Ага, я знаю. – Он склонил голову в нерешительности. – Только... – Рука по-прежнему парила возле моего лица, его собственное выражало тревогу. – О боже, mo nighean donn, – тихо сказал он. – О господи, твое очаровательное личико.

– Тебе невыносимо смотреть на это? – спросила я, отводя глаза и испытывая внезапную острую боль от этой мысли, но стараясь убедить себя, что это не имеет значения. В конце концов, все заживет.

Его палец аккуратно, но решительно коснулся моего подбородка и приподнял его, так что я снова оказалась с ним лицом к лицу. Он немного сжал губы, пока его взгляд скользил по моему избитому лицу, отмечая повреждения. Глаза казались мягкими и темными в пламени свечи, глубоко в уголках затаилось страдание.

– Да, – решительно произнес он, – мне это невыносимо. Один взгляд на тебя разрывает мне сердце. И это наполняет меня такой яростью, что мне хочется убить кого-нибудь или взорваться. Но, клянусь Богом, который создал тебя, саксоночка, я не лягу с тобой, не будучи способным посмотреть на твое лицо.

– Ляжешь со мной? – переспросила я беспомощно. – Что... ты имеешь в виду? Сейчас?

Его рука оставила мой подбородок, но он без отрыва, не мигая, смотрел на меня.

– Ну... да. Сейчас.

Будь челюсти менее опухшими, мой рот открылся бы в от удивления.

– Но... почему?

– Почему? – повторил он. Потом отвел взгляд и странно пожал плечами, как он делал, когда был смущен или расстроен. – Я... в общем... мне кажется, это... необходимо.

Я совершенно неуместно рассмеялась.

– Необходимо? Ты думаешь, это похоже на падение с лошади? И мне нужно побороть страх и снова забраться в седло?

Он вскинул голову и бросил на меня яростный взгляд.

– Нет, – сказал он сквозь стиснутые зубы, а потом заметно и с усилием сглотнул, явно сдерживая эмоции. – Так значит, ты... Ты сильно пострадала?

Я расширила глаза, насколько это было возможно с опухшими веками.

– Это что, какая-то шутка? Ооо... – До меня наконец начало доходить, что он имел в виду. Я ощутила, как кровь бросилась мне в лицо и синяки запульсировали. Я сделала глубокий вдох, чтобы говорить уверенно.

– Меня сильно избили, Джейми, и насиловали разными отвратительными способами. Но только один... Там был только один, кто действительно... Он... Он не был... груб. – Я сглотнула, но плотный комок в горле не сдвинулся с места. От слез все поплыло, так что я не могла разглядеть его лицо и отвела взгляд, моргая.

– Нет! – воскликнула я, и мой голос прозвучал значительно громче, чем мне хотелось. – Я не... пострадала.

Джейми сказал что-то по-гэльски себе под нос, короткое и темпераментное, и оттолкнулся от стола. Табурет упал с оглушительным грохотом, и он пнул его. Он продолжал пинать его снова и снова и крушил с таким неистовством, что кусочки дерева разлетались по всей кухне и с коротким свистом ударялись о стенку буфета.

Я сидела совершенно неподвижно, слишком потрясенная и оцепеневшая, чтобы испытывать страдание. Но ведь я рассказала ему... Он знал, без сомнения. Он спросил, когда нашел меня: «Сколько?» А затем приказал: «Убейте их всех».

Но с другой стороны... Знать о чем-то – это одно, узнать подробности – совсем другое. Я понимала это и наблюдала со смутным чувством виноватого сожаления, как он распинаял обломки табурета и бросился к окну. Оно было закрыто, но он стоял, вцепившись руками в подоконник, повернувшись ко мне спиной и сдвинув плечи. Я не могла понять, плачет ли он.

Поднялся пришедший с запада сильный ветер. Застучали ставни, и притушенный на ночь огонь в очаге стал плевать сажей, когда завывало в дымоходе. Потом порывы утихли, и звуки почти исчезли, кроме тихого и редкого хруста раскаленного угля.

– Прости, – произнесла я, наконец, тонким голосом.

Джейми резко крутанулся на каблуках и уставился на меня. Сейчас он не плакал, но плакал до этого – щеки были мокрыми.

– Не смей извиняться! – взревел он. – Чтобы этого не было, слышишь? – Он сделал огромный шаг к столу и грохнул по нему кулаком с такой силой, что солонка подпрыгнула и перевернулась. – Не извиняйся.

При ударе я рефлекторно закрыла глаза и теперь заставила их снова разлепить.

– Ладно, – ответила я и опять почувствовала себя чудовищно,

невероятно уставшей и тоже хотела зарыдать. – Не буду.

Повисла тяжелая тишина. Я слышала, как сорванные ветром каштаны сыпятся в роще за домом. Один, второй, третий – поток маленьких приглушенных ударов. Джейми сделал глубокий дрожащий вдох и вытер лицо рукавом.

Я положила локти на стол и опустила на них голову. Она внезапно показалась мне слишком тяжелой.

– Необходимо, – более-менее спокойно сказала я столешнице. – Что ты хочешь этим сказать – необходимо?

– Тебе не приходило в голову, что ты могла забеременеть?

Он уже взял себя в руки и произнес это так же спокойно, как мог спросить о том, собираюсь ли я подать бекон к каше на завтрак. Совершенно оглушенная, я подняла на него глаза.

– Я не беременна, – но руки машинально метнулись к животу. – Нет, – повторила я с напором. – Я не могу быть.

Хотя вообще-то такая вероятность существовала. Шанс был очень мал, и все же он был. Обычно я использовала кое-какие методы контрацепции, просто на всякий случай, но очевидно...

– Я не беременна. Я бы знала.

Он едва взглянул на меня, подняв брови. Не знала бы, не так скоро. Если бы мужчин было несколько... было бы место сомнению. Преимущества сомнений – вот что он мне предлагал, это и себя самого.

Глубокая дрожь поднялась из недр моего чрева, обняв все тело, покрыв его мурашками, несмотря на то, что в комнате было тепло.

«Марта», – шептал мужчина, прижимая меня в листья всей тяжестью своего тела.

– Черт, черт, – ругнулась я тихо. Я положила руки на стол, ладонями вниз, пытаюсь подумать.

«Марта», – застарелый грязный запах, давление мясистых влажных бедер, трение жестких волос...

– Нет! – Мои ноги и ягодицы так плотно сжались в спазме отвращения, что я на дюйм или два приподнялась над скамьей.

– Ты могла... – начал Джейми упрямо.

– Я не беременна, – повторила я так же упрямо. – Но даже если и так, ты не можешь, Джейми.

Он посмотрел на меня, и я увидела страх в его глазах. Меня пронзило осознание того, что именно этого он и боялся. Или, по крайней мере, этого тоже.

– Я имею в виду, мы не можем, – добавила я быстро. – Я почти

уверена, что не беременна, но совсем не уверена, что меня не наградили какой-нибудь заразой. – Эта мысль тоже до сих пор не приходила мне в голову, и мурашки вернулись с новой силой. Беременность была маловероятной, а вот гонорея или сифилис – нет. – Мы не можем до тех пор, пока я не пройду курс пенициллина.

Уже договаривая, я поднималась со скамьи.

– Куда ты идешь? – ошарашенно спросил он.

– В кабинет!

В коридоре было темно, а очаг в кабинете не разожжен, но это меня не остановило. Я распахнула дверь шкафа и стала лихорадочно рыться внутри. Мне на плечо упал луч света, освещая ряд поблескивающих бутылочек. Джейми зажег лучину и зашел вслед за мной.

– Что, ради всего святого, ты творишь, саксоночка?

– Пенициллин, – ответила я, хватая одну из бутылочек и кожаный мешочек, в котором я хранила шприцы из змеиных зубов.

– Сейчас?

– Да, черт возьми, сейчас! Можешь зажечь свечу?

Он сделал это, и свет задрожал, превратившись в желтый теплый шар, поблескивающий на кожаных трубках самодельных шприцов. К счастью, у меня в запасе имелась хорошая порция раствора пенициллина. Жидкость в бутылке была розовой – плесень из этой партии я растила на выдохшемся вине.

– Ты уверена, что сработает? – тихо спросил Джейми из темноты.

– Нет, – коротко отозвалась я. – Но это все, что у меня есть. – Мысль о спирохетах, неторопливо размножающихся в моей крови каждую секунду, заставила руки задрожать. Я подавила страх, что пенициллин может оказаться неэффективным. Он творил чудеса с простыми поверхностными инфекциями. Нет никаких причин думать, что он...

– Давай я сделаю это, саксоночка. – Джейми взял шприц у меня из рук. Мои пальцы были скользкими и неуклюжими, его – уверенными. Лицо в отблеске свечи выглядело спокойным, пока он наполнял шприц.

– Мне первому, – сказал он, возвращая шприц.

– Тебе? Но тебе не нужно... Я имею в виду, ты же ненавидишь инъекции, – закончила я слабым голосом.

Он коротко фыркнул и насупился.

– Послушай, саксоночка, если я хочу побороть твои и свои страхи, а я хочу, то бояться иглоек мне как-то не к лицу, верно? Сделай это! – Он повернулся ко мне боком, наклонился и, поставив один локоть на столешницу, задрал край килта, обнажая мускулистую ягодицу.

Я не знала, смеяться или плакать. Можно было продолжить спорить, но, взглянув на него, стоящего с голой задницей и упертого, как скала, я поняла, что это бессмысленно. Он уже принял решение, и нам обоим придется жить с его последствиями.

Вдруг странно успокоившись, я подняла шприц, аккуратно сжимая его, чтобы удалить пузырьки воздуха.

– Тогда перенеси вес, – сказала я, грубо подталкивая его. – Расслабь эту сторону, я не хочу сломать иглу.

Он с шипением вдохнул: игла была толстой, и внутри было достаточно винного спирта, чтобы сделать инъекцию болезненной, в чем я убедилась минутой позже, когда вводила лекарство себе под кожу.

– Ай! Ой! Ох, Иисус твою Рузвельт Христос! – воскликнула я, сжимая зубы, когда вытаскивала иглу из бедренной мышцы. – Господи, как больно!

Джейми криво улыбнулся, все еще растирая задницу.

– Ай, что ж. Вторая часть уж точно не будет хуже.

Вторая часть. Я внезапно почувствовала какую-то пустоту внутри и головокружение, как будто не ела неделю.

– Ты... ты уверен? – спросила я, откладывая шприц.

– Нет, – ответил Джейми. – Не уверен. – Потом он глубоко вдохнул и посмотрел на меня, выражение лица было не разобрать в неверном пламени свечи. – Но я намерен попробовать. Я должен.

Глядя на него, я разглаживала льняную рубашку на проколоте бедре. Он уже давно сбросил все маски: сомнение, злость, страх ясно отражались в его чертах. Я вдруг подумала, что сейчас даже мои собственные эмоции было труднее прочесть, они были скрыты под синяками.

Что-то мягко коснулось моей ноги с негромким «мурр!», и я посмотрела вниз, чтобы увидеть Адсо, который притащил мне мертвую полевку, без сомнения, в знак своей любви. Я приподняла край рта, губы зашипало, потом подняла глаза на Джейми и растянулась в настоящей улыбке, позволяя ране снова разойтись и чувствуя серебряный привкус крови на языке.

– Ладно... Ты всегда кончал для меня со всеми проблемами, когда я в этом нуждалась. Думаю, справишься и сейчас.

Мгновение Джейми выглядел озадаченным, не ухватив двусмысленной шутки. Потом до него дошло, и он покраснел. Губы неопределенно дернулись несколько раз, как будто он не мог выбрать – потрясла я его или насмешила.

Я подумала, что он отвернулся, чтобы скрыть свое лицо, но на самом деле он сделал это только для того, чтобы заглянуть в шкаф. Джейми

нашел, что искал, и повернулся ко мне с бутылкой моего лучшего мускатного вина, тускло поблескивающей в темноте. Он зажал ее локтем и тут же достал вторую.

– Да, кончу, – сказал он, протягивая мне свободную руку. – Но если ты думаешь, что хоть один из нас будет при этом трезвым, Саксоночка, ты сильно ошибаешься.

* * *

Порыв ветра из открытой двери пробудил Роджера от беспокойного сна. Он уснул сидя на скамье – ноги вытянуты на полу, Джемми теплым калачиком свернулся на груди. Он растерянно заморгал, когда Брианна наклонилась, чтобы забрать мальчика.

– Там дождь? – спросил он, уловив запах влаги и озона от ее плаща. Он сел прямее и провел ладонью по лицу с отросшей четырехдневной щетиной, чтобы проснуться.

– Пока нет, но скоро начнется. – Она уложила Джема обратно в кроватку, укрыла его и сняла плащ, прежде чем вернуться к Роджеру. Брианна пахла ночью, и ее рука на его горячей щеке была холодной. Он обхватил руками ее талию и уткнулся в нее головой, вздыхая. Он был бы счастлив сидеть так вечно, ну, или по крайней мере еще час-другой. Она коротко и нежно погладила его голову, а потом отошла, чтобы зажечь свечу от очага.

– Ты, должно быть, умираешь с голоду. Приготовить тебе что-нибудь?

– Нет. То есть... да. Пожалуйста.

Последние остатки сна испарились, как только он понял, что действительно очень хочет есть. После остановки у ручья они больше не делали привалов, Джейми не терпелось вернуться домой. Роджер не мог вспомнить, когда ел в последний раз, но до этой минуты не ощущал даже намека на голод.

Он набросился, как дикий зверь, на хлеб с маслом и джемом, которые она принесла ему. Он ел совершенно бездумно, и прошло несколько минут, прежде чем он, дожевывая последний кусок, догадался спросить ее:

– Как твоя мать?

– В порядке, – ответила она, необычайно похоже изображая Клэр с ее по-английски твердой верхней губой. – В полном порядке. – Она гримасничала, и Роджер тихо засмеялся, машинально оглядываясь на детскую кроватку.

– Так все-таки?

Бри изогнула бровь, глядя на него.

– А ты как думаешь?

– Нет, – признал он, становясь серьезней. – Но вряд ли скажет тебе правду. Она не хочет, чтобы ты беспокоилась.

Она издала грубоватый гортанный звук в ответ на это замечание и повернулась к нему спиной, откидывая с шеи копну волос.

– Поможешь мне со шнуровкой?

– Ты звучишь прямо как твой отец, когда делаешь этот звук, – только выше. Тренировалась? – Он поднялся и расслабил завязки на платье, а потом занялся и корсетом. Подчиняясь импульсу, Роджер запустил руки под платье и положил их на теплую округлость ее бедер.

– Каждый день. А ты тренировался? – Она наклонилась назад, прижимаясь к нему, и его руки поднялись вверх, обхватывая груди.

– Нет, – признал он. – Это больно.

Это была идея Клэр: он должен был распеваться, повышая и понижая голос, чтобы расслабить связки и, если повезет, вернуть его оригинальное звучание.

– Трус, – сказала она, но голос прозвучал так же мягко, как прикосновение ее волос к его щеке.

– Да, так и есть, – ответил Роджер тихо. Было больно, но его тревожила не физическая боль. Эхо его прежнего голоса внутри, его мощь и легкость, оказывалось рядом с невразумительными звуками, которые теперь с таким трудом извлекались из горла: хрипы, писк и клочкотание. «Как будто подыхающая свинья пытается перекричать ворону», – подумал он с отвращением.

– Это они трусы, – сказала Бри по-прежнему мягко, но в голосе зазвучали железные нотки. Она слегка напряглась в его объятиях. – Ее лицо! Ее бедное лицо! Как они могли? Как вообще кто-то может сделать нечто подобное?

Ему неожиданно привиделась Клэр, обнаженная, сидящая у пруда: грудь залита кровью из только что вправленного носа. Он подался назад, почти отдернув руки от ее груди.

– Что? – спросила Бри удивленно. – В чем дело?

– Ни в чем. – Он вытащил руки из-под платья и отступил назад. – Я эээ... Есть у нас молоко?

Брианна странно посмотрела на него, но сходила в кладовую у заднего двора и принесла кувшин молока. Роджер жадно пил, пока она по-кошачьи внимательно наблюдала за ним, раздеваясь и облачаясь в сорочку.

Бри присела на кровать и стала расчесывать волосы, чтобы заплести на ночь в косу. Повинуясь порыву, он потянулся к ней и забрал щетку. Он без слов запустил пальцы в гущу ее волос, приподнимая их и убирая от лица.

– Ты такая красивая, – шептал он, чувствуя, как слезы снова защипали глаза.

– Ты тоже. – Она положила руки ему на плечи и осторожно опустила его на колени перед собой. Бри вопросительно заглядывала ему в глаза, и он, как мог, старался не отводить взгляд. Тогда она слегка улыбнулась и потянулась к шнурку, который стягивал его волосы.

Они рассыпались по его плечам пыльным черным облаком, источая запах гари, лошадей и несвежего пота. Он запротестовал, когда она взяла расческу, но Бри не обратила на это внимания и заставила его склонить голову к ней на колени, пока она выбирала сосновые иглы и колючки паслена из его волос, медленно расчесывая спутанные пряди. Его голова опускалась все ниже и ниже, и в конце концов он уткнулся в ее бедра, вдыхая знакомый аромат.

Это напомнило ему средневековые полотна: преклоняющие колена грешники, головы покаянно опущены. Пресвитериане не исповедуются на коленях, так делают только католики. В такой же темноте, скрытые от чужих глаз.

– Ты не спросила меня, что случилось, – прошептал он наконец в темноту ее бедер. – Отец рассказал тебе?

Роджер слышал ее участившееся дыхание, но голос казался спокойным, когда она ответила.

– Нет.

Она больше ничего не сказала, и в комнате повисло молчание, нарушаемое лишь шорохом расчески, скользящей по волосам, да воем ветра снаружи.

Неожиданно Роджер подумал о том, как все идет у Джейми. Тест действительно сделает, что хотел? Попробует... Он отогнал от себя мысль, не в силах додумать ее до конца. Вместо этого ему снова вспомнилась Клэр, выходящая из рассвета, опухшее лицо как маска. По-прежнему она, но скрытая, неясная, будто дальняя планета на орбите, что уходит в просторы открытого космоса... Когда она вернется? Вот Клэр наклоняется, чтобы коснуться мертвых, так хочет Джейми, теперь она знает, какая цена заплачена за ее поруганную честь.

Ему вдруг пришло в голову, что дело не в ребенке. Это был страх, но боялся Джейми не этого. Он боялся, что потеряет ее, что она уйдет от него, погрузится в эту пустоту и темноту без него, если ему не удастся как-

нибудь привязать ее, оставить при себе. Но, боже мой, какой риск, когда женщина так потрясена и искалечена, как он может так рисковать?

Как ему не рисковать?

Брианна опустила расческу, но оставила ладонь у него на голове, нежно перебирая волосы. Ему был слишком хорошо знаком этот страх, он отлично помнил ту пропасть, что однажды разверзлась между ними, и сколько потребовалось смелости, чтобы преодолеть ее. Потребовалось им обоим.

Может, он и был трусом в некотором смысле, но не таким трусом.

– Брианна, – сказал он и почувствовал комок в горле, почувствовал шрам от веревки. Она услышала мольбу в его голосе и, когда он поднял голову, посмотрела на него, протягивая руку к лицу. Роджер крепко схватил ее ладонь, прижал к щеке и потерялся о нее.

– Брианна, – повторил он.

– Что? Что такое? – Ее голос был тихим, чтобы не разбудить малыша, но полным тревоги.

– Брианна, ты поймешь меня?

– Ты знаешь, что пойму. В чем дело?

Ее тело было очень близко, готовое утешить, и он желал ее так страстно, что лег бы прямо здесь, на ковре у очага, и зарылся лицом в ее грудь. Но пока нельзя.

– Просто... Послушай то, что я должен рассказать. А потом, молю, скажи, что я поступил правильно.

Он имел в виду, что она должна сказать, что все еще любит его, но не мог этого произнести.

– Тебе не обязательно рассказывать мне, – прошептала Бри. Ее глаза были темными и мягкими, бездонными, заранее всепрощающими. И где-то за ними он увидел другую пару глаз, пьяных глаз, что смотрели на него сначала ошарашенно, а потом, когда он занес руку для решающего удара, с испугом.

– Обязательно, – спокойно сказал он. – Задуй свечу.

* * *

Не на кухне, она все еще хранит следы эмоционального взрыва. И не в кабинете, с его острыми углами воспоминаний. Джейми замялся, потом кивнул в сторону лестницы и приподнял одну бровь. Я кивнула в ответ и последовала за ним в спальню.

Она казалась одновременно знакомой и чужой, так случается, когда отлучаешься на время из дома. Может, это из-за моего сломанного носа или я просто вообразила запах, но пахло тоже странно, холодом и какой-то затхлостью, хотя комнату недавно убрали. Джейми поорудовал кочергой, и вокруг разлился свет, освещая бревенчатые стены, запахи дыма и горячей смолы помогли заполнить пустоту.

Ни один из нас не посмотрел в сторону постели. Джейми зажег свечу на туалетном столике, поставил два стула возле окна и открыл ставни в беспокойную ночь. Он принес две оловянных кружки снизу и теперь наполнил их, поставив вместе с бутылками на широкий подоконник.

Я стояла в дверном проеме, наблюдая за приготовлениями, и чувствовала себя очень-очень странно. Во мне самым причудливым образом боролись противоречивые чувства. С одной стороны, мне казалось, будто Джейми – чужак. Я не могла даже представить себе, не говоря о том, чтобы вспомнить, что можно испытывать легкость, прикасаясь к нему. Его тело больше не было естественным продолжением моего, оно стало чем-то незнакомым, недоступным. В то же время я ощущала приходящие без всякого предупреждения приступы похоти. Это происходило весь день. Они были совсем не похожи на привычно разгорающееся желание или на внезапную вспышку страсти. Не напоминали даже ту цикличную, неосознанную, полностью телесную нужду, которая волнами расходилась изнутри, диктуя потребность в спаривании. Это было пугающе.

Он наклонился, чтобы подкинуть еще одно полено в огонь, и я едва не упала, потому что вся кровь отлила от лица. Свет горел на рыжих волосах его предплечий, подчеркивал тени на лице...

Это было абсолютно обезличенное чувство сумасшедшего голода, оно овладело мной, но не было частью меня и потому приводило в ужас. Я боялась его и по этой причине избегала прикосновения Джейми, боялась больше возможного отчуждения.

– Ты в порядке, саксоночка? – Он заметил выражение моего лица и подошел чуть ближе, хмурясь. Я вытянула руку, чтобы остановить его.

– В порядке, – ответила я, задыхаясь. Я поспешно села, колени вдруг превратились в кисель, и взяла одну из кружек с вином. – Будем!

Его брови поползли вверх, но он пошел к стулу напротив.

– Будем, – сказал он тихо и поднес свою кружку к моей.

Я ощущала тяжесть сосуда в руке и чувствовала сладковатый запах вина.

Пальцы на руках и ногах были ледяными, как и кончик носа. Это изменение тоже случилось очень резко. В следующую минуту я, быть

может, начну страдать от жара, взмокну и разругаюсь. Но сейчас мне было холодно, и я поежилась от влажного ветра, дующего из окна.

Запах вина был достаточно сильным, чтобы произвести эффект даже на мои онемевшие рецепторы. Его сладость успокаивала нервы и желудок. Первую кружку я выпила быстро и тут же налила вторую, отчаянно желая отделить себя от реальности завесой легкого забытья.

Джейми пил медленнее, но наполнил свою кружку вместе со мной. Обитый кедром сундук нагрелся от огня и начал источать приятный знакомый аромат. Джейми поглядывал на меня время от времени, но ничего не говорил. Молчание между нами точно не было неловким, но в нем ощущалось напряжение.

Я знала, что нужно что-то сказать. Но что? Маленькими глотками я допивала вторую кружку, терзая свой мозг. Наконец я протянула руку и прикоснулась к его носу там, где тонкая линия давно зажившего перелома оставила белый след на коже.

– Знаешь, – произнесла я, – ты никогда не рассказывал мне, как сломал нос. Кто это сделал?

– Ах, это? Никто. – Он улыбнулся, немного смущенно трогая шрам. – Мне повезло, что перелом оказался такой ровный, тогда я не придал этому никакого значения.

– Надо думать. Ты сказал...

Я прервалась, внезапно вспомнив его давние слова. Когда я снова нашла его в типографии в Эдинбурге, я спросила, когда он сломал нос. Он ответил: «Примерно через три минуты после того, как видел тебя в последний раз, саксоночка». Накануне Каллодена, тогда, на том скалистом шотландском холме, чуть ниже круга стоящих камней.

– Извини, – сказала я чуть тише. – Ты, наверное, не хочешь думать об этом, да?

Он завладел моей свободной рукой, сжал ее и посмотрел на меня.

– Ты можешь узнать все, – сказал Джейми. Его голос был очень тихим, но он встретил мой взгляд прямо. – Все, что угодно. Все, что когда-либо происходило со мной. Если тебе это нужно, если это поможет тебе, я пройду через это снова.

– Господи, Джейми, – произнесла я мягко. – Нет, мне не нужно этого знать. Все, что я хочу знать, так это то, что ты покончил с этим. Что ты в порядке... Но... – я замаялась. – Расскажу ли я тебе?

Я имела в виду, расскажу ли я о том, что делали со мной. И он знал это. На секунду Джейми отвел глаза, хотя продолжал держать мою руку в своих ладонях, баюкая ее и касаясь пальцами разбитых костяшек.

– А ты должна?

– Думаю, да. Когда-нибудь. Но не сейчас, если только ты... не хочешь услышать все. – Я сглотнула, – перед тем, как...

Он осторожно покачал головой, по-прежнему не глядя на меня.

– Не сейчас, – прошептал он. – Не сейчас.

Я отняла свою руку и допила вино из кружки, густое, резкое, теплое, с привкусом виноградных шкурок. Меня перестало кидать из жара в холод, теперь я ощущала только спокойное тепло и была за это благодарна.

– Твой нос, – сказала я и налила еще вина. – Расскажи мне об этом. Пожалуйста.

Он слегка передернул плечами.

– Ай, что ж. Там были два английских солдата, очевидно, проводили разведку в округе. Думаю, они не ожидали там кого-то найти – у обоих мушкеты были не заряжены, иначе я не остался бы в живых.

Он говорил довольно бесстрастно. Меня пробрала легкая дрожь, но не от холода.

– Они заметили меня, а потом один из них заметил тебя наверху. Он закричал и бросился в твою сторону, но я сбил его с ног. Мне было все равно, что произойдет, главное, чтобы ты оказалась в безопасности, поэтому я просто кинулся на него и воткнул дирк ему в бок. Но случайно попал в коробку с патронами, лезвие застряло и... – он криво усмехнулся. – Пока я пытался его вытащить и попутно не умереть, подоспел его дружок и двинул мушкетом мне по лицу.

Свободная рука Джейми напряглась, сжимая воображаемую рукоятку. Я вздрогнула, теперь слишком хорошо понимая, на что похоже это ощущение. От его рассказа мой нос запульсировал. Я фыркнула, осторожно потерла его тыльной стороной ладони и налила еще вина.

– Как ты выбрался?

– Я отнял у него мушкет и забил их обоих до смерти.

Он говорил спокойно, почти бесцветно, но был в его голосе какой-то странный обертон, который заставлял мой желудок пугливо сжиматься. Воспоминание о каплях крови, блестящих на его руке в рассветных лучах, было слишком свежим. И слишком свежим был этот обертон... Что в нем звучало? Удовлетворение?

Внезапно я стала слишком беспокойной, чтобы усидеть на месте. Еще секунду назад мои кости, казалось, плавились от усталости, а теперь мне хотелось двигаться. Я встала и облокотилась на подоконник. Надвигалась буря: холодный ветер сдувал с лица недавно вымытые волосы, вдалеке сверкали молнии.

– Мне жаль, саксоночка, – сказал Джейми обеспокоенно. – Не стоило тебе рассказывать. Тебя это задело?

– Задело? Нет, не это.

Я говорила отрывисто. Почему я вообще спросила именно про его нос? Почему именно сейчас, после того как безмятежно жила в неведении последние несколько лет?

– Тогда что тебя растревожило? – спокойно спросил он.

Меня растревожил тот факт, что вино отлично подействовало как анестетик, а теперь я все испортила. Картины прошлой ночи вернулись ко мне во всей своей неприглядности вместе с этим простым предложением, констатацией факта: «Я отнял у него мушкет и забил их обоих до смерти». И непроизнесенное эхо этих слов: «Я убиваю для нее».

Казалось, меня вот-вот стошнит. Но я сделала большой глоток вина, игнорируя позыв, даже не распробовала его, проглатывая настолько быстро, насколько могла. Я мрачно выслушала, как Джейми в очередной раз спросил меня о том, что меня беспокоит, и обернулась, вперившись в него взглядом.

– Что беспокоит меня? Беспокоит! Какое дурацкое слово! Что абсолютно сводит меня с ума, так это то, что я была никем, ничем! Теплое местечко под рукой с парой шаров для тисканья. Ей-богу, я была просто дыркой!

Я стукнула по подоконнику кулаком, затем, раздраженная слабостью удара, схватила кружку, развернулась и швырнула ее в противоположную стену.

– С Черным Джеком Рэнделлом ведь было не так, правда? – требовательно спросила я. – Он знал тебя, не так ли? Он смотрел на тебя, когда это происходило, это было не то же самое, как если бы ты был никем. Он хотел именно тебя.

– Боже мой, неужели ты думаешь, что так лучше? – выпалил он и уставился на меня диким взглядом.

Я остановилась, переводя дыхание, голова кружилась.

– Нет. – Я упала на табурет и закрыла глаза, чувствуя, как комната надвигается на меня со всех сторон, расцвеченная огнями, словно карусель, под моими веками. – Нет. Не думаю. Я думаю, Джек Рэнделл был чертовым социопатом, первоклассным извращенцем, а они... они... – я потрясла рукой, не в силах подобрать подходящее слово, – они были просто... мужчины.

Я произнесла последнее предложение с отвращением, которое было слишком очевидным.

– Мужчины, – повторил Джейми, его голос прозвучал странно.

– Мужчины, – сказала я, открыв глаза. Они были горячими, и я подумала, что выглядеть они должны примерно как у опоссума в свете факела – полыхать красным.

– Я пережила гребаную мировую войну, – сказала я низко и зло. – Я потеряла ребенка. Потеряла двоих мужей. Я страдала от голода в армии, бывала избита и ранена, меня защищали и предавали, сажали в тюрьму, на меня нападали. И я, мать твою, выжила! – Я говорила все громче, но не в силах была остановиться. – И теперь я сломаюсь из-за того, что какие-то гнусные, ничтожные, жалкие подобию мужиков воткнули свои грязные маленькие отростки мне между ног и поерзали там?! – Я поднялась, вцепилась в край умывальника и перевернула его, с грохотом опрокидывая таз, большой кувшин и горящую свечу, которая тут же погасла.

– Так вот, этому не бывать, – закончила я совершенно спокойно.

– Грязные маленькие отростки? – повторил он оторопело.

– Я не о твоём, – сказала я. – Я не имела в виду твой. К твоему я отношусь хорошо. – Потом я села и разрыдалась.

Джейми обнял меня, медленно и нежно. Я не вздрогнула и не отшатнулась, и он прижал мою голову к себе, стирая слезы, застревая пальцами в ворохе спутанных волос.

– Боже, ты храброе маленькое создание, – пробормотал он.

– Нет, – сказала я, прикрыв глаза. – Совсем нет. – Я схватила его руку и, зажавшись, прижала к своему рту.

Я слепо терлась растрескавшимися губами о костяшки его пальцев – они были опухшими, такими же разбитыми, как мои. Потом коснулась языком его кожи, ощущая вкус мыла, пыли и серебро царапин, отметин, оставленных сломанными костями и выбитыми зубами. Прижала пальцы к венам под кожей запястья, мягким и упругим, к твердым линиям костей под ними. Я чувствовала пульсацию сосудов, жаждала войти в его кровоток, раствориться и плыть невидимо внутри, находя убежище в камерах его сердца. Но я не могла.

Я скользнула ладонью под его рукав, исследуя, прижимаясь, заново изучая его тело. Прикоснулась к волосам под мышкой и погладила их, удивляясь тому, какие они мягкие.

– Не уверена, что трогала тебя здесь раньше...

– Не думаю, что такое бывало, – ответил он, нервно улыбаясь. – Я бы запомнил. О! – Рука Джейми покрылась мурашками, и я прижалась лбом к его груди.

– Худшее то, – произнесла я, уткнувшись в его рубашку, – что я знала

их. Каждого из них. И я помню их. И чувствую вину за то, что они мертвы.

– Нет, – сказал он негромко, но очень решительно. – Они мертвы из-за меня, саксоночка. И из-за собственных преступлений. Если есть вина, то пусть она останется на них. Или на мне.

– Не только на тебе, – сказала я, мои глаза все еще были закрыты. Темнота и умиротворение. Я слышала свой голос, отстраненный, но твердый, и смутно задавалась вопросом: откуда ко мне приходили эти слова? – Ты кровь от крови моей, плоть от плоти. Ты так сказал. То, что делаешь ты, точно так же лежит и на мне.

– Тогда пусть твоя клятва искупит мои грехи, – прошептал он.

Джейми поднял меня на ноги и притянул к себе, как портной подтягивает отрез нежного, тяжелого шелка, медленно, перебирая пальцами каждую складку. Затем он перенес меня через комнату и в неверном свете от огня в очаге осторожно уложил на кровать.

* * *

Он хотел быть нежным. Очень нежным. Он тщательно все продумал, волнуясь за каждый шаг долгой дороги домой. Она была разбита, поэтому он будет осторожным, не станет спешить. Он аккуратно склеит разбитые осколки.

И вот он оказался с ней в постели и обнаружил, что она не хочет нежности, не хочет деликатности. Она хотела прямооты. Спешка и насилие. Если бы она была сломана, она порезала бы его своими зазубренными краями, отчаянная, словно пьяница с разбитой бутылкой.

Пару минут он боролся, пытаясь прижать ее к себе и нежно поцеловать. Она изворачивалась как угорь в его руках, затем перекатилась на него, извиваясь и кусаясь.

Он рассчитывал расслабить ее, их обоих, с помощью вина. Джейми знал, что она отметала свою обычную сдержанность, когда пила. Но, пытаясь схватить ее, не причинив вреда, он думал мрачно, что просто не представлял себе, что она сдерживала. Он должен был бы знать, как никто другой: бояться стоит не тоски или боли, а ярости.

Клэр царапала его спину, он чувствовал, как скребут по коже сломанные ногти, и смутно осознавал, что это хорошо, она сражается. Это была последняя его осознанная мысль, потом им завладела ярость, гнев и похоть настигли его подобно грозе, туче, что заволокла горную вершину, она все от него скрыла и скрыла его от всего, так что близость была

утрачена и он остался один в темноте, покинутый и чужой.

Это могла быть ее шея, которую он сжимал, а могла быть чья-то другая. Джейми чувствовал хрупкие кости в темноте, и писк кроликов, убитых его руками, приходил ему на ум. Он кружил в воронке смерча, задыхаясь от грязи и сгустков крови.

Ярость вскипела и наполнила его яйца, он вошел в нее толчком. Его молнии разили и выжигали все следы захватчиков из ее чрева. И если это спалит их обоих дотла – да будет так.

* * *

Когда сознание вернулось к нему, он лежал, всем своим весом придавив ее к кровати. Он задышался, а его руки так крепко сжимали ее, что кости, казалось, вот-вот треснут, как прутьи.

Он потерял себя. Не был уверен, где заканчивается его тело. Разум на мгновение помутился, и Джейми запаниковал, что вообще не сможет вернуться в прежнее состояние, но нет. Неожиданно он ощутил каплю холода на плече, и разрозненные фрагменты его сознания сразу собрались вместе, подобно раскатившимся шарикам ртути, он задрожал от ужаса.

Он был все еще в ней. Ему хотелось удрать, как испуганная куропатка, но он заставил себя двигаться медленно, постепенно освобождая ее руки от смертельной хватки своих пальцев, аккуратно отстраняясь, хотя усилия эти казались колоссальными, как если бы его вес был равен весу лун и планет. Он и не думал, что найдет на простыне ее бездыханное, раздавленное тело, но, когда упругая арка ее ребер поднялась, опала и снова поднялась, он окончательно успокоился.

Вторая капля поразила его в основание шеи, и он сжал плечи от неожиданности. Потрясенная его движением, Клэр посмотрела вверх, и ее взгляд стал для него потрясением. Она разделяла его оторопь: шок незнакомцев, вдруг оказавшихся голыми рядом друг с другом. Ее глаза метнулись к потолку.

– Крыша протекает, – прошептала она. – Там мокрое пятно.

– О. – Он даже не понял, что идет дождь, хотя в комнате потемнело, а крыша монотонно гудела над головой. Этот звук, казалось, проникал в его кровь, подобно бою боурана в ночи, подобно биению его собственного сердца в лесу.

Он вздрогнул и, за неимением других идей, поцеловал ее в лоб. Ее руки внезапно настигли его, как силки, и отчаянно сжали, снова

притягивая. Джейми так крепко схватил ее в ответ, что выбил из нее дух, а отпустить уже не мог. Он смутно вспоминал рассказы Брианны о гигантских небесных телах, которые вращаются в космосе, и о штуковине под названием гравитация, но что это за притяжение? Он начал понимать это только сейчас: сила настолько огромная, чтобы удержать невероятно большое тело в разреженном воздухе без всякой опоры или заставить два таких тела слиться друг с другом в разрушительном взрыве и клубах звездной пыли.

Он оставил на ней следы. Темно-красные пятна алели на ее руках там, где были его пальцы. Они станут черными через день. Другие синяки окрасились черным и фиолетовым, синим и желтым – призрачные порочные лепестки, скрытые под белизной ее кожи.

Бедра и ягодицы Джейми были напряжены, и внезапно их свело сильной судорогой, он застонал и изогнулся, чтобы ослабить спазм. Его кожа была влажной, так же, как и ее, и они отстранились друг от друга с медлительной неохотой.

Глаза Клэр, опухшие и окруженные синяками, затуманенные, словно дикий мед, были в дюйме от его собственных.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она тихо.

– Ужасно, – ответил Джейми искренне. Он охрип, как будто кричал, Господи, должно быть, он действительно кричал. Ее рот снова кровоточил, красные потеки были на подбородке, и он ощущал у себя на губах привкус металла.

Он прочистил горло, желая отвести от нее взгляд, но не в силах был сделать этого. Он потянулся к ней и неуклюже попытался стереть размазанную кровь.

– Ты? – спросил он, и слова, будто наждачная бумага, ободрали глотку. – Как ты себя чувствуешь?

Клэр немного отпрянула от его прикосновения, но ее взгляд по-прежнему был сосредоточен на его глазах. У Джейми возникло ощущение, что она смотрит далеко за него, сквозь него, но затем ее взгляд сфокусировался и она прямо посмотрела ему в глаза, впервые с тех пор, как он привез ее домой.

– В безопасности, – прошептала она и закрыла глаза. Она сделала огромный вдох, и все ее тело внезапно расслабилось, став вялым и тяжелым, как подстреленный кролик.

Он обнял ее, обхватив обеими руками так, будто хотел удержать на плаву, но она продолжала тонуть. Ему хотелось крикнуть, чтобы она не уходила, не оставляла его одного. Она растворилась в глубинах сна, и он

тосковал по ней, страстно желая ее излечения, страшась ее бегства. Джейми склонил голову и зарылся лицом ей в волосы, вдыхая их аромат.

Ветер стучал открытыми ставнями, в темноте снаружи ухала сова, а другая отвечала ей, скрываясь от дождя.

Потом он заплакал, беззвучно, до боли напрягая мускулы, чтобы не сотрясаться от рыданий, она не должна проснуться и узнать о его слезах. Он плакал в пустоту, прерывисто вздыхая, подушка намокла под его лицом. Джейми лежал, опустошенный, где-то за чертой нормальной человеческой усталости, он не мог спать, не мог даже подумать о том, каково это. Единственным утешением ему была небольшая и хрупкая тяжесть, что лежала на его сердце, размеренно дыша.

Потом ее руки взметнулись и опустились на него, слезы холодили ему лицо, остывая. Ее белизна была безупречной, как безмолвный снег, что укрывает кровь и пепел и дарит миру покой.

Глава 30

Пленник

Стояло тихое, теплое утро, последнее утро бабьего лета. Дятел стучал в соседнем лесу, и какое-то насекомое издавало скребущий металлический звук в высокой траве за домом. Я медленно спустилась вниз, ощущая себя как будто бестелесной, вот бы это оказалось правдой, потому что все части моего тела беспощадно болели.

Миссис Баг не пришла этим утром, наверное, неважно себя чувствовала. А может, не знала, как себя вести со мной, что говорить. Я поджала губы и поняла это только потому, что ощутила, как снова трескается немного поджившая ранка.

Я сознательно расслабила лицо и потянулась к полке за кружками для кофе. По полке тянулась цепочка из крохотных черных муравьев, они толпились вокруг небольшой коробки, в которой я хранила кусковой сахар. Я сурово стряхнула их оттуда фартуком и мысленно сделала напоминание поискать корень гравилата в качестве репеллента.

Это маленькое решение заставило меня мгновенно почувствовать себя лучше, увереннее. С той поры, как Ходжепил со своей шайкой заявили в солодовню, я постоянно зависела от чьих-то милостей, неспособная ни на какой личный поступок. А теперь впервые за эти дни, которые, казалось, тянулись бесконечно, я была в состоянии решить, что буду делать. Свобода пьянила и казалась драгоценной.

Что ж. И чем же мне заняться? Я... выпью кофе. Может быть, съем кусочек тоста? Нет. Я осторожно ощупала языком челюсть: пара зубов шатались с одной стороны, а жевательные мышцы так ныли, что можно было сразу отбрасывать варианты с твердой пищей. Тогда просто кофе, и, пока я пью, составлю план на день.

Удовлетворившись таким заключением, я поставила назад простую деревянную кружку и вместо нее церемонно достала свою фарфоровую чашку и сливочник, изящные вещицы, вручную расписанные фиалками, которые подарила мне Йокаста.

Джейми разжег огонь немного раньше, и чайник начинал закипать. Я плеснула немного воды в кофейник, чтобы согреть сосуд, поболтала и открыла заднюю дверь, чтобы выплеснуть ее наружу. К счастью, сперва я осмотрелась. Скрестив ноги, на крыльце сидел Йен, держа в одной руке нож, а в другой точильный камень.

– Доброго утра, тетушка, – сказал он радостно и провел ножом по камню, вызвав тонкий монотонный скребущий звук, который я уже слышала сегодня. – Тебе уже лучше?

– Да, я в порядке, – заверила я его.

Он с сомнением приподнял одну бровь, оглядывая меня.

– Что ж, надеюсь это лучше, чем на вид.

– Не настолько, – ядовито ответила я, и он засмеялся.

Паренек положил нож и встал на ноги. Он был гораздо выше меня – почти как Джейми, но более худощавый. От отца он унаследовал потрясающую стройность, а еще чувство юмора и твердость характера.

Он взял меня за плечи и развернул к свету, чуть морщась от такого близкого осмотра. Я моргнула, пытаюсь представить, как я выгляжу. У меня пока не хватало смелости взглянуть в зеркало, но я догадывалась, что синяки должны были поменять цвет с черного и красного на все оттенки голубого, зеленого и желтого. Если добавить к этому многочисленные припухлости, черные корки на разбитой губе и воспаленные ссадины, то не приходилось сомневаться, что я являю собой живой пример цветущего здоровья.

Его мягкие карие глаза внимательно вглядывались в мое лицо без удивления или шока. Наконец он отпустил меня, легонько похлопав по плечу.

– Ты справишься, тетушка. Ведь это все еще ты, так?

– Да, – ответила я. И без всякого предупреждения мои глаза наполнились слезами, которые тут же полились по щекам. Я абсолютно точно знала, что он имеет в виду и почему спросил это, и мой ответ был

правдив.

Мне казалось, что все мое существо внезапно обратилось в воду, которая лилась из меня не от отчаяния, а от облегчения. Я была собой. Хрупкой, истерзанной, израненной и слабой, но собой. Только теперь, когда я поняла это, то осознала, как сильно боялась, что окажусь кем-то другим, что, когда очнусь от шока, обнаружу себя непоправимо изменившейся, потеряв какую-то важную часть.

– Я в порядке, – повторила я, торопливо вытирая лицо краем передника. – Просто немного...

– Ай, я знаю, – сказал он и забрал у меня кофейник, чтобы выплеснуть воду в траву. – Это немного странно, да? Возвращаться назад.

Я забрала у него кофейник и крепко сжала его руку. Он дважды возвращался из плена: спасся из странного предприятия Гейлис Дункан на Ямайке, лишь чтобы позже оказаться в ссылке у могавков. Во время этого путешествия он стал мужчиной, и я спрашивала себя, чего он лишился по пути.

– Хочешь позавтракать, Йен? – спросила я, шмыгнув и осторожно вытерев свой распухший нос.

– Конечно, хочу, – сказал он, расплываясь в улыбке. – Заходи в дом и присядь, тетушка, я все сделаю.

Я прошла за ним в дом, наполнила кофейник, поставила его на огонь, а затем села за стол. Солнце светило мне в спину из дверного проема, пока я наблюдала за Йеном, который рылся в буфете. Мозг был затуманен и не способен думать, но ощущение покоя накрыло меня, нежное, как свет, пробивающийся сквозь каштаны. Даже легкая пульсация здесь и там казалась приятной, это было ощущение постепенного выздоровления.

Йен разложил на столе кучу самой разной еды и уселся напротив меня.

– Ты в порядке, тетушка? – снова спросил он, приподнимая густую отцовскую бровь.

– Да. Это немного похоже на сидение на мыльном пузыре, да? – Я взглянула на него, наливая кофе, но он смотрел вниз на кусок хлеба, который намазывал маслом. Мне показалось, на его губах заиграла слабая улыбка, но не была в этом уверена.

– Вроде того, – тихо ответил он.

Жар от кофе согревал мои руки через фарфор и расслаблял онемевшие рецепторы во рту и в носу. Ощущение было такое, как будто я кричала несколько часов подряд, но не помнила такого. Может, я кричала с Джейми прошлой ночью?

Мне не очень хотелось думать о предыдущей ночи – она была частью

мыльного пузыря. Когда я проснулась, Джейми уже ушел, и я не знала, рада ли я этому или сожалею.

Йен не говорил, деловито поглощая хлеб с маслом и медом, три кекса с изюмом, два изрядных куска ветчины и кувшин молока. Корову доил Джейми, он всегда использовал голубой кувшин, в то время как мистер Уэмисс брал белый. Я отвлеченно подумала о том, куда пропал мистер Уэмисс, дом выглядел пустым, но по большому счету мне было плевать. Потом я подумала, что, наверное, Джейми сказал мистеру Уэмиссу и миссис Баг пока держать дистанцию, предполагая, что мне захочется уединения.

– Еще кофе, тетушка?

По моему кивку Йен поднялся из-за стола, достал графин с полки и налил в мою чашку немного виски, прежде чем наполнить ее кофе.

– Мама всегда говорила, что это хорошо помогает от боли.

– Твоя мама права. Ты хочешь немного?

Он вдохнул алкогольные пары, но покачал головой.

– Нет, думаю, не стоит, тетушка. Лучше сохранить ясную голову утром.

– Правда? Почему?

Каша в кастрюльке была, конечно, не недельной давности, но дня три-четыре ей было. Само собой: некому было ее есть. Я критически осмотрела цементоподобный шарик, прилипший к ложке, решила, что он все еще достаточно мягкий, и сдобрила медом. Йен разбирался с той же самой субстанцией, и ему понадобилась пара секунд, чтобы очистить небо, прежде чем он смог ответить.

– Дядя Джейми собирался задавать вопросы, – ответил он, кидая на меня предупредительный взгляд перед тем, как взяться за хлеб.

– Вот как? – сказала я довольно ровно, но прежде чем я успела спросить, что именно он хотел этим сказать, звук шагов возвестил появление Фергуса.

Он выглядел так, будто ночевал в лесу, – ну конечно ночевал, поняла я. Точнее, даже не ночевал: мужчины почти не останавливались, преследуя банду Ходжепила. Фергус побрился, но ему не хватало обычного лоска, красивое лицо казалось потемневшим, глаза глубоко запали.

– Миледи, – пробормотал он и неожиданно наклонился поцеловать меня в щеку, положив руку на плечо. – Comment ça va^[68]?

– Tres bien, merci^[69], – ответила я, робко улыбаясь. – Как себя чувствуют Марсали и дети? А наш герой Герман?

Я спросила Джейми о Марсали по пути домой, и он заверил меня, что она в порядке. Герман, маленькая обезьянка, залез на дерево, когда услышал приближение людей Ходжепила. Он все видел сверху, и, как только банда удалилась, тотчас спустился, оттащил свою полубессознательную мать от огня и побежал за подмогой.

– Ах, Герман, – сказал Фергус, и легкая улыбка на мгновение приподняла завесу усталости. – Nous p’tit Guerrier^[70]. Он сказал, что Grandpare обещал ему собственный пистолет, чтобы стрелять в плохих людей.

Grandpare скорее всего не шутил, размышляла я. Герман не сможет управиться с мушкетом из-за роста, но пистолет ему вполне подойдет. В моем нынешнем состоянии тот факт, что Герману всего шесть, не особенно смущал.

– Ты уже завтракал, Фергус? – я подтолкнула к нему котелок.

– Non. Merci. – Он взял немного бисквитов и ветчины, однако ел, казалось, без всякого аппетита.

Мы все сидели молча, потягивая кофе и слушая, как щебечут птицы. Каролинские крапивники свили позднее гнездо под крышей нашего дома и носились туда-сюда прямо над нашими головами. Я слышала пронзительный писк проголодавшихся птенцов, видела разбросанные ветки и частицы яичной скорлупы на крыльце. Они уже начинали оперяться, как раз ко времени, перед наступлением зимних холодов.

Вид бурой крапчатой скорлупы напомнил мне о Monsieur le Oeuf. Да, вот что я сделаю, решила я, и от твердости своего намерения ощутила некоторое облегчение. Нужно проведать Марсали позже. И, возможно, еще миссис Баг.

– Ты видел миссис Баг сегодня утром? – спросила я, обращаясь к Йену.

Его хижина, немногим лучше шалаша, находилась прямо позади дома Багов, он наверняка проходил мимо них, направляясь сюда.

– О да, – ответил он слегка удивленно. – Она подметала, когда я проходил мимо. Предложила завтрак, но я сказал, что поем здесь. Я ведь знал, что у дяди Джейми есть ветчина, да? – Он широко улыбнулся, красноречиво подняв четвертый бутерброд с ветчиной.

– Так значит, она в порядке? Я было подумала, что миссис Баг больна, ведь она обычно приходит очень рано.

Йен кивнул и откусил огромный кусок бутерброда.

– Да, полагаю, она очень занята, присматривая за ciomach.

Мое хрупкое умиротворение лопнуло, как птичьи яйца. Ciomach означало «пленник». В своей эйфории я совершенно забыла о

существовании Лайонела Брауна.

Упоминание Йена о том, что Джейми собирается задать вопросы, вдруг сразу обрело смысл так же, как и присутствие Фергуса. И ножа, который натачивал Йен.

– Где Джейми? – спросила я слабым голосом. – Ты его видел?

– Ну да, – удивленно ответил Йен. Он проглотил бутерброд и указал подбородком на дверь. – Он сейчас в сарае, делает новую черепицу. Говорит, крыша стала протекать.

В этот момент с крыши послышался стук молотка. Ну конечно. Сначала насущные вопросы. С другой стороны, Лайонел Браун никуда не денется.

– Наверное... Мне стоит пойти и осмотреть мистера Брауна, – сказала я, сглотнув.

Йен с Фергусом переглянулись.

– Нет, тетушка, не стоит, – довольно спокойно ответил Йен, но в его голосе прозвучала покровительственная уверенность, к которой я не привыкла.

– Что это значит? – Я пристально смотрела на него, но он просто продолжал есть, хотя и чуть медленнее.

– Милорд сказал, что вы не должны, – пояснил Фергус, кладя ложку меда в кофе.

– Что он сказал? – спросила я недоверчиво.

Они оба даже не взглянули на меня, но, казалось, объединились, излучая нечто вроде молчаливого сопротивления. Я знала, каждый из них сделал бы для меня что угодно, кроме того, что запретил Джейми. Если Джейми решил, что мне не нужно видеть мистера Брауна, то сделать это при помощи Йена или Фергуса у меня не выйдет.

Я уронила ложку с прилипшими кусочками каши обратно в миску.

– Может, он удосужился объяснить, почему мне не стоит видеть мистера Брауна? – спросила я относительно спокойно при нынешних обстоятельствах.

Мужчины снова обменялись долгим взглядом.

– Нет, миледи, – ответил Фергус, стараясь говорить как можно нейтральнее.

Повисла короткая пауза, во время которой они, казалось, что-то обдумывали. Потом Фергус посмотрел на Йена, пожимая плечами.

– Ну, видишь ли, тетя, – осторожно начал Йен, – мы хотели допросить парня.

– И мы получим ответы, – добавил Фергус, глядя на ложку, которой он

помешивал кофе.

– И когда дядя Джейми решит, что он рассказал нам все, что мог...

Перед завтраком Йен положил заточенный нож рядом с тарелкой. Теперь он поднял его и задумчиво провел им вдоль по холодной сосиске, которая послушно раскрылась, испуская аромат чеснока и шалфея. Потом парень поднял на меня глаза, и наши взгляды встретились. Я вдруг поняла, что, хотя я осталась собой, Йен уже не был тем мальчиком, которого я знала когда-то. Совсем не был.

– Значит, вы его убьете? – спросила я, ощущая, как, несмотря на горячий кофе, немеют губы.

– О да, – ответил Фергус очень мягко. – Думаю, так мы и поступим. – Он тоже поймал мой взгляд. Во всем его виде было что-то угрюмое, бесстрастное, глубоко посаженные глаза казались твердыми, как камень.

– Он... Это... Я хочу сказать... Это был не он. Не мог быть. К тому времени он сломал ногу... – Казалось, мне не хватает воздуха, чтобы закончить хоть одно предложение. – И Марсали. Это не был... Я не думаю, что он...

Что-то промелькнуло у Йена в глазах, и он понял, что я хочу сказать. Парень поджал губы и кивнул.

– Тем лучше для него, – бросил он.

– Тем лучше, – эхом отозвался Фергус. – Но думаю, что это неважно. Мы убили остальных, почему этот должен жить? – Он вышел из-за стола, не притронувшись к кофе. – Думаю, мне пора, кузен.

– Да? Тогда я тоже пойду. – Йен кивнул мне и отодвинул тарелку. – Передашь дяде Джейми, что мы уже ушли, тетя?

Я отсутствующе кивнула, наблюдая, как они удаляются, исчезая за большим каштаном на тропинке, которая вела к хижине Багов. Поднявшись, я машинально начала убирать остатки стихийного завтрака. Я не могла понять, тревожил ли меня мистер Браун и его положение или нет. С одной стороны, я не одобряла идею пыток и последующего хладнокровного убийства. А с другой... хотя было правдой, что мистер Браун лично не насиловал и не бил меня и даже пытался заставить Ходжепила меня отпустить, он также пытался меня убить. И я несколько не сомневалась, что он сбросил бы меня в ущелье, не вмешайся Тэббе.

Нет, решила я, тщательно ополаскивая свою чашку и вытирая руки о передник, должно быть, меня не особенно занимала дальнейшая судьба мистера Брауна.

И все же мне было тягостно и грустно. Видимо, меня беспокоили Йен и Фергус. И Джейми. Дело было в том, что убить кого-то в пылу битвы и

хладнокровно казнить человека – не одно и то же. Знают ли об этом они?

Джейми знает.

«Тогда пусть твоя клятва искупит мои грехи». Он прошептал мне это предыдущей ночью. Кажется, это было последнее, что я слышала от него. Что ж, пусть так, но я бы предпочла, чтобы он вообще не ощущал нужды что-либо искупать. Что касается Йена и Фергуса...

Фергус участвовал в битве у Престонпанса, когда ему было десять. Я все еще помнила потрясенное, изможденное, измазанное сажей лицо маленького французского сироты, глядящего на меня с захваченной вражеской пушки. «Я убил английского солдата, мадам. Он упал, а я ударил его ножом».

И я помнила пятнадцатилетнего Йена, покаянно рыдающего, потому что он думал, что убил грабителя, залезшего в типографию Джейми в Эдинбурге. Бог знает, что ему приходилось делать с тех пор, он ничего не рассказывал. Мне внезапно вспомнился крюк Фергуса, темный от крови, и силуэт Йена в темноте. «И я», – сказал он, вторя Джейми. «Я убиваю для нее».

На дворе тысяча семьсот семьдесят третий. А восемнадцатого апреля семьдесят пятого... Взрыв, который потрясет весь мир, уже готовится. В комнате было тепло, но меня затрясло. От чего, во имя Господа, я вообще могу их защитить? Хоть кого-то из них.

Внезапный рев с крыши отвлек меня от моих мыслей. Я вышла во двор и посмотрела наверх, прикрывая глаза от солнца. Джейми сидел на коньке крыши, раскачиваясь взад-вперед и баюкая руку, прижатую к животу.

– Что там происходит? – крикнула я.

– Посадил занозу, – последовал отрывистый ответ сквозь крепко сжатые зубы.

Мне захотелось засмеяться, чтобы немного отвлечься от напряжения, но я не стала.

– Ну, тогда спускайся вниз. Я вытащу.

– Я не закончил.

– Мне все равно! – сказала я, внезапно теряя терпение. – Сейчас же спускайся. Я хочу поговорить.

Сумка с гвоздями упала на траву с резким звоном, за ней последовал молоток.

Что ж, начнем с насущных забот.

Ну, технически это действительно была заноза. Двухдюймовая кедровая щепка, которую он целиком загнал под ноготь среднего пальца, почти до сустава.

– Иисус твою Рузвельт Христос!

– Ага, – согласился он, чуть побледнев. – Можно и так сказать.

Выпирающий конец был слишком коротким, чтобы его можно было ухватить пальцами. Я загнала Джейми в операционную и выдернула щепу пинцетом, прежде чем он успел бы сказать: «Джек Робинсон». Джейми говорил куда больше, чем «Джек Робинсон»: в основном он шипел что-то на французском – лучше языка для проклятий еще не придумали.

– Этот ноготь слезет, – заметила я, погружая покалеченный палец в чашу с водой и спиртом. Кровь вытекала из раны, как чернила из каракатицы.

– К черту ноготь! – сказал он, сжимая зубы. – Отрезай весь проклятый палец, и покончим с этим! *Merde d’chevre!*

– Китайцы раньше... Хотя, нет, если подумать, они и сейчас этим промышляют – они засовывают людям под ногти занозы из бамбука, чтобы заставить их говорить.

– Господи! *Tu me casses les coquilles*^[71]!

– Судя по всему, эта техника доказала свою эффективность, – сказала я, доставая его руку из миски и туго оборачивая ее повязкой. – Испробовал ее на себе, прежде чем применять на практике? – Я старалась говорить спокойно, глядя на его руку, потом почувствовала на себе его взгляд. Он фыркнул.

– Что, во имя всех святых и архангелов, тебе тут рассказывал Йен, саксоночка?

– Что ты намерен допросить Брауна и получить все ответы.

– Намерен и получу, – кратко отозвался он. – И что?

– Фергус и Йен, кажется, думают, что ты готов сделать все, что покажется тебе необходимым, – сказала я осторожно. – И более чем рады помочь.

– Думаю, так и есть.

Боль немного утихла. Он вздохнул поглубже, на лицо возвращалась краска.

– Фергус имеет право – напали на его жену.

– Йен кажется... – я замолкла в поисках подходящего слова. Йен казался таким спокойным, что это ужасало. – Ты не позвал Роджера, чтобы помочь... помочь с допросом?

– Нет. Пока нет, – краешек его рта дернулся. – Роджер Мак – отличный

боец, но не годится, чтобы запугивать, если только его всерьез не обуял гнев. Он совершенно не умеет врать.

– В то время как ты, Йен и Фергус...

– О да, – сухо отозвался он. – Коварные, как змеи, вся шайка. Стоит только посмотреть на Роджера Мака, чтобы понять, как им с девчушкой хорошо и спокойно вместе. Это немного утешает, – добавил он, и складка у рта стала глубже. – Я хочу сказать – знать, что все налаживается.

Я видела, что он пытается сменить тему, – это был плохой знак. Я попыталась тихонько фыркнуть, но нос взорвался болью.

– И ты хочешь сказать, что тебя не обуял гнев?

Джейми фыркнул куда успешнее меня, но не ответил. Он наклонил голову набок, наблюдая, как я раскладываю полоску ткани и втираю в нее листья камфары. Я не знала, как выразить, что меня беспокоит, но он явно видел, что я нервничаю.

– Ты убьешь его? – спросила я с отчаянием, не отрывая глаз от банки с медом. Она была сделана из коричневого стекла, и солнечные лучи прошивали ее насквозь, делая похожей на кусок янтаря.

Джейми безмолвно смотрел на меня. Я чувствовала его оценивающий взгляд, хотя не поднимала глаз.

– Думаю, да, – сказал он.

Мои руки задрожали, и я прижала их к столешнице, чтобы унять дрожь.

– Не сегодня, – добавил он. – Если я убью его, то сделаю это как положено.

Я не была уверена, что хочу слышать, как, по его мнению, выглядит «убийство как положено», но он все равно сказал.

– Если он умрет от моей руки, то это будет открытая схватка перед свидетелями, которые знают, в чем дело, и он будет крепко стоять на ногах. Я не позволю пойти толкам, что я убил беспомощного человека, каким бы ни было его преступление.

– О. – Я сглотнула, ощущая легкую тошноту, и взяла щепотку измельченной в порошок лапчатки, чтобы добавить к мази, которую готовила. У нее был легкий терпкий запах, который несколько помог. – Но... ты ведь можешь оставить его в живых?

– Возможно. Думаю, я могу получить за него хороший выкуп. Будет видно.

– Ты говоришь прямо как твой дядя Колум. Он рассуждал бы так же.

– Правда? – Джейми едва заметно улыбнулся. – Это комплимент, саксоночка?

– Думаю, что может быть и комплиментом.

– Ай, что ж, – сказал он задумчиво. Негнущиеся пальцы застучали по столу, и он немного вздрогнул, когда это движение потревожило раненый ноготь. – У Колума был замок и клан, воины. А вот у меня могут возникнуть сложности с обороной даже этого дома.

– Поэтому ты говоришь, что будет видно?

Мне стало беспокойно: мысль о вооруженных захватчиках, нападающих на дом, не приходила мне в голову. Я поняла, что его решение содержать Брауна подальше от нашего дома, возможно, принималось не только из соображений пощадить мои чувства.

– В том числе.

Я смешала немного меда с размолотыми травами и добавила ложечку очищенного медвежьего жира в мазь.

– Надо думать, – сказала я, не отрывая взгляда от смеси, – что не имеет смысла передавать Лайонела Брауна властям?

– Какие власти ты имеешь в виду, саксоночка? – спросил он сухо.

Хороший вопрос. Эта часть окраин еще не сформировалась в самостоятельный округ и не присоединилась к какому-либо другому, хотя все шло к тому. Если Джейми доставит мистера Брауна шерифу ближайшего округа для суда... Что ж, пожалуй, это не лучшая идея. Браунсвилль располагался как раз в границах близлежащего округа, и нынешнего шерифа тоже звали Браун.

Я задумчиво закусил губу. Когда случались подобные ситуации, я часто превращалась в ту, кем когда-то была, – в цивилизованную англичанку, привыкшую полагаться на правительство и закон. Но да, Джейми в чем-то был прав: конечно, в двадцатом веке существовали свои опасности, но многие вещи поменялись. А сейчас на дворе стоял тысяча семьсот семьдесят четвертый, и колониальные власти уже демонстрировали раскол, зияли линии разлома – предвестники будущей катастрофы.

– Думаю, мы можем отвезти его в Кросс-Крик, – Фаркуард Кэмпбелл, друг тети Джейми, Иокасты, был там мировым судьей. – Или в Нью-Берн, – губернатор Мартин и основная часть королевского совета были в Нью-Берне за триста миль от нас. – Может быть, Хиллсборо? – там заседал Окружной суд.

– Мхм.

Этот звук означал открытое нежелание потерять несколько недель на то, чтобы притащить мистера Брауна в любой из этих центров правосудия, не говоря уже о том, чтобы доверять дело особой важности ненадежной и

часто коррумпированной судебной системе. Я подняла глаза и встретила его взгляд, насмешливый, но холодный. Я отреагировала как дитя своего времени, Джейми сделал то же. Он был шотландским лэрдом, привыкшим жить по собственным законам и сражаться в собственных битвах.

– Но... – начала я.

– Саксоночка, – сказал он очень спокойно. – Как насчет остальных?

Остальные. Я перестала двигаться, парализованная внезапным воспоминанием: большая группа темных фигур, выходящих из леса на фоне заходящего солнца. Но эта группа разделилась, намереваясь встретиться в Браунсвиле через три дня, – то есть сегодня.

Сейчас никто в Браунсвиле скорее всего не знал, что Ходжепил и его люди были мертвы и что Лайонел Браун стал пленником Риджа. Принимая во внимание скорость, с которой новости распространялись в горах, все узнают правду в течение недели.

Оправляясь от шока, я как-то упустила, что осталась еще одна группа бандитов, и, в то время как я понятия не имела, кто они такие, бандиты прекрасно знали, кто я и где меня найти. Поймут ли они, что я не могу их опознать? Рискнут ли?

Джейми, очевидно, не намеревался рисковать, оставляя Ридж, чтобы сопровождать Лайонела Брауна куда бы то ни было, живым или мертвым. Мысль о других заставила меня вспомнить еще кое-что важное. Сейчас было не самое подходящее время говорить об этом, но лучшего могло не представиться.

Я сделала глубокий вдох, набираясь решимости.

– Джейми.

Мой тон мгновенно отвлек его от собственных мыслей, он пристально посмотрел на меня, приподняв одну бровь.

– Я... Я должна тебе кое-что рассказать.

Джейми немного побледнел, но тут же потянулся ко мне и схватил за руку. Он глубоко вздохнул и кивнул.

– Хорошо.

– О, – воскликнула я, вдруг осознавая, что он, должно быть, подумал, что я созрела для того, чтобы поведать ему детали своего малоприятного путешествия. – Нет, я не об этом. Не совсем. – Я сжала его руку и держала ее, пока рассказывала о Доннере.

– Еще один, – сказал он. Голос его звучал несколько оторопело. – Еще один?

– Еще один, – подтвердила я. – Дело в том, что... Я, эм, не помню, чтобы видела его... среди мертвых.

Жуткая атмосфера того утра вдруг вернулась ко мне. У меня остались очень четкие, яркие воспоминания, но они были разрозненными, фрагментарными и не соединялись в целую картину. Ухо. Я помнила ухо, крупное, чашеобразное, похожее на древесный гриб. Оно было окрашено в самые невероятные оттенки коричневого, лилового и индиго, в глубине, в складках, цвета были темнее, а по краю оно казалось почти прозрачным в солнечном свете, пробивающемся сквозь заросли болиголова.

Я помнила это ухо так детально, что мысленно уже почти коснулась его, однако не знала, кому оно принадлежало. Были волосы рядом русыми, черными, рыжими, прямыми или кудрявыми, седыми? А лицо... Я не знала. Если я и посмотрела на него, я не видела.

Джейми бросил на меня резкий взгляд.

– И ты думаешь, что он может быть жив?

– Может, и жив. – Я сглотнула несуществующий вкус пыли, хвои, крови и вдохнула успокаивающий свежий запах пихты. – Видишь ли, я предупредила его. Сказала, что ты идешь и что ему не поздоровится, если ты найдешь его рядом. Когда вы напали на лагерь, он мог сбежать. Он произвел на меня впечатление труса. Но я не могу сказать наверняка.

Он кивнул и тяжело вздохнул.

– Ты можешь... вспомнить? – спросила я неуверенно. – Когда ты показывал мне мертвых, ты на них смотрел?

– Нет, – мягко ответил он, – я не смотрел ни на кого, кроме тебя.

Его глаза остановились на наших сплетенных руках. Потом он поднял их и тревожно посмотрел мне в лицо, ища там что-то. Я подняла его ладонь и потерлась щекой о ее тыльную сторону, на мгновение зажмурился глаза.

– Со мной все будет нормально. Дело в том... – начала я и остановилась.

– Да?

– Если он сбежал, то куда, как думаешь, он мог пойти?

Он тоже закрыл глаза и глубоко вздохнул.

– В Браунсвилль, – покорно ответил он. – И если это так, то Ричард Браун уже знает, что стало с Ходжепилом и его людьми и скорее всего считает своего брата мертвым.

– О, – я сглотнула и сменила тему. – Почему ты сказал Йену, что мне нельзя видеть мистера Брауна?

– Я этого не говорил. Но я действительно думаю, что тебе его лучше не видеть, это правда.

– Потому что?

– Потому что ты принесла клятву, – сказал он, немного удивленный

тем, что я не разгадала его намерение. – Разве ты можешь смотреть, как страдает раненый, и не помочь ему?

Мазь была готова. Я размотала палец, который больше не кровоточил, и положила как можно больше смеси под поврежденный ноготь.

– Наверное, нет, – сказала я, сосредоточив взгляд на работе. – Но почему...

– Что, если ты начнешь его лечить, заботиться о нем, а потом я решу его убить? – он пристально посмотрел на меня. – Каково это будет для тебя?

– Ну, это будет немного неловко, – ответила я, вдыхая поглубже, чтобы успокоиться. Я обернула палец тонкой полоской ткани и затянула потуже. – И все же...

– Ты хочешь лечить его? Почему? – В его голосе звучало любопытство, не злость. – Твоя клятва так сильна?

– Нет. – Я положила руки на стол, чтобы успокоиться, ноги внезапно стали ватными. – Потому что я рада, что они мертвы, – прошептала я, глядя себе под ноги. Мои руки были влажными, и несложная манипуляция потребовала от меня упорства, потому что пальцы оставались опухшими. Большие пурпурные пятна синяков цвели на запястьях. – И я очень...

Очень что? Напугана. Боюсь мужчин, боюсь себя. Я возбуждена в самом неприятном смысле этого слова.

– Я стыжусь этого. Ужасно стыжусь. – Я посмотрела на Джейми. – Ненавижу это чувство.

Он выжидательно протянул руку в мою сторону. Он знал, что трогать меня не стоит, сейчас я не перенесла бы прикосновения. Я не взяла ее, не сразу же, хотя мне хотелось. Вместо этого я посмотрела в сторону и заговорила с Адсо, который материализовался на шкафу, смерив меня своим бездонным зеленым взглядом.

– Если я... Я продолжаю думать об этом... Если бы я его увидела, помогла ему, – боже, я совсем, совсем не хочу ему помогать! – Но если бы я... возможно, это позволило бы мне... – Я посмотрела на Джейми, ощущая себя загнанной в угол. – Загладить вину.

– Вину за то, что ты рада их смерти и что хочешь смерти и ему тоже? – предположил Джейми негромко.

Я кивнула, ощущая, будто, сказав это, сняла какой-то груз с души. Я не помнила, как взяла его руку, но внезапно почувствовала крепкое пожатие. Кровь из его пальца сочилась сквозь повязку, но он не обращал на это внимания.

– Ты хочешь убить его? – спросила я.

Он долго смотрел на меня, прежде чем ответить.

– О да, – ответил он мягко. – Но пока его жизнь – это залог твоей. И наших, видимо, тоже. Поэтому он будет жить. Пока. Но я задам свои вопросы и получу ответы.

* * *

После того как он ушел, я еще какое-то время сидела в своем кабинете. Постепенно оправляясь от шока, я чувствовала себя в безопасности – дома, окруженная друзьями, рядом с Джейми. Теперь же мне нужно было смириться с фактом, что ничто не было в безопасности: ни дома, ни друзья и уж точно ни Джейми.

– Хотя ты ведь никогда не бываешь в безопасности, так ведь, чертов шотландец? – сказала я вслух и слабо рассмеялась.

Смех был неуверенный, но он заставил меня почувствовать себя лучше. С внезапной решимостью я поднялась и принялась чистить шкафы, выстраивая бутылочки по порядку, сметая кусочки рассыпанных трав и выбрасывая старые и подозрительные растворы.

Я собиралась навестить Марсали, но во время завтрака Фергус сказал мне, что Джейми отослал ее вместе с детьми и Лиззи к Макгилливреям, где о ней смогут позаботиться в безопасности. Если где-то вообще было безопасно, так это в доме Макгилливреев.

Расположенный неподалеку от Вулэм-Крик, дом Макгилливреев примыкал к бондарной лавке Ронни Синклера и заключал в своих стенах множество радушных, сердечных людей: не только Робина и Уте Макгилливрей, их сына Манфреда и дочь Сенгу, но и Ронни, который столовался у них. Обычная компания периодически пополнялась женихом Сенги Макгилливрей Генрихом Штрассе и его немецкими родственниками из Салема, а также Ингой и Хильдой с мужьями, детьми и родственниками мужей. Если прибавить к этому мужчин, что останавливались в мастерской у Ронни, которая удобно стояла на пути к Вулэмской мельнице, то можно смело полагать, что в этой толпе никто и не заметит Марсали с семьей. Но идти навещать ее там...

Такт и деликатность горцев – это одна сторона медали. Есть и другая – их радушие и любопытство. Если я останусь дома, то никто не станет меня донимать, по крайней мере, какое-то время. Но если я окажусь даже в относительной близости к Макгилливреям... От этой мысли я побледнела и спешно решила, что я, быть может, навещу Марсали завтра. Или через

день. Джейми убедил меня, что с ней все в порядке, – она отделалась легким шоком и синяками.

Меня окружали надежные стены дома. Здесь не было техники будущего вроде плиты, вентиляторов, водопровода и холодильника. Не было слышно свиста газовой горелки и гула компрессоров. Только случайный скрип балок или деревянного пола да странное приглушенное жужжание древесной осы, строящей себе гнездо под карнизом.

Я окинула взглядом упорядоченный мир своей хирургической: стройные ряды сверкающих банок и бутылочек, льняные дощечки, заполненные сохнувшим арроуротом и россыпями лаванды, пучки крапивы, тысячелистника и розмарина, висящие над головой. Бутылка эфира, освещенная солнечным светом. Свернувшийся клубком Адсо на столешнице, хвост аккуратно обвит вокруг лап, глаза лениво прикрыты.

Дом. По спине пробежала легкая дрожь. Я не хотела ничего, кроме как остаться одной, в одиночестве и безопасности в своем собственном доме.

Безопасность. У меня есть день, может, два, пока дом будет в безопасности... А потом...

Я осознала, что некоторое время стою без всякого движения, бездумно уставившись в коробку с желтыми ягодами паслена, круглых и блестящих, как будто мраморных. Они очень ядовитые, приносят долгую и мучительную смерть. Я подняла глаза к эфиру – это быстро и милосердно. Если Джейми решит убить Лайонела Брауна... Но нет. Он сказал, в открытом бою и перед свидетелями. Я очень медленно закрыла коробку и поставила ее на место.

Что потом?

* * *

Домашней работы всегда хватало, однако сейчас не было ничего срочного, ни за кем не нужно было присматривать, кормить или одевать. С довольно странным ощущением я немного побродила по дому и наконец пошла в кабинет Джейми, где наугад стала вытаскивать книги с полки, остановившись в итоге на романе Генри Филдинга «Том Джонс». Я не могла вспомнить, когда в последний раз читала. Да еще посреди дня! С чувством приятного озорства я села у открытого окна хирургической и решительно вошла в мир, столь далекий от моего собственного.

Я потеряла счет времени, шевелясь только для того, чтобы отмахнуться от назойливых насекомых, влетающих в окно, или рассеянно

почесать Адсо, когда он, проходя мимо, терся о мои ноги. Случайные мысли о Джейми и Лайонеле Брауне пробивались из глубины сознания, но я гнала их прочь, как цикад и мошек, приземляющихся на страницы через открытое окно. Все, что происходит в хижине Багов, происходило или будет происходить, не моего ума дело. Пока я читала, меня вновь окутал мыльный пузырь, наполненный абсолютным спокойствием.

Солнце уже наполовину проделало свой путь к горизонту, прежде чем я смутно ощутила приступы голода. Лишь когда я подняла глаза, потеряв лоб и отвлеченно размышляя о том, не осталось ли немного ветчины, я увидела человека, стоящего в дверях хирургической.

Я вскрикнула и вскочила на ноги, послав Генри Филдинга в его первый полет.

– Прошу прощения, мистрис! – выпалил Том Кристи, выглядевший почти таким же ошеломленным, как я. – Я не думал, что вы не слышите меня.

– Нет. Я... Я читала. – Я глупо показала на валяющуюся на полу книгу. Сердце колотилась, и кровь пульсировала во всем теле, как будто наугад: лицо зарделось, уши горели, а руки покалывало. Все вышло из-под контроля.

Кристи сделал шаг и поднял с пола книгу, бережно поглаживая корешок с видом человека, ценящего книги, хотя томик был уже изрядно потрепан, а на обложке виднелись следы колец, где на нее ставили влажные бокалы или бутылки. Джейми приобрел ее у владельца таверны в Кросс-Крике в обмен на дрова. Кто-то из посетителей оставил ее там пару месяцев до этого.

– Вы одна? За вами никто не присматривает? – спросил он, осматриваясь по сторонам и хмурясь. – Может, мне стоит привести к вам свою дочь?

– Нет. Я... Мне никто не нужен. Я в порядке. А как вы? – быстро спросила я, предвидя последующие расспросы с его стороны. Он посмотрел на мое лицо и быстро отвел глаза. Взгляд его остановился в области моей ключицы, он положил книгу на стол и вытянул правую руку, обернутую тряпицей.

– Прошу прощения, мистрис. Я бы вас не побеспокоил, если бы только...

Я уже разматывала его руку. Похоже, во время потасовки с бандитами шов на руке разошелся, поняла я и ощутила, как скрутило живот от этой мысли. Сама рана не представляла опасности, но внутрь попала грязь, и края разошлись и покраснели, сырая поверхность была покрыта гнойным

налетом.

– Нужно было сразу прийти, – сказала я, но в моем тоне не было упрека. Я отлично знала, почему он этого не сделал. В общем-то, даже если бы он пришел, я вряд ли была бы в силах ему помочь.

Он пожал плечами, но отвечать не стал. Я усадила его и пошла за инструментами. К счастью, осталось еще немного дезинфицирующей мази, которую я делала для Джейми. Обработка спиртом, мазь, чистая повязка...

Кристи медленно переворачивал страницы романы, сосредоточенно сжав губы. Видимо, Генри Филдинг вполне сойдет за анестетик, на этот раз Библия не понадобится.

– Вы читаете романы? – спросила я, не пытаясь быть грубой, а просто удивленная тем, что он может почитать нечто столь фривольное.

Он замялся.

– Да. Я... Да. – Он глубоко вдохнул, когда я опустила его руку в чашу, но там была только вода, мыльный корень и совсем немного алкоголя, поэтому он почти сразу облегченно выпустил воздух.

– Вы раньше читали «Тома Джонса»? – спросила я, пытаясь отвлечь его беседой, чтобы он расслабился.

– Не совсем, хотя я знаю эту историю. Моя жена...

Он резко прервался. Никогда прежде он не упоминал о супруге. Я подумала, что он, должно быть, стал так разговорчив оттого, что испытал облегчение от отсутствия боли. Том Кристи, однако, понял, что должен закончить фразу, и неохотно продолжил:

– Моя жена... читала романы.

– Вот как? – пробормотала я, принимаясь вытаскивать мусор из раны. – Они ей нравились?

– Надо думать, что так.

Что-то странное было в его голосе, это заставило меня отвлечься от руки. Он поймал мой взгляд и, покраснев, отвернулся.

– Я... не одобрял чтение романов. Тогда.

Пару мгновений он молчал, удерживая руку в спокойном положении, а затем выпалил:

– Я сжег ее книги.

Это звучало больше похоже на то, что я от него ожидала.

– Наверное, это ей не очень понравилось, – мягко заметила я, и он бросил на меня оторопелый взгляд, как будто реакция его жены была настолько незначительной, что не стоила комментария.

– И... Что же заставило вас поменять свое мнение? – спросила я, сосредотачиваясь на фрагментах, которые я вытаскивала из раны щипцами.

Щепки и куски коры. Что он делал? Держал какую-то дубину или просто ветку? Я глубоко вдохнула, фокусируясь на своей задаче, чтобы отвлечься от мыслей о телах на поляне.

Он непроизвольно засучил ногами: теперь ему было немного больно.

– Я... Это... В Ардсмуире.

– Что? Вы читали в тюрьме?

– Нет. Там у нас не было книг. – Он сделал глубокий вдох, посмотрел на меня, затем в сторону и перевел взгляд на угол комнаты, где предприимчивый паук, воспользовавшись временным отсутствием миссис Баг, сплел внушительную паутину.

– На самом деле я никогда его не читал. Но мистер Фрэзер имел привычку рассказывать эту историю другим заключенным. У него хорошая память, – добавил он довольно угрюмо.

– Это так, – пробормотала я. – Зашивать рану не буду. Лучше, если она заживет сама. Боюсь, шрам уже не будет таким аккуратным, – добавила я несколько расстроено, – но все должно зажить.

Я густо нанесла мазь на рану и стянула края так близко, как только могла, чтобы не нарушить кровообращение. Бри экспериментировала с клейкими бинтами и изготовила кое-что полезное в форме маленьких бабочек, сделанных из накрахмаленной ткани и сосновой смолы.

– Ну так вам понравился «Том Джонс»? – спросила я, возвращаясь к этой теме. – Надо думать, он не показался вам привлекательным персонажем. Вряд ли его можно назвать образцом морали.

– Не понравился, – ответил он просто. – Но я понял, что художественная литература, – он произнес эти слова очень осторожно, как будто они таили в себе опасность, – возможно, не так плоха, как я думал, в ней не просто побуждение к праздности и греховным мыслям.

– О, вот как? – спросила я насмешливо, но стараясь не улыбаться из-за губы. – И чем же, на ваш взгляд, она себя искушает?

– Ну, – он сосредоточенно сдвинул брови, – это и кажется мне самым удивительным. Что нечто, по своей сути являющееся лишь нагромождением лжи, может оказывать столь благотворный эффект. Потому что она оказывала, – закончил он довольно удивленным тоном.

– Правда? И какой же?

Он наклонил голову, размышляя.

– Она развлекала, без сомнения. В подобных условиях развлечение не есть нечто порочное, – заверил он меня. – Хотя, конечно же, было бы разумнее обратиться к молитве...

– О, разумеется, – пробормотала я.

– Но помимо этого... она спланивала людей. Никогда бы не подумал, что эти люди – горцы, арендаторы – станут сопереживать таким... ситуациям, таким персонажам. – Он махнул свободной рукой на книгу, подразумевая, видимо, героев романа: сквайра Олверти и леди Белластон. – Но они обсуждали их часами. Когда мы работали на следующий день, они удивлялись, почему Энцин Нортертон так поступил в отношении мисс Вестерн, и спорили, повели бы они сами себя подобным образом или нет. – Его лицо несколько просветлело от каких-то воспоминаний. – И неизменно кто-нибудь качал головой и говорил: «Уж со мной точно никогда бы такого не произошло». Он мог голодать, изнывать от холода, быть покрытым язвами, жить оторванным от семьи и привычного уклада и при этом находил утешение в том, что никогда не испытывал страданий, выпавших на долю этих выдуманных людей!

Он даже улыбнулся этим мыслям, качая головой, и я подумала, что улыбка ему очень идет.

Я закончила свою работу и положила его руку на стол.

– Спасибо, – сказала я тихо.

Он потрясенно посмотрел на меня.

– Что? Почему?

– Я предполагаю, что ваша травма – это результат битвы за мою честь, – сказала я и легонько коснулась его руки. – Я, эээ... ну... – Я вдохнула поглубже. – Спасибо вам.

– О. – Он опешил и засмутился. – Я... ээээ... Хмм! – Отодвинув стул, Кристи поднялся, лицо у него горело.

Я тоже встала.

– Вам нужно будет каждый день накладывать свежую мазь, – сказала я, возвращая беседу в деловое русло. – Я сделаю еще. Вы можете сами прийти за ней или послать Мальву.

Он кивнул, но ничего не сказал, очевидно, исчерпав запас общительности на день. Я видела, как его взгляд задержался на обложке книги, и, подчинившись порыву, предложила ему роман.

– Хотите одолжить его? Вы должны прочесть его сами: уверена, Джейми не мог припомнить всех деталей.

– О! – Он выглядел удивленным и, нахмурившись, поджал губы, как будто подозревая, что здесь таится какой-то подвох. Однако когда я настояла, он взял книгу, держа ее в руках с выражением едва сдерживаемой жадности. Я задумалась, сколько времени прошло с тех пор, как он читал что-нибудь, кроме Библии.

Он благодарно кивнул мне и надел шляпу, собираясь уходить.

Подчинившись импульсу, я вдруг спросила:

– Вам выпал шанс извиниться перед своей женой?

Это было ошибкой. Его лицо похолодело, а глаза сделались безжизненными, как у змеи.

– Нет, – коротко ответил он. На мгновение я подумала, что он вернет книгу, но вместо этого он сжал губы плотнее, сунул томик под мышку и удалился, не попрощавшись.

Глав 31

Пора в постель

Больше никто не приходил. Когда опустилась темнота, я начала дергаться, вздрагивать от звуков, искать незнакомцев в сгустившихся тенях под каштанами. Я подумала, что нужно что-нибудь приготовить, наверняка Джейми и Йен вернутся домой к ужину. Или, быть может, лучше пойти перекусить в хижину к Бри и Роджеру.

Но меня передернуло от мысли о том, чтобы ввериться чьей-то заботе, неважно насколько искренней. К тому же, хоть мне самой пока не доставало смелости взглянуть в зеркало, я была совершенно уверена, что мой вид перепугает Джема или по меньшей мере вызовет много вопросов. Мне не хотелось придумывать для него объяснения. Я была почти уверена, что Джейми предупредил Брианну, чтобы она пока что держала дистанцию. Это хорошо. Я пока была не в форме, чтобы изображать благополучие. Еще нет.

Бродя по кухне, я бездумно брала в руки разные предметы и ставила их на место. Я стала открывать выдвижные ящики буфета и закрывать их, потом снова заглянула во второй, где Джейми хранил пистолеты.

Почти все они исчезли. Остался лишь один, отделанный золотом, со сдвинутым прицелом, рядом лежало несколько зарядов и маленькая пороховница в виде рога, такое нарядное оружие обычно изготавливается для дуэлей.

Слегка дрожащими руками я зарядила его и подсыпала немного пороха на огневую полку.

Когда, спустя долгое время, открылась задняя дверь, я сидела за столом с томиком «Дон Кихота» и, держа пистолет обеими руками, целилась на дверь. Йен тут же замер.

– Вы никогда не попадете ни в кого этим пистолетом с такого расстояния, тетушка, – сказал он мягко, заходя внутрь.

– Но они-то этого не знают, так? – Я осторожно опустила пистолет. Ладони вспотели, а пальцы болели от напряжения.

Он кивнул, соглашаясь, и сел.

– Где Джейми? – спросила я.

– Моется. Ты в порядке, тетя? – Теплые ореховые глаза не принужденно окинули меня, оценивая положение дел.

– Нет, но скоро будет лучше. – Я замялась. – А... Мистер Браун? Он сказал вам... что-нибудь?

Йен презрительно хмыкнул.

– Обмочился, когда дядя Джейми достал из-за пояса дирк, чтобы почистить ногти. Мы его не тронули, тетушка, не изводись.

Следом зашел Джейми, свежевыбритый, с холодной от колодезной воды кожей и влажными волосами на висках. Несмотря на это, он выглядел смертельно уставшим: морщины прорезались резче, а под глазами залегли круги. Однако лицо его немного просветлело, когда он увидел меня с пистолетом.

– Все в порядке, а níghean, – мягко сказал он, легонько касаясь моего плеча и садясь рядом. – На всякий случай я поставил мужчин в караул вокруг дома. Хотя, думаю, еще по меньшей мере несколько дней все должно быть спокойно.

Я протяжно выдохнула.

– Мог бы и сказать мне об этом.

Он удивленно посмотрел на меня.

– Я посчитал, ты поймешь. Ты, конечно, не думала, что я оставил бы тебя без охраны, саксоночка?

Я покачала головой, тут же потеряв способность говорить. Если бы я была в состоянии мыслить логически, я бы, конечно же, так не подумала. Но вышло так, что я провела большую часть дня в состоянии тихого и совершенно напрасного ужаса, воображая худшее, вспоминая...

– Прости, любимая, – нежно сказал он, положив свою большую, холодную ладонь поверх моей. – Я не должен был оставлять тебя одну. Я думал...

Я покачала головой, но положила свою руку на его, крепко сжимая.

– Нет, ты все правильно сделал. Я бы не вынесла ничьей компании, кроме Санчо Пансы.

Он взглянул на «Дон Кихота», затем на меня и вопросительно приподнял брови. Книга была на испанском, которым я не владела.

– Ну, кое-что похоже на французский, и я знаю сюжет.

Я глубоко вдохнула, утешаясь близостью тепла от очага, огоньком

свечи и присутствием их двоих, таких больших, целокупных, рациональных и, по крайней мере внешне, невозмутимых.

– Есть какая-нибудь еда, тетушка? – спросил Йен, поднимаясь, чтобы посмотреть.

В отсутствие аппетита и слишком взвинченная, чтобы на чем-либо сосредоточиться, я не ужинала и ничего не приготовила. Однако в этом доме всегда была еда, и Джейми с Йеном без лишнего шума накрыли на стол, вытащив остатки пирога с куропаткой, несколько вареных яиц, тарелку пикулей с пряностями и полбуханки хлеба, который они порезали на куски и поджарили на огне, наколов на вилки. Потом намазали тосты маслом и, не обращая внимания на мои возражения, скормили их мне.

Горячий хлеб с маслом приносит глубокое удовлетворение, даже если его поедание несколько омрачено больной челюстью. Насытившись, я стала гораздо спокойнее и нашла в себе силы расспросить о том, что рассказал Лайонел Браун.

– Он все свалил на Ходжепила, – сказал мне Джейми, накладывая пикули на кусок пирога. – Ну естественно.

– Ты не встречался с Ходжепилом, – сказала я, ощутив, как побежали по телу мурашки. – То есть... не говорил с ним.

Он бросил на меня жесткий взгляд, но не стал продолжать эту тему, вместо этого предоставив Йену рассказывать историю по версии Лайонела Брауна. Все началось с него и его брата Ричарда, основавших комитет безопасности. Браун настаивал на том, что это предприятие было задумано исключительно в интересах людей – простым и понятным. Джейми фыркнул на это, но перебивать не стал.

Большинство мужчин Браунсвиля присоединились к комитету, в то время как мелкие фермеры и владельцы крупных имений в округе этого не сделали. До поры до времени все шло хорошо. Комитет разбирался с мелкими происшествиями, рассматривал дела о нападениях, кражах и тому подобное, и, если они и забирали себе немного свиней и оленьих туш в качестве оплаты за хлопоты, особых жалоб не поступало.

– Там все еще помнят о регуляторах, – объяснял Йен, нахмутив брови и намазывая новый кусок хлеба. – Брауны не присоединились к движению регуляторов, не было нужды: их кузен был шерифом, половина служащих в суде были Брауны или связаны узами брака с Браунами. Словом, они были у кормушки.

Регуляторские настроения все еще были довольно сильны в глубинке, даже несмотря на то, что основные лидеры движения, такие как Хермон Хазбенд и Джеймс Хантер, покинули колонию. После битвы при Аламансе

многие регуляторы стали осторожнее в выражении своих взглядов, но несколько регуляторских семейств, живших неподалеку от Браунсвиля, стали все активнее критиковать влияние Браунов на местную политику и бизнес.

– Тиг О’Брайан был одним из них? – спросила я, чувствуя, как намазанный маслом тост превращается в камень в желудке. Джейми рассказал мне, что случилось с О’Брайанами, и я видела лицо Роджера, когда они вернулись.

Джейми кивнул, не отрывая взгляд от пирога.

– Здесь на сцену выходит Арвин Ходжепил, – сказал он, свирепо откусывая очередной кусок. Ходжепил, ловко избежавший ареста, симитировав свою гибель во время пожара на складе в Кросс-Крике, стал зарабатывать на жизнь разными сомнительными занятиями. Рыбак рыбака видит издалека, и в итоге вокруг него собралась небольшая шайка головорезов-единомышленников.

Эта банда начинала с малого: они просто грабили проезжавших мимо, захватывали таверны и тому подобное. Такое поведение обычно привлекает внимание, из-за многочисленных констеблей, шерифов, комитетов безопасности и подобных инстанций у себя на пути банда перебралась из предгорий, где они начинали, в горы, с их уединенными, изолированными от целого мира фермами и поместьями. Они также начали убивать своих жертв, чтобы не быть узванными и избежать преследования.

– Или большинство жертв, – пробормотал Йен. Несколько секунд он рассматривал яйцо у себя в руке, а потом положил его обратно на стол.

Во время своей службы в Кросс-Крике Ходжепил наладил множество контактов с речными торговцами и контрабандистами. Некоторых интересовали шкуры, других все, что могло принести прибыль.

– И им пришлось в голову, – сказал Джейми, делая глубокий вдох, – что девочки, женщины и юные мальчики стоят больше, чем что бы то ни было, за исключением, быть может, виски. – Угол его рта дернулся, но это была не улыбка.

– Наш мистер Браун настаивает, что не имел к этому никакого отношения, – вставил Йен с ноткой цинизма. – Как и его брат, и комитет вообще.

– Но как Брауны ввязались в банду Ходжепила? – спросила я. – И что они делали с людьми, которых похищали?

В ответ на первый вопрос я услышала, что это был благополучный исход неудачного ограбления.

– Помнишь старую хижину Аарона Бердсли?

– Еще бы не помнить, – сказала я, непроизвольно сморщив нос при воспоминании о том отвратительном свинарнике, и тут же вскрикнула, прижимая обе руки к израненному отростку.

Джейми глянул на меня и насадил очередной кусок хлеба на вилку.

– Ну так вот, – продолжил он, игнорируя мои замечания о том, что я уже сыта. – Брауны забрали ее себе, конечно, когда удочерили малышку. Они вычистили ее, снабдили всем необходимым и продолжили использовать как торговый пост.

Индейцы чероки и катуаба привыкли к этому месту, каким бы ужасным оно ни было, они приходили туда, когда делами заправлял Аарон Бердсли, и продолжили торговлю с новыми управляющими. Со всех сторон удачное приобретение.

– И Ходжепил это понял, – вставил Йен.

– Шайка Ходжепила с их обычными незамысловатыми методами ведения бизнеса напала на место, застрелила семейную пару управляющих и начала систематически разорять место. Одиннадцатилетняя дочь хозяев, которая в момент нападения была в амбаре, выскользнула наружу, оседлала мула и что есть мочи помчалась в Браунсвилль за помощью. Ей повезло встретить по пути комитет безопасности, возвращавшийся с какого-то задания, и она привела их как раз вовремя, чтобы застать бандитов.

Там с ними случилось то, что позже назовут «мексиканским тупиком». Брауны окружили дом. Однако у Ходжепила в заложниках была Алисия Бердсли-Браун – двухлетняя девочка, которая являлась настоящей владелицей этого места и была удочерена Браунами по смерти ее предполагаемого отца.

У Ходжепила было достаточно продовольствия и оружия внутри, чтобы выдержать многонедельную осаду. Брауны же не желали поджигать такую ценную собственность, чтобы выкурить оттуда бандитов, а в случае штурма они рисковали бы жизнью девочки. Через день или два, в ходе которых между сторонами случилось несколько ленивых перестрелок, а члены комитета пришли в крайнее раздражение оттого, что им пришлось разбить лагерь в лесу вокруг фактории, из верхнего окна дома показался флаг перемирия, и Ричард Браун вошел внутрь для переговоров.

Результатом стала странного рода сделка. Банда Ходжепила продолжит заниматься своими делами, держась подальше от имущества, находящегося под протекцией Браунов, но они станут приносить трофеи с ограблений сюда, к торговому посту, где смогут их без подозрений сбыть за хорошую цену, при этом банда будет получать приличную долю.

– Трофеи, – сказала я, принимая свежий тост из рук Джейми. – Это...

пленники?

– Иногда. – Он крепче сжал губы, наливая сидр и передавая мне кружку. – В зависимости от того, где они находились. Когда пленников захватывали в горах, некоторых из них продавали индейцам через факторию. Тех, что попадались им в предгорьях, они увозили к речным пиратам или на побережье, к кораблям, отходящим в Вест-Индию, – это лучшая цена, верно? Четырнадцатилетний паренек принесет не меньше сотни фунтов.

Мои губы онемели, и не только из-за сидра.

– Как долго это продолжалось? – спросила я потрясенно. – Скольких они продали? – Дети, девушки, юноши, увезенные далеко от дома и хладнокровно проданные в рабство. Никто не стал бы их искать. Даже если кому-то удавалось сбежать, идти было некуда, некуда возвращаться.

Джейми вздохнул, он выглядел невероятно уставшим.

– Браун не знает, – сказал Йен тихо. – Он говорит... Говорит, что не имеет к этому отношения.

– Черта с два он не имеет к этому отношения, – бросила я, приступ ярости моментально затмил ужас. – Он был вместе с Ходжепиллом, когда они явились сюда. Знал, что они хотят забрать виски. И он наверняка был с ними и до этого, когда они занимались другими вещами.

Джейми кивнул.

– Он утверждает, что пытался остановить их, когда они забирали тебя.

– Пытался, – коротко ответила я. – А потом пытался заставить их убить меня, чтобы ты не узнал, что он был среди них. А потом хотел, мать его, утопить меня собственными руками! Не думаю, что он потрудился рассказать тебе об этом.

– Нет, не рассказал, – Йен обменялся быстрым взглядом с Джейми, и я увидела меж ними какое-то безмолвное согласие. Меня вдруг осенило, что я, возможно, только что решила судьбу Лайонела Брауна. Если и так, я не чувствовала себя особенно виноватой.

– Что... Что вы собираетесь сделать с ним? – спросила я.

– Думаю, я повешу его, – ответил Джейми после секундной паузы. – Но у меня еще есть вопросы, на которые я хочу получить ответы. И мне нужно подумать о том, как все организовать. Но ты не тревожься об этом, саксоночка. Ты его больше не увидишь.

Сказав это, Джейми встал и потянулся, суставы захрустели. Потом он подвигал плечами, со вздохом приходя в себя, подал мне руку и поднял со стула.

– Иди в постель, саксоночка, я тоже сейчас поднимусь. Мне только

нужно перекинуться парой слов с Йеном.

* * *

Горячие тосты с маслом, сидр и беседа мгновенно заставили меня почувствовать себя лучше. Однако я обнаружила, что ощущаю такую усталость, что едва могу подняться по лестнице. Я села на кровать, рассеянно покачиваясь и надеясь найти в себе силы, чтобы снять одежду. Это было за пару секунд до того, как я заметила Джейми, мнущегося в дверях.

– Эм?.. – промычала я слабо.

– Я не знал, хочешь ли ты, чтобы я остался с тобой на ночь, – сказал он неуверенно. – Если ты хочешь отдохнуть одна, то я лягу у Джозефа. Или, если так будет лучше, могу лечь здесь на полу.

– О, – отозвалась я безжизненно, пытаюсь оценить эти варианты. – Нет. Остаюсь. То есть спи со мной. – Со дна своего колодца усталости я сумела выдавить нечто похожее на улыбку. – По крайней мере согреешь постель.

Причудливое выражение пробежало по его лицу после этих слов, и я моргнула, не вполне уверенная, что мне не примерещилось. Но нет, я и правда его увидела: это было что-то между стыдом и нервической веселостью, при этом где-то в глубине глаз таилась героическая покорность, как если бы он решился взять на себя риск.

– Чем таким ты, ради всего святого, занимался? – спросила я, удивленная достаточно сильно, чтобы очнуться от дремы.

Стыд вышел на первый план, кончики его ушей покраснели, щеки залила краска, это было заметно даже в слабом свете ночника, который я поставила на стол.

– Я не собирался рассказывать тебе, – промямлил он, избегая моего взгляда. – Йен и Роджер поклялись молчать.

– О, они были немые как могилы, – заверила я его. Хотя этот факт, возможно, объяснял странный взгляд Роджера, время от времени появляющийся на его лице в последнее время. – Что происходит?

Он вздохнул, царапая пол кончиком ботинка.

– Ну. Что ж. Это все Чисква, понимаешь? Он просто хотел показать гостеприимность в первый раз, но потом, когда Йен сказал ему... Это вообще была не лучшая идея в тех обстоятельствах, просто... А когда мы пришли во второй раз, они снова были там, только другая пара, и когда я попросил их уйти, они сказали, что Чисква просил передать: так он

выражает уважение моей клятве, потому что чего стоит клятва, если за нее не приходится платить? И будь я проклят, если знаю, имел ли он в виду именно это, или хотел, чтобы я сломался, и тогда он мог бы манипулировать мной, или решил, что так или иначе добьется от меня желанных ружей. А может, он просто решил посмеяться надо мной? Даже Йен сказал, что не может понять, в чем тут дело, и если он...

– Джейми, – сказала я, – о чем ты вообще говоришь?

Он бросил на меня взгляд исподлобья и снова отвел глаза.

– Ммм... о голых женщинах, – промямлил он и покраснел, сливаясь со своей новой фланелевой рубашкой.

Какие-то секунды я просто смотрела на него. В ушах у меня по-прежнему гудело, но со слухом вроде бы все было в порядке. Я ткнула в него пальцем, очень аккуратно, потому что кисти были все еще опухшими и синими.

– Ты, – сказала я очень четко, – сейчас же иди сюда, сядь, – я показала на место на кровати рядом с собой, – и расскажи мне по-человечески, что с тобой произошло.

Он послушался, и спустя пять минут я уже каталась по постели от смеха, постанывая от боли в сломанных ребрах, по щекам и ушам бежали слезы.

– Господи, господи, господи, – выдыхала я. – Я не могу, я правда больше не могу. Помоги мне сесть. – Я вытянула руку и вскрикнула от боли, когда его пальцы сомкнулись на моем истерзанном запястье, однако сумела подняться и сложилась пополам, крепче сжимая подушку у живота каждый раз, когда меня накрывал очередной приступ неконтролируемого смеха.

– Рад, что тебе это кажется забавным, саксоночка, – сказал Джейми очень сухо. Он уже избавился от своего замешательства, хотя щеки по-прежнему рдели. – Уверена, что это не истерика?

– Нет, совсем нет. – Я втянула носом воздух, вытирая глаза влажным льняным носовым платком, затем весело фыркнула. – Ох! Ой, боже, как больно.

Вздыхая, он налил в кружку воды из кувшина, стоящего на столе, и подал мне. Вода была холодная, но безвкусная и довольно застоявшаяся. Я подумала, что она, должно быть, стоит здесь с тех самых пор...

– Ладно, – сказала я, отдавая кружку и осторожно промокивая влагу с губ. – Я в порядке. – Я часто дышала, чувствуя, как сердце восстанавливает нормальный ритм. – Что ж. Теперь я по крайней мере знаю, почему ты возвращался от чероки в состоянии такого... такого... – Я почувствовала,

как из груди снова поднимается смех и согнулась, постанывая, пока гасила его. – О, Иисус твою Рузвельт Христос. А я-то думала, что это мысли обо мне сводят тебя с ума от желания.

Джейми тихонько насмешливо фыркнул, поставил кружку, поднялся и откинул покрывало. Он посмотрел на меня, и глаза его были чистыми, абсолютно искренними.

– Клэр, – сказал он нежно, – это была ты. Это была ты и всегда будешь. Залезай в кровать и задуй свечу. Как только я закрою ставни, притушу очаг и запру дверь, я приду тебя согреть.

* * *

– Убей меня.

Глаза Рэндолла лихорадочно горели.

– Убей меня, – говорил он. – Любовь моя.

Джейми вздрогнул и проснулся, все еще слыша, как слова отдаются эхом в голове, видя промокшие от дождя волосы и залитое водой, как у утопленника, лицо Рэндолла.

Он сильно потер лицо ладонью, удивляясь тому, что кожа сухая, а вместо бороды лишь ее призрачная тень. Ощущение влаги на теле и чесотка месячной щетины были так сильны, что он поднялся и, двигаясь на ощупь, подошел к окну, где луна светила сквозь щели в ставнях. Налил немного воды в таз, подвинул его к лучу и заглянул внутрь, как в зеркало, чтобы избавиться от навязчивого ощущения, что он был кем-то другим в каком-то другом месте. Лицо в воде было не более чем смутным овалом, но чисто выбритым, а волосы свободно свисали на плечи, а не были забраны назад для битвы. И все же казалось, что перед ним лицо чужака.

Растревоженный, он оставил воду в тазу и через мгновение юркнул обратно в постель. Она спала. Джейми даже не подумал о ней, когда проснулся, но теперь ее присутствие успокоило его. Джейми любил это лицо даже таким – избитым и опухшим.

Он положил руку на спинку кровати, твердость древесины утешала. Иногда он просыпался, но сон оставался с ним, и реальный мир становился призрачным, непрочным вокруг. Иногда ему было страшно, что он сам окажется призраком.

Но простыни холодили кожу, а тепло Клэр возвращало его в настоящее. Джейми потянулся к ней, и она повернулась на бок, спиной к нему, удобно устраиваясь в его руках с тихим стоном удовольствия, ее

ягодицы крепко прижимались к его бедрам.

Она тут же снова уснула, на самом деле она и не просыпалась по-настоящему. Ему очень хотелось разбудить ее, заставить говорить с собой, просто чтобы убедиться, что она его видит и слышит. Но Джейми просто стиснул ее покрепче в объятиях и смотрел на дверь сквозь ее кудрявые волосы, как будто она может вдруг открыться, а за ней окажется Джек Рэндолл, насквозь промокший, со струящимися по телу потоками дождя.

«Убей меня, – он сказал. – Моя любовь».

Сердце билось медленно, эхом отдаваясь в ухе, прижатом к подушке. В иные ночи Джейми засыпал, прислушиваясь к нему, умиротворенный глухими монотонными ударами. Другой раз, как сейчас, он вслушивался в мертвую тишину между ударов – в тишину, которая терпеливо ждет всякого смертного.

Он откинул одеяла, но теперь снова натянул их так, чтобы Клэр была целиком укрыта, а его спина оставалась голой, открытой холоду комнаты, так, чтобы нельзя было сразу провалиться в сон и вернуться туда. Пусть сон борется за него с холодом и в конце выдернет его из бодрствования прямо в черноту забвения.

Потому что ему не хотелось знать, что этим пытался сказать Рэндолл.

Глава 32

Повешенье – это слишком хорошо

Утром миссис Баг вернулась на кухню, и воздух наполнился теплом и запахом стряпни. Она вела себя как обычно, и за исключением быстрого взгляда на мое лицо и короткого неодобрительного причмокивания не стала разводить шум. Либо у нее было больше такта, чем я полагала, либо с ней говорил Джейми.

– Вот, милая, поешь, пока не остыло. – Миссис Баг переложила немного рагу с индейкой из большого блюда мне на тарелку и проворно накрыла сверху жареным яйцом.

Я благодарно кивнула и без энтузиазма взялась за вилку. Челюсть по-прежнему была опухшей, так что поглощение пищи оставалось болезненным процессом.

Я благополучно проглотила яичницу, хотя сильный, масляный запах жареного лука забивал ноздри. Откусив маленький кусочек картофеля, я размяла его о верхнее нёбо, раздавив языком, чтобы не жевать, а затем смысла внутрь, сделав глоток кофе.

Скорее в надежде отвлечься, чем из-за интереса, я спросила:

– И как себя чувствует мистер Браун этим утром?

Миссис Баг поджала губы и опустила кухонную лопатку с жареной картошкой так, будто в ней находились мозги Брауна.

– Далеко не так плохо, как он того заслуживает, – сказала она. – Петля для него слишком хороша, для этой мерзкой кучи навоза, кишашей червями.

Я выплюнула картошку, которую разминала, и сделала быстрый глоток кофе. Он коснулся желудка и стал подниматься назад. Отодвинув скамью, я бросилась к двери и успела как раз вовремя, чтобы меня стошнило на кусты ежевики желчью, кофе и жареным яйцом.

Я смутно осознавала, что миссис Баг беспокойно маячит в дверях, и махнула ей рукой. Она помедлила секунду, но, когда я встала и пошла к колодцу, зашла в дом. Казалось, вся моя голова пропитана кофе и желчью, в носу ужасно жгло. Было такое ощущение, что опять пошла кровь, но когда я дотронулась до лица, оно было сухим. Осторожно прополоскав рот водой, я избавилась от неприятного привкуса, но ничто не могло отогнать панику, пришедшую с тошнотой.

У меня вдруг появилось внезапное, очень четкое и странное ощущение. Что я лишилась кожи. Ноги задрожали, и я присела на колоду, где мы рубили дрова, не обращая внимания на колючие щепки.

«Я не могу, – подумала я. – Я просто не могу».

Я сидела на пне и не могла найти в себе сил подняться. Я очень четко ощущала свою матку. Маленькая круглая тяжесть внизу живота, чуть припухшая, чувствительная.

«Ничего», – подумала я со всей решимостью, на какую была способна. Это совершенно нормально, особенно в определенные периоды цикла. К тому же после того, что делали мы с Джейми... ничего, черт побери, удивительного, что я до сих пор ощущала все внутри. Хотя вчера ничего такого не было, мне просто хотелось лежать в его объятиях. С другой стороны, я едва не убила себя, смеясь. Короткий смешок вырвался у меня и сейчас, когда я вспомнила признание Джейми. Это было больно, и я схватилась за ребра, но немного взбодрилась.

– Да пошло это все, – вслух сказала я и поднялась. – У меня полно дел.

Ободренная этим смелым заявлением, я отправилась за своей корзинкой и ножом, предупредила миссис Баг об уходе и пошла к Кристи.

Я осмотрю руку Тома и позову Мальву со мной искать корень женьшеня и другие полезные растения, какие встретятся нам по пути. Она оказалась способной ученицей, наблюдательной и быстрой, с хорошей

памятью на травы. Я думала научить ее выращивать колонии пенициллина. Заниматься сбором влажного, плесневелого мусора будет утешительно. Я подавила рвотный рефлекс, проснувшийся от этих мыслей, и подставила избитое лицо утреннему солнцу.

Я не собиралась беспокоиться о том, что Джейми намерен делать с Лайонелом Брауном.

Глава 33

В которой миссис Баг все берет в свои руки

Следующим утром я почувствовала себя значительно лучше. Желудок успокоился, и я с трепетом ощутила прилив жизненных сил. Это было хорошо, поскольку, несмотря на увещевания Джейми, миссис Баг не была намерена смирно наблюдать за происходящим.

Травмы уже причиняли меньше боли, а руки почти вернулись к нормальному состоянию, но я по-прежнему чувствовала себя крайне утомленной и, по правде говоря, была рада положить ноги на скамью и послушно принимать принесенную чашечку кофе (запасы чая почти иссякли, и пополнить их в ближайшие годы вряд ли получится) и тарелку рисового пудинга с изюмом.

– И вы точно уверены, что ваше лицо снова станет похожим на лицо? – Миссис Баг подала мне свежую булочку, намазанную маслом и медом, и с сомнением глядела на меня, поджав губы.

Я испытывала искушение спросить ее, на что оно похоже сейчас, но была совершенно уверена, что не хочу слышать ответ. Вместо этого я ограничилась коротким «да» и попросила еще кофе.

– Я знавала одну женщину в Киркалди, так однажды ее в лицо лягнула корова, – сказала она, по-прежнему скептически осматривая меня и наполняя чашку. – Она потеряла все передние зубы, бедняжка, а ее нос с тех пор смотрел в сторону, вот так. – Миссис Баг указательным пальцем отодвинула в сторону свой круглый маленький нос в качестве иллюстрации, одновременно пряча верхнюю губу за нижней, чтобы изобразить беззубость.

Я осторожно потрогала свою переносицу, но она была обнадеживающе прямой, хотя все еще опухшей.

– А еще был Уильям Маккри из Балгауни, он сражался вместе с моим Арчем в Шерифмуире. Угодил на английский штык, который снес ему полчелюсти и большую часть носа! Арч говорил, можно было заглянуть ему

прямо в глотку и внутрь черепа, – но он выжил. Ел овсянку и пил виски в основном.

– Какая прекрасная идея, – сказала я, откладывая надкушенную булочку. – Я, пожалуй, пойду и налью себе немного.

Держа в руках чашку, я убежала, минуя коридор, в свою хирургическую так быстро, как только могла, вслед мне летела история о некоем Доминике Малруни, ирландце, который врезался лицом прямо в церковные двери в Эдинбурге, будучи трезвым как стекло...

Я закрыла за собой дверь кабинета, открыла окно и вылила остатки кофе наружу, затем взяла с полки бутылку и наполнила свою чашку до краев. Я собиралась расспросить миссис Баг о состоянии здоровья Лайонела Брауна, но... Вероятно, это может подождать. Я обнаружила, что руки снова дрожат, и прижала их ладонями к столу на мгновение, чтобы успокоить перед тем, как взять чашку.

Я сделала глубокий вдох и глотнула виски. Еще. Да, так лучше. Волны беспричинной паники до сих пор неожиданно накатывали на меня время от времени. Этим утром их не было, и я понадеялась, что они ушли полностью. Но, видимо, пока нет.

Я пригубила еще виски, стерла холодный пот, проступивший на висках, и оглянулась вокруг с целью найти себе какое-нибудь занятие. Вчера мы с Мальвой приготовили немного нового пенициллина и сделали свежую настойку из посконника и кандыка, а также немного мази из горечавки. Кончилось тем, что я стала перелистывать свою большую черную тетрадь, потягивая виски и задерживаясь на страницах, подробно описывающих пугающие осложнения во время родов.

Я понимала, что делаю, но, казалось, была не в состоянии остановиться. Я не беременна. Я была уверена в этом. И все же чувствовала, что матка напряжена, воспалена, и все мое существо выведено из равновесия.

О, там была забавная вещь: одна из записей Дэниела Роулингса описывала рабыню средних лет, страдавшую от ректовагинального свища, ставшего причиной того, что в ее вагину постоянно просачивалось некоторое количество кала.

Подобные свищи появлялись в результате осложнений при родах и были распространены среди очень молодых девушек, напряжение во время затяжных родов часто бывает причиной таких разрывов, или среди пожилых женщин, у которых ткани с возрастом становятся менее эластичными. Конечно, для пожилых женщин подобное повреждение вполне могло сопровождаться полной деформацией промежности, в ходе

которой матка, уретра и даже, возможно, анус могли опуститься сквозь тазовое дно.

– Какое счастье, что я не беременна, – произнесла я вслух, решительно захлопывая журнал. Пожалуй, стоит еще разок полистать «Дон Кихота».

Иными словами, приход Мальвы Кристи где-то после полудня принес мне облегчение.

Она бросила быстрый взгляд на мое лицо, но, как и днем раньше, никак не прокомментировала мой вид.

– Как рука отца? – спросила я.

– О, все в порядке, мэм, – быстро ответила она. – Я проверила так, как вы сказали: нет ни красных полос, ни гноя, только немного воспалено в месте разреза. Я заставила его сгибать пальцы, как вы просили, – добавила она, и на щеке ее показалась ямочка. – Он не хотел слушаться, и вид у него был такой, будто я в него тыкала иголками, но он это сделал.

– О, отлично! – сказала я и потрепала ее по плечу, и она зарделась от гордости. – Думаю, ты заслужила бисквит с медом, – добавила я, заметив невероятный запах выпечки, который плыл из кухни уже целый час. – Пойдем-ка.

Когда мы вышли в коридор и повернули в сторону кухни, я услышала странный звук у нас за спиной. Это было что-то вроде стука, как если бы крупное животное с трудом взбиралось по доскам крыльца.

– Что это? – спросила Мальва, тревожно оглядываясь через плечо.

Громкий стон был ей ответом и отчетливый грохот – нечто сотрясло входную дверь, обрушившись на нее.

– Мария, Иосиф и святая Бригитта! – Миссис Баг выскочила из кухни, крестясь. – Что там?

Мое сердце бешено стучало, во рту пересохло. Что-то большое и темное заслонило полоску света под дверью, до нас доносилось хрипящее дыхание вперемежку со стонами.

– Что бы это ни было, оно болеет или ранено, – сказала я. – Отойдите. – Я вытерла руки о фартук, сглотнула, направилась вперед и распахнула дверь.

В первое мгновение я не узнала его: это была просто гора плоти, всклокоченных волос и грязных лохмотьев. Но затем он с трудом поднялся на одно колено и, задыхаясь, поднял голову, обратив ко мне мертвенно-бледное лицо, лоснящееся от пота и раскрашенное синяками.

– Мистер Браун? – сказала я, не веря себе.

Его глаза казались стеклянными, я даже не была уверена, что он меня видит, однако он явно узнал мой голос, потому что бросился вперед, едва

не сбив меня с ног. Я сообразила быстро отступить назад, но он схватил меня за ногу, выкрикивая: «Пощады, мистрис! Мистрис, смилуйтесь надо мной, умоляю!»

– Что во имя... Отцепитесь от меня. Отцепитесь, говорю! – Я задержала ногой, пытаюсь отделаться от него, но он прилип, как моллюск, и продолжал заунывно и хрипло молить о пощаде.

– О, да заткнись ты, – резко бросила миссис Баг. Оправившись от шока, она оказалась ничуть не смущенной его появлением, однако была ощутимо раздражена.

Лайонел Браун не заткнулся, он по-прежнему настаивал на пощаде, несмотря на мои попытки утихомирить его. Нас обоих прервала миссис Баг, которая наклонилась вперед с большим молотком для мяса и аккуратно стукнула им мистера Брауна по голове. Глаза его закатились, и он безмолвно обмяк.

– Мне ужасно жаль, миссис Фрэзер, – извиняющимся тоном произнесла женщина. – Ума не приложу, как он выбрался, не говоря уж о том, как добрался сюда.

Я тоже не знала, как он выбрался, но было вполне очевидно, как он добрался: он полз, волоча сломанную ногу. Ноги и руки были исцарапаны и сочились кровью, штаны разорваны в клочья, и весь он был покрыт грязью, облеплен листьями и травой. Я наклонилась и вытащила лист вяза из его волос, пытаюсь сообразить, что с ним теперь делать. Хотя... это было очевидно.

– Помогите мне перенести его в мой кабинет, – сказала я, вздыхая и наклоняясь, чтобы взять его под мышки.

– Вы не можете этого делать, миссис Фрэзер! – Миссис Баг была возмущена. – Сам строго наказал, что вас нельзя тревожить этим мерзавцем, даже видеть его нельзя!

– Ну, боюсь, со вторым вы уже опоздали, – сказала я, волоча безвольное тело. – Мы не можем просто оставить его на крыльце, так ведь? Помогите-ка мне!

Миссис Баг, казалось, не видела причин, по которым нельзя было бы оставить мистера Брауна валяться на крыльце, но когда Мальва, во время истерики Брауна прижавшаяся к стене с вытаращенными глазами, начала мне помогать, миссис Баг со вздохом сдалась, опустив свое оружие и принявшись за работу.

К тому времени, как мы уложили его на операционный стол, он пришел в себя и застонал.

– Не дайте ему убить меня... Пожалуйста, не дайте меня убить!

– Вы можете помолчать? – спросила я, изрядно раздраженная. – Дайте мне осмотреть вашу ногу.

Никто не переделал мою старую шину, и его путешествие из жилища Багов не пошло ему на пользу: сквозь повязку сочилась кровь. Я была откровенно удивлена, что ему удалось проделать такой путь, учитывая другие повреждения. Кожа была холодной, а дыхание неглубоким, но его не так уж сильно лихорадило.

– Не могли бы вы принести мне немного воды, пожалуйста, миссис Баг? – попросила я, осторожно ощупывая сломанную конечность. – И, возможно, чуть-чуть виски? Ему понадобится обезболивающее.

– Нет, – ответила миссис Баг, бросая на пациента взгляд, полный неприязни. – Мы должны были бы просто избавить мистера Фрэзера от необходимости иметь дело с этим дерьмом, если ему недостает вежливости, чтобы помереть самостоятельно. – Она все еще держала в руках молоток и угрожающе занесла его, заставив мистера Брауна съежиться и вскрикнуть, – движение потревожило его сломанное запястье.

– Я схожу за водой, – сказала Мальва и исчезла.

Игнорируя мои попытки заняться его повреждениями, мистер Браун схватил мое запястье здоровой рукой, его хватка оказалась неожиданно крепкой.

– Не дайте ему убить меня, – проговорил он хрипло, уставившись на меня красными глазами. – Пожалуйста, умоляю вас!

Я растерялась. Не то чтобы я забыла о существовании мистера Брауна, но я относительно успешно подавляла мысли о нем в последние дни. Я была рада не думать о нем.

Он заметил мою растерянность и облизнул губы, снова пускаясь в атаку.

– Спасите меня, миссис Фрэзер, заклинаю вас! Вы единственная, кого он послушает!

Не без труда я оторвала его руку от своего запястья.

– А почему вы считаете, что вас кто-то собрался убивать? – спросила я осторожно.

Браун не засмеялся, но его рот на секунду скривила ухмылка.

– Он сказал, что сделает это. И я не сомневаюсь, что так и будет. – Он немного успокоился и сделал глубокий дрожащий вдох. – Пожалуйста, миссис Фрэзер, – сказал он уже тише, – прошу вас, спасите меня.

Я взглянула на миссис Баг и прочла правду в ее сложенных под грудью руках и сжатых губах. Она знала.

В этот момент в комнату ворвалась Мальва с чашкой горячей воды в

одной руке и бутылкой виски в другой.

– Что мне делать? – спросила она, запыхавшись.

– Эээ... В шкафу, – сказала я, пытаюсь сосредоточиться. – Ты знаешь, как выглядит окопник... и посконник? – Я удерживала запястье Брауна, машинально замеряя пульс. Он зашкаливал.

– Ага, мэм. Мне замочить немного? – Она поставила бутылку и чашку и уже шарил в шкафу.

Я встретила глазами с Брауном, пытаюсь сохранять бесстрашие.

– Вы убили бы меня, если бы все сложилось иначе, – сказала я очень сдержанно. Мое сердце тоже выскакивало из груди.

– Нет, – ответил он, но отвел взгляд. Лишь на секунду, но отвел. – Нет, я бы никогда не совершил такого!

– Вы говорили Х-ходжепилу убить меня. – Я запнулась на имени, и меня внезапно накрыла волна ярости. – Вы знаете, что говорили!

Его левое запястье, похоже, было сломано, и никто не вправил его. Плоть опухла, потемнела от кровоподтеков. Но даже несмотря на это, он накрыл ладонью мою руку в настойчивом желании убедить меня. Его запах был прогорклым, острым и диким, как... Я вырвала руку, отвращение вдруг расплзлось по коже, словно полчище многоножек. Пытаясь сдержать подступающую рвоту, я вытерла ладонь о передник.

Это не мог быть он. Я была почти уверена в этом. Из всех мужчин это не мог быть он: он сломал ногу днем. Не было никакой возможности, чтобы он оказался той неотвратимой, толкающей, зловонной тяжестью в ночи. И все же я чувствовала, что это был именно он; я сглотнула желчь, моя голова внезапно закружилась.

– Миссис Фрэзер? Миссис Фрэзер! – Мальва и миссис Баг заговорили одновременно, и прежде, чем я поняла, что происходит, миссис Баг усадила меня на табурет, удерживая в сидячем положении, а Мальва стремительно прижала чашку с виски к моим губам.

Я пила, закрыв глаза, желая поскорее раствориться в чистом, остром аромате, в ярком вкусе напитка.

Мне вспомнилась ярость Джейми в ту ночь, когда он привез меня домой. Будь Браун тогда с нами в комнате Джейми, без сомнения, убил бы этого человека. Поступил бы он так же сейчас, на холодную голову? Я не знала. Браун был совершенно уверен, что да.

До меня доносились всхлипы Брауна: тихие, безнадежные звуки. Я проглотила остатки виски, оттолкнула чашку и выпрямилась, открыв глаза. К моему удивлению, я тоже плакала.

Я встала и вытерла лицо передником. Он успокаивающе пах маслом,

корицей и яблочным повидлом, этот запах притупил тошноту.

– Отвар готов, миссис Фрэзер, – прошептала Мальва, касаясь моего рукава. Ее глаза были сосредоточены на Брауне, жалко съежившемся на столе. – Выпьете его?

– Нет, – сказала я. – Отдай это ему. Еще мне понадобятся перевязки, а потом ступай домой.

Я понятия не имела, что именно хотел сделать Джейми. Понятия не имела, что могла бы предпринять теперь, когда вскрылось его намерение. Понятия не имела, что думать и чувствовать. Единственное, что мне было известно наверняка, так это то, что передо мной травмированный мужчина. Пока этого достаточно.

* * *

На какое-то время мне удалось забыть, кто он такой. Запретив ему говорить, я сжала зубы и погрузилась в работу. Он всхлипывал, но лежал неподвижно. Я очищала, перевязывала, убирала, оказывая больному безличный уход. Но когда все было сделано, передо мной оказался тот же мужчина, и, прикасаясь к нему, я с каждым разом ощущала все больше отвращения.

Наконец я закончила и отошла, чтобы умыться, тщательно оттирая руки тряпицей, смоченной скипидаром и спиртом, до скрипа вычищая каждый ноготь, несмотря на боль. Я осознавала, что веду себя так, будто он был переносчиком какой-то заразы, но не могла остановиться.

Лайонел Браун наблюдал за мной с опаской.

– Что вы собираетесь делать?

– Пока не решила.

Я почти не лгала. Это не было следствием обдуманного решения, но план моих действий, или его отсутствие, был определен. Джейми, черт его возьми, был прав. Хотя я не видела причин, чтобы сообщать об этом Лайонелу Брауну. Не сейчас.

Он открыл рот явно с тем, чтобы продолжить свои мольбы, но я остановила его резким жестом.

– С вами был мужчина по имени Доннер. Что вы знаете о нем?

Такого он явно не ожидал, рот приоткрылся от удивления.

– Доннер? – повторил он неуверенно.

– Даже не вздумайте говорить, что вы его не помните, – выпалила я, возбуждение добавило горячности моему тону.

– Нет, нет, мэм, – заверил он меня поспешно. – Я отлично, отлично помню его! Что, – он коснулся языком потрескавшегося уголка губ, – что вы хотите о нем знать?

Что меня интересовало в первую очередь, так это жив он или нет, но Браун наверняка этого не знал.

– Давайте начнем с полного имени, – предложила я, осторожно усаживаясь рядом с ним. – А там посмотрим.

Как выяснилось, Браун знал о Доннере немногим больше, чем полное имя, которое звучало как Вендиго.

– Что? – сказала я недоверчиво, но Брауна, казалось, ничего в нем не удивляло.

– Так он сказал, – ответил мужчина с некоторой обидой на мои сомнения. – Индейское, так ведь?

Индейское. Если быть точнее, имя одного монстра из мифологии какого-то северного племени, я не могла припомнить, какого именно. В старшей школе у Брианны был курс по коренным мифам Северной Америки: каждый ученик должен был объяснить и проиллюстрировать одну историю. Бри выбрала Вендиго.

Я вспомнила это сейчас только из-за сопроводительного рисунка, который застрял тогда в моей голове. Он был выполнен в реверсивной технике: основа, сделанная белой пастелью, проглядывала сквозь слой угля. Деревья, раскачивающиеся в вихрях снега и ветра, сорванные листья и еловые иглы, и между ними безмолвное пространство ночи. Потребовалось несколько секунд, чтобы заметить лицо среди ветвей. Вообще-то я даже вскрикнула и уронила бумагу, когда увидела его, к удовольствию Бри.

– Думаю, что так, – сказала я, подавляя воспоминания о лице Вендиго. – Откуда он? Он жил в Браунсвиле?

Он останавливался в Браунсвиле, но всего на пару недель. Ходжепил притащил его откуда-то вместе с другими парнями. Браун не обращал на него внимания, проблем от Доннера не бывало.

– Он останавливался у вдовы Бодри, – сказал Браун, голос его звучал обнадеживающе. – Может, ей он рассказывал что-нибудь о себе. Я мог бы расспросить для вас, когда попаду домой. – Он посмотрел на меня, изображая собачью преданность, но выглядел скорее как умирающий тритон.

– Хмм, – сказала я, скептически осматривая его. – Посмотрим.

Он облизнул губы, пытаясь вызвать жалость.

– Могу я попросить у вас немного воды, мэм?

Надо полагать, я не могла оставить его умирать от жажды, но с меня

было достаточно хлопот над ним. Мне хотелось, чтоб он поскорее исчез с моих глаз и из моей операционной. Я грубо кивнула и вышла в коридор, крикнув миссис Баг принести воды.

День был теплым, и я ощущала неприятное покалывание после работы с Брауном. Внезапно, без всякого предупреждения, меня бросило в жар: тепло поднималось от груди, по шее и залило мое лицо, как расплавленный воск, так что за ушами выступили капельки пота. Бормоча извинения, я оставила пациента заботам миссис Баг и поспешила на воздух.

Снаружи был колодец – всего лишь неглубокая яма, обложенная камнями. Между ними был вставлен черпак из тыквы. Я достала его, и присев на колени, зачерпнула достаточно воды, чтобы попить и ополоснуть горящее лицо.

Такие приливы крови сами по себе не были неприятными, напротив, довольно любопытными в том же смысле, в каком бывает беременность. Странное чувство, когда тело делает что-то неожиданное, что нельзя сознательно контролировать или предсказать. Мне стало интересно, не вызывает ли мужская эрекция подобных ощущений.

На какое-то мгновение прилив крови даже порадовал меня. Конечно, сказала я себе, это должно значить, что я не беременна. Или нет? Мне, увы, было известно, что гормональные взрывы на ранних сроках могли вызывать все виды температурных аномалий, как и менопауза. У меня явно были эмоциональные всплески, могущие быть симптомами беременности, или менопаузы, или... последствиями изнасилования.

– Не будь смешной, Бичем, – сказала я вслух. – Ты отлично знаешь, что не беременна.

Сказанные вслух, эти слова подарили мне странные ощущения, девять десятых облегчения и одну десятую сожаления. Или, быть может, девять тысяч девятьсот девяносто девять частей облегчения к одной тысячной сожаления, и все же эта тысячная существовала.

Однако обильный пот, который иногда следовал за приливами, был тем, без чего я вполне могла обойтись. Корни волос увлажнились, и в то время как холодная вода приятно освежала мне лицо, волны жара по-прежнему окатывали меня, расходясь, словно наэлектризованная вуаль, по груди, лицу, шее, голове. Под влиянием момента я опрокинула половину черпака за корсет, выдыхая с облегчением по мере того, как ткань впитывала влагу, стекающую между грудями, по животу, щекоча прохладой ноги и капая на землю.

Я выглядела растрепанной, но миссис Баг вряд ли это побеспокоит, и плевать, что подумает чертов Лайонел Браун. Промокнув виски концом

передника, я направилась обратно в дом.

Дверь стояла приоткрытой, как я ее оставила. Я толкнула ее, и яркий полуденный свет бросился мне навстречу, освещая миссис Баг, которая изо всех сил прижимала подушку к лицу мистера Брауна.

Какую-то секунду я просто растерянно моргала, настолько оторопев, что просто не могла осознать происходящее. Затем я бросилась вперед, бессвязно крича, и схватила ее за руку.

Она была невероятно сильной и настолько сосредоточенной на своем занятии, что даже не сдвинулась с места, вены у нее на лбу вздулись и посинели от усилия. Я дернула ее за руку, не смогла ослабить хватку и в отчаянии пихнула ее в сторону.

Она пошатнулась, потеряв равновесие, и я ухватила за край подушки, стягивая ее с лица Брауна. Миссис Баг рванулась обратно с твердым намерением завершить начатое, ее руки погрузились в мягкий пух до самых запястий.

Я сделала шаг назад и кинулась на нее всем телом. Мы упали с грохотом, задев стол и перевернув скамью, и стали возиться на полу среди черепков от разбитого горшка, запахов мятного чая и разлитого содержимого ночной вазы.

Я перекатилась на спину, хватая воздух ртом, боль от поломанных ребер на несколько секунд почти парализовала меня. Затем стиснула зубы, отталкивая ее прочь и пытаюсь высвободиться из путаницы юбок, спотыкаясь о собственные ноги.

Рука Брауна безвольно свисала, упав со стола, я схватила его за челюсть, запрокинула голову и с жаром прижала свой рот к его губам. Выдохнув то небольшое количество воздуха, которое было в легких, ему в рот, я вдохнула и выдохнула снова, все время лихорадочно нащупывая хоть какие-то признаки пульса на его шее.

Он был теплым, кости его челюсти и плеч были целыми, но плоть казалась обмякшей, губы Брауна неприлично сплющивались, когда я прижималась и вдыхала, кровь из моих потрескавшихся губ разбрызгивалась вокруг, ослабляя контакт. Я была вынуждена отчаянно всасывать ее, чтобы сохранить губы прижатыми, вдыхала с трудом через угол рта, борясь с собственными ребрами за достаточное количество воздуха.

Я почувствовала кого-то сзади, миссис Баг, и пнула ее. Она предприняла попытку схватить меня за плечи, но я увернулась, и ее пальцы соскользнули. Быстро повернувшись, я сильно ударила ее в живот, и она осела на пол, громко ухнув. Жалеть ее было некогда, я тут же вернулась к

Брауну.

Грудная клетка под моими руками обнадеживающе поднималась, когда я вдувала воздух, но резко опадала, как только я останавливалась. Я отступила назад и крепко ударила обоими кулаками в область грудины – так сильно, что ушибла собственные руки и ушибла бы Брауна, если бы он мог что-нибудь чувствовать.

Но он не чувствовал. Я дула, била и снова дула, пока по телу не побежал кровавый пот и мои бедра не стали от него скользкими, в ушах звенело, перед глазами от гипервентиляции забегали черные мушки. Наконец я остановилась. Я стояла, хрипло и торопливо дыша, мокрые волосы свисали на лицо, руки пульсировали в такт бешено стучащему сердцу.

Чертов Браун был мертв.

Я потерла руки о передник, а потом промокнула лицо. Рот распух и был заполнен вкусом крови, я сплюнула на пол. Мне было спокойно, воздух наполнял странное чувство неподвижности, которое часто приходит с мирной смертью.

Неподалеку в лесу застрекотал королек: тикетл, тикетл, тикетл! Я услышала тихое шуршание и обернулась. Миссис Баг подняла опрокинутую скамью и уселась на нее. Она сидела ссутулившись, сложив руки на коленях, немного нахмутив морщинистое лицо, и пристально разглядывала тело на столе. Рука Брауна безвольно повисла, пальцы слегка согнулись, пытаясь ухватить что-то призрачное.

Его простыня была вся заляпана: поэтому и пахло ночной вазой. Выходит, он умер еще до того, как я начала его реанимировать. Очередная волна жара поползла вверх, обволакивая мою кожу подобно горячему воску. Я чувствовала запах собственного пота. Я ненадолго закрыла глаза, затем открыла их и повернулась к миссис Баг.

– Почему, ради всего святого, – непринужденно спросила я, – вы это сделали?

* * *

– Она это сделала? – Джейми непонимающе уставился на меня, а потом на миссис Баг, которая сидела на кухонном столе, склонив голову и сцепив руки перед собой.

Не ожидая, пока я повторю, он решительно зашагал по коридору к операционной. Я услышала, как резко затихли его шаги. Последовала

короткая пауза, а затем раздалось сочное ругательство на гэльском. Пухлые плечи миссис Баг поднялись до самых ушей. Шаги стали возвращаться, теперь медленнее.

– Женщина, как ты посмела занести руку на человека, который принадлежал мне? – очень вкрадчиво спросил он на гэльском.

– О, сэр, – зашептала она. Ей было страшно даже поднять глаза, она вся съежилась под своим чепцом, так что лица было не разглядеть. – Я... Я не хотела. Правда, сэр!

Джейми бросил на меня взгляд.

– Она его задушила, – повторила я. – Подушкой.

– Мне кажется, случайно такое совершить нельзя, – сказал он с таким металлом в голосе, что им можно было точить ножи. – Что за бес в тебя вселился а boireannach^[72], чтобы сотворить такое?

Покатые плечи мелко задрожали от страха.

– О, сэр, сэр! Я знаю, это было неправильно... Только... только это его проклятый язык всему виной. Все то время, что я ходила за ним, он трясся и дрожал, когда вы или паренек приходили говорить с ним, даже при Арче он был таков, но со мной... – Она сглотнула, и кожа на ее лице будто внезапно обвисла и опустилась. – Я всего лишь женщина, и со мной он мог болтать всякое. Он угрожал, сэр, и сыпал ужасными проклятиями. Он говорил... говорил, что придет его брат со своими людьми, они освободят его и перережут нас всех – утопят в собственной крови и сожгут наши дома. – Ее обвисшие щеки дрожали, когда она говорила, но миссис Баг нашла в себе силы посмотреть на Джейми и встретиться с ним глазами. – Я знала, что вы никогда не позволите такому случиться, сэр, старалась не обращать внимания. Но когда он таки донял меня, я сказала, что он помрет задолго до того, как его брат узнает, где он. А потом этот злобный засранец сбежал, ума не приложу, как он это сделал, потому что готова поклясться, что он и с постели-то встать не мог, не говоря уж о том, чтобы проделать весь этот путь. Но ему удалось, и он бросился молить вашу жену о пощаде, и она принесла его сюда, да я бы сама утащила его зловонную тушу назад, но она не позволила бы... – Здесь она бросила на меня быстрый неприязненный взгляд, но тут же перевела виноватые глаза на Джейми.

– И она взялась его подлатать, святая женщина, сэр. И я видела по ее лицу, что после лечения, и ваша жена это понимала, она уже не сможет перенести его смерти. И этот кусок дерьма тоже это видел, так что, когда она вышла, он принялся ухмыляться и говорить, что теперь он в безопасности, потому что одурачил ее и заставил его лечить, теперь она ни за что не допустит его смерти, и как только он уберется отсюда, то натравит

на нас кучу людей и всем отомстит как следует, и потом... – Она закрыла глаза, покачалась и прижала руку к груди. – Я ничего не могла с этим поделать, сэр, – добавила она просто. – Я правда не могла.

Джейми грозно внимал ее словам, недобро сдвинув брови. В этом месте он бросил на меня жесткий взгляд и, очевидно, увидел неоспоримое доказательство ее словам в моих искаженных чертах. Губы его сжались еще плотнее.

– Идите домой, – сказал он миссис Баг. – Скажите мужу, что вы сделали, и пошлите ко мне.

После этого он развернулся и отправился в свой кабинет. Не глядя на меня, миссис Баг неуклюже поднялась и вышла, шагая как слепая.

* * *

– Ты был прав. Прости. – Я, застыв, стояла в дверях кабинета, положив руку на дверной косяк.

Джейми сидел за столом, обхватив голову руками, но, услышав меня, посмотрел прямо и заморгал.

– Разве я не запретил тебе просить прощения, саксоночка? – сказал он и криво улыбнулся. Потом он оглядел меня хорошенько, и на лице его появилось беспокойство.

– Господи, ты выглядишь так, будто сейчас упадешь, Клэр, – сказал он, торопливо поднимаясь. – Иди сюда и присядь.

Он помог мне опуститься в его кресло и хлопотал вокруг.

– Я позову миссис Баг, чтобы она принесла тебе что-нибудь, но так как... я попросил ее уйти... Я могу пока сделать тебе чашечку чая, хочешь, саксоночка?

Мне казалось, я вот-вот расплачусь, но вместо этого засмеялась, сглатывая слезы.

– У нас его нет. Уже много месяцев. Я в порядке. Просто... немного шокирована.

– Да, так и есть. У тебя кровь. – Он вытащил мятый платок из кармана, наклонился и промокнул мои губы, брови сошлись на переносице в беспокойную складку.

Я сидела смирно и позволяла ему ухаживать за собой, ощущая внезапное изнеможение. Мне вдруг захотелось лишь одного – лечь, уснуть и больше никогда не просыпаться. А если все-таки проснусь, то чтобы не было мертвого тела в операционной. Еще мне хотелось, чтобы наш дом не

сжигали.

«Но еще не время», – внезапно подумала я и нашла эту мысль, при всем ее идиотизме, утешительной.

– Теперь все станет сложнее? – спросила я, пытаюсь побороть слабость и подумать. – С Ричардом Брауном?

– Не знаю, – признался он. – Я пытался поразмыслить над этим. Хотелось бы мне, чтобы это происходило в Шотландии, – сказал он более оживленно. – Будь он горцем, мне проще было бы все просчитать.

– Вот как? А если бы ты имел дело с твоим дядюшкой Колумом, например? Что бы он сделал?

– Попытался бы убить меня и заполучить своего брата назад, – ответил он просто. – Если бы знал, что он у меня. И если твой Доннер вернулся в Браунсвилль, то Ричард уже знает.

Джейми был абсолютно прав, и это осознание заставило волосы на моей спине встать дыбом. Тревога, видимо, явно отразилась на моем лице, потому что он улыбнулся.

– Не переживай, саксоночка, – сказал он. – Братья Линдси уехали в Браунсвилль еще тем утром, когда мы вернулись. Кенни следит за городом, а Юэн и Мурдо заняли посты у дороги со свежими лошадьми. Если Ричард Браун со своим чертовым комитетом безопасности двинутся в нашу сторону, мы заранее об этом узнаем.

Это меня немного успокоило, и я села прямее.

– Хорошо. Но... даже если Доннер вернулся, он не знает, что Лайонел Браун стал твоим пленником, – ты мог убить его во время потасовки.

Он бросил на меня взгляд прищуренных голубых глаз, но едва кивнул.

– Хотел бы я, чтобы так оно и было, – ответил Джейми, слегка поморщившись. – Проблем было бы меньше. Но тогда мы не выяснили бы, что они делали, а мне нужно было это знать. Однако если Доннер все-таки вернулся, он уже рассказал Ричарду Брауну, что случилось, и повел его разобраться с телами. Он увидит, что его брата среди них нет. Из этого он сделает закономерный вывод и явится за ним сюда.

Хлопок входной двери заставил меня подпрыгнуть, сердце зашлось сумасшедшим галопом, но за этим резким звуком последовало мягкое шуршание мокасинов по коридору, извещая нас о приближении Йена, который вопросительно заглянул в кабинет.

– Я только что встретил миссис Баг, бегущую домой, – сказал он, нахмурившись. – Она как будто не в себе, не остановилась и не ответила мне. Что не так?

– А что так? – спросила я и засмеялась, вызвав полный укора взгляд.

Джейми вздохнул.

– Сядь, – сказал он, подталкивая ногой стул к Йену. – И я расскажу тебе.

Йен слушал очень внимательно, хотя рот его на секунду приоткрылся, когда Джейми дошел до места, где миссис Баг душил Брауна подушкой.

– Он еще там? – спросил парень в конце. Он немного ссутулился, оглядываясь через плечо, как будто ожидал, что Браун сейчас зайдет в кабинет.

– Ну, мне сложно представить, чтобы он отправился куда-то на своих двоих, – язвительно заметила я.

Йен кивнул, поднялся, чтобы увидеть все собственными глазами. Он вернулся через минуту, вид у него был задумчивый.

– На нем не осталось никаких следов, – сказал он Джейми, присаживаясь.

Джейми кивнул.

– Да, к тому же есть свежая перевязка. Твоя тетя как раз закончила с этим перед происшествием.

Они обменялись кивками, очевидно, думая об одном и том же.

– Ты не должна никому говорить о том, как он умер, тетя, – объяснил Йен, видя, что я не вполне их понимаю. – Он мог умереть и самостоятельно.

– Можно сказать, что так оно и случилось. Если бы он не выводил из себя миссис Баг... – Я осторожно потерла рукой лоб, внутри которого начинала пульсировать головная боль.

– Как ты себя чувствуешь... – начал Йен озабоченным тоном, но я вдруг поняла, что в последнее время мне слишком часто задавали этот вопрос.

– Едва ли я знаю, – оборвала его я, роняя руку. Я посмотрела вниз, на свои кулаки, сжатые на коленях.

– Он... он не был злым человеком... Не думаю, – сказала я. На моем переднике алело пятно, я не знала, его это кровь или моя. – Просто... слишком слабым.

– Тогда его смерть к лучшему для всех, – бесстрастно, без злорадства, заметил Джейми. Йен кивнул, соглашаясь.

– Так, ладно. – Джейми вернулся к незаконченному разговору. – Я как раз говорил твоей тете, что, будь Браун шотландцем, я бы лучше понимал, как себя с ним вести, но потом я подумал: даже если он не шотландец, он ведет дела вполне себе по-шотландски. Он и его комитет. Они как дозор ^[73] в Шотландии.

Йен кивнул, приподняв брови.

– Так и есть. – Он выглядел заинтересованным. – Я никогда не видел этих отрядов, но мама рассказывала мне о том, который арестовал тебя, дядя Джейми, и как они с тетей Клэр отправились за тобой. – Он широко улыбнулся мне, его вытянутое лицо внезапно преобразилось, и он на мгновение превратился в мальчишку, которым когда-то был.

– Ну, я была тогда моложе, – сказала я. – И храбрее.

Джейми издал странный гортанный звук, похожий на смешок.

– Они не особенно продумывают свои планы, – сказал он. – Я имею в виду убийства и поджоги...

– С учетом постоянных вымогательств. – Я начинала понимать, к чему он клонит. Йен родился после Каллодена: он никогда не видел дозоров – этих вооруженных банд, которые разъезжали по округе, собирая с предводителей кланов «налог», который должен был обеспечить защиту арендаторам, земле и скотине. Если же они не получали назначенной платы, то мгновенно забирали себе имущество и скот. Я знала, что это такое. По правде говоря, я слышала о том, что они тоже жгли и убивали время от времени, но делали это в основном для устрашения, чтобы люди понимали, что им грозит, и не упирались.

Джейми кивнул.

– Браун, конечно, не шотландец, я уже говорил. Но бизнес есть бизнес, так ведь? – Его лицо стало задумчивым, и он немного откинулся назад, сцепив руки на коленях. – Сколько времени тебе понадобится, чтобы добраться до Анидонау Нуия, Йен?

* * *

Когда Йен ушел, мы остались в кабинете одни. С тем, что произошло в хирургической, еще придется разбираться, но я была пока не готова туда вернуться. Джейми, за исключением краткой ремарки о том, как жаль, что у него до сих пор не нашлось времени, чтобы построить ледник, тоже не обращался к этой теме.

– Бедная старая миссис Баг, – сказала я, понемногу приходя в себя. – Я даже не представляла, что он так ее истязал. Браун, видно, думал, что она всего лишь безвредная наседка. – Я слабо засмеялась. – Это было ошибкой с его стороны. Она ужасно сильная. Я была поражена.

Поражаться вообще-то было нечему: я наблюдала, как миссис Баг идет милою пешком, держа на плечах тушу взрослого козла. Но нам не приходится

в голову соотнести силу, которая нужна для повседневного труда на ферме, с убийственной, в буквальном смысле, яростью.

– Я тоже, – сухо отозвался Джейми. – Только не ее силой, а тем, что она рискнула все проверить сама. Если она не решилась рассказать мне, то почему не сказала хотя бы Арчу?

– Ты же помнишь, что сказала миссис Баг: она полагала, это не ее ума дело – говорить. Ты дал ей задание присматривать за Брауном, и она бы душу продала, чтобы сделать то, о чем ты попросил. Думаю, она считала, что справляется вполне неплохо, но потом он начал свою болтовню, и она... просто сорвалась. Такое бывает. Я видела подобные случаи.

– Я тоже, – пробормотал он. Складка у него между бровями стала глубже, и я задалась вопросом о том, какой жестокий случай ему вспомнился. – Но мне и в голову не могло прийти...

Арч Баг вошел так тихо, что я не услышала его. Я поняла, что он здесь, только когда заметила, как Джейми поднял глаза, напрягшись. Я развернулась и увидела топор в руке мужчины. Я открыла было рот, чтобы что-то сказать, но он уже шагнул к Джейми, не обращая никакого внимания на то, что происходит вокруг. Было совершенно очевидно, что для него в комнате не было никого, кроме Джейми.

Он дошел до стола и бережно опустил на него топор.

– Моя жизнь в обмен на ее, вождь, – тихо сказал он по-гэльски. Затем он отступил и преклонил колени, опустив голову. Его мягкие седые волосы были заплетены в тонкую косу и подвязаны, так что шея оголилась. Кожа на ней была орехово-коричневой и обветренной, но плоть над белой полоской воротника выглядела крепкой и мускулистой.

Легкий шум возле двери заставил меня отвлечься от этой завораживающей картины. Там, вцепившись в косяк, стояла миссис Баг и явно нуждалась в какой-нибудь опоре. Чепец у нее съехал, а мокрые от пота волосы с проседью прилипли к лицу цвета прокисших сливок.

Ее глаза метнулись ко мне, когда я пошевелилась, но тут же вернулись к своему коленопреклоненному мужу, и Джейми, который продолжал стоять, переводя взгляд с Арча на его жену и обратно. Он медленно потер переносицу пальцем, рассматривая Арча.

– О да, – мягко произнес он. – Мне рубить тебе голову, так? Здесь, в моем кабинете, а потом заставить твою жену вытирать кровь? А может, мне сделать это во дворе и подвесить твою голову за волосы над дверью как предупреждение Ричарду Брауну? Вставай, старый пройдоха.

Время в комнате будто остановилось, молчание длилось достаточно долго, чтобы я заметила крошечную черную родинку в центре шеи Арча.

Потом старик очень медленно поднялся.

– Это твое право, – сказал он по-гэльски. – Я твой арендатор, seann-cinnidh, я присягнул своим клинком, это твое право.

Арч стоял очень прямо, но его глаза были полуприкрыты, взор прикован к столу, где лежал топор, – отточенный серебристый край против тусклого металла его седины.

Джейми вздохнул, чтобы продолжить, но затем остановился и, прищурившись, поглядел на старика. Что-то изменилось, к нему пришло внезапное озарение.

– Seann-cinnidh? – повторил он, и Арч Баг молча кивнул.

Воздух в комнате мгновенно сгустился, и я ощутила, как волосы покалывают мою шею сзади.

Арч сказал «вождь». Одно слово, и мы снова оказались в Шотландии. Было легко заметить разницу в отношении между новыми арендаторами Джейми и людьми из Ардсмуира, у вторых была безусловная вера и верность. Отличие по-прежнему было очевидным: в них горела древняя преданность горцев. Клятва крови и железа.

Я видела, как Джейми взвешивает прошлое и настоящее, определяя, где меж ними стоит Арч Баг. Раздражение на его лице сменилось пониманием, плечи чуть расслабились, он принял такое положение вещей.

– Ты говоришь, что это мое право, – тоже по-гэльски тихо произнес Джейми. Он весь подобрался, поднял топор и протянул его вперед рукояткой. – И по этому праву я возвращаю тебе жизнь твоей женщины и твою собственную.

Миссис Баг тихо всхлипнула. Арч не оглянулся на нее, но потянулся за топором, покорно склонив голову. Затем он повернулся и тихо вышел, я заметила, как пальцы покалеченной руки мимоходом нежно скользнули по рукаву жены.

Миссис Баг выпрямилась, торопливо пряча под чепец выбившиеся седые пряди дрожащими пальцами. Джейми не смотрел на нее, он сел обратно в кресло и взял перо и лист бумаги. Навряд ли он действительно собирался что-то писать. Из деликатности я проявила неожиданный интерес к книжной полке, взяв в руки деревянную змейку Джейми, как будто хотела рассмотреть ее поближе.

Чепец был теперь на месте, миссис Баг вошла в комнату и слегка присела в реверансе перед Джейми.

– Принести вам что-нибудь перекусить, сэр? Есть свежие лепешки. – Она говорила с большим достоинством, прямо держа голову. Он поднял глаза от бумаги и улыбнулся ей.

– Я бы поел, – сказал он.

Она изящно кивнула и развернулась на каблуках. Но потом остановилась в дверях и обернулась. Джейми приподнял брови.

– Знаете, я ведь была там, – сказала она, глядя прямо ему в глаза. – Когда англичане казнили вашего деда на Тауэрском холме. Было много крови. – Она сжала губы, рассматривая его прищуренными покрасневшими глазами, затем расслабилась.

– Вы достойны его, – произнесла она и исчезла, взмахнув нижними юбками и тесемками фартука.

Джейми удивленно посмотрел на меня, и я пожала плечами.

– Не факт, что это был комплимент, – сказала я, и его плечи затряслись от беззвучного смеха.

– Я догадываюсь, – сказал он чуть погодя и утер нос костяшками пальцев. – Знаешь, саксоночка, иногда я грущу о старом ублюдке, – он покачал головой. – Надо как-нибудь спросить у миссис Баг, правдивы ли слухи о его последних словах.

– Ты о чем?

– Он заплатил палачу и наказал ему сделать свою работу как следует. «Если не справишься, я буду очень недоволен».

– Ну, это на него вообще-то похоже, – согласилась я, слегка улыбнувшись. – Как ты думаешь, что Баги делали в Лондоне?

Он снова покачал головой и обратил ко мне лицо, подняв подбородок так, что солнечный свет из окна заструился по его щеке и скуле, как вода.

– Бог знает. Думаешь, она права, саксоночка? Я похож на него?

– Не внешне, – сказала я, улыбаясь. Покойный Саймон, лорд Ловат, был приземистым и коренастым, крепко сложенным, несмотря на преклонный возраст. Мне он сильно напоминал злобную, но очень умную жабу.

– Нет, – согласился Джейми. – И слава богу. Но в другом? – Смех искрился в его глазах, но он был серьезен, ему действительно хотелось узнать ответ.

Я задумчиво оглядела его. В его чистых ясных чертах, в высокой широкоплечей фигуре не было и следа от Старого Лиса, он унаследовал внешность от Маккензи по линии матери. Однако где-то в глубине прищуренных голубых глаз я то и дело ощущала призрачный, тяжелый взгляд лорда Ловата, в котором горел интерес и злой юмор.

– Ты чем-то на него похож, – признала я. – Иногда больше, чем чуть-чуть. В тебе нет того самоуверенного честолюбия, но... – Я скосила глаза, раздумывая. – Я собиралась сказать, что ты не такой безжалостный, как

был он, – продолжила я медленно, – но на самом деле ты жесток.

– Вот как? – Он не выглядел ни удивленным, ни расстроенным, услышав это.

– Ты можешь быть жестоким, – сказала я и ощутила, как где-то в костях отозвался страшный щелчок сломанной шеи Ходжепила. День был теплым, но по телу пробежали мурашки.

– Думаешь, во мне есть коварство? – спросил он серьезно.

– Я точно не знаю, – сказала я с некоторым сомнением. – Ты не такой угорь, каким был он, но это, наверное, только потому, что ты обладаешь честью, которой он был лишен. Ты не используешь людей так, как он.

Джейми улыбнулся в ответ, но в его улыбке не было недавнего искреннего веселья.

– О, но я так делаю, саксоночка, – сказал он. – Просто стараюсь это скрывать.

Он замер на мгновение, его глаза остановились на маленькой деревянной змейке, которую я держала, но смотрел он не на нее. Наконец он встряхнул головой и взглянул на меня, угол его рта искривился в усмешке.

– Если есть рай и мой дед там, в чем я вообще-то не уверен, то старый мерзавец поди лопается сейчас от смеха. Или лопался бы, не будь его голова зажата под мышкой.

Глава 34

Вещественные доказательства

Получилось так, что спустя пару дней мы уже были на пути в Браунсвилль. Джейми при всех своих горских регалиях, с украшенным золотой насечкой дирком Гектора Кэмерона и ястребиным пером на берете. Верхом на Гидеоне с традиционно загнутыми ушами и глазами, налитыми кровью.

Рядом с ним ехал Птица Которая Поет по Утрам, вождь Снежных Птиц. Птица, как мне рассказал Йен, был из племени Длинноволосых и выглядел соответствующе. Его волосы оказались не просто длинными и щедро, до блеска, смазанными медвежьим жиром, но и нарядными: длинный хвост, затянутый на макушке, спадал на спину, заканчиваясь дюжиной крохотных косичек, которые украшали, как и весь остальной костюм, бусины из ракушек, как в вампумах, стеклярус, маленькие медные колокольчики, перья длиннохвостого попугая и китайская йена. Бог знает,

как к нему попала йена. С седла свисало его новое и самое ценное приобретение – ружье Джейми.

С другой стороны от Джейми расположилось вещественное доказательство номер один, то есть я. Я сидела на своем муле, Кларенсе, одетая и укутанная в шерстяной плащ цвета индиго, который гармонировал с моей бледностью и подчеркивал цветущие желто-зеленые синяки на лице. На шею я для моральной поддержки повесила ожерелье из речного жемчуга.

Йен ехал позади нас с двумя индейскими воинами, которых Птица привел с собой в качестве свиты. С полукружьями из вытатуированных точек на скулах, длинными каштановыми волосами, зализанными назад жиром и собранными в хвост, с торчащим из них пером индейки, он и сам больше походил на индейца, чем на шотландца. Спасибо хоть на том, что он не стал выбривать череп по примеру могавков. Паренек и без того выглядел угрожающе.

А в повозке за Йеном ехало вещественное доказательство номер два – труп Лайонела Брауна. Чтобы сохранить тело, мы держали его в погребе вместе с маслом и яйцами. Бри с Мальвой старались как могли, набивая его мхом, чтобы он впитывал жидкость, добавляя туда все ароматические травы, какие смогли найти. Потом они завернули этот неаппетитный груз в оленью шкуру и перевязали его сыромятными ремнями на индейский манер. Однако несмотря на все усилия, лошади были не рады такому соседству. Только кобыла Йена выполняла свою работу с мрачной покорностью, лишь пофыркивая каждые пару минут и потряхивая головой, так что резко звенела сбруя, неприятно контрастируя с мягким стуком копыт.

Говорили мы мало.

Приезжие в любом горном поселке привлекали внимание и вызвали толки. Наш небольшой отряд заставил людей высыпать из домов, разинув рты, как муравьев из растревоженного муравейника. К тому времени, когда мы добрались до дома Ричарда Брауна, который был по совместительству еще и таверной, за нами уже следовала небольшая толпа, в основном мужчины и мальчики.

На шум вышла женщина, я узнала миссис Браун, она остановилась на грубо сколоченном крыльце, прижала руки ко рту и поспешила обратно в дом.

Мы ждали в тишине. Стоял прохладный осенний день, ветер трепал волосы у меня на шее, по просьбе Джейми я забрала их назад и не стала надевать чепец. Мое лицо было полностью открыто, и на нем читалась

правда.

Они уже знают? Ощущая себя странно оторванной от настоящего, я наблюдала за лицами в толпе как будто откуда-то со стороны, а не из собственного тела.

Они не могли знать, Джейми убедил меня в этом. Да я и сама это понимала. Если только Доннер не сбежал и не явился сюда рассказать им, что произошло в ту ночь. Но он не явился. Если бы дела обстояли иначе, Ричард Браун пришел бы к нам.

Пока они знали лишь то, что было написано на моем лице. А это было уже более чем достаточно.

Кларенс почуял мою нервозность, которая текла и дрожала под кожей, как ртуть, он переступил раз и потряс головой, как будто хотел согнать мух с ушей.

Дверь открылась, и перед нами предстал Ричард Браун. За его спиной стояли несколько вооруженных мужчин. Он был бледен, растрепан, небрит, с засаленными волосами. Глаза покраснели и выглядели мутными, от него исходил густой пивной дух. Он жестоко пьянствовал до нашего прихода и теперь пытался собраться с силами, чтобы отразить угрозу, которую мы могли представлять.

– Фрэзер, – сказал он и остановился, редко моргая.

– Мистер Браун. – Джейми прищипорил Гидеона и подъехал ближе. Его лицо было на уровне глаз мужчин на крыльце, примерно в шести футах от Ричарда Брауна.

– Десять дней назад, – начал Джейми ровно, – группа мужчин пришла на мою землю. Они украли мое имущество, избили мою беременную дочь, сожгли мою солодовню и зерно, похитили и изнасиловали мою супругу.

Половина мужчин и до того на меня пялились, теперь же смотрели все. Я услышала короткий металлический щелчок взводимого курка. Мое лицо оставалось бесстрастным, а руки крепко держали поводья, я неотрывно смотрела в глаза Ричарда Брауна.

Рот Брауна задвигался, но прежде чем он начал говорить, Джейми поднял руку, приказывая ему умолкнуть.

– Я выследил их со своими людьми и убил, – сказал он все так же ровно. – С ними был твой брат. Я сделал его своим пленником, а не зарезал.

Все вокруг будто затаили дыхание, толпа позади зароптала. Глаза Ричарда Брауна метнулись к тюку на повозке, и лицо сделалось мертвенно-бледным под грязной бородой.

– Ты... – проквашал он. – Нелли?

Настал мой черед. Я глубоко вдохнула и выехала вперед, подтолкнув

Кларенса.

– С вашим братом случился несчастный случай еще до того, как мой муж нас нашел, – сказала я. Мой голос звучал хрипло, но ясно. Я набрала воздуха, чтобы говорить громче. – Он сильно пострадал во время падения. Мы старались ему помочь, но он скончался.

Джейми позволил на секунду повиснуть ошарашенной тишине, прежде чем продолжить.

– Мы привезли его тело, чтобы ты смог похоронить его. – Он легонько махнул рукой Птице, который уже спешил и разрезал веревки, удерживающие повозку. Вместе с индейцами они подтащили ее к крыльцу и оставили стоять на разбитой дороге, а сами вернулись безмолвно к лошадям.

Джейми резко кивнул и развернул голову Гидеона. Птица последовал за ним, любезно-безразличный, как Будда. Я не знала, насколько хорошо он владеет английским, чтобы разобрать речь Джейми, но это не имело значения. Он понял свою роль и прекрасно ее отыграл.

У Браунов мог быть доходный побочный бизнес в виде убийств, грабежей и работорговли, но основным их делом была торговля с индейцами. Придя сюда вместе с Джейми, Птица ясно давал понять, что чероки считали отношения с английским королем и его агентом более важными, чем дела с Браунами. Троньте Джейми на его земле еще раз, и все договоренности будут разорваны.

Я не знала всего, что Йен сказал Птице, когда попросил его приехать, но мне подумалось, что между ними должна была быть негласная договоренность о том, что никакие официальные запросы от имени Короны о судьбе пленных, которые могли попасть к индейцам, делаться не будут.

В конце концов, это все был лишь вопрос бизнеса.

Я пихнула Кларенса под ребра и заняла место за Птицей, сосредоточив взгляд на китайской йене, поблескивающей посередине его спины, болтающейся на алой ленточке. Я ощущала почти неконтролируемую тягу обернуться назад и сжала руки на поводьях так, что ногти вонзились в ладони.

Был ли Доннер мертв? Его не было среди людей Ричарда Брауна, я всех внимательно рассмотрела.

Я не знала, хочу ли вообще, чтобы он был мертв. Желание узнать о нем побольше было сильным, но желание покончить со всем этим: оставить ночь на склоне позади раз и навсегда, похоронить всех свидетелей произошедшего, принудив их к вечному молчанию... это желание было сильнее.

Я услышала, как Йен и двое чероки присоединились к нам, встав за мной, и совсем скоро Браунсвилль остался позади, хотя запах пива и печного дыма все еще свербил в носу. Я пришпорила Кларенса и поехала рядом с Джейми. Птица отстал, присоединившись к Йену и другим чероки, они над чем-то смеялись.

– Мы положили этому конец? – спросила я. Мой голос казался тонким в холодном воздухе, и я не была уверена, что Джейми услышал мои слова. Но он услышал и легонько покачал головой.

– Такие вещи никогда не заканчиваются, – тихо ответил он. – Но мы живы. И это хорошо.

Часть пятая

Большие разочарования

Глава 35

Ламинария

Благополучно вернувшись из Браунсвиля, я решительно начала предпринимать шаги, чтобы вернуться к нормальной жизни. Среди них был визит к Марсали, которая вернулась из своего убежища у Макгилливреев. Я видела Фергуса, который заверил меня в том, что она оправилась от случившегося и чувствует себя хорошо, но мне хотелось убедиться в этом лично.

Их дом был в порядке, но казался немного неухоженным, обветшавшим: несколько дощечек было сорвано с крыши, один угол крыльца просел, а промасленный пергамент в единственном окне лопнул, и щель была заткнута тряпкой. Мелочи, но такие, которые обычно исправляют прежде, чем выпадет снег, а он был уже близко. Я чувствовала его в воздухе: сияющее голубое небо поздней осени угасало, превращаясь в дымную серость скорой зимы.

Никто не вышел мне навстречу, но я знала, что они дома: из трубы вырывался дым и искры, и я подумала, что Фергус, по меньшей мере, был в состоянии разобраться с топкой. Я бодро крикнула «Привет!» и открыла дверь.

У меня вдруг возникло странное чувство. Я пока не доверяла большинству своих чувств, но это шло глубоко изнутри. Врачебное чутье, которое порой срабатывает сразу, едва заходишь в кабинет для осмотра – что-то не так. Прежде чем ты задал первый вопрос, прежде чем проверил жизненно важные показатели. Это происходит не часто, и ты бы предпочел, чтобы этого вообще не происходило, но это так. Ты просто знаешь, и никуда от этого не деться.

Я поняла это по детям и по всей обстановке. Марсали сидела у окна и шила, обе девочки тихо играли у ее ног. Герман, на удивление оказавшийся дома, сидел за столом, болтая ногами и сосредоточенно хмурясь перед истрепанной, но бесценной книгой с картинками, которую Джейми привез из Кросс-Крика. Они все это чувствовали, как и я.

Марсали подняла на меня глаза, и ее лицо вытянулось от потрясения,

хотя мое состояние значительно улучшилось за последние дни.

– Я в порядке, – сказала я быстро, пресекая возможные причитания. – Всего лишь синяки. А как ты?

Я опустила сумку и обхватила ладонями ее голову, аккуратно поворачивая лицо к свету. Одна щека и ухо были в синяках, на лбу заживала шишка, но рассечения не было, взгляд был ясный. Хороший цвет кожи: ни желтухи, ни следов почечной дисфункции.

С ней все в порядке. «Дело в ребенке», – подумала я и без лишних вопросов опустила руки к ее животу. Мое сердце холодело, пока я осторожно ощупывала выпуклость. Я чуть не прикусила губу от удивления, когда маленькое колено дернулось в ответ на прикосновение. Это ужасно меня обрадовало, потому что я думала, что ребенок может быть мертв. Мимолетный взгляд на лицо Марсали заглушил мое облегчение. Она разрывалась между надеждой и страхом, ей хотелось, чтобы я развеяла ее опасения.

– Малыш много толкался в последние несколько дней? – спросила я, стараясь говорить спокойно, и достала стетоскоп. Его изготовил для меня оловянщик в Уилмингтоне – это был маленький колокольчик с плоским концом, примитивный, но вполне эффективный.

– Меньше, чем раньше, – ответила Марсали. Она откинулась назад, позволяя мне послушать ее живот. – Но они ведь почти не двигаются перед родами? Джоанна лежала как мерт... как камень всю ночь перед тем, как отошли воды.

– Ну да, так часто бывает, – согласилась я, проигнорировав ее оговорку. – Отдыхают, надо думать. – Марсали улыбнулась в ответ, но улыбка исчезла, как снежинка на жаровне, как только я наклонилась ближе, приложив плоский конец металлической трубки к уху, а другой, широкий, в виде колокольчика, к ее животу.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы найти сердцебиение, – оно было необычно медленным, иногда удары пропускались. Когда я это поняла, волосы у меня на руках встали дыбом, а по телу побежали мурашки.

Я продолжила осмотр, задавая вопросы и отпуская шутки, иногда останавливаясь, чтобы ответить на реплики детей, толпившихся вокруг, – они наступали друг другу на ноги и мешались. Все это время мой мозг работал на полную мощность, перебирая разные варианты, один хуже другого.

Ребенок двигался, но странно. Пульс был, но нестабильный. Все, что творилось внутри этого живота, выглядело неправильным. В чем же дело?

Вполне возможно, что пуповина обвилась вокруг шеи – это может быть довольно опасно.

Я задрала рубашку повыше, чтобы тщательней прослушать живот, и увидела крупные синяки – уродливые пятна зеленого и желтого цвета, некоторые по-прежнему с яркой черно-красной сердцевинкой – они цвели на изгибе живота, как ядовитые розы. Я сильно закусила губу: эти уроды пинали ее в живот. Чудо, что не случился выкидыш.

Внезапно в груди у меня закипел гнев, как раскаленный котел, что вот-вот разорвется вместе с легкими.

Было ли у нее кровотечение? Нет. Болей тоже, кроме чувствительности от синяков. Ни судорог, ни сокращений. Давление было, судя по всему, нормальным.

Обвитие пуповины по-прежнему выглядело возможным вариантом, даже более чем. Но это могло быть и частичное отслоение плаценты, кровотечение в матке. Разрыв матки? Или что-нибудь редкое – мертвый близнец, аномальный рост... Единственное, что я точно знала, – ребенка нужно извлечь, и чем скорее, тем лучше.

– Где Фергус? – спросила я по-прежнему спокойно.

– Не знаю, – ответила она так же спокойно, в тон мне. – Он не был дома с позавчера. Не бери это в рот, а chuisle^[74]. – Она потянула руку к Фелисити, которая грызла обломок свечи, но не смогла дотянуться до нее.

– Не был дома? Ничего, мы найдем его. – Я забрала обломок свечи у Фелисити, девочка не возражала, видимо чувствуя, что происходит что-то странное. Ища утешения, она схватила мать за ногу и отчаянно стала карабкаться к Марсали на колени, невзирая на то, что сесть там было некуда.

– Нет, bebe, – сказал Герман, обхватывая сестру за талию и оттаскивая ее назад. – Ты пойдешь со мной, а riuthar^[75]. Хочешь молочка? – ласково спросил он. – Давай-ка сходим в кладовку!

– Хочу к маме! – Фелисити извивалась в его объятиях, пытаясь вырваться, но Герман крепко держал малышку.

– Вы, малявки, пойдете со мной, – сказал он твердо и немного неуклюже вышел наружу. Фелисити тем временем продолжала кряхтеть и вертеться у него на руках. Джоанна, побежавшая было следом за братом, остановилась в дверях и оглянулась на Марсали, смотря своими большими и испуганными карими глазами.

– Иди, muirinn^[76], – крикнула Марсали, улыбаясь. – Идите-ка навестите миссис Баг. Все будет в порядке.

– Герман – славный паренек, – прошептала Марсали, сложив руки на животе, улыбка ее померкла.

– Очень славный, – согласилась я. – Марсали...

– Я знаю, – сказала она просто. – Но, может, он будет жить, как думаете? – Она осторожно положила руку на живот, глядя вниз.

Я была в этом совершенно не уверена, знала только, что пока он еще жив. Я колебалась, перебирая в уме все возможные варианты. Все, что я сделаю, может повлечь за собой риск – для нее, ребенка, или для них обоих.

Почему я не пришла раньше? Я корила себя за то, что поверила Джейми и Фергусу на слово, что с ней все в порядке. Однако сейчас времени для самобичевания не было, да и мой ранний визит скорее всего ничего не поменял бы.

– Ты можешь идти? – спросила я. – Нам надо попасть в Большой Дом.

– Да, конечно. – Она осторожно поднялась на ноги, опираясь на мою руку. Оглядев хижину, словно запоминая все уютные домашние детали, Марсали посмотрела на меня пронзительным, ясным взглядом. – Мы поговорим по дороге.

* * *

Я перебирала в голове сценарии развития событий, большинство из которых выглядели ужасно. Если возникнет опасность плацентарного разрыва, то я смогу экстренно сделать кесарево сечение и, возможно, спасти ребенка, но Марсали умрет. Естественное рождение через стимуляцию схваток означало риск для ребенка, но было безопаснее для матери. Конечно, я не забывала и о том, что стимуляция схваток увеличивала вероятность кровотечения. Если это произойдет...

Я смогу, возможно, остановить кровотечение и спасти Марсали, но не успею помочь младенцу, чья жизнь скорее всего тоже окажется под угрозой. Был эфир... заманчивая мысль, но я с неохотой отбросила ее. Хотя эфир и имелся в моем распоряжении, я не использовала его, поскольку не имела четкого представления о его концентрации или эффективности. При этом у меня не было практического опыта врача-анестезиолога, который позволил бы мне рассчитать дозу в такой непростой ситуации, как сложные роды. Будь случай проще, я могла бы действовать не спеша, постоянно проверяя дыхание пациента, и просто отступить, если бы что-то пошло не так. Но при кесаревом сечении в случае неудачи ничего нельзя будет

исправить.

Марсали казалась сверхъестественно спокойной, словно она прислушивалась к происходящему внутри, а не к моим объяснениям и доводам. Однако когда мы подошли к Большому Дому, мы встретили Йена, спускавшегося с холма со связкой убитых кроликов, подвешенных за уши, и она вдруг вернулась в реальность.

– Хо, кузина! Как дела? – спросил он бодро.

– Мне нужен Фергус, Йен! – сказала она без лишних церемоний. – Ты можешь его найти?

Улыбка исчезла с его лица, когда он заметил, что Марсали бледна и что я ее поддерживаю.

– Господи, ребенок на подходе? Но почему... – Он взглянул на тропинку за нашими спинами, явно задаваясь вопросом, зачем мы вышли из хижины Марсали.

– Пойди и найди Фергуса, Йен, – вмешалась я. – Сейчас же.

– О! – Он сглотнул, внезапно оказавшись очень юным. – Хорошо. Я пойду. Немедленно! – Он кинулся было бежать, но развернулся и вручил мне кроликов. После чего сошел с тропы и бросился вниз по склону, стремительно петляя между деревьями и перепрыгивая через поваленные стволы. Ролло, не желая оставаться в стороне, пронесся мимо нас серым пятном и помчался вслед за своим хозяином, словно брошенный камень.

– Не переживай! – сказала я, поглаживая руку Марсали. – Они найдут его.

– О да, – сказала она, глядя вслед Йену и Роллу. – Только бы они нашли его вовремя...

– Они успеют, – сказала я твердо. – Пойдем.

* * *

Я отправила Лиззи на поиски Брианны и Мальвы Кристи, ведь мне могут понадобиться лишние руки, а Марсали в кухню, на попечение миссис Баг. Я тем временем подготавливала хирургическую: стелила свежее постельное белье на операционный стол. Кровать подошла бы лучше, но мне нужно было, чтобы все инструменты оставались под рукой.

Теперь все прочее: инструменты, надежно укрытые чистым полотенцем, маска с эфиром, выложенная изнутри свежим слоем марли, капельница, надеюсь, можно будет доверить Мальве управляться с эфиром, если придется проводить неотложную операцию? Мне казалось, что да:

хотя девушка была очень молода и неопытна, она обладала потрясающим хладнокровием и к тому же не была брезглива. Я наполнила капельницу, защищая лицо от густого сладковатого аромата, исходящего от жидкости, и вставила в носик скрученный лоскут ткани, чтобы испаряющийся эфир не отравил нас всех и не вспыхнул. Я кинула быстрый взгляд на очаг, но огонь потух.

Что, если роды будут продолжительными и что-то пойдет не так? Тогда придется работать при свечах... Но это невозможно – эфир огнеопасен. Я отбросила воображаемую картину, где провожу срочное кесарево сечение в полной темноте, на ощупь.

– Если у вас есть свободная минутка, то это, черт возьми, самое подходящее время, чтобы заглянуть на огонек, – пробормотала я, обращаясь к святым Бригитте, Рэймонду и Маргарите Антиохийской, всем вспомнившимся покровителям родов и беременных женщин, и вдобавок к любым ангелам-хранителям: моему, Марсали или ребенка. Вдруг кто-нибудь был неподалеку.

Видимо, кто-то из них внял моим мольбам. Когда я уложила Марсали на стол, то испытала огромное облегчение, обнаружив, что шейка матки уже начала раскрываться и при этом не было никаких признаков кровотечения. Это не устраняло риск целиком, но значительно снижало его.

Давление, насколько я могла судить, осмотрев девушку, было в порядке. Сердцебиение малыша стабилизировалось, хотя он прекратил двигаться, отказываясь реагировать на мои щипки и толчки.

– Наверное, заснул, – сказала я, улыбнувшись Марсали. – Отдыхает.

Она слегка улыбнулась мне в ответ и перевернулась на бок, похрюкивая, как поросенок.

– Я и сама не прочь отдохнуть после такой прогулки. – Она вздохнула, поудобней устраиваясь на подушке. Адсо, отследив это движение, запрыгнул на стол и устроился на ее груди и стал ластиться, тыкаясь головой ей в лицо.

Я хотела было согнать его, но Марсали, казалось, утешало присутствие кота, она чесала его за ухом, пока он не свернулся под ее подбородком, громко мурлыкая. Мне случалось принимать роды и в худших санитарных условиях, хоть и без кота, и сегодня, по всей вероятности, все будет происходить медленно, а Адсо удерет задолго до того, как его присутствие станет помехой.

Я чувствовала себя немного уверенней, но абсолютной убежденности не было. Едва заметное ощущение, что что-то не так, все еще присутствовало. Попутно я рассматривала возможные варианты действий.

Учитывая небольшое расширение шейки матки и пока еще стабильное сердцебиение, мы могли бы попробовать самый консервативный метод стимулирования родов, чтобы не подвергать мать или ребенка лишнему риску. Если же случится нечто непредвиденное... ну что ж, когда и если мы столкнемся с этим, то тогда и будем думать, что делать.

Я надеялась, что содержимое банки оставалось пригодным. Мне не представилось случая открыть ее раньше. «Ламинария» – гласила этикетка, написанная летящим почерком Дэниела Роулингса. Это была маленькая банка из темно-зеленого стекла, плотно закупоренная и очень легкая. Когда я ее открыла, изнутри поплыл слабый запах йода, но никакого запаха гниения – слава богу!

Ламинария – морская водоросль. В высушенном виде она представляет собой тонкие, как бумага, длинные и узкие полосы коричневатого-зеленого цвета. Однако в отличие от многих других высушенных морских водорослей, ламинарию не так просто раскрошить. И она обладает невероятной способностью поглощать воду.

Введенная в открытую шейку матки, она абсорбирует влагу из слизистых оболочек и разбухает, способствуя ее дальнейшему медленному расширению. Таким образом эта водоросль провоцирует начало родов. Я наблюдала использование ламинарии даже в свою эпоху, хотя в мои времена она чаще всего использовалась, чтобы извлечь мертвый плод из матки. Я задвинула эту мысль подальше и выбрала хороший кусок.

После этой незатейливой манипуляции оставалось только ждать. И надеяться. Хирургическая казалась безмятежной, она была полна света и криков ласточек, копошащихся под карнизом.

– Я надеюсь, что Йен найдет Фергуса, – сказала Марсали спустя какое-то время.

– Уверена, что найдет, – ответила я, сосредоточившись на попытках зажечь маленькую жаровню при помощи кремня и кресала. Стоило сказать Лиззи, чтобы она напомнила Брианне принести спички. – Так, говоришь, Фергуса не было дома?

– Нет. – Ее голос звучал приглушенно, и, оглянувшись, я увидела, что она спрятала лицо в пушистой шкурке Адсо. – Я вообще едва видела его с тех пор... с тех пор, как мужчины нагрянули в солодовню.

– О!

Я не знала, что ответить на это. Мне и в голову не приходило, что Фергус старался не показываться на глаза. Однако с учетом моих познаний о мужчинах восемнадцатого века я могла бы угадать причину.

– Он стыдится, глупый лягушатник, – прозаично произнесла Марсали,

подтвердив мою гипотезу. Она повернула лицо, один голубой глаз выглянул из-за головы Адсо. – Думает, это его вина. Что я оказалась там, я имею в виду. Думает, если бы он лучше нас обеспечивал, мне не пришлось бы заниматься соложением.

– Мужчины! – сказала я, покачав головой, и она рассмеялась.

– Да, мужчины. И правда, нет чтобы сказать, в чем проблема! Гораздо удобней сбежать и вариться в этом, оставив на меня дом с тремя буйными детьми! – она закатила глаза.

– Да, так они и поступают, мужчины! – снисходительно согласилась миссис Баг, входя с зажженной тонкой свечой. – Здравому смыслу в них ни на йоту, но есть добрые намерения. Я слышала, как вы щелкаете этим кресалом, будто ангел смерти, миссис Клэр. Почему было не прийти и не взять немного огня, как разумный человек? – Она коснулась тонкой свечой угля в жаровне, и та послушно вспыхнула.

– Практика, – мягко сказала я, добавляя щепки в маленькое пламя. – Я не оставляю надежды научиться добывать огонь по крайней мере за четверть часа.

Марсали и миссис Баг одновременно и насмешливо фыркнули.

– Бог с вами, ягненок, о какой четверти часа вы говорите! Да у меня уходило по часу и больше, когда я пыталась высечь искру во влажном хворосте, особенно в шотландскую зиму, когда ничего в принципе не бывает сухим. Почему, как думаете, люди так пекутся о поддержании огня в очагах?

Это вызвало оживленную дискуссию о лучшем способе поддержания огня в течение ночи, в ходе которой звучали аргументы в пользу правильных молитв, которые помогают в этом деле. Дискуссия продолжалась достаточно долго, чтобы я успела разжечь приличный огонь в жаровне и поставить на нее небольшой чайник. Чай из листьев малины ускорит сокращения матки.

Разговоры о Шотландии, похоже, напомнили Марсали о чем-то, и она приподнялась на одном локте.

– Матушка Клэр, как вы думаете, Па не станет возражать, если я одолжу у него лист бумаги и немного чернил? Я думаю, было бы неплохо написать моей матери.

– Отличная идея! – Я пошла за бумагой и чернилами, сердце у меня беспокойно колотилось. Марсали была абсолютно спокойна, а вот я – нет. Я видела такое прежде, не знаю, был ли это фатализм, вера или что-то чисто физиологическое, но женщины на сносях часто забывали о страхе или дурных предчувствиях, целиком погружаясь в себя и демонстрируя

поглощенность, граничившую с равнодушием. Просто их мир был ограничен окружностью живота, внимания и сил не оставалось ни на что прочее.

Так или иначе, моя тревога немного притупилась, и два-три часа прошли в относительном спокойствии. Марсали написала письмо Лаогере и короткие записки детям.

– На всякий случай, – объяснила она коротко, вручив мне сложенные листки, чтобы я отложила их. Я заметила, что записки для Фергуса не было, но она то и дело бросала взгляд на дверь, когда снаружи раздавался шум.

Лиззи вернулась и сообщила, что нигде не смогла найти Брианну, но с ней пришла взволнованная Мальва Кристи, которая тут же включилась в процесс и вскоре принялась вслух читать «Приключения Перигрина Пикля» Тобайаса Смоллетта.

Через некоторое время вошел Джейми, покрытый дорожной пылью. Он поцеловал меня в губы, а Марсали в лоб. Оценив нетипичность ситуации, он едва заметно приподнял бровь.

– Что, уже, *muirinn*? – спросил он у Марсали.

Она скорчила рожицу, высунула язык, и он засмеялся.

– Тебе нигде не попадался Фергус? – спросила я.

– Попадался, – ответил он с удивлением. – Он вам нужен? – Этот вопрос был адресован одновременно и Марсали, и мне.

– Да, – сказала я твердо. – Где он?

– На мельнице Вулэма. Переводит для французского путешественника, художника, который приехал изучать птиц.

– Птиц, вот как? – Такое объяснение, казалось, до глубины души возмутило миссис Баг, которая перестала вязать и выпрямилась. – Стало быть, наш Фергус говорит на птичьем языке? Сходите и заберите мужичонку оттуда сию минуту. Пусть этот француз сам разбирается со своими птицами!

Немного оторопевший от такой реакции, Джейми позволил мне увести его в прихожую к парадной двери. Убедившись, что мы уже за пределами слышимости, он остановился.

– Что происходит с девчушкой? – спросил он тихо и оглянулся на дверь хирургической, где чистый и высокий голос Мальвы продолжил чтение.

Я рассказала ему о своих опасениях.

– Может, это ничего не значит. Я надеюсь, что так. Но Марсали нужен Фергус. Она говорит, он держит дистанцию, чувствует вину за то, что

случилось в солодовне.

Джейми кивнул.

– Ну да, так и есть.

– Так и есть? Но почему, ради всего святого? – вспыхнула я. – Он в этом не виноват!

Джейми бросил на меня взгляд, означающий, что я упускаю нечто такое, о чем под силу было бы догадаться и человеку небольшого ума.

– Ты думаешь, это имеет значение? А если бы девчушка умерла или с ребенком что-то случилось? Думаешь, он не стал бы винить себя?

– Он не должен, – сказала я. – Но, видимо, именно это он и делает. Ты не... – Я оборвалась на полуслове, так как он фактически обвинял себя. Он сказал мне об этом очень ясно в ту самую ночь, когда мы вернулись домой.

Джейми увидел, что меня осенило это воспоминание, и тень болезненной улыбки промелькнула в его глазах. Он протянул руку и провел по моей брови, которую напололам делила глубокая ссадина.

– Думаешь, я не чувствую этого? – спросил он тихо.

Я беспомощно покачала головой.

– Женщина должна быть под защитой своего мужчины, – сказал он просто и отвернулся. – Я приведу Фергуса.

* * *

Ламинария делала свое дело медленно, но неуклонно, и у Марсали начались редкие схватки, хотя мы пока что по-настоящему не брались за дело. Когда Джейми вернулся с Фергусом и Йеном, которого встретил по пути, свет уже начал гаснуть.

Фергус был небрит, весь в пыли и явно не мылся уже много дней, но лицо Марсали засияло, как солнце, когда она увидела мужа. Я не знаю, что ему сказал Джейми, но он выглядел мрачным и встревоженным. Однако взглянув на Марсали, Фергус кинулся к ней, как стрела к цели, обняв с такой страстью, что от удивления Мальва уронила книгу на пол.

Я немного расслабилась, впервые с тех пор, как Марсали утром вошла в дом.

– Что ж, – сказала я и глубоко вздохнула. – Мне кажется, нам можно было бы немного перекусить.

Мы отправились на кухню, оставив Фергуса и Марсали наедине. Когда я вернулась в хирургическую, то нашла их тихо беседующими, головы близко склонены друг к другу. Мне страшно не хотелось прерывать их, но

это было необходимо.

С одной стороны, шейка матки уже заметно раскрылась и не было никаких признаков аномального кровотечения, что было огромным облегчением. С другой стороны, пульс ребенка снова стал неровным. Почти наверняка проблема в пуповине, подумала я.

Я остро ощущала на себе взгляд Марсали, пока слушала свой стетоскоп, и мне пришлось проявить недюжинную выдержку, чтобы не показать никаких эмоций.

– Ты очень хорошо держишься, – заверила я девушку, откидывая намокшие волосы с ее лба и улыбаясь. – Думаю, пора немного помочь малышу.

Было множество трав, стимулирующих схватки, но большинство из них я не рискнула бы использовать из-за высокой угрозы кровотечения. К этому моменту мое беспокойство изрядно возросло, и мне хотелось, чтобы все шло как можно быстрее. Можно было бы заварить чай с малиновым листом, если он будет не слишком крепким, чтобы вызвать сильные или резкие сокращения. Может, стоит добавить синий кохош?

– Малыш должен родиться быстро, – сказала Марсали Фергусу с самым невозмутимым видом. Очевидно, мне все-таки не удалось скрыть свою тревогу так хорошо, как мне казалось.

При ней были четки, они обвивали ее ладонь, крестик свободно свисал. – Помоги мне, mon cher!

Он поднял руку с четками и поцеловал ее.

– Oui, chérie.

Он перекрестился и приступил к делу.

Фергус провел первые десять лет своей жизни в публичном доме, в котором родился. Поэтому в некотором смысле он знал о женщинах много больше, чем любой другой мужчина, которого я когда-либо встречала. И все же я была поражена, увидев, что он потянулся к завязкам на горловине рубашки Марсали и развязал их, обнажив грудь.

Марсали не выглядела удивленной, она лишь откинулась назад и немного развернулась в его сторону, слегка толкнув мужа животом.

Он встал коленями на стул рядом с кроватью и, нежно положив руку на живот Марсали, склонил голову к ее груди, слегка поджав губы. Затем он, видимо, заметил, что я изумленно глазею на них, и посмотрел на меня поверх живота.

– О! – Он улыбнулся мне. – Вы не... я полагаю, вы не видели такого прежде, миледи?

– Как-то не случилось. – Я разрывалась между любопытством и

стыдливостью. – Что?..

– Когда схватки долгое время не учащаются, сосание женской груди заставляет матку сокращаться, таким образом подгоняя ребенка, – объяснил он и рассеянно потер большим пальцем темно-коричневой сосок, так что он затвердел, став круглым и упругим, как ранняя вишня. – В борделе, если у одной из les filles^[77] были похожие проблемы, иногда другая оказывала ей такую услугу. Я уже делал это для ma douce^[78], когда мы ждали Фелисити. Это поможет. Вот увидите!

И без всяких дальнейших церемоний он обхватил одну грудь ладонями и накрыл губами сосок, мягко, но очень сосредоточенно посасывая его с закрытыми глазами.

Марсали вздохнула, и ее тело резко, в одно мгновение, расслабилось, как это бывает у беременных женщин, словно она внезапно стала бескостной, как выброшенная на берег медуза.

Я была ужасно смущена, но не могла уйти, дежуря на случай, если что-то произойдет.

Замявшись на мгновение, я вытащила стул и села, стараясь быть незаметной. Однако, судя по всему, ни один из них не был хоть сколько-нибудь обеспокоен моим присутствием, если они вообще обо мне помнили. И все же я отвернулась чуть в сторону, чтобы не пялиться.

Я была одновременно поражена и заинтригована методом Фергуса. Он был совершенно прав. Кормление младенца грудью вызывает сокращение матки. Акушерки из госпиталя «Обитель ангелов» в Париже говорили мне похожие вещи: только что разрешившейся от бремени женщине нужно сразу приложить ребенка к груди для того, чтобы замедлить кровотечение. Но ни одна из них, кажется, не упоминала этот способ как средство для стимуляции родов.

«В борделе, если у одной из девочек были проблемы, иногда другая оказывала ей такую услугу», – сказал он.

Его мать была одной из les filles – «девочек», хотя он никогда не знал ее. Я представила себе парижскую проститутку, темноволосую и, должно быть, молоденькую, стонущую в родах, и ее подругу, которая склоняется к ней, чтобы нежно накрыть губами сосок и обхватить ладонями набухшую чувствительную грудь. Она шепчет ей что-то ободряющее под аккомпанемент сладострастных вздохов клиентов, доносящихся сквозь стены, через этажи.

Она умерла, его мать? В этих родах или следующих? Задушена пьяным клиентом, избита громилой, что работает на хозяйку? Или все дело

в том, что она не хотела его, не хотела нести ответственность за свое внебрачное дитя и потому оставила его на милость других женщин, сделав еще одним в безымянном племени сыновей улиц?

Марсали заерзала на кровати, и я подняла на них глаза, чтобы убедиться, что все в порядке. Так и было. Она просто передвинулась, чтобы обнять Фергуса за плечи и притянуть к себе его голову. Чепец упал, и ее желтые волосы рассыпались вокруг, сияя на фоне его темной гладкой копны.

– Фергус... Я могу умереть, – шептала она чуть слышно, ветер снаружи заглушал ее слова.

Он выпустил ее сосок и нежно провел губами по груди, пробормотав:

– Ты всегда думаешь, что умрешь, *r'tite russe*^[79], все женщины так думают.

– Да, это потому что очень часто так и происходит, – сказала она немного резко и открыла глаза. Он улыбнулся, не открывая глаз, кончик языка нежно тербил ее сосок.

– Не ты, – сказал он тихо, но с глубокой уверенностью. Он провел рукой по ее животу, сначала нежно, а потом с силой. Я увидела, как живот напрягся, внезапно округлившись и затвердев. Марсали вдруг резко втянула воздух, и Фергус нажал ребром ладони у основания живота, прямо возле лобковой кости, держа руку там до тех пор, пока схватка не прекратилась.

– О! – сказала она, переводя дыхание.

– Ты... поп, – прошептал он еще более мягко. – Не ты. Я не позволю тебе уйти.

Я запустила руки в ткань юбки. Это было похоже на хорошую, сильную схватку. Ничего ужасного в результате этого события не случилось.

Фергус возобновил свою работу, время от времени делая паузы, чтобы сказать Марсали что-нибудь забавное на французском. Я встала и осторожно прошла в их сторону, дойдя до прикроватного столика. Нет, ничего необычного. Я бегло оглядела стол, чтобы быть уверенной, что все на своем месте и в боевой готовности.

Возможно, все будет в порядке. Было небольшое кровавое пятно на простыне, но это была всего лишь сукровица – нормальное явление перед родами. Оставался неровный пульс ребенка и возможность несчастного случая из-за пуповины, но с этим ничего нельзя было сделать. Марсали приняла решение, и оно было правильным.

Фергус снова принялся за грудь. Я потихоньку вышла в холл, прикрыв дверь наполовину, чтобы дать им какое-то подобие уединения. Если

начнется кровотечение, я буду с Марсали через несколько секунд.

У меня в руке по-прежнему была банка с листьями малины. Я подумала, что можно пойти и сделать чай, может, это хотя бы позволит мне чувствовать себя полезной!

Не найдя жену дома, старый Арч Баг пришел к нам с детьми. Фелисити и Джоан крепко спали на скамье, Арч курил трубку у очага, пуская кольца дыма, чтобы развлечь Германа. Между тем Джейми, Йен и Мальва Кристи оказались вовлечены в оживленную литературную дискуссию относительно достоинств Генри Филдинга, Тобайаса Смоллетта, и...

– Овидий? – спросила я, выхватив конец фразы. – Серьезно?

– Пока ты счастлив, у тебя множество друзей, – процитировал Джейми. – Когда времена омрачаются, ты остаешься один. Не считаете ли вы, что это справедливо в случае бедного Тома Джонса и малыша Перри Пикля?

– Но ведь истинные друзья никогда не бросят человека лишь потому, что у него некоторые затруднения! – возразила Мальва. – Какой же это друг?

– Боюсь, самый распространенный тип друзей, – вставила я. – К счастью, не единственный.

– Да, не единственный! – подтвердил Джейми и улыбнулся Мальве. – У горцев самые верные друзья, хоть, может, только потому, что и кровных врагов они наживают запросто.

Она слегка покраснела, но поняла, что ее намеренно поддразнивают.

– Хмф! – сказала она и задрала нос, чтобы презрительно посмотреть на него сверху вниз. – Мой отец говорит, горцы такие свирепые воины из-за того, что в горах нет ничего ценного, поэтому в самых кровавых битвах ставки смехотворно низкие!

Это замечание всех рассмешило, и Джейми поднялся, чтобы подойти ко мне, предоставив Йену и Мальве продолжать спор.

– Что там с девчушкой? – спросил он спокойно, зачерпывая для меня горячую воду из чайника.

– Я не уверена, – сказала я. – Фергус... эээ... помогает ей.

Джейми поднял брови.

– Как? – спросил он. – Я и не знал, что мужчина еще на что-то способен в этом деле, кроме как однажды его успешно начать.

– О, ты бы очень удивился, – уверила я его. – Даже я удивилась!

Он выглядел заинтригованным, но не стал спрашивать меня, поскольку миссис Баг потребовала, чтобы все прекратили говорить о

несчастных людях, которые плохо кончают на страницах книг, и садились за стол.

Я тоже присоединилась к трапезе, но есть не могла из-за беспокойства о Марсали. Чай как раз заварился, когда мы закончили с едой. Я перелила его в чашку и понесла в хирургическую, осторожно постучав в дверь перед тем, как зайти.

Фергус весь покраснел и запыхался, но глаза у него сияли. Его невозможно было убедить пойти и поесть, он упорно настаивал на том, что останется с Марсали. Его усилия дали свои плоды: начались регулярные схватки, хотя по-прежнему довольно редкие.

– Все пойдет быстрее, как только воды отойдут, – сказала мне Марсали. Она тоже немного разругалась, и взгляд ее был будто обращен внутрь. – Так всегда.

Я еще раз проверила пульс, никаких значительных изменений, такой же неровный, но не ослабевший ритм, и вышла из комнаты. Джейми был в своем кабинете, который располагался на другом конце холла. Я вошла и села рядом, чтобы в случае необходимости быть недалеко.

Он писал обычное вечернее письмо сестре, время от времени прерываясь, чтобы растереть правую руку, сведенную судорогой. Наверху миссис Баг укладывала детей спать. Я слышала плач Фелисити и голос Германа, пытавшегося ей петь.

С другого конца холла доносились шорохи и перешептывания, скрипел стол, что-то передвигали. И внутренний слух, повторяя мой собственный пульс, регистрировал мягкое и быстрое сердцебиение ребенка.

Все моментально могло кончиться плохо.

– Что ты делаешь, саксоночка?

Я изумленно подняла глаза.

– Ничего я не делаю.

– Ты будто смотришь сквозь стены, и не похоже, чтобы тебе нравилось то, что ты видишь.

– О! – Я опустила взгляд и поняла, что непрерывно комкала в руках ткань юбки. На бежевом домотканом полотне был большой смятый участок. – Видимо, я вспоминаю свои неудачи.

Он бросил на меня быстрый взгляд, затем встал и, подойдя сзади, положил ладони на основание моей шеи. Джейми стал разминать плечи сильными уверенными движениями.

– Что за неудачи? – спросил он.

Я закрыла глаза и чуть опустила голову, стараясь не кричать от боли в скрученных узлом мышцах и от облегчения, которое дарили

прикосновения.

– О! – сказала я и вздохнула. – Пациенты, которых я не смогла спасти. Ошибки. Несчастные случаи. Мертворождения.

Последние слова повисли в воздухе, и на миг Джейми остановился, но тут же продолжил еще интенсивнее.

– Но ведь бывают случаи, когда помочь не в твоих силах? И ни в чьих других. Сделать некоторые вещи правильно просто не в нашей власти, верно?

– Ты в такое не веришь, когда дело касается тебя. Так почему я должна?

Он прервал массаж, и я посмотрела на него через плечо. Джейми открыл было рот, чтобы возразить мне, но понял, что не может. Только покачал головой, вздохнул и продолжил.

– Ох, ладно. Думаю, это правда, – сказал он с горькой иронией в голосе.

– Наверное, это греки называли hubris – высокомерием, да?

Он коротко и смешливо фыркнул.

– Да. И ты знаешь, к чему это приводит.

– К одинокой скале под палящим солнцем со стервятником, клюющим твою печень, – сказала я и засмеялась.

Джейми тоже.

– Да, что ж, одинокая скала под палящим солнцем – это то самое место, где неплохо бы иметь компанию. И я сейчас не о стервятнике.

Его руки в последний раз сжали мои плечи, но он их не убрал. Я закрыла глаза и откинула голову чуть назад, прижимаясь к нему. Его близость дарила мне умиротворение. В воцарившейся тишине до нас долетали звуки из хирургической: приглушенный стон Марсали от очередной схватки, тихий вопрос Фергуса на французском. Я знала, что подслушивать такие вещи нельзя, но ни мне, ни Джейми ничего не приходило на ум, чтобы заглушить беседой их слова. Бормотание Марсали, пауза, затем Фергус ответил что-то, немного замедлившись.

– Да, как мы делали перед рождением Фелисити, – слышался далекий, но легко различимый голос Марсали.

– Ош, но...

– Тогда подожди чем-нибудь дверь, – сказала она нетерпеливо.

Мы слышали шаги, и дверь хирургической распахнулась. В проходе стоял Фергус, темные волосы растрепаны, рубашка наполовину расстегнута, красивое лицо залито краской под отросшей щетиной. Он увидел нас, и его лицо приняло странное выражение. В нем были гордость,

смущение и что-то невыразимо... французское. Он одарил Джейми кривой ухмылкой, пожал плечами с величайшей галльской беззаботностью, а затем плотно закрыл дверь. Мы услышали скрип перетаскиваемого столика и следом короткий удар, когда им загородили дверь.

Мы с Джейми обменялись озадаченными взглядами.

Из-за закрытой двери донеслось хихиканье, сопровождаемое громким скрипом и шуршанием.

– Он же не собирается... – начал было Джейми и резко замолчал, недоверчиво глядя на меня. – Или да?

Судя по слабым ритмичным скрипам, которые неслись из хирургической, да – собрался.

Я ощутила легкий шок, а следом к лицу стыдливо прилила кровь, но одновременно с этим мне неудержимо хотелось рассмеяться.

– Ну... эээ... Я слышала, что... гм... иногда это приближает роды. Если женщины перенашивали, опытные парижские акушерки иногда предлагали им напоить своих мужей и... эмм...

Джейми кинул на дверь хирургической взгляд, полный одновременно недоверия и невольного уважения.

– И он не выпил ни капли спиртного. Что ж, если все так и есть, у этого ублюдка стальные яйца.

Йен, завернувший в холл как раз вовремя, чтобы услышать последние реплики, остановился как вкопанный. Мгновение он прислушивался к шуму из хирургической, потом посмотрел на нас с Джейми, перевел взгляд на закрытую дверь, снова на нас, покачал головой и, развернувшись, направился назад в кухню.

Джейми протянул руку и осторожно закрыл дверь кабинета.

Никак не комментируя происходящее, он снова сел и невозмутимо принялся дальше царапать письмо. Я подошла к небольшой книжной полке и остановилась там, бездумно уставившись на ряд потрепанных книжных корешков.

Бабы сплетни иногда не больше, чем бабы сплетни. Иногда нет.

Меня редко тревожили личные воспоминания, когда я занималась пациентами, – на это не хватало ни времени, ни внимания. Но сейчас было много и того и другого. И передо мной возникло очень живое воспоминание о ночи перед рождением Бри.

Люди часто говорят, что женщины забывают, каково это – рожать, потому что, если бы они помнили, то зареклись бы такое повторять. Но лично я отлично все помнила.

Особенно ужасное чувство слабости. Это бесконечно тянущееся время

ближе к финалу, когда кажется, что это не кончится никогда, будто ты увяз в какой-то доисторической смоляной яме, в которой каждое движение обречено на провал. Каждый сантиметр кожи натянут до предела – так же, как и нервы.

Ты все помнишь, просто достигаешь точки, где тебя уже не волнует, будет ли больно. Все лучше, чем быть беременной хоть минутой дольше.

Я достигла этой точки примерно за две недели до назначенного срока. Дата наступила и... прошла. Спустя неделю я была в состоянии непрерывной истерии, если можно быть одновременно истеричной и вялой.

Фрэнку было физически комфортней, чем мне, но он тоже издергался. Мы оба были в ужасе не только из-за родов, но и из-за того, что будет после них. Фрэнк есть Фрэнк, от агрессии он становился тихим, замыкался в себе. Там он мог контролировать происходящее, а все внешнее просто не впускал.

Но я была не в том состоянии, чтобы уважать чужие границы, и когда жизнерадостный акушер сообщил мне, что моя шейка матки вообще не раскрылась и «это может продлиться несколько дней, возможно, еще неделю», я от отчаяния шумно разрыдалась прямо там.

Пытаясь меня успокоить, дома Фрэнк стал растирать мне ноги. Потом спину, шею, плечи – все, к чему я позволяла прикасаться. Постепенно я смирилась и лежала смирно, позволяя ему трогать меня. И... нам обоим было очень страшно, мы нуждались в утешении, но у нас не было слов, которые могли бы подарить его.

И он занялся со мной любовью, медленно и нежно, и мы заснули в объятиях друг друга. Я в панике пробудилась несколько часов спустя, потому что отошли воды.

– Клэр! – Кажется, Джейми несколько раз звал меня по имени, но я так погрузилась в воспоминания, что забыла, где нахожусь.

– Что? – Я резко обернулась, сердце тревожно забилося. – Что-то случилось?

– Нет, еще нет. – Он окинул меня оценивающим взглядом, изогнув бровь, затем встал и подошел.

– С тобой все хорошо, саксоночка?

– Да. Я... просто задумалась.

– Да, я видел, – сказал он сухо. Он замялся, а затем, когда до нас донесся особенно громкий стон, коснулся моего локтя.

– Тебе страшно? – мягко спросил он. – Что ты сама можешь быть беременна?

– Нет, – ответила я и отчетливо услышала в своем голосе горечь,

которая не скрылась и от него. – Я знаю, что не беременна. – Я посмотрела на него. От непролитых слез его лицо казалось размытым. – Мне грустно, что я не беременна... что уже никогда не буду беременной.

Я сморгнула и увидела на его лице те же эмоции, что и у меня – облегчение и сожаление, смешанные в такой пропорции, что невозможно было сказать, какая сильнее. Он обнял меня, и я прижалась лбом к его груди, думая о том, какое же это утешение знать, что и у меня есть компания на этой скале.

Некоторое время мы просто молча стояли, размеренно дыша. Потом характер звуков в хирургической вдруг изменился. Оттуда донесся краткий удивленный вскрик, а следом более эмоциональное восклицание на французском, на пол тяжело приземлились ноги, а затем раздался недвусмысленный звук отошедших околоплодных вод.

* * *

Роды продвигались быстро. Меньше чем через час показалось покрытое черным пушком темя.

– Волос у него хватает, – сообщила я, смягчая промежность маслом. – Осторожней, не тужься слишком сильно! Пока рано, – я обхватила головку. – И у него очень большая голова.

– Вот так новость, а я и не знала, – сказала Марсали, она покраснела и тяжело дышала. – Спасибо, что сказала.

Я едва успела рассмеяться, как головка аккуратно скользнула мне в руки, лицом вниз. Пуповина обвивалась вокруг шеи, но, слава богу, не туго. Я продела под нее палец и скинула петлю. Прежде чем я открыла рот, чтобы сказать «тужься!», Марсали сделала какой-то невероятно глубокий вдох и выстрелила младенца в мой живот, словно пушечное ядро.

У меня в руках будто оказался смазанный жиром поросенок, и я лихорадочно вертела его в руках, пытаясь повернуть малыша головой вверх и понять, дышит ли он или она.

Тем временем Мальва и миссис Баг взволнованно восклицали рядом, из кухни слышался топот бегущих ног.

Я нашла лицо малышки, быстро очистила нос и рот, вдула немного воздуха ему в легкие, щелкнула пальцем по подошве одной ноги. Нога дернулась в рефлекс, и он широко раскрыл рот в отчаянном вопле.

– Bon soir, Monsieur L'Oeuf, – сказала я, поспешно проверяя, действительно ли это месье.

– Monsieur? – Лицо Фергуса расплылось в широкой улыбке.

– Monsieur, – подтвердила я и, быстро закутав ребенка во фланель, сунула его в руки отцу, сосредоточившись на перевязывании и обрезании пуповины. Потом я вернулась к Марсали.

Мать, к счастью, была в порядке. Изнуренная и взмокшая, она улыбалась так же широко, как ее муж. И так было со всеми в комнате. Пол был грязным, постель мокрой, а воздух насыщен плодородными запахами рождения, но в общем радостном оживлении этого никто не замечал.

Я массировала живот Марсали, стимулируя сокращения матки, миссис Баг тем временем принесла ей огромную кружку пива.

– С ним все в порядке? – спросила она, приходя в себя после утоления жажды. – Правда все в порядке?

– Ну, у него две руки, две ноги и голова, – сказала я. – Сосчитать пальцы на руках и ногах не успела.

Фергус положил ребенка на стол к Марсали.

– Посмотри сама, та cher, – сказал он. Он откинул пеленку, моргнул, затем нахмурился и склонился ближе.

Йен и Джейми прекратили разговаривать, заметив его реакцию.

– Что-то неладно? – спросил Йен, подходя ближе.

В комнате внезапно повисла тишина. Мальва недоуменно переводила взгляд с одного лица на другое.

– Maman?

В дверях, сонно покачиваясь, стоял Герман.

– Он здесь? C'est monsieur?

Не дожидаясь ответа, он поплелся вперед, оперся на окровавленную постель и, разинув рот, уставился на новорожденного брата.

– Выглядит забавным, – сказал Герман и слегка сдвинул брови. – Что это с ним?

Фергус стоял, обратившись в камень, как и все мы. Очнувшись, он посмотрел на Германа, перевел взгляд на младенца, потом снова на своего первенца.

– Il est un pain, – сказал он почти небрежно. Он сильно сжал плечо Германа, так что мальчик изумленно вскрикнул, затем резко повернулся на каблуках и вышел. Я услышала звук открывшейся входной двери, и холодный сквозняк пронесся по холлу в комнату.

Il est un pain. Карлик.

Фергус не закрыл дверь, и ветер задул свечи, оставив нас в полутьме, освещаемой лишь всполохами от жаровни.

Глава 36

Зимние волки

Маленький Анри-Кристиан появился на свет совершенно здоровым, просто оказался карликом. Впрочем, он был слегка желтушным, со слабым золотистым отливом на коже, который придавал его круглым щечкам нежный румянец, что делало их похожими на лепестки нарцисса. Вместе с пятнышком черных волос на макушке он вполне мог сойти за китайчонка, если бы не огромные круглые голубые глаза.

В некотором смысле я даже испытывала к нему благодарность. Ничто другое, кроме рождения карлика, не отвлекло бы так внимание Риджа от меня и всех происшествий последнего месяца. Люди больше не всматривались в мое заживающее лицо и не замолкали неловко при моем появлении. Напротив, им всегда было о чем поговорить: со мной, друг с другом, а нередко и с Марсали, если я или Бри не успевали их вовремя остановить.

Надо думать, они и с Фергусом вели бы такие разговоры, будь у них такая возможность. Он вернулся через три дня после рождения ребенка, угрюмый и безмолвный, и остался ровно столько, чтобы согласиться с именем, выбранным Марсали, да поговорить с ней с глазу на глаз. Затем он ушел снова.

Если она и знала, где пропадал муж, то не распространялась об этом. Поэтому пока что они с малышом оставались в Большом Доме, с нами. Марсали улыбалась и уделяла внимание другим детям, как и положено хорошей матери, но, казалось, постоянно прислушивалась к чему-то, чего нет. К шагам Фергуса?

Было и хорошее: она всегда держала Анри-Кристиана подле себя: носила в импровизированном гамачке на груди или устраивала у ног в плетеной корзине из камыша. Я видела родителей, у которых рождались дети с дефектами, часто они сдавались, не в силах справиться с ситуацией. Марсали отнеслась к этому совершенно иначе и яростно защищала малыша.

Люди приходили под предлогом разговора с Джейми или чтобы взять у меня какого-нибудь отвара или целебной мази, но на самом деле им хотелось хоть мельком увидеть Анри-Кристиана. Поэтому не было ничего удивительного в том, что Марсали напряглась и прижала Анри-Кристиана к груди, когда открылась задняя дверь и на порог упала тень очередного посетителя.

Она немного расслабилась, увидев, что в дверях стоит Йен.

– Привет, кузина, – сказал он с улыбкой. – Как вы с малышом себя чувствуете?

– Очень хорошо, – твердо ответила Марсали. – Пришел проводить своего нового родственника? – Она сузила глаза, испытующе глядя на него.

– Да, и передать ему маленький подарок. – Йен поднял большую руку и коснулся своей рубашки, которая оттопыривалась в одном месте. – Надеюсь, ты тоже в порядке, тетушка Клэр?

– Привет, Йен, – сказала я, поднимаясь на ноги и откладывая в сторону рубашку, которую латала. – Да, со мной все хорошо. Хочешь пива? – Я была ему рада: я составляла Марсали компанию, пока она шила или, точнее, стояла на страже, чтобы отгонять незваных гостей, пока миссис Баг занята курятником. Однако в хирургической настаивался отвар крапивы, и мне нужно было его проверить. Марсали вполне можно было вверить заботам Йена.

Оставив им кое-что перекусить, я ускользнула в хирургическую и провела приятные четверть часа наедине с травами, сцеживая настои, разбирая розмарин для просушки. Меня окружали насыщенные ароматы и безмятежность растений. В эти дни одиночество было роскошью – дети постоянно путались под ногами. Я знала, что Марсали не терпит вернуться домой, но нельзя было оставлять ее там одну, без Фергуса, которой мог бы за ней присмотреть.

– Вот мерзавец, – бормотала я себе под нос. – Самовлюбленная скотина.

И я была не единственная, кто так считал. Когда я шла назад по коридору, источая запах женшенья и розмарина, я услышала, как Марсали высказывает подобные мысли Йену.

– Да, я знаю, что он сбит с толку. А кто бы не был? – говорила она с обидой. – Но почему нужно убегать и оставлять нас одних? Ты говорил с ним, Йен? Что он сказал?

Так вот в чем дело. Йен как раз был в одной из своих таинственных отлучек: должно быть, он встретил где-то Фергуса и рассказал об этом Марсали.

– Ну, – ответил он, замявшись на мгновение, – перекинулись парой фраз.

Я притормозила, не желая прерывать их разговор, но успела увидеть его лицо – воинственные татуировки странно контрастировали с сочувствием, которое светилось в глазах. Он наклонился вперед через стол и протянул руки.

– Можно мне поддержать его, кузина? Пожалуйста.

От удивления Марсали выпрямилась на стуле, но осторожно передала ребенка, который было заворочался и запинался в пеленках, но быстро успокоился, удобно устроившись у Йена на плече, тихонько покряхтывая. Парень наклонил голову и осторожно прижался губами к большой круглой макушке Анри-Кристиана. Он что-то тихонько прошептал ребенку, кажется, на могавке.

– Что ты ему сказал? – спросила Марсали с любопытством.

– Это что-то вроде благословения. – Он легонько похлопал малыша по спине. – Ты говоришь с ветром, чтобы он сопровождал его, с небом, чтобы оно дало ему кров, с землей и водой, чтобы у него была пища.

– О, – выдохнула осторожно Марсали, – Йен, это очень мило. – Но следом она вся подобралась, как бы отказываясь отвлекаться. – Ты сказал, что говорил с Фергусом.

Йен кивнул с закрытыми глазами. Его щека покоилась на головке ребенка. Мгновение он молчал, но я увидела, как задвигалась его горло – как дернулось адамово яблоко, когда он сглотнул.

– У меня был ребенок, кузина, – прошептал он так тихо, что я едва расслышала.

Марсали услышала его. Она застыла, а игла, которую она только что подняла, блестела в руках. Затем, двигаясь очень медленно, она положила ее обратно на стол.

– Правда? – мягко спросила Марсали. Поднявшись, девушка обошла стол, шурша юбками, и села на скамью рядом с кузеном, деликатно положив руку на его локоть, чтобы он чувствовал ее присутствие.

Йен не открыл глаз, но втянул воздух и, по-прежнему прижимая ребенка к груди, начал говорить: голос его был не громче, чем потрескивание огня в очаге.

* * *

Он проснулся с внезапным осознанием того, что что-то не так. Перекатился на другую сторону кровати, где наготове лежало оружие, но прежде чем он успел схватить нож или копье, он снова услышал звук, который, должно быть, его разбудил. Он раздавался позади него – всего лишь резкий вдох, но в нем звучали боль и страх.

Огонь почти потух, он видел только темную макушку Вакотекехонсы, озаренную красноватым светом, да еще изгиб ее плеча и бедер под

шкурами. Она не двигалась и не издавала больше звуков, но что-то в этих темных неподвижных очертаниях пронзало его сердце, как томагавк, поражающий цель.

Он судорожно сжал ее плечо, желая убедиться, что с ней все в порядке. Кости казались маленькими и твердыми через кожу. Он не мог найти слов, весь язык Kahnyen'kehaka^[80] вдруг вылетел из головы, он тревожно выкрикивал то, что первым пришло на ум.

– Любимая... Моя девочка... Ты в порядке? Святой Михаил, сохрани нас, все хорошо?

Она знала, что он рядом, но не повернулась. Нечто вроде мелкой ряби, как от камня, брошенного в воду, пробежало по ее телу, и дыхание снова застряло в горле – короткий сухой звук.

Без дальнейших раздумий он выкарабкался из шкур и, не одеваясь, стал звать на помощь. В тусклом свете длинной хижины^[81] возникли неуклюжие фигуры, спешащие ему навстречу и осыпающие вопросами. Он не мог говорить, ему и не нужно было. Спустя несколько мгновений появилась Тевактенхох. Ее твердое старое лицо застыло в мрачном спокойствии. Небрежно оттолкнув его, женщины длинной хижины поспешили мимо, унося с собой Эмили, завернутую в оленью шкуру.

Он последовал за ними, но они, не замечая его, исчезли в женском доме на другом краю деревни. Двое или трое мужчин вышли за порог, глядя им вслед, пожали плечами и вернулись в дом. Было холодно, очень поздно, к тому же случившееся явно касалось только женщин.

Йен тоже вернулся внутрь, но только лишь для того, чтобы набросить на себя одежду. Он не мог оставаться в хижине, только не в опустевшей постели, которая пахла кровью. Кровь была и на его коже, но он не озаботился тем, чтобы смыть ее. Ночь была безмолвна, а холод пронизывал до костей.

Шкура, висящая над входом в длинную хижину, дернулась, и Ролло скользнул на улицу, серый, как призрак. Большой пес вытянул передние лапы и потянулся, поскуливая от холода и глубокой ночи. Потом он тряхнул тяжелым загривком, фыркнул, выдув облачко белого пара, и медленно подошел поближе к хозяину. Обреченно зевая, Ролло неохотно сел и привалился к ноге Йена.

Йен постоял еще секунду, глядя в сторону дома, где была Эмили. Его лицо горело от тревоги и шока. Он пылал в лихорадке ярко и горячо, будто уголь, но ощущал, как жар утекает в холодное небо, а сердце медленно чернеет. Наконец он хлопнул ладонью по бедру и пошел к лесу, пес тихо

затрусил рядом.

– Святая Мария, благодати полная...

Он шел не разбирая дороги и неистово молился вслух, только чтобы слышать собственный голос в безмолвии ночи.

Должен ли он был молиться духам могавков? Могут ли они разозлиться из-за того, что он говорил со своим старым Богом, с Божьей матерью? Могут ли они мстить за такую мелочь, наказывая его через жену и ребенка?

Ребенок уже мертв. Он понятия не имел, откуда пришло это знание, но был в этом уверен, как если бы кто-то сказал ему. Это знание было бесстрастным – пока еще не пища для скорби, лишь факт, истина, присутствие которой изумляло его.

Он уходил в лес все дальше, сначала шагом, а потом бегом, притормаживая, лишь чтобы набрать воздуха. Тот был ледяным и неподвижным и пах гнилью и смолой, но деревья тихо перешептывались над его головой. Эмили слышала, как они говорили, она знала их тайный язык.

– Ай, и что в этом хорошего? – пробормотал он, подняв лицо к беззвездной темной выси между ветвями. – Ты не сказал ничего стоящего. Ты ведь не знаешь, что с ней сейчас, так?

До него то и дело доносился шорох собачьих лап по мертвой листве за его спиной, мягкие шаги по голой земле. Он постоянно спотыкался, терялся в темноте, один раз упал, тут же поднялся на ноги и неуклюже побежал дальше. Молиться он перестал, разум был уже не в силах соединять слова в предложения – даже просто выбрать между разрозненными слогами разных языков. Дыхание обжигало горло, пока он бежал.

В холоде он ощущал ее тело против своего, ее полные груди в руках, ее маленькие круглые ягодицы, которые подавались к нему, тяжелые и полные желания, всякий раз, как он входил в нее. Боже, он знал, что не должен был, знал! И все же продолжал, ночь за ночью, не в силах противостоять соблазну ее тесной влажной ложбины, хотя давно уже знал, что пора остановиться, – эгоистичный, тупой, обезумевший от похоти...

Он бежал, и деревья посылали ему с высоты свои шуршащие проклятия. Пришлось остановиться, потому что он задышался. Небо из черного обернулось в темно-серый. Ролло потыкался в него, тихонько поскуливая, его глаза в этот предрассветный час казались пустыми и черными.

По телу Йена под кожаной рубахой катился пот, пропитывая вымазанную в грязи набедренную повязку. Его гениталии замерзли и

сжежились, прилипнув к телу, и он чувствовал резкий запах страха и потери, который от него исходил.

Ролло наострил уши и снова заскулил, то отходя на шаг, то возвращаясь. Хвост его нервно подергивался. «Пошли! – говорил он без слов, но совершенно ясно. – Сейчас же!»

Что до него самого, то Йен улегся бы на мерзлую опавшую листву, зарылся лицом в землю и там и остался бы. Но привычка была сильнее: нужно слушаться пса.

– Что? – глухо спросил он, проводя рукавом по мокрому лицу. – Что такое?

Ролло утробно зарычал. Он стоял неподвижно, но шерсть на загривке встала торчком. Йен заметил это, и какая-то слабая тревожная дрожь стала подниматься сквозь туман изнуряющего отчаяния. Он потянулся рукой к ремню, но обнаружил там пустоту и хлопнул себя по бедру, отказываясь верить. Господи, у него не было даже ножа для шкур!

Ролло зарычал снова, громче. Это уже звучало как предостережение. Йен повернулся, глядя в темноту, но не увидел ничего, кроме темных кедровых и сосновых стволов, укрытой тенями земли под ними и воздуха, наполненного туманом.

Французский торговец, как-то остановившийся у их очага, называл такое время и этот свет *l'heure du loup* – часом волка. И не зря: это было время охоты, когда ночь бледнеет, а слабый ветерок, что появляется перед рассветом, приносит запах добычи.

Его рука метнулась к ремню с другой стороны – туда, где должен был висеть мешочек с мазью: медвежий жир, смешанный с листьями мяты, скрывал человеческий запах во время охоты... или когда охотились на тебя. Но с этой стороны тоже было пусто, сердце застучало быстро и резко, а холодный ветер остудил пот на его теле.

Ролло оскалился, рычание продолжилось, переходя в угрозу. Йен остановился и подхватил с земли упавшую сосновую палку. Она была хорошей длины, но не особенно прочная и удобная, с длинными когтистыми ветками.

– Домой, – прошептал он псу. Он понятия не имел, в какой стороне деревня, но Ролло знал. Пес медленно попятился, по-прежнему вглядываясь в серые тени, – они двигались?

Он пошел быстрее, но по-прежнему задом, чувствуя наклон земли через подошвы мокасин, ощущая присутствие Ролло по мягкому топоту его лап и слабому поскуливанию где-то за спиной. Там. Да, тень пошевелилась! Серый силуэт далеко впереди, показавшийся лишь мельком, – толком не

разглядеть, но все же сомнений быть не может, его присутствие говорит само за себя.

Если был один, значит, есть еще – волки не охотятся в одиночку. Пока что они довольно далеко. Йен развернулся и почти побежал, стараясь не поддаваться панике, несмотря на страх, растущий где-то внизу живота. Быстрый размашистый шаг, походка горцев, которой его научил дядя, позволяла преодолевать бесконечные извилистые склоны шотландских гор так, что путник не выбивался из сил и при этом постоянно двигался. Нужно беречь силы для схватки.

Он обдумывал эту мысль и кривил рот в усмешке, отдирая на ходу хрупкие сосновые ветки со своей дубинки. Минуту назад он хотел умереть и, возможно, захочет снова, если Эмили... Но не сейчас. Если Эмили... К тому же с ним пес. Ролло не бросит его, они должны защищать друг друга.

Откуда-то неподалеку сквозь завывания ветра журчала вода. Но ветер принес и другой звук – длинный, нечеловеческий вой, который заставил его похолодеть. Такой же вой ответил с запада. По-прежнему далеко, но они охотились, переключаясь друг с другом. На нем была ее кровь.

Йен повернул в поисках воды. Это был небольшой ручей, всего несколько футов в ширину. Он бросился в него без раздумий, разбивая кожу о ледяную корку, тонким слоем укрывшую поверхность. Ноги сводило от холода по мере того, как промокали его гетры и наполнялись влагой мокасины. Он торопливо снял мокасины, чтобы их не унесло течением – обувь сделала для него Эмили из шкуры лося.

Ролло пересек ручей в два гигантских прыжка и остановился на противоположном берегу, отряхивая шерсть от ледяной воды, прежде чем идти дальше. Хотя Йен почти перешел ручей, он оставался по щиколотку в воде, намереваясь стоять там столько, сколько сможет вытерпеть. Волки преследовали добычу по запаху, приносимому ветром, так же хорошо, как по следам, остававшимся на земле, но незачем было облегчать им задачу.

Йен засунул мокасины за ворот рубахи, и ледяные капли побежали вниз по груди и животу, пропитывая набедренную повязку. Ступни окоченели – он не чувствовал круглых камней на дне ручья, покрытых склизкими водорослями, но время от времени ноги соскальзывали с них, и он наклонялся и покачивался, пытаясь удержать равновесие.

Теперь волков было слышно лучше. Это было хорошо – ветер переменялся и дул в его сторону, донося их голоса. Или они просто подошли ближе?

Ближе. Ролло впал в неистовство, мечась взад и вперед на другом берегу, скуля и рыча, торопя его коротким лаем. С той стороны к ручью

подходила оленья тропа. Йен кое-как выбрался на нее из воды, тяжело дыша и дрожа. Потребовалось несколько попыток, чтобы надеть мокасины: промокшая кожа задубела, а руки и ноги отказывались работать. Пришлось положить палку и работать двумя руками.

Он как раз натягивал второй мокасин, когда пес с призывным рычанием внезапно бросился к кромке воды. Развернувшись на мерзлой грязи, Йен схватил палку, успев заметить серую фигуру размером с Ролло на другой стороне ручья. Бледные желтые глаза были поразительно близко.

Йен хрипло вскрикнул и рефлексивно швырнул палку. Она пересекла ручей и ударилась о землю рядом с волчьими лапами. Зверь исчез словно по волшебству. На мгновение Йен застыл, вглядываясь. Не привиделось ли ему?

Нет, Ролло сходил с ума – рычал, оголяя зубы, хлопья пены летели из пасти. На краю ручья лежали камни, Йен загребал их пригоршнями, в спешке обдирая пальцы о скалы и мерзлый грунт, используя рубашку как мешок.

В отдалении снова завыл волк, другой ответил ему так близко, что волосы у Йена на шее встали дыбом. Он швырнул камень в ту сторону, откуда доносился вой, повернулся и побежал, крепко прижимая к животу остальные булыжники.

Светало. Сердце и легкие рвались от крови и воздуха, но в то же время казалось, что он бежит очень медленно, будто плывет над землей, как дрейфующее облако, не в силах ускориться. Он видел каждое дерево, каждую еловую иголку – короткую, плотную, серебристо-зеленую в рассветных лучах.

Дыхание сбилось, зрение стало нечетким и смазанным – слезы затуманивали глаза. Йен моргал, стряхивая влагу, но слезы наполняли глаза снова. Ветки хлестали его по лицу, ослепляли, запах смолы заполнял легкие и горло.

– Красный кедр, помоги мне! – выдохнул он. Слова Kahnuyen'kehaka сорвались с его губ, как будто он никогда не говорил по-английски или не взывал к Христу и Его Матери.

«Сзади». Тихий голос, должно быть, голос его собственной интуиции, но он тут же развернулся с камнем в руке и метнул его изо всех сил. Еще, и еще, и еще, он бросал так быстро, как только мог. Послышался треск, тяжелый удар и визг, и Ролло повернулся и остановился, порываясь возвратиться и атаковать.

– Идем-идем-идем! – Йен на бегу схватил огромного пса за загривок, разворачивая его и увлекая за собой.

Сейчас он слышал их или думал, что слышал. Ветер, что пришел с рассветом, шелестел среди деревьев, и они шептали сверху, указывая путь, направляя его. Он не различал ничего, кроме цвета, полуслепой от напряжения, но чувствовал их живое присутствие, охлаждающее ум: покалывающее прикосновение ели и пихты, кору белой осины, гладкой, как кожа женщины, липкой от крови.

«Иди сюда, давай этой дорогой», – звучало в голове, и он следовал за голосом ветра.

Позади них послышался вой, сопровождаемый отрывистым лаем и другими характерными звуками. Близо, слишком близо! Он швырял камни назад, не останавливаясь, не глядя, не успевая целиться.

Они быстро кончились, и он уронил пустой подол рубашки, размахивая руками, чтобы бежать быстрее, в ушах звучало тяжелое дыхание – может, его собственное или Ролло, а может, тех тварей, что преследовали его.

Сколько их? Далеко еще бежать? Он начинал пошатываться, перед глазами замелькали красные и черные полосы. Если деревня не близо – у него нет никаких шансов.

Он рванулся в сторону, ударился о пружинистую ветку дерева, которая согнулась под его весом, а затем потянула его вверх, грубо поставив на ноги. Он замешкался, потерял ориентацию.

– Куда? – выдохнул он деревьям. – Каким путем?

Если они и ответили, он этого не услышал. Сзади доносилось рычание и глухие удары, яростный лай собачьей драки.

– Ролло! – Йен развернулся и бросился через заросли сухих выюнов, обнаружив на земле извивающийся клубок из зубов и шкур, пес и волк рвали друг друга на части.

Он ринулся вперед, пинаясь и крича, нанося удары, довольный возможностью кого-то избить, выместить зло, даже если это последнее сражение. Что-то впилося ему в ногу, но он почувствовал лишь вибрацию от столкновения, когда жестко врезался коленом в бок волка. Тот завизжал и откатился прочь, тотчас поднявшись на ноги и возвращаясь к противнику.

Зверь прыгнул, и его лапы ударили Йена в грудь. Он отступил назад, вскользь ударившись обо что-то головой, на секунду потеряв способность дышать, и, придя в себя, обнаружил, что обхватывает истекающие слюной челюсти, отталкивая их от собственного горла.

Ролло вскочил на спину волку, и Йен разжал хватку, рухнув под весом вонючего меха и корчащейся плоти. Он выбросил руку, нащупывая оружие или рычаг, то, за что можно зацепиться, чтобы высвободиться, и схватил

что-то твердое.

Йен вырвал предмет из его мшистого гнезда и раскроил волку голову. Обломки окровавленных зубов взлетели в воздух и упали ему на лицо. Он бил снова и снова, задыхаясь и всхлипывая.

Ролло высоко и пронзительно скулил... нет, это был не он. Йен еще раз обрушил камень на разможенный череп, но волк прекратил борьбу – зверь лежал поперек его бедер, подергивая ногами, глаза его остекленели. Он был мертв. Йен с отвращением спихнул его с себя. Ролло впился в его недвижимое горло и разорвал его, на землю хлынул фонтан крови.

Йен закрыл глаза и замер. Казалось, двигаться или думать просто невозможно.

Спустя некоторое время он ощутил, что может открыть глаза и дышать. За спиной было большое дерево – он упал возле ствола, когда волк прыгнул на него. Этот ствол служил ему опорой и сейчас. В переплетении корней зияла дыра – это из нее он выкорчевал камень.

Йен по-прежнему держал его в руках – было ощущение, что тот врос в кожу, разжать ладонь не получалось. Присмотревшись, Йен понял, что камень раскрошился и порезал руку, осколки приклеились к руке на засохшую кровь. Второй рукой он разогнул стиснутые пальцы и вытащил раскрошенную породу из ладони. Нарвав мха с древесных камней, он скатал его в комок и вложил в ладонь, позволив пальцам сомкнуться на нем.

В отдалении завыл волк. Ролло, который устроился было возле Йена, поднял голову и негромко фыркнул. Вой повторился, он звучал вопросительно и беспокойно.

Йен впервые посмотрел на тело волка. На мгновение ему показалось, что зверь пошевелился, и он потряс головой, чтобы прогнать видение. Затем взглянул снова.

Он действительно шевелился. Отяжелевший живот медленно поднялся и осел. Уже рассвело, и он смог рассмотреть крошечные шишечки розовых сосков. Это не стая. Пара. Вернее, была пара. Волк неподалеку завыл снова, и Йен согнулся, его вырвало.

Едящий Черепах нашел его чуть позже там же, облокотившегося на ствол красного кедра, рядом с волчьим трупом и с прижавшимся к его боку Ролло. Черепаха присел на корточки неподалеку, покачиваясь на пятках и оглядывая открывшуюся ему картину.

– Хорошая охота, Брат Волка, – сказал он наконец с явным уважением. Йен чувствовал, как узел между его лопатками немного расслабляется. В голосе Черепахи звучало утешение, не горечь. Значит, она жива.

– Та, с кем я делю очаг, – начал он, намеренно избегая называть ее по имени. Произнести его вслух означало навлечь на нее злых духов. – Она в порядке?

Черепаха закрыл глаза и приподнял брови и плечи. Она была жива и пока в безопасности. Но все же человеку неподвластно знать, что может случиться. Йен не упоминал о ребенке. Молчал и Черепаха.

Черепаха пришел с оружием, луком и, конечно, ножом. Он вытащил его из-за пояса и бесстрастно подал Йену.

– Нужно снять шкуру, – сказал он. – Обернуть твоего сына, когда он родится.

По телу Йена прошла дрожь, какая бывает, если капля ледяной воды упадет за шиворот. Едящий Черепак увидел его лицо и отвернулся, избегая встречаться с ним глазами.

– Этот ребенок был дочерью, – сказал Черепаха все так же бесстрастно. – Тевактеньох рассказала моей жене, когда пришла за шкурой кролика, чтобы завернуть тело.

Мышцы живота напряглись и задрожали, Йен подумал, что сейчас его собственная кожа лопнет, но нет. Горло пересохло, и он один раз болезненно сглотнул, откинул мох и протянул израненную руку за ножом. Он медленно наклонился, чтобы освежевать волка.

Едящий Черепак с интересом тыкал запачканные кровью осколки разбитого камня, пока волчий вой не заставил его подняться, озираясь вокруг.

Вой отозвался эхом в лесу, и деревья зашептались над ними, их тревожный шелест звучал потерянно и опустошенно. Нож стремительно вспорол бледный мех живота, разделяя два ряда розовых сосков.

– Ее муж скоро придет, – сказал Брат Волка, не поднимая глаз. – Иди и убей его.

* * *

Марсали смотрела на него, едва дыша. В ее глазах по-прежнему светилась печаль, но она померкла, сочувствие чуть загасило ее. Гнев исчез. Она забрала Анри-Кристиана и обеими руками прижала спеленатого ребенка к груди, прикинув щекой к круглой головке.

– Ах, Йен, – тихо произнесла она. – Mo charaid, mo chridhe^[82].

Он сидел, глядя на свои руки, слабо сцепленные на коленях, и, казалось, не слышал ее. В конце концов он вздрогнул, будто статуя, которая

пробудилась к жизни. Не поднимая глаз, Йен пошарил за пазухой и вытащил маленький круглый сверток, перевязанный бечевкой из шерсти и украшенный бусинами вампума. Он развязал его и склонился, накидывая выделанную шкурку нерожденного волчонка на плечи младенцу. Его большая худая рука пригладила бледный мех, сжав на мгновение руку Марсали там, где она придерживала малыша.

– Поверь, кузина, – сказал он очень мягко, – твой муж расстроен. Но он вернется. – Затем он поднялся и ушел, бесшумно, как индеец.

* * *

Небольшая известняковая пещера, которую мы использовали в качестве хлева, в настоящее время служила домом только козе с двумя новорожденными козлятами. Все животные, рожденные этой весной, уже достаточно окрепли и подросли, чтобы выпускать их в лес на выпас вместе с матерями. Однако козу по-прежнему кормили объедками и дробленым зерном.

Несколько дней шел дождь, утро выдалось облачное и влажное, с каждого листа капало, а воздух пах смолой и сырыми палыми листьями. К счастью, облачность удерживала птиц от полета. Сойки и пересмешники быстро поняли свою выгоду и не спускали блестящих глаз-бусин с людей, которые сновали туда-сюда с едой. Они регулярно пикировали на меня, когда я поднималась на холм с корытом.

Я была настороже, но несмотря на это, дерзкая сойка в мгновение ока сорвалась с ветки и присела на миску, перепугав меня. Прежде чем я успела отреагировать, она отхватила кусок кукурузной лепешки и упорхнула так быстро, что, если бы не мое колотящееся сердце, я бы засомневалась, видела ли я ее вообще. К счастью, я не уронила корыто. Я услышала торжествующий щебет в кронах и поспешила скрыться в хлеве прежде, чем приятели сойки освоят ее прием.

Я удивилась, обнаружив верхнюю створку голландской двери приоткрытой на дюйм или два. Опасаться того, что козы сбегут, конечно, не стоило, но лисы и еноты вполне могли забраться наверх через нижнюю створку, поэтому обе двери обычно запирались на ночь. Возможно, мистер Уэмисс забыл. Вычищать старую солому и проверять запоры были его обязанностями.

Однако как только я открыла дверь, я поняла, что мистер Уэмисс тут был ни при чем. Послышалось оглушительное шуршание у моих ног, и что-

то большое задвигалось в темноте.

Я завизжала от ужаса, и на сей раз таки уронила корыто, которое упало с грохотом на пол; его содержимое разлетелось по хлеву, а коза проснулась и начала панически мекать.

– Pardon, milady!

Прижав руку к груди, я шагнула в сторону от дверного проема и в бледном свете увидела Фергуса, скорчившегося на полу, из волос торчит солома, как у Безумной из Шайо^[83].

– О, так вот ты где! – заметила я довольно холодно.

Он прищурился и сглотнул, потирая рукой мрачное, заросшее щетиной лицо.

– Я... да, – сказал он. Казалось, ему больше нечего добавить. Я остановилась на мгновение, глядя на него сверху вниз, затем покачала головой и, наклонившись, стала подбирать картофельные очистки и другие объедки, выпавшие из миски. Он дернулся было, чтобы помочь мне, но я грубо махнула рукой.

Фергус неподвижно наблюдал за мной, обхватив руками колени. В хлеву было темно, с растений, что росли на скале над нами, непрерывно капала вода, создавая завесу из падающих капель за открытой дверью.

Коза прекратила шуметь, узнав меня, и теперь просунула шею сквозь ограду загона и, вытянув черничный язык, пыталась, как муравьед, слизнуть яблочный огрызок, который валялся неподалеку. Я подобрала огрызок и вручила ей, пытаясь одновременно придумать, с чего начать разговор и как его продолжить.

– Анри-Кристиан в полном порядке, – сказала я, за неимением других идей. – Прибавляет в весе.

Я позволила этому комментарию повиснуть в воздухе, склонившись над оградой, чтобы пересыпать зерно и отходы в деревянную кормушку.

Мертвая тишина. Я подождала, затем обернулась, уперев руку в бок.

– Он очень милый малыш, – сказала я.

Ответом мне было его тяжелое дыхание, но он ничего не сказал. Шумно фыркнув, я отошла к двери и толкнула нижнюю створку, широко распахивая ее, так что внутрь хлынул бледный свет, освещая Фергуса. Он сидел, упрямо отвернув лицо в сторону. Я чувствовала его запах даже на расстоянии, от него несло застарелым потом и голодом.

Я вздохнула.

– Такие лилипуты, как он, обладают совершенно нормальным интеллектом. Я его целиком осмотрела, все рефлексy и реакции в норме. Нет никаких причин думать, что он не сможет учиться или... что-то делать.

– Что-то. – Фергус повторил слово, в котором звучало отчаяние и издевка. – Что-то. – Наконец он повернул ко мне лицо, и я увидела пустоту в его глазах. – При всем почтении, миледи, вы не имеете понятия, какая жизнь уготована лилипутам.

– А ты имеешь? – спросила я, не столько желая его спровоцировать, сколько из любопытства.

Он прищурился от утреннего света и кивнул.

– Да, – прошептал он и сглотнул. – Я видел много таких в Париже.

Парижский бордель, где он вырос, был большим, с широкой клиентурой. Это место славилось тем, что может предложить удовольствия на любой вкус.

– В доме жили les filles, naturellement, и les enfants^[84]. Они были, разумеется, самым ходовым товаром. Но всегда найдутся те, кто желает... экзотики и готовы платить. Поэтому время от времени мадам посылала за теми, кто таким промышляет. La Maîtresse des Scorpions – avec les flagellantes, tu comprends? Ou Le Maître des Champignons^[85].

– Грибной король? – переспросила я неуверенно.

– Oui. Хозяин лилипутов.

Глаза Фергуса застыли, взгляд обратился внутрь, лицо потемнело. В его памяти возникали живые образы людей, которые много лет отсутствовали в его мыслях, и он не получал удовольствия от этих воспоминаний.

– Les chanterelles^[86], так мы их звали, – сказал он мягко. – Женщин. А мужчин – les morels^[87].

Редкие грибы, которые ценят за причудливый вкус и необычную форму.

– С ними хорошо обращались, с les champignons^[88], – добавил он. – Они были недешевы, как вы понимаете. Le maître^[89] покупал таких младенцев у их родителей или подбирал с улиц, а однажды такой родился в борделе, и мадам не могла нарадоваться своей удаче.

Он посмотрел вниз на свои руки – длинные, тонкие пальцы беспокойно двигались, комкая ткань штанов.

– С улиц, – повторил он. – Те, кто не попадал в бордель, становились попрошайками. Я знал одного довольно хорошо, его звали Люк. Мы иногда помогали друг другу. – Тень улыбки скользнула по его лицу, и он совершил здоровой рукой жест, изображающий карманную кражу.

– Но Люк был одинок, – продолжил он ровно. – У него не было защитника. И однажды я нашел его в переулке с перерезанным горлом. Я

сказал мадам, и она послала вышибалу забрать тело, а затем продала его первому попавшемуся врачу.

Я не спросила, что врач намеревался сделать с телом Люка. Я видела широкие высушенные ладони карликов, выставленные на продажу для предсказаний и в качестве оберегов. И не только ладони, увы.

– Я начинаю понимать, почему бордель может казаться безопасным, – сказала я, с трудом сглотнув. – Но все-таки...

Фергус сидел, подперев голову рукой и тупо глядя на солому. Затем он посмотрел на меня.

– Я раздвигал ягодицы за деньги, миледи, – сказал он просто. – И считал это пустяком, если не считать тех случаев, когда было больно. Но потом я встретил милорда, и мне открылся мир за пределами борделя и улиц. Тот факт, что мой сын может вернуться туда... – Он резко прервался, не в силах продолжать, затем снова закрыл глаза и медленно покачал головой.

– Фергус. Фергус, милый. Ты же не думаешь, что Джейми, что мы когда-нибудь позволим такому случиться! – сказала я, чрезвычайно взволнованная.

Он сделал глубокий судорожный вдох и смахнул навернувшиеся слезы. Потом он открыл глаза и улыбнулся мне с бесконечной печалью.

– Нет, вы бы не позволили, миледи. Но мы не вечны – ни вы, ни милорд, ни я. А ребенок навсегда останется карликом. А les petits^[90], они не могут себя защитить. Их могут похитить и использовать те, кто разыскивает таких.

Фергус вытер нос рукавом и посидел немного.

– Если повезет, – добавил он, в голосе зазвучал металл. – Они ничего не стоят вдали от крупных городов. Крестьяне считают, что рождение такого ребенка кара за грехи его родителей. – Лицо мужчины потемнело, губы плотно сжались. – Может, так и есть. Мои грехи...

Фергус резко прервался и отвернулся.

– В худшем случае... – Голос снова стал мягким, но он смотрел в сторону, как будто шептал тайны теням пещеры. – В худшем случае они воспринимаются как чудовища, дети инкуба, который сошелся с женщиной. Люди забивают их камнями, сжигают – иногда даже женщин. В горных деревнях Франции такого ребенка отдали бы на съедение волкам. Но разве вы не слышали о таких вещах, миледи? – спросил он, внезапно повернувшись ко мне.

– Я... догадывалась, – сказала я и облокотилась одной рукой о стену, ощутив необходимость поддержки. Я знала о таких вещах, но они были от

меня далеки, фантасмагоричны – обычаи аборигенов и дикарей, тех, кого нельзя было встретить, потому что они обитали только на страницах книг по географии и древней истории.

Он был прав – я знала это. Я видела в тот день, как миссис Баг побледнела от ужаса и перекрестилась, а потом пальцами изобразила рога, пытаясь защититься от злых сил. Потрясенная случившимся и занятая уходом за Марсали в отсутствие Фергуса, я не выходила из дома уже больше недели. Я не имела представления, о чем судачат люди на Ридже. Фергус, очевидно, имел об этом представление.

– Они... привыкнут к нему, – сказала я смело. – Люди увидят, что он не монстр. На это уйдет время, но обещаю тебе, они все поймут.

– Смогут ли они понять? И если они позволят ему жить, чем он будет заниматься?

Фергус внезапно поднялся на ноги, вытянул левую руку и резко сорвал кожаную полосу, которая фиксировала его крюк. Он почти беззвучно упал на солому, обнажив узкий обрубок запястья – кожа была бледной, в красных вмятинах, оставшихся от тугой повязки.

– Я... я не могу охотиться, не могу выполнять мужскую работу. Я гожусь лишь для того, чтобы тянуть плуг, как мул! – Его голос дрожал от гнева и ненависти к самому себе. – Если я не могу работать как нормальный мужчина, то что сможет карлик?

– Фергус, это не...

– Я не в состоянии содержать семью! Моей жене приходится горбатиться день и ночь, чтобы прокормить детей, она оказывается на пути всякого сброда и мусора... людей, которые... Даже если бы мы жили в Париже, старому калеке вроде меня не нашлось бы места и на панели! – Фергус потряс обрубком передо мной, лицо конвульсивно задергалось, затем он развернулся и яростно обрушил искалеченную руку на стену – раз, другой, третий.

– Фергус! – Я схватила его за другую руку, но он вырвался.

– Какую работу он сможет выполнять? – кричал он, и слезы текли по его лицу. – Как он будет жить? Mon Dieu! Il est aussi inutile que moi^[91]!

Он наклонился, схватил крюк с земли и с силой швырнул его в каменный свод пещеры. Тот коротко звякнул, отскочил от камня и упал в солому, перепугав козу с козлятами.

Фергус ушел, оставив голландскую дверь нараспашку. Коза протяжно и неодобрительно заекала ему вслед.

Я схватилась за ограду загона так крепко, будто это была единственная опора в медленно переворачивающемся мире. Через некоторое время я

нашла в себе силы наклониться и нашарить в соломе металлический крюк, все еще теплый благодаря телу Фергуса. Я вытащила его и бережно отряхнула фартуком от травы и навоза, а последние слова Фергуса все еще звучали у меня в ушах: «Мой Бог! Он так же бесполезен, как и я!»

Глава 38

Дьявол в молоке

Глаза Анри-Кристиана почти сошлись на переносице в попытке сфокусироваться на кисточке из пряжи, которую качала перед ним Брианна.

– Думаю, он останется голубоглазым, – заключила она, задумчиво рассматривая его. – Как думаешь, на что он смотрит? – Ребенок лежал у нее на коленях, дотягиваясь коленками почти до подбородка, нежно-голубые глаза с любопытством глядели куда-то сквозь нее.

– О, малыши все еще видят рай, – так говорила моя мама. – Марсали пряла, проверяя новую ножную прялку Брианны, но бросила быстрый взгляд на новорожденного сына, слегка улыбнувшись. – Может, ангел сидит у тебя на плече, а? Или святой стоит за спиной.

Это вселило в нее странное чувство, будто кто-то и правда стоит позади. Это был не ужас, не дрожь, а мягкая, но ощутимая поддержка. Она открыла рот, чтобы сказать: «Наверное, это мой отец», – но вовремя себя остановила.

– А кто покровительствует прачкам? – спросила она вместо этого. – Вот он бы нам пригодился.

Дождь продолжался уже несколько дней. Грязная одежда лежала по всей комнате неопрятными кучками, одна часть – в ожидании кипящего котла и хорошей погоды, другая состояла из тех вещей, которые можно почистить или выбить, чтобы поносить еще несколько дней, а в третьей лежало то, что требовало починки. По стульям и шкафам были развешаны влажные вещи на разной стадии высыхания.

Марсали рассмеялась, ловко заправляя нить в шпульку.

– Тебе нужно спросить об этом Па. Он лучше всех разбирается в святых. Это колесо просто прелесть! Я таких раньше никогда не видела. И как это ты смогла соорудить такую штуковину?

– О... Видела где-то. – Бри сделала резкий жест, отмахиваясь от комплимента. Она действительно видела – в музее народного творчества. Построить его оказалось кропотливым, но не слишком сложным делом: сперва пришлось соорудить грубый станок, потом вымочить и согнуть

древесину для колеса. – Ронни Синклер очень помог – он знает толк в подходящей древесине. Не могу поверить, что у тебя так хорошо получается, – ты ведь впервые села за такой станок.

Марсали фыркнула, тоже отказываясь от комплимента.

– Я с пяти лет пряду, а piuthar^[92]. Разница в том, что с этим станком я могу сидеть, пока работаю, вместо того чтобы ходить взад-вперед, пока не упаду от усталости. – Ее ноги в чулках быстро двигались под подолом платья, нажимая на педаль. Та издавала приятный жужжащий звук, который был едва различим из-за болтовни в другом конце комнаты, где Роджер вырезал очередную машинку для детей.

Врумы пользовались сумасшедшим успехом у малышей, и спрос на них был постоянным. Брианна с улыбкой наблюдала, как Роджер отмахивается от любопытного сына, ловко отталкивая того локтем и сосредоточенно хмурясь. От напряжения он высунул кончик языка, деревянная стружка сыпалась в очаг, на его одежду, застревала в волосах – бледные завитки на фоне чернильных прядей.

– Это что за модель? – спросила она, повысив голос, чтобы он услышал. Роджер поднял взгляд от работы, в блеклом свете из запотевшего окна его глаза были болотно-зелеными.

– Думаю, «Шевроле пикап» 57-го, грузовик, – сказал он, широко улыбаясь. – Ну вот, а nighean^[93]. Этот твой. – Он смахнул последнюю стружку со своего творения и протянул вещицу Фелисити, глаза и рот девочки широко раскрылись от волнения и трепета.

– Это врум? – спросила она, прижимая ее к груди. – Мой врум?

– Это друзовик, – сообщил ей Джемми с покровительственным снисхождением. – Папа так сказал.

– Грузовик – это врум, – заверил девочку Роджер, заметив, как она морщит лоб в сомнении. – Просто большой врум.

– Видишь, это большой врум! – Фелисити пнула Джема в голень. Он вскрикнул и схватил ее за волосы, но Джоан тут же боднула его головой в живот, всегда готовая защитить сестру.

Брианна напряглась, готовая вмешаться, но Роджер положил конец зарождающемуся бунту, разведя Джема и Фелисити на расстояние вытянутой руки друг от друга и строго поглядев на Джоан.

– Ну вот что, ребятки, никаких драк, иначе до завтра вам врумов не видать.

Это мгновенно их утихомирило, и Брианна почувствовала, как расслабилась Марсали, восстанавливая ритм ткацкого станка. Дождь

упорно и монотонно барабанил по крыше – в такой день особенно приятно быть в доме, несмотря на то, что приходилось развлекать притомившихся детей.

– Почему бы вам не поиграть во что-нибудь тихое и приятное? – спросила она, улыбаясь Роджеру. – Например... О! Например, Индианаполис-500?

– О, и что бы я без тебя делал? – ответил он, бросив на нее косой взгляд, но послушно принялся показывать детям, как расчертить мелом трассы на камнях очага.

– Жаль, Германа здесь нет, – сказал он непринужденно. – Куда это он пропал в такую погоду, Марсали?

Врум Германа стоял на полке над очагом и ждал своего хозяина – согласно версии Роджера, это был «Ягуар» модели Х-КЕ, хоть Брианне казалось, что он выглядел в точности как все другие: деревянный брусок с намеком на кабину и колесами.

– Он с Фергусом, – спокойно отозвалась Марсали не прерывая работы, но ее губы сжались, а в голосе звучало беспокойство.

– Как дела у Фергуса? – Роджер поднял на нее взгляд, вежливый, но выжидательный.

Нить соскользнула, выпрыгнула из рук Марсали и намоталась сама на себя с заметным утолщением. Она поморщилась и не отвечала, пока нить снова послушно не заскользила между ее пальцев.

– Ну, скажу, что для однорукого мужчины он тот еще боец, – сказала она наконец несколько напряженно, не отрывая глаз от нити.

Брианна бросила взгляд на Роджера, который в ответ приподнял одну бровь.

– А с кем он дрался? – спросил он, как будто ни в чем не бывало.

– Он часто мне не рассказывает, – в тон ему ответила Марсали. – Но вот вчера это был муж женщины, которая спросила его, почему он просто не задушил Анри-Кристиана при рождении. Он принял это за оскорбление, – добавила она, не уточняя, был ли это Фергус или муж той женщины, или оскорбились оба. Подняв нить, она резко откусила ее.

– Ничего удивительного, – пробормотал Роджер. Он склонил голову, отмечая линию старта, так что волосы упали на лоб, скрывая лицо. – И она не одна такая, надо думать.

– Нет. – Марсали начала наматывать нить на катушку, между ее красивых бровей залегла неисчезающая морщинка. – Думаю, это лучше, чем те, что тыкают пальцами и шепчутся. Эти думают, что Анри-Кристиан – дьявольское семя, – закончила она смело, хотя голос ее слегка дрогнул. –

Думаю, они сожгли бы малыша – вместе со мной и остальными детьми, если бы знали, что им это позволено.

Брианна почувствовала, как сжался желудок, и покрепче прижала к себе предмет их обсуждения.

– Каким надо быть идиотом, чтобы верить в такое? – спросила она. – Не говоря уж о том, чтобы упоминать об этом вслух.

– Не говоря уж о том, чтобы это совершить, ты хочешь сказать. – Марсали оставила ткацкий станок и наклонилась, чтобы прижать Анри-Кристиана к груди для кормления. С согнутыми коленками его тело было чуть ли не в два раза меньше обычного ребенка, и с его круглой большой головой, покрытой темными волосами... Брианна вынуждена была признать, что выглядит он странновато.

– Па сказал пару слов здесь и там, – заговорила Марсали. Ее глаза были закрыты, и она медленно покачивалась взад-вперед, крепче прижимая к себе ребенка. – Если бы не это... – Ее тонкое горло резко дернулось, когда она сглотнула.

– Папа, папа, пойдем! – Джем нетерпеливо задержал Роджера за рукав, утомленный серьезным разговором взрослых.

Роджер обеспокоенно смотрел на Марсали, его худое лицо выражало тревогу. Джем заставил его моргнуть и посмотреть вниз, на своего вполне нормального сына. Он прочистил горло.

– Хорошо, – сказал он и взял машинку Германа. – Ну, смотрите. Здесь линия старта...

Брианна коснулась руки Марсали. Она была тонкой, но сильной, гладкая кожа золотилась от летнего солнца, усеянная крошечными веснушками. Ее вид, такой маленькой, но смелой заставил ее часто заморгать.

– Они прекратят, – зашептала она. – Они поймут...

– Может, и так. – Марсали подхватила младенца за розовые ягодицы и прижала еще крепче. Глаза она по-прежнему не открывала. – А может, нет. Но если Фергус с Германом, ему придется быть поосторожнее с драками. Мне совсем не хочется, чтобы его убили, да?

Она склонила голову к ребенку, приступая к кормлению и явно не расположенная обсуждать эту тему дальше. Брианна неловко потрепала ее за руку и села за ткацкий станок. Конечно, она слышала разговоры. По крайней мере, часть их. Особенно сразу после рождения Анри-Кристиана, которое шокировало весь Ридж. Кроме искреннего сочувствия, скоро появились разные сплетни о недавних событиях и о том, что за напасть могла их вызвать – начиная с нападения на Марсали и поджога солодовни,

заканчивая похищением Клэр, резней в лесу и рождением карлика. Бри краем уха слышала, как одна недалекая девушка говорила: «Колдовство, а вы чего хотели?» Брианна резко обернулась и наградила ее таким взглядом, что та побледнела и ретировалась вместе с двумя подругами. Однако пройдя несколько метров, мерзавка оглянулась, и все трое мерзко захихикали.

Но никто и никогда не общался с ее матерью без должного уважения. Было ясно, что часть поселенцев боятся Клэр, но еще сильнее они боялись ее мужа. Время и привычка тем не менее делали свое дело, по крайней мере до рождения Анри-Кристиана.

Ткацкий станок был успокаивающим занятием: мерное шуршание колеса тонуло в шуме дождя и звуках детской возни.

Наконец вернулся Фергус. Когда малыш только родился, он ушел из дома и не возвращался несколько дней. Бедная Марсали! Брианна мысленно одарила Фергуса неодобрительным взглядом. Бедняжка осталась один на один с этим потрясением. Все были шокированы, включая саму Бри. Возможно, у нее нет права судить Фергуса.

Она сглотнула, представляя себе, что случалось каждый раз, когда она видела Анри-Кристиана, каково это – родить ребенка с каким-нибудь непоправимым дефектом. Брианна то и дело встречала таких: детей с заячьей губой, недоразвитых малышей, с деформированными конечностями – ее мать говорила, что это последствия врожденного сифилиса. Каждый раз, когда это случалось, она крестилась и благодарила Бога, что Джемми родился здоровым.

Но ведь и Герман с сестрами были абсолютно нормальными. Подобное может произойти с любым, никто не застрахован от этого риска. Невольно она бросила взгляд на небольшую полку, где хранились ее личные вещи, на банку из темного стекла с семенами дикой моркови. После рождения Анри-Кристиана она снова стала принимать их, но ничего не говорила Роджеру. Заметил ли он? По крайней мере, он ничего такого не говорил.

Марсали тихонько напевала себе под нос. Винула ли она Фергуса? А он ее? Брианне уже давненько не выпадало случая с ним поговорить. Марсали вроде бы не злилась на него, к тому же она сказала, что не хочет, чтобы его убили. При мысли об этой фразе Брианна невольно улыбнулась. И все же, когда она упоминала о муже, в ее словах звучала отстраненность.

Внезапно нить стала толще, и она стала прясть быстрее, чтобы исправить ошибку, но все пошло наперекосяк – нить зацепилась и порвалась. Бормоча ругательства, Бри остановилась и позволила колесу свободно прокрутиться. Только теперь она поняла, что кто-то уже довольно

долго стучится в дверь – звук тонул в домашнем шуме.

Она открыла и обнаружила на пороге промокшего до нитки мальчишку, сына новых поселенцев-рыбаков, он был тощий и костлявый, похожий на беспризорного кота. Таких было несколько среди семей арендаторов, и требовались усилия, чтобы отличить их друг от друга.

– Айдан? – предположила она. – Айдан Маккаллум?

– Добрый день, мистрис. – Мальчик торопливо и немного нервно кивнул, подтверждая ее правоту. – А свэцэнник дома?

– Свэ... О! Полагаю, что так. Проходи внутрь. – Сдерживая улыбку, она широко распахнула дверь, приглашая его. Мальчишка, судя по всему, был глубоко шокирован видом Роджера, играющего во врум на полу вместе с Джемми, Джоан и Фелисити, все трое так восторженно кричали и рычали, то даже не заметили гостя.

– К тебе посетитель, – громко объявила Брианна, перекрикивая шум. – Ему нужен священник.

Роджер замер с врумом в руках, вопросительно подняв взгляд.

– Кто? – спросил он, усевшись на полу по-турецки с собственной машинкой в руках. Потом он заметил мальчика и улыбнулся. – О, Айдан, а charaid! Что случилось?

Айдан сморщил лицо в напряжении. Очевидно, ему поручили передать сообщение в точности.

– Мама велела попросить, чтобы вы пришли к нам, пожалуйста, – повторил он механически, – чтобы изгнать дьявола, который вселился в молоко.

* * *

Дождь немного утих, но они успели почти насквозь промокнуть, пока добрались до резиденции Маккаллумов. Если бы ее можно было преобразить таким определением, подумал Роджер, отряхивая шляпу от воды. Он шагал вслед за Айданом вверх по узкой и скользкой тропе к хижине, которая довольно неудачно устроилась на небольшой площадке на склоне горы.

Орем Маккаллум успел возвести стены своей шаткой хижины, но вскоре, оступившись, сорвался в каменистый овраг и сломал шею. Это случилось через месяц после того, как он прибыл на Ридж. Его беременная жена и малолетний сын остались одни в этом сомнительном жилище.

Другие мужчины спешно возвели крышу, но хижина все равно

напоминала Роджеру нагромождение случайных предметов, ненадежно сваленных на склоне горы в ожидании весенних наводнений, которые утянут ее вниз вслед за создателем.

Миссис Маккаллум была бледной молодой женщиной, такой худой, что платье висело на ней, как пустой мешок из-под муки. Господи, подумал он, чем они питаются?

– О, сэр, низжайше благодарю вас за визит. – Она нервно качнулась в символическом реверансе. – Мне так жаль, что я заставила вас идти сюда в такую непогоду, но я просто ума не приложу, что делать!

– Не беспокойтесь, – успокоил ее Роджер. – Но... эээ... Айдан сказал, что вы посылали за священником. Вы ведь знаете, что я им не являюсь.

Она, казалось, расстроилась от этого заявления.

– О, ну, может, и не в прямом смысле, сэр. Но говорят, ваш отец был священником и вы хорошо разбираетесь в Библии и прочем.

– Немного разбираюсь, да, – осторожно согласился он, размышляя о том, что за неотложное дело могло потребовать хорошего знания Библии. – Аа... Хм... Дьявол в молоке, да?

Он тайком перевел взгляд с ребенка в колыбели на лиф ее платья, подозревая, что речь может идти о грудном молоке, – такую задачу он не в состоянии будет решить. К счастью, проблема оказалась в большой деревянной кадке, стоящей на ветхом столе и прикрытой куском марли для защиты от мух, по краям на узелках висели камешки, чтобы материя не слетела.

– Да, сэр. – Женщина кивнула на нее, очевидно боясь подойти ближе. – Лиззи Уэмисс из Большого Дома, она принесла мне его вчера вечером. Передала, что миссис Фрэзер сказала, что мы с Айданом должны его пить. – Она беспомощно посмотрела на Роджера. Он понимал ее сомнения: даже в его время молоко полагалось пить только младенцам и инвалидам. Родом из рыбацкой деревни на побережье Шотландии, вдова Маккаллум, вполне возможно, и корову-то не видела до прибытия в Америку. Роджер был уверен, она знала, что такое молоко и что его можно употреблять в пищу, но скорее всего никогда его не пробовала.

– Что ж, тогда все в порядке, – заверил он ее. – Вся моя семья пьет молоко. С ним дети растут высокими и сильными. И оно будет совсем не лишним для кормящей матери на скудном пайке – без сомнения, Клэр подразумевала именно это.

Вдова нерешительно кивнула.

– Ну... да, сэр. Я хоть и не вполне доверяла... но мальчик проголодался и сказал, что выпьет его. Я пошла зачерпнуть ему немного,

но оно... – Она с опасением взглянула на кадушку. – В общем, если это не дьявол вселился в него, это что-то другое. С ним что-то нечисто, сэр. Я уверена в этом!

Роджер не знал, что заставило его посмотреть на Айдана в этот момент, но в глазах у мальчика промелькнул неподдельный интерес, который мгновенно испарился, сменившись неестественно серьезным выражением.

Роджер опасливо наклонился вперед и осторожно приподнял кусок ткани. Но даже будучи готовым к сюрпризам, он вскрикнул и резко отпрянул назад, ткань с грузами отлетела в сторону и звякнула о стену.

Зловещие зеленые глаза, смотревшие на него из глубины ведра, исчезли, жидкость булькнула с характерным звуком, и молоко взорвалось брызгами, подобно миниатюрному вулкану.

– Черт! – воскликнул Роджер. Миссис Маккаллум отскочила на самое безопасное расстояние и с ужасом взидала на кадку, обеими руками прикрывая рот. Айдан тоже прижал ко рту ладошку и широко раскрыл глаза, но с его стороны доносилось сдержанное фырканье.

Сердце Роджера колотилось от выплеска адреналина и от желания свернуть Айдану его тощую шею. Он не спеша вытер молочные капли со своего лица, а затем, сжав зубы, осторожно подошел к кадушке.

Потребовалось несколько попыток, чтобы ухватить существо, которое по ощущениям было не чем иным, как проворным и мускулистым шариком слизи, но четвертая попытка увенчалась успехом, и он торжественно извлек из ведра здоровенную возмущенную лягушку-быка, расплескивавшую молоко во все стороны.

Земноводное яростно уперлось задними лапками в его скользкую ладонь и, вывернувшись, совершило затяжной прыжок, покрывший половину расстояния до двери и заставивший миссис Маккаллум громко закричать. Испуганный шумом, проснулся ребенок и присоединился к гаму, заляпанная молоком лягушка тем временем стремительно допрыгала до двери, а оттуда в дождь, оставляя на полу после себя желтые пятна.

Айдан благоразумно вылетел из комнаты вслед за ней.

Миссис Маккаллум осела на пол, набросила передник поверх головы и предалась истерике. Младенец надрылся, молоко медленно капало с края стола, вторя дождевой дробью на улице. Роджер заметил, что крыша протекала: длинные мокрые полосы темнели на неотесанных бревнах позади миссис Маккаллум, она сама сидела в луже.

Глубоко вздохнув, он вытащил ребенка из колыбели, удивив его настолько, что тот гукнул и прекратил кричать. Малыш заморгал и сунул

кулачок в рот. Роджер не знал, какого пола ребенок, это был безымянный кулек пеленок с измученным крошечным личиком и настороженным взглядом.

Держа его в одной руке, он присел на корточки и другой рукой обнял миссис Маккаллум за плечи, осторожно похлопывая ее в надежде, что она успокоится.

– Все в порядке, – сказал он. – Это была просто лягушка, знаете ли.

Женщина завывала, как банши, время от времени пронзительно вскрикивая, несмотря на его усилия, хотя, спустя некоторое время, крики стали более редкими, а вой перетек в обычный плач, но из-под передника она отказывалась вылезать.

От сидения на корточках мышцы бедер свело судорогой, да он и так уже был промокший, поэтому, вздохнув, он опустился в лужу рядом с ней и сидел, то и дело похлопывая ее по плечу, чтобы она знала, что он все еще здесь.

По крайней мере ребенок выглядел вполне довольным: он мирно сосал палец, не обращая внимания на материнскую истерику.

– Сколько малышу? – спросил он непринужденно во время очередного перерыва на вздох. Он примерно знал его возраст, потому что ребенок родился через неделю после смерти Орема Маккаллума, но нужно было хоть что-нибудь сказать. Сколько бы ему ни было, он казался слишком маленьким и легким по крайней мере в сравнении с его воспоминаниями о Джемми в этом возрасте.

Женщина пробормотала нечто невнятное в ответ, но слезы сменились икотой и вздохами. Затем она сказала что-то еще.

– Что вы сказали, миссис Маккаллум?

– Почему? – прошептала она из-под поблекшего ситца. – Почему Господь привел меня сюда?

Что ж, это был чертовски хороший вопрос – Роджер и сам не раз спрашивал о том же, но до сих пор не получил удовлетворительного ответа.

– Ну... мы верим, что у Него есть какой-то план, – сказал он, немного замявшись. – Мы просто не знаем какой.

– Потрясающий план, – сказала она, всхлипнув. – Заставить нас проделать такой долгий путь в это ужасное место, а потом забрать моего мужа и бросить нас здесь голодать!

– Ох... Не такое уж это и ужасное место, – сказал он, не найдясь, что еще можно на это возразить. – Здесь есть леса... реки, горы... Здесь... Очень красиво. Когда нет дождя.

Пространность этого замечания, как ни странно, заставила ее

рассмеяться, хотя смех быстро перешел во всхлипы.

– Что? – Он обнял ее и притянул чуть ближе к себе, желая одновременно успокоить и разобрать, что она говорит под своим импровизированным укрытием.

– Я скучаю по морю, – очень тихо сказала женщина и склонила укрытую ситцем голову ему на плечо, словно она ужасно устала. – Я никогда его больше не увижу.

Скорее всего она была права, ему нечем было ее утешить. Некоторое время они провели в тишине, которую нарушало лишь чмоканье ребенка.

– Я не позволю вам голодать, – тихо сказал Роджер наконец. – Это все, что я могу обещать, но я выполню это обещание. Вы не будете голодать. – Мышцы затекли, он неуклюже поднялся на ноги и протянул ладонь к ее миниатюрным огрубевшим рукам, безвольно лежащим на коленях. – Ну, давайте. Поднимайтесь. Вы можете покормить ребенка, пока я прибираюсь.

* * *

Когда он ушел, дождь уже прекратился и серые тучи начали расходиться, обнажая пятна бледно-голубого неба. Роджер остановился на повороте крутой грязной тропы, чтобы полюбоваться радугой, – идеальной, раскинувшейся на все небо: чуть смазанные краски тонули в темной влажной зелени на противоположном склоне.

Было тихо, если не считать непрестанно капающей с листьев воды и журчания ручейков, бегущих по каменистому ущелью рядом с тропой.

– Завет, – тихо произнес он вслух. – Что тогда обещано? Уж точно не горшок с золотом в конце пути. – Он покачал головой и продолжил путь, хватаясь за ветки и кусты, чтобы не сорваться вниз, ему не хотелось закончить свои дни, как Орем Маккаллум – грудой костей на дне оврага.

Он поговорит с Джейми, а еще с Томом Кристи и Хирамом Кромби. Они обсудят это между собой и возьмут ситуацию с продовольствием семьи Маккаллумов под контроль. Народ здесь не жадный, но кто-то должен попросить.

Он оглянулся назад через плечо: покосившийся дымоход был все еще виден из-за деревьев, но дым оттуда не шел. Она сказала, что они собирают достаточно дров, но влажной древесине нужно несколько дней, чтобы ее можно было разжечь. Им нужна поленница с навесом и нарубленные бревна такого размера, чтобы хватало на целый день, а не ветки и шишки, которые мог донести до дома Айдан.

Как будто материализовавшись из его мыслей, Айдан замаячил неподалеку. Повернувшись спиной к тропе, мальчик рыбачил, сидя на корточках на камне у небольшого озера примерно в тридцати футах вниз по склону. Его лопатки торчали сквозь изношенную рубашку, словно крошечные ангельские крылышки.

Шум воды заглушал шаги Роджера, пробиравшегося вниз по камням. Очень осторожно он обхватил тощую бледную шею, и костлявые плечи вздрогнули от удивления.

– Айдан, – сказал он. – На пару слов, если позволишь.

* * *

Вечером, в канун Дня Всех Святых, темнота опустилась быстро. Мы легли спать под звуки завывающего ветра и барабанную дробь дождя. Мы проснулись на следующий день, День всех святых, укрытые белизной, окруженные большими мягкими хлопьями снега, которые все падали и падали с неба в абсолютной тишине. Не бывает более безмятежного спокойствия, чем то, что скрыто в самом сердце вьюги.

Это то непрочное, редкое время, когда любимые мертвецы вновь возникают рядом. Мир оборачивается внутрь себя, и морозный воздух полнится снами и таинствами. Небо, прозрачно-холодное, чистое, усеянное мириадами сияющих и таких близких звезд, подергивается серо-розовой пеленой, которая укрывает землю, предвещая скорые снега.

Я достала из коробки одну из спичек Бри и зажгла ее, восхищаясь этой мгновенной вспышкой, затем наклонилась, чтобы положить огонек на щепки. Падал снег, пришла зима – время огня. Свечи и потрескивающий очаг – дивный текучий парадокс, в котором таится ограниченная, но так и не укрощенная потенция разрушения: ее держат на безопасном расстоянии, чтобы она могла греть и чаровать, но в этой домашней близости и уюте всегда живет угроза.

Запах печеных тыкв наполнял воздух сладостью. Отстояв зловещий ночной караул, их зубастые головы теперь исполняли свое мирное предназначение – превращались в пироги и компост, чтобы присоединиться к безмятежному земному сну до следующего пробуждения. Накануне я разрыхлила землю в своем саду и посеяла озимые, чтобы они набухали во сне, грезя о своем воскресении.

Пришло время, когда мы вновь падаем в мировую утробу и видим сны о тишине и снеге. Мы открываем глаза навстречу льду замерзших озер под

убывающим лунным светом, навстречу холодному солнцу, которое бледно горит голубым меж закованных в лед ветвей, мы возвращаемся от суеты ежедневных трудов к пище и сказкам, к теплему очагу, горящему в темноте.

Вокруг огня, в этой темноте, в безопасности, всякая правда может быть рассказана и услышана.

Я натянула шерстяные чулки, толстые нижние юбки, самую теплую шаль и отправилась раздувать огонь на кухне. Я стояла, глядя на клубы пара, вырывающиеся из котла, и чувствовала, как обращаюсь внутрь себя. Мир уйдет, и мы исцелимся.

Глава 39

Я есмь воскресение

Ноябрь 1773 года

Стук в дверь разбудил Роджера перед самым рассветом. Брианна, лежащая рядом с ним, неразборчиво заворчала, что он по опыту истолковал следующим образом: если он сейчас же не встанет и не отопрет дверь, то она займется этим сама, но он, Роджер, об этом пожалеет, как и тот, кому не повезло оказаться с другой стороны двери.

Покорившись судьбе, он откинул одеяло и провел рукой по спутанным волосам. Холод обжег голые ноги, в воздухе висело дыхание снега.

– В следующий раз, когда я буду жениться, выберу девушку, которая просыпается по утрам радостной, – сказал он смутной съезжившейся фигуре, закутанной в простыни.

– Так и поступи, – ответствовал ему глухой голос из-под подушки, но даже такая звукоизоляция не скрыла язвительного тона.

Стук повторился, и Джемми, который по утрам просыпался радостным, подскочил в своей кровати, похожий на рыжий одуванчик, что вот-вот облетит.

– Кто-то стучит, – проинформировал он отца.

– Серьезно? Мхм. – Роджер подавил отчаянный зев, поднялся и пошел отпирать дверь.

Снаружи стоял Хирам Кромби, и вид у него в тусклом предрассветном свете был еще более кислый, чем обычно. Очевидно, он тоже не ранняя пташка, подумалось Роджеру.

– Мать моей жены отошла в мир иной этой ночью, – выложил он ему

без всяких предисловий.

– Отошла куда? – с интересом спросил Джемми, высовывая растрепанную голову из-за ноги Роджера. Он потер заспанный глаз кулаком и широко зевнул. – А мистер Сторнуэй съел камень, он потом показывал его нам с Германом.

– Теща мистера Кромби умерла, – сказал Роджер, опустив руку на голову Джему и виновато кашлянув в сторону Хирама Кромби. – Мне очень жаль это слышать, мистер Кромби.

– Да, – мистер Кромби остался безучастным к соболезнованиям. – Мурдо Линдсей говорит, вы знаете Писание для заупокойной мессы. Моя жена спрашивала, сможете ли вы прийти и сказать пару слов на похоронах?

– Мурдо сказал... О!

Голландская семья, вот в чем было дело. Джейми тогда заставил его говорить над могилами.

– Да, конечно. – Роджер рефлексивно прочистил горло, голос был отчаянно хриплым, как всегда по утрам, перед тем как он выпьет чего-нибудь горячего. Не было ничего удивительного в том, что Кромби смотрел на него с сомнением.

– Конечно, – повторил он с нажимом. – Можем мы... эээ... чем-то помочь?

Кромби коротко мотнул головой.

– Думаю, женщины уже должны были приготовить ее к погребению, – сказал он, мельком взглянув на холм на кровати, который должен был быть Брианной. – Мы начнем копать после завтрака. Если повезет, то закончим прежде, чем пойдет снег.

Хирам поднял острый подбородок к блеклому небу цвета мягкой шерсти на животе у Адсо, затем кивнул, развернулся на каблуках и ушел, не утруждая себя любезностями.

– Папа, смотри!

Роджер опустил глаза, чтобы посмотреть на сына. Последний, приложив пальцы ко рту, опустил уголки губ наподобие перевернутой подковы – привычное выражение Хирама Кромби. Маленькие рыжие брови сошлись на переносице, изображая непримиримую угрюмость и создавая поразительное сходство. Рассмеявшись от неожиданности, Роджер резко вдохнул, поперхнулся и закашлялся, да так, что скоро согнулся пополам, хрипя.

– Ты в порядке? – Брианна высунулась из своей норы и села на кровати, с трудом открывая заспанные глаза, но вид у нее был спокойный.

– Да, в порядке. – Слова вылетали из его рта почти беззвучно, с легким свистом. Он перевел дыхание и хорошенько прокашлялся, сплюнув отвратительный комок в ладонь за неимением носового платка.

– Фуу, – сказала его горячо любимая жена, поморщившись от отвращения.

– Дай посмотреть, папа, – потребовал его сын и наследник, нетерпеливо подпрыгивая. – Фууу.

Роджер вышел за порог и вытер руку о влажную траву у двери. В такой ранний час на улице было морозно, но Кромби был прав – снег уже в пути. Воздух казался странно мягким и приглушенным.

– Значит, старая миссис Уилсон умерла? – Брианна вышла следом, накинув на плечи шаль. – Как это ужасно. Представь себе, уехать так далеко и потом умереть в незнакомом месте, прежде чем успел хоть немного обжиться.

– Ну, по крайней мере с ней была ее семья. Думаю, ей вряд ли бы захотелось умирать одной в Шотландии.

– Мм. – Бри откинула пряди с лица: на ночь она заплела волосы в косу, но добрая половина сбежала из заточения и теперь развевалась вокруг лица на холодном влажном воздухе. – Думаешь, мне стоит туда пойти?

– Выразить соболезнования? Он сказал, что они уже подготовили старую леди.

Она фыркнула, белые облачка пара вырвались из ее ноздрей, тотчас напомнив ему о драконах.

– Сейчас не больше семи утра – на улице темнота, хоть глаз коли! И я ни на секунду не поверю, что его жена и сестра обряжали старушку при свечах. Начнем с того, что Хирам скорее удавился бы, чем позволил сжечь лишние свечи. Нет, его так корбило просить об одолжении, что он постарался досадить тебе, намекая, что твоя жена – ленивая шлюха.

Это было очень проникательно, подумал Роджер с улыбкой, особенно если учесть, что она не видела выразительного взгляда Кромби на ее кровати холм.

– Что такое шлюха? – заинтересовался Джемми, мгновенно выхватывая все непривычные слова.

– Это леди, которая не является леди, – сообщил ему Роджер. – И плохая хозяйка вдобавок.

– Это одно из слов, за которое миссис Баг вымоет твой рот с мылом, если услышит его от тебя, – внесла непедагогичную поправку его жена.

На Роджере по-прежнему не было ничего, кроме ночной рубашки, и его ноги и ступни замерзли. Джемми тоже скакал вокруг босиком, но не

выдавал ни единого признака дискомфорта.

– Мамочка не такая, – строго произнес Роджер, беря Джемми за руку. – Давай, приятель, бегом в уборную, пока мама готовит завтрак.

– Спасибо за доверие, – сказала Брианна, зевая. – Я захвачу баночку меда или чего-нибудь еще для Кромби попозже.

– Я тоже пойду, – тут же объявил Джемми.

Брианна замаялась на мгновение, затем посмотрела на Роджера и приподняла брови. Джем никогда не видел мертвецов.

Роджер дернул плечом. Она должна была умереть мирной смертью, к тому же подобные вещи были частью жизни в горах. Роджеру подумалось, что вид тела миссис Уилсон вряд ли вызовет кошмары, хотя, зная Джемми, это вполне может привести ко множеству громких неуместных вопросов на людях. Немного предварительных инструкций не помешает, решил он.

– Конечно, – сказал он Джемми. – Но сначала нам нужно будет сходить в Большой Дом после завтрака и одолжить Библию у деда.

* * *

Он нашел Джейми за завтраком, теплый запах только что приготовленной овсяной каши накрыл его, как одеяло, когда Роджер вошел на кухню. Прежде чем он успел объяснить цель своего визита, миссис Баг усадила его за стол, подсунув миску каши с банкой меда, блюдо жареного бекона, горячие тосты с маслом и чашку чего-то темного и ароматного, что по виду напоминало кофе. Джемми сидел рядом с ним, уже успев с головы до ног перемазаться едой. На один предательский момент Роджер почти готов был согласиться, что Брианна была, пожалуй, немного лентяйкой, но уж точно не шлюхой.

Потом он глянул на Клэр, сидящую на другой стороне стола: непричесанные волосы стоят торчком, заспанные глаза смотрят на него поверх тоста – и заключил, что, возможно, это не сознательный выбор Бри, а действие генов.

Однако когда он объяснил цель своего визита между порциями тостов и бекона, она тут же поднялась.

– Старая миссис Уилсон? – спросила она с любопытством. – А мистер Кромби сказал, что случилось?

Роджер покачал головой, проглатывая кашу.

– Только то, что она умерла ночью. Думаю, они нашли ее мертвой. Может, сердце... Ей ведь было не меньше восьмидесяти.

– Она была старше меня на пять лет, – сухо отозвалась Клэр. – Она сама мне говорила.

– О. Хмм.

Прочищать горло было больно, и он сделал еще глоток теплой темной жидкости из своей чашки. Это был отвар из цикория и желудей, вполне сносный на вкус.

– Надеюсь, ты ей не сказала, сколько тебе лет, саксоночка. – Джейми потянулся через стол и ухватил последний кусочек тоста. Бдительная миссис Баг тут же подхватила блюдо, чтобы снова его наполнить.

– Я не настолько легкомысленна, – ответила Клэр, опуская палец в капельку меда и слизывая его. – Все и так думают, что я заключила договор с дьяволом, и, если я скажу мой возраст, они в этом убедятся.

Роджер хмыкнул, но про себя подумал, что она права. Следы от побоев почти исчезли, синяки поблекли, переносица зажила и выглядела прямой и чистой. Даже непричесанная, с припухшими ото сна глазами, она выглядела более чем просто привлекательно – белая кожа, блестящие и густые кудрявые волосы, тонкость черт, о которой шотландские рыбаки могли только мечтать. Это не говоря о глазах оттенка золотистого виски, от которых невозможно было оторваться.

И к этим подаркам природы стоит добавить наследие двадцатого века – правильное питание и нормы гигиены – все ее зубы были на месте, белые и прямые, она выглядела на добрых двадцать лет моложе сверстниц. Эти мысли показались ему утешительными: может, Бри унаследовала искусство старения от своей матери. В конце концов, он вполне мог и сам приготовить себе завтрак.

Джейми закончил трапезу и отправился за Библией. Вернувшись, он положил ее рядом с тарелкой Роджера.

– Мы пойдем на похороны вместе с тобой, – сказал он, кивая на книгу. – Миссис Баг, не могли бы вы собрать небольшую корзину для Кромби?

– Уже сделано, – отчиталась она и поставила тяжелую корзину, накрытую салфеткой, на стол перед ним. – Прихватите ее с собой? Нужно пойти сказать Арчу и взять шаль. Увидимся на кладбище, хорошо?

В этот момент вошла Брианна, зевающая, но причесанная, и принялась приводить в порядок Джема, Клэр тем временем отправилась за чепцом и передником. Роджер взял Библию в руки и начал листать псалмы, надеясь найти что-нибудь приличествующее случаю, но ободряющее.

– Может быть, двадцать третий? – сказал он, ни к кому не обращаясь. – Коротко и вполне подходит. Классика. И упоминает о смерти.

– Ты собираешься произнести панегирик, – прокомментировала Брианна с интересом, – или все-таки проповедь?

– О боже, я даже не подумал об этом, – сказал Роджер в смятении. Он прочистил горло для пробы. – Есть еще кофе?

Вместе с преподобным он присутствовал на великом множестве похорон в Инвернессе и хорошо знал, что богатые клиенты считали провалом проповедь, которая длилась меньше получаса. Впрочем, у бедных выбора не было, и, конечно, Кромби не рассчитывают...

– Откуда у тебя протестантская Библия, па? – Бри на секунду замерла, извлекая кусочек тоста из волос сына и глядя Роджеру через плечо.

Удивленный, он захлопнул книгу. Она была права: на обложке было написано, что это версия короля Якова, а буквы почти вытерлись.

– Мне ее отдали, – ответил Джейми. Его слова звучали непринужденно, но Роджер поднял глаза: что-то странное было в его голосе. Брианна тоже услышала это и бросила на отца быстрый острый взгляд, но его лицо ничего не выражало – он доел последний кусочек бекона и вытер губы.

– Плеснуть тебе пару капель в кофе, Роджер Мак? – спросил он. Кивая на чашку зятя, как будто предлагать виски за завтраком было самым обычным делом.

На самом деле предложение звучало очень заманчиво, учитывая ближайшие перспективы, но Роджер покачал головой.

– Нет, спасибо, я справлюсь.

– Ты уверен? – Брианна перевела свой острый взгляд на него. – Может, и стоит, учитывая проблемы с твоим горлом.

– Я справлюсь, – коротко повторил он. Он и сам переживал из-за голоса, ему не нужны были тревоги рыжеволосых членов семьи – все трое кидали на него задумчивые взгляды, которые он расценивал как выражение сомнения в его ораторских способностях. Виски, возможно, поможет горлу, но проповедь точно не улучшит, а последнее, что ему хотелось, – прийти на похороны источающим запах крепкого алкоголя и выступать перед толпой строгих трезвенников.

– Уксус, – посоветовала миссис Баг, наклоняясь за его тарелкой. – Горячий уксус – то, что надо. Растворяет мокроту.

– Наверняка, – согласился Роджер, несмотря на дурные предчувствия. – Но я, пожалуй, воздержусь. Спасибо, миссис Баг.

Он проснулся с легкой болью в горле и надеялся, что завтрак ее успокоит. Но этого не произошло, а мысль о горячем уксусе заставила его миндалины онеметь.

Вместо этого он протянул чашку, чтобы ему налили еще цикория, и сосредоточился на своей миссии.

– Так. Кто-нибудь что-нибудь знает о старой миссис Уилсон?

– Она умерла, – вставил Джемми уверенно. Все засмеялись: Джем сначала сконфузился, но потом тоже захохотал, хотя явно не представлял, в чем было дело.

– Отличное начало, дружище. – Роджер потянулся и отряхнул крошки с рубашки сына. – В этом есть смысл. У преподобного была достойная проповедь – что-то из посланий: «Ибо возмездие за грех есть смерть, а дар Божий есть жизнь вечная»^[94]. Я слышал ее несколько раз. Что ты думаешь? – Он приподнял бровь, глядя на Брианну, которая нахмурилась, размышляя, и взяла Библию в руки.

– Звучит неплохо. Тут есть оглавление?

– Нет, – Джейми поставил свою чашку. – Это Послание к Римлянам, глава шестая.

Заметив обращенные на него удивленные взгляды, он зарделся и кивнул на книгу.

– Эта книга была со мной в тюрьме. Я читал ее. Пойдем-ка, bhailach^[95], ты уже готов?

* * *

Погода хмурилась, облака грозили то ледяным дождем, то первым снегом, резкие порывы ветра раздували плащи и юбки, как корабельные паруса. Мужчины крепко держались за свои шляпы, женщины прятались поглубже в капюшоны. Все шагали, опустив головы, как овцы, идущие против ветра.

– Отличная погода для похорон, – пробормотала Брианна, поплотнее запахивая плащ после очередного порыва.

– Мхххм, – машинально отозвался Роджер, очевидно пропустив ее слова мимо ушей.

Его брови были нахмурены, губы сжаты, лицо побледнело. Она положила ладонь на руку мужа и ободряюще сжала, он взглянул на нее с легкой улыбкой и немного расслабился.

Нечеловеческий вопль разорвал воздух, и Брианна замерла, вцепившись в Роджера. Крик повысился до визга, затем перешел в отрывистый резкий клекот, спускаясь по шкале рыданий, подобно

мертвому телу, катящемуся с лестницы.

Ее спина покрылась мурашками, желудок сжался. Она посмотрела на Роджера, он выглядел таким же бледным, как она себя чувствовала. Муж успокаивающе сжал ее руку.

– Это ban-treim^[96], – спокойно заметил Джейми. – Не знал, что здесь такие есть.

– Я тоже, – сказала Клэр. – Как думаешь, кто это?

Сначала звук встревожил Клэр, но теперь испуг сменило простое любопытство.

Роджер все это время стоял не дыша, только сейчас он выдохнул с легким хрипом и прочистил горло.

– Плакальщица, – сказал он. Слова давались с трудом, и он снова прочистил горло, на этот раз сильнее. – Они оплакивают покойника. Идут за гробом.

Крик снова поднялся откуда-то из леса, на этот раз он казался более очеловеченным. Брианна подумала, что в причитаниях были слова, но разобрать их не смогла. Вендиго. Имя само собой всплыло у нее в голове, и она резко поежилась. Джемми захныкал, пытаясь укрыться в дедовском плаще.

– Нечего бояться, bhailach, – он похлопал внука по спине.

Джема это не убедило, он сунул большой палец в рот и, округлив глаза, уткнулся Джейми в грудь. Вопли тем временем перешли в стенания.

– Ну что ж, тогда пойдем познакомимся с ней, да? – Джейми свернул с тропинки в лес по направлению к голосу.

Ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Брианна сжала руку Роджера, но тут же пошла вперед, догоняя отца, чтобы Джем видел ее рядом.

– Все хорошо, дружок, – мягко сказала она. Холодало: из ее рта вырывались облачка пара. Кончик носа у Джема покраснел, а в уголках глаз появились розовые прожилки. Неужели он простыл?

Она протянула руку, чтобы потрогать его лоб, но как раз в этот момент голос снова прорезал тишину. На сей раз с ним что-то было не так. Это был высокий тонкий звук, а не то мощное причитание, которое они слышали раньше. Голос был нечетким, как будто то кричало привидение-ученик, – пришла ей в голову неуместная шутка.

Это и правда был ученик, хотя и не привидения. Ее отец нырнул под низко висящую ветку, и она последовала за ним, оказавшись на прогалине напротив двух изумленных женщин. Точнее, напротив женщины и девочки-подростка с головами, обмотанными шальями. Брианна знала их, но не

могла припомнить имен.

– *Maduinn mhath, maighistear.* – Женщина оправилась от удивления и присела в низком реверансе перед Джейми. – Доброго утра, сэр.

– И вам доброго утра, мистрис, – ответил он на гэльском.

– Доброго утра, миссис Гвилти, – сказал Роджер своим мягким хриплым голосом. – И тебе, *nighean*^[97], – добавил он, галантно кланяясь в сторону девочки.

Оланна, вот так ее зовут: Брианна вспомнила круглое лицо, совсем как «о», с которой начиналось ее имя. Она приходилась миссис Гвилти... дочерью? Племянницей?

– Ах, какой хорошенький мальчик, – протянула девочка, вытягивая палец, чтобы коснуться пухлой щеки Джема. Он отпрянул назад и сильнее засосал палец, подозрительно оглядывая ее из-под голубого шерстяного берета.

Женщины не говорили по-английски, но Брианна уже достаточно хорошо знала гэльский, чтобы понимать, о чем идет речь, если и не участвовать в беседе. Миссис Гвилти рассказывала, что показывает племяннице, как проходит церемония погребения.

– Вы вдвоем отлично с этим справитесь, я уверен, – вежливо сказал Джейми.

Миссис Гвилти фыркнула и бросила на племянницу недовольный взгляд.

– Мхмм, – промычала она. – Голосок такой, будто летучая мышь газы пускает, но она единственная женщина в нашей семье, кроме меня, а я не буду жить вечно.

Роджер издал короткий смешок, который он поспешно прикрыл убедительным кашлем. Приятное круглое лицо Оланны и так красное от холода, пошло пятнами, но она ничего не сказала, только опустила взгляд и поплотнее укуталась в шаль. Брианна заметила, что шаль Оланны была из коричневой домотканой материи, а у миссис Гвилти из крашеной черной шерсти. И хотя последняя немного обтрепалась по краям, носилась по-прежнему с достоинством, присущим профессии.

– Мы скорбим о вашей потере, – выразил соболезнования Джейми. – Почившая?.. – Он замолчал, деликатно проявляя интерес.

– Она была сестрой моего отца, – просто ответила миссис Гвилти. – О горе, горе, что она упокоится среди чужаков.

У нее было узкое от недоедания лицо, свободно висящая потемневшая кожа окружала глубоко посаженные глаза. Она обратила взор этих глаз на Джемми, который немедленно стянул берет за край и натянул его на лицо.

Заметив, что темный бездонный взгляд перемещается в ее сторону, Брианна почувствовала сильный соблазн сделать то же самое.

– Я надеюсь, что ее душа найдет упокое. Рядом... рядом с семьей, – сказала Клэр на ломаном гэльском.

С английским акцентом Клэр эта фраза прозвучала очень странно, и Брианна увидела, как отец закусил нижнюю губу, чтобы не улыбнуться.

– Она не останется без компании надолго, – выпалила Оланна, затем, поймав взгляд Джейми, покраснела как свекла и спрятала нос в свою шаль.

Отец, казалось, разгадал смысл этого странного заявления и кивнул.

– Ох, вот как? Кому нездоровится? – Он вопросительно посмотрел на Клэр, но та слегка качнула головой. Если кто-то и был болен, к ней за помощью не обращались.

Длинная морщинистая верхняя губа миссис Гвилти приподнялась и обнажила ряд ужасных зубов.

– Шеймас Бьюкен, – сказала она с угрюмым удовлетворением. – Он лежит в лихорадке, и она прикончит его до конца недели, но мы его обыграли. Это удача.

– Что? – переспросила Клэр, хмурясь от удивления.

Миссис Гвилти сузила глаза, глядя на нее.

– Последний, кто похоронен на кладбище, должен остаться, чтобы присматривать за ним, саксоночка, – объяснил Джейми на английском. – До тех пор, пока следующий не займет его место.

Без всякой заминки переключаясь на гэльский, он сказал:

– Ей поистине повезло, и еще больше повезло, что за ней пойдут такие плакальщицы. – Он сунул руку в карман и подал женщине монету, на которую миссис Гвилти посмотрела, моргнула и снова посмотрела.

– А, – сказала она с удовлетворением. – Мы уж сделаем все честь по чести, девчушка и я. Ну-ка, девочка, дай-ка мне тебя послушать.

Оланна, подавленная перспективою выступить перед публикой, выглядела перепуганной. Но от настойчивого взгляда тетки спасения не было. Закрыв глаза, она набрала воздуха в грудь, отвела плечи назад и испустила пронзительное «ИИИиИИииииИИИииииИ-у-Ии-у», прежде чем прерваться, чтобы набрать еще воздуха.

Роджер дернулся, как будто звук был бамбуковыми щепками, которые загоняли ему под ногти, Клэр приоткрыла рот. Джейми втянул голову в плечи и вцепился в дедушкино пальто, как маленькая синяя колючка. Даже Джейми выглядел немного ошарашенным.

– Неплохо, – рассудительно заметила миссис Гвилти. – Возможно, мы не так уж опозоримся. Я слыхала, что Хирам попросил вас произнести пару

слов, – добавила она, пренебрежительно глядя на Роджера.

– Так и есть, – ответил Роджер по-прежнему хрипло, но уверенно. – Я почту за честь.

Миссис Гвилти не ответила на это, только посмотрела на него сверху вниз, а затем, покачав головой, развернулась к ним спиной и воздела руки к небу.

– АаааааааааАААААААаааааАААААаааааииииииииииэээээээ, – вопила она таким голосом, что кровь стыла у Брианны в жилах. – Горе, горе, гооооооооооре! АааааАААаааААААаааааа! Горе пришло в дом Кромби, горе!

Оланна покорно последовала примеру тетки, развернувшись спиной и присоединяясь к воплю. Клэр довольно бестактно, но практично сунула пальцы в уши.

– Сколько ты им дал? – спросила она Джейми на английском.

Джейми коротко передернул плечами и спешно подтолкнул ее вперед, взяв за локоть.

Роджер сглотнул сбоку от Брианны, звук едва различимый среди шума.

– Тебе надо было выпить, – сказала она.

– Я знаю, – ответил он хрипло и чихнул.

* * *

– Ты хоть слышал о Шеймаса Бьюкене? – поинтересовалась я у Джейми, когда мы шли по сырой земле во дворе Кромби. – Кто он?

– О, я о нем слышал, да, – ответил он, обхватывая меня за талию, чтобы помочь перескочить через вонючую лужу, которая выглядела, как козья моча. – Уф. А ты тяжелая штучка, саксоночка.

– Это все корзина, – отвлеченно ответила я. – Думаю, миссис Баг сложила туда кусок свинца. Или просто фруктовый пирог. И кто он такой? Один из рыбаков?

– Да. Он двоюродный дед Мэйзи Макардл, той, что вышла замуж за парня, который строил лодки. Помнишь ее? Рыжие волосы, длинный нос, шестеро ребятишек.

– Смутно. Как ты запоминаешь все эти вещи? – удивилась я, но он едва улыбнулся и подал мне руку.

Я взяла ее, и мы степенно зашагали сквозь грязь и рассыпанную солому: лэрд и его леди прибыли на похороны. Несмотря на холод, дверь хижины была открыта, чтобы дух смерти мог выйти. К счастью, это

позволяло свету просочиться внутрь – домишко был грубо построен и в нем не было окон. К тому же комната была забита людьми, большинство из которых не мылись, по крайней мере, последние четыре месяца.

Тесные хижины и немытые тела не были мне в новинку, к тому же я знала, что одно из них было возможно чистым, но точно мертвым, поэтому к тому времени, как одна из дочерей Кромби с красными глазами, укутанная в шаль, пригласила нас внутрь, я уже начала дышать ртом.

Бабушку Уилсон уложили на столе со свечой в изголовье, она была обернута в саван, который, без сомнения, сама выткала, еще когда шла под венец: льняное полотно пожелтело и смялось от времени, но выглядело чистым и мягким и было украшено по краям простым узором в форме виноградных листьев. Его бережно хранили и, бог знает, с каким трудом, привезли из Шотландии.

Джейми остановился в дверях, снимая шляпу, и пробормотал формальные соболезнования, которые Кромби – мужчины и женщины – приняли с кивками и мычанием, соответственно. Я передала корзину с едой и кивнула, с выражением, которое, как я надеялась, наиболее подходящим образом демонстрировало сочувствие. Краем глаза я следила за Джейми.

Брианна сделала все от нее зависящее, чтобы объяснить ему происходящее, но я понятия не имела, что он может вытворить в этой ситуации, с трупом в комнате. Не без труда его удалось убедить вылезти из-под берета, и теперь он с интересом оглядывался вокруг, с вихром, стоящим на затылке.

– Это мертвая леди, бабушка? – громко прошептал он мне, указывая на тело.

– Да, милый, – ответила я, с тревогой поглядывая на миссис Уилсон. Она выглядела абсолютно нормально: должным образом убранная, в своем лучшем капоре, с подвязанной челюстью, чтобы рот оставался закрытым, сухие веки крепко смежены в блеклом отсвете свечи. Вряд ли Джейми встречал старую леди при жизни – так что у него не должно было быть причин расстраиваться. К тому же с той поры, как он научился ходить, его регулярно брали на охоту, так что идея смерти была ему знакома. После встречи с плакальщицами труп явно не вызывал сильных эмоций. И все же...

– Сейчас мы выразим свое почтение, парень, – тихонько сказал Джейми внуку и поставил его на пол. Я поймала его взгляд, когда он обернулся к двери, где Роджер и Бри бормотали соболезнования, и поняла, что он дожидался их, чтобы они могли посмотреть на него и повторить.

Он повел Джейми сквозь толпу, которая уважительно расступалась, к

столу, где он положил руку на грудь покойнице. О, так вот что это были за похороны.

На некоторых похоронах в шотландском высокогорье существовал обычай, согласно которому каждый должен был коснуться тела, чтобы мертвец их не преследовал. Навряд ли бабушка Уилсон была заинтересована в том, чтобы преследовать меня, но осторожность никогда не помешает – в голове всплыло беспокойное воспоминание о черепе с серебряными пломбами в зубах и о моей встрече с тем, что могло быть его обладателем, явившемся в призрачном сиянии темной ночью в горах. Невольно я посмотрела на свечу, но она выглядела совершенно нормальной, коричневой, сделанной из пчелиного воска, она приятно пахла и слегка наклонилась в подсвечнике.

Успокаивая себя, я наклонилась и осторожно положила руку на саван. На груди покойной стояло глиняное блюдечко с куском хлеба и щепоткой соли, возле нее на столе поставили небольшую деревянную чашку, наполненную темной жидкостью, – вином? Все вместе – хорошая свеча из пчелиного воска, соль и плакальщицы – выглядело так, будто Хирам Кромби постарался сделать все на совесть для тещи, хотя я бы не поручилась, что он из соображений бережливости не использует все это после похорон.

Что-то было не так: какая-то тревога витала в воздухе среди потрескавшихся сапог и обмотанных тряпками ног, будто сквозняк. Сначала я подумала, что это связано с нашим присутствием, но дело было не в этом: когда Джейми подошел к телу, у присутствующих вырвался краткий вздох одобрения.

Джейми пошептался с Джемми, затем поднял его, чтобы тот коснулся трупа. Мальчик не выказал отвращения, с интересом всматриваясь в восковое лицо мертвой женщины.

– Для чего это? – громко спросил он, потянувшись к хлебу. – Она будет это есть?

Джейми схватил его за запястье и твердо приложил руку мальчика к савану.

– Это для поедателя грехов, парень. Оставь это, хорошо?

– Что это...

– Позже.

Никто не спорил с Джейми, если он говорил таким тоном, и Джем утих, сунув палец в рот, когда дед опустил его на пол. Подошла Бри и сгребла сына в объятия, запоздало вспомнив, что нужно коснуться усопшей, и пробормотала: «Покойся с миром».

Затем Роджер выступил вперед, и толпа ощутимо оживилась. Он выглядел бледным, но собранным. Его лицо, чья северная суровость обычно смягчалась добрым взглядом и подвижным ртом, готовым рассмеяться, сейчас казалось худым и аскетичным. Не время смеяться. В тусклом свете его глаза холодно смотрели на собравшихся. Он положил руку на грудь покойной и преклонил голову. Я не была уверена, молился ли он о спасении ее души или о вдохновении, но он стоял так дольше минуты. Толпа почтительно наблюдала, присутствующие покашливали и прочищали горло время от времени. Роджер не был единственным простуженным, подумала я, и тут же внезапно вспомнила о Шеймаса Бьюкене. «Он лежит в лихорадке, и она прикончит его еще до конца недели», – так сказала миссис Гвилти. Возможно, пневмония, или бронхит, или даже чахотка. И никто мне не сообщил.

Я ощутила легкий укол, в котором смешались в равной степени раздражение, чувство вины и беспокойство. Я знала, что новые поселенцы мне не доверяют, и думала, что нужно позволить им привыкнуть к моему присутствию, прежде чем я начну навещать их без предупреждения. Многие из них никогда не видели англичан до прибытия в колонии, а я слишком хорошо знала, каково их отношение к «чужестранцам» и католикам.

Но теперь какой-то несчастный умирал буквально у меня на пороге, а я даже не знала о его существовании, не говоря уже о болезни. Стоит, наверное, навестить его сразу же после похорон? Но где, черт побери, он живет? Должно быть, не близко. Я знала всех рыбаков, которые устроились на склоне, Макадлеры, значит, живут за Риджем. Я украдкой бросила взгляд на дверь, пытаюсь оценить, как скоро угрюмые тучи разразятся снегопадом.

Снаружи послышалось приглушенное бормотание и шорохи: пришли еще люди из соседних долин и теперь толпились у двери. Я уловила вопросительное «*dèan caithris*»^[98] и внезапно осознала, что именно было странным в происходящем.

Не было поминальных обрядов. По традиции тело должны были вымыть и обрядить, а затем оставить в доме на один-два дня, чтобы каждый мог прийти и отдать усопшей последнюю дань уважения. Внимательно прислушавшись, я уловила неодобрительный и удивленный шепот – соседи считали такую поспешность непристойной.

– Почему нет поминок? – тихонько спросила я Джейми. Он едва заметно приподнял одно плечо, но кивнул в сторону двери, на набухшее небо за ней.

– Ближе к ночи начнется сильный снегопад, Сорча^[99], – сказал он. – И, судя по всему, идти он будет много дней. Я и сам не захотел бы копать могилу и зарывать гроб посреди всего этого. К тому же, куда им девать тело до тех пор, пока снег не закончится?

– Это правда, Мас Dubh, – сказал Кенни Линдси, нечаянно услышав наш разговор. Он посмотрел на людей, стоящих вокруг, и придвинулся ближе, понижая голос. – Но правда также и то, что Хирам Кромби не был привязан к старой ведьм... ээ, своей теще. – Он слегка приподнял подбородок, указывая на тело. – Люди судачат, что он хочет упрятать старуху под землю как можно быстрее, пока она не передумала, а? – Он коротко усмехнулся, и Джейми скрыл собственную улыбку, опустив глаза.

– А еще, надо думать, сэкономит на еде.

Скаредность Хирама была предметом шуток даже среди бережливых, но гостеприимных горцев, а это о многом говорило. Снаружи опять возникла суeta – подходили вновь прибывшие. В дверях возник затор, когда некоторые попытались протиснуться внутрь, несмотря на то, что дом был забит людьми и единственный незанятый кусочек пола оставался только под столом, на котором лежала миссис Уилсон.

Люди возле двери неохотно расступились, и в хижину втиснулась миссис Баг, облаченная в свои лучшие капор и шаль. Рядом с ней был Арч.

– Вы забыли виски, сэр, – сообщила она Джейми, передавая ему закупоренную бутылку. Посмотрев вокруг, она тут же обнаружила Кромби и церемонно поклонилась ему, бормоча соболезнования.

Изобразив поклон, она поправила капор и выжидающе оглядела комнату. Очевидно, теперь можно было начинать торжественную часть.

Хирам Кромби окинул взглядом толпу и кивнул Роджеру. Тот в ответ выпрямился, кивнул и начал службу. Первые несколько минут он говорил о ценности жизни, непоправимости смерти и о том, как важно ощущать поддержку семьи и клана, когда подобное случается. Зрители, казалось, были всем довольны: они одобрительно кивали и устраивались поудобнее в ожидании достойного продолжения.

Роджер прервался, чтобы откашляться и высморкаться, затем перешел к некоей вариации пресвитерианской панихиды, точнее, того, что он помнил о ней из жизни с преподобным Уэйкфилдом. Эта часть тоже шла вполне гладко. Бри немного расслабилась и опустила Джемми на пол.

Все шло своим чередом... И все же я по-прежнему чувствовала какую-то смутную тревогу в воздухе. Отчасти это было вызвано тем, что я видела Роджера. От духоты в хижине его нос начал бежать. Он держал платок в руке, украдкой промакивая нос и останавливаясь время от времени, чтобы

по возможности тихо высморкаться.

Мокрота, однако, течет вниз. Чем больше ее становилось, тем сильнее это влияло на его уязвимое горло. Всегдашняя хрипотца в голосе заметно усилилась. Чтобы говорить разборчиво, ему приходилось постоянно откашливаться. Джемми беспокойно заерзал рядом со мной, и краем глаза я заметила, как Бри положила ладонь ему на макушку, чтобы успокоить. Мальчик поднял голову, но все ее внимание было сосредоточено на Роджере.

– Мы благодарим Господа за жизнь этой женщины, – проговорил он и снова прервался, чтобы прочистить горло. Я обнаружила, что делаю это вместе с ним из нервного сочувствия.

– Она была рабой Божьей, преданной и верной, и сейчас славит Его перед Его престолом вместе со свя... – Я видела, как внезапное сомнение промелькнуло на его лице: одобряет ли публика такое понятие святых или склонно считать подобные суждения папистской ересью? Он кашлянул и закончил:

– ... вместе с ангелами.

Очевидно, ангелы оказались безопасным выбором: лица вокруг меня выглядели мрачными, но не оскорбленными. Выдохнув с облегчением, Роджер взял маленькую зеленую Библию и открыл ее на помеченной странице.

– Давайте вместе произнесем псалом, восхваляя Того, Кто... – Он взглянул на страницу, слишком поздно осознавая сложность беглого перевода на гэльский.

Роджер с шумом прочистил горло, и полдюжины глоток эхом отозвались в толпе. С другой стороны от меня Джейми пробормотал: «О, Господи» в искренней молитве.

Джемми подергал мать за юбку, что-то шепча, но на него бесцеремонно шикнули. Я видела, как Брианна тянется к Роджеру – тело напряжено в страстном желании как-то помочь, хоть бы и при помощи телепатии.

Не имея альтернативы, Роджер начал сбивчиво читать псалом. Часть присутствующих подхватили его слова, когда он предложил «прочесть вместе». Они читали псалом по памяти, в несколько раз быстрее, чем это удавалось ему.

Я закрыла глаза, чтобы не видеть всего этого, но слух нельзя было отключить так же легко – люди дочитали псалом и утихли, мрачно дожидаясь, когда Роджер, запинаясь, наконец закончит. И он упрямо довел дело до конца.

– Аминь, – громко сказал Джейми. На этот раз один. Я открыла глаза и обнаружила, что все смотрят на нас и выражения их лиц колеблются от легкого удивления до враждебности. Джейми глубоко вдохнул и очень медленно выдохнул.

– Господи. Иисусе, – произнес он очень тихо.

Капля пота скатилась по щеке Роджера, и он вытер ее рукавом плаща.

– Не желает ли кто-нибудь сказать пару слов о покойной? – спросил он, окидывая публику взглядом. Молчание и завывание ветра были ему ответом.

Он прочистил горло, кто-то хихикнул.

– Бабуля... – прошептал Джемми, дергая мою юбку.

– Шшш.

– Но бабушка... – Настойчивость в его голосе заставила меня повернуться и посмотреть на него.

– Ты хочешь в туалет? – шепотом спросила я, склоняясь к нему. Он помотал головой достаточно сильно, чтобы тяжелая копна рыже-золотистых волос замоталась по его лбу.

– О, Господи, Небесный Отец наш, ведущий нас сквозь время к упокоению и счастью в вечности, будь с нами и сейчас, дабы ободрить и поддержать.

Я подняла глаза и увидела, что Роджер снова положил руку на грудь усопшей, очевидно, решив, что пора заканчивать. По явному облегчению, сквозившему в лице и голосе, я поняла, что он, должно быть, закончит какой-то привычной молитвой из Книги общего богослужения, достаточно знакомой для того, чтобы он смог свободно перевести ее на гэльский.

– Дай нам знать, что дети Твои драгоценны в очах Твоих... – Он остановился, явно борясь со своим горлом: мышцы на шее сокращались, тщетно пытаясь устранить препятствие без лишнего шума.

– Эээ... ХРРМ! – Звук, похожий на смех, пронесся по комнате, и Бри будто зарычала, словно вулкан, готовый извергнуть лаву.

– Бабушка!

– Шшш!

– ...очах Твоих. Дабы они... пребывали с Тобой вечно, и милость Твоя...

– Бабушка!

Джемми извивался так, будто колония муравьев поселилась у него в штанах, на лице застыло выражение человека, который должен сообщить нечто невероятно важное.

– Я есмь Воскресение и Жизнь, говорит Господь, верующий в Меня,

если и умрет... рр-гм... оживет... – Предчувствуя скорый финал, Роджер напряг связки сверх меры, отчаянно хрипя и спотыкаясь на каждом слове, но голос его при этом звучал решительно и громко.

– Подожди минутку, – прошипела я. – Я выведу тебя на...

– Нет, бабушка, смотри!

Я проследовала взглядом в направлении, которое он указывал, и на мгновение подумала, что он имеет в виду своего отца. Но это было не так.

Старая миссис Уилсон открыла глаза.

* * *

Воцарилась мгновенная тишина, взгляды всех присутствующих были прикованы к миссис Уилсон. Раздался общий вздох удивления, и люди инстинктивно отступили назад, вскрикивая от испуга и охая от боли, когда соседи оттапывали им пальцы или прижимали к грубым бревенчатым стенам. Джейми схватил внука как раз вовремя, чтобы спасти его от толпы, и крикнул так громко, как только мог: «Стоять!» Мощь его голоса заставила толпу мгновенно замереть, за это время он успел сунуть Джемми в руки Брианне и протолкнуться к столу.

Роджер подхватил недавнюю усопшую и помог принять ей сидячее положение, рукой она слабо ощупывала повязку на челюсти. Я бросилась следом за Джейми, локтями прокладывая себе путь.

– Дайте ей немного воздуха, – сказала я, повышая голос. Тишина сменялась взволнованным бормотанием, но все замолчали на то время, пока я возилась с повязкой. Комната замерла в ожидании, пока недавний мертвец двигал затекшими челюстями.

– Где я? – спросила она квакающим голосом. Ее взгляд потерянно блуждал по комнате, пока не остановился на лице дочери.

– Мэйри? – проговорила она неуверенно. Миссис Кромби бросилась вперед и, упав на колени, разразилась рыданиями, хватая мать за руки.

Я тем временем проверяла, как могла, все жизненные показатели, которые были не такими уж и жизненными, но довольно неплохими для того, кто был мертв еще минуту назад. Дыхание очень поверхностное, тяжелое, лицо цвета овсянки недельной давности, холодная влажная кожа, несмотря на духоту в комнате, а пульса я вообще не могла найти, хотя он точно должен был быть. Так ведь?

– Как вы себя чувствуете? – спросила я.

Она положила дрожащую руку на живот.

– Немножко нездоровой, – прошептала она.

Я положила руку на ее живот следом за ней и тут же почувствовала: пульс, но не там, где ему положено быть. Он был нестабильный, прерывающийся, слабый, но был именно там.

– Иисус твою Рузвельт Христос, – сказала я. Я говорила негромко, но миссис Кромби выдохнула, и я увидела, как дернулся ее передник, – без сомнения, она показывала рога. У меня не было времени для извинений, я поднялась и дернула Роджера за рукав, уводя его в сторону.

– У нее аневризма аорты, – сказала я очень тихо. – Внутреннее кровотечение, которое продолжается уже какое-то время, – достаточное, чтобы она потеряла сознание и тело остыло. Очень скоро аневризма разорвется, и тогда она и вправду умрет.

Он громко сглотнул, его лицо побледнело, но он сказал только:

– Сколько времени?

Я бросила взгляд на миссис Уилсон: ее лицо было того же серого оттенка, что и набухшее снегом небо, а глаза постоянно теряли фокус, как затухающая свеча на ветру.

– Ясно, – сказал Роджер, хотя я ничего не ответила. Он глубоко вдохнул и прочистил горло.

Толпа, которая шипела, как стая взволнованных гусей, тут же умолкла. Все взгляды были прикованы к сцене у стола.

– Наша сестра вернулась к жизни, как и все мы вернемся однажды благодатью Божией, – сказал Роджер мягко. – Это знак надежды и веры для нас. Она скоро снова уйдет к ангелам, но возвратилась к нам ненадолго, чтобы донести вести о Божьей любви. – Он сделал секундную паузу, очевидно, раздумывая, что еще сказать. Он откашлялся и склонил голову к миссис Уилсон. – Не хотели бы вы... сказать что-нибудь, матушка? – прошептал он на гэльском.

– Ага, хочу. – Миссис Уилсон, казалось, набиралась сил, а вместе с ними и возмущения. Слабый румянец проступил на ее восковых щеках, когда она свирепо оглядела толпу.

– Что это за поминки, Хирам Кромби? – требовательно воскликнула она, буравя взглядом зятя. – Я не вижу ни еды, ни питья, и что это? – Ее голос перешел в возмущенный визг, глаза устремились на тарелку с хлебом и солью, которую Роджер отодвинул, когда поднимал ее.

– Что за... – Она оглядела собравшуюся толпу диким взглядом, и правда начала открываться перед ней. Ее запавшие глаза выпучились. – Что за... ты, бесстыжий скряга! Это вовсе не поминки! Ты хотел похоронить меня только с коркой хлеба и глотком вина для поедателя грехов – странно,

что ты оставил хоть это! Не сомневаюсь, ты бы и саван с меня снял, чтобы надеть одежды своим сопливым детям! И где моя брошь?! Я сказала, что хочу быть похоронена в ней! – Ее костлявая рука прижалась к морщинистой груди, сгребая в кулак обветшавшую ткань. – Мэйри! Моя брошь!

– Вот она, матушка, вот она! – Бедная миссис Кромби, вся в растрепанных чувствах, шарила в кармане, всхлипывая и вздыхая. – Я убрала ее от греха подальше, я хотела надеть ее перед... перед...

Она извлекла уродливую гроздь гранатов, которую мать тут же выхватила и прижала к груди, ревниво оглядываясь вокруг. Она явно подозревала, что ее соседи ждут шанса снять украшение с ее мертвого тела. Я услышала, как женщина рядом со мной оскорбленно выдохнула, но у меня не было времени оглянуться и посмотреть, кто это.

– Ну, будет, – сказала я, стараясь говорить утешительно и ласково. – Уверена, все будет в порядке.

«Кроме того факта, что ты умрешь в течение нескольких минут», – подумала я, сдерживая приступ неуместного истерического хохота. Вообще-то, может быть даже через несколько секунд, если давление поднимется еще выше.

Под пальцами я ощущала сильную пульсацию в ее животе, которая свидетельствовала о терминальном разрыве брюшной артерии. Кровотечение, надо думать, началось раньше, погрузив ее в такой обморок, что она казалась мертвой. В конечном счете тромб пройдет дальше и это все-таки случится.

Роджер и Джейми предпринимали все, чтобы успокоить ее, бормоча слова утешения на английском и гэльском и ободряюще похлопывая. Она, казалось, отзывалась на их усилия, хотя все еще пыхтела как паровоз.

Помогла еще и бутылка виски, которую Джейми извлек из кармана.

– Ну, так-то лучше! – проворчала миссис Уилсон немного миролюбивее, когда он торопливо выдернул пробку и провел бутылкой под ее носом, чтобы она могла оценить качество напитка. – Вы поди и еду принесли? – Миссис Баг вышла вперед, держа корзину перед собой в качестве тарана. – Хмф! Никогда не подумала бы, что при жизни увижу папистов более добрых, чем моя собственная семья! – Последнее было адресовано Хираму Кромби, который до сих пор стоял, то открывая, то закрывая рот, не находя, чем ответить своей теще.

– Почему... почему... – Он негодуя замолчал, разрываясь между шоком, яростью и необходимостью оправдываться перед соседями. – Более добрыми, чем ваша семья! Разве я не давал вам крышу над головой

последние двадцать лет? Не кормил и не одевал вас, будто вы были моей собственной матерью? Переносил ваш злой язык и дурной характер столько лет и никогда...

Джейми и Роджер вскочили, пытаясь унять его, но вместо этого помешали друг другу, и в сумятице у Хирама появилась возможность продолжать высказывать все, что он думает, – так он и поступил. Миссис Уилсон последовала его примеру – сыпать оскорблениями явно не было ей в новинку.

Пульсация сотрясала ее живот под моей рукой, и я прилагала немало усилий, чтобы удержать ее от прямой атаки на Хирама вместе с бутылкой виски. Соседи были взволнованы.

Роджер взял дело и миссис Уилсон в свои руки, обхватив ее щуплые плечи.

– Миссис Уилсон, – сказал он хрипло, но достаточно громко для того, чтобы заглушить негодующее возражение Хирама Кромби относительно последнего выпада миссис Уилсон по поводу его характера. – Миссис Уилсон!

– А? – Она сделала паузу, чтобы перевести дыхание, и заморгала, в замешательстве глядя на него.

– Прекратите. И вы тоже! – Он сверкнул глазами на Хирама, который открыл было рот снова. Хирам закрыл его.

– Я не потерплю этого, – сказал Роджер и ударил Библией по столу. – Это неподобающе, и я этого не допущу, слышите меня? – Он сердито смотрел на скандалистов, переводя взгляд с одного на другого, решительно хмуря черные брови.

В комнате стало тихо, слышалось только тяжелое дыхание Хирама, тихие всхлипы миссис Кромби да слабые астматические хрипы миссис Уилсон.

– Итак, – сказал Роджер, по-прежнему сверкая глазами вокруг, готовый пресечь любую попытку бунта. Он положил руку на тощую, покрытую старческими пятнами руку миссис Уилсон. – Миссис Уилсон... знаете ли вы, что стоите перед Богом в эту минуту? – Он бросил взгляд на меня, и я кивнула: да, она действительно умирает. Ее голова качнулась на слабой шее, и пламя ярости в глазах потухло, пока он говорил.

– Бог рядом с нами, – сказал он, подняв голову, обращаясь ко всем присутствующим. Он повторил это на гэльском, и по комнате пробежал вздох. Роджер сузил глаза. – Мы не станем осквернять это таинство гневом и спорами. Теперь, сестра, – он бережно сжал ее руку, – да упокоится твоя душа. Волею Божией...

Но миссис Уилсон уже не слушала. Ее сморщенный рот широко открылся в ужасе.

– Поедатель грехов! – закричала она, дико озираясь вокруг. Она схватила тарелку со стола рядом, просыпая соль на складки своего савана. – Где поедатель грехов?

Хирам замер, будто его хватили по голове раскаленной кочергой, затем развернулся и стал прокладывать путь к двери, толпа расступилась перед ним. Толпа за его спиной возбужденно переговаривалась до тех пор, пока снаружи не донесся пронзительный вопль, а следом за ним второй.

Благоговейное «Ооо!» послышалось вокруг, и миссис Уилсон, кажется, расслабилась – плакальщицы начали отрабатывать свой гонорар.

Возле двери началась какая-то суета, и люди разошлись в стороны, как Красное море, оставив узкую тропу к столу. Миссис Уилсон прямо сидела на своем ложе, едва дыша, мертвенно-бледная. Пульс в ее животе судорожно дергался под моими пальцами. Роджер и Джейми поддерживали ее по обе стороны.

В комнате воцарилась абсолютная тишина, нарушаемая только завываниями плакальщиц и медленными, крадущимися шагами, мягко ступающими по земле снаружи, а затем громче – по доскам пола. Поедатель грехов пришел.

Это был высокий человек, по крайней мере, был высоким прежде. Его возраст невозможно было определить: годы или болезнь источили его плоть, так что широкие плечи и спина ссутулились, крупная голова, туго обтянутая кожей и покрытая спутанными редкими седыми волосами, выдавалась вперед.

Я посмотрела на Джейми, приподняв брови. Я никогда прежде не видела этого человека. Джейми едва заметно пожал плечами: он тоже не знал его. Когда поедатель грехов подошел ближе, я увидела, что его тело перекошено: он, казалось, был пустым с одной стороны, возможно, ребра были сломаны в результате какого-то несчастного случая.

Все взоры были устремлены на этого человека, но он не встретился глазами ни с кем из присутствующих, глядя в пол. Проход к столу был узким, но люди отступали назад, когда он проходил мимо, стараясь избежать прикосновения. Только дойдя до стола, он поднял голову, и я увидела, что у него нет одного глаза: судя по множеству тонких шрамов, окаймлявших глазницу, мужчина потерял его в схватке с медведем.

Другой глаз был зрячим. Поедатель грехов резко остановился в изумлении, увидев миссис Уилсон, и оглянулся вокруг, явно не понимая, что делать дальше.

Она отняла одну руку у Роджера и протянула поедателю грехов блюдо с хлебом и солью.

– Приступайте, – сказала она высоким и немного испуганным голосом.

– Но вы не мертвы. – Он сказал это мягким, вежливым тоном, который выражал замешательство, но толпа отреагировала так, будто услышала шипение змеи, и отступила дальше, если это было вообще возможно.

– Ну и что с того? – От возбуждения миссис Уилсон дрожала еще сильнее: я ощущала, как не переставая вибрирует под ней столешница. – Вам заплатили, чтобы вы съели мои грехи, – так сделайте это!

Тут у нее возникла мысль, и она рывком выпрямилась, скосив глаза на своего зятя:

– Ты заплатил ему, Хирам?

Хирам сохранял пунцовый цвет лица от предыдущей перепалки, но в ответ на это стал красновато-коричневым и схватился за грудь – скорее за кошелек, чем за сердце, подумалось мне.

– Я не собираюсь платить ему прежде, чем он закончит работу, – огрызнулся он. – Как еще добиться выполнения обязательств?

Видя, что утихший было скандал готов вспыхнуть с новой силой, Джейми отпустил миссис Уилсон и судорожно пошарил в спорране. Он вытащил серебряный шиллинг и швырнул через стол поедателю грехов, не желая, как я поняла, прикасаться к этому человеку.

– Итак, вам уплачено, – сказал он резко, кивнув ему. – Исполните свое дело в лучшем виде, сэр.

Мужчина медленно обвел глазами комнату, и даже сквозь вопли «ГООООООРЕЕЕЕЕ в доме КРОООООМБИИИИ», доносящиеся снаружи, было слышно, как люди набрали в легкие побольше воздуха.

Он стоял не более чем в футах от меня, достаточно близко, чтобы я ощутила его кисло-сладкий запах, – запах старости и нечистот в его тряпье и что-то еще, какой-то слабый душок, который обычно выдавал воспаленные язвы и недолеченные раны. Он повернул голову и посмотрел прямо на меня. Мягкий карий глаз с вкраплением янтаря, поразительно похожий на мои собственные. От его взгляда у меня в животе ухнуло, как будто я смотрела в кривое зеркало и в отражении разглядела собственное уродливое искаженное лицо.

В нем ничего не поменялось, но я почувствовала, как что-то невыразимое промелькнуло между нами. Потом он отвернулся и протянул длинную, сухую, очень грязную руку, чтобы взять кусок хлеба. Он ел, издавая странные звуки, – медленно рассасывая хлеб, потому что был почти беззубым. Я ощущала пульс миссис Уилсон, теперь более

поверхностный и быстрый, как у колибри. Она обмякла в руках мужчин, пожухшие веки почти смежились, пока она наблюдала.

Поедатель обхватил обеими руками кружку с вином, будто это был Святой Грааль, и опустошил ее, закрыв глаза. Опустив чашку, он с любопытством посмотрел на миссис Уилсон. Я подумала, что он никогда раньше не сталкивался с живыми клиентами, и гадала, как долго он состоит на этой странной службе.

Миссис Уилсон смотрела ему в глаза, лицо ее стало пустым, как у ребенка. Пульс в животе прыгал, словно градины: несколько легких ударов, пауза, затем бешеный стук, пробивающий мою ладонь, и снова череда беспорядочных скачков.

Поедатель грехов очень медленно склонился к ней, а затем развернулся и рванул к двери с удивительной для такого немогущего субъекта скоростью.

Несколько мальчиков и молодых мужчин, стоявших возле двери, с криками бросились наружу вслед за ним: некоторые схватили деревянные палки из жаровни. Остальные разрывались: они выглядывали в сторону открытой двери, где слышались выкрики и удары камней вперемешку со стонами плакальщиц, но их взгляды неизбежно возвращались к миссис Уилсон.

Она выглядела... умиротворенной – вот подходящее слово. Это было неудивительно – пульс под моей рукой совсем утих. Где-то глубже, внутри себя самой, я ощущала дурманный поток крови, окутывающий теплом, которое заполняло меня, заставляя черные пятна кружиться перед глазами и вызывая звон в ушах. Я знала, теперь она умерла навсегда. Я чувствовала ее уход. И все равно слышала ее голос сквозь шум – очень тихий, но спокойный и чистый.

– Я прощаю тебя, Хирам, – сказала она. – Ты был хорошим парнем.

В глазах у меня окончательно потемнело, но я по-прежнему смутно слышала и ощущала происходящее. Что-то подхватило меня, увлекло прочь, и спустя мгновение я обнаружила себя прислонившейся к Джейми в углу, его руки поддерживали меня.

– С тобой все хорошо, саксоночка? – Он говорил быстро, встряхивая меня и хлопая по щекам.

Облаченные в черное плакальщицы достигли двери. Я видела их снаружи, стоящих подобно двум столпам тьмы; начавшийся снег кружил вокруг них. Холодный ветер проникал внутрь, увлекая за собой жесткие сухие снежинки, которые дергались и подпрыгивали, прежде чем упасть на пол. Голоса женщин поднимались и таяли, сливаясь с ветром. У стола

Хирам Кромби пытался прицепить гранатовую брошь своей тещи к ее савану – руки его тряслись, а узкое лицо было мокрым от слез.

– Да, – ответила я слабо, затем немного тверже, – да. Теперь все хорошо.

Часть шестая

На горе

Глава 40

Птичья весна

Март 1774 года

– Бриолиновая молния^[100], – сказал Джейми сонным удовлетворенным голосом. Он все лежал на боку в кровати и наблюдал, как я одеваюсь.

– Что? – Я отвернулась от своего зеркальца и уставилась на него. – Кто?

– Полагаю, что я. Тебя разве громом не поразило в самом конце? – Он почти беззвучно рассмеялся, зашуршав простынями.

– А, ты снова разговаривал с Бри, – снисходительно произнесла я, снова поворачиваясь к зеркалу. – Эта фраза про скорость, а не про то, как выглядит смазка.

Я улыбнулась ему в зеркало, расчесывая спутанные волосы. Он расплел их, пока я умащивала его кремом, а после они всерьез распушились по понятным причинам. Если подумать, то это смутно напоминало эффект от электрического стула.

– Ну, я могу и побыстрее, – рассудительно заявил он, усевшись и запустив пальцы в собственную шевелюру. – Но не первым делом с утра. Бывают и похуже способы проснуться, так ведь?

– Да, гораздо хуже. – Из другой комнаты доносились звуки отхаркивания и плевков, а вслед за ними послышалось характерное журчание, и тот, кто использовал ночной горшок, явно был владельцем нешуточного мочевого пузыря. – Он говорил, сколько пробудет здесь?

Джейми покачал головой. Медленно поднявшись, он по-кошачьи потянулся, а затем в одной рубашке подобрался ко мне, чтобы обнять обеими руками. Я еще не разжигала огонь, и комната была прохладной, а его тело было приятно теплым. Он опустил подбородок мне на макушку, разглядывая наше совместное отражение.

– Мне нужно будет уехать, – мягко сказал он. – Возможно, завтра.

Я замерла с расческой в руке.

– Куда? К индейцам?

Он кивнул, глядя мне в глаза.

– Макдональд привез газеты, где напечатали письма губернатора Мартина с просьбой о помощи самым разным людям – Триону в Нью-Йорк, генералу Гейджу. Он теряет контроль над колонией, если он у него вообще был, и серьезно подумывает о том, чтобы вербовать индейцев. Хорошо еще, что эта информация не дошла до прессы.

Джейми отпустил меня и потянулся к ящику, где лежали его чистые рубашки и носки.

– Действительно, хорошо, – сказала я, перехватив волосы сзади и ища ленту, чтобы перевязать их.

Этой зимой до нас дошло мало газет, но даже при такой скудости разногласия между губернатором и Ассамблеей были очевидны. Он избрал стратегию постоянного откладывания заседаний, неоднократно распуская Ассамблею, чтобы воспрепятствовать принятию законов, которые шли вразрез с его политическими амбициями.

Я могла хорошо представить себе реакцию в том случае, если бы открылось, что он намеревается вооружить индейцев чероки, катауба и крики и использовать их против собственных людей.

– Полагаю, на самом деле он вряд ли на такое готов, – сказала я, найдя наконец свою голубую ленту, – потому что, если бы он собирался это сделать, в смысле, собирается, то Революция уже прокатилась бы по Северной Каролине, а не в Массачусетсе или Филадельфии через два года. Но, ради бога, зачем ему публиковать эти письма в газете?

Джейми рассмеялся. Он покачал головой, убирая пряди с лица.

– Он и не публиковал. По-видимому, письма губернатора перехватили. Он не слишком этому рад, по словам Макдональда.

– Думаю, это мягко сказано. – Почта считалась небезопасной, но так было всегда. Ведь даже Фергус появился в нашей жизни, когда Джейми нанял его в качестве карманника, чтобы красть письма в Париже. – Как дела у Фергуса? – спросила я.

Джейми строил мне рожу, натягивая чулки.

– Думаю, уже лучше. Марсали говорит, он больше времени проводит дома. Это хорошо. И зарабатывает немного, дает уроки французского Хираму Кромби. Но...

– Хираму? Уроки французского?

– О да. – Он расплылся в улыбке. – Хирам укрепился в идее о том, что ему нужно проповедовать индейцам, и он считает, что у него больше шансов преуспеть, если он будет владеть не только английским, но и

французским. Йен учит его языку цалаги, но у индейцев столько наречий, что всеми ему все равно не овладеть.

– Чудеса да и только, – пробормотала я. – Думаешь...

В этот момент меня прервала миссис Баг, которая закричала снизу:

– Если некоторые личности желают, чтобы хороший завтрак остыл, уверена, так оно и будет!

Дверь майора Макдональда распахнулась с точностью часового механизма, и его шаги спешно застучали вниз по лестнице.

– Готов? – спросила я Джейми. Он взял мою расческу и парой взмахов привел себя в порядок, затем открыл дверь и торжественно поклонился, приглашая меня на выход.

– То, о чем ты говорила, саксоночка, – сказал он, спускаясь со мной вниз по лестнице, – что все начнется через два года. Но оно уже началось. Ты ведь знаешь это, не так ли?

– Ну да, – довольно угрюмо ответила я. – Но не хочу думать об этом на голодный желудок.

* * *

Роджер выпрямился, примериваясь. Край печной ямы, в которой он стоял, доставал ему почти до подбородка. Шесть футов будет примерно на уровне глаз: значит, осталось еще несколько дюймов. Это обнадеживало. Прислонив лопату к земляной стене, он наклонился, взял ведро с землей и тяжело перебросил его через край.

– Грязь! – закричал он. На его крик никто не ответил. Он приподнялся на цыпочках, недобро оглядываясь вокруг в поисках так называемых помощников. Джейми и Герман должны были по очереди освобождать ведра и подавать их обратно, но имели склонность внезапно исчезать.

– Грязь! – заорал он во все горло. Эти маленькие засранцы не могли уйти далеко: он наполнил ведро буквально минуты за две.

На его крик ответили, но это не были дети. Холодная тень упала на него, и он, прищурившись, разглядел своего тестя, который склонился, чтобы взять ведро. Джейми сделал два шага и высыпал грязь в медленно растущую кучу, затем вернулся и спрыгнул к Роджеру, возвращая ведро.

– Неплохая ямка у тебя тут, – сказал он, с интересом осматриваясь вокруг. – Можно буйвола на вертеле жарить.

– Я бы не отказался от буйвола. Умираю с голоду. – Роджер вытер лоб рукавом – хоть день был прохладным, с него в три ручья лил пот.

Джейми взял лопату, и с интересом стал рассматривать лезвие.

– Никогда такого не видел. Это девчушкина работа?

– При содействии Дэя Джонса, да.

Брианне понадобилась не больше тридцати секунд наедине с лопатой восемнадцатого века, чтобы прийти к выводу, что ее можно усовершенствовать. Ушло три месяца на то, чтобы подобрать кусок железа и чтобы убедить Дэя Джонса – кузнеца, который был валлийцем, а потому отличался упрямством – придать ему нужную форму под руководством Брианны. Обычная лопата была целиком деревянной и представляла собой не что иное, как шест с куском кровельной дранки на конце.

– Можно попробовать? – Заинтригованный, Джейми воткнул заточенное лезвие в землю у своих ног.

– Милости прошу.

Роджер перелез из глубокой части ямы в верхний конец печи. Джейми остался там, где, по плану Брианны, должен был гореть огонь, который укроет дымоход. Изделия для обжига будут стоять, накрытые сверху, в длинной, относительно неглубокой части ямы. После недели активного махания лопатой Роджер начал сомневаться, стоит ли отдаленная перспектива постройки санузла таких героических усилий. Но Бри стояла на своем, жену, как и ее отца, невозможно было свернуть с намеченного пути, хотя методы у них были разные.

Джейми бодро орудовал лопатой, забрасывая грязь в ведро и сопровождая работу краткими восхищенными возгласами, удивляясь тому, как легко и быстро можно копать с таким изобретением. Несмотря на смутные представления о ее профессии, Роджер испытывал гордость за изобретения жены.

– Сначала маленькие горящие палочки-спички, – шутливо сказал Джейми, – теперь лопаты. Что дальше?

– Боюсь предположить, – немного печально ответил Роджер, заставив Джейми расхохотаться.

Когда ведро наполнилось, Роджер забрал его и выкинул землю, пока Джейми наполнял второе. Не сговариваясь, они продолжали работу – Джейми копал, Роджер опустошал ведра. Они справились с оставшимися дюймами на диво быстро.

Джейми вылез из ямы и присоединился к Роджеру, с удовлетворением разглядывая плоды их труда.

– Если не сработает как печь, – заметил Джейми, – она сможет превратить ее в погреб.

– Не проматывай, и не будешь нуждаться, – согласился Роджер. Они

стояли, заглядывая внутрь ямы, а ветер трепал их мокрые рубашки. Теперь, когда они перестали двигаться, ощущалась прохлада.

– Как думаешь, вы можете вернуться назад, ты и девчушка? – спросил Джейми. Он сказал это так обыденно, что Роджер не понял, о чем речь, пока не увидел лицо тестя, излучавшее невозмутимое спокойствие. Он уже знал, что за этим выражением обычно скрывается сильная эмоция.

– Назад, – неуверенно повторил он. Конечно, он не имел в виду... Хотя нет, именно это он и подразумевал. – Ты имеешь в виду, через камни?

Джейми кивнул, казалось, он был страшно увлечен стенами ямы, из которых пучками свисали высохшие корни и выпирали заостренные края камней.

– Я думал об этом, – сказал Роджер после небольшой паузы. – Мы думали. Но... – Он прервался, не в силах закончить фразу.

Тем не менее Джейми снова кивнул, словно понял зятя. Роджер подумал, что Джейми и Клэр тоже обсуждали эту тему, возможно даже так, как это делали они с Бри – взвешивая все аргументы за и против. Переход был опасен, и ему не стоило недооценивать эти опасности, особенно в свете того, что рассказала ему Клэр о Доннере и его товарищах. Что, если ему удастся пройти, а Бри и Джемми нет? Об этом даже подумать было страшно.

Кроме того, даже если им удастся успешно пройти через камни, остается еще боль разлуки, и он должен был признать, для него разлука будет не менее болезненной. Несмотря на все ограничения и неудобства, Ридж был их домом.

Этим соображениям, однако, противостояли опасности настоящего. Четыре всадника апокалипсиса уже всю разъезжали здесь – не требовалось никаких особых умений, чтобы уловить угрозу скорого голода и чумы. И бледный конь и его всадник по имени Смерть появлялись теперь часто и неожиданно.

На это Джейми и намекал, запоздало догадался он.

– Ты хочешь сказать, из-за войны.

– О’Брайаны, – тихо произнес Джейми. – Это ведь случится снова, понимаешь? И не единожды.

На дворе стояла весна, не осень, но холодный ветер, продувавший насквозь, был таким же, как тот, что сдувал коричневые и желтые листья с лица маленькой девочки. Роджер вдруг ясно увидел их обоих: Джейми и себя самого, стоящих сейчас поверх похожей на пещеру дыры, будто двое перепачканных скорбящих на краю свежей могилы. Он развернулся спиной к яме, вглядываясь в свежую зелень каштанов.

– Знаешь, – сказал он после долгого молчания, – когда я впервые понял, кто такая Клэр, кто мы такие, в общем, все это, я подумал: «Как увлекательно!» Увидеть в реальности, как делается история! Честно говоря, может, я за этим и пришел, равно как и за Бри. Тогда мне так казалось.

Джейми коротко рассмеялся, повернувшись к нему.

– Вот как! Ну и как? Увлекательно?

– Увлекательней не придумаешь, – сухо заверил его Роджер. – Но почему ты спрашиваешь об этом теперь? Ведь еще год назад я сказал тебе, что мы остаемся.

Джейми кивнул, поджав губы.

– Да. Дело в том, что... Я подумываю продать один или несколько драгоценных камней.

Это слегка озадачило Роджера. Он, конечно, никогда всерьез об этом не задумывался, но знание, что камни где-то рядом, на всякий случай... До сего момента он не отдавал себе отчета в том, какое чувство защищенности придавало это знание.

– Они твои, ты можешь их продать, – осторожно ответил он. – Но почему сейчас? Все так сложно?

Джейми бросил на него косой взгляд.

– Сложно, – повторил он слова Роджера. – Да, можно и так сказать. – И приступил к краткому изложению ситуации.

Бандиты уничтожили не только всю годовую партию виски, но и солодовню, которую только теперь начали восстанавливать. Это означало, что в этом году у них не будет излишка превосходного алкоголя для обмена и торговли.

К тому же в Ридже проживали двадцать две семьи арендаторов, нуждающихся в опеке. Большинство из них с трудом справлялись с местностью и новым трудом, о котором не имели никакого представления. Они могли только выживать, постепенно приспосабливаясь к новым условиям.

– А еще, – угрюмо добавил Джейми, – есть майор Макдональд... О, легок на помине.

Майор собственной персоной вышел на крыльцо, ярко-красный мундир бросался в глаза на утреннем солнце. Роджер заметил, что он был одет по-дорожному, во всеоружии, на голове парик, в руках шляпа.

– Вижу, это был недолгий визит.

Джейми грубовато ухмыльнулся.

– Достаточно долгий, чтобы попытаться склонить меня к покупке тридцати мушкетов, с пулями и порохом, за свой счет заметь, которые

Корона со временем выкупит, – добавил он таким ядовитым тоном, что было ясно, насколько долго, по его мнению, займет последующий выкуп.

– Тридцать мушкетов. – Роджер задумался об этом, поджав губы и беззвучно присвистнув. Джейми даже не мог позволить купить себе оружие взамен того ружья, что он подарил Птице за его помощь в походе в Браунсвилль.

Джейми пожал плечами.

– А еще есть разные мелочи вроде приданого, что я обещал Лиззи Уэмисс, – она выходит замуж этим летом. И мать Марсали – Лаогера... – Он осторожно посмотрел на Роджера, не уверенный, как много тот знает о Лаогере. Больше, чем Джейми хотелось бы, подумал Роджер, и невозмутимо посмотрел в ответ.

– Я выплачиваю ей кое-какое содержание. Мы можем жить и с тем, что у нас есть. Но для остальных... Мне нужно продать либо землю, либо камни. От земли я не готов отказаться. – Его пальцы беспокойно застучали по бедру, затем остановились, он поднял руку, чтобы помахать майору, который только что заметил их на другом конце поляны.

– Понятно. Что ж...

Если обойтись без лирических отступлений, то это было необходимо сделать. Глупо удерживать состояние в виде драгоценных камней только потому, что однажды они могут понадобиться для некоего мистического и рискованного предприятия.

Тем не менее эта новость заставила Роджера ощутить пустоту внутри, словно он спускался на веревке вниз по откосу и кто-то вдруг перерезал страховочный трос.

Джейми выдохнул.

– Вот и порешили. Я пошлю один с Бобби Хиггинсом его светлости в Вирджинию. По крайней мере, он устроит выгодную сделку.

– Да, это... – Роджер запнулся, его внимание отвлекла картина, разворачивающаяся прямо перед его носом.

Майор, будучи, очевидно, в прекрасном настроении после плотного завтрака, сошел с крыльца и направлялся к ним, не обращая никакого внимания на белую свиноматку, вылезшую из своего логова под домом и рыскавшую теперь вдоль стены в поисках собственного завтрака. Потребовались считанные секунды, чтобы она заметила майора.

– Эй! – крикнул Роджер и тут же почувствовал, как в горле что-то разорвалось. Его пронзила резкая боль, и он замер, схватившись за шею, пораженный внезапной немотой.

– Берегись, там свинья! – заорал Джейми, размахивая руками и

страстно жестикулируя. Майор вытянул шею, приложив ладонь к уху, уловил повторяющиеся вопли «Свинья!» и стал дико оглядываться по сторонам. Он заозирался как раз вовремя, чтобы заметить, что белая свиноматка уже пустилась в тяжеловесную рысь и раскачивала клыками из стороны в сторону, преследуя добычу.

Было бы разумнее развернуться и вернуться обратно на крыльцо, но вместо этого охваченный паникой майор бросился убежать от свиньи, направляясь прямо к Джейми и Роджеру, которые в свою очередь тут же кинулись врассыпную.

Оглянувшись назад, Роджер увидел, что майору удалось немного оторваться, по-видимому, он нацелился на хижину. Однако между майором и конечной точкой назначения разверзлась открытая печная яма, незаметная в высокой весенней траве, через которую скакал Макдональд.

– Там яма! – закричал Роджер, но вылетевшие слова были похожи на сдавленное карканье. Тем не менее майор, казалось, услышал и повернул багровое лицо с выпученными глазами в его сторону. Наверное, ему послышалось «Свинья!», потому что он обернулся через плечо. Свинья прибавила в скорости, маленькие розовые бусины глаз хищно поблескивали в предвкушении.

Это была почти роковая ошибка: шпоры майора зацепились друг за друга и он плашмя рухнул в траву, выпустив из рук шляпу, которую держал при себе всю погоню, – она живописно взлетела в воздух.

Роджер мгновение раздумывал, затем развернулся и бросился на подмогу, выкашливая проклятия по дороге. Он увидел, что Джейми тоже бежит назад, держа наготове лопату, – хотя даже металлическая лопата казалась каким-то жалким оружием против свиньи весом в пятьсот фунтов.

Макдональд уже спешно поднимался на ноги и, прежде чем оба успели добежать до него, бросился прочь таким галопом, словно сам дьявол надувал ему фалды. Бряцая оружием, с лицом, пунцовым от страха, он уносил ноги, прыгая через траву, как заяц... А затем исчез. Только что он был здесь, и вот испарился как по волшебству.

Джейми широко раскрытыми глазами посмотрел на Роджера, затем на свинью, резко притормозившую на краю печной ямы. Двигаясь очень осторожно и не спуская глаз со свиньи, он боком приблизился к яме, отводя взгляд в сторону, словно боялся узнать, что лежит на дне.

Роджер встал рядом с Джейми, заглядывая вниз. Майор Макдональд упал в глубокую часть и теперь лежал, свернувшись калачиком, как еж. Руки он сложил на парике, чудом удержавшимся у него на голове во время гонки и падения, хотя тот и был теперь покрыт грязью и клочками травы.

– Макдональд? – позвал его Джейми. – Ты не ушибся, дружище?

– Она еще там? – прохрипел майор, не меняя положения тела.

Роджер взглянул на противоположную сторону ямы, где свинья уже уткнулась мордой в траву на небольшом отдалении.

– Эээ... да, она здесь. – Удивительно, но голос вернулся, хоть и был немного хриловат. Роджер прочистил горло и заговорил громче: – Впрочем, вам не стоит волноваться. Она целиком поглощена поеданием вашей шляпы.

Глава 41

Оружейник

Джейми проводил Макдональда до Куперсвиля, там он направил майора на дорогу в Солсбери, снабдив провизией, потрепанной шляпой от непогоды и небольшой бутылкой виски, которая должна была укрепить его сломленный дух. После этого он с облегчением повернул к дому Макгилливреев.

Робин трудился в кузнице, окруженный запахом раскаленного металла, деревянной стружки и оружейного масла. Долговязый молодой человек с грубым лицом надувал кузнечные меха, но на лице его при этом было мечтательное выражение, которое выдавало рассеянность.

Он заметил тень Джейми, когда тот вошел, и, подняв на него глаза, коротко кивнул, тут же вернувшись к своему занятию.

Робин выковывал плоские пластины из железной болванки; цилиндр, вокруг которого он собирался их обернуть, чтобы сделать оружейный ствол, стоял рядом, зажатый между двумя колодами. Джейми осторожно прошел внутрь, избегая раскаленных искр, и в ожидании уселся на ведро.

Это жених Сенги за мехами... Хайнрих. Хайнрих Штрассе. Джейми безошибочно выхватил имя из сотен, хранившихся в его голове, и вместе с именем пришло все, что он знал о юном Хайнрихе и его семье. Силой воображения эти связи возникали вокруг длинного, мечтательного лица юноши, замысловато упорядоченные, как узор снежинки.

Джейми всегда смотрел на людей таким образом, но редко отдавал себе в этом отчет. Было, однако, что-то в форме лица Штрассе, что усиливало эти образы: длинная прямая линия лба, носа и подбородка с глубокой ямочкой, подчеркнутого лошадиной верхней губой, поперек лицо было не таким широким, но горизонтальная линия выделена удлинненными, узкими глазами и прямыми черными бровями.

Джейми видел происхождение юноши – средний из девятерых детей, но самый старший из мальчиков, сын властного отца и матери, которая отвечала на властность уловками и тихой злостью, – эти детали выстраивались тонкой линией над его заостренной макушкой. Религия – лютеранин, но не слишком ревностный, раздвоенный кружевной воротничок под таким же раздвоенным подбородком. Отношение к Робину теплое, но с опаской, как и подобает свежее испеченному зятю и ученику, торчало, как колючка, возле правого уха, отношение к Уте – смесь ужаса и робости – заняло место у левого уха.

Джейми слишком увлекся наблюдениями и заставил себя оторвать взгляд, переключив внимание на верстак Робина, – ему не хотелось смущать парня своим разглядыванием.

Оружейная пребывала в беспорядке: древесные и металлические стружки валялись на верстаке вперемешку с гвоздями, резаками, молотками, деревянными брусками, грязными лоскутами и брикетами древесного угля. Несколько листов бумаги были придавлены испорченным прикладом, который раскололся в процессе изготовления, их запачканные края дрожали от кузнечного жара. Джейми не придавал бы этому значения, если бы не разглядел рисунок – эти тонкие решительные линии он узнал бы где угодно.

Нахмурившись, он поднялся и вытянул листы из-под приклада. Подробные чертежи ружья – винтовка, ствол в разрезе, канавки и выступы резьбы ствола четкие, но необычные. Один рисунок изображал ружье целиком, форма была знакомой, если исключить странные роговидные отростки на стволе. Но на другом... винтовка выглядела так, будто кто-то сломал ее об колено: будто она треснула поперек, приклад и ствол смотрели вниз в противоположных направлениях, соединенные только... что это за крепление такое? Он прищурил один глаз, рассматривая.

Затихший кузнечный молот и громкое шипение горячего металла в бочке с водой заставили его поднять глаза.

– Твоя девчушка показывала их тебе? – спросил Робин, кивнув на листы. Он вытянул край рубашки из-под кожаного фартука и утер вспотевшее лицо, вид у него был веселый.

– Нет. Чего это она задумала? Хочет, чтобы ты сделал ей ружье? – Он отдал рисунки оружейнику, тот пролистал их, хмыкая с интересом.

– О, вряд ли она за такое сможет расплатиться, Мас Dubh, если только Роджер Мак не откопал горшок с золотом на той неделе. Нет, она только рассказывала о своих идеях по усовершенствованию винтовок, спрашивала, сколько будет стоить такая штуковина. – Циничная усмешка, прятая в

уголке рта, превратилась в откровенную улыбку, и Робин сунул листы обратно Джейми. – Сомнений нет, она твоя, Mac Dubh. Какая другая девушка стала бы тратить время на мысли об оружии, а не о платьях и младенцах?

В этом комментарии была острая шпилька – Брианна явно вела себя куда более прямолинейно, чем следовало. Но он пропустил критику мимо ушей – сейчас ему нужно было расположение Робина.

– Ну, у каждой женщины свои причуды, – мягко заметил Джейми. – Я думаю, даже у маленькой Лиззи они есть, но Манфред присмотрит за ней, я уверен. Он сейчас в Солсбери? Или в Хиллсборо?

Робин Макгилливрей был отнюдь не глупым человеком. Резкая перемена темы заставила его приподнять одну бровь, но он ничего не сказал. Вместо этого он послал Хайнриха в дом за пивом и дождался, пока парень скроется из виду, прежде чем повернуться к Джейми.

– Мне нужно тридцать мушкетов, Робин, – сказал тот без лишнего расшаркивания. – И они нужны мне быстро – максимум через три месяца.

Лицо оружейника стало комически пустым от удивления, но лишь на мгновение. Затем он моргнул и закрыл рот, возвращаясь к своей обычной сардонической усмешке.

– Собираешь свою армию, Mac Dubh?

Джейми только улыбнулся на это. Если пойдет молва, что он намеревается вооружить своих арендаторов и собирает собственный Комитет безопасности в ответ на бандитизм Ричарда Брауна, вреда от этого не будет, только польза. А вот если станет известно, что губернатор тайно пытается вооружить дикарей на случай восстания на удаленных территориях и что он, Джейми Фрэзер, его посредник в этом деле, появится отличный повод для его убийства и разорения, не говоря уже о том, что могут последовать и другие проблемы.

– Сколько ты найдешь для меня, Робин? И когда?

Оружейник прищурился, обдумывая, затем бросил на него косой взгляд.

– Деньги?

Он кивнул, губы Робина сжались, изображая беззвучное присвистывание. Оружейник, как и все прочие, отлично знал, что денег на Ридже нет, не говоря уже о той сумме, которая потребуется, чтобы купить такое количество оружия.

Он видел, как Робин прикидывает, откуда могли взяться деньги, но вслух оружейник ничего не сказал. Макгилливрей напряженно прикусил нижнюю губу, раздумывая, но быстро расслабился.

– Я могу найти шесть, может, семь, между Солсбери и Салемом. Брюгге, – назвал он моравского оружейника, – может, сделает одно или два ружья, если будет знать, что это для тебя... – Видя, как Джейми качнул головой в ответ, он покорно кивнул. – Ага, итак, стало быть, семь. Мы с Манфредом сладим, наверное, еще три. Тебе нужны обычные мушкеты, никаких новшеств? – Он кивнул на рисунки Брианны с прежней усмешкой.

– Никаких новшеств, – ответил Джейми, улыбаясь. – Итак, всего десять. – Он выжидал. Робин вздохнул, посерьезнев.

– Я поспрашиваю, – сказал он. – Но это дело непростое. Особенно если ты не хочешь, чтобы звучало твое имя, а я так понимаю, ты не хочешь.

– Ты – человек осторожный и редкого ума, Робин, – серьезно отозвался Джейми, заставив его рассмеяться.

Но все это было правдой: Робин Макгилливрей сражался вместе с ним при Каллодене, жил с ним три года в Ардсмуире: Джейми мог бы доверить ему свою жизнь и делал это. Он уже начинал жалеть, что свинье не удалось-таки сожрать Макдональда, но выбросил недостойную мысль из головы и хлебнул пива, принесенного Хайнрихом.

Джейми еще немного вежливо поболтал о разной ерунде и попрощался. Он поехал на Гидеоне, чтобы составить компанию Макдональду, но собирался оставить коня в сарае Дэя Джонса. После длительных переговоров было решено, что Гидеон покроет пятнистую кобылу Джона Вулама, а она прибудет, когда Вулам вернется из Бэр-Крика. Когда осенью поспеет урожай, Джейми прибережет центнер ячменя и бутылку виски для Дэя за его посредничество.

Перекинувшись парой слов с Дэем, Джейми не смог понять, был ли кузнец действительно так немногословен или говорил мало только потому, что уже не верил, что шотландцы начнут понимать его уэльский певучий выговор. Джейми бодро хлопнул Гидеона по шее и оставил коня есть зерно и приводить себя в форму перед появлением пятнистой кобылы.

Дэй предложил ему поесть, Джейми отказался: он был голоден, но ему страстно хотелось пройти пять миль до дома в одиночестве. День был прекрасный, светло-голубой, весенние листья шелестели над головой, и уединение было в радость. Решение было принято, когда он попросил Робина найти оружие. Но ситуация требовала серьезных размышлений.

Вокруг было шестьдесят четыре деревни чероки: в каждой свой верховный вождь, а также мирный вождь и военный вождь. Только пять из этих деревень находились в зоне его влияния – три деревни племени Снежной Птицы и еще две, которые принадлежали чероки из Оверхила. Эти, размышлял он, последуют за лидерами Оверхила, не считаясь с его

мнением.

Роджер Мак знал относительно мало о чероки и о том, какую роль они сыграют в грядущей войне. Единственное, что он мог сказать, – чероки не принимали в ней массового участия. Некоторые деревни участвовали в конфликте, но сражались и по ту сторону, и по другую.

Что ж, это хорошо. Навряд ли его слова или действия изменят ход войны, это утешительно. Но он не мог отделаться от мысли, что его собственное время стать перебежчиком неумолимо приближается. Пока что его все знали как верноподданного Его Величества, консерватора, действующего в интересах Джорди, подкупающего дикарей и распространяющего среди них оружие, чтобы умерить мятежные настроения регуляторов, либералов и будущих республиканцев.

В какой-то момент эта маска должна упасть, чтобы обнаружить в нем волка в овечьей шкуре – мятежника и предателя. Но когда? Он буднично подумал о том, будет ли к тому времени назначена цена за его голову и если да, то какая.

С шотландцами проблем может и не быть. Какими бы упертыми и злопамятными они ни были, он один из них. Когда придет время, личная симпатия смягчит гнев от его предательства.

Нет, он больше волновался из-за индейцев – к ним он пришел как агент короля. Как объяснить им эту внезапную перемену? Более того, как сделать это так, чтобы они остались его союзниками. Они-то наверняка расценят это как предательство в худшем случае, а в лучшем – как очень подозрительное поведение. Вряд ли его убьют, но как, во имя всего святого, втянуть их в мятеж, когда они наслаждаются стабильными и плодотворными отношениями с Его Величеством.

Господи, еще ведь был Джон. Что он скажет своему другу, когда придет время? Убедит его логическими доводами и риторикой, что он тоже должен поменять сторону? Джейми выпустил воздух сквозь сжатые зубы и отчаянно мотнул головой, пытаясь, совершенно безуспешно представить Джона Грея, старого солдата, экс-губернатора, воплощенный дух верности и чести, внезапно объявляющим себя мятежником и республиканцем.

Он продолжал шагать, еще некоторое время раздираемый этими противоборствующими образами, но постепенно обнаружил, что прогулка успокаивает его воспаленный ум, а мирный день дарит легкость. До ужина еще хватит времени сходить порыбачить с маленьким Джемом. Солнце светило ярко, но под деревьями скапливалась влажность, сулившая первый выводок мух и мошек у воды. Он всем существом ощущал, что ближе к закату поднимется форель.

С такими мыслями он встретил свою дочь чуть ниже Риджа. Его сердце подпрыгнуло при виде ее волос, струившихся по спине красным золотом.

– Cìamar a tha thu, a nighean^[101]? – спросил он, целуя в щеку.

– Tha mi gu math, mo athair^[102], – ответила она, улыбаясь. Но он заметил тревожную морщинку на ее гладком лбу, словно мошка на поверхности пруда с форелью.

– Я тебя ждала, – сказала она, беря его под руку. – Хотела поговорить с тобой до того, как завтра ты уйдешь к индейцам. – В ее тоне было что-то, из-за чего все мысли о рыбе вылетели у него из головы.

– Да?

Она кивнула, но, кажется, ей было трудно подобрать слова – это был еще более тревожный симптом. Но он не мог помочь ей, пока не узнает, о чем речь в общих чертах, так что он поощрительно молчал, шагая с ней рядом. Рядом пересмешник практиковался в своем искусстве, перебирая весь репертуар. Эта птица жила в ветвях красного кедра за домом: Джейми распознал ее голос, потому что время от времени она прерывала свою трель и выводила нечто сильно напоминающее ночные песнопения Адсо.

– Когда ты говорил с Роджером про индейцев, – наконец выдавила Брианна, поворачиваясь к нему, – он упоминал что-нибудь вроде Дороги Слез?

– Нет, – заинтригованно отозвался он. – Что это?

Она поморщилась, чуть опуская плечи, – знакомый жест.

– Я предполагала, что он мог об этом не вспомнить. Он рассказал тебе все, что знал об индейцах и революции, не так уж много, это не его специализация, но это случилось... случится позже, уже после революции. Так что он мог решить, что это неважно. Может, так и есть.

Она колебалась, как будто надеясь, что он скажет ей, что это неважно. Но он молча ждал. Она вздохнула и опустила глаза на свои ступни. На ней были сандалии без чулок, и ее длинные голые пальцы были покрыты дорожной пылью. Вид ее голых ступней вызывал в нем странную смесь гордости за их изящную форму и смутного стыда за размер, но, поскольку он был в ответе за обе характеристики, то не имел права жаловаться.

– Примерно через шестьдесят лет, – сказала Бри наконец, глядя в землю, – американское правительство выдворит чероки с их земли и переселит их. Очень далеко – в место под названием Оклахома. Это примерно тысяча миль отсюда, сотни индейцев умрут в дороге от голода и истощения. Вот почему они называли это, вернее назовут, Дорогой Слез.

Джейми был впечатлен перспективой того, что появится правительство, которому подобное будет под силу, и сказал об этом. Она бросила на него недобрый взгляд.

– Они смошенничают. Им удастся уговорить некоторых вождей на сделку, они пообещают им награду и новый статус, но не выполнят обещаний.

Джейми пожал плечами.

– Так обычно и ведут себя правительства, – мягко заметил он. – Зачем ты рассказываешь мне это, девочка? Я буду, хвала Господу, уже мертв, когда все это начнется.

Лицо ее на мгновение изменилось, когда он упомянул о своей смерти, и Джейми тут же пожалел о своем легкомыслии. Однако прежде, чем он успел извиниться, Бри расправила плечи и продолжила:

– Я рассказываю тебе, потому что думаю, что ты должен знать, – объяснила она. – Не все чероки уйдут – некоторые из них укроются в горах, и армия не найдет их.

– Да?

Она повернула голову и взглянула на него трогательно и искренне: глаза, направленные на него, были копией его собственных.

– Ты не понимаешь? Мама рассказала тебе о Каллодене. Ты не смог это остановить, но ты сохранил Лаллиброх. И своих людей, твоих арендаторов. Потому что ты знал.

– О господи, – сказал он, с ужасом осознавая, что она имеет в виду.

Воспоминания нахлынули на него: ужас, отчаяние и неопределенность того времени, немое оцепенение, которое сопровождало его в тот последний роковой день.

– Ты хочешь, чтобы я сказал Птице.

Она потерла рукой лицо и покачала головой.

– Я не знаю. Я не знаю, должен ли ты сказать ему и станет ли он вообще тебя слушать. Но мы с Роджером говорили об этом после того, как ты спросил его об индейцах. И я думала об этом... и это кажется неправильным – знать и ничего не сделать. Поэтому я подумала, что лучше поговорить с тобой.

– О, ясно, – ответил он немного безразлично.

Он и прежде замечал у совестливых людей привычку избавляться от ответственности, поручая решение проблем кому-то другому, но смог удержаться от едкого комментария. В конце концов, вряд ли она могла поговорить с Птицей сама.

Как будто переговоры с чероки до сих пор были такими простыми,

подумал он с иронией. Теперь ему нужно заниматься спасением будущих поколений дикарей? В довершение всего пересмешник пронесся буквально у него над ухом, крича, как наседка. Это было так неуместно, что он засмеялся. А потом понял, что ничего другого ему не оставалось. По крайней мере пока.

Брианна смотрела на него с любопытством.

– Что ты намерен делать?

Джейми медленно, с наслаждением потянулся, чувствуя, как мышцы спины натягиваются на костях, он ощущал каждую – он был жив. Солнце катилось за горизонт, уже начали готовить ужин. Этим вечером ему ничего не нужно делать.

– Я собираюсь на рыбалку, – сказал он, улыбаясь своей прелестной, необычной и непростой дочери. – Приведи мне малыша, хорошо? Я возьму удочки.

* * *

*От Джеймса Фрэзера, эсквайра. Ридж Фрэзера.
Лорду Джону Грею, Плантация Маунт Джосайя.
2 апреля 1774 года.*

Милорд,

Утром я отправляюсь с визитом к чероки и потому оставляю это письмо моей жене, чтобы она передала послание мистеру Хиггинсу в его следующий визит, который вместе с посылкой должен будет доставить корреспонденцию Вам лично в руки. Рассчитываю на Вашу доброту и заботу о моей семье, обращаясь к Вам за любезностью продать предмет, который вы найдете в посылке. Подозреваю, что Ваши связи позволят Вам сторговать лучшую цену, чем если я сам займусь продажей. К тому же Вам удастся совершить сделку, не привлекая лишнего внимания. Надеюсь по возвращении изложить Вам причины моих действий вкупе с некоторыми размышлениями философского толка, которые могут Вам показаться интересными. До тех пор доверьтесь мне.

Ваш любящий друг и покорный слуга, Дж. Фрэзер

Глава 42

Генеральная репетиция

Бобби Хиггинс тревожно поглядывал на меня из-за кружки с пивом.

– Прошу прощения, мэм, – сказал он. – Но вы же не думаете подвергнуть меня еще какой-нибудь процедуре? Черви исчезли, в этом я уверен. А другое... ну, то, – он покраснел и заерзал по скамье, – там все в порядке. Я ем кучу бобов и регулярно пускаю газы, и больше никаких лезвий я не чувствую.

Джейми частенько говорил, что у меня все на лице написано, но пронизательность Бобби меня впечатлила.

– Приятно слышать, – сказала я, уклоняясь от ответа. – У тебя цветущий вид, Бобби.

Так оно и было. Его бледность и истощенность исчезли, щеки алели здоровым румянцем, а глаза блестели. На ослепшем глазу не появилось бельма, и он не блуждал беспорядочно. У него должна была сохраниться способность различать цвет и формы предметов. Этот факт убедил меня в том, что первоначальный диагноз – частичное отслоение сетчатки – был верен.

Бобби слабо кивнул и отхлебнул из кружки, не отводя от меня глаз.

– Так и есть, мэм. Я отлично себя чувствую.

– Замечательно. Ты, случайно, не знаешь свой вес, Бобби?

Выражение опаски исчезло с его лица и сменилось сдержанной гордостью.

– Так уж вышло, что знаю, мэм. В прошлом месяце я перевозил овчину на речной порт для его светлости, там был торговец, у которого были весы, чтобы измерять табак, рис или куски индиго. Мы с еще парой ребят спорили, сколько весит то и это и... В общем, во мне десять стоунов и четыре фунта^[103], мэм.

– Очень хорошо, – сказала я одобрительно. – Судя по всему, повар лорда Джона отлично тебя кормит.

Когда я впервые увидела парня, то в нем не могло быть больше ста десяти фунтов^[104]. Сто сорок четыре фунта было все еще недостаточно для мужчины ростом в шесть футов, но тем не менее прогресс был налицо. К тому же было большой удачей, что он в точности знал свой вес.

Конечно, если я не поспешу, он легко наберет еще пару стоунов: миссис Баг вознамерилась превзойти индийского повара лорда Джона (о котором мы были наслышаны), так что в тарелке у Бобби уже оказались

яйца, лук, оленина и кусочек свиного пирога, и это не говоря уже о корзинке ароматных кексов, стоявшей перед ним.

Лиззи, сидевшая рядом со мной, взяла один из них и намазала его маслом. Я с удовлетворением заметила, что у нее тоже вполне здоровый вид – на щеках румянец. Как бы то ни было, нужно будет не забыть взять у нее кровь, чтобы проверить активность малярийных паразитов. Я это проверну, когда она будет без сознания. Нет никакой возможности узнать ее точный вес, к сожалению, но она навряд ли весит больше семи стоунов^[105], хрупкое создание.

Теперь Роджер и Бри на другой чаше весов... Роджер должен весить по крайней мере сто восемьдесят пять фунтов^[106], Бри, наверное, сто пятьдесят^[107]. Я взяла кекс, обдумывая, как лучше все устроить. Роджер, разумеется, согласится на это, если я его попрошу, но Бри... Здесь нужно проявить осторожность. В десять лет ей удалили железы под наркозом, и все это ей не очень понравилось. Если она узнает, что я задумала, и станет высказываться на эту тему, то может спугнуть остальных подопытных кроликов.

Окрыленная своим успехом в изготовлении эфира, я не подумала о том, насколько сложно будет проверить мое изобретение на практике. Мистер Кристи вполне мог быть упрямым засранцем, как Джейми иногда его называл, но он был не одинок в своем неприятии перспективы внезапно оказаться без сознания.

Мне казалось, что отсутствие боли по умолчанию желанно, но не для людей, которые никогда с этим не сталкивались. У них не было подходящего контекста, в который они могли бы поместить такой опыт, и хотя они вряд ли считали эфир папистскими проделками, предложение целиком избавиться от боли расходилось с представлениями о священном устройстве мира.

К счастью, Бобби и Лиззи были целиком мне преданы, так что я была убеждена, что мне удастся уговорить их – или применить тонкую манипуляцию – на эксперимент. Если позже они отзовутся об этом положительно... Но отношения с арендаторами – это только полдела.

Моя идея была вызвана необходимостью испробовать эфир на нескольких субъектах, скрупулезно описывая результаты. Испуг перед рождением Анри-Кристиана продемонстрировал мне, насколько безалаберна была моя подготовка. Мне нужно было понимать, в какой пропорции с весом использовать эфир, насколько длительный эффект бывает от разных доз и какова глубина наркоза. Последнее, чего бы мне

хотелось, – это проводить полостную операцию и, будучи по локоть в чьих-нибудь кишках, обнаружить, что пациент с воплем очнулся.

– Вы снова это делаете, мэм. – Бобби, неспешно уплетая ужин, изогнул бровь и сузил глаза, глядя на меня.

– Что? Что делаю? – Я изобразила невинность, принимаясь за кусок пирога со свининой.

– Наблюдаете за мной. Как удав за кроликом перед тем, как наброситься на него. Так ведь? – обратился он к Лиззи.

– Да, так, – согласилась Лиззи, лукаво мне улыбаясь. – Но так уж она смотрит. А из тебя получится большой кролик, Роджер. – Будучи шотландкой, она произнесла это слово с сильным акцентом, заставив Бобби рассмеяться и поперхнуться кексом.

Миссис Баг заботливо похлопала его по спине, Бобби судорожно глотал воздух с покрасневшим лицом.

– Ну, что стряслось с ним на этот раз? – спросила она, обойдя его и с подозрением сощутив глаза. – У тебя опять запоры, парень?

– Опять? – спросила я.

– О нет, мэм, – прохрипел он. – Боже упаси! Это было только раз, когда я наелся неспелых яблок. – Он поперхнулся, закашлялся и выпрямился, прочищая горло.

– Прощу вас, мы можем не говорить о моем кишечнике, мэм? – попросил он жалобно. – Хотя бы за завтраком.

Я чувствовала, как Лиззи рядом со мной затряслась от беззвучного смеха, но она при этом скромно смотрела в свою тарелку, чтобы не смущать Бобби еще сильнее.

– Ну конечно, – сказала я с улыбкой. – Я надеюсь, ты удержишься у нас на пару дней, Бобби?

Он приехал днем раньше, привезя с собой обычный набор газет и писем от лорда Джона вместе с восхитительным подарком для Джемми – музыкальной табакеркой, присланной из Англии стараниями сына лорда Джона, Уилли.

– О да, мэм, – заверил он меня с набитым кексом ртом. – Его светлость сказал, что я должен привезти письмо от мистера Фрэзера, значит, мне нужно его дожидаться, так ведь?

– Конечно. – Джейми с Йеном отправились к чероки неделю назад, скорее всего, им понадобится еще не меньше недели – довольно времени для моих экспериментов.

– Я могу что-то сделать для вас, мэм? – спросил Бобби. – То есть я хочу сказать, что я здесь, а мистер Фрэзер и мистер Йен нет. – В его голосе

звучало удовлетворение – он отлично ладил с Йеном, но не было сомнений в том, что он ни с кем не желал делиться вниманием Лиззи.

– Вообще-то да, – отозвалась я, накладывая себе каши. – Раз уж ты упомянул об этом, Бобби...

К тому моменту, когда я закончила излагать свои планы, Бобби все еще выглядел здоровым, но уже не таким цветущим.

– Усыпить меня, – неуверенно повторил он. Он искоса взглянул на Лиззи, у которой на лице тоже было написано некоторое сомнение, но она слишком привыкла выполнять странные просьбы, чтобы протестовать.

– Ты уснешь совсем ненадолго, – заверила я его. – Скорее всего ты даже не заметишь.

Лицо его выражало скептицизм, и я видела, как он ищет какую-нибудь отговорку. Однако я предвидела такое развитие событий и достала свой козырь.

– Это не только для меня, чтобы я могла измерить дозу. Я не могу оперировать и контролировать наркоз одновременно. По крайней мере, это будет непросто. Мальва Кристи будет мне помогать, ей нужна практика.

– О, – произнес Бобби задумчиво. – Мисс Кристи. – По его лицу промелькнуло легкое мечтательное выражение. – Что ж, мне не хотелось бы подвести мисс Кристи.

Лиззи издала один из тех коротких и глубоких гортанных шотландских звуков, который умудрился вместить в себя усмешку, презрение и отчетливое неодобрение.

Бобби недоуменно взглянул на нее, кусочек пирога застыл на вилке.

– Ты что-то сказала?

– Кто, я? – отозвалась она. – Конечно, нет.

Она резко поднялась, держа перед собой фартук, аккуратно стряхнула крошки в очаг и повернулась ко мне.

– Когда вы думаете этим заняться? – спросила она требовательно, добавив красноречивое «мэм».

– Завтра утром. Процедуру нужно проводить на голодный желудок, так что мы сделаем все до завтрака.

– Отлично! – сказала она и промаршировала на выход.

Бобби моргнул ей вслед и недоуменно повернулся ко мне.

– Я что-то сказал?

Мы с миссис Баг понимающе переглянулись.

– Ничего такого, парень, – сказала она, накладывая ему еще яичницы. – Ешь-ка. Тебе понадобятся силы.

По моей инструкции Брианна с ее ловкими руками сделала маску из дубовых щепок. Это была достаточно простая конструкция: нечто вроде двойного каркаса, скрепленного так, чтобы половинки можно было разъединить и в середину поместить слой ткани, а затем скрепить снова. Эта штука напоминала бейсбольную маску кетчера, которая закрывает нос и рот.

– Капни столько эфира, чтобы материя полностью пропиталась и стала влажной, – инструктировала я Мальву. – Нам нужен быстрый результат.

– Да, мэм. О, пахнет странно, правда? – Она начала капать эфир в маску, чуть отвернув лицо в сторону и осторожно пригнувшись.

– Да. Осторожно, не вдыхай слишком много сама, – сказала я. – Не хотелось бы, чтобы ты отключилась прямо посреди операции.

Она рассмеялась, но послушно держала маску на расстоянии вытянутой руки.

Лиззи храбро согласилась быть первой, очевидно, с намерением переключить внимание Бобби с Мальвы на себя. Трюк сработал. Она лежала беспомощная, без чепца, ее мягкие светлые волосы соблазнительно рассыпались по подушке, а Бобби сидел рядом и трогательно держал ее за руку.

– Ну что ж, начнем. – У меня были минутные песочные часы – лучший вариант из имеющихся, чтобы отмерять время. – Осторожно положи маску ей на лицо. Лиззи, просто глубоко вдохни и считай со мной. Раз... Два... Боже, до чего быстрый эффект, верно?

Девушка сделала один глубокий вдох – ее грудь заметно поднялась, а на выдохе обмякла, как мертвая камбала. Я спешно перевернула песочные часы и подошла измерить ее пульс. Он был в норме.

– Подожди немного. Ты почувствуешь, когда она начнет приходить в себя – нечто вроде вибрации в теле, – объясняла я Мальве, одновременно наблюдая за Лиззи и за временем. – Положи руку ей на плечо... Вот здесь, чувствуешь?

Мальва кивнула, буквально подрагивая от нетерпения.

– Добавь две-три капли.

Она исполнила мое указание, затаив дыхание, и Лиззи с легким вздохом, похожим на то, как воздух выходит из проколотой шины, снова провалилась в наркотический сон.

Голубые глаза Бобби стали абсолютно круглыми, но он по-прежнему

яростно цеплялся за руку Лиззи.

Я измерила время до пробуждения еще раз или два, а потом позволила Мальве погрузить ее в более глубокий сон. Я держала скальпель наготове и тут же уколола палец Лиззи. Бобби судорожно вдохнул, когда на поверхности показалась кровь, переводя обеспокоенный взгляд с алой капли на безмятежное лицо девушки и обратно.

– Почему она ничего не чувствует? – воскликнул он. – Посмотрите, у нее ни один мускул не дернулся.

– Именно так, – отозвалась я с чувством глубокого удовлетворения. – Она ничего не будет чувствовать, пока не очнется.

– Миссис Фрэзер говорит, мы можем всерьез кого-нибудь разрезать, – проинформировала Бобби Мальва. – Добраться до той части, которую нужно вытащить, и пациент ничегошеньки не почувствует!

– Ну, по крайней мере до того момента, когда человек придет в себя, – довольно подтвердила я. – После, к сожалению, они почувствуют боль. Но это на самом деле удивительная вещь, – добавила я мягче, глядя в отсутствующее лицо Лиззи.

Я оставила девушку под наркозом, пока проверяла свежий образец крови, а затем сказала Мальве снять маску. Меньше чем через минуту ее веки задрожали. Она с любопытством огляделась вокруг и повернулась ко мне.

– Когда вы думаете начать, мэм?

Несмотря на заверения Бобби и Мальвы, что она по всем признакам выглядела мертвее мертвого последнюю четверть часа, Лиззи отказывалась верить в это, заявляя, что такого быть не могло. При этом объяснить саднящий палец и следы свежей крови она не могла.

– Ты помнишь маску у тебя на лице? – спросила я. – Помнишь, как я сказала тебе сделать глубокий вдох?

Она неуверенно кивнула.

– Да, помню. И помню, что на секунду почувствовала, будто задыхаюсь. Но в следующее мгновение я увидела, как вы все смотрите на меня.

– Что ж, похоже, единственный способ убедить ее, это продемонстрировать все наглядно, – сказала я, улыбаясь трем раскрасневшимся юным лицам. – Бобби?

Бобби, страстно желающий продемонстрировать Лиззи, как обстояло дело, запрыгнул на стол и послушно лег, хотя вена на его тонкой шее часто пульсировала, пока Мальва капала эфир в маску. Он сделал глубокий судорожный вдох, когда она накрыла его лицо. Чуть нахмурившись, он

сделал еще один, и еще, и наконец обмяк. Лиззи ошарашенно прижала руки ко рту.

– Иисус, Иосиф и Мария! – воскликнула она.

Мальва захихикала, наслаждаясь произведенным эффектом. Лиззи посмотрела на меня круглыми от изумления глазами, потом обратно на Бобби. Склонившись к его уху, она позвала его по имени – безрезультатно, потом подхватила его руку и осторожно потрясла. Рука безвольно задергалась от ее усилий. Она тихонько вскрикнула и оставила попытки. Лиззи выглядела довольно взволнованной.

– Он больше не может проснуться?

– Не проснется, пока мы не уберем маску, – надменно ответила ей Мальва.

– Да, но не нужно никого держать под наркозом дольше необходимого, – добавила я. – Слишком долгая анестезия вредит пациентам.

Мальва послушно позволила Бобби вернуться на грань сознания, а затем еще несколько раз погрузила в глубокий сон. Я тем временем делала замеры времени и дозы. Во время последнего замера я подняла глаза и увидела, что она напряженно и настойчиво всматривается в лицо Бобби, как будто сосредотачиваясь на чем-то. Лиззи ушла в противоположный угол комнаты и села на табурет, заплетая волосы в косу, чтобы убрать их под чепец. Очевидно, вид Бобби без сознания внушал ей тревогу.

Я встала и забрала маску у Мальвы из рук, откладывая ее в сторону.

– Отличная работа, – сказала я негромко. – Спасибо.

Она покачала головой, лицо ее сияло.

– О, мэм! Это было... Я никогда не видела ничего подобного. Это такое чувство! Как будто мы убили его, а потом воскресили. – Она развела руки в стороны, глядя на них полубессознательно, как будто удивляясь, как ей удалось сотворить такое чудо. Потом она сжала ладони в маленькие кулачки и заговорщицки улыбнулась мне.

– Думаю, я поняла, почему отец называет это проделками дьявола. Случись ему увидеть, что это такое... – Мальва посмотрела на Бобби, который уже начал шевелиться, – он бы сказал, что никто, кроме Господа, не имеет права делать подобное.

– Вот как, – отозвалась я довольно сухо. Судя по блеску в глазах, вероятная реакция ее отца на то, чем мы занимались, была одним из главных преимуществ участия в эксперименте. На мгновения я ощутила сочувствие к Томасу Кристи.

– Эм... возможно, в этом случае отцу лучше об этом не знать, –

сказала я.

Она улыбнулась, обнажив маленькие острые белые зубы, и закатила глаза.

– Не тревожьтесь об этом, мэм, – заверила она меня. – Он запретит мне приходить, если только узнает...

Бобби открыл глаза, повернул голову набок и изверг поток рвоты, прекращая нашу дискуссию. Лиззи вскрикнула и поспешила к нему, начав суесться вокруг. Она вытерла ему лицо и дала немного бренди. Мальва с видом превосходства осталась стоять рядом.

– О, но до чего странно, – повторил Бобби, кажется, в десятый раз, озадаченно приложив руку ко рту. – Я видел ужасную, ужасную вещь... Всего мгновение. Потом меня стошнило, и все закончилось.

– Какую такую ужасную вещь? – с любопытством спросила Мальва. Он посмотрел на нее, вид у него был неуверенный и чуть испуганный.

– Так и описать трудно, сказать по правде, мисс. Она была... темная. Фигура, что ли. Я подумал, что это женщина, но... чудовищная, – беспомощно закончил он.

Это был плохой знак. Галлюцинации нередко появлялись как побочный эффект от наркоза, но я не ожидала, что такое может случиться при настолько маленькой дозе.

– Ну, думаю, это был просто ночной кошмар, – сказала я успокаивающе. – Ты ведь уже понял, что это форма сна, так что нет ничего удивительного в том, что люди видят сны время от времени.

К моему удивлению, Лиззи на это затрясла головой.

– О нет, мэм, это совсем не похоже на сон. Ведь когда спишь, то твою душу охраняют ангелы, так что нечисть не может до нее добраться. Но это... – нахмурившись, она несколько мгновений рассматривала бутылку с эфиром, которая теперь была надежно заткнута пробкой, а потом подняла глаза на меня. – Я думала о том, куда отлетает душа...

– Эмм... – промычала я. – Ну, надо думать, она просто остается с твоим телом. Должна. То есть я хочу сказать, ты ведь не умираешь под наркозом.

Но Бобби и Лиззи решительно замотали головами в ответ.

– Не остается, – сказала Лиззи. – Когда спишь, ты все еще здесь. А с этим, – она указала на маску, и смутная тревога исказила ее тонкие черты, – тебя здесь нет.

– Это правда, мэм, – подтвердил Бобби. – Ты уже не здесь.

– Думаешь, души попадают в лимб – туда же, куда уходят души некрещеных младенцев? – спросила Лиззи обеспокоенно.

Мальва резко, не по-женски фыркнула.

– Лимба не существует, – сказала она. – Это все папские придумки.

От такого богохульства рот Лиззи непроизвольно открылся, к счастью, Бобби ее отвлек, почувствовав головокружение и необходимость прилечь. Казалось, Мальва была решительно настроена продолжить спор, но не ушла дальше повторения слов: «Папа... папские...». Она стояла, покачиваясь взад и вперед с приоткрытым ртом, моргая время от времени. Я перевела глаза на Лиззи, только чтобы увидеть ее остекленевший взгляд. Она широко зевнула и хлопнула на меня слезящимися глазами.

Я вдруг обнаружила, что и сама начинаю чувствовать легкое головокружение и слабость.

– Господи! – Я выхватила маску у Мальвы из рук и поспешно усадила девушку на табурет. – Нам нужно срочно от этого избавиться, а не то мы все потеряем сознание.

Я раскрыла маску, вытащила влажную прокладку из ваты и на вытянутой руке вынесла ее наружу. После этого я распахнула все окна в операционной, чтобы впустить свежий воздух и уберечь нас от отравления газом, но от эфира было не так-то просто избавиться. Тяжелее, чем воздух, он опускался на пол и собирался там в газовые озерца. Выгнать его без вентилятора или другого похожего приспособления представлялось довольно трудным. Возможно, мне придется оперировать на открытом воздухе, если эфир нужно будет использовать на протяжении долгого времени.

Я положила вату на камень, чтобы она просохла, и вернулась назад, надеясь, что они все слишком одурманены, чтобы продолжать философские дебаты. Мне совсем не хотелось, чтобы они продолжали думать в этом направлении. Если по Риджу пойдут разговоры о том, что эфир разлучает душу с телом, то никто и ни за что не позволит мне использовать анестезию, независимо от того, насколько отчаянной будет ситуация.

– Ну что ж, спасибо всем за помощь, – сказала я с улыбкой, входя в комнату. К моему облегчению, все трое выглядели вполне здоровыми. – Мы с вами сегодня сделали кое-что очень полезное и важное. Теперь вы все можете заняться своими делами, а я приберусь здесь.

Мальва и Лиззи замялись на мгновение, ни одна из них не хотела оставлять Бобби сопернице, но под нажимом моих выразительных взглядов обе неохотно двинулись на выход.

– Когда состоится ваша свадьба, мисс Уэмисс? – спросила Мальва непринужденно и достаточно громко, чтобы Бобби мог услышать вопрос. Мальва и без того это знала, как и всякий на Ридже.

– В августе, – холодно ответила Лиззи, подняв свой маленький носик на полдюйма. – Сразу после жатвы, мисс Кристи. – И тогда я стану миссис Макгилливрей, говорило ее удовлетворенное выражение, а вы – мисс Кристи – так и останетесь никому не нужной.

Не сказать, чтобы Мальва была не способна привлекать внимание молодых мужчин, – просто ее отец и брат решительно удерживали поклонников на расстоянии.

– Желаю вам всяческого счастья в замужестве, – ответила Мальва. Она бросила взгляд на Бобби Хиггинса, снова посмотрела на Лиззи и улыбнулась, сама невинность под ее строгим белым чепцом.

Бобби остался сидеть на столе, глядя вслед девушкам.

– Бобби, – сказала я, удивленная глубоким задумчивым выражением на его лице, – фигура, которую ты видел под наркозом, – ты ее узнал?

Он посмотрел на меня, но его взгляд сразу скользнул в сторону, к открытой двери, как будто он не мог оторвать глаз от пустого проема.

– О нет, мэм, – ответил он таким по-скаутски честным тоном, что я сразу поняла, что он врет. – Совсем нет!

Глава 43

Скитальцы

Они остановились напоить лошадей на краю маленького озера, которое индейцы называли Густые Камыши. Стоял теплый день, они привязали лошадей, разделись и зашли в воду, напоенную весной и потому ледяную. Вода была достаточно холодной, чтобы привести все органы чувств в состояние легкого шока и, по крайней мере на мгновение, отогнать мрачные мысли Джейми о записке от Джона Стюарта, индейского суперинтенданта Южного округа, которую привез ему Макдональд.

Записка была довольно лестная: Стюарт хвалил Джейми за предприимчивость и оперативность в деле привлечения Снежных Птиц в сферу британского влияния, но дальше он говорил о необходимости более активных действий, ссылаясь на собственный успешный опыт участия и руководства в выборе новых вождей в племенах чокто и чикасо, в его случае это был конгресс, который он сам же и устроил два года назад.

«...Рвение и целеустремленность кандидатов за медали и награды были настолько велики, насколько вообще можно себе представить; развернувшаяся борьба ничем не уступала тому,

как в цивилизованных странах честлюбивые и амбициозные мужи добиваются почестей и повышений. Я принял все меры к тому, чтобы узнать все об участниках и назначить на службу самых достойных, тех, кто желает установить порядок и убедить эту нацию присоединиться к Британии и следовать ее интересам. Я настоятельно советую вам добиваться подобного положения среди чероки».

– О да, – сказал Джейми вслух, выныривая посреди камышей и стряхивая воду с волос. – Видимо, я должен свергнуть Чискву, убив его, а потом подкупить их всех и сделать вождем Резчика Трубок.

Это был самый маленький и невзрачный индеец из всех, что Джейми приходилось видеть. Он с отвращением фыркнул и нырнул снова, подняв фонтан брызг и между делом проклиная Стюарта и его самоуверенность. Его слова поднимались на поверхность большими серебристыми пузырями и там растворялись как по волшебству в ярком дневном свете. Джейми снова вынырнул, жадно глотнул воздух и задержал дыхание.

– Что это было? – тревожно спросил голос неподалеку. – Это они?

– Нет, – отозвался второй. – Их только двое, я вижу обоих. Вон там, гляди.

Джейми открыл рот и задышал как можно тише, пытаясь уловить слова сквозь удары колотящегося сердца. Он понимал их, но какое-то время не мог вспомнить, что это за язык. Индейцы, верно. Но это не чероки, это... Тускарора, вот кто!

Он уже несколько лет не говорил ни с кем из тускарора. Почти все племя ушло на север из-за эпидемии кори, которая унесла много жизней. Они хотели воссоединиться со своими «отцами» – могавками на землях Лиги ирокезов^[108].

Эти двое спорили шепотом, но достаточно близко, чтобы разобрать их речь. Они были всего в паре футов от него, скрытые густой порослью камыша и рогоза высотой в человеческий рост.

Куда делся Йен? Джейми услышал отдаленный плеск на другом конце озера и, осторожно повернув голову, краем глаза увидел, как они с Ролло играют в воде. Пес погрузился по самую холку и плавал вокруг. Если не знать, что это собака, а Ролло не почувствовал чужаков и не залаял, то они выглядели, как двое пловцов.

Так, вероятно, и решили индейцы – две лошади, значит, двое мужчин, и оба на безопасном расстоянии. Вызывая довольно много шума, они потихоньку начали двигаться в сторону лошадей.

Джейми ощущал некоторый соблазн позволить им подступиться к Гидеону и посмотреть, насколько далеко им удастся зайти. Но они могли дать деру только с лошастью Йена и с вьючным мулом, а Клэр не переживет, если он позволит им увести Кларенса. Ощукая себя в весьма уязвимом положении, Джейми нагишом стал пробираться сквозь камыши, морщась от их жестких скребущих прикосновений, потом прополз через рогоз и вылез на прибрежную грязь.

Если бы они догадались обернуться, то увидели бы, как трясется рогоз, – но все их внимание было сосредоточено на добыче. Он видел, как они шныряют в высокой траве на опушке, поглядывая вокруг, но совсем не в том направлении.

Всего двое, в этом он теперь был уверен. Судя по тому, как двигаются, молодые и не очень опытные. Он не мог рассмотреть, вооружены ли они. Покрытый грязью, он заскользил на животе по густой траве к кустам. Ему нужна была палка, и срочно. В сложившихся обстоятельствах, конечно же, ничего, кроме прутьев и сгнивших веток, не попадалось под руку. За неимением лучшего Джейми схватил увесистый камень, но потом ему повезло: он приметил сломанную ветром ветку кизила, болтающуюся на дереве неподалеку. Индейцы тем временем подобрались к мирно обедающим лошадям. Гидеон приметил их и резко поднял голову. Он продолжал жевать, но с подозрением пригнул уши. Кларенс, более дружелюбно настроенный, тоже увидел пришельцев и поднял голову, подрагивая ушами.

Джейми воспользовался шансом и, когда Кларенс издал приветственный клич, оторвал ветку и выдал ворам свое присутствие, заорав что было сил:

– Tulach Ard^[109]!

Два диких взгляда метнулись в его сторону, и один вор бросился наутек, только длинные волосы развевались на ветру. Другой последовал за ним, но сильно прихрамывал. Парень оступился и упал на одно колено. Он тут же поднялся, но недостаточно быстро, – Джейми с яростью хлестнул его веткой по ногам, уложив навзничь, и тут же навалился сверху, вдавливая тяжелое колено в область почек. Парень издал сдавленный стон и замер, парализованный болью. Джейми нащупал в траве брошенный им камень и на всякий случай хорошенько стукнул его за ухом. Сразу после этого он бросился вслед за первым беглецом, который почти добрался до леса, но замешкался, встретив преграду в виде окаймленного скалами ручья. Парень уже пробирался сквозь заросли осоки, Джейми видел, как он бросил полный ужаса взгляд туда, где Йен и Ролло плыли в его сторону со

скоростью и сноровкой бобров.

Индеец мог добраться до леса, если бы внезапно его нога не застряла в жидкой грязи. Он качнулся вбок, и Джейми настиг его: оба заскользили по грязи, сцепившись. Парень был молодой и жилистый и извивался как угорь. Джейми, воспользовавшись преимуществом роста и веса, уложил его на землю, и они вместе покатались по осоке и грязи, охая и пыхтя. Индеец схватил Джейми за волосы и потянул так, что на глазах выступили слезы, он в ответ ударил того по ребрам и, когда противник ослабил хватку, сильно боднул его. Их лбы встретились с тупым неприятным звуком, который отозвался болью в черепе. Тела расцепились, и Джейми перекатился на колени – голова кружилась, глаза были полны слез, он едва мог различать предметы вокруг. В сером тумане он услышал вскрик боли. Ролло предупреждающе гавкнул, а потом перешел на глубокое угрожающее рычание. Джейми зажмурил один глаз и приложил руку к пульсирующему лбу. Он разглядел, что парень лежит в грязи на спине, а Ролло стоит у него на груди, обнажив клыки. Послышались шлепки босых ног по мелководью, а следом возник запыхавшийся Йен.

– Ты в порядке, дядя Джейми?

Джейми отнял руку ото лба и посмотрел на пальцы. Крови нет, хотя он готов был поклясться, что череп раскололся надвое.

– Нет, – ответил он. – Но у меня дела получше, чем у него, Иисус.

– Ты убил второго?

– Не думаю. Боже всемогущий.

Опустившись на четвереньки, он прополз пару метров и исторг содержимое желудка в траву. Он слышал, как Йен позади него на языке чероки требует у индейца назвать себя и сказать, есть ли у них сообщники.

– Они тускарора, – сказал Джейми. Голова по-прежнему пульсировала, но он чувствовал себя немного лучше.

– Вот как? – Йен был удивлен, но тут же перешел на кайенкехака. Юный пленник, и так до смерти напуганный Ролло, побледнел как полотно, когда увидел татуировки Йена и услышал из его уст наречие могавков. Кайенкехака был из одной языковой семьи с тускарора, и молодой индеец явно понимал Йена, потому что начал отвечать, заикаясь от страха. Они здесь одни. Его брат мертв?

Джейми прополоскал рот и плеснул воды себе на лицо. Так-то лучше, хотя под левым глазом надувалась шишка размером с утиное яйцо.

– Брат?

Да, отвечал парень, его брат. Если они не собираются убивать его прямо сейчас, может он пойти посмотреть на него? Он был ранен.

Йен переглянулся с Джейми, получая согласие, и отозвал Ролло. Чумазый пленник кое-как поднялся на ноги и, запинаясь, двинулся вдоль берега в компании собаки и двух совершенно голых шотландцев.

Второй индеец действительно был ранен – из-под повязки на ноге сочилась кровь. Она была сделана из рубашки, худой и истощенный торс был обнажен. Джейми поглядывал на пленников по очереди: обоим было не больше двадцати, скорее даже меньше, лица искажены от постоянного недоедания и усталости, одеты в обноски.

Лошади отошли чуть в сторону, испугавшись драки, но одежда шотландцев по-прежнему висела на кустах, там, где они ее оставили. Йен натянул штаны и пошел к седельным сумкам, чтобы принести еду и питье. Джейми одевался медленнее, с интересом рассматривая молодого индейца, который беспокойно ощупывал брата.

Это были индейцы тускарора, он подтвердил догадку. У того, что был здоровее, было длинное имя, которое означало нечто вроде «Игра света на воде весной», его брата звали «Гусь, который подбадривает жоака во время полета», или просто Гусь.

– Что с ним произошло? – Джейми натянул рубашку через голову и кивнул, чуть поморщившись, на порез у Гуса на ноге, нанесенный, судя по виду, чем-то вроде топора.

Свет на воде сделал глубокий вдох и на секунду прикрыл глаза. У него на голове тоже набухла заметная шишка.

– Цалаги, – сказал он. – Нас было слишком мало. Остальные мертвы или взяты в плен. Вы ведь не отдадите нас им, господин? Пожалуйста.

– Цалаги? Какие?

Свет покачал головой. Этого он не мог сказать. Его группа выбрала остаться, когда деревня двинулась на север, но они не преуспели. У них было недостаточно людей, чтобы защищать общину и охотиться. Без защиты другие забирали их урожай и женщин. Они становились все беднее и в конце концов стали промышлять воровством и попрошайничеством, чтобы пережить зиму. Многие умерли от холода и болезней, а оставшиеся переходили с места на место, иногда устраиваясь где-то на пару недель, но гораздо более сильные чероки постоянно разгоняли свежие поселения. Пару дней назад они столкнулись с группой воинов чероки, которые застали их врасплох: они убили большую часть общины и забрали с собой нескольких женщин.

– Они забрали мою жену, – сказал Свет дрожащим голосом. – Мы хотели... вернуть ее.

– Они, конечно, убьют нас, – слабо, но с энтузиазмом заговорил Гусь. –

Но это неважно.

– Разумеется, – отозвался Джейми, невольно улыбаясь. – Вы знаете, куда они ушли?

Братья знали направление, в котором исчезли всадники, и следовали за ними, чтобы найти деревню. В этой стороне, сказали они, и махнули в сторону ущелья. Йен посмотрел на Джейми и кивнул.

– Птица, – сказал он. – Или, возможно, Лисица.

Бегущая Лисица был военным вождем деревни, хорошим воином с некоторым недостатком воображения – но этого воображения хватало на двоих.

– Поможем им? – спросил Йен на английском. Его ровные брови вопросительно поднялись, но Джейми понял, что вопрос был риторический.

– Да, думаю, что так. – Он осторожно потер лоб, кожа вокруг шишки была натянутой и чувствительной. – Но сперва давай-ка поедим.

* * *

Вопроса о том, можно ли это осуществить, не стояло. Загвоздка была только в том, как. Оба, Джейми и Йен, отбросили предложения братьев о похищении.

– Они убьют вас, – заверил Йен.

– Мы не возражаем, – ровно ответил Свет.

– Разумеется, нет, – сказал Джейми. – Но как насчет твоей жены? Она останется одна в таком же бедственном положении.

Гусь рассудительно кивнул.

– Он прав, – сказал он своему отчаянному брату.

– Мы можем попросить ее, – предложил Джейми. – Попросить ее как жену для тебя. Птица о тебе хорошего мнения, скорее всего он отдаст ее тебе.

Он шутил только наполовину. Если никто еще не взял молодую женщину в жены, то человека, чьей рабыней она стала, можно было убедить отдать ее Йену, которого очень уважали. Йен бегло улыбнулся, но покачал головой.

– Нет, лучше мы ее выторгуем. Или... – Он задумчиво посмотрел на индейцев, которые последовательно доедали остатки пищи из седельных сумок. – Может, попросим Птицу принять их к себе?

Эту мысль стоило обдумать. Ведь как только они получают девушку, она

окажется в такой же незавидной ситуации, как братья, – будет вынуждена голодать и скитаться вместе с ними.

Но братья нахмурились и замотали головами.

– Еда – это хорошо, – сказал Гусь, облизывая пальцы. – Но мы видели, как они убивали нашу семью, наших друзей. Если бы мы не видели их смертей собственными глазами, то это было бы возможно. Но...

– Понятно, – отозвался Джейми и на мгновение ощутил укол легкого изумления от того, что и вправду их понимал. Очевидно, он провел больше времени среди индейцев, чем ему казалось.

Братья многозначительно переглянулись между собой. Решение было принято, и Свет изобразил в сторону Джейми жест уважения.

– Мы ваши рабы, – заметил он робко. – Вам решать нашу судьбу. – Он деликатно замолк, ожидая вердикта.

Джейми потер лицо ладонью, раздумывая о том, что все же он провел недостаточно времени среди индейцев. Йен не улыбался, но излучал нечто вроде слабого смешливого довольства.

Макдональд рассказывал ему истории о военных кампаниях времен франко-индейской войны. Солдаты, бравшие индейцев в плен, обычно либо убивали их, чтобы продать скальпы, либо продавали в рабство. Это происходило каких-то десять лет назад: перемирие с тех пор неоднократно нарушалось, и одному Богу известно, сколько индейцев превратили своих пленников в рабов, если только они не решали по каким-то своим индейским причинам вместо этого принять их в племя или убить.

Джейми поймал двоих тускарора, а значит, согласно обычаю, они теперь были его рабами. Он прекрасно понял, что предлагал Свет, – Джейми должен был «усыновить» братьев и, без сомнения, девушку вместе с ними, когда они ее вернут. И как, ради всего святого, он в это ввязался?

– Ну, сейчас спроса на их скальпы не будет, – заметил Йен. – Хотя, думаю, ты можешь продать их Птице. Но много за них ты не получишь – они слишком тощие и слабые.

Братья бесстрастно смотрели на него, ожидая решения. Свет внезапно рыгнул и сам удивился звуку. Йен засмеялся низким скрипучим смехом.

– Ой, я не могу ничего такого сделать, и вы трое прекрасно это знаете, – сказал Джейми довольно резко. – Нужно было бить тебя сильнее, было бы одной проблемой меньше, – сказал он Гусю, который широко улыбнулся в ответ, демонстрируя выбитые зубы.

– Да, дядя, – сказал он, низко кланяясь в знак уважения. Джейми недовольно фыркнул, но тускарора предпочли не обратить на звук внимания.

Значит, медали. Макдональд привез ему сундук, доверху набитый медалями, пуговицами, дешевыми латунными компасами, стальными лезвиями для ножей и прочим блестящим мусором. Власть вождей была напрямую связана с их популярностью, а популярность росла пропорционально их возможности раздавать подарки. Британские индейские агенты укрепляли свое влияние, снабжая «богатствами» тех вождей, которые изъявляли желание стать союзниками Короны.

Он взял с собой только две сумки такого подкупа, остальное осталось дома для последующих поездок. Джейми был уверен, что взятого хватит, чтобы выкупить миссис Свет, но сделка серьезно истощит его запасы, так что ему будет нечего предложить в других племенах. Так не пойдет. Значит, нужно будет отправить Йена назад, чтобы он привез еще. Но только после того, как он договорится о выкупе, в этом деле ему понадобится помощь парня.

– Что ж, с девушкой мы разберемся, – сказал Джейми, поднимаясь. Он тут же ощутил приступ головокружения. – Но я не возьму их на Ридж.

Три лишних рта – это последнее, что ему было нужно.

Глава 44

Скотчи

Организация выкупа оказалась, как он и предполагал, вопросом цены и умения торговаться. В итоге миссис Свет досталась им относительно дешево – они отдали за нее шесть медалей, четыре ножа и компас. И это с учетом того, что он не видел ее до того, как сделка была заключена. Если бы видел, можно было бы сэкономить еще больше: она оказалась маленькой рябой девчушкой лет четырнадцати с небольшим бельмом на глазу.

Хотя, подумалось ему, о вкусах не спорят. Оба, Гусь и Свет, были готовы умереть за нее. Без сомнения, у нее было доброе сердце или какое-нибудь другое ценное качество, например таланты в постели. Он вдруг удивился собственным мыслям и посмотрел на нее внимательнее. Это было не очевидно, но теперь, когда он вгляделся, то понял, что в ней было это странное очарование – редкий дар, которым обладают немногие женщины. Такое очарование лежало за пределами возраста, внешности или ума, но оно мгновенно возбуждало в мужчинах желание схватить ее и...

Джейми заставил себя выбросить из головы непотребный образ. Он знал нескольких таких женщин, большинство из них были француженками.

Не единожды ему приходило в голову, что французские корни виной тому, что его жена обладает этим желанным, но опасным даром.

Он видел, как Птица внимательно рассматривает девушку, явно сожалея, что расстался с ней так легко. К счастью, возвращение охотников отвлекло его от этих мыслей – последние прибыли с гостями. Это были чероки из Племени за Холмом, далеко от дома в горах Теннесси. С ними был мужчина, о котором Джейми много слышал, но никогда не встречал до сегодняшнего дня, – некий Александр Кэмерон, которого индейцы называли Скотчи. Это был смуглый человек средних лет с обветренным лицом. От индейцев он отличался только густой бородой и формой носа, который был длинным и как будто пытливым. Он жил с чероки с пятнадцати лет, его жена была чероки, и он был в племени на хорошем счету. Он тоже был индейским агентом и хорошо знаком с Джоном Стюартом. Его присутствие здесь, за двести миль от дома, заставило нос Джейми, такой же длинный и пытливый, трепетать от любопытства.

Интерес был определенно взаимным: Кэмерон разглядывал Джейми, и в его глубоко посаженных глазах блестели ум и хитрость в равной мере.

– Красноголовый Убийца Медведей, так-так! – воскликнул он, тепло пожимая Джейми руку и затем заключая его в объятия по индейскому обычаю. – Я слышал про тебя такие байки, что мне до смерти хотелось познакомиться и узнать, правда ли все это.

– Сомневаюсь, – ответил Джейми. – Последняя из тех, что я слышал, была про то, как я завалил сразу троих медведей, последнего на дереве, куда он меня загнал после того, как сжевал мою ногу.

Кэмерон невольно опустил взгляд на ноги Джейми, потом поднял глаза и взорвался от хохота, его черты исказились в таком искреннем веселье, что Джейми поймал себя на том, что и сам готов рассмеяться.

Было, конечно, еще не время говорить о бизнесе. Охотники принесли с собой добычу – лесного бизона, и теперь тушу разделявали для предстоящего пиршества: печень достали, чтобы тут же подпалить на огне и съесть, кусок нежного мяса со спины начали запекать с луком, а сердце, как сказал ему Йен, они четверо – Джейми, Кэмерон, Птица и Бегущая Лиса – должны были разделить между собой как вожаки.

После того как печень была съедена, они отправились в дом Птицы и там пили пиво час или два, пока женщины готовили. Как это бывает, в какой-то момент Джейми оказался снаружи по зову природы и безмятежно справлял нужду у дерева, когда рядом с ним оказался Александр Кэмерон и стал расстегивать штаны с тем же намерением. Казалось естественным, хотя Кэмерон явно это предвидел, немного пройти вместе после,

наслаждаясь вечерней прохладой после дымной хижины, и обсудить то, что представляло интерес для обоих: Джона Стюарта, например, и работу Южного округа, индейцев, разницу между вождями из разных племен и как вести с ними дела. Они гадали, кто может стать будущим лидером и удастся ли созвать большое собрание в течение года.

– Ты, наверное, задаешься вопросом, – начал Кэмерон довольно обыденно, – что я здесь делаю?

Джейми чуть повел плечами, признавая свой интерес и одновременно обозначая готовность деликатно оставить расспросы о делах Кэмерона. Кэмерон фыркнул.

– Ну что ж, никакого секрета тут нет. Это Джеймс Хендерсон, вот в чем тут дело... Ты, может, слышал это имя?

– Слышал. Хендерсон был главным судьей в Верховном суде Северной Каролины, пока восстание регуляторов не заставило его покинуть свой пост и выпрыгнуть из окна, спасаясь от разъяренной толпы.

Состоятельный человек, которому была к тому же дорога собственная шкура, Хендерсон оставил всякие служебные амбиции и занялся увеличением своего богатства. А именно, он желал купить крупный участок земли у чероки из Теннесси и основать там поселение.

Джейми бросил взгляд на Кэмерона, мгновенно оценив всю сложность ситуации. Во-первых, эта земля пролежала далеко за Линией соглашения, Хендерсон, заключая подобную сделку, демонстрировал, если такая показушность была вообще необходима, насколько слабой была власть Короны в последнее время. Попросту говоря, Хендерсон считал нарушение договора Его Величества мелким пустяком и не ожидал никаких последствий или вмешательства в его дела. Во-вторых, чероки держали землю в коллективной собственности, как все индейцы. Вожди могли и продавали землю бледнолицым, пренебрегая такими юридическими тонкостями, как чистый титул^[110], но все же им надлежало постфактум получить одобрение племени. Одобрение никак не влияло на сделку, которая к тому времени уже была заключена, но могло привести к свержению вождя и крупным неприятностям для нового собственника, который честно заплатил за покупку или считал, что честно, как бывало в подобного рода делах.

– Джон Стюарт, разумеется, в курсе всего, – сказал Джейми, и Кэмерон несколько самодовольно кивнул.

– Неофициально, как вы понимаете, – добавил он.

Разумеется, нет. Суперинтендант по делам индейцев едва ли мог участвовать в подобном предприятии официально. В то же самое время на

неофициальном уровне такая инициатива найдет поощрение, потому что покупка подспудно, но неоспоримо усилит британское влияние на индейские племена. Джейми размышлял, получит ли Стюарт какую-то личную выгоду от сделки. У него была хорошая репутация, и он не был замечен в коррупции, но у него вполне могла быть какая-то тайная мотивация. Впрочем, даже не имея личной финансовой заинтересованности, он мог официально закрыть глаза на это соглашение исключительно ради продвижения интересов департамента.

Что до Кэмерона... Джейми не мог сказать наверняка, но был бы очень удивлен, если бы оказалось, что мужчине ничего не причитается от такого жирного куска. Джейми не знал, на чьей стороне был Кэмерон – индейцев, среди которых жил, или англичан, к которым принадлежал по праву рождения. Он сомневался, что кто-нибудь знал правду, включая самого Кэмерона. Какими бы ни были его стратегические интересы, нынешние цели были ясными. Он хотел, чтобы сделка была одобрена племенами чероки или по крайней мере встречена равнодушно, при этом нужно было обеспечить популярность и поддержку его ручным вождам среди простых индейцев, так чтобы Хендерсон смог осуществить свои планы, не сталкиваясь с излишней агрессией среди местного населения.

– Я, конечно, не буду об этом упоминать еще день или два, – сказал ему Кэмерон, и Джейми кивнул. В таких делах нужно было придерживаться определенного ритма.

Но, конечно, Кэмерон сообщил ему, чтобы он мог поддержать тему, когда она будет поднята. Кэмерон считал помощь Джейми чем-то само собой разумеющимся. Никакого явного обещания, что ему перепадет часть от доли Хендерсона, не звучало, но в том и не было необходимости – это была та самая благоприятная возможность, которая могла принести выгоды индейскому агенту, вот почему такие должности считались лакомым кусочком.

Учитывая то, что Джейми знал о ближайшем будущем, у него не было ни интереса, ни надежд в отношении покупки Хендерсона, однако эта тема дала ему возможность просить услугу за услугу. Он деликатно кашлянул.

– Ты видал девчушку тускарора, которую я купил у Птицы?

Кэмерон засмеялся.

– Да. И он не может понять, на кой она тебе сдалась, – говорит, ты не взял ни одну из девушек, которых он присылал согреть твою постель. Она, конечно, не красотка, но...

– Дело не в этом, – поспешил заверить его Джейми. – Во-первых, она замужем. Я привел с собой двоих тускарора, она принадлежит одному из

них.

– Вот как? – Нос Кэмерона дернулся от любопытства, почуяв какую-то историю. Джейми ждал этой возможности с тех пор, как встреча с Кэмероном подала ему идею. Он в красках описал произошедшее с весьма удовлетворительным результатом – Кэмерон согласился взять трех бездомных тускарора с собой и устроить их будущее в Племени за Холмом.

– Мне это не впервой, – сказал он Джейми. – Их все больше и больше – крошечные остатки того, что раньше было целыми деревнями, даже племенами, – скитающихся по всей стране, голодных и нищих. Ты, может, слышал о племени догаш?

– Нет.

– И вряд ли услышишь, – сказал Кэмерон, покачав головой. – Их осталось не больше десятка. Они приходили к нам прошлой зимой, предлагали себя в качестве рабов, только так они могли пережить холода. Нет, об этом не беспокойся, дружище, – заверил он, заметив выражение лица Джейми. – Тускарора не станут рабами, даю слово.

Джейми кивнул, выражая благодарность, довольный тем, как все уладилось. Они отошли на некоторое отдаление от деревни и теперь стояли близко к краю ущелья. Впереди, насколько хватало глаз, лес покрывал бесконечные горные хребты, уходя вдаль перекатами, как фантастическая небесная пашня богов, чьи борозды темны и задумчивы под звездным небом.

– Разве может хватить людей, чтобы населить все это? – сказал он, внезапно оглушенный видом. И все же запах дыма и жареного мяса висел в воздухе – люди обживали эти места, хоть их было не так уж много.

Кэмерон задумчиво покачал головой.

– Они пришли сюда и продолжают прибывать. Мои люди приехали из Шотландии. Ты тоже, – добавил он, и белые зубы блеснули в бороде. – И не собираешься назад, бьюсь об заклад.

Джейми улыбнулся, но не ответил. Какое-то странное чувство появилось у него в животе от этой мысли. Он не собирался назад. Он попрощался с Шотландией на борту «Артемиды», прекрасно понимая, что скорее всего, это его последний взгляд на родные берега. И все же мысль о том, что он никогда больше не ступит на шотландскую землю, прежде не появлялась у него в голове так отчетливо. Крики «Скотчи, Скотчи» вернули их на землю, и он повернулся, чтобы пойти обратно в деревню вслед за Кэмероном, все время размышляя о том, какая невероятная пустота осталась у него за спиной и какая пугающая пустота разверзлась внутри.

Они курили той ночью после изобильного ужина, ритуально почитая сделку между Джейми и Птицей, и в честь визита Кэмерона. Когда трубка прошла по кругу дважды, они начали рассказывать истории. Истории о набегах и битвах. Изнуренный тяжелым днем, по-прежнему с пульсирующей головой, захмелевший от елового пива и обильной еды и чуть одурманенный дымом, Джейми намеревался только слушать. Может, это были мысли о Шотландии, которые Кэмерон ненароком всколыхнул своей фразой. Но в какой-то момент воспоминания стали приходить к нему, и, когда возникла очередная ожидаемая пауза, он с удивлением услышал свой голос, который рассказывал о Каллодене.

– И там возле стены я увидел мужчину, которого знал, его звали Макалистер. Он был окружен врагами. Он бился с ружьем и мечом, но оружие подвело его – лезвие сломалось, а щит раскололся на груди.

Дым от трубки достиг его обоняния, он поднял ее и глубоко затянулся, как будто пил запахи болота, затуманенного дождем и дымом того памятного дня.

– Враги были все ближе, они хотели убить его. Тогда он поднял кусок металла, дышло от телеги, и им уложил шестерых. – Джейми поднял обе руки, показывая пальцы в качестве иллюстрации. – Шестерых, прежде чем им удалось его сломить.

Послышались ахи и одобрительные щелчки языков.

– Ну а ты сам, Убийца Медведей, скольких ты убил в той битве?

Дым горел в его груди, жег глаза, и на мгновение Джейми ощутил на языке горький запах пушечной стрельбы, а не сладкий табак. Он видел, видел, как наяву, мертвого Алистера Макалистера, лежащего у его ног в окружении тел, одетых в красное: одна сторона головы раздроблена, круглый изгиб плеча будто светится сквозь ткань рубашки, так она промокла.

Он был там, на поле, едва чувствуя влагу и холод на коже, дождь хлещет в лицо, его собственная рубашка намокает и тут же сохнет, поддаваясь его внутреннему жару.

А потом он больше уже не стоял на Друмосси и только спустя несколько секунд услышал сдавленные вздохи вокруг. Джейми увидел лицо Роберта Высокое Дерево, все его морщины заострились, сжались от удивления. Только тогда он посмотрел вниз и увидел, как все его десять пальцев сжимаются и разжимаются, четыре пальца правой снова

вытягиваются без его ведома. Большой палец неуверенно шевелится. Он смотрел на это действие заворожено, пока наконец не пришел в себя и сжал правую ладонь так крепко, как только мог, и накрыл ее левой, как будто пытаясь заглушить воспоминания, которые с такой поразительной внезапностью пронзили его руку. Джейми поднял глаза и увидел, как внимательно Высокое Дерево всматривается в его лицо, старые темные глаза посуровели и сузились под нахмуренными бровями, потом старик взял трубку, глубоко вдохнул и, наклонившись вперед, пустил дым ему в лицо. Высокое Дерево сделал это дважды, и гул сдержанного одобрения прокатился по хижине. Джейми взял трубку и повторил этот почтительный жест, потом передал трубку по кругу, отказываясь продолжать рассказ.

Они не заставляли его, похоже, увидев и поняв тот шок, что он чувствовал.

Шок. Нет, даже не это. Он чувствовал чистое изумление. Потихоньку, ненароком он подглядел эту картинку с Алистером. Боже, это было там. Он осознал, что задерживает дыхание, чтобы не чувствовать запах крови и раздавленных кишок. Он вдыхал мягкий дым и медный привкус закаленных тел. Ему вдруг захотелось зарыдать от внезапной тоски по холодному, резкому запаху Шотландии, пропитанному ароматами торфа и дрока.

Александр Кэмерон сказал что-то, но Джейми не мог ответить. Йен, заметив заминку, наклонился вперед, чтобы сказать за него, и они засмеялись. Йен посмотрел на него с любопытством и вернулся к разговору, начав историю о знаменитой игре лакросс, в которую он играл с могавами. Джейми сидел безмолвно, окутанный дымом.

Четырнадцать человек. И он не помнил ни одного лица. И еще неуверенно поднятый большой палец. Что он хотел этим сказать? Что он бился с еще одним, но не добил парня? Ему было страшно даже думать об этих воспоминаниях, он не знал, что с ними делать. В то же время он ощущал благоговейный трепет и, несмотря ни на что, был благодарен за возвращение этих мелочей.

* * *

Было очень поздно, большинство мужчин разошлись по домам или с комфортом растянулись внутри, уснув у огня. Йен вышел, но не вернулся. Кэмерон сидел у огня, раскуривая собственную трубку, хотя они курили по очереди с Птицей.

– Я скажу вам одну вещь, – резко начал Джейми, прервав сонную тишину, – вам обоим. – Птица лениво и вопросительно приподнял одну бровь, одурманенный табаком.

Он не знал, что станет говорить об этом. Думал подождать, потянуть время – если вообще говорить. Может, дело было в тесноте хижины, в темной интимности костра или в табаке. Может, дело было в узах родства, с теми, кого тоже ждет участь изгнанников. Как бы то ни было, он заговорил; теперь у него не было выбора, кроме как сказать им то, что ему известно.

– Женщины моей семьи... – Джейми запнулся, не зная подходящего слова на чероки. – Они те, что видят во снах грядущее. – Он кинул взгляд на Кэмерона, который, похоже, воспринял это серьезно, кивнул и закрыл глаза, чтобы втянуть дым поглубже в легкие.

– Значит, у них бывают видения? – спросил он с умеренным любопытством.

Джейми кивнул, это было подходящее объяснение.

– Они видели кое-что, касающееся цалаги. Обе, моя жена и дочь, видели это.

Птица встрепнулся, услышав это. Сны были важны, если двое видели один и тот же сон, ему придавалось большое значение.

– Мне больно говорить об этом, – искренне сказал Джейми. – Через шестьдесят лет цалаги будут изгнаны из этих мест в новые земли. Многие погибнут в пути, так что эту дорогу назовут... – он споткнулся на слове «слезы», не вспомнил его и закончил иначе. – Дорогой, где они рыдали.

Птица сжал губы, как будто чтобы втянуть дым, но трубка курилась у него в руке.

– Кто это сделает? – спросил он. – Кто посмеет?

Джейми глубоко вдохнул – здесь начинались сложности. И все же, когда дошло до дела, все вышло куда легче, чем он думал.

– Это будут бледнолицые, но не люди короля Джорджа.

– Французы? – Кэмерон произнес это со скептицизмом, но нахмурился, пытаясь понять, как это может произойти. – Или, может, они имеют в виду испанцев? Испанцы поближе будут, хоть их совсем немного.

Испания по-прежнему владела землями к югу от Джорджии и частью Индианы, но англичане крепко держали Джорджию – вероятность того, что испанцы пойдут на север, была очень незначительной.

– Нет, не испанцы и не французы. – Джейми хотелось, чтобы Йен был рядом по нескольким причинам, но его не было, так что Джейми продолжал бороться с языком цалаги, который был интересным, но он мог

свободно говорить на нем только о простых вещах и об очень ограниченном будущем.

– Они сказали мне, мои женщины... – Он замялся, подыскивая слова. – Вещи, которые они видели в своих снах, эти вещи сбудутся, если они касаются многих. Но они думают, что их можно избежать, если они касаются нескольких или только одного.

Птица озадаченно моргнул. Ничего удивительного. Джейми мрачно принялся объяснять заново.

– Есть большие вещи, а есть маленькие. Большая вещь – это великая битва, или восхождение великого вождя. Хотя это и один человек, он возвышается благодаря голосам многих. Если мои женщины видят большие вещи, то они сбываются. Но в любой большой вещи участвуют много людей. Одни говорят – делай это, другие говорят – делай то. – Джейми зигзагообразно махнул рукой в одну сторону, потом в другую, и Птица кивнул.

– Так вот. Если многие люди говорят «делай это», – он резко ткнул пальцами влево, – тогда это происходит. Но что будет с людьми, которые говорят «делай то»? – И он указал большим пальцем вправо. – Эти люди смогут выбрать другой путь.

Птица захмыкал, как обычно делал, когда был чем-то удивлен.

– Значит, может случиться, что будут те, кто не пойдет? – резко спросил Кэмерон. – Они смогут укрыться?

– Надеюсь, что так, – просто отозвался Джейми.

Они посидели в тишине какое-то время, каждый мужчина смотрел в огонь, каждый смотрел в свое будущее или прошлое.

– Эта твоя жена, – наконец сказал Птица в глубоком раздумье, – ты за нее дорого заплатил?

– Я отдал за нее почти все, что имел, – сказал он с какой-то тоскливой иронией, которая заставила остальных рассмеяться. – Но она того стоила.

* * *

Было очень поздно, когда Джейми пошел в гостевой дом. Луна взошла, и небо дышало бесконечным спокойствием, звезды пели друг другу в бесконечности ночи. Каждый мускул тела ныл от боли, он так устал, что споткнулся на пороге. Но инстинкты по-прежнему работали, и он скорее почувствовал, чем увидел, как кто-то двигается на тахте.

Боже, Птица по-прежнему не сдавался. Что ж, сегодняшней ночью это

неважно, он может лежать обнаженным рядом с выводком молодых девушек и все равно будет спать как убитый. Слишком уставший, чтобы испытывать раздражение, он попытался вежливо ее поприветствовать. Она поднялась.

В отсветах костра стояла зрелая женщина, ее волосы заплетены в седые косы, белое платье из оленьей кожи раскрашено и украшено иглами дикобраза. Он узнал Голоса в Лесу, одетую в ее лучшее платье. Птица совсем вышел из берегов со своими шутками – он послал Джейми собственную мать.

Джейми окончательно забыл весь язык цалаги, какой знал. Он открыл рот, но так ничего и не сказал. Женщина слабо улыбнулась и протянула руку.

– Иди сюда и ляг, Убийца Медведей, – сказала она. Ее голос был мягким и низким. – Я пришла, чтобы вытащить змей из твоей головы.

Она потянула его на тахту и уложила головой себе на колени. Потом она уверенно расплела волосы и распустила их перед собой, их прикосновение успокаивало пульсирующую голову и болезненную шишку на брови. Он не имел представления о том, сколько ей может быть лет, но пальцы ее оказались сильными и выносливыми – она мелкими ритмичными движениями по кругу массировала его скальп, виски, места за ушами и затылок. Голоса в Лесу бросила в огонь зубровку и еще какие-то травы. Дыра для дымохода исправно работала, и он видел, как белый столб дыма поднимается вверх, очень спокойно, но внутри он казался живым, подвижным. Женщина что-то напевала, шептала какую-то песню, было сложно разобрать слова. Он наблюдал, как бессловесные формы поднимаются вверх в столбе дыма и чувствовал, как тело тяжелеет, члены наполняются мокрым песком, словно оно превращается в мешок с песком перед наступающим наводнением.

– Говори, Убийца Медведей, – сказала она очень мягко, прерывая свое пение. В руке у нее лежал деревянный гребень, он ощутил, как его изношенные закругленные зубцы ласкают кожу головы.

– Я не могу... призвать твои слова, – сказал Джейми, спотыкаясь о каждый звук языка цалаги и потому говоря очень медленно. В ответ женщина тихонько фыркнула.

– Слова не важны, как и язык, на котором ты говоришь, – сказала она. – Просто говори, я пойму.

И он с запинками начал говорить – на гэльском, потому что это был единственный язык, который не требовал усилий. Он знал, что должен говорить о том, что у него на сердце, и начал с Шотландии – с Каллодена.

Он начал с горя. С потерь. Со страха.

И в своем монологе он повернулся от прошлого к будущему, где три этих слова маячили снова, как холодные призраки, выступающие из тумана, глядящие на него своими пустыми глазами.

Среди них был еще один призрак – призрак Джека Рэнделла – он почему-то стоял сразу по обе стороны от Джейми, сбивая его с толку. Эти глаза не были пустыми, на призрачном лице светилась жизнь. Он его все-таки убил или нет? Если да, ходил ли призрак за ним по пятам? Если нет, преследовала ли его мысль о том, что он не отмщен, была ли потеря памяти остроумной насмешкой над его неудовлетворенностью?

Пока он говорил, он как будто поднялся над телом и теперь смотрел на себя, спокойно лежащего с открытыми глазами, взгляд обращен вверх, волосы темно поблескивают, рассыпавшись, как нимб, вокруг головы, пряди светятся серебром, выдающим его годы. Он увидел себя в этом пограничном состоянии, отдельно от всего. Он был один. Он был в мире с собой.

– Я не держу зла на сердце, – сказал он, слушая, как звучит собственный голос – медленно и издалека. – То зло меня больше не трогает. Может прийти другое, но не это. Не здесь. Не сейчас.

– Я понимаю, – прошептала женщина и продолжила расчесывать его волосы, пока белый дым неслышно поднимался в небо.

Глава 45

Порча в крови

Июнь 1774 года

Я распрямилась над грядкой, сидя на коленях, и потянулась, уставшая, но счастливая. Спина ныла, колени скрипели, как несмазанные дверные петли, под ногти забились земля, мокрые волосы прилипли к шее и щекам, но молодые побеги стручковой фасоли, лука, репы и редиса были посажены, капуста прополота и прорежена, а дюжина больших кустов арахиса – выкорчевана из земли и развешена на ограде для просушки, в безопасности, защищенная от мародерствующих белок.

Я подняла глаза к солнцу – по-прежнему над каштанами. Достаточно времени до ужина, чтобы успеть сделать еще пару дел. Я поднялась на ноги и окинула взглядом свое маленькое королевство, размышляя, чем лучше

теперь заняться. Проредить мелиссу и кошачью мяту, которые угрожали захватить дальний угол сада? Притащить пару корзин хорошо перепревшего навоза из кучи за сараем? Нет, это мужская работа.

Заняться травами? Три куста французской лаванды уже доходили мне до колена: тонкие стебли увенчивали густые синие соцветия; тысячелистник тоже стоял в полном цвету, вытянув к солнцу розовые, белые и желтые кружевные зонтики. Я потерла пальцем под зачесавшимся носом, пытаюсь вспомнить, подходящая ли сейчас фаза луны, чтобы срезать тысячелистник. Розмарин и лаванду в любом случае нужно собирать утром, когда эфирные масла вместе с солнцем поднимаются вверх, – позже в течение дня эффект пропадет. Значит, мята. Я потянулась за тяпкой, которую оставила прислоненной к ограде, и увидела маячащее между досками палисада лицо. Сердце подпрыгнуло от неожиданности, и я отпрянула от ограды.

– О! – Мой гость тоже испуганно подался назад. – Bitte, мадам! Я не хотел вас испугать.

Из-за свисающих плетей ипомеи и дикого ямса на меня смущенно смотрел Манфред Макгилливрей. Мы сегодня уже виделись, он принес для Джейми несколько мушкетов, завернутых в холстину.

– Все в порядке. – Я наклонилась, чтобы поднять упавшую тяпку. – Ты ищешь Лиззи? Она в...

– О нет, мадам. Дело в том... могу я поговорить с вами с глазу на глаз, мэм? – неожиданно спросил он.

– Конечно. Проходи в сад, мы поговорим, пока я занимаюсь прополкой.

Он кивнул и пошел к калитке. Что ему может быть от меня нужно? Он был одет в плащ и ботинки, серые от пыли, штаны были сильно измяты. Значит, он какое-то время провел верхом, приехал не из дома и к нам в Большой Дом еще не являлся – миссис Баг бы все вычистила, независимо от его собственных желаний.

– Откуда ты приехал? – спросила я, зачерпнув из ведра воды черпаком и предлагая ему попить. Он жадно выпил всю чашку и вытер рот рукавом.

– Спасибо, мэм. Я был в Хиллсборо, забирал... эээ... кое-что для мистера Фрэзера.

– Вот как? Судя по твоему виду, дорога была долгой, – заметила я мягко.

Выражение глубокого смущения промелькнуло по его лицу. Он был видным парнем, загорелым и привлекательным, как молодой фавн с копной черных курчавых волос, но сейчас, оглядываясь через плечо в сторону

дома, как будто в страхе, что нас могут прервать, выглядел невзрачным.

– Я... эм... об этом-то и хотел с вами поговорить.

– О! Что ж... – Я изобразила приглашающий жест, показывая, что он может безбоязненно облегчить душу, и развернулась, собираясь начать полоть, чтобы он не стеснялся говорить. У меня появились кое-какие предположения насчет того, что именно он хочет у меня спросить, хотя я не понимала, какое отношение это может иметь к Хиллсборо.

– Это... мм... это касается мисс Лиззи, – начал он, сложив руки перед собой.

– Да? – ободряюще сказала я, почти убедившись в правильности своих догадок. Я бросила взгляд в западный угол сада, где пчелы радостно жужжали среди высоких желтых зонтиков дауко. Все лучше, чем презервативы образца восемнадцатого века.

– Я не могу жениться на ней, – выпалил он.

– Что? – Я перестала полоть и выпрямилась, глядя на него. Его губы были плотно сжаты, и я поняла: то, что я приняла за смущение, было попыткой спрятать сильное беспокойство и печаль, которые теперь явно отразились в его чертах. – Ну-ка, иди сюда и присядь. – Я подвела его к маленькой скамейке, которую Джейми смастерил для меня в северной части сада под сенью черного эвкалипта.

Манфред сел, свесив голову на грудь и уронив руки на колени перед собой. Я сняла с головы широкополую шляпу, вытерла лицо фартуком и потуже затянула волосы, вдыхая прохладную свежесть эвкалипта и еловых деревьев, которые росли выше по склону.

– Так что случилось? – спросила я деликатно, видя, что он не знает, с чего начать. – Может, ты не уверен, что любишь ее?

Он как-то диковато глянул на меня и снова опустил глаза, внимательно рассматривая свои колени.

– О нет, мэм. То есть я не люблю, но дело не в этом.

– Не в этом?

– Нет. Я хочу сказать, я уверен, что мы бы полюбили друг друга со временем, так говорит *mutter*. И Лиззи мне нравится, конечно, – поспешно добавил парень. – Па говорит, что Лиззи – чистая душа, и мои сестры очень к ней привязаны.

Я пространно промычала в ответ. У меня с самого начала были сомнения насчет этого союза, и, похоже, они оказались верными.

– Может... есть кто-то другой? – спросила я осторожно.

Манфред медленно покачал головой, я услышала, как он тяжело сглотнул.

– Нет, мэм, – ответил он тихо.

– Ты уверен?

– Да, мэм. – Парень сделал глубокий вдох. – То есть... был другой человек. Но теперь с этим покончено.

Его слова привели меня в замешательство. Если он решил оставить другую девушку – из страха перед матерью или по другой причине, – то что мешало ему жениться на Лиззи?

– Та, другая девушка... она, случаем, не из Хиллсборо? – Кое-что прояснялось. Когда я встретила Манфреда с семьей на собрании, его сестры обменялись понимающими взглядами, когда речь зашла о его поездках в Хиллсборо. Они уже тогда обо всем знали, даже если Уте была не в курсе.

– Да. Поэтому я поехал в Хиллсборо... То есть я должен был поехать из-за... эмм... Но я хотел увидеть... Миру... чтобы сказать, что я скоро женюсь на мисс Уэмисс и поэтому больше не могу ее навещать.

– Мира. – Что ж, по меньшей мере, у нее было имя. Я откинулась назад, задумчиво постукивая башмаком по земле. – Ты хотел ее увидеть. Значит, в итоге этого не произошло?

Он снова покачал головой, и я увидела, как на его пыльные домотканые штаны упала слеза.

– Нет, мэм, – сказал он задушенным голосом. – Я не мог, она умерла.

– Боже, – отозвалась я тихо. – Мне так жаль. – Слезы падали ему на колени, оставляя следы на материи, плечи тряслись, но он не издал ни звука.

Я обняла его, крепко прижав к своему плечу. Его волосы были мягкими и упругими, кожа горела там, где его висок прижимался к моей шее. Я чувствовала беспомощность – он был слишком взрослым, чтобы его могли утешить прикосновения, и, наверное, слишком юным, чтобы прислушаться к словам. Я ничем не могла помочь ему, кроме как обнять. Он обхватил меня за талию и сидел так еще несколько минут после того, как его слезы иссякли. Я продолжала прижимать его к себе, тихонько похлопывая по спине, и одновременно наблюдала за дрожащей на ветру виноградной лозой, обвивающей изгородь, – не идет ли кто-нибудь в сторону моего сада. В конце концов Манфред вздохнул, отпустил меня и выпрямился. Я пошарила в карманах в поисках носового платка и, не найдя его, стянула с себя фартук и отдала его парню, чтобы он мог вытереть лицо.

– Тебе не обязательно жениться прямо сейчас, – сказала я, когда он снова овладел собой. – Будет правильней повременить немного, пока... затянутся раны. Мы можем найти какой-нибудь предлог, чтобы отложить

свадьбу. Я поговорю с Джейми...

Но он замотал головой, слезы уступили место решимости.

– Нет, мэ, – сказал он тихо, но отчетливо. – Я не могу.

– Почему?

– Мира была шлюхой, мэ. Она умерла от французской болезни.

Он посмотрел на меня, и за глубокой печалью я увидела в его глазах ужас.

– Думаю, я заразился.

* * *

– Ты уверена? – Джейми опустил на землю копыто, которое обтачивал, и холодно посмотрел на Манфреда.

– Я уверена, – кисло ответила я. – Я заставила Манфреда продемонстрировать мне доказательства. На самом деле я даже взяла с язв соскоб, чтобы проверить все под микроскопом. После этого я сразу привела его к Джейми, едва дождавшись, пока он застегнет штаны.

Джейми пристально смотрел на Манфреда, явно раздумывая, что именно сказать. Манфред, красный как рак от признания и последующего осмотра, не в силах выдержать этот василисков взгляд, опустил глаза вниз, на лежащий на земле обрез копыта, который напоминал полумесяц.

– Мне очень жаль, сэр, – бормотал он. – Я... Я не хотел.

– Надо полагать, вряд ли кто такого хочет, – ответил Джейми. Он глубоко вздохнул и издал утробный рычащий звук, от которого Манфред сжался и попытался втянуть голову в плечи, пытаясь спрятаться в собственной одежде, как если бы внезапно превратился в черепаху.

– Но он поступил правильно, – заметила я, пытаюсь как-то сгладить ситуацию. – Я имею в виду сейчас – он сказал правду.

Джейми фыркнул.

– Ну, он не стал бы заражать крошку Лиззи, так? Это было бы куда хуже, чем просто связаться со шлюхой.

– Думаю, иные мужчины предпочли бы молчать о таком, надеясь на авось.

– Да, иные бы так и поступили. – Джейми сузил глаза, глядя на Манфреда, явно ища доказательств тому, что последний мог вполне подойти под описание такого злодея.

Гидеон, которому не нравилось, когда занимались его копытами, и который по этой причине был не в духе, тяжело переступил ногами, чуть не

наступив на Джейми. Жеребец дернул головой и издал глубокий рокочущий звук, который отдаленно напоминал недавний рык Джейми.

– Ну что ж. – Джейми отвел взгляд от Манфреда и схватил Гидеона под уздцы. – Отведи его домой, саксоночка. Я закончу здесь и вернусь с Джозефом, тогда решим, как быть дальше.

– Ладно. – Я замялась, сомневаясь, стоит ли заводить разговор в присутствии Манфреда. Я не хотела слишком его обнадеживать, пока не взгляну на соскоб под микроскопом. Спирохеты сифилиса сложно спутать с чем-то другим, но у меня не было маркера, который позволил бы разглядеть их в простой оптический микроскоп, какой был у меня. И хотя у меня были основания думать, что мой домашний пенициллин справится с инфекцией, я не смогу узнать этого наверняка, если не увижу, что спирохеты исчезли из крови. Я ограничила себя фразой:

– Имей в виду, у меня есть пенициллин.

– Я это прекрасно знаю, саксоночка. – Джейми метнул мрачный взгляд с Манфреда на меня. Я дважды спасала ему жизнь с помощью пенициллина, но процесс его не очень воодушевлял. По-шотландски хмыкнув, он снова поднял огромное копыто Гидеона, давая понять, что разговор окончен.

Манфред выглядел ошарашенным и по дороге домой не проронил ни слова. В дверях хирургической он замешкался, тревожно разглядывая ее содержимое, – от сияющего микроскопа к открытому ящичку с хирургическими инструментами, а затем в сторону стоящих рядом накрытых чаш, в которых я выращивала колонии пенициллина.

– Входи, – сказала я, но была вынуждена развернуться и потянуть его за рукав, прежде чем он переступил порог. До меня дошло, что прежде он не бывал в хирургической: до дома Макгилливреев отсюда было добрых пять миль, и фрау Макгилливрей сама отлично справлялась с легкими недугами в своей семье.

В настоящий момент я не испытывала особенного сочувствия к Манфреду, но дала ему табурет и спросила, не хочет ли он чашечку кофе. Я подумала, что, пожалуй, можно было бы предложить парню напиток покрепче перед разговором с Джейми и мистером Уэмиссом, но потом решила, что лучше будет, если голова у него останется ясной.

– Нет, мэм, – сказал он и сглотнул, побледнев. – Я хочу сказать, нет, спасибо.

Он выглядел необыкновенно юным и очень испуганным.

– Теперь закатай рукав, пожалуйста. Я собираюсь взять у тебя немного крови, больно не будет. Так как ты познакомился с... эм... юной леди?

Мира, так ее зовут?

– Да, мэм. – Его глаза наполнились слезами, когда я назвала ее имя: видимо, он действительно любил ее, бедный мальчик... или думал, что любил.

Он встретил Миру в таверне Хиллсборо. Она казалась особенной, сказал он, и была очень хорошенькой. Когда девушка попросила молодого оружейника заказать ей стакан джина, он согласился, чувствуя себя польщенным.

– В общем, мы немного выпили вместе, и она смеялась надо мной, и... – Он, похоже, не мог объяснить, что происходило после, но наутро он проснулся в ее постели. Это окончательно решило дело, он увлекся и впоследствии хватался за любой предлог, чтобы заехать в Хиллсборо.

– Долго длился этот роман? – спросила я с любопытством.

За неимением нормального шприца для забора крови, я просто проткнула вену на сгибе его локтя ланцетом и подставила маленькую бутылочку.

Судя по всему, добрых два года.

– Я знал, что не смогу жениться на ней, – горячо объяснял он. – Meine Mutter никогда бы... – Он прервался, вдруг замерев, как кролик, слышавший лай гончих неподалеку. – Gruss Gott! – воскликнул он. – Моя мать!

Меня и саму очень интересовала эта часть истории. Уте Макгилливрей вряд ли будет рада узнать, что ее гордость и отрада, ее единственный сын, заразился стыдной болезнью, да еще такой, которая приведет к разрыву помолвки, которую Уте так долго устраивала, и скорее всего к скандалу, о котором будет знать вся округа. Тот факт, что вообще-то это смертельно опасная болезнь, вероятно, окажется второстепенным.

– Она убьет меня! – сказал он, соскальзывая со стула и торопливо раскатывая рукав.

– Скорее всего нет, – заметила я мягко. – Хотя, должно быть...

В этот момент глубокого душевного напряжения открылась задняя дверь и послышались голоса в кухне. Манфред застыл, темные кудри тревожно дрогнули. Тяжелые шаги застучали по коридору в сторону хирургической, и он, перескочив через всю комнату, перекинул ногу через подоконник и бросился в лес, как олень.

– А ну-ка верни сюда свою глупую задницу! – завопила я в открытое окно.

– Чью задницу, тетушка? – Я повернулась, чтобы увидеть, что шаги принадлежали Йену, – они были тяжелыми, потому что он нес на руках

Лиззи Уэмисс.

– Лиззи! Что случилось? Сюда, положи ее на стол. – Я сразу же поняла, что произошло: вернулась малярийная лихорадка. Девушка была без сознания, но тряслась в ознобе, безвольное тело дрожало, как желе.

– Я нашел ее в сыроварне, – сказал Йен, осторожно укладывая Лиззи на стол. – Глухой Бердсли выскочил из ниоткуда, как будто дьявол за ним гнался, увидел меня и втащил внутрь. Она лежала на полу, рядом с опрокинутой маслобойкой.

Это было очень тревожным симптомом: у Лиззи не было приступов некоторое время, но вот уже второй раз малярия обрушивалась на нее внезапно, вызывая почти мгновенный обморок, так что она не могла даже самостоятельно обратиться за помощью.

– Верхняя полка буфета, – скомандовала я Йену, спешно переворачивая Лиззи на бок и распуская шнуровку на платье. – Голубоватая банка... нет, большая.

Он без лишних вопросов схватил ее и открыл крышку, передавая мне.

– Господи, тетя! Что это? – Он сморщил нос от запаха мази.

– Среди прочего желчные ягоды и кора хинного дерева в гусином жире. Возьми немного и начинай втирать ей в ступни.

С озадаченным видом он аккуратно зачерпнул порцию серо-фиолетового крема и начал делать, как я сказала. Маленькая голая ступня Лиззи потерялась между его крупных ладоней.

– С ней все будет в порядке, как ты думаешь, тетя? – Он тревожно вглядывался в лицо девушки. Вид Лиззи обеспокоил бы кого угодно – кожа сероватого, сывороточного оттенка, все тело настолько расслаблено, что нежные щеки вибрируют от озноба.

– Скорее всего. Закрой глаза, Йен. – Я расслабила застёжки и завязки и сняла с девушки платье, нижние юбки, мешочек для мелочей и корсет. Перед тем как стянуть рубашку, я накинула на нее плохонькое одеяло, – у Лиззи было всего две рубашки, будет жаль испортить одну из них мазью.

Йен послушно зажмурился, но продолжал методично втирать мазь в ее ноги. Между сдвинутых бровей у него залегла морщинка, выражение озабоченности на мгновение сделало его невероятно похожим на Джейми.

Я подвинула банку к себе, достала немного мази и, засунув руки под одеяло, стала растирать тонкую кожу подмышек, спины и живота. Я четко ощущала контуры ее печени, крупная твердая масса под ребрами. Она была увеличена и, судя по тому, как Лиззи морщилась, довольно чувствительна – там совершенно точно шел воспалительный процесс.

– Можно мне открыть глаза?

– О! Да, конечно. Втирай выше в ноги, пожалуйста, Йен. – Подвигая банку обратно к нему, я заметила какое-то движение в дверях: там, ухватившись за косяк и не сводя глаз с Лиззи, маячил один из близнецов Бердсли. Это, должно быть, Кеси – Йен сказал, глухой Бердсли прибежал за помощью.

– С ней все будет в порядке, – сказала я ему, повысив голос. Он кивнул мне и, бросив горящий взор на Йена, исчез.

– На кого ты тут кричала, тетя Клэр? – Йен поднял на меня глаза, пытаюсь одновременно поддержать со мной светский диалог и сохранить положение Лиззи благопристойным. Одеяло было отогнуто, и его большие руки втирали мазь в кожу над ее коленом, большие пальцы повторяли изгибы коленной чашечки, кожа Лиззи казалась такой тонкой, что сквозь нее как будто просвечивал жемчуг кости.

– На кого? О, это был Манфред Макгилливрей, – ответила я, вдруг вспомнив все, что случилось до этого. – Черт! Кровь! – Я подскочила, торопливо вытирая руки о передник. Слава богу, я закупорила бутылочку – кровь внутри по-прежнему была жидкой, но долго это не продлится.

– Займись, пожалуйста, ее руками, Йен, ладно? Мне нужно с этим быстро разобраться.

Он послушно подвинулся, чтобы выполнить, что я попросила. Я тем временем торопливо капала кровь на предметные стекла, проводя по каждому чистым стеклом, чтобы получился мазок. Какой маркер может сработать на спирохетах? Неизвестно. Нужно пробовать все.

Я сбивчиво объяснила Йену, в чем дело, пока вытаскивала бутылки с маркерами из шкафа, делала растворы и помещала в них предметные стекла.

– Сифилис? Бедный парень, он, наверное, сходит с ума от страха. – Йен убрал руку Лиззи, блестящую от мази, под одеяло и осторожно укутал девушку.

Сначала меня удивило его сочувствие, но потом вспомнила причину. Йен подвергся опасности заражения сифилисом несколько лет назад, когда его похитила Гейлис Дункан. Я не была уверена, что он болен, но пролечила его остатками моего пенициллина из двадцатого века, на всякий случай.

– Ты не сказала ему, что можешь вылечить его, тетя?

– У меня не было такой возможности. Хотя, честно говоря, я не уверена, что могу. – Я уселась на табурет и взяла другую руку Лиззи, проверяя ее пульс.

– Не уверена? – Его пушистые брови подпрыгнули. – Ты говорила мне,

что я выздоровел.

– Ты – да, – подтвердила я. – Если ты вообще был болен. – Я бросила на него испытующий взгляд. – У тебя ведь никогда не было язв на половых органах? Или чего-то еще?

Он молча помотал головой, темная краска залила его бледные щеки.

– Хорошо. Но пенициллин, который я давала тебе... Он был из моего прошлого. Он был стерильный – очень сильный и эффективный. С этим я никогда не могу быть уверена. – Я махнула рукой в сторону чаш на стойке. – Достаточно ли он действенный, верная ли доза... – Я потерла тыльной стороной ладони под носом, мазь из желчных ягод имела всепроникающий запах.

– Он не всегда работает.

У меня было больше одного пациента с инфекциями, которые не реагировали на мой раствор пенициллина, – хотя в таких случаях со второго раза у меня все равно получалось. В нескольких случаях пациенты выздоравливали до того, как новый раствор был готов. Один раз пациент умер, несмотря на две разных попытки с пенициллиновыми смесями.

Йен медленно кивнул, не отнимая глаз от Лиззи. Первый приступ миновал, и она тихо лежала, одеяло едва двигалось над нежной окружностью ее груди.

– Если ты не уверена... ты ведь не дашь ему на ней жениться?

– Я не знаю. Джейми сказал, что он поговорит с мистером Уэмиссом, чтобы выяснить, что тот думает по этому поводу.

Я поднялась и достала первое стекло из розового раствора, отряхнув с него капли. Я протерла заднюю часть и аккуратно поместила образец в основание микроскопа.

– Что ты ищешь, тетя?

– Штуки, которые называются спирохетами. Это такой тип бактерий, который вызывает сифилис.

– Ооо. – Несмотря на всю серьезность ситуации, я улыбнулась, услышав нотку скептицизма в его голосе. Я уже показывала ему микроорганизмы прежде, но – как и Джейми, как почти все, – он просто не мог поверить, что нечто почти невидимое может причинить столько вреда. Единственным человеком, кто, казалось, искренне верит моим словам, была Мальва Кристи. Но и в ее случае вера объяснялась абсолютным доверием ко мне. Если я что-то говорила, она в этом не сомневалась: это очень ободряло после лет, проведенных с шотландцами, которые с разной долей подозрения прищуривали на меня глаза.

– Думаешь, он отправился домой? Манфред?

– Не знаю, – отсутствующе отвечала я, сосредоточенно двигая стекло взад и вперед. Я хорошо различала красные кровяные тельца, бледные розовые диски лениво плыли в маркерном растворе. Смертельных спиралей не было видно, но это не значит, что их там нет, – просто этот маркер их не выявляет.

Лизи пошевелилась и застонала, и, оглянувшись, я увидела, что она открыла глаза.

– Ну вот, девочка, – мягко сказал Йен и улыбнулся ей. – Уже лучше, да?

– Да? – отозвалась она слабо. Уголки ее губ чуть поднялись, и она вытянула руку наружу, ища его ладонь. Он тут же взял ее в свою и осторожно похлопал.

– Манфред, – сказала она, вертя головой в разные стороны с полуприкрытыми глазами. – Манфред здесь?

– Эм... Нет, – ответила я, обмениваясь обеспокоенным взглядом с Йеном. Что она слышала? – Он был здесь, но... уже ушел.

– О. – Казалось, потеряв интерес, она снова закрыла глаза. Йен смотрел на нее, по-прежнему поглаживая ее ладонь. Его лицо выражало глубокое сочувствие и еще, пожалуй, он что-то подсчитывал в уме.

– Может, стоит отнести девчушку в постель? – спросил он тихо, как будто мог ее разбудить. – А потом я мог бы пойти и поискать?.. – Он наклонил голову в сторону окна, выразительно подняв одну бровь.

– Если тебе не трудно, Йен. – Я замаялась, и мои глаза встретились с его, цвета лесного ореха, в которых светилась тревога и тень пережитой боли. – С ней все будет в порядке, – добавила я, пытаюсь говорить уверенно.

– Да, будет, – отозвался он твердо и наклонился, чтобы покрепче ее укутать и взять на руки. – Насколько я могу судить.

Глава 46

В которой все становится еще хуже

Манфред Макгилливрей так и не вернулся. Зато вернулся Йен, с подбитым глазом, ободранными костяшками и кратким отчетом о том, что Манфред заявил о желании умереть и собирается повеситься. Ну и пусть этот прелюбодействующий сукин сын катится ко всем чертям, пусть его гниющие кишки лопнут, как у Иуды Искарота, – лживый, вонючий мерзавец. После этого он сердито прогрохотал по лестнице, чтобы в

тишине постоять рядом с кроватью Лиззи.

Услышав это, я надеялась, что Манфред ляпнул это в приступе отчаяния, не всерьез, и ругала себя за то, что прямо и ясно не сказала ему, что могу его вылечить, даже если это было неправдой. Он ведь не решится...

Лиззи, истощенная горячкой и лихорадочным ознобом, пребывала в полубессознательном состоянии и вряд ли была готова слышать как о побеге своего жениха, так и о причине этого побега. В любом случае, как только она поправится, мне придется задать ей несколько неудобных вопросов, потому что остается вероятность, что они с Манфредом поспешили с брачными обетами, и тогда...

– Ну, есть у этого и светлая сторона, – мрачно заметил Джейми. – Близнецы Бердсли собирались выследить нашего сифилитика и кастрировать его, но теперь, когда они услышали о его намерении повеситься, то великодушно решили, что этого будет достаточно.

– Слава Господу за эти маленькие радости, – сказала я, тяжело садясь к столу. – Они ведь действительно могли бы это сделать. – Братья Бердсли, особенно Джосайя, были первоклассными следопытами и слов на ветер не бросали.

– Даже не сомневайся, – заверил меня Джейми. – Они самым серьезным образом натачивали ножи, когда я нашел их и сказал, что они могут не утруждать себя напрасными хлопотами.

Я подавила невольную улыбку, представив склонившихся над точильным камнем братьев Бердсли с их худыми, смуглыми лицами, нахмурившихся в предвкушении мести, но вспышка сиюминутного веселья мгновенно испарилась.

– О боже. Мы должны рассказать Макгилливреям.

Побледнев от этой перспективы, Джейми кивнул, но сразу отодвинул скамью.

– Мне лучше поехать туда прямо сейчас.

– Нет, сначала подкрепитесь. – Миссис Баг твердо пододвинула к нему тарелку с едой. – Не следует с Уте Макгилливрей иметь дело на пустой желудок.

Джейми заколебался, но, очевидно, нашел ее аргумент заслуживающим внимания, потому что взял вилку и с мрачной решимостью принялся за свиное рагу.

– Джейми...

– Да?

– Может быть, тебе стоит позволить Бердсли выследить Манфреда. Не

для того, чтобы навредить ему, конечно. Но мы должны найти его. Он ведь умрет, если не будет лечиться.

Джейми замер с полной вилок рагу у рта и взглянул на меня исподлобья.

– Да, только если они найдут его, он точно умрет, саксоночка. – Он покачал головой, и вилка добралась до своей цели. Он прожевал и проглотил рагу, одновременно, видимо, додумывая свой план.

– Джозеф в Бетабаре, сватается. Ему нужно сообщить, и, по-хорошему, мне бы стоило взять его с собой к Макгилливреям. Но... – Джейми задумался, по-видимому, представляя себе мистера Уэмисса – мягкого и робкого мужчину и, увы, самого бесполезного союзника, по общему мнению. – Нет, я сам поеду и скажу Робину. Может, он тоже начнет поиски Манфреда, если тот сам не передумал и не вернулся домой.

Это была воодушевляющая мысль, и Джейми уехал, надеясь на лучшее. Он вернулся около полуночи, мрачный и молчаливый: я поняла, что Манфред не вернулся.

– Ты сказал им обоим? – спросила я, откидывая одеяло, чтобы он забрался в постель рядом со мной. Он пах лошадьми и ночью, холодно и остро.

– Я попросил Робина выйти со мной и сказал ему. У меня не хватило смелости сказать это Уте в лицо, – признал он. Он улыбнулся мне, устраиваясь под одеялом. – Надеюсь, ты не сочтешь меня трусом, саксоночка.

– Ну уж нет, – заверила его я и наклонилась, чтобы задуть свечу. – Главное достоинство храбрости – благоразумие.

* * *

Мы проснулись незадолго до рассвета, потому что кто-то барабанил кулаками в дверь. Ролло, спавший наверху лестницы, мгновенно слетел вниз с угрожающим рычанием. За ним последовал Йен, который караулил у постели Лиззи, пока я спала. Джейми соскочил с кровати и, схватив заряженный пистолет с комода, присоединился к ним.

Сонная и сбита с толку, потому что проспала меньше часа, я поднялась с пульсирующей головой. Ролло на секунду прекратил лаять, и я услышала, как Джейми спрашивает через дверь, кто там.

Этот вопрос был встречен новой очередью ударов, отозвавшейся эхом на лестнице. Стук сопровождался визгливым женским криком, который

сделал бы честь какой-нибудь мощной вагнеровской арии и, казалось, сотрясал весь дом. Уте Макгилливрей.

Я начала выбираться из постели. Снизу тем временем раздавался шум нескольких голосов, лай, звук отпираемого засова и следом перепалка еще громче прежнего. Я подбежала к окну и выглянула наружу. Во дворе стоял Робин Макгилливрей, очевидно, только что спешившийся с одного из двух мулов. Он выглядел гораздо старше обычного и немного сдувшимся, как будто дух покинул его, забрав с собой всю силу и оставив тело вялым и бесполезным. Он отвернулся от переполоха, происходившего на крыльце, и закрыл глаза. Солнце только-только поднималось, и его чистые яркие лучи осветили изможденное и осунувшееся лицо мужчины, оно выглядело отчаянно несчастным. Как будто почувствовав мой взгляд, Робин открыл глаза и поднял лицо к окну. Он был растрепан, глаза покраснели. Макгилливрей увидел меня, я помахала ему, но он не ответил на мое робкое приветствие. Вместо этого он отвернулся, снова закрыл глаза и застыл в ожидании.

Переполох внизу переместился в дом и, похоже, двигался вверх по лестнице, сопровождаемый увещеваниями на гэльском, немецкими ругательствами и лаем Ролло, который никогда не жалел сил, чтобы привнести праздничное настроение.

Я дернула халат с гвоздя, но едва успела засунуть одну руку в рукав, как дверь в спальню широко распахнулась и грохнулась о стену с такой силой, что отскочила и ударила Уте в грудь. Нимало не смутившись, она снова толкнула дверь и двинулась на меня со сверкающими глазами и съехавшим набок чепцом, как многотонный грузовик.

– Ты! Weibchen! Как ты смеешь, такое оскорбление, такой ложь болтать о мой сын! Я тебя убить, я повыдергивать твои волосы, nighean na galladh!

Она бросилась на меня, и я отпрянула в сторону, едва увернувшись от ее смертельной хватки.

– Уте! Фрау Макгилливрей! Послушайте ме...

Вторая попытка оказалась более удачной: она схватила меня за рукав ночной рубашки и дернула его, с треском раздирая ткань у меня на плече, а свободной рукой вцепилась мне в лицо.

Я отшатнулась, закричав что было сил, в памяти всплыло воспоминание о том, как другая рука ударила меня по лицу, руки потянули меня...

Я ударила ее, продолжая истошно кричать, все мое существо переполняло ужас. Мой вопль не прекращался, крошечные остатки здравого смысла где-то в глубине мозга фиксировали происходящее с бессильным

изумлением, но этого было недостаточно, чтобы остановить животную панику, беспричинную ярость, которая была из меня, как из внезапно обнаруженного гейзера.

В слепом исступлении, дико крича, я снова и снова обрушивала кулаки на противника – даже в этот момент продолжая удивляться, зачем я все это делаю?

Чья-то рука обхватила меня за талию и оторвала от пола. Новый приступ паники охватил меня, и затем я вдруг обнаружила себя в одиночестве, меня никто не трогал. Я стояла в углу у платяного шкафа, задыхаясь и покачиваясь как пьяная. Передо мной, расправив плечи и вытянув руки в стороны, заслоняя меня, стоял Джейми. Он что-то говорил, очень спокойно, но я утратила способность понимать человеческую речь. Я прижалась руками к стене, и ее твердость меня немного успокоила.

Кровь бешено стучала в ушах, звук моего дыхания пугал меня, он напоминал удушье, которое я ощущала, когда Харли Боббл сломал мне нос. Я закрыла рот и замерла, стараясь избавиться от этого чувства. Идея с задержкой дыхания, похоже, сработала – у меня начало получаться осторожно вдыхать через нос.

Уте двигала губами, и я стала смотреть на них, пытаюсь заново разобраться в происходящем, вернуться в настоящее.

Движение губ Уте привлекло мое внимание, и я уставилась на них, стараясь заново определиться в месте и во времени. Я слышала слова, но не понимала их. Я размеренно дышала, позволяя словам окутывать меня подобно воде, я разбирала оттенки эмоций: гнев, увещевания, протест, смягчение, пронзительный вопль, рычание – но конкретного смысла для меня в них не было. Затем я глубоко вздохнула и вытерла лицо – оно почему-то оказалось влажным, – и внезапно все пришло в норму. Я слышала и понимала.

Уте пристально смотрела на меня, на ее лице отражались злоба и отвращение, чуть смазанные тщательно скрываемым ужасом.

– Ты безумная, – сказала она, кивая головой. – Я поняла. – Она говорила почти спокойно. – Что ж...

Она повернулась к Джейми, рефлексивно закручивая пучок засаленных светлых волос на макушке и засовывая их под огромный чепец. Лента была разорвана и нелепо висела прямо у нее над глазом.

– Значит, безумная. Я так и скажу, но мой сын – мой сын! – пропал. Так что... – Она постояла, покачиваясь, оценивающе глядя на меня, потом потрясла головой и снова повернулась к Джейми. – Салем для вас закрыт, – сказала она отрывисто. – Моя семья и все, кто нас знают, не будут с вами

торговать. И никто из тех, кому я расскажу, какое зло она сотворила. – Ее взгляд снова обратился на меня, холодный, бледно-голубой, она скривила губы в презрительной ухмылке под болтающейся петлей разорванной ленты. – Ты изгой. Тебя – тебя не существует. – Она развернулась на каблуках и вышла из комнаты, заставив Йена и Ролло спешно посторониться. Ее шаги отдавались тяжелым эхом на лестнице – громкие, размеренные удары, будто звук погребального колокола.

Я видела, как плечи Джейми мало-помалу расслабляются. Он по-прежнему был в ночной рубашке, на ней между лопаток темнело влажное пятно, его пальцы сжимали револьвер.

Внизу хлопнула входная дверь. Мы замерли, оглушенные внезапной тишиной.

– Ты ведь не застрелил бы ее, правда? – спросила я, прочищая горло.

– Что? – Он обернулся, глядя на меня. Потом он заметил, куда я смотрю, и с удивлением перевел взгляд на револьвер у себя в руке, как будто удивляясь, откуда он там взялся.

– О, – выдавил он, – нет, – и замотал головой, одновременно вытягивая руку вверх, чтобы вернуть оружие обратно на верхушку буфета. – Я забыл, что держу его. Хотя, видит Бог, я бы с радостью прикончил эту безумную старую каргу, – добавил он. – Ты в порядке, саксоночка?

Он наклонился, чтобы посмотреть на меня, в глазах светилась мягкость.

– Я в порядке. Не знаю, что это было, но оно уже исчезло.

– Да, – отозвался он тихо и посмотрел в сторону, опустив длинные ресницы, так что они скрыли от меня его глаза. Значит, он тоже это чувствовал? Внезапно обнаруживал себя... там? Я знала, что иногда подобное случалось. Мне вспомнилось, как однажды в Париже я проснулась и увидела его в проеме открытого окна, он упирался в створки рамы с такой силой, что рельеф его мышц был виден в лунном свете.

– Я в порядке, – повторила я, дотрагиваясь до него, и он ответил мне короткой застенчивой улыбкой.

– Ты должен был укунить ее. – Йен отчитывал Ролло. – У нее задница размером с тюк табака – как ты мог прошляпить свой шанс?

– Наверное, побоялся отравиться, – ответила я, выходя из своего угла. – Думаешь, она это всерьез? То есть, конечно, всерьез. Но думаешь, это ей под силу? Я имею в виду, заставить всех перестать с нами торговать.

– Ей под силу заставить Робина, – сказал Джейми, на его лицо вернулось выражение мрачной уверенности. – Насчет остальных будет видно.

Йен, хмурясь, покачал головой и осторожно потер разбитый кулак о штанину.

– Думаю, надо было сломать Манфреду шею, – произнес он с искренним сожалением. – Могли бы сказать фрау Уте, что он упал со скалы, и сберечь себе нервы.

– Манфред? – Тоненький голосок заставил всех разом обернуться.

В дверях стояла Лиззи, худая и бледная, как привидение, глаза неестественно большие и остекленевшие после недавней лихорадки.

– Что с Манфредом? – спросила она. Девушка опасно раскачивалась и положила руку на косяк, чтобы не упасть. – Что случилось?

– Подцепил сифилис и сбежал, – объяснил Йен коротко, подходя к ней. – Надеюсь, ты не успела подарить ему свою невинность.

* * *

На деле Уте Макгилливрей не удалось воплотить свою угрозу в полной мере, но стычка и без того принесла нам довольно вреда. Драматическое исчезновение Манфреда, разрыв помолвки с Лиззи и причина этого разрыва были оглушительным скандалом, и слухи расползлись от Хиллсборо и Солсбери, где он трудился помощником оружейника, до Салема и Хай-Пойнта.

Однако благодаря стараниям Уте история стала еще более запутанной, чем можно ожидать от такого рода сплетен: одни говорили, что он заразился сифилисом, другие, что я злонамеренно оклеветала его из-за каких-то разногласий с его родителями. Третьи, более благожелательно настроенные, не верили, что Манфред был болен, и считали, что я ошиблась с диагнозом.

Те, кто верил в его сифилис, разделились по вопросу того, как парень мог заразиться. Половина была убеждена, что он подцепил заразу от какой-то шлюхи, а другая половина верила, что его заразила бедняжка Лиззи, чья репутация ужасно страдала из-за этой истории. В конце концов Йен, Джейми, близнецы Бердсли и даже Роджер начали защищать ее честь кулаками, что, разумеется, не прекратило толки, но заставило болтунов закрывать рот, если кто-то из них был рядом.

Многочисленная родня Уте из окрестностей Ваковии, Салема, Беф-Арабы и Вифании, разумеется, верила в ее версию истории, и люди всюду мололи языками. Салем не перестал целиком торговать с нами, но так поступили многие. И не единожды мне случалось приветствовать хорошо

знакомых моравов, которые в ответ смотрели мимо меня с каменным лицом и молчали или вовсе отворачивались. Этот неприятный опыт заставил меня покончить с поездками в Салем.

Лиззи, за вычетом первого оглушительного разочарования, казалось, была не слишком огорчена разрывом помолвки. Она говорила, что ей жаль Манфреда, что она растеряна и удивлена, но потеря не опустошила ее. И поскольку она теперь нечасто покидала Ридж, она не слышала, что люди говорят про нее. Зато ее всерьез расстроила потеря дружбы с семьей Макгилливреев – и особенно с Уте.

– Видите ли, мэм, – сказала она мне с тоской, – у меня никогда не было матушки, моя умерла, когда я родилась. А потом *mutti*, так она попросила ее называть, когда я дала согласие на брак с Манфредом, сказала, что я тоже ее дочь, точно как Хильда, Инга и Сенга. Она так же суежилась надо мной, поддевала и смеялась надо мной, как над ними. И это было... так хорошо, иметь такую большую семью. А теперь я всех их потеряла.

Робин, который был искренне привязан к девушке, послал ей короткую, полную сожалений записку – с передачей помог старина Ронни Синклер. Но с момента исчезновения Манфреда ни Уте, ни девочки не пришли увидеть ее, не прислали ни одной весточки.

Хуже всего пришлось Джозефу Уэмиссу. Он ничего не говорил, очевидно не желая расстраивать Лиззи, но весь поник, как цветок без воды. Кроме боли за Лиззи и печали от того, что ее репутация очернена, он, как и дочь, скучал по Макгилливреям, после стольких лет одиночества ему нравилось внезапно ощутить себя частью большой шумной семьи со всеми ее маленькими радостями.

Еще хуже было то, что Уте, не в силах исполнить свою угрозу целиком, все же могла влиять на свою близкую родню, включая пастора Берриша и его сестру Монику, которой – как мне по секрету сказал Джейми – было запрещено говорить и видаться с Джозефом.

– Пастор отослал ее к родственникам своей жены в Галифакс, – сказал он, грустно покачивая головой. – Чтобы забыла.

– Бог мой.

И никаких, даже малейших следов Манфреда. Джейми пытался узнать хоть что-то через все свои обычные каналы, но никто не видел его с тех пор, как он покинул Ридж. Я думала о нем – и молилась за него – каждый день, меня преследовали картины того, как он прячется в лесу совсем один, а смертоносные спирохеты размножаются у него в крови. Или, еще хуже, как он плывет в Вест-Индию на каком-нибудь корабле, утоляя свое горе в объятиях ничего не подозревающих портовых шлюх, которым он передаст

свою безмолвную роковую инфекцию, а они, в свою очередь... Иногда передо мной представляла кошмарная фантазия о свисающем с ветки в уединении леса гниющем теле, которое не оплакивает никто, кроме ворон, которые прилетают обгладывать его кости. И несмотря ни на что, я не могла найти в себе ненависти к Уте Макгилливрей, которую скорее всего посещают такие же видения.

Единственным светлым лучиком в этом темном царстве был Том Кристи, который, вопреки моим ожиданиям, позволил Мальве продолжать работать со мной в хирургической. Единственным его условием было предупредить его заранее, если я захочу, чтобы Мальва снова помогла мне с эфиром.

– Вот. – Я сделала шаг в сторону, жестом приглашая ее взглянуть в окуляр микроскопа. – Видишь их?

Ее губы сжались в тихом восторге. Я потратила немало времени, чтобы подобрать комбинацию маркера и отраженного солнечного света, которая позволит увидеть спирохеты. К счастью, я преуспела. Они были нечеткими, но их можно было разглядеть, если знать, что искать. Несмотря на абсолютную уверенность в поставленном диагнозе, я вздохнула с облегчением, увидев их.

– О да! Крошечные спирали. Я их вижу! – Она посмотрела на меня, хлопая ресницами. – Вы правда считаете, что эти штучки заразили Манфреда сифилисом? – Она слишком уважала меня, чтобы открыто выразить скептицизм, но я видела его в ее глазах.

– Именно так. – Мне уже не раз приходилось объяснять микробную теорию болезней самым разным обитателям восемнадцатого века, в свете этого опыта я не ожидала легкой победы. В списке типичных реакций был отсутствующий взгляд, снисходительный смех или равнодушное фырканье.

От Мальвы я ожидала чего-то подобного в более деликатной и уважительной форме. Однако, к моему удивлению, она мгновенно уловила основной принцип – или, по крайней мере, сделала вид.

– Ну ладно, допустим. – Она положила обе руки на стол и снова посмотрела на спирохеты. – Значит, эти крошечные червяки вызывают сифилис. Но как? И почему те штуки из моих зубов, которые вы показывали, ничем меня не заразили?

Я, как могла, изложила ей теорию «хороших жучков» или «нейтральных жучков» и «плохих жучков». Это она вроде бы приняла благосклонно. Но идея о клетках и о том, что все тело состоит из них, заставила ее озадаченно вглядываться в собственную ладонь, пытаясь разглядеть отдельные клетки. Как бы там ни было, она приняла мои слова

на веру и, сунув ладонь в карман передника, вернулась к своим вопросам.

– Эти жучки вызывают все болезни? А пенициллин – почему он убивает одних жучков и не действует на других? И как жучки переходят от одного человека к другому?

– Некоторые путешествуют по воздуху – вот почему тебе стоит избегать тех, кто кашляет или чихает рядом с тобой. Некоторые передвигаются по воде – поэтому нельзя пить из источников, которые могли использовать в качестве уборной. А некоторые... ну, другими способами.

Я не знала, насколько много ей известно о сексе. Она жила на ферме, поэтому знала, конечно, как спариваются свиньи, лошади и куры, но просвещать ее я не планировала, еще меньше мне бы хотелось, чтобы об этом узнал ее отец. Он скорее предпочтет эксперименты с эфиром подобным знаниям.

Девушка, естественно, зацепилась за мою уклончивость.

– Другие пути? Какие такие другие пути?

Внутренне обреченно вздохнув, я рассказала ей, как обстоит дело.

– Они делают что? – недоверчиво переспросила она. – Мужчины, я имею в виду. Как животные! Как женщины вообще позволяют мужчинам делать с собой такое?

– Ну, вообще-то они и есть животные, знаешь ли, – сказала я, сдерживая смех. – И женщины тоже. Что касается того, почему позволяют... – Я потеряла нос, пытаясь правильно сформулировать причину. Но она уже двигалась дальше, сложив два и два у себя в голове.

– За деньги! – выпалила она с видом озарения. – Так поступают шлюхи! Они позволяют делать это с ними за деньги.

– В общем, да. Но обычные женщины, не шлюхи...

– Дети, да, вы говорили. – Она кивнула, но думала явно о другом: ее маленький гладкий лоб сморщился от напряжения.

– Сколько им платят? – спросила она. – Думаю, я бы попросила очень много, чтобы позволить мужчине...

– Я не знаю, – ответила я, несколько сбита с толку. – Думаю, по-разному. Зависит от ситуации.

– От ситуации... О, вы имеете в виду, если он, например, уродлив, с него можно попросить больше? Или если она некрасивая... – Она бросила на меня быстрый любопытный взгляд. – Бобби Хиггинс рассказывал мне о шлюхе из Лондона, с которой был знаком, – ее лицо было изуродовано купоросным маслом. – Она посмотрела на шкаф, где я держала под замком серную кислоту, и ее худые плечики передернулись от отвращения.

– Да, он говорил мне о ней. Купоросное масло – это то, что мы называем каустическими жидкостями, она сжигает. Вот почему...

Но мыслями Мальва уже вернулась к интересующей ее теме.

– Только представьте себе Манфреда Макгилливрея выделяющим такое! – Она выпучила на меня свои серые глаза. – Ну, или Бобби. Он ведь тоже наверное... да?

– Есть основания думать, что солдаты склонны...

– Но Библия, – сказала она, задумчиво косясь куда-то в сторону. – Там говорится, что нельзя блудить с идолами. Это значит, что мужчины совали свои пенисы в... Думаете, идолы выглядели как женщины?

– Нет, я уверена, что тут имелось в виду нечто иное, – поспешно ответила я. – Это, знаешь, больше метафора. Эээ... Вроде как страстно желать чего-то... Думаю, это не значит...

– Страстно желать, – задумчиво повторила она. – Это значит хотеть чего-то плохого, греховного, ведь так?

– Ну да, почти. – Меня обдавало волнами жара по всему телу. Мне срочно нужен был свежий воздух, или я покраснею как помидор и покроюсь нервной испариной. Я поднялась, чтобы выйти, но почувствовала, что не могу оставить ее с мыслью о том, что секс связан только с детьми или деньгами, даже если так оно и было для некоторых женщин.

– Вообще-то есть еще другая причина для совокупления, – сказала я через плечо, двигаясь к двери. – Когда любишь кого-то, хочешь доставить ему удовольствие. И он хочет того же для тебя.

– Удовольствие? – недоверчиво вскрикнула она у меня за спиной. – Хотите сказать, каким-то женщинам это нравится?

Глава 47

Пчелы и розги

Я совершенно не собиралась шпионить. Пчелы, живущие в одном из моих ульев, решили его покинуть, и я отправилась на поиски беглецов. Новые рои обычно не улетали слишком далеко, иногда проводя часы на привале в древесной развилке или полом, сгнившем изнутри стволе, где они организовывали жужжащий совещательный шар. Если удавалось обнаружить их до того, как они примут решение, где обосноваться, появлялся шанс соблазнить их пустым ульем-корзиной и снова захватить в плен.

Проблема с пчелами заключалась в том, что они не оставляли следов. Я бродила туда-сюда по склону горы примерно в миле от дома с пустым ульем, болтающимся на веревке за спиной, пытаюсь следовать охотничьим советам Джейми, то есть думать, как пчела.

Выше по склону пестрели поляны цветущего галакса, узколистного кипрея и других диких цветов, но было и еще кое-что – очень привлекательная сухая коряга, которая мне бы понравилась, будь я пчелой. Она выглядывала из густых зарослей чуть ниже. Улей был тяжелым, а склон – крутым, спускаться было легче. Я подтянула веревку, которая уже начала натирать мне плечо, и начала пробираться вниз сквозь заросли ядовитого сумаха и ольхолистной калины, я выбирала устойчивые камни и хваталась за ветки, чтобы не поскользнуться.

Сосредоточенная на своих передвижениях, я не особенно задумывалась о том, где именно нахожусь. Через несколько минут я обнаружила себя на полянке среди густого кустарника, откуда была видна крыша хижины внизу. Чья это? Наверное, Кристи. Я вытерла струящийся по лицу пот рукавом – день был жаркий, а я не прихватила с собой фляжку. Наверное, можно будет остановиться и попросить воды по пути домой.

Когда я наконец добралась до коряги, меня постигло разочарование – никаких признаков сбежавшего роя. Я стояла без движения, промакивая пот с лица и напряженно прислушивалась, надеясь уловить низкое пчелиное жужжание. Я слышала гул и стрекот мелких насекомых вокруг, веселый гам маленькой стайки поползней выше по склону, но никаких пчел. Вздохнув, я развернулась, чтобы обойти корягу, но помедлила, заметив что-то белое внизу.

Томас и Мальва Кристи стояли на заднем дворе своего дома. Я заметила его белую рубашку, потому что он двигался, но теперь Кристи замер, скрестив руки на груди. Его внимание было сосредоточено на дочери, которая срезала ветки с одного из горных ясеней на краю поляны. Но зачем?

В этой сцене было что-то странное, но я не могла понять, что именно меня смущает. Специфическое положение его тела? Ощущение напряженности между ними?

Мальва вернулась к отцу, неся в руках несколько длинных тонких веток в руке. Ее голова была опущена, поступь казалась тяжелой и неохотной. Когда она передала ему ветки, я вдруг резко поняла, что именно происходит. Они были слишком далеко, чтобы я могла их слышать, но, очевидно, он что-то сказал, указывая на пень, который он использовал в качестве колоды для рубки дров. Она опустила на колени рядом с ним,

наклонилась вперед и задрала юбки, обнажая ягодичы.

Без всяких колебаний Томас Кристи поднял розги и со всей силы хлестнул ее по заднице, потом поднял их снова и опустил уже в другом направлении, раскрашивая ее плоть перекрестными полосами, которые были видны мне даже на таком расстоянии. Он повторил эту процедуру еще несколько раз, махая свежими ветками с размеренной расслабленностью, его безмятежная жестокость шокировала меня тем больше, что в ней не было никаких видимых эмоций. Мне даже не пришло в голову отвернуться. Я стояла в кустарнике как громом пораженная, не в состоянии даже отмахнуться от мошек, которые кружили около моего лица.

Кристи бросил прутья на землю, развернулся на каблуках и вернулся в дом, прежде чем я успела моргнуть. Мальва села на корточки и отряхнула свои юбки, затем поднялась и осторожно разгладила ткань сзади. Лицо у нее было пунцовое, но она не выглядела потерянной или заплаканной.

Она к этому привыкла – мысль пришла ко мне сама собой. Я замялась, не зная, что делать дальше. Прежде чем я успела принять решения, Мальва поправила капор, развернулась и пошла в лес с написанной на лице решимостью – пошла прямо в мою сторону.

Я инстинктивно нырнула за большое тюльпанное дерево. Никаких серьезных травм у нее не было, и, уж конечно, она не захочет узнать, что кто-то стал свидетелем инцидента с розгами. Мальва прошла в паре футов от меня, немного задыхаясь от крутого подъема, фыркая и бормоча себе под нос, что позволило мне предположить, что она скорее сердита, чем расстроена.

Я осторожно выглянула из-за дерева, но увидела только ее белый чепец, мелькающий между деревьев. В той стороне не было домов, и она не взяла с собой корзину или ножа для ягод или трав. Должно быть, ей просто хотелось побыть в одиночестве. Ничего удивительного, если так.

Я подождала, пока она совсем не скрылась из виду, и только потом начала спускаться вниз по склону. Я не остановилась возле дома Кристи, несмотря на жажду, и целиком потеряла интерес к сбежавшим пчелам.

* * *

Я нашла Джейми у забора недалеко от дома, разговаривающим с Хирамом Кромби. Я кивнула в приветствии и встала неподалеку, в нетерпении ожидая, пока Кромби закончит со своими делами, чтобы рассказать Джейми о том, что я только что увидела. К счастью, Хирам

предпочел быть кратким – мое присутствие его нервировало.

Я тут же изложила Джейми случившееся и с раздражением обнаружила, что он не разделяет моего беспокойства. Если Том Кристи считает нужным пороть свою дочь, это его дело.

– Но он может... Это может быть... Возможно, дело не ограничивается поркой. Может, он... делает с ней и другие вещи.

Он посмотрел на меня с удивлением.

– Том? У тебя есть причины так думать?

– Нет, – неохотно признала я. Семья Кристи вызывала у меня неоднозначные чувства, но причиной тому скорее всего был тот факт, что я не ладила с Томом. Конечно, я была не настолько наивна, чтобы думать, будто крайняя набожность гарантирует отсутствие злых намерений, но, строго говоря, она ведь не гарантирует и их присутствие. – Но ты ведь согласен, что в ее возрасте он уже не должен пороть ее вот так?

Он посмотрел на меня с некоторым раздражением.

– Ты ничегошеньки не понимаешь, да? – спросил он, эхом повторяя мои собственные мысли.

– Именно это я хотела сказать про тебя, – отозвалась я, отвечая ему взглядом на взгляд. Он не отвел глаза, продолжая смотреть на меня, и его лицо медленно начало кривиться от усмешки.

– Значит, все иначе? – спросил он. – В твоем мире. – Прозвучавшей в его фразе резкости было достаточно, чтобы напомнить мне, что мы не в моем мире и вряд ли когда-то в нем окажемся. У меня по коже пробежал мороз, светлые волоски на руке встали дыбом.

– Значит, в твоё время мужчины не бьют женщин? Даже если на то есть причина?

И что я должна была на это ответить? Я не могла солгать, даже если бы захотела, – он слишком хорошо знал, что мое лицо выдает меня с головой.

– Некоторые бьют, – признала я. – Но это не одно и то же. Там, то есть в том времени, мужчина, бьющий женщину, преступник. Но, – добавила я справедливости ради, – мужчины, которые бьют жен, обычно работают кулаками.

Его лицо исказила гримаса отвращения, смешанного с удивлением.

– Какой мужчина способен на такое?

– Плохой мужчина.

– Надо думать, саксоночка. И ты не видишь разницы? – спросил он. – Для тебя это было бы одно и то же, если бы я разбил тебе лицо, вместо того чтобы пару раз врезать ремнем по заднице.

К моим щекам резко прилила кровь. Однажды он поднял на меня руку, и я этого не забыла. Тогда мне хотелось его убить, да и воспоминания не будили во мне нежности. В то же время мне, конечно, хватало ума не приравнивать его действия к современному мне домашнему насилию.

Джейми посмотрел на меня, приподняв одну бровь, и вдруг понял, о чем я думаю, его рот растянулся в улыбке.

– О, – сказал он.

– Именно так, «О», – резко отозвалась я. Мне удалось выбросить этот унижительный эпизод из головы, и воспоминания, мягко говоря, не приносили мне радости.

Джейми, напротив, явно наслаждался, вспоминая. Он разглядывал меня в совершенно недопустимой манере, по-прежнему довольно ухмыляясь.

– Боже, ты вопила, как банши.

В этот момент я отчетливо ощутила, как у меня в висках застучала кровь.

– У меня, черт побери, была на то причина!

– О да, – сказал Джейми, и ухмылка стала шире. – Была. Но ты сама виновата, – добавил он.

– Сама в...

– Это правда, – сказал он твердо.

– Ты извинился! – выпалила я, совершенно выходя из себя. – Ты знаешь сам, что извинился!

– Нет, не извинился. И все случилось по твоей вине, – сказал он, совершенно игнорируя всякую логику. – Тебе бы досталось куда меньше, если бы ты послушалась меня с самого начала, когда я сказал тебе встать на колени и...

– Послушалась тебя! Думаешь, я бы просто безропотно покорилась тебе и позволила...

– Я никогда не видел, чтобы ты делала что-то покорно и безропотно, саксоночка. – Он взял меня за руку, чтобы помочь перейти через перелаз, но я вырвалась, пыхтя от негодования.

– Проклятый шотландский варвар! – Я бросила улей на землю у его ног, подхватила юбки и стала перебираться самостоятельно.

– Ну, я ведь больше этого не делал, – возразил он у меня за спиной. – Я пообещал, верно?

Я развернулась на другой стороне и недобро уставилась на него.

– Только потому, что я пригрозила вырезать тебе сердце, если попытаешься!

– Ну, пусть так. Я ведь мог повторить, и ты это прекрасно знаешь, саксоночка. Да? – Он перестал ухмыляться, но в глазах блесело веселье.

Я сделала несколько глубоких вдохов, пытаюсь одновременно взять под контроль свою злость и придумать уничтожающий ответ. Но стратегия провалилась, поэтому я коротко и с достоинством фыркнула ему в лицо и развернулась на каблуках.

Я слышала, как шуршал его килт, когда он наклонился поднять улей, потом перепрыгнул через перелаз и пошел следом, нагнав меня через пару шагов. Я не смотрела на него, мои щеки по-прежнему пылали.

Меня выводило из себя то, что я действительно прекрасно знала, что ему ничто не мешало повторить. Я отлично все помнила. Он воспользовался своей портупеей так, что я несколько дней не могла нормально сидеть; и если он решит сделать это снова, то вряд ли его что-то сможет остановить. Мне удавалось по большей части игнорировать тот факт, что я официально являлась его собственностью. Однако эта моя способность не отменяла факта, что он мной владеет, – и он это знал.

– Как насчет Брианны? – требовательно спросила я. – Ты бы считал так же, если бы Роджер внезапно решил выпороть ремнем твою дочь?

Эта идея показалась ему забавной.

– Думаю, он попал бы в дьявольскую заварушку, если бы такое взбрело ему в голову, – ответил он. – Она смелая девчушка, а? И я боюсь, она унаследовала твои представления о кротости и послушании. Но знаешь, – добавил он, перебрасывая веревку с ульем через плечо, – невозможно ведь угадать, что происходит между супругами. Может, ей понравилось бы, если бы он попытался.

– Понравилось?! – Я ошеломленно вытаращила на него глаза. – Как ты можешь думать, что женщины вообще могут...

– О, да? Как насчет моей сестры?

Я остановилась посреди тропы как вкопанная, глядя на него.

– Что насчет твоей сестры? Ты же не хочешь мне сказать...

– Хочу. – Лукавые искры снова заблестели у него в глазах, но он, кажется, не шутил.

– Йен бьет ее?

– Я бы предпочел, чтобы ты перестала это так называть, – мягко сказал он. – Звучит так, будто Йен бросается на нее с кулаками и оставляет синяки на лице. Я хорошенько тебя выпорол, но кровь не пускал, ради всего святого. – Его глаза ненадолго задержались на моем лице; все уже зажило, по крайней мере внешне; только крошечный шрам поперек брови слева – незаметный, если не присматриваться и не раздвигать волосы. – И Йен бы

не стал.

Это меня совершенно ошеломило. Мне довелось несколько месяцев прожить в непосредственной близости от Йена и Дженни Мюррей, и я ни разу не видела, чтобы Йен вел себя несдержанно. К тому же было очень сложно представить, чтобы кто-то пытался проделать такое с Дженни Мюррей, которая – если это вообще возможно – обладала еще более сильным характером, чем ее брат.

– Так что он сделал? И почему?

– Ну, он только доставал свой ремень время от времени, – ответил он. – И только тогда, когда она давала ему повод.

Я глубоко вздохнула.

– Давала ему повод? – спросила я довольно спокойно для ситуации.

– Ну, ты знаешь Йена, – сказал он, пожимая плечами. – Он не таков, чтобы ввязываться в подобное, если только Дженни не захотела его спровоцировать.

– Я никогда не замечала, чтобы между ними происходило что-то в этом роде, – сказала я, угрюмо глядя на него.

– Ну, вряд ли она бы стала это делать в твоём присутствии.

– А в твоём стала бы?

– Ну, нет, не совсем так, – признал он. – Я нечасто бывал дома после Каллодена. Заходил время от времени навестить их и видел... что у нее что-то на уме. – Он потер нос и зажмурился, подняв глаза к солнцу и подыскивая нужные слова. – Она, знаешь, втягивала его в это, провоцировала, – сказал он, пожимая плечами. – Цеплялась к нему без причины, делала всякие саркастические ремарки. Она... – Его лицо прояснилось, когда он наконец нашел подходящее описание. – Она вела себя как испорченная девчонка, которая просит ремня.

Я нашла его определение совершенно неправдоподобным. Дженни Мюррей была остра на язык и едва ли стеснялась практиковать эту способность на ком-либо, включая мужа. Йен, добрая душа, только смеялся в ответ. Тем не менее это никак не вязалось с тем, что рассказывал теперь Джейми.

– Так вот. Как я и сказал, такие выпады я видел всего пару раз. Йен пристально смотрел на нее в ответ, но хранил молчание. И вот однажды я охотился на закате и подстрелил небольшого оленя за башней на холме. Помнишь это место?

Я кивнула, по-прежнему пребывая в растерянности.

– Это довольно близко к дому, так что я мог донести тушу без посторонней помощи. Я притащил ее вниз, в копильню, и подвесил там.

Поблизости никого не было – я позже узнал, что дети и слуги, все уехали на рынок в деревню Брех-Мордха. Я думал, что в доме никого нет, и зашел на кухню, чтобы перекусить и выпить чашку кефира, прежде чем уйти.

Скоро его испугал шум, раздающийся в якобы пустом доме из спальни наверху.

– Что за шум? – спросила я с любопытством.

– Ну... вскрики, – сказал он, пожимая плечами. – И хихиканье. Толкотня и стук, как будто стул перевернулся или что-то вроде того. Если бы не смех, я бы подумал, что в доме воры. Но я понял, что это голоса Дженни и Йена, и... – Он прервался, кончики его ушей покраснели от воспоминаний. – А потом... было еще несколько фраз на повышенных тонах... а после звук удара ремня о задницу и вопль, который и за шесть полей было слышно.

Он глубоко вдохнул и пожал плечами.

– Я немного растерялся и сразу не сообразил, что делать дальше.

Я кивнула, понимая его, по крайней мере, в этом.

– Да, полагаю, ситуация была несколько неловкая. Это... эээ... продолжилось после?

– Да, продолжилось. – Он бросил на меня выразительный взгляд. – Имей в виду, саксоночка, если бы я понял, что он причиняет ей боль, я бы уже через секунду оказался в той спальне. Но... – Он отмахнулся от навязчивой пчелы, покачав головой. – В этом было... было ощущение... Я даже не знаю, как это объяснить. Не то чтобы Дженни смеялась – она вообще не смеялась, – но я чувствовал, что ей хочется смеяться. И Йен... Ну, Йен смеялся. То есть не в голос, но это было... в его интонации.

Он выдохнул и провел костяшками по челюсти, вытирая пот.

– Я стоял там как столб с куском пирога и слушал. Я очнулся только тогда, когда мухи стали целить в мой открытый рот, и к тому времени эти двое наверху... начали... мхм... – Он ссутулил плечи, будто рубашка была ему мала.

– Начали мириться? – сухо подсказала я.

– Думаю, что так, – ответил он серьезно. – Я ушел. Прошел весь путь до Фойна пешком и на ночь остановился у бабушки Макнаб. – Фойн был маленьким поселком в пятнадцати милях от Лаллиброха.

– Почему? – спросила я.

– Ну, у меня не было выбора, – ответил он. – Я же не мог просто игнорировать происходящее. Оставалось либо слоняться вокруг и думать о всяком, либо сдаться и заняться самоудовлетворением, но вряд ли бы я смог это сделать – все-таки это моя родная сестра.

– Хочешь сказать, ты не можешь одновременно думать и заниматься сексом? – спросила я, смеясь.

– Конечно, нет, – ответил он, подтверждая мое давнее подозрение, и посмотрел так, будто я сумасшедшая. – А ты можешь?

– Я могу, да.

Он приподнял одну бровь, явно сомневаясь в моей честности.

– Ну, я не сказала, что я всегда так делаю, – признала я, – но это возможно. Женщины привычны к тому, чтобы заниматься несколькими делами одновременно, у них нет другого выбора из-за детей. Но возвращаясь к Дженни и Йену... Какого черта...

– Ну, я думал об этом, пока шел, – признал Джейми. – Похоже, я просто не мог перестать думать об этом. Бабуля Макнаб видела, что меня что-то одолевает, и мучила меня за ужином до тех пор... ох... До тех пор, пока я не рассказал ей.

– Правда? И что она сказала? – спросила я увлеченно. Я знала миссис Макнаб, она была бодрой старушкой с очень прямолинейной манерой разговора и большим опытом по части человеческих слабостей.

– Она гоготала с таким звуком, какой бывает, если бросишь колючки в огонь, – сказал он, приподняв уголок рта. – Я думал, она от смеха свалится в очаг.

Придя в себя, старая леди вытерла глаза от выступивших слез и ласково, будто он был дурачком, все ему объяснила.

– Она ответила, это все из-за ноги Йена, – сказал Джейми, глядя на меня, чтобы узнать, вижу ли я логику в этом ответе. – Что для Дженни никакой разницы нет, а для него это важно. Бабушка Макнаб сказала, – добавил он, краснея еще гуще, – что мужчины понятия не имеют, что женщины думают о постели, но считают, что знают, – от этого случаются неприятности.

– Мне всегда нравилась бабуля Макнаб, – пробормотала я. – Что еще?

– Ну, она сказала, что Дженни скорее всего давала Йену – а может, и себе самой тоже – понять, что считает его мужчиной, с ногой или без ноги.

– Что? Почему?

– Потому что, саксоночка, – ответил он очень сухо, – если ты родился мужчиной, ты по большей части занят тем, что очерчиваешь границы и борешься с теми, кто их переходит. С врагами, с арендаторами, с детьми. С твоей женой. Не всегда можно драться или доставать розги, но если так случается, то всем должно быть ясно, кто здесь главный.

– Но это совершенно... – начала я и прервалась, сосредоточенно хмурясь.

– И если ты мужчина, то ты главный. Ты устанавливаешь порядок, нравится тебе это или нет. Это правда, – сказал он и коснулся моего локтя, кивая на полянку в лесу. – Сделаем привал ненадолго? Я хочу пить.

Я последовала за ним по узкой тропинке через лес к источнику, который мы называли Зеленым Ключом, – это был поток воды, весело пузырящийся по бледному серпантину в небольшом тенистом углублении, чаше из мха. Мы склонились над ним, ополоснули лица и напились, с облегчением выдыхая. Джейми зачерпнул воды ладошкой и плеснул под рубашку, закрыв глаза от удовольствия. Я засмеялась над ним, но отколола свою пропитанную потом косынку и опустила ее в источник, чтобы протереть шею и руки.

Прогулка к ручью прервала нашу беседу, и я не знала, стоит ли вообще ее возобновлять. Вместо этого я тихо села в тенек, обхватила руками колени и погрузила стопы в мягкий мох.

Джейми, кажется, тоже не испытывал необходимости в словах. Он прилег, прислонившись спиной к камню, влажная ткань рубахи прилипла к его груди. Мы молчали, прислушиваясь к лесу.

Я не находила, что сказать, но не перестала думать о разговоре. Станным образом я понимала, что имела в виду бабуля Макнаб, хотя, кажется, и не была полностью с ней согласна. Я больше думала о том, что Джейми сказал насчет мужской ответственности. Было ли это правдой? Может, и было – прежде я никогда не смотрела на дело в таком свете. Это правда, что за ним как за каменной стеной – не только я и наша семья, но и арендаторы тоже. Значит, именно так ему это удавалось? Он «очерчивал границы и боролся с теми, кто их переходил»? Видимо, да.

Между ним и мной были границы, которые нельзя нарушать, я могла бы начертить их во мхе. Это, конечно, не значило, что мы не пересекали эти границы, – мы делали это, часто с разными результатами. У меня были собственные средства защиты и инструменты давления. И только раз, очень давно, он наказал меня за переход его границ. Видел ли он этот инцидент как необходимую жестокость? Видимо, да, именно это он и пытался мне сказать. Но его мысли бежали по своей собственной колее, отличной от моей.

– Это так странно, – сказал он задумчиво. – Лаогера постоянно выводила меня из себя, но мне ни разу не пришло в голову ее выпороть.

– О, как неосмотрительно с твоей стороны, – сказала я, резко подбравшись. Мне не нравилось, когда он упоминал о Лаогере, независимо от контекста.

– Так и есть, – ответил он серьезно, не заметив моего сарказма. –

Думаю, она слишком мало меня волновала: мне это даже в голову не приходило, не говоря уж о том, чтобы взяться за дело.

– Она слишком мало тебя волновала, чтобы ее бить? Ну не счастливица ли?

Он уловил раздражение в моем голосе и сузил глаза, пристально глядя на меня.

– Не чтобы причинить ей боль, – сказал он. Ему в голову пришла какая-то мысль, я увидела, как она скользнула по его лицу.

Джейми слегка улыбнулся, поднялся и подошел ко мне. Потом он наклонился, поднял меня на ноги, осторожно перехватил запястье и, подняв его над моей головой, пригвоздил мою руку к еловому стволу, под которым я сидела, вынуждая меня прижаться к дереву спиной.

– Не для того, чтобы причинить ей боль, – повторил он вкрадчиво. – Чтобы сделать ее моей. Я не хотел владеть ею. Тобой, *mo nighean donn*, – тобой я хочу владеть.

– Владеть мной? – сказала я. – И что ты под этим подразумеваешь?

– То, что сказал. – В его глазах по-прежнему искрился смех, но голос был серьезным. Ты моя, саксоночка. И я бы сделал что угодно, чтобы в этом не осталось сомнений.

– Вот как. Включая побои на регулярной основе?

– Нет, этого бы я делать не стал. – Он приподнял угол рта, и его хватка на моем запястье стала крепче. Его глубокие голубые глаза были в дюйме от моих. – Мне не нужно было этого делать – потому что я мог бы, саксоночка, и ты это прекрасно знаешь.

Я инстинктивно попыталась вырвать у него руку. Мне живо вспомнилась та ночь в Дунсбери – как я боролась с ним изо всех сил, но борьба моя была тщетной. Ужасающее чувство быть распятой на кровати, беспомощной, беззащитной, осознавая, что он может сделать со мной что угодно – и делает.

Я начала дико извиваться, пытаюсь избавиться одновременно от его хватки и от собственных воспоминаний, вернувшихся ко мне так живо. Мне не удалось освободиться, но я повернула запястье и впилась ногтями в его руку. Джейми не дернулся и не отвел взгляд. Другой рукой он легонько коснулся меня, проведя пальцами по мочке уха, но этого было достаточно. Он мог трогать меня в любом месте и любым способом.

Очевидно, женщины способны одновременно думать и испытывать сексуальное возбуждение, потому что именно это со мной и происходило. Мой мозг был занят возмущенной критикой самых разных вещей, включая по крайней мере половину из тех, что он упомянул за последние пару

минут. В то же самое время один конец моего спинного мозга не просто испытывал безумное возбуждение от мысли о физическом обладании, но заставлял мои колени подгибаться от желания, а бедра подаваться вперед, ему навстречу.

Джейми по-прежнему игнорировал впившиеся в его кожу ногти. Он взял мою вторую руку своей свободной рукой, прежде чем я что-нибудь сотворю, переплел свои пальцы с моими и, крепко сжав, опустил ее вниз, совершенно лишая меня свободы действий.

– Если ты попросишь меня отпустить тебя, саксоночка, – прошептал он, – думаешь, я это сделаю?

Я сделала глубокий вдох – достаточно глубокий, чтобы моя грудь коснулась его груди. Он стоял очень близко, и внезапно меня посетило озарение, я поняла. Я стояла неподвижно, спокойно дыша, глядя ему в глаза, и чувствовала, как тает мое смятение, превращаясь в убежденность, глубокое теплое чувство внизу живота.

Мне показалось, что мое тело качнулось ему навстречу в ответ, – так и было. Его тело тоже инстинктивно двинулось ко мне. Пульсирующая вена у него на шее вторила ритму на моем запястье; его тело следовало за моим, едва касаясь, шевелясь не больше, чем листья, трепетавшие на ветру над нашими головами.

– Я не стала бы просить, – прошептала я. – Я бы сказала тебе. И ты бы это сделал. Ты бы сделал, как я сказала.

– Сделал бы? – Он по-прежнему крепко сжимал мое запястье, а лицо было так близко к моему, что я скорее почувствовала его улыбку, чем увидела.

– Да, – сказала я. Я перестала вырывать сжатое запястье. Вместо этого я потянула вторую руку – он не препятствовал мне – и провела большим пальцем по мочке его уха и ниже, по его шее. Он коротко судорожно вдохнул, и по его телу пробежал мороз, покрыв кожу мурашками.

– Да, сделал бы, – повторила я очень мягко. – Потому что я тоже тобой владею... мужчина. Так ведь?

Он резко ослабил хватку на моем запястье, и длинные пальцы скользнули вверх, чтобы переплестись с моими. Его ладонь казалась большой, теплой и твердой на моей коже.

– О да, – отозвался он так же мягко. – Владеешь. – Он опустил голову еще на полдюйма, и зашептал, касаясь губами моих губ, так что я не только слышала его слова, но чувствовала их. – И я это очень хорошо знаю, *mo nighean donn*.

Глава 48

Древесные ушки

Несмотря на то что он не разделял беспокойства жены, Джейми пообещал ей разобраться, что происходит, и нашел возможность поговорить с Мальвой Кристи несколько дней спустя.

Возвращаясь от Кенни Линдсея, он натолкнулся на змею, которая кольцом свернулась на тропе перед ним. Это была крупная рептилия, но с веселой окраской – точно не ядовитая гадюка. Однако Джейми ничего не мог с этим поделать – змеи внушали ему отвращение, и он не хотел поднимать ее руками или перешагивать через нее. Вряд ли, конечно, онакинется ему под килт, но нельзя ведь знать наверняка. Как бы ни было, змея упорно продолжала, свернувшись, почивать на листьях, не реагируя на его шиканье и топот.

Он отошел чуть в сторону, нашел ольху и срезал крупную ветку, которой безопасно перетащил маленькое чудовище с дороги в сторону леса. Оскорбленная такой фамильярностью, змея развернула свои кольца и стремительно уползла в кусты калины, и в следующую минуту по другую сторону куста раздался громкий вскрик.

Кинувшись туда, он обнаружил Мальву Кристи, пытающуюся в панике раздавить змею корзиной.

– Все в порядке, девочка, пусть она уходит.

Джейми схватил Мальву за руку, отчего часть грибов выпала из корзины, змея тем временем недовольно ретировалась в глубь леса, ища более уединенного места.

Джейми нагнулся и начал собирать грибы, пока девушка причитала, обмахиваясь подолом фартука.

– О, благодарю вас, сэр, – сказала она, тяжело дыша. – Я страшно боюсь змей.

– Ну, ничего страшного, всего лишь маленькая королевская змея, – сказал он с нарочитой беспечностью. – Мне говорили, это главный крысиный враг.

– Может, и так, но кусаются они будь здоров. – Девушка легонько вздрогнула.

– Тебя ведь не кусали?

Джейми разогнулся и сбросил последние грибы обратно в корзину, она в ответ присела, выражая благодарность.

– Нет, сэр. – Мальва поправила чепец. – Но мистера Кромби кусали.

Галли Дорнан принес одну такую в коробке на встречу в прошлое воскресенье просто ради шалости. Он знал, что текст будет «и смогут они брать змей голыми руками, и, если выпьют они смертельный яд, это не причинит им вреда». Думаю, он хотел ее выпустить прямо посреди службы. – Она широко улыбнулась, явно наслаждаясь воспоминанием. – Но мистер Кромби увидел его с коробкой и забрал ее, не зная, что внутри. Ну вот... И Галли потряхивал коробку, чтобы змея не заснула, и когда мистер Кромби ее открыл, она выскочила оттуда, как черт из табакерки, и укусила его за губу.

Джейми не удержался от улыбки.

– Значит, укусила? Не помню, чтобы слышал о таком.

– Ну мистер Кромби был такой злой, – заметила она, пытаясь быть вежливой. – Думаю, никому неохота было про это болтать, а то бы он, того гляди, лопнул от ярости.

– Ох, ясно, – сухо отозвался Джейми. – Потому, надо полагать, он не пришел к моей жене, чтобы она осмотрела укус.

– О, он бы этого ни за что не сделал, сэр, – заверила она меня, качая головой. – Даже если бы по ошибке отрезал собственный нос.

– Нет?

Она подхватила корзину, смущенно глядя на Джейми.

– Ну... нет. Некоторые говорят, что ваша жена, может быть, ведьма. Вы про это слыхали?

Он ощутил неприятное напряжение в животе, хотя сказанное его не удивило.

– Клэр чужестранка, – спокойно ответил он. – Люди всегда будут болтать такое про чужаков, особенно про женщину. – Он искоса посмотрел на нее, но она скромно опустила глаза на содержимое корзины. – Ты и сама так же думаешь?

Мальва посмотрела на него, широко раскрыв серые глаза.

– О нет, сэр! Ни за что!

Она говорила с таким жаром, что он улыбнулся, несмотря на серьезность дела.

– Ну да, полагаю, ты бы заметила, коль столько времени проводишь с ней в хирургической.

– О, я ничего не хочу так сильно, как стать похожей на нее! – заверила девушка, сжимая ручку корзины с горящими энтузиазмом глазами. – Она такая добрая и ласковая со мной и так много знает! Я хочу все знать, чему она может меня научить, сэр!

– Ай, что ж. Она часто говорит, как хорошо иметь такого ученика, как

ты, девочка. Ты ей очень помогаешь. – Он прочистил горло, размышляя, как лучше от этих любезностей перейти к неловкому допросу о том, не слишком ли жестоко с ней обходится отец. – Эмм... Твой отец не возражает, что ты проводишь столько времени с моей женой?

От его слов ее лицо омрачилось, будто на него упала тень, длинные черные ресницы опустились, скрыв жемчужно-серые глаза.

– О. Ну. Он... не запрещает мне ходить.

Джейми издал некий нейтральный гортанный звук и подтолкнул ее перед собой на тропу. Там он некоторое время безмолвно шагал рядом, давая ей время восстановить душевное равновесие.

– Как думаешь, что будет делать твой отец, когда ты выйдешь замуж и покинешь его дом? – спросил он, бездумно стегая палкой заросли дикого льна. – Есть у него какая-нибудь женщина на примете? Надо думать, один он вряд ли справится?

Он с удивлением заметил, что она сжала губы и немного покраснела.

– Я пока не собираюсь замуж, сэр. Мы справимся.

Ее ответ оказался достаточно кратким, что позволило ему продолжить расспросы.

– Нет? Но у тебя, конечно, есть поклонники, девочка, – парни вокруг штабелями валятся в обморок, я сам видел.

Ее румянец стал гуще.

– Пожалуйста, сэр, не говорите ничего такого моему отцу.

Это был тревожный звоночек. С другой стороны, это могло значить только, что Том Кристи был строгим родителем, с христианским рвением охраняющим честь дочери. В конце концов, было бы большим сюрпризом узнать, что Кристи – мягкий и снисходительный родитель, пренебрегающий подобными обязанностями.

– Не буду, – мягко сказал он. – Я просто тебя дразню, девочка. Значит, твой отец такой грозный?

Она бросила на него очень прямой взгляд.

– Я думала, вы его знаете, сэр.

Джейми от души расхохотался на это замечание, и после секундного замешательства Мальва присоединилась к нему, ее смех был похож на стрекот певчих птиц в кронах над ними.

– Знаю, – сказал он, приходя в себя. – Том – хороший человек, хоть и немного мрачный.

Он посмотрел на нее, чтобы понять реакцию на свои слова. Ее лицо по-прежнему заливал румянец, на губах играла неуверенная улыбка. Это хороший знак.

– Ну так что, – как ни в чем не бывало продолжил он, – хватает у тебя тут древесных ушек? – он кивнул на корзину. – Я видел изобильную поляну вчера недалеко от Зеленого Источника.

– О, правда? – Она с интересом посмотрела на него. – Где?

– Я иду в ту сторону. Если хочешь, я тебе покажу.

Они продолжили свой путь вдоль Риджа, болтая о том о сем. Время от времени Джейми возвращался в разговоре к ее отцу и не заметил никаких случайных оговорок, только сдержанное уважение к его нраву и слабостям.

– Что насчет твоего брата? – спросил он задумчиво в какой-то момент. – Думаешь, он доволен жизнью здесь? Или хотел бы уехать, скажем, к побережью? Мне кажется, что в душе он не фермер, так ведь?

Мальва тихонько фыркнула, но покачала головой.

– Нет, сэр, не фермер.

– Что он раньше делал? Я хочу сказать, он ведь вырос на плантации, так?

– О нет, сэр. – Мальва удивленно посмотрела на него. – Он вырос в Эдинбурге, мы оба там выросли.

Это немного сбilo Джейми с толку. Конечно, и Мальва, и Алан разговаривали на вышколенном английском, но он думал, что это только потому, что Кристи сам был учителем и серьезно подходил к таким вещам.

– Как это так, девочка? Том говорил, что женился здесь, в колонии.

– О, так и было, сэр, – поспешно заверила его девушка. – Но его жена не невольница, она вернулась назад в Шотландию.

– Понятно, – сказал Джейми мягко, заметив, что к ее лицу снова прилила краска, а губы крепко сжались. Том говорил, что его жена умерла, – и надо полагать, так оно и случилось, только в Шотландии, уже после того, как она его оставила. Конечно, от такого гордеца, как Кристи, едва ли можно было ожидать признания о том, что жена его бросила. Но...

– А правда, сэр, что ваш дед был лорд Ловат? Его еще называли Старым Лисом?

– О да, – сказал Джейми, улыбаясь. – Я, видишь ли, происхожу из династии предателей, воров и бастардов.

Девушка рассмеялась и очень мило настояла, чтобы он рассказал ей больше о его грязной семейной истории – несомненно, для того, чтобы избежать расспросов, касающихся ее собственной семьи.

Но это «но» висело у него в мозгу, даже когда они, отрывисто переговариваясь, карабкались вверх, к темному пахучему лесу.

Но. Тома Кристи арестовали через два или три дня после Каллодена и лишили свободы на следующие десять лет, а потом отправили напрямик в

Америку. Джейми не знал точный возраст Мальвы, но думал, что ей должно быть около восемнадцати, хотя сдержанность манер делала ее немного старше.

Значит, она была зачата вскоре после того, как Кристи прибыл в Америку. Нет ничего удивительного в том, что мужчина использовал первую возможность жениться после стольких лет без женщины. Ну а затем избранница решила, что продешевила, и была такова. Кристи говорил Роджеру Маку, что его жена умерла от инфлюэнцы, – что ж, у всякого мужчины есть гордость, а уж у Тома Кристи и подавно.

Но Алан Кристи... он-то откуда взялся? Парню было хорошо за двадцать, он вполне мог быть зачат до Каллодена. И потом эта женщина, кто бы она ни была, приехала за Томом сюда. Это говорило о ее преданности и решимости, что заставило Джейми подумать о Кристи с интересом. Но ее преданности оказалось недостаточно для тягот жизни в колониях, или же она обнаружила, что время и обстоятельства так переменили Тома, что ее любовь растаяла под натиском разочарования, и она покинула его.

Он легко мог себе все это представить и почувствовал неожиданное сочувствие и симпатию к Тому Кристи. Он слишком хорошо помнил свои собственные эмоции, когда Клэр вернулась, чтобы найти его. Он не верил в свое счастье и испытывал смертельный, всепроникающий страх, что она не узнает в нем человека, которого когда-то любила.

Еще хуже, если жена Кристи обнаружила что-то такое, что заставило ее уехать, – хоть Джейми и знал Клэр хорошо, он по-прежнему не был уверен, что она осталась бы, скажи он ей сразу о браке с Лаогерой. Ну и если уж начистоту, если бы Лаогера не подстрелила его, едва не прикончив, Клэр вполне могла сбежать, исчезнув из его жизни раз и навсегда. Мысль об этом была как черная пропасть, разверзающаяся под его ногами.

Конечно, если бы она ушла, он бы просто умер. Он никогда не приехал бы сюда, не получил бы эту землю, не увидел дочь, не взял бы на руки внука. Если подумать, быть на волосок от смерти не всегда такая уж неудача – если, конечно, не умираешь в итоге.

– Вас беспокоит ваша рука, сэр?

Слова Мальвы вернули его с небес на землю, и он понял, что стоит, ухватившись одной рукой за то место на предплечье, куда попала пущенная Лаогерой пуля, а девушка обеспокоенно хмурится, глядя на него.

– О нет, – поспешно отозвался Джейми, опуская руку. – Просто москиты. Рано они сегодня. Скажи-ка мне лучше, – он перевел разговор на более нейтральную тему, – нравится тебе жить в горах?

Хоть вопрос был пустячный, она всерьез задумалась, прежде чем ответить.

– Тут иногда одиноко, – сказала она и посмотрела в глубь леса, где солнечный свет дробящимися снопами падал на листья и иголки, кустарники и камни, наполняя воздух зелеными тенями. – Но... симпатично, – призналась она, чуть замявшись, перед тем как подобрать нужное слово. Мальва заулыбалась, признавая странность этого выбора.

Они дошли до небольшой поляны, где вода искрилась, падая с небольшого каменного уступа, который его дочь называла змеиным камнем, – его зеленый цвет и густой мох, окаймляющий воду, дали источнику имя.

Он махнул рукой, приглашая Мальву напиться первой. Та опустилась на колени и, прижав сложенные ковшиком ладони к лицу, закрыла глаза, наслаждаясь вкусом холодной сладкой воды. Она зачерпнула воды и начала пить снова, почти жадно. Мальва и сама была очень симпатичной, подумал он с удовольствием: ей, хорошенькой девчужке с аккуратным подбородком и нежными розовыми ушками, игриво выглядывающими из-под чепца, это определение подходило куда больше, чем суровому духу гор. Ее мать, должно быть, была красивой женщиной – девушке посчастливилось, что она не унаследовала мрачных отцовских черт, за исключением серых глаз.

Мальва оторвалась от источника и отодвинулась чуть в сторону, кивая ему, чтобы он тоже утолил жажду. День был не жаркий, но тропа к источнику была крутой, поэтому холодная вода казалась лакомством.

– Я никогда не видела шотландского высокогорья, – сказала Мальва, промакивая лицо кончиком платка. – Некоторые говорят, что это место очень похоже на него. А вы как думаете, сэр?

Он стряхнул воду с пальцев и вытер рот тыльной стороной ладони.

– Немного похоже. Местами. Грейт-Глен и лес здесь – да, очень похожи. – Он указал подбородком на шелестящие, пахнущие смолой деревья вокруг. – Но здесь нет таких папоротников. И торфа, конечно. И вереска. Это главная разница.

– Я слышала истории о мужчинах, прячущихся в вереске. Вы так когда-нибудь делали, сэр? – Она улыбнулась, показав ямочки на щеках. Джейми не понял, дразнила ли она его или просто заполняла паузу.

– Время от времени, – ответил он и улыбнулся, поднимаясь на ноги и отряхивая еловые иглы с килта. – Ты же имеешь в виду охоту на оленей, верно? Пойдем, я покажу тебе грибы.

Грибы густо росли у основания дуба, не дальше десяти футов от источника. Некоторые экземпляры уже начали высыхать и скручиваться,

усеивая землю вокруг темным порошком спор, который улегся поверх поблескивающего ковра из прошлогодней листвы. Свежие шляпки по-прежнему были ярко-оранжевыми и мясистыми.

Тепло попрощавшись, он оставил девушку на поляне и пошел по узкой тропинке назад, размышляя о женщине, которая любила и оставила Томаса Кристи.

Глава 49

Злоба северного ветра

Июль 1774 года

Брианна вогнала острый конец лопаты в илистый берег и вытащила кусок глины цвета шоколадной помадки. Могла бы не вспоминать о еде, подумала она, отбрасывая его в сторону и тихонько ворча. Она одернула свое влажное платье и вытерла рукой лоб. Бри не ела с утра, а сейчас уже было время полдника. Но она и не думала останавливаться до ужина. Роджер был в горах – помогал Эми Маккаллум перестроить трубу дымохода, а мальчики отправились в Большой Дом, чтобы съесть хлеба с маслом и медом и в целом стать еще более испорченными от доброты миссис Баг. Она подождет с едой: здесь слишком много работы.

– Тебе помочь, девочка?

Она прищурилась и приставила руку козырьком, защищаясь от солнца. Ее отец стоял на берегу, возвышаясь над ней, и, казалось, наблюдал за ее работой с каким-то затаенным весельем.

– Выглядит так, будто я нуждаюсь в помощи? – спросила она раздраженно, проводя по подбородку тыльной стороной измазанной в грязи ладони.

– Да, так и выглядит.

Он рыбачил: ноги был босые и мокрые. Он положил удочку возле дерева и сбросил рыбацкую корзину с плеча, плетеный тростник скрипнул под тяжестью улова. Потом он ухватился за молодое деревце для равновесия и заскользил вниз по скользкому берегу, босые ноги захлупали по грязи.

– Погоди-ка – сначала сними рубашку!

Секундой позже она поняла свою ошибку. По его лицу, всего на миг, скользнул испуг и тут же исчез.

– Это... из-за грязи... – сказала она, осознавая, что уже поздно. – Трудно будет отстирать.

– О да, конечно.

Он без колебаний стащил рубашку через голову и повернулся к ней спиной, подыскивая подходящую ветку, чтобы повесить ее.

Его шрамы были не такими уж жуткими. Она уже видела их мельком раньше, много раз представляла их, и в реальности они оказались куда менее пугающими. Шрамы были старые и походили на тонкую серебряную паутину, слегка дрожащую над очертаниями его торса, когда он тянулся вверх. Двигался Джейми естественно. Только напряженные плечи выдавали истинное положение вещей.

Ее ладонь непроизвольно сжалась, нащупывая отсутствующий карандаш, ощущая штрих, который запечатлеет этот едва заметный знак напряжения, этот беспокойный акцент, который будет притягивать смотрящего ближе и ближе, заставляя его размышлять, что такого в этой пасторальной сцене.

«Наготы отца твоего не открывай», – подумала она и разжала ладонь, крепко прижав ее к бедру. Но он развернулся к ней лицом и теперь спускался вниз по берегу, глаза опущены на сплетения тростника и камни под ногами.

Джейми проскользил последние два фута и подъехал к ней с характерным всплеском, расставив руки в стороны, чтобы удержать равновесие. Она засмеялась, как и планировалось, и он улыбнулся в ответ. На секунду ей пришло в голову заговорить об этом, извиниться, но он отводил взгляд.

– Передвинем его или обойдем кругом?

Его внимание теперь было сосредоточено на крупном валуне, торчащем из прибрежной грязи, он оперся на него всем весом и толкнул для пробы.

– А сможем мы его подвинуть, как думаешь?

Она встала рядом с ним, заново подбирая подол платья и затягивая его ремнем между ног.

– Если обходить вокруг – придется копать еще десять футов канавы.

– Так много? – Он удивленно посмотрел на нее.

– Да. Я хочу пройти тут напрямую, чтобы срезать путь до того поворота. Тогда я смогу поставить здесь небольшое колесо, и получится хороший водопад.

Бри оперлась на него, махая рукой вниз по течению.

– Следующее подходящее место будет там, внизу, видишь, где берега

поднимаются? Но это лучше.

– Ты права. Подожди немного.

Он прошел обратно к сухому берегу, вскарабкался наверх и скрылся в лесу, откуда вскоре вернулся с несколькими молодыми крепкими дубовыми ветками, на которых все еще покачивались блестящие листья.

– Нам не нужно вытаскивать его со дна русла? – спросил он. – Только передвинуть на несколько шагов, чтобы ты смогла прокопать берег за ним?

– Так и есть.

Ручейки пота, застрявшие в ее густых бровях, щекотно текли по скулам и щекам. Брианна копала уже добрый час, руки болели от перекидывания тяжелой грязи, пальцы покрылись волдырями. С чувством глубокой благодарности она передала лопату отцу и отступила назад к ручью, наклоняясь, чтобы плеснуть водой на исцарапанные руки и горящее лицо.

– Тяжелая работа, – заметил ее отец, немного покряхтывая от напряжения, пока заканчивал подкоп к валуну. – Ты не могла попросить Роджера Мака сделать это?

– Он занят, – сказала она, чувствуя отрывистость в голосе, но не пытаясь ее скрыть.

Ее отец бросил на нее испытующий взгляд, но ничего не сказал, продолжая устанавливать дубовые ветки. Внезапно, словно из ниоткуда, появились Джемми и Герман, громко требуя участия: их притягивало к деду, как железные опилки к магниту.

Она уже просила их помочь – и они помогали, ровно две минуты, пока не заметили в лесу, выше по склону, дикобраза. Но во главе с Джейми они всерьез взялись за дело и стали резво таскать илистую землю с берега на плоских деревянных щепках, хохоча, толкаясь, мешаясь под ногами и швыряя грязь друг другу на штаны.

Джейми был Джейми, он игнорировал их шалости, ловко руководя работой, и в конце концов скомандовал им выбираться из русла, чтобы их не раздавило.

– Давай-ка, девочка, – сказал он, поворачиваясь к ней. – Хватайся здесь. – Валун освободился от держащей его глины и теперь высовывался из берега, дубовые палки, просунутые под него, торчали по обе стороны, и еще одна сзади.

Она схватила ту, на которую он указал, он взял другие две.

– На счет три... раз... два... взяли!

Джемми и Герман, устроившиеся над ними, звонко вторили: «Раз... Два... Взяли!» – будто маленький греческий хор. У Брианны в большом

пальце руки застряла заноза, пропитавшаяся водой древесина причиняла боль, сдавливая кожу складками, но она вдруг почувствовала, что вот-вот рассмеется.

– Раз... Два... Взя...

Неожиданно конструкция задвигалась, вызвав водоворот грязи и каскад рыхлой земли со стороны берега, валун сорвался со своего места и упал в поток с всплеском, залившим обоих по грудь и заставившим мальчишек завизжать от удовольствия.

У Джейми на лице растянулась улыбка от уха до уха, как и у нее самой, несмотря на мокрое платье и перепачканных детей. Валун теперь лежал на другой стороне потока, и – как она и рассчитывала – отведенное течение уже начало разъедать свежую полость на этом берегу, мощный водоворот стачивал зернистую глину, вихрями унося ее вниз.

– Видишь это? – Она кивнула на происходящее, вытирая лицо о плечо своего платья. – Я не знаю, как сильно его разъест эрозия, но я оставлю все на день или два, тогда останется не так уж много копать.

– Ты знаешь, что именно произойдет? – Ее отец восхищенно посмотрел на нее и засмеялся. – Какая ты у меня умная, девочка!

Удовольствие от признания ее достижений на время затмило раздражение от отсутствия Роджера. А присутствие сидра в корзине Джейми, охлажденного в куче пойманной форели, еще больше подняло ей настроение. Они по-дружески сидели на берегу, передавая друг другу бутылку и наслаждаясь действием только что сотворенного водоворота.

– Кажется, это неплохая глина, – заметила она, наклоняясь, чтобы вытащить комок влажной грязи из осыпающегося берега. Она сжала его пальцами, позволяя серой воде заструиться по ее руке, и раскрыла ладонь, показывая ему четкий отпечаток своих пальцев, – глина держала форму.

– Подойдет для твоей печи? – спросил он, послушно разглядывая глину.

– Стоит попробовать.

Она совершила несколько неудачных экспериментов с печью, произведя серию кривых тарелок и мисок, большая часть из которых взрывалась в печи или рассыпалась после обжига. Выжившие экземпляры, деформированные и обугленные по краям, стали частью сомнительного сервиза, но это едва ли можно было считать наградой за усилия по растопке печи и присмотру за ней.

Что ей нужно было, так это совет от кого-нибудь, кто разбирался в печах и керамике. Но с нынешними натянутыми отношениями между Риджем и Салемом на это можно было не рассчитывать. Говорить

напрямую с братом Мордехаем о производстве керамики было не слишком хорошей идеей: папистка, говорящая с мужчиной, который ей не муж, – скандал!

– Черт побери этого мелкого засранца Манфреда, – согласился отец, слушая ее жалобы. Он слышал подобное и раньше, но не комментировал. Джейми замялся. – Поможет, если я поеду сам и расспрошу его? Несколько братьев по-прежнему говорят со мной, возможно, они позволят мне поговорить и с Мордехаем. Ты только скажи мне, что тебе нужно узнать. Может, запишешь?

– О, па! Я люблю тебя! – Исполненная благодарности, Брианна наклонилась поцеловать его, и он засмеялся, явно довольный тем, что смог угодить дочери.

Окрыленная, она глотнула еще сидра, и радужные видения обожженных глиняных труб начали танцевать в ее мозгу. Бри, хоть и с большим количеством жалоб и препятствий, уже получила деревянную цистерну от Ронни Синклера. Ей нужна была помощь, чтобы поднять ее на место. Потом ей понадобятся только двадцать футов надежных труб.

– Мама, смотри! – Беспокойный голос Джемми прорвался сквозь туман вычислений. С мысленным вздохом она вернулась к реальности, аккуратно задвинув инженерные расчеты в дальний угол своего мозга, где они, возможно, сумеют дозреть сами по себе.

Она передала бутылку обратно отцу и пошла вниз по берегу туда, где сидели на корточках мальчишки, ожидая увидеть лягушачью икру, утонувшего скусна или какое другое чудо природы.

– Что там? – спросила она.

– Смотри, смотри! – Джемми увидел ее и вскочил, показывая на камень у его ног.

Они оказались на Плоской Скале, известной точке на карте, отмечающей ручей. Как и намекало название, это был плоский пласт гранита, достаточно большой, чтобы на нем могли встать трое мужчин одновременно, подточенный водой так, что он нависал над бурлящим потоком. Это было любимым местом для рыбалки.

Кто-то соорудил небольшой костерок; на сколе чернело пятно золы с чем-то похожим на остатки обуглившихся палок в центре. Костер был слишком маленьким для готовки, но все же у нее бы он не вызвал никаких подозрений. Однако ее отец, подойдя, нахмурился, глядя на пятно, что заставило ее подойти ближе и присмотреться, выглядывая из-за его плеча.

Предметы в золе не были палками.

– Кости, – сказала она тут же и присела, чтобы рассмотреть получше. –

Что это за животное?

Как только она сказала это, ее мозг начал лихорадочно перечислять и отвергать версии – белка, опоссум, кролик, олень, свинья – не было ничего похожего по форме.

– Это кости пальцев, девочка, – сказал он, понизив голос и глядя на Джемми, который потерял интерес к костру и теперь съезжал вниз по грязному берегу, не оставляя шанса своим штанам. – Не стоит их трогать, – добавил он без надобности – она моментально, с отвращением отдернула руку.

– Человеческие, хочешь сказать? – Брианна инстинктивно вытерла руку о бедро, хотя ничего не касалась.

Джейми кивнул и присел рядом с ней, изучая обгорелые останки. Там были еще какие-то почерневшие куски – но эти, вероятнее всего, имели растительное происхождение, один из них был зеленоватым – возможно, непрогоревший стебель.

Джейми низко склонился, вдыхая запах обгоревших останков. Брианна инстинктивно втянула воздух, подражая ему, но тут же фыркнула, пытаясь избавиться от запаха. Комбинация приводила в замешательство – запах угля, который перекрывало что-то горьковатое и известковое, который в свою очередь перекрывал какой-то резкий медицинский запах.

– Откуда они здесь? – спросила она, тоже понизив голос, хотя Джемми и Герман начали кидаться друг в друга комьями грязи и не заметили бы, даже если бы она закричала.

– Я вроде бы не слышал ни о ком без руки, а ты? – Джейми взглянул на нее, криво улыбаясь. Она не улыбнулась в ответ.

– Ни от кого вокруг. Но если они не из тех, кто вокруг... – Она сглотнула, пытаясь не обращать внимания на странный, полувыдуманный вкус горьких трав и золы. – Где остальное? Где тело?

Это слово, «тело», казалось, добавило разговору новый обертон.

– А я вот думаю, где может быть остаток этого пальца. – Джейми хмурился на потемневшее пятно. Он протянул руку к костру, и она поняла, что он имел в виду: в центре костровища светлел участок, где золу смели. Там лежали три пальца, на которые она смотрела, по-прежнему часто сглатывая. Два остались нетронутыми, кости серо-белые, прозрачные среди пепла. Двух суставов третьего пальца не хватало, осталась только тоненькая последняя фаланга.

– Животное? – Бри оглянулась вокруг, ища следы, но на скале не было отпечатков лап, только грязные пятна, оставленные босыми детскими ногами.

Смутные мысли о каннибализме заворачивались где-то внизу живота, хотя она тут же отмела эту версию.

– Ты не думаешь, что Йен... – Она резко замолчала.

– Йен? – Отец удивленно посмотрел на нее. – Зачем Йену делать что-то подобное?

– Я не думаю, что он сделал, – сказала она, возвращаясь к здравому смыслу. – Совсем нет. Просто я слышала, что ирокезы иногда... иногда... – Она кивнула на обгоревшие кости, не желая проговаривать конец фразы. – Эмм... Может, друзья Йена? Которые... пришли его навестить?

Лицо Джейми потемнело, но он покачал головой.

– Нет, здесь пахнет шотландским высокогорьем. Ирокезы сожгли бы врага. Или порезали бы его на куски. Но не так. – Он по-шотландски кивнул на кости. – Тут что-то личное, понимаешь? Ведьма или один из шаманов, возможно, могут сделать такое, но не воин.

– Я не видела никаких индейцев в последнее время. Не на Ридже. А ты?

Он, хмурясь, посмотрел на след от костра еще пару секунд и покачал головой.

– И никого, у кого бы не хватало пары пальцев.

– Ты уверен, что они человеческие? – Она смотрела на кости, перебирая другие варианты. – Может это от небольшого медведя или крупного енота?

– Может, – сказал он ровно, но она поняла, что он согласился, только чтобы успокоить ее – он был уверен.

– Мама! – За шлепками босых ног по камню последовало дерганье ее рукава. – Мама, мы хотим есть!

– Конечно, хотите, – отозвалась она, поднимаясь на ноги, но по-прежнему разглядывая обгоревшие фрагменты. – Вы не ели почти час. Что вы делали... – Ее глаза блуждали от костра к сыну, но потом вдруг резко остановились, сфокусировавшись на двух мальчишках, с головы до ног вымазанных грязью и широко улыбающихся.

– Вы только посмотрите на себя, – сказала она с ужасом, потом сдалась и спросила обреченно: – Как вы умудрились так перепачкаться?

– О, это проще простого, – заверил ее отец, с улыбкой поднимаясь на ноги. – Но и поправить легко. – Он наклонился и, схватив Германа за пояс штанов, ловко сбросил его со скалы в водоем.

– Меня тоже, меня тоже! Меня тоже, дедушка! – Джейми подпрыгивал от нетерпения, разбрызгивая грязь во все стороны.

– О да. Тебя тоже. – Джейми тут же схватил внука за талию и

подбросил над головой, прежде чем Брианна успела пикнуть.

– Он не умеет плавать.

Ее протест прозвучал одновременно с громким всплеском – Джем упал в воду и камнем пошел на дно. Она бросилась к краю, готовая прыгнуть за ним, но отец схватил ее за предплечье.

– Подожди немного, – сказал он. – Как ты узнаешь, умеет он плавать или нет, если не дашь ему попробовать?

Герман уже вовсю греб к берегу, его светлые волосы потемнели от воды. Джемми вынырнул у него за спиной, молотя руками по поверхности и отплевываясь, Герман мгновенно нырнул, развернулся как выдра, и возник рядом с другом.

– Дергай ногами! – закричал он Джемми, яростно разбрызгивая воду в качестве примера. – Перевернись на спину!

Джемми прекратил беспорядочно трепыхаться, повернулся на спину и начал испуганно лягаться. Волосы облепили его лицо, а брызги от интенсивной гребли, вероятно, полностью закрыли обзор, но он продолжал упорно молотить ногами под ободряющие возгласы Джейми и Германа.

Заводь была не больше десяти футов в длину, и он достиг отмели на противоположном берегу за пару секунд, врезавшись головой в один из камней, рассыпанных по дну. Джем остановился, на всякий случай продолжая бить ногами по мелководу, потом подскочил и, разбрызгивая воду вокруг, откинул волосы с лица. Он выглядел удивленным.

– Я могу плавать! – закричал он. – Мама, я могу плавать!

– Это замечательно! – отозвалась она, разрываясь между гордостью и желанием тут же побежать домой, чтобы рассказать Роджеру, и смутными картинками, где Джемми бездумно ныряет в бездонные пруды и окаймленные острыми скалами горные речки, уверенный, что умеет плавать. Но он уже испытал себя в этом деле, дороги назад не было.

– Плыви сюда! – Она наклонилась в его сторону. – Сможешь приплыть назад? Иди ко мне!

Он мгновение смотрел на нее пустым взглядом, потом оглянулся вокруг, на зыбющуюся водную гладь. Возбужденный блеск исчез из его глаз.

– Я забыл, – сказал он, и уголки его губ поползли вниз, полнясь внезапным разочарованием. – Я забыл как!

– Падай вниз и бей ногами! – подсказал ему Герман, сидя на скале. – У тебя получится, кузен!

Джемми сделал пару неуверенных шагов в воде, но остановился – его губы затряслись, страх и растерянность охватили ребенка.

– Стой там, парень! Я иду! – крикнул Джейми и красиво нырнул в

заводь, оставляя за собой светлую полосу, – пузырьки воздуха поднимались от его штанов и волос. Он вынырнул перед Джемми, шумно дыша и откидывая медные пряди с лица.

– Пойдем-ка, дружок, – сказал он, разворачиваясь на мелководье, чтобы подставить Джемму спине. Он оглянулся и похлопал себя по плечу. – Хватайся здесь, а? Поплывем назад вместе.

И так они и поступили, брыкаясь и расплескивая вокруг воду в своем неуклюжем собачьем заплыве. Герман вторил счастливым крикам Джемми, он снова прыгнул в воду, чтобы плыть с ними рядом.

Выбравшись на скалу, все трое улеглись на ней, смеясь и тяжело дыша у ног Брианны, вокруг них растекались лужицы.

– Что ж, теперь вы почище, – сказала она рассудительно, отступая на пару шагов, чтобы не замочить башмаки. – Признаю.

– Конечно, почище. – Джейми сел, выжимая воду из длинного хвостика. – Я подумал, девочка, что есть способ получше сделать то, что ты хочешь.

– Что я хо... Ты про воду?

– Да. – Он шмыгнул носом и вытер его тыльной стороной ладони. – Я покажу тебе, если прийдешь к нам после ужина.

– Что это, дедушка? – Джемми поднялся на ноги с торчащими в разные стороны рыжими вихрами и с интересом смотрел на дедовскую спину. Он провел пальцем по длинному кривому шраму.

– Что? О... это, – лицо Джейми на мгновение потеряло всякое выражение, – это... эммм...

– Плохие люди однажды сделали дедушке больно, – решительно прервала его Брианна и наклонилась, чтобы взять сына на руки. – Но это было очень давно. Сейчас с ним все хорошо. Ты вешишь целую тонну!

– Папа говорит, что дедушка скорее всего, Силки, – заметил Герман, рассматривая спину Джейми с интересом. – Как его рара до этого. Плохие люди нашли тебя в обличье Силки, дедушка? Они хотели срезать твою кожу? В этом случае он бы снова превратился в человека, разумеется, – со знанием дела объяснил он, глядя на Джема, – и сразился бы с ними своим мечом.

Джейми в упор смотрел на Германа. Потом он моргнул и снова вытер нос.

– О, – выдавил он. – Ай. Эм. Ай, думаю, так все и было, раз твой папа так говорит.

– Что такое Силки? – спросил Джем, сбитый с толку, но заинтересованный. Он заерзал на руках у Брианны, и она опустила его

обратно на скалу.

– Я не знаю, – признал Герман. – Но у них есть мех. Что такое Силки, дедушка?

Джейми закрыл глаза, глядя на опускающееся солнце, и потер лицо, слегка покачивая головой.

– Хм, – начал он, выпрямив спину, открыв глаза и откинув с лица мокрые волосы. – Силки – это создание, которое на земле человек, а в воде превращается в морского котика. А морской котик, – добавил он, перебивая Джемми, который уже открыл рот для вопроса, – это такой гладкий зверь, который лает, как собака, величиной с быка и красивый, как полуночная темнота. Они живут в море, но иногда выбираются на прибрежные скалы.

– Ты их видел, дедушка? – с любопытством спросил Герман.

– О, много раз, – заверил его Джейми. – На берегах Шотландии живет множество морских котиков.

– Шотландия, – эхом отозвался Джемми с круглыми глазами.

– Ма тème говорит, что Шотландия – хорошее место, – заметил Герман. – Она иногда плачет, когда говорит про нее. Но я не уверен, что мне бы там понравилось.

– Почему нет? – спросила Брианна.

– Там полно великанов и водных коней... и всякого другого, – ответил Герман, хмурясь. – Не хочу ни с кем из них встречаться. А еще овсянка, мама говорит. Но у нас и тут есть овсянка.

– Так и есть. Думаю, самое время пойти домой и съесть немного овсянки. – Джейми поднялся на ноги и потянулся, постанывая от удовольствия.

Послеполуденное солнце омывало скалу золотом, окрашивая мальчишеские щеки и поблескивая в ярких волосах на руках у ее отца.

Джем в подражание деду тоже потянулся и застонал, Джейми рассмеялся.

– Пойдем, маленькая рыбка. Довезти тебя до дома? – Он наклонился, чтобы Джем мог вскарабкаться ему на спину, и, выпрямившись, взял за руку Германа.

Джейми заметил, что Брианна мгновенно вернулась мыслями к остаткам костра на краю скалы.

– Оставь это, девочка, – сказал он тихо. – Это ворожба. Не надо это трогать.

Потом он сошел со скалы и пошел к тропинке – Джемми у него за спиной, а Герман крепко схвачен за шкуру. Оба мальчика хихикали, пока Джейми прокладывал дорогу в скользкой грязи.

Брианна забрала лопату и рубашку Джейми с берега и нагнала их по пути к Большому Дому. Вечерний бриз дул сквозь деревья, заставляя ее поежиться в мокром платье, но тепла от ходьбы было достаточно, чтобы не замерзнуть.

Герман что-то напевал про себя, шагая рука в руке с дедом, его маленькая светлая голова качалась туда-сюда, как метроном.

Джемми блаженно и обессиленно вздыхал, ногами обхватив талию Джейми, а руками обняв его за шею, он прижал свою загорелую щеку к истерзанной дедовой спине. Потом его посетила какая-то идея, потому что он вдруг громко чмокнул Джейми между лопаток.

Ее отец резко остановился, почти уронив внука, и издал странный высокий гортанный звук, который заставил ее рассмеяться.

– Так лучше? – серьезно спросил Джем, подтягиваясь повыше, чтобы заглянуть деду в лицо.

– Да, парень, – заверил его Джейми, и его лицо дернулось. – Гораздо лучше.

Москиты и мошкара уже набирали силу. Она махнула перед собой, чтобы разогнать облако мошек и прихлопнула комара у Германа на шее.

– Ай, – отреагировал он, подняв плечи, но продолжил петь, ничуть не потревоженный.

Рубашка Джемми была тонкой, из поношенного полотна, перешитая из старой рубашки Роджера. Одежда высохла, облегая его тело, плотное и крепкое, ширина его маленьких хрупких плеч перекликалась с шириной других плеч, старше и крепче, за которые он цеплялся. Она перевела взгляд от рыжеволосых мужчин к напевающему Герману, тонкому как тростинка и выглядящему особенно изящным в перекличке света и тени. Брианна подумала о том, до чего же красивые мужчины все трое.

– Кто были те плохие люди, дедушка? – спросил Джемми сонно, его голова качалась в такт шагам Джейми.

– Чужаки, – ответил Джейми кратко. – Английские солдаты.

– Английские каналы, – добавил Герман, прекратив петь. – Одни из тех, которые отрезали руку моему папе.

– Это они? – Джемми поднял голову, на секунду пробудившись, но тут же с глухим стуком уронил ее между лопатками Джейми, заставив деда крикнуть. – Ты убил их своим мечом, дедушка?

– Кое-кого.

– Я убью остальных, когда вырасту, – объявил Герман. – Если кто-то остался.

– Полагаю, остался. – Джейми подтянул Джемми чуть повыше,

отпуская руку Германа, чтобы плотнее прижать к себе обмякшие ноги Джемми.

– И я, – пробормотал Джемми, не в силах бороться со сном, – я тоже их убью.

На развилке Джейми передал Брианне сына, который уже крепко спал, и забрал у нее свою рубашку. Он натянул ее, убирая с лица растрепанные волосы. Отец улыбнулся ей, затем наклонился и нежно поцеловал в лоб, положив одну руку на круглую рыжую головку Джемми, лежащую у нее на плече.

– Не беспокойся, девочка, – мягко сказал он. – Я поговорю с Мордехаем. И с твоим мужчиной. А ты позаботься пока об этом малом.

* * *

«Это личные дела», – сказал ее отец.

Главный смысл заключался в том, чтобы она оставила тот костер в покое. И она, возможно, так и поступила бы, если бы не пара деталей. Первая – Роджер пришел домой затемно, насвистывая песенку, которой, как он сказал, научила его Эми Маккалум. И второе – небрежное замечание ее отца о том, что костер возле ручья пах шотландским высокогорьем.

У Брианны был чуткий нос, и она чуяла недоброе. Она наконец-то поняла – с опозданием, – что заставило Джейми сделать такой вывод. Резкий медицинский запах был запахом йода, запахом жженных морских водорослей. Так же давным-давно пах костер из морских водорослей возле Аллапула, куда Роджер возил ее на пикник.

Конечно, на побережье были водоросли, но вряд ли кто-то привез их оттуда в горы. При этом не исключено, что водоросли могли привезти из Шотландии рыбаки, как некоторые эмигранты возят с собой землю из дома в напоминание о покинутой родине.

«Ворожба», – сказал отец. А песня Роджера, которой его научила Эми Макалум, называлась, как он сказал, «Чары по часовой стрелке».

Все это ничего не доказывало. Тем не менее она упомянула маленький костер и его содержимое в разговоре с миссис Баг, просто из любопытства. Миссис Баг прекрасно разбиралась в гэльской ворожбе.

Женщина задумчиво сдвинула брови и сжала губы, услышав описание.

– Кости, говоришь? Какие кости? Животного или человека?

Брианна почувствовала, как по спине пробежала дрожь.

– Человека.

– О, ох. Есть такие заговоры, для которых используют могильный прах или кости.

Упоминание о золе, видимо, напомнило миссис Баг о чем-то, потому что она взяла большую миску для замесов из теплой золы очага и заглянула в нее. Хлебная закваска испортилась несколько дней назад, и миску с мукой, водой и медом поставили в дымоход в надежде добыть диких дрожжей из проходящего воздуха.

Круглая маленькая шотландка хмуро посмотрела на миску, покачала головой и поставила ее обратно, коротко пробормотав что-то на гэльском. Ну разумеется, подумала Брианна, слегка развеселившись, ведь должна быть молитва для привлечения дрожжей. Какой святой заступник в ответе за дрожжи?

– То, что ты нашла возле ручья – водоросли, кости и плоский камень, – сказала миссис Баг, возвращаясь одновременно к шинковке репы и к их разговору, – это любовные чары, девочка. Некоторые называют их «злоба северного ветра».

– Хорошенькое название для любовных чар, – отозвалась Бри, глядя на миссис Баг, которая засмеялась.

– Ох, погоди-ка, удастся ли мне это вспомнить? – задала она себе риторический вопрос. Женщина вытерла руки о фартук, сложила их на талии и продекламировала в несколько театральной манере:

– Любовные чары для тебя,
Вода, вытянутая через соломинку,
Тепло твоего любимого,
И его любовь придет к тебе.
Приди рано в День Господень,
На плоскую скалу прибрежную,
Возьми с собой белокопытник
И наперстянку.
Немного угольков
В подоле платья принеси,
Да еще комок особых водорослей
В деревянном горшочке.
Три кости старика,
Недавно взятые из могилы,
Девять стеблей королевского папоротника,
Недавно срубленные топором.
Положи связку в огонь

И преврати все в золу;
Золу посыпь на обнаженную грудь любимому,
Когда дует злой северный ветер.
Обойди родовой холм,
Кругом пять раз обойди,
Даю тебе клятву,
Что любимый никогда не покинет тебя.

Миссис Баг опустила руки, взяла другую репу, ловко разрезав ее на четыре части, и бросила куски в котел. – Ты, надеюсь, не намерена такое практиковать?

– Нет, – пробормотала Брианна, чувствуя, как по спине пробежал холодок. – Как вы думаете, мог это быть кто-то из рыбаков?

– Ну, что до этого, тут я не могу поручиться наверняка – но кто-нибудь точно должен знать этот приворот, он довольно известный. Хотя я лично не знаю никого, кто бы такое проделывал. Есть способы и попроще, чтобы приворожить мужчин, милая, – добавила она, наставительно указывая коротким пальцем на Брианну. – Приготовь ему хорошую тарелку репы с маслом, вареной в молоке, например.

– Я запомню, – пообещала Брианна, улыбнувшись, и попрощалась.

Она намеревалась вернуться домой, там ее ждала дюжина дел, которые нужно было переделать: от прядения ниток и изготовления ткани до ощипывания и потрошения мертвых гусей, которых она недавно подстрелила и повесила в пристройке. Но вместо этого ноги понесли ее вверх по склону, по заросшей тропке, ведущей к кладбищу.

Конечно, кто бы ни занимался ворожбой, это была не Эми Маккаллум, подумала она. Той бы понадобилось несколько часов, чтобы дойти до кладбища от ее хижины, к тому же у нее на руках был младенец. Но детей можно нести. И никто бы не узнал, что она уходила, кроме, быть может, Айдана, но мальчик не говорил ни с кем, кроме Роджера, которого боготворил.

Солнце почти село, и крошечное кладбище выглядело тоскливо: на холодную, засыпанную хвоей землю, грубые деревянные кресты и кучки каирнов легли длинные холодные тени от окружающих деревьев. Сосны и тсуги, склонив ветки, беспокойно шумели над головой, колышась от легкого вечернего ветра.

Холод пополз от копчика вверх и разлился между лопаток. Ей стало еще холоднее, когда она увидела куски свежей земли у могилы с именем

Эфраима.

Глава 50

Острые края

Он должен был догадаться раньше. И догадывался. Но что он мог сделать? А главное, что ему делать теперь?

Роджер медленно брел вверх по склону, почти не замечая окружающей его красоты. Почти, но не целиком. Отдаленное ущелье, где среди лавровых зарослей приютилась ветхая хижина Эми Маккаллум, выглядело таким мрачным в запустении зимы, но весной и летом оно пробуждалось к жизни и утопало в зелени и цветах. Вид был настолько живописный, что даже тревога не могла отвлечь внимание от всполохов красного и розового, перемежающихся мягкими пятнами кремового кизила и синевой незабудок, чьи крошечные головки качались на тонких стеблях над быстрым потоком, который несся вниз вдоль горной тропы.

Наверное, место выбирали летом, цинично подумалось Роджеру. Видимо, выглядело очень привлекательно. Ему не довелось знать Орема Маккаллума, но, очевидно, он отличался не большей практичностью, чем его жена, иначе они бы знали, какими опасностями грозит уединенность в этих краях.

Происходящее, однако, нельзя было вменить в вину Эми, он не должен был перекладывать на нее ответственность за недостаток собственного трезвого суждения. В общем-то, за собой Роджер тоже не чувствовал особенной вины, но он раньше должен был заметить, что происходит, о чем судачат вокруг.

– Все знают, что вы проводите больше времени в хижине вдовы Маккаллум, чем с собственной женой.

Так сказала Мальва Кристи, вызываяще подняв свой маленький заостренный подбородок.

– Скажете моему отцу, и я всем расскажу, что видела, как вы целуетесь с Эми Маккаллум. Они все мне поверят.

Он ощутил эхо своего изумления, которое почувствовал от сказанного, – изумление, которое сменилось злостью. Это была злость на девчонку и ее глупую угрозу, но еще больше злость на самого себя.

Роджер работал в солодовне и, направляясь домой к ужину, срезал путь на повороте тропы, застав врасплох этих двоих, Мальву и Бобби, слившимися в объятиях. Они отпрянули друг от друга, вытаращив глаза,

как пара потревоженных оленей: перепугались так, что это было даже смешно.

Роджер улыбнулся и, прежде, чем он успел извиниться и деликатно исчезнуть в подлеске, Мальва сделала шаг вперед – глаза ее были по-прежнему круглыми от испуга, но горели решимостью.

– Скажете моему отцу, – сказала она, – и я всем расскажу, что видела, как вы целуетесь с Эми Маккаллум.

Его так ошеломили эти слова, что он едва замечал Бобби, пока молодой солдат не положил ладонь девушке на руку, что-то бормоча и подталкивая ее назад. Мальва, неохотно поворачиваясь, бросила на Роджера последний испепеляющий взгляд и прощальную реплику, которая его оглушила:

– Все знают, что вы проводите больше времени в хижине вдовы Маккаллум, чем с собственной женой. Они все мне поверят.

Черт побери, так и будет, и это его вина. Кроме пары ядовитых ремарок, Бри никак не возражала против его визитов; она принимала – или прикидывалась, что принимает – тот факт, что кто-то должен навещать Маккаллумов, проверять, горит ли огонь в очаге и есть ли в доме еда, составлять им компанию ненадолго, чтобы как-то разбавить монотонность их одинокой жизни.

Он часто делал подобные вещи вместе с преподобным: они проводывали пожилых, овдовевших и больных прихода – приносили пищу, оставались ненадолго поговорить и послушать. Такое и делают для соседей, повторял он себе, это нормальная человеческая доброта.

Но он должен был быть внимательнее. Теперь он вспомнил задумчивый взгляд Джейми за ужином, его на секунду задержанное дыхание, как будто тесть хотел что-то сказать, когда Роджер попросил Клэр дать ему какую-нибудь мазь против сыпи для маленького Орри Маккаллума; потом Клэр бросила взгляд на Брианну, и Джейми закрыл рот – что бы ни было у него на уме, оно так и осталось недосказанным.

«Они все мне поверят». Если она взялась такое утверждать, значит, уже ходили толки. Скорее всего Джейми их слышал, оставалось только надеяться, что они не дошли до Бри.

Кривой дымоход показался над лавровыми зарослями, над ним вился едва заметный дымок, который заставлял прозрачный воздух над крышей дрожать, как будто хижина была заколдована и могла вдруг испариться.

Самое худшее заключалось в том, что Роджер в точности знал, как это случилось. Он питал слабость к молодым матерям, испытывал к ним невыносимую нежность, хотел заботиться о них. Тот факт, что он знал,

почему именно в нем жила эта потребность – воспоминание о собственной молодой матери, которая умерла, спасая ему жизнь во время Блица, – никак не помогал делу.

Эта нежность едва не стоила ему жизни в Аламансе, когда этот жестокий дурак Уильям Баккли Маккензи принял его заботу о Мораг Маккензи за... ладно, он поцеловал ее, но только в лоб, ради всего святого, она же была его собственной много раз прабабушкой... И оглушительный идиотизм вероятности быть убитым собственным прапрапра... дедом за соблазнение его жены... Эта история стоила ему голоса, и Роджер должен был бы усвоить урок, но не вышло.

Внезапно разозлившись на себя – и на Мальву Кристи, маленькую злобную девчонку, – он подобрал камень с тропы и запустил его вниз с горы, в ручей. Тот ударился о воду, дважды подпрыгнул и исчез в бурлящем потоке.

Его визиты к Маккаллумам должны прекратиться. Это он видел ясно. Придется придумать что-то другое... Но ему нужно было прийти еще раз, чтобы объясниться. Эми поймет, думал он, но как объяснить Айдану, что такое репутация и почему сплетни – это смертный грех, и почему Роджер не сможет больше приходить, чтобы порыбачить или показать азы строительства.

Усердно чертыхаясь себе под нос, Роджер завершил последний, крутой участок подъема и ступил в заросший запущенный маленький палисадник. Прежде чем он успел оповестить о своем присутствии, дверь распахнулась.

– Роджер Мак! – Эми Маккаллум буквально упала ему на руки с порога, рыдая и задыхаясь. – О, ты пришел, пришел! Я молилась, чтобы кто-нибудь пришел, но не думала, что помощь подоспеет вовремя; я думала, он умрет, но ты пришел, Господь услышал мои молитвы!

– Что случилось? Маленький Орри заболел? – Он взял ее за руки, заставляя встать, и она так яростно замотала головой, что чепец наполовину слетел.

– Айдан, – выдохнула она. – Это Айдан.

* * *

Белый, как простыня, Айдан Маккаллум лежал, сложившись пополам, на операционном столе и тихонько стонал. Моя первая надежда – зеленые яблоки или крыжовник – развеялась, как только я его осмотрела. Я была практически уверена, с чем имею дело, но аппендицит делит симптомы

еще с несколькими болячками. Хотя классический случай аппендицита отличался одним важным моментом.

– Можете его разогнуть на секунду? – Я посмотрела на его мать, которая нависала над ребенком, вот-вот готовая разрыдаться, но Роджер, кивнув, подошел и положил руки мальчику на плечи и колени, осторожно заставляя его распрямиться.

Я положила большой палец ему на пупок, мизинец – на правую бедренную кость и сильно нажала на живот средним пальцем, на секунду задумавшись, как это со мной бывало, обнаружил ли к этому времени и назвал ли Макбурней эту диагностическую точку^[111]. Боль в точке Макбурнея была специфическим симптомом острого аппендицита. Я нажала на живот Айдана в этом месте и ослабила давление, мальчик закричал, выгнулся дугой и тут же снова согнулся вдвое, как складной нож.

Острый аппендицит, без сомнений. Я знала, что однажды это случится. Со смешанным чувством радостного волнения и страха я поняла, что наконец-то пришло время испробовать эфир в деле. Выбора нет, и сомневаться некогда: если не вырезать аппендикс, он разорвется.

Я подняла глаза – Роджер поддерживал хрупкую миссис Маккаллум за локоть, она прижимала замотанного в пеленки младенца к груди. Ей придется остаться – она понадобится Айдану.

– Роджер, приведешь Лиззи, чтобы она присмотрела за ребенком? А потом беги к Кристи как можно быстрее, мне нужна Мальва.

Самое причудливое выражение скользнуло по его лицу и исчезло, я не смогла истолковать его, но у меня не было времени об этом тревожиться. Роджер кивнул и вышел без разговоров. Я обратила все внимание на миссис Маккаллум, задавая ей вопросы, на которые мне нужно было услышать ответы, прежде чем я разрежу живот ее маленькому сыну.

* * *

Дверь открыл Алан Кристи. Он был более стройной и темноволосой версией своего похожего на филина отца. На вопрос о местонахождении Мальвы он медленно моргнул.

– Зачем... Она пошла к ручью, – сказал он. – Сказала, что за тростником. – Он нахмурился. – Зачем она вам понадобилась?

– Миссис Фрэзер нужно, чтобы она ей помогла... кое с чем.

Внутри что-то задвигали, открылась задняя дверь. В комнату, держа в руках книгу и сжимая двумя пальцами страницу, которую он читал, зашел

Том Кристи.

– Маккензи, – сказал он, коротко кивнув головой в приветствии. – Вы сказали, миссис Фрэзер нужна Мальва? Зачем? – Он тоже нахмурился, два Кристи выглядели в точности как пара амбарных сов, разглядывающих сомнительную мышь.

– Маленький Айдан Маккаллуи очень плох, и она была бы рада помощи Мальвы. Я пойду найду ее.

Кристи нахмурился еще сильнее и открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Роджер уже развернулся, бегом направляясь к деревьям, прежде чем эти двое могли его остановить.

Он нашел девушку довольно быстро, хотя каждое мгновение поисков казалось бесконечным. Сколько времени проходит, прежде чем разрывается аппендикс? Мальва была по колено в воде, юбки высоко подоткнуты, корзинка для тростника плавает рядом, привязанная за ленту передника. Когда он выкрикнул ее имя громче, она встревоженно обернулась и подняла крепко сжатый в руке нож для тростника.

Выражение тревоги исчезло, когда она увидела, кто ее зовет, хотя он заметил, что Мальва смотрела на него с опаской и по-прежнему сжимала нож. Его объяснение она восприняла с долей интереса.

– Эфир? Seriously, она собирается его разрезать? – спросила она живо, направляясь к нему.

– Да. Пойдем. Я уже сказал твоему отцу, что ты нужна миссис Фрэзер. Нужно спешить.

Ее лицо изменилось.

– Вы сказали ему? – Ее бровь на секунду приподнялась, потом она прикусила губу и покачала головой. – Я не могу, – сказала она, повышая голос, чтобы перекричать бегущую воду.

– Еще как можешь, – сказал он, стараясь ее приободрить, как мог, и вытянул руку, чтобы помочь ей выйти на берег. – Давай, я помогу тебе с корзиной.

Она решительно замотала головой, нижняя губа чуть выпятилась вперед.

– Нет. Мой отец... он этого не позволит. – Она бросила взгляд в сторону дома, и он тоже обернулся, но все было в порядке – ни Том, ни Алан за ним не пошли, пока не пошли.

Он скинул ботинки и вошел в ледяной ручей, камни, твердые и скользкие, задвигались под его ногами. Мальва открыла рот и широко распахнула глаза от удивления, когда он наклонился и, отвязав корзину от ее передника, выбросил ее на берег. Потом он забрал нож у нее из рук,

сунул его за пояс и, подняв ее на руки, вышел с ней на берег, не обращая внимания на пинки и крики.

– Ты идешь со мной, – сказал он, опуская ее на землю со вздохом. – Пойдешь пешком или мне тебя нести?

Роджер подумал, что она выглядит скорее заинтригованной его предложением, чем напуганной, но Мальва снова покачала головой, отступая назад.

– Я не могу! Правда! Он... он побьет меня, если узнает, что я использовала эфир.

Это остановило его на мгновение. Он побьет ее? Возможно. Но на кону была жизнь Айдана.

– Он не узнает, – сказал он. – А если узнает, я прослежу, чтобы он не причинил тебе вреда. Пойдем, ради всего святого – у нас нет времени медлить!

Ее маленький розовый рот упрямо сжался. Сейчас некогда возиться с моральными принципами. Роджер склонился, приблизив свое лицо к ней, и посмотрел девочке прямо в глаза.

– Ты пойдешь, – произнес он, сжав кулаки, – или я расскажу твоим отцу и брату о тебе и Бобби Хиггинсе. Скажешь что-то подобное обо мне – мне все равно. Но если ты думаешь, что твой отец побьет тебя за помощь миссис Фрэзер, предположи, что он сделает, если услышит, что ты обжималась с Бобби?

Он не знал, какое слово использовали в восемнадцатом веке вместо «обжиматься», но она явно его поняла. И если бы Мальва была чуть побольше размером, то, несомненно, вырубил бы Роджера, если, конечно, он верно понял опасную вспышку в ее больших серых глазах. Но она не была, так что после секундного размышления она наклонилась, вытерла ноги юбками и надела сандалии.

– Оставьте это, – коротко бросила она, увидев, как он наклоняется за корзиной. – И верните мне нож.

Должно быть, это было просто желание сохранить над ней власть до тех пор, пока они благополучно не доберутся до операционной, – разумеется, он ее не боялся. Несмотря на это, он положил руку на пояс и сказал:

– Позже, когда все закончится.

Она не стала ввязываться в спор и побежала по берегу впереди него в сторону Большого Дома так, что подошвы сандалий шлепали по ее голым пяткам.

Я держала пальцы на брахиальном пульсе в подмышке Айдана, подсчитывая удары. Его кожа на ощупь была очень горячей, температура – примерно 38 или 39 градусов. Пульс был сильным, но ускоренным... он замедлялся по мере того, как мальчик погружался в беспамятство. Я слышала, как Мальва считает себе под нос капли эфира, паузы до следующей порции... Я потеряла счет ударам, но это не имело значения: я впустила его в себя, мое сердце билось в одном ритме с Айданом, и пульс был стабильным, сильным.

Дышал он ровно. Маленький живот ритмично поднимался и опускался под моей рукой, и я чувствовала, как расслабляются мышцы, все, кроме тех, что окружали брюшину. Отчетливо выступающие ребра высоко вздымались над ней от его дыхания. На секунду мне привиделось, что я могу погрузить руки прямо внутрь его живота и коснуться воспаленного аппендикса, я видела пульсирующий болезнетворный отросток в темной пещере его хрупкого тела. Итак, пора.

Миссис Маккаллум слабо вскрикнула, когда я взяла скальпель, и еще раз, чуть громче, когда я погрузила его в бледную кожу, все еще влажно блестящую от спирта, как рыбье брюшко перед тем, как его начнут потрошить ножом.

Кожа разошлась легко. Кровь выступила привычным, странным и магическим образом, будто появившись из ниоткуда. У мальчика почти не было подкожного жира: только мышцы, темно-красные, упругие на ощупь. В комнате находились другие люди – я смутно ощущала их присутствие. Но у меня не было времени думать об этом. Все мое существо было сосредоточено на маленьком теле под моими руками. Кто-то стоял возле моего плеча. Бри?

– Подай мне расширитель, вот этот. – Да, это была Бри: рука с длинными пальцами, влажная от дезинфекции, вложила в мою протянутую левую ладонь когтеобразный инструмент. Мне не хватало профессиональной помощи операционной сестры, но мы справимся и так.

– Просто придержи это здесь. – Я протолкнула лезвие между волокон мускулов, легко разделяя их, потом зацепила мягко блестящую брюшину, приподняла ее и разрежала.

Его внутренности были очень теплыми, обволакивая влагой два пальца, которыми я прощупывала аппендикс. Тихое хлюпанье кишечника, небольшие сгустки содержимого прощупывались сквозь его стенки,

скользящее прикосновение кости к моему пальцу – он был таким маленьким, пространства для обследования практически не оставалось. Я закрыла глаза, сосредоточившись на осязании. Слепая кишка должна быть прямо под моими пальцами, я чувствовала изгибы толстого кишечника, неподвижного, но живого, словно уснувшая змея. За ним? Под ним? Я осторожно задвигала пальцами, открыла глаза и внимательно всмотрелась в рану. Крови было немного, но разрез был основательно залит. Стоит ли остановить кровотечение? Я взглянула на Мальву: она сосредоточенно хмурилась, губы слегка шевелились, беззвучно считая, одну руку она держала у Айдана на шее, контролируя пульс.

– Маленький прижигатель. – Последовала секундная пауза – помня о том, как огнеопасен эфир, я затушила очаг и перенесла жаровню в кабинет Джейми на другой конец холла. Но Бри действовала оперативно – уже через мгновение он был у меня в руках. Струйка дыма поднялась от его живота, и к теплому густому запаху крови примешался привкус паленой плоти. Я подняла глаза, чтобы отдать инструмент Бри, и увидела лицо миссис Маккалум – она ошеломленно, онемев от ужаса, наблюдала за происходящим.

Я промокнула кровь комком корпии и снова посмотрела на рану, чтобы убедиться, что у меня в пальцах то, что я предполагаю... так и есть.

– Вот так, – произнесла я ликующе. – Поймала!

Очень осторожно я подцепила пальцем изгиб слепой кишки и вытащила ее часть через разрез. Воспаленный аппендикс торчал из нее, словно разозленный толстый червяк, фиолетовый от воспаления.

– Лигатуру.

Итак, я его поймала. Я видела тонкую оболочку в нижней части аппендикса и кровеносные сосуды, питающие его. В первую очередь нужно было перевязать их. Потом можно будет перетянуть сам аппендикс и отрезать его. Будет сложно только из-за маленького размера, но не слишком проблематично...

В комнате было так тихо, что я слышала, как шипят и потрескивают угли в жаровне в кабинете Джейми. Пот сбегал у меня за ушами и между грудей, я смутно осознала, что зубы впились в нижнюю губу.

– Зажим. – Я туго затянула петлю кисетного шва и, взяв инструмент, аккуратно подоткнула обрубок отрезанного аппендикса вовнутрь кишки. Я плотно вдавила это обратно в его живот и перевела дыхание.

– Сколько прошло времени, Мальва?

– Чуть больше десяти минут, мадам. Он в порядке. – Она ненадолго отвела взгляд от маски с эфиром, бросив мне короткую улыбку, затем

приподняла капающий флакон, ее губы зашевелились в безмолвном счете.

Наложение швов прошло очень быстро. Я намазала свежий разрез толстым слоем меда, наложила тугую повязку, укрыла его теплым одеялом и выдохнула.

– Снимай маску, – сказала я Мальве, выпрямляясь. Она не ответила, и я посмотрела на нее. Девушка подняла маску, держа ее обеими руками перед собой, как щит. Но она больше не наблюдала за Айданом: ее глаза остановились на отце, замершем в дверном проеме.

* * *

Том Кристи поочередно переводил взгляд с маленького обнаженного тела на операционном столе на свою дочь. Она неуверенно отступила на шаг назад, по-прежнему вцепившись в эфирную маску. Кристи затряс головой, пронизывая меня свирепым серым взглядом.

– Что здесь происходит? – требовательно спросил он. – Что вы делаете с этим ребенком?

– Спасаем ему жизнь, – раздраженно ответила я. Я все еще вибрировала от напряжения, и мне было не до праздных разговоров. – Вам что-то нужно?

Тонкие губы Кристи плотно сжались, но прежде, чем он успел ответить, в комнату ворвался его сын и, за пару шагов достигнув своей сестры, схватил ее за запястье.

– Пошла отсюда, ты, мелкая тупица, – сказал он грубо, дергая ее. – Нечего тебе тут делать.

– Отпусти ее, – сказал отрывисто Роджер и схватил Алана за плечо, чтобы оттащить парня. Алан развернулся на каблуках и ударил Роджера в живот, коротко и точно. Роджер крикнул, но не растерялся. Он врезал Алану Кристи в челюсть. От удара Алан качнулся назад, опрокинув столик с инструментами – ланцеты и крючки посыпались на пол гремящей металлической лавиной, банка со спиртом и кетгутовыми лигатурами разбилась о доски, разбрызгивая вокруг осколки и жидкость.

Мягкий удар о пол заставил меня посмотреть вниз. Эми Маккаллум, побежденная эфиром и собственными эмоциями, упала в обморок.

У меня не было времени заниматься ею: Алан снова пошел в атаку, отчаянно замахиваясь, Роджер пригнулся и, подавшись ему навстречу, обхватил соперника за талию, они качнулись назад, ударились о подоконник и выпали из окна, не разнимая воинственных объятий.

Том Кристи издал низкий рычащий звук и поспешил к окну. Мальва, улучив момент, выбежала за дверь, я слышала, как ее шаги торопливо застучали по коридору в сторону кухни – должно быть, она бежала к задней двери.

– Какого черта?.. – спросила Бри.

– Не смотри на меня, – ответила я, качая головой. – Понятия не имею.

Это было правдой. Однако внутри меня клубилось неприятное подозрение, что весь этот цирк из-за того, что я привлекла Мальву к операции. Мы с Томом Кристи достигли некоего перемирия, пока я занималась его рукой, но это не значит, что он поменял свое мнение о нечестивости эфира.

Бри резко выпрямилась и замерла. Стоны, всхлипы и невнятные ругательства снаружи свидетельствовали о том, что драка продолжалась, но внезапно повысившийся голос Алана Кристи только что назвал Роджера прелюбодеем. Брианна бросила недобрый взгляд на бесчувственную Эми, а я ругнулась себе под нос. Я слышала пару вскользь брошенных фраз о визитах Роджера к Маккаллумам, да и Джейми был уже близок к тому, чтобы сказать об этом парню, но я отговорила его от вмешательства, предложив осторожно обсудить это с дочерью. Но мне не выпало случая застать ее наедине, и теперь...

Бросив последний неприязненный взгляд на вдову Маккаллум, Бри вышла из комнаты, явно намереваясь внести свою лепту в драку. Я схватилась за голову и, должно быть, застонала, потому что Том Кристи резко оторвался от окна.

– Вам нехорошо, мистрис?

– Нет, – ответила я немного неуверенно. – Просто... Послушайте, Том, мне жаль, что я послужила причиной неприятностей, попросив Мальву помочь мне. Я думаю, у нее настоящий дар к исцелению, но у меня в мыслях не было принуждать ее заниматься тем, что вы не одобряете.

Он посмотрел на меня довольно мрачно, а потом перевел взгляд на неподвижное тело Айдана. Лицо его внезапно заострилось.

– Этот ребенок мертв? – спросил он.

– Нет, нет. Я просто дала ему эфир, и он заснул...

Слова застряли у меня в горле, когда я заметила, что Айдан выбрал самый неподходящий момент, чтобы перестать дышать. С бессвязным криком я оттолкнула Тома Кристи и упала на Айдана, припав губами к его рту и вжимая ребро ладони в центр его груди. Эфир из его легких заструился у меня по лицу, как только я от него оторвалась. Голова закружилась, и я схватилась свободной рукой за край стола, снова вдыхая

воздух в его легкие. Я не могу отключиться, не могу.

Все поплыло, комната, казалось, вращалась вокруг; я отчаянно цеплялась за сознание, делая искусственное дыхание и ощущая, как поднимается и опадает крошечная грудь под моей рукой. Все длилось не больше минуты, но эта минута была наполнена кошмаром: вокруг все вертелось, тело Айдана было единственным якорем, удерживающим меня от погружения в водоворот хаоса. Эми Маккаллум зашевелилась на полу возле меня, поднялась, покачиваясь, на колени и бросилась на меня с криком, пытаясь оттолкнуть меня от сына. Я услышала грозный голос Тома Кристи, пытающийся утихомирить ее. Должно быть, он оторвал ее от меня, потому что хватка на моей ноге разжалась.

Я наполнила легкие мальчика еще раз, и грудь под моей ладонью наконец дернулась. Он закашлял, поперхнулся, закашлял снова и начал одновременно дышать и плакать. Я поднялась, держась за стол, чтобы не упасть от головокружения.

Передо мной стояли две фигуры, черные, искривленные, с зияющими провалами ртов, усеянными клыками. Я моргнула, трезвея, и сделала несколько глубоких вдохов. Снова моргнула, и фигуры превратились в Тома Кристи и Эми Маккаллум. Он держал ее за талию, не позволяя двигаться.

– Все в порядке, – сказала я, собственный голос казался мне далеким и чужим. – С ним все нормально. Ей можно подойти.

Эми со всхлипами бросилась к Айдану, сжимая его в объятиях. Том Кристи и я стояли посреди беспорядка, глядя друг на друга. Снаружи все затихло.

– Вы только что воскресили этого ребенка из мертвых? – спросил он. Голос его звучал обыденно, но кустистые брови изогнулись в удивлении.

– Похоже, что так, – ответила я.

– О.

Он посмотрел на меня без всякого выражения. Комната пахла алкоголем, и это, похоже, сушило слизистую моего носа. Я вытерла передником слезящиеся глаза. Наконец он кивнул – как будто самому себе – и развернулся, чтобы выйти. Мне нужно было наблюдать за Айданом и его матерью, но я не могла позволить ему уйти, не попытавшись уладить ситуацию с Мальвой, насколько возможно.

– Том... Мистер Кристи, – я поспешила вслед за ним и поймала его за рукав. Он обернулся, удивленно нахмурившись. – Мальва. Это моя вина, я послала за ней Роджера. Вы ведь не... – Я замялась, но не нашлась, как сказать об этом мягче. – Вы ведь не накажете ее, правда?

Морщинка между бровей мгновенно стала глубже, а потом

расправились. Он тихонько качнул головой и, кивнув, отнял рукав.

– Ваш покорный слуга, миссис Фрэзер, – сказал он тихо и, в последний раз взглянув на Айдана – который в настоящий момент требовал еды, – вышел из комнаты.

* * *

Брианна прижала уголок влажного носового платка к разбитой нижней губе Роджера, опухшей и кровоточащей от столкновения с какой-то из частей Алана Кристи.

– Это моя вина, – повторил он в третий раз. – Я должен был придумать какую-нибудь отговорку, когда пришел к Кристи.

– Заткнись, – сказала она, начиная терять и без того шаткое самообладание. – Продолжишь болтать, кровь не остановится. – Это была первая вещь, которую она сказала ему после драки.

Бормоча извинения, он взял у нее платок и прижал ко рту. Однако, не в силах сохранять спокойствие, встал и открыл дверь хижины, выглядывая наружу.

– Он ведь не бродит тут до сих пор? Алан?

Она подошла, чтобы заглянуть ему через плечо.

– Если он здесь, не трогай его. Я пойду...

– Нет, его нет, – прервал жену Роджер. Все еще прижимая платок, он кивнул в сторону Большого Дома, на поляну на склоне. – Это Том.

Никаких сомнений, там стоял Том Кристи. Просто стоял, видимо, погруженный в размышления. Пока за ним наблюдали, он помотал головой, как собака, отряхивающаяся от воды, и решительно направился в сторону собственного дома.

– Я пойду и поговорю с ним. – Роджер бросил платок на стол.

– О нет, не пойдешь. – Брианна схватила его за руку, когда он направился к двери. – Не вмешивайся, Роджер!

– Я не собираюсь драться, – сказал он, успокаивающе похлопав ее по руке. – Но мне нужно поговорить с ним.

– Нет, не нужно. – Она крепче сжала его руку и потянула, пытаясь вернуть его обратно к очагу. – Ты только сделаешь хуже. Оставь их в покое.

– Не сделаю, – сказал он, на его лице начало проступать раздражение. – Что ты хочешь этим сказать – сделаю хуже? Что, по твоему мнению, я натворил?

Это был не тот вопрос, который ей хотелось обсуждать прямо сейчас.

Все еще на нервах после операции, внезапной драки и отвратительного оскорбления Алана, она с трудом доверяла собственным словам, не говоря уже о попытках быть конструктивной и деликатной.

– Не ходи, – повторила она, заставляя себя понизить тон и говорить спокойно. – Все расстроены. По крайней мере подожди, пока все не уляжется. Лучше подождать, пока не вернется папа. Он сможет...

– Ага, он сможет сделать все лучше, чем я, я это прекрасно знаю, – зло ответил Роджер. – Но это я обещал Мальве, что ей не причинят вреда. Я пошел. – Он рванул рукав достаточно сильно, чтобы она почувствовала, что шов под мышкой затрещал.

– Прекрасно! – Бри отпустила рубашку и крепко шлепнула его по руке. – Иди! Защити всех и каждого в мире, кроме собственной семьи. Иди! Катись к черту!

– Что? – Он остановился и нахмурился, застигнутый врасплох между негодованием и замешательством.

– Ты меня слышал! Иди! – Она топнула ногой, и банка с семенами дикой моркови, стоявшая на краю полки, упала, разбрызгав по полу маленькие черные семена. – Посмотри, что ты наделал!

– Я...

– Неважно! Не имеет значения. Просто катись отсюда. – Она пыхла, как касатка, пытаясь не заплакать. Ее щеки горели, глаза, казалось, налились кровью и жаром, так что на секунду она подумала, что может испепелить его взглядом, – безусловно, ей этого очень хотелось.

Он замялся, очевидно, пытаясь решить, стоит ли остаться и успокоить свою рассерженную жену или уйти, чтобы встать на защиту Мальвы Кристи. Роджер сделал неуверенный шаг в сторону двери, и она, с полным ярости визгом, нырнула за метлой и кинулась на него.

Роджер увернулся, но она настигла его следующим взмахом, сильно приложив по ребрам. Он дернулся от неожиданности, но сориентировался достаточно быстро, чтобы перехватить метлу в новом замахе. Он вырвал оружие из рук жены и, охнув от напряжения, с треском сломал метлу о колено. Разъяренный, но владеющий собой, он, сверкая глазами, швырнул обломки к ее ногам.

– Что, ради всего святого, с тобой происходит?

Она вся подобралась и ответила ему таким же свирепым взглядом.

– Я скажу тебе, что. Ты так много времени проводишь с Эми Маккаллум, что все говорят, будто у вас с ней интрижка...

– У нас что? – Голос Роджера звучал глухо от негодования, но бегающий взгляд выдал его с головой.

– Значит, ты тоже это слышал? – Она не испытывала торжества, поймав его на лукавстве: скорее этот факт вызвал в ней прилив болезненной ярости.

– Ведь ты не думаешь, что это может быть правдой, Бри, – произнес Роджер, чья интонация колебалась где-то между возмущением и мольбой.

– Я знаю, что это неправда, – выпалила она, взбешенная тем, как прозвучал ее собственный голос – так же неуверенно и глухо, как у ее мужа. – Но не в этом гребаная суть, Роджер!

– Суть, – повторил он. Его черные брови опустились вниз, взгляд стал угрюмым и колким.

– Суть, – сказала она, жадно глотая воздух, – в том, что тебя никогда нет. Мальва Кристи, Эми Маккаллум, Марсали, Лиззи – боже, ты даже Уте Макгилливрей отправился помогать!

– А что, есть тот, кто мог это сделать вместо меня? – резко спросил он. – Твой отец или твой кузен могли бы, ага, – но они ушли к индейцам. Я здесь. И я не всегда отсутствую, – добавил он запоздало пришедший аргумент. – Я каждую ночь провожу дома, так ведь?

Она закрыла глаза и сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

– Ты помогаешь каждой женщине, кроме меня, – сказала она, открыв глаза. – Почему?

Роджер посмотрел на Брианну долгим, тяжелым взглядом, и она на мгновение задумалась, существует ли такой камень, как черный изумруд?

– Может, потому, что я не вижу, будто ты во мне нуждаешься, – ответил он. И, развернувшись на каблуках, ушел.

Глава 51

Призвание

Вода была неподвижной, как расплавленное серебро, только тени вечерних облаков бежали по поверхности. Но чувствовалось, что скоро заводь проснется. Или, может, Роджер ощущал нетерпение тестя, который притаился на берегу форелевого пруда, словно леопард, готовый при первой ряби броситься к воде за добычей.

– Похоже на купель в Вифезде, – произнес Роджер с улыбкой.

– О, да? – отозвался Джейми не глядя на него, его внимание было приковано к воде.

– Это та история, где ангел спускался в купель и возмущал воду время

от времени. А вокруг все сидели в ожидании, чтобы окунуться в ту минуту, когда вода задвигается.

Джейми улыбнулся, но не повернулся к Роджеру: рыбалка была серьезным делом.

Это хорошо, он бы предпочел, чтобы Джейми не смотрел на него. Но нужно поспешить, если он хочет поговорить – Фрэзер уже ослабил снасти, чтобы сделать пробный бросок или два.

– Я думаю... – Роджер остановился, поправляя себя. – Нет, я не думаю. Я знаю. Я хочу... – Звуки вылетали из горла вместе с хрипами, раздражая его. Последнее, чего Роджер хотел, это звучать сейчас неуверенно. Он очень глубоко вдохнул и выпалил следующие слова как из пистолета: – Я хочу стать священником.

Ну вот. Он сказал это вслух. Роджер невольно поднял глаза вверх, но небеса, похоже, не обрушились на землю. Они были подернуты дымом и замазаны клочками перистых облаков, сквозь которые проглядывала безмятежная синева, а призрак ранней луны парил над горным склоном.

Хотя Джейми бросил на зятя задумчивый взгляд, он не выглядел шокированным или озадаченным. Роджер ощутил небольшое облегчение от его реакции.

– Священником. То есть ты будешь проповедовать?

– Ну... Да, это тоже.

Это замечание застало его врасплох. Он полагал, что ему придется читать проповеди, но даже намек на это приводил его в ужас.

– Это тоже? – повторил Фрэзер, глядя на него искоса.

– Да. То есть священник проповедует, конечно. – Конечно. О чем? Как? – Но это не... Это не главное. Причина не в этом. – Роджер растерял уверенность, пытаясь описать то, что сам себе не мог до конца объяснить.

Он вздохнул и потер лицо.

– Вот оно как. Вы, конечно, помните похороны старушки Уилсон. И историю с Маккаллумами?

Джейми едва заметно кивнул, но Роджеру показалось, что он заметил искру понимания в его глазах.

– Я делал пару вещей... подобного рода. Когда это было необходимо. И... – Он дернул рукой, не зная, как описать встречу с Хармоном Хасбендом на берегу Аламанса или беседы, которые он вел за полночь со своим покойным отцом.

Он снова вздохнул и взял было камень, чтобы бросить в воду, но вовремя остановил себя, увидев, как рука Джейми сжимается вокруг удочки. Роджер кашлянул, ощущая знакомое удушающее першение в горле,

и крепко сжал камень.

– Проповеди, да, думаю, с ними я справлюсь. Но дело в других вещах – господи, это звучит как безумие, может, я и правда сошел с ума. Это про погребения и крещение и... и, может, возможность помогать другим, хотя бы слушать об их невзгодах и молиться за них.

– Ты хочешь о них заботиться, – мягко сказал Джейми, и это был не вопрос, а утверждение.

Роджер невесело засмеялся и зажмурил глаза, солнечные блики на воде слепили его.

– Я не хочу этого делать, – сказал он. – Это последнее, о чем я думал, будучи ребенком, выросшим в доме священника. Я хочу сказать, я знаю, что это такое. Но кто-то должен это делать, и, похоже, что я и есть этот кто-то.

Они немного помолчали. Роджер открыл глаза и посмотрел на пруд. Камни под водой были покрыты ряской, и она колыхалась в течении, как русалочьи волосы. Фрэзер зашевелился, подтягивая к себе удочку.

– Послушай, а пресвитериане верят в святыне таинства?

– Да, – ответил Роджер удивленно. – Конечно. Разве вы никогда...

Ну конечно. Надо думать, что Фрэзер ни разу толком не говорил ни с кем, кроме католиков, о таких вещах.

– Мы верим, – повторил Роджер. Он опустил ладонь в воду и провел ею по лбу – холодные ручейки побежали по лицу и вниз по шее, под рубашку.

– Я про посвящения в сан. – Мушка плыла по воде, крошечное пятно красного. – Тебе нужно будет получить посвящение в сан?

– Ах, понимаю. Да, нужно. В округе Мекленбург есть пресвитерианская школа. Я поеду туда и поговорю с ним. Но, думаю, много времени это не займет: я уже знаю греческий и латынь, к тому же, – он невольно улыбнулся, – у меня есть степень Оксфордского университета, если это чего-то стоит. Хотите верить, хотите нет, в прошлой жизни я считался образованным человеком.

Джейми дернул уголком рта, подтягивая удочку и перебрасывая ее на запястье. Нитка всплыла, лениво изгибаясь, и мушка замерла. Роджер моргнул; поверхность заводи начала заметно морщиться и дрожать, крошечная рябь расходилась от поднимающихся стаяк поденок и стрекоз.

– Ты говорил об этом с женой?

– Нет, – сказал он, глядя на воду.

– Почему нет? – В вопросе не было осуждения, только любопытство.

Почему, в конце концов, он решил поговорить сначала с тестем, а не с

женой?

Потому что вы знаете, что это значит – быть мужчиной, а она нет, подумал он. Вслух он произнес другую версию.

– Я не хочу, чтобы она считала меня трусом.

Джейми удивленно хмыкнул в своей шотландской манере, но ответил не сразу, сосредоточившись на сматывании нити. Он снял промокшую наживку с крючка и, поколебавшись пару мгновений над коллекцией в шляпе, выбрал изящную зеленую приманку с пучком изогнутых черных перышек.

– Думаешь, она может? – Не дожидаясь ответа, Фрэзер встал и забросил удочку, отправив похожую на яркий лист приманку в центр заводи.

Роджер смотрел на мушку, которая подергивалась на воде. Преподобный был рыбаком. Он как наяву увидел перед собой озеро Лох-Несс и его сияющую рябь, темные волны, набегающие на бурые камни, отца, стоящего в видавших виды резиновых сапогах и подсекающего рыбу. Горло сжалось от тоски. Тоски по Шотландии. По отцу. По еще одному – всего одному – мирному дню.

Горы и густой зеленый лес стояли вокруг них, дикие и полные тайн. Небо лениво раскинулось над низиной, безмолвное, залитое солнечным светом, словно крылья ангела. Но оно не было мирным. Никогда. Только не здесь.

– Вы верите нам? Мне, Брианне и Клэр? Про скорую войну.

Джейми издал короткий смешок, не отрывая взгляда от воды.

– У меня есть глаза, парень. Чтобы увидеть, что она стоит на пути, не нужно ни ведьмы, ни прорицателя.

– Это очень необычный способ описать предчувствие, – ответил Роджер, бросая на тестя любопытный взгляд.

– Думаешь? Разве не так в Библии говорится? Когда увидите мерзость запустения, стоящую там, где не должно, тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы ^[112]?

Читающий да разумеет. Память подсказала Роджеру недостающую часть стиха, и он вдруг осознал, ощутив, как холодок пробежал по телу, что Джейми действительно видел ее на пути – и узнавал. Это была не фигура речи, он в точности описывал, что видел, потому что ему уже приходилось лицезреть это прежде.

Над водой раздались отголоски восторженного мальчишеского визга, и Фрэзер чуть повернул голову, прислушиваясь. Легкая улыбка коснулась его губ, и он опустил глаза на подвижную воду, которая, казалось,

успокаивалась. Пряди его волос возле загорелой шеи чуть шевелились на ветру, в точности как листья горного ясеня над их головами.

Роджеру неожиданно захотелось спросить Джейми, боится ли тот, но он не стал. В любом случае ответ был очевиден.

Это было неважно. Роджер глубоко вдохнул и ощутил тот же самый ответ в себе самом. Слова не пришли извне, они покоились внутри, будто он был с ними рожден и всегда это знал.

Они провели некоторое время в тишине. Джейми дважды забрасывал зеленую мушку, потом покачал головой и, пробормотав что-то, смотал нить и, поменяв наживку на новую, похожую на слепня, забросил удочку снова. Мальчишки промелькнули на другом берегу, голые и блестящие, как угри, и, хихикая, скрылись в кустах.

Как странно, подумал Роджер. Он чувствовал себя хорошо. Он по-прежнему не имел понятия, что именно он собирается делать, по-прежнему видел надвигающуюся бурю и по-прежнему не знал, что она таит в себе. Но он чувствовал себя хорошо.

Джейми поймал рыбу. Он ловко подсек ее, сверкающую и подпрыгивающую, и, вытянув на берег, убил резким ударом о камень, прежде чем положить в корзину для улова.

– Думаешь стать квакером? – спросил он серьезно.

– Нет. – Роджера озадачил этот вопрос. – Почему вы спрашиваете?

Джейми чуть пожал плечами, как он обычно делал, если ему было неловко говорить о чем-то, и замолчал до тех пор, пока снова не закинул удочку.

– Ты сказал, что не хочешь, чтобы Брианна думала, что ты трус. Мне раньше приходилось сражаться бок о бок со священником. – Он скривил рот в усмешке. – Надо признать, монсеньор не был в хороших отношениях с мечом и не мог попасть из револьвера даже в стену сарая – но смелости у него было не занимать.

– О. – Роджер почесал подбородок. – Понимаю. Не думаю, что смогу быть в составе армии.

Сказав это, он почувствовал острый укол сожаления.

– Но взяться за оружие, чтобы защитить тех, кто в этом нуждается... За это я ручаюсь.

– Тогда все в порядке.

Джейми смотал нить, стряхнул воду с мушки и воткнул крючок обратно в шляпу. Отложив снасти в сторону, он порылся в корзине и вытащил керамическую бутылку. Он со вздохом устроился поудобнее, вытащил пробку зубами, выплюнул ее в руку и предложил питье Роджеру.

– Есть одна фраза, которую Клэр мне повторяет время от времени, – сказал он и процитировал: – «Солод примиряет с планами господними лучше Мильтона».

Роджер поднял бровь.

– Вы когда-нибудь читали Мильтона?

– Немного. Она права насчет этого.

– Вам знакомы эти строки? – Роджер поднял бутылку к губам. – Коль стало горько, парни, жить, эль – вот что нужно пить!

Тихий смех заискрился у Джейми в глазах.

– Тогда лучше виски, – сказал он. – Оно только пахнет пивом.

Пиво было прохладным, темным и приятно горьким, они передавали выпивку друг другу, ничего не говоря, пока все не выпили. Джейми похозяйски положил пробку и бутылку обратно в корзину.

– Твоя жена, – сказал он задумчиво, поднимаясь и забрасывая корзину с уловом на плечо.

– Да? – Роджер взял потрепанную шляпу, утыканную мушками, и передал ему. Джейми благодарно кивнул и надел ее на голову.

– У нее тоже есть глаза.

Глава 52

Микки

Светлячки, подсвечивая траву и деревья, парили в густом летнем воздухе, словно рассыпанные изумрудные блески. Один светился на колене у Брианны; она смотрела, как огонек пульсирует: горит – не горит, горит – не горит, и слушала своего мужа, который рассказывал, что хочет стать священником.

Они сидели на крыльце своей хижины в сгущающихся сумерках. На другой стороне поляны, в кустах, играли дети, издавая радостные вопли примерно той же тональности, как летучие мыши на охоте.

– Ты... мм... могла бы сказать что-нибудь, – намекнул Роджер. Он повернулся к ней лицом. Света хватало, чтобы разглядеть его выражение, в котором застыли ожидание и тревога.

– Ну... дай мне минутку. Понимаешь, я ведь не ожидала такого...

Это было правдой, но в то же время не вполне правдой. Конечно, сознательно она ни о чем таком не думала, но сейчас, когда он рассказал о своих планах, а это было дело решенное, разрешения у нее он не спрашивал, она совсем не удивилась. Это была не столько перемена,

сколько узнавание чего-то, что уже некоторое время назревало; и в некотором смысле было облегчением наконец увидеть и узнать то, что смутно маячило поблизости столько времени.

– Ну, – сказала она после продолжительного молчания, – я думаю, это хорошо.

– Ты так думаешь. – Облегчение в его голосе было явным.

– Да. Раз уж ты помогаешь всем этим женщинам, то пусть лучше причина будет в том, что тебе так велит Господь, а не в том, что тебе лучше с ними, чем со мной.

– Бри! Ты же не думаешь всерьез, что я... – Он наклонился к жене, обеспокоенно заглядывая ей в глаза. – Ты ведь так не думаешь, правда?

– Ну, только иногда, – призналась она. – В худшие времена. Не все время.

Роджер выглядел таким озабоченным, что Брианна потянулась ладонью к изгибу его скулы, бороды не было видно в сумерках, но она ощущала, как мягкие волоски щекочут ей пальцы.

– Ты уверен? – спросила она мягко. Он кивнул, и Бри заметила, как он сглотнул.

– Я уверен.

– Тебе страшно?

Он слегка улыбнулся в ответ.

– Да.

– Я помогу, – сказала она твердо. – Ты только скажи как, и я помогу.

Он глубоко вздохнул, его лицо просветлело, хотя улыбка была печальной.

– Я не знаю как, – сказал он. – Не знаю сам, как это сделать. Не говоря уж о том, чем ты можешь помочь. Это меня и пугает. Собственная растерянность.

– Может, и не знаешь, – сказала она. – Но ты ведь и так все это делал, верно? Кстати, тебе потребуется формальное посвящение в сан? Или ты можешь просто объявить себя священником, как те телепроповедники, и сразу начать собирать пожертвования?

Он улыбнулся шутке, но ответил серьезно.

– Чертовы паписты. Вам кажется, что только вы одни совершаете святые таинства. А мы тоже это делаем. Думаю, я съезжу в пресвитерианскую академию, узнаю, что нужно сделать для посвящения в духовный сан. А насчет пожертвований – подозреваю, что разбогатеть мне вряд ли удастся.

– Ну, не то чтобы я этого ожидала, – заверила она его серьезно. – Не

беспокойся, я вышла за тебя не ради финансовой выгоды. Я найду деньги, когда они нам понадобятся.

– Как?

– Не знаю. Вряд ли я стану торговать своим телом. Только не после того, что случилось с Манфредом.

– Даже не заикайся об этом, – сказал он. Его ладонь опустилась на ее руку, большая и теплая.

Высокий пронзительный голос Айдана Маккаллума прорезал вечерний воздух, и Брианне в голову пришла неожиданная мысль.

– Твоя... Твоя... мм... п-паства... – фраза показалась ей ужасно смешной, и она захихикала, несмотря на серьезность вопроса. – Они не будут возражать, что ты женат на католичке? – Она резко повернулась к нему, взбудораженная другой мыслью. – Ты же не попросишь меня сменить веру?

– Нет, не попрошу, – сказал он быстро, но твердо. – Никогда в жизни. Насчет того, что они могут подумать или сказать... – Его лицо исказилось, выражая нечто между тревогой и решимостью. – Если они не захотят это принять... пусть катятся к черту, вот и все.

Она рассмеялась, и Роджер последовал примеру супруги, его смех звучал надтреснуто, но был неудержимым.

– Кошка священника – неучтивая кошка, – поддразнила она. – Кстати, как это будет по-гэльски?

– Понятия не имею. Но кошка священника – успокоившаяся кошка, – добавил он, все еще улыбаясь. – Я не знал, как ты отреагируешь, что подумаешь.

– Я и сама пока не вполне уверена, что об этом думаю, – признала Брианна и легонько сжала его ладонь. – Но я вижу, что ты счастлив.

– Это видно? – Он улыбнулся шире, и последний закатный луч на секунду отразился в его глазах, и они блеснули густой изумрудной зеленью.

– Видно. Ты как будто... светишься изнутри. – Ее горло сжалось. – Роджер, ты ведь не забудешь о нас с Джемом, правда? Не знаю, смогу ли я соперничать с Богом.

Он ошарашенно посмотрел на нее.

– Нет, – сказал он, и его пальцы крепче сжались вокруг ее руки, так что она почувствовала, как полоска кольца врезается в кожу. – Никогда.

Какое-то время они молча сидели рядом, а вокруг, словно неторопливый зеленый дождь, дрейфовали светлячки, чья безмолвная брачная песнь освещала потемневшие деревья и траву. Вечерний свет совсем угас, и лицо Роджера стало неразличимо в темноте, Брианна могла

разглядеть только решительную линию челюсти.

– Клянусь, Бри, – сказал он. – Что бы за призвание ни возникло на моем пути, и только одному Богу известно, что это такое, мое первое и главное призвание – быть твоим мужем и отцом наших детей. И так будет всегда. Что бы я ни делал, я не пожертвую ради этого семьей, обещаю.

– Все, чего я хочу, – мягко произнесла она в темноту, – чтобы ты любил меня. Не из-за того, что я могу сделать, или как я выгляжу, или в ответ на мою любовь, но просто потому, что я есть.

– Прекрасно, безусловная любовь? – так же мягко отозвался он. – Говорят, так можно любить только Господа, но я попытаюсь.

– О, я в тебя верю, – сказала Брианна и ощутила, как его внутренний свет коснулся ее сердца.

– Надеюсь, так будет всегда, – ответил он и прижал ее руку к губам, и по-рыцарски поцеловал пальцы, согревая ее кожу своим дыханием.

Как будто испытывая на практике его недавние заверения, ветер принес пронзительный голос Джейми, звучащий как маленькая сирена:

– Папаааааа... Папочкааа... Паааааааап... ПААААПАААААА...

Роджер глубоко вздохнул и, склонившись, поцеловал жену – мгновение глубокой искренней близости – и поднялся, чтобы прийти на помощь сыну.

Она осталась сидеть, прислушиваясь. С другого конца поляны доносились мужские голоса – высокий и низкий, требование и вопрос, заверение и восторг. Ничего экстренного: Джем хотел залезть на дерево, которое оказалось для него слишком высоким. Потом послышался смех, шуршание листьев – боже правый, Роджер тоже забрался на дерево. Теперь они все вместе сидели там, ухая как совы.

– Над чем ты смеешься, девочка? – Ее отец возник из темноты, от него пахло лошадьми.

– Над всем, – ответила Бри, двигаясь, чтобы он мог сесть рядом. Это была правда. Внезапно все показалось очень ярким – пламя свечей в окнах Большого Дома, светлячки в траве, свет в лице Роджера, когда он сказал ей о своем решении. Она все еще ощущала вкус его губ, и это волновало ей кровь.

Джейми потянулся вперед и поймал пролетавшего светляка, удерживая его в темной чаше ладони, где тот мерцал: холодный зеленоватый свет просачивался сквозь пальцы Джейми. Вдалеке Брианна слышала голос матери, лившийся через открытые окна, Клэр пела «Клементину».

Теперь мальчишки – и Роджер вместе с ними – были на луну, хотя на горизонте висел только бледный серп полумесяца. Брианна почувствовала,

что отец тоже трясется от беззвучного смеха.

– Это напоминает мне Диснейленд, – сказала она, забывшись.

– О. Где это?

– Это парк развлечений. Для детей, – добавила она, вспомнив, что в городах вроде Лондона и Парижа есть парки развлечений, но исключительно для взрослых. В эти времена никто не думал о том, чтобы развлекать детей чем-нибудь, кроме их собственных проказ и случайных игрушек.

– Мама с папой возили меня туда каждое лето, – сказала она, без труда возвращаясь в жаркие солнечные дни и теплые ночи Калифорнии. – Деревья были украшены крохотными мерцающими лампочками, светлячки мне о них напомнили.

Джейми раскрыл ладонь: светлячок, внезапно свободный, моргнул два или три раза, расправил крылья с тихим жужжанием и, поднявшись в воздух, улетел.

«Жил простой шахтер в каньоне, и с ним дочка,
Клементина...»

– И как там было? – спросил он с любопытством.

– О... Там было замечательно. – Она улыбнулась самой себе, вспоминая яркие огни Мэйн-стрит, музыку, зеркала и красивых, украшенных лентами лошадей на карусели короля Артура. – Там можно было прокатиться на разных аттракционах... так мы это называли. А еще там была лодка, на которой можно было проплыть через джунгли и посмотреть крокодилов, бегемотов и охотников за головами...

– Охотников за головами? – заинтригованно переспросил он.

– Не настоящих, – заверила она. – Это все понарошку, но... Как сказать... Это целый маленький мир. Когда ты там, настоящий мир исчезает и ничего плохого не может произойти. Они называли его «Самое счастливое место на земле», таким оно и казалось, хотя бы ненадолго.

«И была она, как фея, крошечная Клементина, вместо
туфельек носила две жестянки от сардин».

– И отовсюду постоянно звучит музыка, – сказала она, улыбаясь. – И группы музыкантов с трубами, барабанами и другими инструментами ходят взад-вперед по улицам, играют в павильонах...

– Верно, такое случается в парках развлечений. Или случалось в том,

где я бывал.

Брианна услышала улыбку в его голосе.

– Мхм. А еще там есть герои из мультфильмов – я рассказывала тебе про мультфильмы, – они гуляют вокруг. Можно пожать руку Микки-Маусу или...

– Кому?

– Микки-Маусу, – она рассмеялась. – Это такая мышь в человеческий рост. Он носит перчатки.

– Гигантская крыса? – спросил Джейми, несколько сбитый с толку. – И они приводят детей играть с ним?

– Не крыса, а мышь, – поправила Брианна. – И на самом деле это человек, переодетый мышью.

– О, вот как? – неубедительно отозвался он.

– Да, и огромная карусель с раскрашенными лошадками, и железная дорога, где поезд едет через Радужные Пещеры, из которых торчат огромные драгоценные камни и сбегает водопады с розовой и голубой водой... И апельсиновый сок. О, апельсиновый сок! – Она мечтательно застонала, вспоминая холодную, острую сладость апельсина.

– Значит, там было хорошо? – спросил он мягко.

«Потерял тебя навеки, ах, как жалко... Клементина...»

– Да, – вздохнув, ответила она и погрузилась в молчание. Потом Брианна опустила голову отцу на плечо и обвила руками его предплечье, большое и сильное.

– Знаешь что? – сказала она, и он вопросительно замычал в ответ.

– Это было очень мило, просто здорово, но больше всего мне нравилось, что, когда мы были там, нас было трое в целом мире, и все было хорошо. Мама не беспокоилась о пациентах. Папа не смотрел в свои бумаги. Они не злились друг на друга и не молчали. Они оба смеялись, мы все смеялись, пока были там.

Джейми не ответил, но склонил голову набок, так что она коснулась головы Брианны. Она снова глубоко вздохнула.

– Маленький Джемми никогда не увидит Диснейленд, но главное, что у него будет семья, которая смеется, и миллионы маленьких огней на деревьях.

Примечания

Mac Dubh (шотл. гэльск.) – прозвище Джейми, «Сын Черного».

Искусственное сооружение в виде груды камней, часто конической формы, которым отмечали места захоронений.

3

Нет ($\phi p.$).

Здесь и далее: Книга Иова 19:7-29.

Кладовка у родника для хранения скоропортящихся продуктов.

6

Высказывание принадлежит Никколо Макиавелли.

7

Самая большая из областей Шотландии.

«Тимми упал в колодец» – крылатая цитата из американского сериала «Лесси» о мальчике Тимми и его собаке. С Тимми вечно случаются неприятности, из которых его выручает Лесси. Примечательно, что в колодец он так ни разу и не упал.

Друг (гэльск.).

10

Самая большая из 32 областей Шотландии. Располагается на территории Северо-Шотландского нагорья.

Стихотворение Г. Лонгфелло «Скачка Поля Ревира» из цикла «Рассказы придорожной гостиницы» в пер. М. Зенкевича.

Могаукский язык (могаук, мохок, мохаук, мохавк) – индейский язык Северной Америки, один из северных ирокезских языков. Распространен у народности могаук, проживающей в США и Канаде.

Жест «V» из двух пальцев в Англии, Шотландии и Ирландии является эквивалентом поднятому среднему пальцу.

Немец Джорди (German Geordie) – прозвище, данное якобитами четверем королям Георгам из Ганноверской династии, которые один за другим правили Великобританией. Более всего оно относилось к Георгу Первому, в данном случае речь идет о Третьем.

«Народ кремня» – так себя называли сами моговики.

«*Кошка священника*» – домашняя английская игра, в которой участники должны по очереди давать кошке определение, начинающееся с одной и той же буквы алфавита.

Бриганды (англ. brigands) – разбойники, бандиты. Слово происходит от названия наемных солдат в английской и французской армиях времен Столетней войны, которые в мирное время занимались разбоем.

Святая Агнесса почитается как воплощение целомудрия и христианской добродетели.

Моя мать (*нем.*).

Прекрати, старая ты коза! (нем.).

Мамочка (*нем.*).

Душенька (нем.).

«*Alouette*» (фр. жаворонок) – популярная канадская детская песенка на французском языке. В песне поется о том, как птица имела неосторожность разбудить героя своим пением, и он обещает ее ощипать. Куплеты посвящены ощипыванию головы, клюва, глаз, шеи, крыльев, ног, хвоста и спины соответственно.

Я ошпи́паю твою́ голову... (*фр.*).

Книга Иова 19:13.

Американское телешоу 40-70-х гг., в котором выступали известные певцы и артисты.

Специальный гаечный ключ для регулировки гаек, болтов и веревок, закрепляющих матрас на остоле кровати.

Маршевые (марширующие) *общества* – группы граждан в предреволюционной Америке, которые выходили маршем на улицы выражать недовольство политической обстановкой.

Духовные лица, приговоренные к смертной казни, могли просить помилование по привилегии духовенства. Считалось, что они не подчинены светским властям. Лазейка предоставляла возможность избежать казни, прочитав определенный псалом. Со временем принадлежность к духовенству стала проверяться лишь способностью его прочесть, что открыло двери к помилованию для мирян. Казнь при этом заменялась менее тяжким наказанием. В Америке привилегия потеряла силу в 1779 году.

1 Цар.6:4.

Мальчик (гэльск.).

Друг (гэльск.).

Снежная птица (англ. snowbird) – народное название серого юнко, певчей птицы из семейства овсянковых.

Птица (черок.).

На здоровье! (гэльск.).

Ковенантеры – движение XVII века в Шотландии, чьей целью было установление пресвитерианства как единственной государственной религии, а также уничтожение церковной иерархии и изгнание католиков; в данном контексте слово используется как синоним религиозному фанатизму.

Frozen Chosen – насмешливое прозвище, данное реформистам из-за их уверенности в собственной избранности по сравнению со всеми другими вероисповеданиями.

Цитата из «Вестминстерского исповедания веры» – краткого свода кальвинистской религиозной доктрины, разработанного Вестминстерской ассамблеей в период Английской революции XVII века и утвержденного в качестве официальной доктрины пресвитерианских церквей Шотландии и Англии.

Вистл – ирландский духовой свистковый инструмент с шестью отверстиями.

Екклесиаст 3:1. «Всему свое время, и есть время всякому делу под небом...»

41

Подходящее слово (*фр.*).

Девчушка (гэльск.).

Управление провинциальными колониями до революции было организовано по принципу парламента, где верхняя назначаемая палата представляла собой совет при губернаторе, а нижняя выборная – ассамблею представителей колонистов.

Аэндорская волшебница – персонаж Ветхого Завета, колдунья из Аэндора, вызвавшая по просьбе царя Саула накануне решающей битвы дух покойного пророка Самуила для предсказания судьбы.

Карточная игра.

Слушайте его! (гэльск.).

Здесь и далее цитируется *Achan Ìosa* (Молитва Иисусу), известная по сборнику шотландского фольклора *Carmina Gadelica*, составленному и переведенному на английский язык фольклористом Александром Кармайклом.

Притчи 30:18–19.

49

Серная кислота.

В средневековом арабском фольклоре огромная (как правило, белая) птица размером с остров, способная уносить в когтях и пожирать слонов.

Цитата из английской сказки «Тростниковая шапка».

Мое сердце (гэльск.).

1-е Послание к Тимофею 5:23.

В том числе презрительное название англичан у шотландцев.

Здесь и далее цитируются Притчи, глава 31.

Моя дорогая (гэльск.).

Как дела, друг? (гэльск.).

То же, что и Джеймс (гэльск.).

Глен-Шил (англ. Glen Shiel или Glenshiel) – горная долина в Шотландии, известная сражением в 1719 г., одним из героев которого был Роберт Макгрегор.

Джеймс, сын Брайана (гэльск.).

Эпитет Иисуса Христа, идущий из ветхозаветного предсказания о грядущем Мессии в 53-й главе «Книги Исайи».

Цилиндрические бусины из раковин, служившие индейцам как украшения, деньги или носитель информации.

Милая (гэльск.).

Дочка (гэльск.).

Созданная в Римской Империи система обогрева, когда теплый воздух проходил по специальным каналам под полом и в стенах.

При проращивании зерно рассыпали на бетонном или каменном полу, так называемом «току для соложения», чтобы оно не нагревалось и чтобы его было удобно переворачивать.

Боуран – ирландский бубен, пришедший от кельтов, применяемый ирландскими войсками как военный барабан.

Как поживаете? (*фр.*).

Очень хорошо, спасибо (*фр.*).

Наш маленький воин (*фр.*).

Ты бьешь мне прямо по яйцам (*фр.*).

Женщина (гэльск.).

Шотландские боевые подразделения.

Дорогая, любимая (гэльск.).

Сестричка (гэльск.).

Дорогая (гэльск.).

Девочек (фр.).

Моей красавицы (*фр.*).

Моя маленькая (*фр.*).

Язык моговков.

Длинная хижина – длинная постройка с несколькими комнатами, вмещающая несколько поколений одной семьи.

Мой друг, мое сердце (фр.).

Отсылка к одноименному фильму Брайана Форбса 1969 г., где главную роль сыграла Кэтрин Хепбёрн.

Девочки, естественно, и дети (*фр.*).

Хозяйка Скорпионов – та, что плеткой, понимаете? Или Грибной король (*фр.*).

Лисички (фр.).

Сморчки (*фр.*).

Грибы (*фр.*).

Хозяин (фр.).

Маленькие (фр.).

Мой Бог! Он так же бесполезен, как и я! (фр.).

Сестра (гэльск.).

Дочка (гэльск.).

Послание апостола Павла к Римлянам, 6:23.

Мальчик (гэльск.).

Плакальщица (гэльск.).

Девчушка (гэльск.).

Будет отпевание (гэльск.).

Гэльское имя, эквивалент английского имени Клэр.

Цитата из мюзикла «Бриолин».

Как ты, девочка? (гэльск.).

Хорошо, отец (*гэльск.*).

103

Около 65 кг.

104

Около 50 кг.

105

Около 45 кг.

106

Около 84 кг.

107

Около 68 кг.

Возникший примерно в 1570 г. к югу от озера Онтарио союз ирокезоязычных племен, получивший впоследствии название Лиги, или Конфедерации ирокезов. Согласно другой версии, этот племенной союз сформировался в более ранний период. Сами ирокезы называли свое политическое объединение Союз Ходеносауни. Первоначально в Конфедерацию вошли 5 племен: могавки, онайда, онондага, кайюга и сенека. В 1722-м в состав Лиги было принято еще одно ирокезоязычное племя – изгнанные с юга тускарора.

Боевой клич клана Маккензи.

Право собственности на имущество, позволяющее свободную продажу.

Чарльз Макбурней (1845–1913) – американский хирург, внесший огромный вклад в развитие хирургии. Точка Макбурнея является наиболее болезненной при наличии у пациента острого аппендицита.

От Марка 13:14.